Annotation

1857 - 1877 гг.

Никитенко Александр Васильевич

Дневник. Том 3

Александр Васильевич Никитенко

ДНЕВНИК

Том III

ЗАХАРОВ МОСКВА

Тексты печатаются без сокращений по второму дополненному изданию 1904 года под ред. М.Лемке и с учетом исправлений в третьем издании “Дневника” 1955—1956гг. под ред. И.Айзенштока.

Источник: Никитенко А. В. Записки и дневник (В 3-х книгах). — М.: Захаров, 2005. — 592 с. — (Серия “Биографии и мемуары”).

Александр Васильевич Никитенко (1804—1877) — крепостной, домашний учитель, студент, журналист, историк литературы, цензор, чиновник Министерства народного просвещения, дослужившийся до тайного советника, профессор Петербургского университета и действительный член Академии наук.

“Воспоминания и Дневник” Никитенко — уникальный документ исключительной историко-культурной ценности: в нем воссоздана объемная панорама противоречивой эпохи XIX века.

“Дневник” дает портреты многих известных лиц — влиятельных сановников и министров (Уварова, Перовского, Бенкендорфа, Норова, Ростовцева, Головнина,

Валуева), членов императорской фамилии и царедворцев, знаменитых деятелей из университетской и академической среды. Знакомый едва ли не с каждым петербургским литератором, Никитенко оставил в дневнике характеристики множества писателей разных партий и направлений: Пушкина и Булгарина, Греча и Сенковского, Погодина и Каткова, Печерина и Герцена, Кукольника и Ростопчиной, своих сослуживцев-цензоров Вяземского, Гончарова, Тютчева.

OCR: Слава Неверов slavanva($)yandex.ru

Содержание

1865

1 января 1865 года, пятница

Вот и 1865 год! Все эти иеремиады и сентиментальные сетования на неблагоприятные обстоятельства, на неблагосклонность к нам судьбы и проч. — больше чем малодушие: они — глупость. Посреди неудач жизни одно из двух: их или надо с мужеством и благоразумием превозмогать и искать путей к лучшему, или, если это невозможно, сносить их с терпением и мужеством, как подобает существу, не лишенному права и воли.

Самая трудная борьба, которую я вел в прошедшем году и которую без сомнения предстоит вести и в этом, — это борьба с моим *ничтожеством,* и притом с ничтожеством всяческим: общественным, нравственным, материальным и физическим…

Но к чему все это пишу я в моем дневнике? А вот почему. Меня одолевал ужасный пароксизм уныния, но с той минуты, как я начал набрасывать эти строки, я значительно успокоился и почти развеселился, несмотря на то, что о веселом мало приходится говорить. И так часто со мной случается. Дневник, играя роль моего поверенного, почти всегда восстанавливает во мне нравственное равновесие. Толкуйте это как хотите, психологи: это факт.

2 января 1865 года, суббота

Вчера вечером на бале во дворце. Приехал в 9 часов. Гостей было уже довольно много. Государь вышел в польском лишь час спустя, и за ним потянулся ряд пар все почти из ветхих старушек и старичков. Красивых женщин вообще здесь мало. Звездой первой величины сияла наша родственница, бывшая Ш., ныне графиня Г., да еще Н.А.Дубельт, дочь А.С. Пушкина. Государь ходил везде и приветливо раскланивался. Улыбка этого человека полна неизмеримой кротости и доброты. Мне стало грустно от нее… И этот человек имеет врагов, и сколько еще, и каких — все почти “передовые” люди!!!

За ужином мне пришлось сидеть против красавицы Дубельт, за которой увивался Тимашев, и возле генерала Монтрезора, который мне рассказал несколько любопытных эпизодов из эпохи двенадцатого года. Он был адъютантом Кутузова… Встретил тут много знакомых. Уехал после часу. На этот раз долго ждал кареты.

3 января 1865 года, воскресенье

Вчера празднование дня открытия “Общества сельских хозяев”. Обед с музыкою. Вечером за жженкою князь Щербатов сказал спич, где выразил мысль, что общество должно вести себя умеренно и сдержанно. Под этим только условием оно может окрепнуть и приобрести влияние, и проч. Меня очень занимал Ш. Красный, как пион, он пил и ел за столом отлично, а вечером вливал в себя также отличную ужасную жженку. И ничего ему. А лет ему за семьдесят, и кондрашка уже раз к нему стучался.

4 января 1865 года, понедельник

Фауст Гете выше Байронова Манфреда настолько, насколько человечество выше отдельной личности человека.

Законы не могут ни всего предвидеть, ни всего установить. Что остается за вычетом этого, то устанавливается и хранится нравами.

7 января 1865 года, четверг

Поутру у Тройницкого и у Норова. Норов просил меня сделать замечание на проект о печати, внесенный в Государственный совет. Он дал мне все материалы для этого. Корф, видимо, склоняется в пользу большей свободы печати, хотя и признает необходимыми некоторые ограничения, как то: как предохранительную меру — предварительную цензуру, но с выбором редакторов журналов. Залоги он совершенно отвергает. Он в пользу карательных законов. Требует ограничения власти министра и предоставления большей самостоятельности Совету. Он мыслит и пишет как государственный человек. Панин также соглашается с мнением об ограничении власти министра. Самое слабое мнение министра внутренних дел Валуева. Он возражает против всех, но возражения его так плохи и так смутно и тяжело изложены, что никого не могут убедить. Только и читаешь беспрестанно: “остаюсь при моем мнении”. Он не выходит из тесной рамки бюрократизма.

Среди всех этих толков не доберешься до смысла и правды. Каткова призывали сюда. Ему было объявлено, что если он не укротится, то газета будет от него взята и передана в другие руки. Московский университет объявил, что он не желает переменить редакторов (газета его) и принимает сам на себя цензуру ее. Это совершенно неожиданная новость. Москва вообще сильно волнуется по поводу “Московских ведомостей”.

8 января 1865 года, пятница

Вечером, между прочим, был у меня Марков, бывший некогда очень близким лицом к Я.И.Ростовцеву и с которым я у него познакомился чуть ли еще не в 1828 году. Он читал мне отрывки из своей комедии “Прогрессист самозванец”, которую театральная цензура не дозволила играть в театре.

10 января 1865 года, воскресенье

Поутру у Безобразова, которому отдал визит. Потом отправился к А.А.Мессарошу, другу моего детства, который остановился у зятя своего, директора I корпуса генерала Баумгартена. Там провел часа два в приятной беседе.

11 января 1865 года, понедельник

Он думал управлять ими не как разумными существами, а как стадом баранов — и в этом состояла его главная ошибка, потому что хотя в человеке и есть много скотского, но это скотство все-таки особенного свойства, и как нельзя рыбу заставить петь, а птицу вечно молчать, так человека нельзя заставить, например, не мыслить.

14 января 1865 года, четверг

Московское дворянство составило адрес, в котором требует созвания земской думы. Марк Любощинский читал копию с него, которая ходит здесь по рукам. Адрес еще, однако, не подписан и не подан, но решение о нем в Москве состоялось: триста два члена согласились на него, тридцать с чем-то отвергли.

Граф Евдокимов — весьма замечательная личность между нашими современными, знаменитостями. Из писарей он дослужился до полного генеральства и графства, приобретя на то и другое неотъемлемое право окончательным довершением покорения Кавказа. На днях он приехал с визитом к князю Суворову, который, нося громкое имя, присоединяет к нему имя доброго, но ограниченного человека и неспособного генерал-губернатора. Он очень помнил, чей он потомок, и считал себя чистокровным аристократом. Ему захотелось порисоваться перед Евдокимовым. Говоря с ним с каким-то покровительственным видом, он давал ему разными намеками чувствовать свою *светлость* и темноту его происхождения. Но как то были намеки, хотя и чувствительные, но не очень ясные, Евдокимов сказал ему: “Ваша светлость, кажется, затрудняетесь в точных сведениях о моей родословной. Я помогу вам. Отец мой был крепостной крестьянин, мать — крепостная крестьянка, а я начал службу мою простым солдатом и писарем. Теперь я имею честь носить такие же аксельбанты (генерал-адъютантские), какие вижу на вашей груди. Само собой разумеется, что мне не могли доставить их ни мой отец, ни моя мать”.

Московский университет просил, чтобы ему, по примеру прошлого времени, предоставлена была цензура “Московских ведомостей”. Просьба его рассматривалась в Комитете министров, который положил по ней следующую резолюцию: что прежние “Ведомости” не заключали в себе политики и что он, Комитет, вообще не считает возможным делать изъятия из законов для одного издания.

Вот, наконец, сегодня в Совете по делам печати решился вопрос о “Московских ведомостях” по поводу записки Пржецлавского… Сущность решения состояла в том, что если “Московские ведомости” и погрешали, то это было следствием их

увлечения, “морального настроения”, а вовсе не политических, преступных намерений; что, впрочем, они уже и подверглись взысканию и что вообще, как заслуги их превосходят проступки, то Совет не считает справедливым подвергнуть их еще более строгому взысканию, как того требует записка г-на Пржецлавского.

15 января 1865 года, пятница

Прискорбные вести о наследнике. Говорят, он болен, и такою болезнью, которая заставляет опасаться за его жизнь.

Мысль о созвании земской думы недурна. Жаль только, что эта инициатива не от правительства, а только от местного дворянства. Я остаюсь твердо убежденным, что мы должны сохранять неприкосновенным принцип правительства, дабы не впасть в хаос, горший настоящего, когда оно будет попрано или вконец ослаблено. Мне кажется, что в настоящем случае правительству всего разумнее было бы объявить московскому дворянству, что суждение об общих государственных нуждах принадлежит ему, правительству, как представителю целой страны, а не одному какому-нибудь местному дворянству; что оно, правительство, вовсе не намерено ввиду чрезвычайных обстоятельств, в которых находится государство, отвергать пользы и надобности земской думы, так как та и в прежние времена не отвергалась самодержавною властью в России; но что оно предоставляет себе, по зрелом обсуждении, решить время и способ своих совещаний с выборными, нравственное содействие которых, в решении важнейших вопросов, оно не считает лишним.

16 января 1865 года, суббота

Заседание комиссии, которую Академия назначила для выработки проекта празднования столетнего юбилея Ломоносова со дня его смерти. Комиссия на этот раз действовала вяло. Тут были члены все русские, кроме Куника. Я предложил начать праздник обеднею, так как это будет на святой неделе, потом церковным поминовением и закончить актом в Академии. Все приняли это очень холодно. Особенно против был К.С.Веселовский. Я сказал: “Если я предлагаю присоединить к нашему ученому торжеству религиозный элемент, то, мне кажется, я имею на это основательную причину. Мы празднуем память Ломоносова не просто как члена Академии, но как знаменитого деятеля, которому обязана вся Россия и имя которого повторяется из конца в конец ее. Это настоящее национальное, а не только академическое торжество. Поэтому, я полагаю, было бы нелишним сообщить ему печать народности, что и было бы достигнуто тем, что я предложил. Или мы боимся, чтобы нас не упрекнули в клерикальном направлении? Кажется, этого нечего опасаться. Ломоносов был настоящим русским, и по-русски следовало бы и почтить его память”.

Срезневский, который в отделении сильно поддерживал эту мысль, теперь молчал, как рыба. Потом перешли к вопросу, какие речи должны быть произнесены. На мою долю пришлось приготовить речь о Ломоносове как о деятеле в изящной словесности.

19 января 1865 года, вторник

В N 4 газеты “Весть”, издаваемой Скарятиным, напечатан адрес московского дворянства с высокопарными примечаниями редактора, с описанием заседания 9 января и с речью графа Орлова-Давыдова.

И адрес и речь как бы обнаруживают желание московского дворянства создать в России олигархию. Замечания Скарятина даже дерзки. Я сегодня встретил его на Невском проспекте и, между прочим, заметил ему: “Зачем он это напечатал? Это большая ошибка”. Он отвечал мне, что последствия всего были предвидены, что это делалось обдуманно. Я поздравил его с тем, что он на свободе: слухи носились, что он арестован. “Я лучшего мнения о правительстве, — отвечал он с иронией, — оно поступило со мною легально. Теперь производится только следствие”.

Между тем говорят, что N 4 газеты “Весть” отпечатан в пяти тысячах экземпляров, и хотя они отбираются, однако говорят, что известной партией приняты меры для распространения ее в России и за границей.

По всему видно, что адрес московского дворянства не простая демонстрация, а обдуманный шаг. Скарятин же, вероятно, куплен. Дела его газеты шли очень дурно. Ему обещаны и даны деньги: ему было все равно — пасть ли от нищеты или от запрещения газеты. В последнем случае он еще будет в выигрыше, приобретет известную популярность.

Нет сомнения, что проект московского дворянства встретит сочувствие в некоторых дворянах и в других губерниях. Известная часть дворян восчувствовала ненависть к правительству после отмены крепостного права.

“Весть” прекращена на восемь месяцев.

Некоторые открыто говорят, что ничего этого не случилось бы, если бы великий князь Константин не был назначен председателем Государственного совета. Но я думаю, что дворянство и без того так или иначе выразило бы свое неудовольствие против правительства, особенно против земских учреждений, в которых народу даны права, равные с дворянством.

Обедал в клубе. Там рассуждали очень тихо о делах.

21 января 1865 года, четверг

У Норова по поводу проекта законов о печати. Он собирается отстаивать две вещи: исключительно карательную систему и коллегиальность управления. Валуеву очень хочется достигнуть полной власти. Норов всячески старается стать со мною в прежние дружеские отношения. Пусть себе! Я не противлюсь. Он дал мне свою записку для исправления и дополнения.

23 января 1865 года, суббота

Отнес записку Норову. Большие благодарности.

Когда я похвалил Корфа Марку за его записку по делам печати, Марк мне сказал: “Записка может быть хорошею, но думаете ли вы, что Корф будет поддерживать в Совете свои мысли? Поверьте, он от всего отречется, если ему представится малейшая возможность кому-либо угодить”.

Так и случилось. Когда Норов, человек по крайней мере бесспорно честный, начал упрекать Корфа, что тот отступается от собственных своих мнений, Корф отвечал: “Да из-за чего вы, Авраам Сергеевич, горячитесь? Ведь все это пустяки”.

Однако есть признаки, что барон не считает этого такими пустяками, потому что добивается совершенной отдельности Управления по делам печати и себя прочит в начальники этого управления. Все беззакония, мерзости человеческие!

26 января 1865 года, вторник

Вечером у Норова. Читал с ним корректуру его мнения для Государственного совета о проекте по делам печати. Туда вошли и мои прибавки и изменения.

27 января 1865 года, среда

Теперь, когда я пишу о Ломоносове — о художественном характере его творений, у меня вдруг ожило воспоминание о том, каким уважением пользовался он во времена моего детства даже среди массы простого народа. Имя Ломоносова как поэта было известно, по крайней мере между малороссиянами, всем сколько-нибудь грамотным людям. Мне было лет десять или одиннадцать, когда однажды зашли к нам в хату два бродячие слепые певца и просили у моего отца позволения спеть гимн. Отец, конечно, согласился. Как теперь вижу их: один — высокий, плотный мужчина, в синей свитке, с мужественным и отчасти суровым выражением лица; другой — пониже ростом, рябоватый, с очень подвижною физиономиею. Оба держали в руках по длинному посоху, за который их и вел небольшой мальчик. Я сидел в углу комнаты, и меня очень занимала игра их лиц, особенно высокого слепца, когда он сильным, густым басом выводил ноты, стараясь придать своему пению выражение, которое, очевидно, выходило у него прямо из сердца. С того времени и до сих пор затвердились у меня в памяти следующие стихи Ломоносова, которые слепые бродяги пели, к великому удовольствию моего отца и всех домашних:

Хвалу всевышнему владыке

Потщися, дух мой, воссылать;

Я буду петь в гремящем лике

О нем, пока могу дышать.

Никто не уповай вовеки

На тщетну власть князей земных:

Их те ж родили человеки,

И нет опасения от них!

Сначала, как я сказал, меня занимала только игра их лиц, но потом, не знаю, какое-то особенное, невыразимое чувство овладело моим маленьким сердцем, и вот теперь я с умилением вспоминаю о том. Отец сказал мне тогда, что это стихи Ломоносова, и с тех пор имя его мне сделалось известным.

28 января 1865 года, четверг

Совет по делам печати. Проект законов о печати, наконец, рассмотрен в Государственном совете, в департаменте законов. Совет начал и продолжал стремлением ограничить неограниченную власть министра внутренних дел и исправить многие недостатки его проекта, а кончил полным на него согласием. Первый Корф протестовал против собственных своих мнений, изложенных в записке, которая написана так умно и искусно, но написана, говорят, не им, а Сельским, состоявшим при нем чиновником, когда он управлял II отделением собственной его величества канцелярии. Хотя Норов и представил в нашей с ним записке мнение против Корфа, однако это, как и следовало ожидать, было гласом вопиющего в пустыне.

“Неужели, — спросил я у статс-секретаря Зарудного, — у вас в Государственном совете все дела так делаются?” — “А то как же иначе: разумеется, так”, — отвечал он…

Случается иногда в публике то от того, то от другого слышать о ничтожестве господ, заседающих в Государственном совете, но я, по скептическому моему обыкновению, многому не верил, считая это преувеличением или либеральным чесанием языка.

Но выходит, что я преувеличивал мое недоверие к подобным толкам: эти господа хуже своей репутации. Валуев торжествует, а здравый смысл и общая польза плачут.

29 января 1865 года, пятница

Наши ярко-итальянские дни с дополнением 25R мороза продолжаются. Солнце ослепительно сияет, но ужасно холодно. На меня, однако, этот холод действует недурно: я чувствую себя, особенно на воздухе, как будто бодрее и свежее обыкновенного.

30 января 1865 года, суббота

Великолепнейший рескрипт государя на имя министра внутренних дел,

подписанный 29 января и напечатанный в N 24 “Северной почты”, по поводу адреса московского дворянства. Весьма замечательна следующая фраза: “Прошедшее в глазах всех моих верноподданных должно быть залогом будущего”.

31 января 1865 года, воскресенье

Вот что, между прочим, сказал остзейский губернатор граф Шувалов в речи своей в Дерпте, обращенной к представителям тамошнего университета, дворянства и прочее: “Хотя я не уроженец этих провинций, но знаю по опыту, что по многим отраслям деятельности на всем пространстве нашего обширного государства нет лучшей рекомендации, как образование, полученное в Дерпте”.

Нечего сказать, очень лестно для России и для русских университетов. Неужели граф действительно хотел сказать то, что сказал? Я думаю, он имел в виду простой комплимент, но который неожиданно для него самого превратился в эпиграмму на Россию. Выходит так, что за все лучшее, что мы имеем в нашей интеллигенции, за все это мы обязаны одним нашим немцам. Теперь, при сепаратистских стремлениях остзейских немцев, это особенно кстати.

Был у Куника, просил у него некоторых сведений о Ломоносове. Он очень обязательно дал мне все, что имел.

2 февраля 1865 года, вторник.

Обедал у Владимирского. К чему такая роскошь обеда? А все жалуются на безденежье. Тут были Благовещенский, Н.Ф.Щербина, Лохвицкий. Что за несимпатичная личность последний! Щербина вместе со мною возвращался домой и дорогою прочитал мне несколько своих эпиграмм на Головнина и П.Л.Лаврова. Некоторые из них остроумны.

Сегодня происходило также годичное собрание Литературного фонда. Какое же маленькое собрание! Всего было человек тридцать. Вообще в настоящую минуту этот фонд в упадке. Жертвовать никто вновь не хочет, а прежних пожертвований не много. Председателем избран опять Ег.П.Ковалевский. Мне вместе с Галаховым пришлось считать голоса.

4 февраля 1865 года, четверг

Страдания необходимы, чтобы осмыслить жизнь. Только они дают ей серьезный характер. Был ли бы я или не был, или вместо меня родилась бы какая-нибудь малороссийская скотина — не совершенно ли это равно? Жизнь гадка не по страданиям, на которые обречено всякое живое существо, — напротив, это только одно придает ей значение, — но жизнь гадка по ничтожеству всего, что ее составляет, что ее движет и к чему она движется. Она есть глубочайшее ничтожество, ничтожнее самого ничтожества. И всего страшнее, всего страннее, что так необходимо и должно быть. Все живущее увлечено роком, — и единственное правосудие рока в том, что все равно погибают.

Слишком большая восприимчивость и впечатлительность — два злейшие мои врага. Воображение мое всегда слишком забегает у меня вперед. С этим я постоянно борюсь и, разумеется, как во всякой продолжительной борьбе, бываю то победителем, то побежденным. Хорошо уже и то, впрочем, что я знаю моих врагов и могу не принимать их за друзей.

5 февраля 1865 года, пятница

Вот уже с неделю, как двадцатиградусные морозы сменились самою мягкою погодою. В Петербурге сильно свирепствует тифозная горячка, особенно в бедном классе. Все больницы переполнены. Под больных отведены Измайловские казармы. Это род эпидемии.

Литке начинает обнаруживать свой “немчизм”. Он решительно отворачивается от русских и, при своей сухости и холодности, делает это даже не совсем прилично. Так, например, у него бывают собрания по понедельникам. Немецкие академики имеют право на них являться каждую неделю; некоторым из русских, еще не совсем ненавистным или еще не успевшим опротиветь, предоставлено посещать салон президента раз в две недели; остальные вовсе не приглашены. К последним принадлежу и я. Он, говорят, не может мне простить моей речи, моей защиты русской национальности и мнения о том, что пора перестать выбирать членов из иностранцев.

8 февраля 1865 года, понедельник

Заседание в Совете по делам печати на этой неделе с четверга перенесено на понедельник. Я докладывал о статье, которую Московский комитет не пропускает для газеты “День”. Статья говорит о том, что в западных губерниях русские помещики терпят всевозможные притеснения наравне с поляками-повстанцами, особенно в сношениях с крестьянами, на которых ни суда, ни управы нет. Я стоял за то, чтобы пропустить эту статью. Совет на это согласился, за исключением, однако, одного значительного места.

9 февраля 1865 года, вторник

В театре, в русской опере, вместе с Гончаровым. Давали “Марту”. Я до сих пор ни разу не был в русской опере и прошу у ней прощения за это невнимание. Она очень недурна. У Платоновой приятный голос и играет она хорошо. Шредер пела тоже очень недурно. У Комиссаржевского голос слабый, но тоже очень приятный. Наконец старик ветеран Петров пел и играл превосходно.

10 февраля 1865 года, среда

Разум человеческий так много надумал всяких нелепостей, что потерял веру в себя и стал верить одним фактам. Но это лишь новая крайность, а следовательно, и

новая несообразность.

14 февраля 1865 года, воскресенье

Новые идеи, потребности, реформы нахлынули так быстро и внезапно, что самому деятельному и даровитому уму трудно уследить за ними и поставить себя на такую точку зрения, с которой бы он мог правильно судить о них. Тут мало одного желания быть беспристрастным; тут нужно еще знание, для того чтобы одно принять с убеждением, другое отвергнуть по основательным причинам. Не должно раздражаться шумом и дерзостью, с какими новое хочет опрокинуть и вытеснить старое. Надо смотреть не на то, как новое идет, а на то, что новое в себе несет. Идет оно большею частью нелепо — да оно и не идет, а бежит или мчится сломя и очертя голову, как бы опасаясь, что не успеет занять себе места. Но в том, что оно несет с собою, есть много необходимого, верного и справедливого. Сопротивляться новому в известной мере должно; иначе, распространяясь по беспредельному полю, оно само бесплодно рассеется. Нужна сила противодействующая, чтобы заставить его сосредоточиваться в верной идее и дать ему возможность группировать около себя лучшие силы. Но только с такими целями и должно противодействовать новому, а не с озлоблением и яростью потому только, что оно новое. Заблуждения нового не хуже заблуждений старого, и закоснелость, неподвижность грубого и одностороннего консерватизма стоит бешеных и бестолковых скачков так называемого прогресса.

19 февраля 1865 года, пятница

Люди простые, занимающиеся производительным и механическим трудом, может быть, и будут когда-нибудь в состоянии составить из себя такую безмятежную, самое себя поддерживающую и благоустроенную общину, о какой мечтают утописты и социалисты. Но что вы будете делать со всеми этими прогрессистами, людьми так называемыми развитыми — мудрецами всякого рода, литераторами, учеными, разными талантами, мыслителями и проч. и проч.? Ведь в этих-то и сидит и вечно работает бес всяческих страстей, честолюбия, зависти, властолюбия, словом, всего, что разъединяет людей, поселяет между ними раздор, устремляет их друг на друга. Или вы думаете, что ничего этого вперед не будет, что они сделаются такими разумными эгоистами, такими бесстрастными существами, что в состоянии будут, любя только самих себя, одновременно уважать и самолюбие других, обуздывать себя настолько, чтобы, желая расширения своей деятельности, в то же время оставаться каждому на своем месте, домогаться увеличения своих благ и не трогать ничего чужого, когда оно им нравится? Вот это уж чистая утопия!

Все эти дни я одержим был тем внутренним беспокойством, которое так часто меня посещает и которое представляет мне в таком мрачном виде мир, людей, самого себя.

20 февраля 1865 года, суббота

Прочь, малодушничанье! Уважение к самому себе! Все прочее не стоит тени

дыма, если тебе удалось избегнуть болезни и нищеты. А чтобы избегнуть их, нужны труд и забота.

22 февраля 1865 года, понедельник

Проект законов о печати прогуливается в Государственном совете. Из департаментов законов и экономии он поступил сегодня в общее собрание, но отсюда его опять обратили в департамент законов.

Вечером заходил к Норову еще поговорить о проекте. Но туда нашло так много каких-то господ и госпож, что я поспешил обратиться в бегство.

27 февраля 1865 года, суббота

Главы краснокожих либералов: Лавров, Антонович, Елисеев для торжества своих идей опять хотели было прибегнуть к недостойной уловке. Они уже давно собирались составить общество под каким-нибудь дозволенным благовидным предлогом, но на самом деле для того, чтобы сеять свои семена. Была подана мысль об учреждении “Общества женского труда”. Этим господам, конечно, не дозволили бы составить никакого общества. Но за дело взялись люди солидные, действительно имевшие ту цель, которая была объявлена, и правительство утвердило представленный ему проект “Общества женского труда”. Однако не успело оно еще организоваться, как по городу начали ходить билеты от имени *временно составленной комиссии Общества с* приглашением разным лицам — разумеется, преимущественно известного закала — явиться для выбора членов правления и проч. Комиссию эту без всякого участия учредителей составили сами собою оные Лавров, Антонович, Елисеев. Наглость эта, однако, была слишком крупного и грубого сорта. Никто не поддался на нее, и настоящие учредители напечатали в газетах, что они пригласят в собрание лиц, только им известных, и сами откроют общество.

1 марта 1865 года, понедельник

Сказать, что нынешнее поколение ничтожно, что оно не в состоянии сделать ничего важного, значит сказать истину. Весь смысл его в том, что оно *есть*, оно факт. А как всякий факт имеет свою причину, и причину вне себя, то и оно имеет такую причину; оно не само себя создало. Оно есть логический продукт предыдущего состояния вещей — и в этом его историческое значение, а вовсе не в том, чтобы оно полагало прочные и незыблемые основы будущего.

5 марта 1865 года, пятница

Заседание в Академии наук. Прения. II отделение, поддерживаемое некоторыми академиками, сделало представление о выбитии медали в честь Ломоносова, по случаю празднования столетия со дня его кончины. Воспротивился этому Литке.

Очевидно, ему этого крепко не хотелось, и он поспешил представить по возможности благовидные причины своего нехотения. Главная состояла в том, что Академии неприлично приглашать к складчине сторонних лиц, а она должна выбить медаль сама от себя, но для этого у ней нет денег, а государственное казначейство не даст. И денег-то потребуется безделица, всего рублей шестьсот. Возражали Литке — Грот, Срезневский и я. Кончили все-таки тем, что положено ходатайствовать о медали от имени Академии. Странно, право, что Академии так мало дела до Ломоносова. Положим, он не великий человек науки в общем смысле, но для нас он очень важен как первый проложивший у нас путь науке и образователь нашего ученого и литературного языка.

6 марта 1865 года, суббота

Философ Лавров предлагал Литературному фонду просить правительство о помиловании Чернышевского или о смягчении его участи. Фонд отказался ходатайствовать.

7 марта 1865 года, воскресенье

Мне попадались отрывки из сочинений Наполеона III о Цезаре, и когда я их читал, у меня мелькала мысль: не повредил бы он себе этим сочинением. И вот теперь мое опасение подтверждается, как я читаю в корреспонденции графини Салиас из Парижа, напечатанной в “Голосе”. Во Франции книга принята дурно (то есть I часть), особенно предисловие. Друзья Наполеона считают эту книгу, или, лучше сказать, обнародование ее, большою ошибкою.

Главный тезис книги: что великие люди — всё на свете и что они безупречны в своих замыслах и действиях, конечно, неверен. Но, судя по отрывкам, книга эта все-таки замечательное литературное произведение, что бы ни говорили против нее враги Наполеона.

В газетах пишут, что и в других местах России появляется так называемая возвратная горячка, которая в Петербурге уже больше месяца жестоко свирепствует. Все больницы переполнены. Открываются новые, но и в тех не хватает места. Болезнь притом часто переходит в тиф и заразительна.

Для чего исследуются, изучаются, объясняются факты? Конечно, не для того, чтобы поиграть в них, а для того, чтобы посредством всего этого достигнуть правильного о них понятия и приобрести опыт. Итак, вывод составляет здесь цель. Определить смысл факта — вот задача его изучения. Иначе само изучение не имело бы смысла.

11 марта 1865 года, четверг

“Общество женского труда” не устроилось, то есть учреждение его отложено на неопределенное время, и внесшие деньги приглашаются взять их обратно. Учредители не хотели допустить в него таких господ, как Лавров, Антонович и

проч. У них были жаркие прения, вследствие которых учредители и положили приостановить открытие, и сделали хорошо.

13 марта 1865 года, суббота

Вот и Амплий Очкин умер. Был честный человек, очень хорошо знал французский язык, с которого перевел много книжек и статей, женился на женщине, которая дала ему протекцию и кучу детей, был одним из директоров Царскосельской железной дороги — вот и все. Но, право, это лучше многого, из чего иногда составляют целые страницы биографий с бездною пошлых сожалений, то есть фальшивых фраз.

Большая суматоха по случаю приготовления к празднованию столетия после смерти Ломоносова. В Академии сегодня опять собиралась комиссия и рассуждала о выбитии в честь его медали. Академия, хотя неохотно, но решилась выбить ее от себя. В городе приготовляются тоже овации, в чем деятельно участвует Ламанский. Ему, главное, хочется этим насолить немцам, которых он смертельно ненавидит, и я начинаю бояться, что из овации Ломоносову выйдет демонстрация против немцев. На днях был у меня Ламанский и много толковал о Ломоносове, о славянах и немцах. Из различных городов, говорят, поступило уже более двадцати просьб о дозволении у них празднеств. В Нижнем Новгороде тоже хотят выбить медаль. Что касается до меня, то я радуюсь этому проявлению национального чувства, которое все-таки доказывает, что мы — народ. Речь моя подвигается к концу.

14 марта 1865 года, воскресенье

Поутру у Княжевича. Там познакомился с А.М.Раевскою, состоящею в родстве с Ломоносовым. Она просила моего совета, как ей поступить, чтобы ознаменовать пожертвованием день 4 апреля. Она определяет для этого 2000 рублей, чтобы из них были учреждены стипендии для образования в университете четырех молодых людей из крестьян Архангельской губернии, преимущественно Куроостровской волости. Мы с Княжевичем присоветовали ей обратиться с своим проектом к президенту Академии наук. Я взялся написать ей об этом бумагу.

Был у меня А.Н.Майков и читал свои стихи, написанные для прочтения на обеде в честь Ломоносова. Стихи хороши, только сильно направлены против немцев. Тут видно влияние Ламанского. Я заметил Майкову: “Вы бросаете перчатку немцам”.

Без скандала, то есть без демонстрации против немцев, ломоносовский праздник, кажется, не обойдется.

15 марта 1865 года, понедельник

Глубокое презрение к людям и к их судьбе — вот, наконец, все, что выносишь из долговременного опыта жизни. Стоило ли для этого жить!

Ужасно трудно вырабатывать себе характер. Приходится отбрасывать много негодного материала, а хорошего недостает. Бывают природные расположения и нерасположения, из которых одни так и тянут черт знает к чему, а другие оттягивают от того, чему бы следовало быть, — и это несмотря на глубокое убеждение в негодности одного и в превосходстве другого. А все-таки надо работать. Что-нибудь да сделаешь и от чего-нибудь да отстанешь с помощью беспрестанно повторяемых усилий. Лучше все-таки хоть что-нибудь, чем ничего.

Был у Раевской, читал ей проект письма к Литке о стипендии в память Ломоносова. Проект письма она одобрила.

16 марта 1865 года, вторник

Умер Штакельберг, мой товарищ по университету, годом, впрочем, моложе меня. Это был истинно честный и умный, особенно честный человек. Сам немец, но питал непримиримую вражду к немцам, то есть не ко всем немцам, а к немцам остзейским, которых очень хорошо изучил во время своей продолжительной службы при бывшем тамошнем генерал-губернаторе Суворове.

17 марта 1865 года, среда

Не тот властвует над людьми, кто лучшего о них мнения, а тот, кто худшего.

Наука, говорят, должна освободить человечество от иллюзий. Хороша услуга. Я не знаю — в состоянии ли чистая, голая истина довести человечество до чего-нибудь другого, кроме отчаяния? К счастью, она невозможна.

18 марта 1865 года, четверг

Заседание в Академии наук. Сегодня сильно поссорились Билярский и Срезневский. Последний, впрочем, вел себя сдержаннее и умереннее, но Билярский вышел из себя, как это очень часто с ним случается. Причина ссоры самая пустая. Билярский, по поручению Академии, составил сборник бумаг, относящихся до Ломоносова и хранящихся в академическом архиве. Этот сборник напечатан, но еще не пущен в продажу, хотя по экземпляру и роздано уже некоторым из членов. Срезневский свой экземпляр отдал кому-то на прочтение, кажется Ламанскому. Вот и все. Билярский стал доказывать, что Срезневский не имел права этого сделать; тот возражал, что имел, — ну и пошло.

Заседание в Совете министерства внутренних дел. Ничего особенно важного. Я читал мое мнение о возможности пропустить статью “Самозарождение”, которую С.-Петербургский цензурный комитет запретил. Совет согласился со мной.

19 марта 1865 года, пятница

Хорошо не кричать против иноземцев, немцев и проч., а противопоставлять их труду свой труд, их честности — свою честность, их знанию — свое знание.

20 марта 1865 года, суббота

По приглашению Литке вместе с ним и с прочими членами комиссии занимался устройством академической залы для предстоящего торжества в честь Ломоносова. День для празднования назначен вторник на святой неделе, вместо пятницы, потому что в пятницу назначен парад.

Обедал у А.М.Раевской, которая окончательно определила для постоянной стипендии 4850 руб. Я уже составил проект письма к Литке по этому поводу. Она совершенно одобрила его. Стипендия будет называться: “Ломоносовская стипендия Раевского” и назначается для одного студента в Московском университете. У Анны Михайловны я познакомился еще с другим потомком Ломоносова, Орловым. Кроме того, хозяйка показывала мне свой маленький музей палеонтологических вещей, собранных ею во время путешествия за границею. Есть любопытные вещи: разные орудия, ножи, долота и проч. каменного и бронзового периодов, много вещей, добытых из швейцарских озер, кусочки тканей, нитки, лен, зерна, яблоки, орехи и проч. Любопытная кость каменного оленя из бронзового периода с нарубками ножом или топором. Подлинность каждой вещи засвидетельствована французскими и швейцарскими учеными. Наш академик Бэр признает это собрание драгоценным.

26 марта 1865 года, пятница

А.М.Раевская присылала мне прочитать письмо к ней Головнина с извещением, что государь утвердил ее стипендию в память Ломоносова точно так, как она желала. Стипендия будет названа, как я предложил: “Ломоносовская стипендия Раевского”.

Слухи, что Муравьев увольняется.

29 марта 1865 года, понедельник

Вечером собрание из нескольких членов Академии у президента для предварительного прочтения речей, предназначаемых для ломоносовского юбилея. Грот прочел свой биографический очерк. Моя речь: “Значение Ломоносова в отношении к изящной русской словесности”, кажется, некоторым не понравилась. Я в ней, между прочим, касаюсь буквоедства в науке. Срезневский объявил, что насчет языка ломоносовского он во многом со мною согласен, а в другом несогласен, а потому его речь не совсем сходилась бы с моею. Я отвечал, что тем лучше, чем многостороннее рассматривается предмет. Однако Срезневский отменил свое намерение читать речь и сказал, что напишет ее для напечатания в наших актах. Решено, что заседание откроет секретарь официальным заявлением о поводе торжества и, кроме того, упомянет о стипендии, учреждаемой Раевскою, и о высочайше назначенной тысяче рублей для ежегодной премии за сочинение на академическую задачу. Потом Грот прочтет свой биографический очерк Ломоносова, а затем я мою речь — тем все и кончится. Речь Грота, за сокращениями, которые просили его сделать, будет продолжаться больше часу, моя немножко меньше того.

Меня не просили сократить.

30 марта 1865 года, вторник

Совсем неожиданно встретился с Ф.И.Тютчевым, который третьего дня возвратился из Ниццы. Мы с ним прошлись по Невскому проспекту и долго беседовали о современных делах, которые по связи его с двором, с князем М.Н.Горчаковым и с Муравьевым ему хорошо известны. Я спрашивал его о том, что делается в Ницце. Наследнику хотя лучше, однако здоровье его вообще не из лучших. Некоторые врачи советуют отложить свадьбу его на год, другие, напротив, думают, что женитьба скорей принесет ему пользу, чем вред.

Государыня не совсем оправилась.

Муравьев действительно сильно колеблется и едва ли останется в Вильно. Враги его воспользовались его же тактикою. Он обыкновенно во время приезда в Петербург жалуется на свое нездоровье и как бы заставляет просить себя о продолжении службы. Это обыкновенно и оканчивалось так, как он желал. На этот раз ему, однако, дали заметить, что если он чувствует себя так нездоровым и обремененным, то, конечно, его удерживать не станут.

“Московские ведомости” свирепо ссорятся с “Днем”. Одни стоят за дворянство, другой за земство. Тютчев очень недоволен “Московскими ведомостями”. Я ему заметил, что, мне кажется, тут виноват не столько Катков, сколько П.М.Леонтьев. Вообще утешительного мало, особенно в польских делах. Толкуют о примирении. Тютчев полагает, что подобные толки в настоящую минуту или тупоумие, или измена.

1 апреля 1865 года, четверг

Сегодня получил от Литке весьма любезную записку с изъявлениями опасений, что у меня не хватит голосу для прочтения в день ломоносовского юбилея моей “прекрасной” речи. Что это такое? Вероятно, ему или кому-нибудь моя речь не понравилась. Я решился объясниться с Литке и поехал к нему вечером. Он принял меня очень ласково, сказал, что у него и в помыслах не было критиковать мою опять “прекрасную” речь и что единственная причина его письма была та, которая в нем изложена. Признаюсь, что мне это не совсем ясно. Я успокоил Литке обещанием читать погромче. Но успокоил ли?

7 апреля 1865 года, среда

Легкие облачка, уже с некоторых пор туманившие в моих глазах перспективу ломоносовского праздника, в самый день его сгустились настолько, что доставили мне довольно крупную неприятность. Над моею речью к этому дню я работал усердно, довольно осмотрительно и с охотою: меня интересовало и лицо и торжество в честь его. Окончив речь, я, по обыкновению, не был доволен своим произведением, чувствовал, что многое должно было бы сказать лучше, но в то же

время сознавал, что в общем речь годится, что в ней есть кое-что, что могло затронуть мысль и чувство слушателей. Во всяком случае эта речь, я полагал, была не хуже моих других речей. Но вот, когда я прочел ее на акте, она была встречена холодно. По прочтении ее была сделана попытка к рукоплесканию, но с некоторых стульев раздались шиканья — тем все и кончилось. Очевидно, у меня были недоброжелатели в публике, да и в самой нашей корпорации, на что, должно быть, и намекала недавняя записка президента с опасением, что у меня не хватит голоса для чтения на акте.

Неудача в каком бы то ни было деле или случае, разумеется, не может не огорчать, — и я был огорчен, очень огорчен, что у меня есть враги, которым почему-то надо со всех сторон рвать на клочки мою репутацию. Но мой дневник — то есть беседа по совести с самим собою — меня, по обыкновению, успокоил. Все жестокое в сердце улеглось, и я не доставлю моим недоброжелателям удовольствия — не стану на них гневаться и в этом, как и в других, более крупных, случаях.

Вчера получены самые прискорбные вести о наследнике: он умирает. Государь вчера собирался ехать к нему. В так называемом интеллигентном обществе мало участия к этой великой скорби отца и царя-освободителя, но народ будет глубоко огорчен.

Сегодня должен был быть обед в честь Ломоносова. Я взял билет, но не пойду — и по причине недуга и по нерасположению идти. Раз надорванные силы уже постоянно дают чувствовать свою надорванность.

Беда, как известно, никогда не приходит одна, а всегда с толпою своих сослуживиц, и все они атакуют вас сообща.

Как собаки, то та, то другая оскалит зубы и рвет вас за полы, за ногу, а иная, порьянее, норовит цапнуть за самую морду.

10 апреля 1865 года, суббота

Академия должна была напечатать наши речи о Ломоносове отдельною книжкою, как это обыкновенно делается в подобных случаях. Но как к этому не делалось никаких распоряжений, то я отнесся к секретарю с просьбою уведомить меня, могу ли я сам отдельно напечатать мою речь. Он отвечал мне утвердительно. Между тем во вчерашнем номере “С.-П. ведомостей” появилась речь Грота: значит, он сам от себя сообщил ее Коршу? Мне многие изъявили желание видеть мою речь в печати, и как я сам считаю это по обстоятельствам необходимым, то я и решился напечатать ее особою брошюрою и отдал ее для этого в типографию Головина, находящуюся в том же доме, где квартирую я. Нужно только, чтобы это было сделано скорее. Головин обещался во вторник доставить мне корректуру.

12 апреля 1865 года, понедельник

Зайдя в книжную лавку Базунова, впервые услышал я прискорбную весть о смерти наследника-цесаревича. Потом появился и бюллетень, в котором сказано, что

кончина воспоследовала с 11-го на 12-е апреля, в 12 часов 50 минут ночи. Грустно, очень грустно, особенно когда подумаешь, что жизнь этого благородного, много обещавшего для России юноши, может быть, могла бы быть сохранена, если бы пестуны его Гогель, Зиновьев и граф Строганов побольше заботились о его физическом состоянии и не были так непростительно беззаботны в этом отношении. В публике страшное негодование против графа Строганова. В самом деле, что делал он эти три года, которые провел при наследнике? Почему скрыл он его болезненное состояние, если о нем знал, и почему не знал, если не знал?

Государь съехался в Дижоне с принцессою Дагмарою, которая, в сопровождении матери своей, тоже ехала в Ниццу. Они все вместе туда и отправились.

Наполеон отложил бал при дворе в тот день, когда больному сделалось особенно худо.

У нас уже дней за пять начали хлопотать о трауре. Траурные материи сильно вздорожали. А граф С.Г. Строганов, муж Марии Николаевны, говорят, заранее начал хлопотать о похоронной колеснице. Это по их части: на это только они и годны.

13 апреля 1865 года, вторник

Бесчисленные толки об общем горе, и, как обыкновенно во всех таких толках, много нелепого. Так, например, один генерал с весьма важным видом высказал мне мнение, что в болезни, а следовательно, и в смерти наследника сильно повинен Наполеон. “Каким же это образом?” — спросил я. Говоривший не умел мне этого объяснить, но остался при своем мнении. Невольно вспомнишь Гоголя, в “Ревизоре” которого одно из действующих лиц, говоря о затруднениях, в какие повергнуты чиновники присылкою к ним ревизора, глубокомысленно замечает, что это француз все гадит. Заходил к Гончарову. Ничего! Он благоденствует, а я думал, что он болен. Вместе посетовали о наследнике и поругали Строганова.

14 апреля 1865 года, среда

Принялся за биографию Галича.

Вышли новые законы о печати. Их можно, по справедливости, назвать валуевскими. Тут все подчинено произволу министра. Совет обречен играть жалкую роль. Сказано, что круг его действий и права те же, как и у прочих советов министерств, то есть он составляет полное ничтожество. Но Валуев хочет придать ему значение другим шарлатанским образом. Он объявил, что Совет должен состоять из юристов. Почему тут нужны юристы, а не люди, основательно знакомые с наукою и литературою, — этого ни сам он, вероятно, да и никто другой не знает.

17 апреля 1865 года, суббота

Президент Северо-Американских Штатов Линкольн убит. Этим, вероятно,

сепаратисты хотели отомстить ему за свои поражения. Когда убийца направляет свой удар на человека великих государственных способностей, с судьбою которого соединена судьба многих, судьба миллионов, то это все равно, как если бы он выжег, ограбил целую страну и перерезал целую массу народа. Муравьев уволен, и на место его определен К. П. фон Кауфман.

Мы ничего не делаем последовательно и с сознанием определенной цели. Во всем скачки, попытки, шатанье вправо, влево, ожидания, что скажут и как поведут нас другие.

Был у Ф.И.Тютчева. Разговор о наследнике. По словам его решительно выходит, что наследника уморили нелепым образом воспитания, особенно тем, как вел его в последние годы Строганов. Не обращалось никакого внимания на его физическое состояние; его страшно утомляли, заставляя учиться и двигаться свыше сил и не внемля спасительным предостережениям некоторых рассудительных медиков, например Здекауера и проч. Государя держали в совершенном неведении насчет его положения, так что за несколько дней до смерти наследника государь случайно узнал от фельдъегеря о готовящейся катастрофе.

В Москве, говорят, по поводу смерти наследника была демонстрация. Собрались толпы народа, и из среды их раздались крики, что в этом несчастии виноват Константин. Народ, как известно, чрезвычайно способен к фантастическим представлениям и толкам.

18 апреля 1865 года, воскресенье

Ф.И.Тютчев после известного адреса московского дворянства о созвании земской думы написал под названием “Москвичам” следующее четверостишие и послал его в Москву:

Куда себя морочите вы грубо!

Какой у вас с Россиею разлад!

И где вам в члены английских палат?

Вы просто члены английского клуба.

На это последовал следующий ответ москвичей:

Вы ошибаетеся грубо,

И в вашей Ницце дорогой

Сложили, видно, вместе с шубой

Вы память о земле родной.

В раю терпение уместно,

Политике там места нет;
Там все умно, согласно, честно,
Там нет зимы, там вечный свет.
Но как же быть в стране унылой,
Где ныне правит Константин
И где слились в одно светило
Валуев, Рейтерн, Головнин?
Нет, нам парламента не нужно.
Но почему ж нас проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко *караул* кричать?

Говорят, что скоро после приезда сюда Муравьева было уже, по желанию константиновской партии, решено отозвать его из Вильно, но вдруг оттуда получается донесение, что едва достигла туда весть об отзыве Муравьева, как польский элемент снова поднялся: появились конфедератки, траурные одежды, русские вывески в магазинах опять заменились польскими и проч. Вследствие этого рескрипт на имя Муравьева с пожалованием его при увольнении графом и уже посланный для напечатания в “Северной почте” был задержан. Дела опять заколебались.

19 апреля 1865 года, понедельник

Везде почти единогласно слышишь: уморили, уморили наследника, — и приписывают это Строганову. Достается также и доктору Шестову, который действительно, говорят, не так опытен и учен, чтобы мог наблюдать за физическим состоянием наследника и лечить его. Доктора этого рекомендовал Енохин, которому он доводится племянником.

Не знаю, говорил ли какой генерал или нет, но все равно что говорил следующие слова: “Стоит только перед сражением подумать, что вот я буду разбит, и наверное будешь разбит”.

23 апреля 1865 года, пятница

Закон о присоединении к православию детей, рожденных от смешанных браков в остзейских провинциях (то есть нетребование подписок при вступлении в брак, что дети будут православные) находит и защитников и порицателей. Но нет, кажется, сомнения, что это не понравится народу.

24 апреля 1865 года, суббота

Читаю “Юлия Цезаря” Наполеона III. Что бы ни говорили враги августейшего автора, а сочинения его нельзя не признать замечательным. Положим, он не делает открытий в этой части истории наравне со специалистами науки, особенно у немцев. Но обнять в такой обширности все сделанное другими, так самостоятельно и глубоко изучить все предшествующие источники и исследования — это уже немалое достоинство. Потом, в авторе нельзя не признать художника. Как мастерски группирует он подробности, как изящно и пластично управляется с такими сухими вещами, как, например, географическое описание местностей в начале первой части, — и какое хорошее перо! И живо, и рельефно, и сжато. Словом, если бы Наполеон не был правителем, он мог бы быть очень хорошим писателем. Но с его философией истории, однако, нельзя согласиться. Тут видна натяжка в свою пользу. Чтобы великие события всегда происходили от великих причин — это решительно неверно. Этому противоречит и его собственное сравнение, что искра не производит пожара, если для него не приготовлены горючие материалы. А потому несправедлива также и мысль, что великие люди порождают великие судьбы. Они их решают — это так, но часто решают даже вопреки своим планам и ожиданиям, а часто и не сознают, что решают. Все события, называемые великими, суть следствия многих предшествующих причин, между которыми воля и гений одного лица есть только одна из сильных пружин в механизме целой системы или целого порядка и хода вещей.

25 апреля 1865 года, воскресенье

Поутру у Стасюлевича. Он три года был преподавателем истории у наследника. Наследник, говорит он, учился очень хорошо и вообще был прекрасное существо. Стасюлевич не может вспоминать о нем без глубокой скорби и умиления. Он показывал мне тетради, в которых царственный юноша записывал свои уроки из истории. Видна особенная тщательность в занятиях. Строганова наследник не любил, да и трудно любить этого холодного и сухого человека. Юношу слишком обременяли учением и разными упражнениями, желая вознаградить время, упущенное в его детстве. Вообще не было обращено должного внимания на деликатность и слабость его сложения.

Вот образчик того, как в народе смотрят на смерть наследника. Во время ломоносовского обеда в зале Дворянского собрания возле Стасюлевича сидел какой-то купец. Когда был провозглашен тост за наследника, — тогда было известно еще только, что он опасно болен, — зала огласилась восторженными криками в честь его и пожеланиями ему выздоровления. Крики не умолкали в течение пяти минут. Стасюлевича это так тронуло, что у него показались слезы на глазах. Его сосед-купец это заметил и спросил:

— Видно, вы очень любите наследника?

— Да, — отвечал Стасюлевич, — потому что знаю его хорошо: я был его учителем.

— Учителем? — повторил купец. — Ну, хорошо, что вы были его учителем, а

не дядькою, а то вас стоило бы разорвать на клочки.

26 апреля 1865 года, понедельник

Уже напечатан рескрипт о пожаловании графом Муравьева и об его увольнении и также приказ о назначении Кауфмана. Что-то скажут патриоты московские, да и другие? Немец в Польше для устройства русских дел! Впрочем, он, говорят, православный. Да фамилия-то, возражают, немецкая, какой русскому человеку и не выговорить.

У нас все как-то странно делается. Очень много, например, шумели и нашумели о ломоносовском юбилее. Он пришел — пообедали, покричали и, кажется, опять забыли человека на целое столетие.

27 апреля 1865 года, вторник

В газетах напечатано письмо убийцы Линкольна — Буса. Письмо заключает в себе политическую исповедь убийцы и причины, объясняющие его преступное дело. Какая неисповедимая наглость и высокомерие этих непрошенных и самозванных благодетелей человечества и народов! Если верить словам настоящего убийцы, то он великий человек, предпринявший великое дело во имя свободы и прогресса. Вот глубокая и пагубная болезнь нашего века! Всякий мечтатель, фанатик или честолюбец, жаждущий всемирной популярности, считает себя вправе предпринимать дела, на которые его никто не уполномочивал.

28 апреля 1865 года, среда

В Петербурге сильно распространяется спиритизм. Пусть его! Это реакция против материализма. Пусть одно безумие уничтожается другим: клин выбивается клином.

1 мая 1865 года, суббота

Вечер у Ржевского. Меня очень занимали рассказы Мельникова (Печерского). Это настоящий тип русского плутоватого бывалого человека. Но его приятно слушать, хотя надобно слушать осторожно, потому что он не затрудняется прилгать и прихвастнуть.

3 мая 1865 года, понедельник

Газета “Народная летопись” запрещена до сентября. По получении официального известия о смерти наследника все газеты вышли с траурною каймою, “Летопись” — без нее. Но когда получена была депеша о смерти Линкольна, газета эта облеклась в траур. Это ближайшая причина запрещения. Но главная причина та, что около этой газеты сгруппировались последователи Чернышевского —

Антонович, Елисеев кажется, и Лавров и проч. Третье отделение тотчас по основании газеты обратило на нее внимание министра внутренних дел. А вот теперь, при случае, она и прямо высказалась.

Сегодня вся Нева запружена льдом, но день был хороший: 10 градусов тепла. Я долго гулял в Летнем саду, где теперь в известные часы собирается на прогулку наше так называемое лучшее общество.

4 мая 1865 года, вторник

Между сенаторами есть <…> престранные. Панин было несколько притворил двери для входа в сию храмину правосудия всякому <…>, если он только военный генерал или тайный советник, но мудрый нынешний министр юстиции Замятины опять широко распахнул оные двери, и вот туда потянулись ряды <…>, что, как говорится, уму непостижимо. Там, между прочим, красуется и певец, которого Бутков заставлял себе петь и употреблял, говорят, еще на кое-какие другие поручения. Он же во время своего государственного секретарства сделал его и сенатором. Х. пел прежде тенором, теперь, говорят, поет басом. Вчера я встретил его на Невском проспекте. Нельзя без смеха, без горького смеха смотреть на эту маленькую фигурку самого нелепого вида, которая всячески надувается и топорщится, чтобы показать, что и она государственный человек.

Отличный день, даже жарко. В Летнем саду толпы гуляющих; на лужайках начинает пробиваться трава, а молодые кустарники подергиваются зеленым молодым пушком. Но почтенные старые липы еще стоят мрачно и угрюмо, не показывая ни малейших признаков пробуждения к жизни.

6 мая 1865 года, четверг

Тихонравов отказался от предложенного ему Вторым отделением Академии звания члена.

Я предложил взамен его Галахова, но не встретил сочувствия. Сильнее всех воспротивился Пекарский.

8 мая 1865 года, суббота

В “С.-Петербургских ведомостях” напечатана статья, извлеченная из отношения нашего консула в министерство финансов о нетерпимом мошенничестве наших купцов, которые поставляют на заграничные рынки лен низшего разряда, выдавая его за первый сорт и беря за него деньги как за первый. И подобное мелкое гнусное надувательство встречается уже не в первый раз, так что иностранцы отказываются иметь дело с русским купцом. Консул говорит, что это угрожает закрытием иностранных рынков для нашей торговли.

Муравьев получает из многих мест России поздравления с графским достоинством и благодарственные адресы за его управление западными губерниями.

15 мая 1865 года, суббота

Из всех живых созданий нет таких, которые бы были так способны наносить вред себе и другим, как люди. Нет ничего лживее и несчастнее человеческой породы. Те, которые стараются истребить религиозное чувство в человеке, — величайшие враги последнего: ведь это его единственная опора. И как нетрудно было бы пробудить и укрепить религиозное чувство в людях, особенно в юности, если бы ей было меньше толковано о догматах и обрядности, а больше о благости и премудрости высочайшего существа! И где можно найти больше для того материалов, как не в христианстве!

Исключительная вера в так называемый исторический прогресс есть не иное что, как ловля тени, которая беспрестанно убегает. Это одно из ярких и пагубных заблуждений века.

16 мая 1865 года, воскресенье

Литературу нашу, кажется, ожидает лютая судьба. Валуев достиг своей цели. Он забрал ее в свои руки и сделался полным ее властелином. Худшего господина она не могла получить. Сколько я могу судить по некоторым убедительным данным, он, кажется, замыслил огромный план — уничтожить в ней всякие нехорошие поползновения и сделать ее вполне благонамеренною, то есть сделать то, чего не в состоянии был, да едва ли и хотел сделать Николай Павлович. Этот последний презирал литературу, но едва ли считал возможным сформулировать ее на свой лад. Валуев, по-видимому, считает это возможным. Он, должно быть, так же точно презирает всякое умственное движение, как презирали его в предшествовавшее царствование, и думает, что административные меры выше и сильнее всякой мысли. Устав о печати, который должен быть введен в сентябре месяце, отдает ему в полное распоряжение всякое печатное проявление мысли. Издание журналов, с освобождением их от предварительной цензуры, становится делом крайне затруднительным. Прежде журналы зависели от произвола цензора, который все-таки не мог вполне пренебрегать тем, что о нем скажут в обществе. Оттого он был до некоторой степени принужден действовать умеренно и снисходительно. Издатели в известной мере освобождались от ответственности под его щитом.

Теперь не то. Цензора нет. Но взамен его над головами писателей и редакторов повешен Дамоклов меч в виде двух предостережений и третьего, за которым следует приостановка издания. Меч этот находится в руке министра: он опускает его, когда ему заблагорассудится, и даже не обязан мотивировать свой поступок. Итак, это чистейший произвол, и уже не прежний мелкочиновнический и по тому самому менее смелый, а произвол, вооруженный сильною властью, властью министерскою. Понятно, что пишущая братия сильно переполошилась. Журналисты, по крайней мере петербургские, как слышно, условились подчиняться по-прежнему предварительной цензуре, и это в их положении, может быть, было бы самое разумное. Но вот что мне сегодня говорил Фукс, наперсник и эхо Валуева: “Министру известно, на что намерены решиться журналисты, но они жестоко

ошибутся. Если они захотят остаться под цензурою, то и получат ее, но такую, которая будет несравненно сильнее николаевской. Волею или неволею они должны будут эмансипироваться”. Какая удивительная эмансипация! — а тогда уже дело пойдет новым порядком. Каким? — Валуевским.

Разумеется, этот великолепный план точно так же разлетится дымом, как и все великие планы наших великих государственных и негосударственных людей. Россия тем отличается, что в ней ни зло, ни добро не выдерживаются систематически и последовательно. У нас систематичны и последовательны один беспорядок и хаос. Но в частности наделается много гадостей и неприятностей, а там дело повернет туда, куда направит его какая-нибудь случайность, какой-нибудь ветер, и все-таки не туда, куда думали Валуевы и Фуксы.

17 мая 1865 года, понедельник

Вчера свирепый северный ветер, отчего при ярком сиянии солнца несноснейший холод, а сегодня мрак и дождь при 7R тепла. Итак, май оказался подлецом и тянет не на весну, куда бы ему следовало по его положению, а прямо к осени. Бедствие для тех, которые переехали уже на дачу, особенно в прелестные картонные домики Новой Деревни, Черной речки и проч. Впрочем, Черная речка на днях многих из своих дачников спасла от этого бедствия: в ней сгорело до двенадцати домов.

19 мая 1865 года, среда

Целый день буря. С трех или четырех часов до восьми палили из пушек — значит, в Галерной гавани и в Коломне большой прилив воды. Часу в восьмом я вышел на Невский проспект; спуски на Фонтанке залиты почти по самую мостовую.

20 мая 1865 года, четверг

Такая же точно буря, как вчера. Я было отправился в Академию, но вернулся, потому что ветер пронизывал до костей и сломал зонтик, так что я даже не мог укрыться от дождя.

Опять рассказы о покойном наследнике. Выходит все одно и то же: Строганов виноват в преждевременной кончине этого благородного юноши. По словам Ф.И.Тютчева, императрица обвиняет себя в недостатке материнской проницательности и в том, что она не видела положения наследника. Впрочем, от нее все скрывали; и сам наследник скрывал, не желая огорчать печальной истиной, которую он, однако, сознавал, как это видно из письма его к невесте, найденного в его бумагах недоконченным.

Всех умнее и благороднее, кажется, вел себя доктор Здекауер. Он еще в январе объяснил государю и графу Строганову, как сомнительно положение наследника и какой осторожности и внимания оно требует. Здекауер, между прочим, никак не советовал ему купаться в море. Но Строганов решительно ни в чем не слушался его

и, напротив, повез наследника в Голландию, где заставили его купаться в холодную пору и в восемь часов утра, так что местные доктора изумлялись и не советовали этого делать.

Вчера было настоящее наводнение в низменных частях города, в Коломне, на островах. Около Кокушкина моста даже по улице плавали на лодке. Один господин на Каменном острове ехал в карете по воде, которая проникала сквозь дверцы. Эта ужасная погода приостановила и наши сборы на дачу.

22 мая 1865 года, суббота

Сегодня думали, что будет привезено тело наследника и церемониально препровождено в царственное жилище вечного покоя. Но это отложено до будущего вторника. Между тем делаются приготовления: дома на Английской набережной и Большой Миллионной убираются трауром. На Сенатской площади воздвигается амфитеатр для зрителей.

В пятницу был у князя Вяземского, на днях приехавшего из Ниццы. Он показался мне удивительно свежим и бодрым. Он остановился в доме своего зятя, министра внутренних дел, которого я и встретил тут. Я выразил Валуеву крайнее удивление, что в похоронной процессии не допущены депутации от корпораций, например от Академии наук и проч. Он отвечал, что это зависело от заявлений начальств различных учреждений и что, например, Московский университет прислал своих депутатов.

В Академии Срезневский говорил мне, что и здешний университет назначил своих депутатов. Значит, одна Академия не сделала этого. Удивительно.

В “С.-Петербургских ведомостях” напечатаны в переводе очень хорошие стихи на смерть наследника одного финляндского поэта.

23 мая 1865 года, воскресенье

Ни одно свободное движение не бывает без уклонений то вправо, то влево: на то оно и свободное. По прямой неуклонной идут только силы механические, вследствие сообщенного им внешнего толчка. Итак, при свободном движении всегда надо ожидать отступлений от известных принятых или установившихся начал, ожидать некоторого замешательства. Зло не в этом, а в том, когда порывающиеся к свободному движению или действующие силы не встречают уравновешивающих их других сил — когда свободное движение, свидетельствующее о жизненности, обилии и энергии сил, превращается в дикое, необузданное своеволие и не организуется, не ограничивается другими силами, которые воздерживали бы их и не допускали бесплодно рассеиваться в беспредельности и поглощать самих себя. Свободное движение всегда есть нечто могучее, но слепое, нуждающееся в руководстве разума. Это — творчество, рождающее вещи, которые требуют направления, обработки, воспитания. Оно столько же способно разрушать, как и созидать, но оно неспособно останавливаться, чтобы сознательно уяснять себе, для чего и что оно разрушает или созидает.

Вечером навестил меня князь П.А.Вяземский. Разговор опять вертелся все на той же злобе дня — на смерти наследника.

25 *мая 1865 года, вторник*

Печальный и торжественный день! Привезено тело наследники и Петербург и препровождено в церемониальном шествии к месту вечного упокоения в крепость. Погода соответствовала характеру события. Небо обложилось тучами, каждую минуту угрожал дождь — но дождя не было и было тепло. В двенадцатом часу я вышел из дому. Невский проспект был залит толпами народа, который спешил к Исаакиевской площади. Процессия должна была следовать от Николаевского моста мимо Исаакия по площади и набережной на Троицкий мост. Немного спустя раздался пушечный выстрел. На улицах уже не было ни души. Все, весь Петербург столпился у площади, и я с Морской поворотил туда же. Тут услужливый спекулянт предложил мне место на скамейке за полтинник. Я с трудом взгромоздился на нее и очень порядочно мог видеть церемониальное шествие.

Мрачная и величественная картина. Войска с обеих сторон окаймляли площадь. Сперва потянулись разные придворные чины, ордена на подушках, бесконечный ряд духовенства в черном облачении, отряд войск и потом колесница с останками юноши, которого оплакивала Россия. За нею государь верхом на лошади… Я отвернулся и не стал больше смотреть. Народ стоял безмолвно, сняв шапки, и с появлением колесницы крестился. Не было ни малейшего шуму, ни толкотни, ни беспорядка. Вокруг царствовало полное безмолвие, нарушаемое только колокольным звоном с церквей и зловещими пушечными выстрелами с крепости. Все магазины, лавки, кабаки были заперты. На всем Петербурге лежала какая-то печать уныния и скорби, а над ним, как черное покрывало, висело сумрачное небо.

26 мая 1865 года, среда

В два часа отправился я поклониться праху наследника в Петропавловский собор. У ворот крепости с добрых полчаса надо было ждать, пока разъехались экипажи возвращавшихся с панихиды. Народу видимо-невидимо: кажется, опять весь Петербург собрался сюда. И вдруг все это повалило в крепость и стеснилось у входа в церковь до такой степени, что нечего было и думать попасть туда, по крайней мере скоро. Впускали только по нескольку человек разом и затем запирали двери. Многие на это ворчали, но, мне кажется, это было и необходимо и благоразумно. Иначе церковь была бы вдруг переполнена, и мог бы произойти страшный беспорядок. К выходу тоже пускали постепенно. И надо отдать справедливость полиции: она распоряжалась и ловко, и учтиво. Я встретил тут Чивилева, который отчаялся попасть в церковь и уехал домой. Я тоже было колебался, но потом решился подождать, сколько возможно. Так же поступил Воронов, с которым я тоже тут столкнулся.

Наконец пришла и моя очередь. Большая мрачная церковь лишь немногих вмещала в себе. Посетители входили в одни двери, по очереди в одиночку допускались к гробу, поклонялись ему и направлялись к другому выходу. По обеим

сторонам катафалка стояли дежурные камергеры и генералы. Перед гробом разложены были на золотых подушках ордена покойного, атаманская булава, и водружены были казацкие бунчуки. В церкви господствовало мрачное величие смерти. Тишина прерывалась только монотонным унылым чтением евангелия. С глубокою грустью я взошел на ступени катафалка, поцеловал холодную руку, предназначавшуюся для скипетра одного из величайших в мире царств и теперь обреченную тлению, взглянул на бледное лицо, сквозившее сквозь покрывавший его флер, на цветы, которыми усыпан был труп, — и слезы невольно подступили к глазам, и я вышел с глубокою скорбью, за которую многие без сомнения осмеяли бы меня. Вся эта драма жизни и смерти, которую мы называем великою, конечно, ничто в бесконечном течении вещей; но если где есть место возбудиться человеческому чувству, то, конечно, здесь, где нанесена такая глубокая скорбь сердцу одного из самых благородных государей и одного из самых добрых людей, и гнусно не сочувствовать этой скорби, каковы бы ни были ваши социальные и политические теории…

27 мая 1865 года, четверг

Сбор на дачу. Рескрипт на имя генерал-губернатора Суворова с изъявлением благодарности государя жителям Петербурга за их сочувствие к его великой скорби.

Строганов, говорят, играл самую жалкую роль во время всей похоронной церемонии. К нему никто не подходил, никто не заводил с ним речи.

28 мая 1865 года, пятница

Бывают нравственные уродливости, как и физические. Иному недостает от природы религиозного, эстетического чувства, или эти органы душевной жизни были у него как-нибудь окалечены в детстве. Но гордиться тут, право, нечем. Не следует этого выставлять на всемирное зрелище, а еще менее следует провозглашать, что это красота, и желать, даже домогаться, чтобы другие были в этом отношении на нас похожи.

Ужасно трудно у нас добывать исторические материалы. Вот уже несчетное число раз являюсь я в университет, чтобы получить дело об отрешении от должности профессора Галича, — и все напрасно. Наконец ректор обещался.

Речь моя о Ломоносове однако, несмотря на свой провал на академическом акте, все-таки имеет свою долю успеха. До меня с разных сторон доходят благоприятные о ней слухи. Я получил лестные о ней отзывы и благодарственные за нее письма из Архангельска, Киева, Москвы, Харькова. Макарий, архиепископ харьковский, написал мне очень милое письмецо. Здесь раскуплено в книжной лавке до ста экземпляров. Журналы хранят глубокое молчание, кроме “Северной почты”, которая отозвалась о моей “щеголеватости”, да “Русского инвалида”, сделавшего из речи выписки. К отзывам журнальным всяким, похвальным и ругательным, я питаю глубокое равнодушие и всегда питал его. Меня не раз хвалили, и раз только, давно как-то, выбранила “Северная пчела”, сначала похвалив непомерно. Тогда я

принужден был отвечать на ругательство, потому что оно пахло доносом, и мне, по обстоятельствам времени, необходимо было дать отпор. Но после того я уже больше не обращал внимания на то, что обо мне писалось. Это совсем не из гордости или желания прослыть неуязвимым: напротив, я вовсе не чужд удовольствия слышать себе одобрение.

Но дело в том, что у нас ни похвала, ни брань не вызываются обыкновенно никакими основательными литературными причинами, а всегда одним побуждением лично насолить человеку или лично задобрить его. Тут большею частью все решают личные отношения, и как я всегда шел сам своею особою дорогою, то у меня, естественно, было больше неприятелей, чем благоприятелей. В последнее же время я окончательно, даже в личных моих отношениях, отдалился от так называемых литературных кружков, да и не скрывал и не скрываю, и устно и печатно, моего отвращения к этой ультралиберальной пустоте и умственной распущенности, в которой тонут иные из наших так называемых передовых журналов. Но это не потому, чтоб я не признавал в нынешнем направлении его исторического происхождения и значения, а потому, что, по моему мнению, никакое направление не должно сделаться исключительным и господствующим.

Половина первого. Сейчас раздался печальный звон колокола, возвещающий о погребении наследника. Я живу против самой Владимирской церкви и ясно слышу его грозный, скорбный напев.

Он был человек, отец его — освободитель миллионов людей. Россия должна плакать, если у ней есть народное чувство, если она нация, а не случайное скопище и в настоящее время всеотрицающих разнородных элементов.

30 мая 1865 года, воскресенье

О, как не разработан еще русский мир! И как трудно разработать его одною силою мысли или знания. Тут необходима еще другая сила, которая служила бы проводником первой. России нужен новый Петр. Тот Петр начал, другому следовало бы довершить. Народ прежде нуждался в возбуждении, теперь он нуждается в руководстве.

Вчера переехали на дачу в Павловск, по примеру прошлого года — на дачу Мердера, по дороге в Царскую Славянку.

31 мая 1865 года, понедельник

Охотники нивелировать человечество готовы превратить его в одну грубую, безразличную и безобразную массу, из которой уже не должно вырастать ни одно дарование, ни одна умственная или нравственная заслуга.

7 июня 1865 года, вторник

Солнце просияло, и хотя от времени до времени северячок подувает, но все-

таки тепло, а на солнце и жарко. Июнь, по-видимому, хочет произвести реформу в погоде. В добрый час!

3 июня 1865 года, четверг

Отвага, говорят, свидетельствует о силе, но она свидетельствует также о безумии…

8 июня 1865 года, вторник

В городе. Экзамен в Римско-католической академии. Большие любезности. Впрочем, я всегда был доволен студентами: они всегда внимательны к моим лекциям и вообще всегда выказывали мне даже преданность.

11 июня 1865 года, пятница

В природе осенняя тоска. Ночью соловей не раз затягивал свою песнь, но всякий раз. обрывал ее на второй или на третьей трели. Все другие маленькие певуны совсем притихли. Зелень какая-то бледная, тощая, по-видимому готовая увянуть, едва распустившись. Дачники прячутся в комнатах, но и там в большинстве случаев дрожат и на чем свет стоит ругают лето. Это детское негодование еще более усиливает всеобщую скуку. Вот по небу бродят какие-то грязно-серого цвета тучи и ежеминутно угрожают уже не дождем, а снегом. Вообще природа готовит нам что-то скверное, вроде польского восстания или в дополнение к нему. Отовсюду только и читаешь вести о пожарах и о зловещих признаках всеобщего неурожая. Прошлого года был только местный голод, например в Самаре, а теперь вот угрожает голод повсеместный. Дороговизна на все предметы первой потребности увеличилась до того, что бедные люди лишь с трудом могут жить. Что ж будет дальше?

13 июня 1865 года, воскресенье

Осуждены мы навсегда делать глупости или они составляют только одну из переходных ступеней нашего развития? Ведь вот до сих пор случалось так, что даже из всего, что мы возьмем у других, мы непременно выберем самое худшее и спешим его усвоить себе так, как будто оно составляет единственную важнейшую сторону вещей. Встретимся мы с разными улучшениями и благами внешнего быта — мы непременно позаимствуем от них всякие излишества, блестки, чрезмерную роскошь и начнем с неимоверною быстротою проматывать достояние наше и отцов наших. Научимся мы иностранным языкам — мы прежде всего прочтем на них самые пустые или забористые статьи и начнем болтать на них всякий вздор, забывая свой родной язык. Поедем ли за границу — вместо того чтобы лицом к лицу ознакомляться с плодами и успехами чужой образованности, мы постараемся побывать там прежде всего во всех притонах иноземного разврата, проиграться до последней нитки в каком-нибудь Бадене или Висбадене да провезти контрабандою несколько запрещенных книг или вещей, чтобы потом с гордостью сказать дома

своему приятелю: “Ну, брат, продулся я в Париже” или там-то и там-то. Поедут наши юноши за границу с благою целью учиться — они начнут с того, что окритикуют и обругают тамошних профессоров, а кончат тем, что, возвратясь домой, станут с видом всемирных гениев и знатоков повторять поверхностно схваченное и вовсе не переваренное знание, заимствованное у этих же профессоров, — и на том застынут. Начнем мы заниматься публицистикою, политикою — мы тотчас делаемся социалистами, коммунистами и с необычайным шумом и треском слов требуем всевозможных реформ, не заботясь о том, является ли это требование плодом и выражением народной жизни и народных нужд или только игрою нашей праздной фантазии. Займемся ли мы философией — то немедленно с головой так и окунемся в атеизм и материализм и ослепнем и оглохнем для всего другого. Хотелось бы думать, что это только один из фазисов нашего развития, а не то, что нам суждено делать.

16 июня 1865 года, среда

Опять был у меня Норов. Я стараюсь забыть, что он некогда был министром народного просвещения, и когда мне это удается, я опять вполне готов дружески отвечать на его дружеские попытки. Вчера он, между прочим, рассказал мне следующий анекдот об А.С.Пушкине. Норов встретился с ним за год или за полтора до его женитьбы. Пушкин очень любезно с ним поздоровался и обнял его. При этом был приятель Пушкина Туманский. Он обратился к поэту и сказал ему: “Знаешь ли, Александр Сергеевич, кого ты обнимаешь? Ведь это твой противник. В бытность свою в Одессе он при мне сжег твою рукописную поэму”.

Дело в том, что Туманский дал Норову прочесть в рукописи известную непристойную поэму Пушкина. В комнате тогда топился камин, и Норов по прочтении пьесы тут же бросил ее в огонь.

“Нет, — сказал Пушкин, — я этого не знал, а узнав теперь, вижу, что Авраам Сергеевич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такою гадостью, как моя неизданная поэма, настоящий мой враг”.

17 июня 1865 года, четверг

Самое скверное положение, когда человеку недостает ни мудрости, ни силы терпеть, ни мужества действовать.

Неудовлетворительность положения производит какое-то всеобщее раздражение, которое обнаруживается во всем — в малых и больших делах. Каждый действует под влиянием негодования и досады, поводы к которым носятся в воздухе. Поводов этих он и назвать не в состоянии, но он чувствует и ими одними одушевляется.

Говорят, что судебная реформа откладывается в длинный ящик. А между тем ею возбуждена томительная жажда: всякий чувствует, что без нее невозможна никакая безопасность, и всякий ожидает ее, как манны небесной. Но административная или бюрократическая сила не хочет выпустить власти из своих рук.

Что, если ко всему прочему сбудется еще угроза повсеместного голода! При совершенно непонятной инерции власти действительно не настанет ли время всеобщей сумятицы, грабежа и не сделается ли это, в самом деле, началом насильственного переворота, о котором мечтают поляки, заграничные наши враги и домашние революционеры?

А пожары идут своим чередом. Выгорают целые или почти целые города и селения. И об этом говорят уже как о самой обыкновенной вещи. Поджоги делаются даже с некоторым юмором. В каком-то уездном городе Владимирской губернии арестанты выпустили из острога голубя, привязав к нему зажженные горючие вещества, и вот по домам и дворам пошел гулять уже не обычный красный петух, а кроткий голубь, превращенный в страшный бич. Видно, тут подшутил какой-нибудь грамотей, знавший историю княгини Ольги.

18 июня 1865 года, пятница

Прекрасный летний день с великолепным теплым дождем. На музыке беседа с Егором Федоровичем Тимковским. Ему семьдесят два года, и в службе он пятьдесят лет без малого. Провел год в Пекине при тамошней миссии. Рассказывал много любопытного об отце Иоакинфе Бичури-не, с которым я был довольно хорошо знаком. Тимковский выручил его из валаамского заточения, где он пребывал после разжалования его из архимандритов в монахи за его великие пекинские проказы. Граф Нессельроде, по просьбе Тимковского, исходатайствовал ему освобождение, с причислением к министерству иностранных дел по китайским делам, так как он превосходно знал китайский язык, проведя в Китае четырнадцать лет, хорошо изучил и самую страну.

“Так как вам хорошо известно все, касающееся отца Иоакинфа, — сказал я Тимковскому, — и вы с ним были так близко знакомы, то скажите мне, точно ли он вел себя в Китае так дурно, как о нем рассказывают? Ведь про него рассказывают ужасы — что он никогда не служил в церкви, что он даже распродал церковную утварь, что он пил и напропалую гулял с китаянками в неподобных местах и проч. и проч.”. — “Да, — отвечал Тимковский, — все это большею частью справедливо. Он был очень даровитый, умный и даже добрый человек, но страшный эпикуреец и гуляка. Духовное звание было ему противно, да он и попал в него случайно. Он был побочный сын архиепископа или митрополита Амвросия, который доставил ему звание архимандрита в Иркутске, когда ему было всего двадцать два года. Когда по интригам графа Головкина, назначенного посланником в Пекин, архимандрит Аполлос был уволен из китайской миссии, то на его место, по ходатайству того же Амвросия, был определен Иоакинф, — и отсюда-то начинаются пекинские подвиги последнего. На Валааме он спал, гулял и попивал. Когда, бывало, поутру зайдет к нему в келью игумен и станет звать его к заутрене, он обыкновенно отвечает ему: “Отец игумен, идите уж лучше одни в церковь, я вот более семи лет не имел на себе этого греха”. Потом его часто видели прогуливающимся у Симеония в монашеском подряснике, но в круглой шляпе с двумя нимфами под руку. Такой был греховодник этот почтенный отец Иоакинф! Когда я жил на даче за Лесным корпусом, он довольно часто и у меня бывал. Там за стаканом пунша он любил рассказывать про

разные скандалы пекинские, не скрывая и своего участия в них. Однажды он сильно рассердился на меня, когда я выразил ему мое сомнение насчет красоты китайских женщин. “Вы судите о них, — отвечал он, — по картинкам на чайных ящиках. Это такие красавицы и такого приятного обхождения, что подобных им не найти в Европе”.

Вообще он питал какую-то страсть к Китаю и ко всему китайскому и свое собственное лицо и бородку как-то ухитрился подделать под китайский лад. Во время войны англичан с китайцами он никак не хотел верить, что первые победили вторых, и постоянно утверждал, что англичане надувают Европу ложными известиями на манер наполеоновских бюллетеней.

25 июня 1865 года, пятница

В Виленской губернии, кажется в Завилейском уезде, произошел пожар в одном селении. При самом начале его схватили мальчика лет шестнадцати, почти на самом месте преступления, то есть поджога. Он тотчас и признался. На нем были найдены и зажигательные материалы: спички и проч. При дальнейшем допросе открылось, что помещик Бекаревич и несколько других помещиков, имена которых я забыл, подговорили мальчика за сорок четыре рубля поджечь селение. В задаток он получил один рубль, а остальные ему обещаны. Одновременно произошли пожары и в двух других селениях того же округа. Та же история: те же помещики подговорили к поджогу других. По исследовании оказалось, что несколько помещиков образовали здесь комплот поджигателей. Они заманивали в свою шайку молодых людей, которым говорили: “Россию ожидают всеобщий неурожай и голод — надо ее жечь, отметить за наших повешенных и сосланных в Сибирь”. О всем этом получили официальные донесения в министерстве внутренних дел. Об этом вчера в Совете рассказывал нам товарищ министра.

В Рязанской губернии, по словам того же товарища министра, также схвачены поджигатели из поляков. Между тем во вчерашнем заседании Совета Пржецлавский заявил, что в “Московских ведомостях” Юзефович в своей статье употребил слова: “Поляки жгут Россию”, и что за это, по словам его, Пржецлавского, следовало бы сделать замечание редакции. И министр внутренних дел терпит такого господина в Совете по делам печати!

Отослал письмо к Делянову с просьбою выдать мне университетское дело о Галиче, Германе, Арсеньеве, поднятое некогда Руничем. Дело это мне нужно для биографии Галича. Вот уже два месяца или больше, как я бьюсь, чтобы получить его, и не могу.

30 июня 1865 года, среда

Сегодня ночью разразилась ужаснейшая буря в Павловске и Петербурге. В Павловске поломало много дерев, а сучьями усеяло аллеи. В Петербурге снесло и попортило деревянные мосты и несколько деревянных крыш; на Неве разбило вдребезги много барок с дровами и другим грузом; в Летнем саду повырвало

деревья с корнями. Говорят, несколько человек погибло. Когда я приехал в Петербург, только и было толков, что об урагане.

5 июля 1865 года, понедельник

Отрицание не есть мысль, потому что мысль заключает в себе какое-нибудь содержание, то, что есть; отрицание же отвергает содержание и вместо чего-нибудь дает ничто. Оттого отрицание не есть прочная и серьезная деятельность ума, а род гимнастической игры, фокусничества.

13 июля 1865 года, вторник

Слышно, что в Петербурге появилась холера. Во Франции и Италии уже были случаи ее, в Константинополе тоже. Конечно, нет причины, почему бы ей не быть и у нас. Как-то будет она сильна! Немудрено, что при нынешних сильных жарах будут пить холодную воду со льдом и простуживать желудок; а простой народ — тот во всякое время воспаляет его своею дешевкою. В Александрии и Египте холера уже порядочно поработала.

14 июля 1865 года, среда

Ум при всяком серьезном деле столько же воздвигает затруднений, как и находит средство против них. Все зависит от силы характера.

В западных губерниях открыт обширный заговор, имеющий целью жечь Россию. Замечательно, что открытие это сделано не полицией, которой у нас, кажется, ни до чего нет дела, а частными лицами. Чего же смотрят министр внутренних дел, генерал-губернатор, вообще высшие власти? Едва ли в каком-нибудь благоустроенном государстве инерция правительства доходила когда-нибудь до такой степени, как у нас. И в каких же обстоятельствах? В самых трудных. Но, может быть, это оттого и происходит, что наше государство неблагоустроенное. Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет.

20 июля 1865 года, вторник

Ездил в Царское Село к А.М.Раевской и был принят, как всегда, очень любезно. Она приготовила мне прекрасный фотографический портрет Ломоносова, но не отдала его еще, желая сама привезти мне.

Вечером на музыке. Оркестр три раза повторил “Боже, царя храни” в честь празднования совершеннолетия наследника.

21 июля 1865 года, среда

Ездил в Петербург забрать в кабинете некоторые справки для биографии Галича.

24 июля 1865 года, суббота

А.М.Раевская заезжала ко мне, но, не застав меня дома, оставила лишь портрет Ломоносова.

27 июля 1865 года, вторник

Совсем собрался было в город и уже отправился на железную дорогу. На пути встретился мне один знакомый и сообщил мне, что сегодня табельный день, рождение императрицы. Значит, незачем было ехать, я и остался. Нравоучение — должно иногда заглядывать в календарь.

29 июля 1865 года, четверг

С тех пор как Жан-Жак Руссо написал и издал свои записки, или свою исповедь, всякому умному человеку должна опротиветь мысль писать и издавать свои записки. Руссо опошлил это дело. Он выразил в них столько высокомерия и самолюбия, наговорил столько пустяков и вздору, что становится стыдно и за него и за тех, которые, подобно ему, захотели бы исповедоваться перед современниками и потомством. В них поучительно одно: вы видите, сколько в умном и даже гениальном человеке может заключаться того, что вовсе не гениально и не умно. Не в том дело, что он выставляет напоказ всякую мелочь, извлекаемую из своего сердца или из своей жизни, а в том, что он эти мелочи выдает за нечто весьма важное. В этом сходен с ним и Шатобриан.

31 июля 1865 года, суббота

Я много видел ничтожных вещей на свете, но ничтожнее человеческих добродетелей ничего не видел; неуменье показать, как товар лицом, свой ум, свой характер, свое достоинство многими считается за их отсутствие.

Ездил в Петербург, где виделся с Деляновым. Я хотел поблагодарить его за учтивое письмо о доставлении мне дела из его канцелярии, которого, однако, там не оказалось. Теперь он мне сказал, что дела этого нет и у Е.М.Феоктистова и что он напишет об этом министру. Я застал Делянова как-то усталым. Было говорено о современных событиях, пожарах, повальном пьянстве и проч. Валуев недавно объявил в Комитете министров, что в течение двух летних месяцев в России было более 400 пожаров. Но, повидимому, все это не особенно заботит высшие правительственные лица.

1 августа 1865 года, воскресенье

Был на водоосвящении, которое здесь, в Павловске, совершается очень торжественно и живописно. Зашел к Норову и неожиданно встретил там Базили, которого не видал больше пятнадцати лет. Он облобызал меня, как старого близкого

знакомого, и представил мне своего сына, молодого человека лет двадцати. Сам он теперь в отставке, живет достаточным помещиком в Бессарабии. Сей прекрасный грек успел очень хорошо провести свой кораблик в тихую пристань.

2 августа 1865 года, понедельник

Увы, красное лето проходит. В природе начинаются всякие неурядицы, а по службе — возня и разные гадости. Скоро позовут в Совет и в Академию. Ни там, ни здесь не было заседания полтора месяца.

4 августа 1865 года, среда

Любопытное зрелище в саду вокзала. Укротитель зверей показывал публике шесть львов, входил к ним в клетку, дразнил их, бил, ложился с ними и на них, клал свою голову в разверстую пасть одного из них. Львы прыгали, метались из стороны в сторону, рычали, особенно один из них, самый большой и, по-видимому, очень недовольный обращением с ними хозяина. Он ярился и заставлял трепетать зрителей страшными взрывами своего рева. Зрителей была толпа. Представление продолжалось не более четверти часа. Как объяснить эту непонятную власть, которую человек приобретает над самым могучим и лютым из зверей? Разумеется, он должен был взять этих львов маленькими и дрессировать их долго и постепенно. Нельзя ли объяснить этого тем, что в продолжение длинного периода мало-помалу можно не изменить инстинктов животного, но направить его способности, его психологические элементы так, что они, раз погнувшись на один бок, уже всегда будут склоняться на одну сторону и не будут уже в состоянии, так сказать, выпрямиться и стать в свое естественное положение — в положение своего природного инстинкта?

На днях прочитал я в одном из журналов статью о курении табаку, где, между прочим, говорится, что излишнее курение ослабляет зрение. А как у меня действительно с некоторых пор глаза становятся не так хороши, как были, то я и решился умерить курение сигар, которому предавался-таки довольно неумеренно. Вот уже несколько дней, как я ровно наполовину сократил свою обычную порцию и намерен и впредь соблюдать эту диету, тем более что она полезна для кармана.

6 августа 1865 года, пятница

Вечер в вокзале. Народу было множество, но, как всегда в Павловске, толпа вела себя чинно, без скандалов. Музыка исполняла серьезные пьесы; освещение яркое. Множество нарядных женщин мелькали, как бабочки, или, сидя на скамьях, представляли из себя роскошные пестрые гряды цветов.

В сегодняшнем N 171 “Русского инвалида” напечатана очень любопытная статья о поджогах. Теперь раскрыто и уже не подлежит ни малейшему сомнению, что существует целая обширная система поджогов, созданная и весьма настойчиво применяемая польской партией, здешней и заграничной. Но кроме того, существует

еще партия и русских заграничных ренегатов, которые действуют с нею заодно.

8 августа 1865 года, воскресенье

Был Пекарский, недавно вернувшийся из Ревеля, а потом заходил мой верный и неизменный Орест Миллер.

11 августа 1865 года, среда

К чему же все это, если ничего нет постоянного, кроме вечного изменения?

Если твой хороший знакомый или приятель начинает оказывать тебе особенную приязнь — берегись! Это значит, он непременно собирается тебе нагадить.

17 августа 1865 года, вторник

Человек совершенно как слепой бродит от самой колыбели. Опыт и несчастие потом его постепенно вразумляют в главных истинах жизни, и под конец он прозревает для того, чтобы увидеть свою могилу и лечь в нее.

18 августа 1865 года, среда

Одни страдания составляют существенную сторону жизни. Все прочее — мечта, сон, тень. На что это? — вот вопрос, который невольно возникает при всяком явлении, исчезающем без следа после минутного пребывания.

19 августа 1865 года, четверг

Все вертится в голове мрачный, роковой вопрос: на что это?

По поводу напечатания проекта нового устава Академии возникла сильная полемика. На проект напал Московский университет с яростью, которая сильно вредит его даже справедливым замечаниям. Он оскорблен тем, что Академия называет себя первенствующим ученым сословием в империи. В прибавлениях к “Русскому инвалиду” напечатана статья, также неблагоприятная для проекта Академии и для самой Академии. Ее приписывают Шульгину. Изо всех этих недоброжелательных и свирепых толков начинает казаться, что вопрос просто-напросто должен быть поставлен так: нужна ли и возможна ли в России Академия? Уж не лучше ли прежде подумать о школах, чем об ученых обществах? И впрямь, нам, пожалуй, еще рано заседать в Академиях. Нам прежде надо выучиться уважать науку.

22 августа 1865 года, воскресенье

На прогулке в парке познакомился с Лисицыным, который принимает такое

участие в дочери Павского, оставшейся почти нищею. Он рассказал мне удивительные вещи про В.Б.Бажанова, который своим нынешним местом обязан Павскому, а теперь отказался употребить свою силу и влияние, чтобы помочь бедной его дочери. Невероятно, но факт, что ей назначено пенсиону 118 р. в год — ей, дочери законоучителя и духовника царствующего императора России! И какого духовника — Павского, одного из благороднейших, просвещеннейших и ученейших людей Русской земли. Неужели это сделал Александр II, образец доброты и великодушия! Между тем недостойные, презренные какие-нибудь интриганы, люди, не имеющие и тысячной доли заслуг и достоинств Павского, осыпаны милостями двора, и дети их благоденствуют. “О, как ничтожен, мал и суетен деяний ход на свете!” 118 рублей пенсиону дочери Павского, томящейся в бедности!

Говорил с некоторыми лицами об Академии. Да, действительно, вопрос должен быть поставлен так: нужна ли России Академия? Очевидно, не Академия не соответствует государству, но государство не дозрело до Академии. Общество в ней не нуждается, да и ученых в ней оказывается недостаток: недаром же мы все стремимся выписывать их из-за границы, как заморские вина или плоды.

Имей дело поляки только с русским правительством, отстаивай свою национальность в Царстве и не заявляй бессмысленных притязаний на западные губернии, вообще не ставь вопроса так: не Россия, а Польша, — конечно, они расположили б в свою пользу и многих рассудительных и мыслящих людей в самой России, чему и удивляться нечего было бы. А то вот ко всему безумию еще такие гнусные средства, как поджоги и угрозы ядом! В самом деле, при таком положении дел для чего же рассудительный и мыслящий человек предпочел бы Польшу России? Если Россия не много привлекательного в себе заключает, то Польша разве больше представляет? Худо быть так управляемым, как управляем русский народ. Но Боже сохрани попасть под управление польское и под власть польской интеллигенции! Уж лучше оставаться так, как есть, да питать кое-какие надежды на будущее, чем идти прямо на все мерзости польского и католического угнетения и бесправия.

23 августа 1865 года, понедельник

Нигилисты изливают целые мутные потоки ругательств на всех наших писателей до Чернышевского и Добролюбова, которые одни у них великие люди. Писарев обругал Пушкина. Я одобряю такие решительные действия: гораздо лучше, когда пьяница напьется так, что свалится с ног и перестанет задирать добрых людей, чем когда он пишет *мыслете* и толкает прохожих [т.е. выделывает ногами кренделя в виде буквы “м”, которая и называлась “мыслете”].

24 августа 1865 года, вторник

Из призыва из-за границы академиков, ну право же, прямой вывод, что Академии у нас рано быть.

28 августа 1865 года, суббота

Приехав сегодня в город, нашел у себя письмо от Турунова с надписью: *весьма нужное*, от 26-го числа, с приглашением явиться к министру. Мне было досадно, что эту повестку послали ко мне не в Павловск, а на городскую квартиру, где я заведомо не часто бываю. Я тотчас поехал на Аптекарский остров. В приемной министра было много ожидавших аудиенции. Меня первого позвали в кабинет, что я счел недобрым предзнаменованием, потому что Валуев всегда, когда хочет уязвить кого-нибудь, то прежде помажет его маслом. Так было и тут. Он принял меня чрезвычайно любезно и прежде всего начал извиняться в том, что приглашение мне было отправлено не в Павловск, отчего и произошло замедление, лишившее его возможности со мной посоветоваться о деле, о котором теперь намерен сообщить мне. Его величество уезжает в Москву, и откладывать нельзя. Дело касается меня.

С первого сентября вводятся новые порядки в Управлении по делам печати, вследствие чего должен измениться и состав управления. Поэтому он, министр, хотел узнать: не угодно ли мне будет лучше удалиться из Совета? При этом государю императору угодно произвести меня в тайные советники, а он, Валуев, будет хлопотать об увеличении мне пенсиона. Далее министр говорил, что при новом устройстве цензуры легко может случиться — этого даже необходимо ожидать, особенно вначале, — что лица, принадлежащие к этому управлению, не раз будут поставлены в положение не слишком для них приятное, будут предметом взысканий и проч. “А этого ни по вашему имени, ни по вашим заслугам с вами нельзя будет допустить. Новая система требует новых деятелей — новое вино вливается в новые мехи. Я говорил о вас государю, выставил ему вас с наилучшей стороны. Впрочем, он вас лично знает и хорошо к вам расположен”.

После всех этих и многих других фраз я, разумеется, счел для себя “угодным” принять любезное предложение Валуева. Понятно, что ему хочется от меня избавиться. Я все время открыто высказывался против его проекта, напирал на необходимость расширения прав Совета и ограничения произвола министра. Теперь, когда его проект восторжествовал и он является полновластным хозяином в Совете, мое присутствие там мозолило бы ему глаза. Да и что, в самом деле, делал бы я теперь там? Дело печати проиграно, и я действительно был бы лишен возможности ему честно и независимо служить, как это делал до сих пор.

30 августа 1865 года, понедельник

Прибавку к моему пенсиону я, по совести, считаю себя вправе принять и надеюсь, что Валуев в данном случае сдержит свое обещание. В противном случае положение мое будет очень затруднительное, особенно с чином тайного советника, который мне ни на что иное не нужен, как разве только на то, чтобы прибавить мне новое бремя. Может быть, мне следовало бы с большей энергией говорить Валуеву о своих правах. Но, во-первых, мне это всегда бывает как-то противно, а во-вторых, как-то странно и смешно распространяться и настаивать на каком-нибудь праве или справедливости там, где не верят ни в какое право, ни в какую справедливость.

1 сентября 1865 года, среда

Получил уведомление, что я произведен в тайные советники.

3 сентября 1865 года, пятница

Три заседания в Академии: общее, в отделении и в комиссии по Уваровской премии за драматические сочинения.

Я не оберусь поздравлений по случаю пожалования меня в тайные советники. Право, кажется, все хотят и мне самому вбить в голову, что это так важно. Между тем теперь у меня главная забота хоть сколько-нибудь обеспечить существование моей семьи и мое собственное, ибо тайное советничество грозит превратиться в явную несостоятельность.

5 сентября 1865 года, воскресенье

Вы хотите делать много посредством литературы: постарайтесь же сделать ее уважаемою.

8 сентября 1865 года, среда

Итак, теперь окончательно выяснилось, что Валуеву нужны не люди, служащие делу, а лица, раболепно исполняющие его волю.

9 сентября 1865 года, четверг

Заседание в Академии наук. Срезневский привез из Москвы много любопытных рисунков наших древностей, одежд и проч., снятых им в тамошнем музее, патриаршей ризнице и проч. Это хотя не филологическое дело, но все-таки дело и для науки годится.

10 сентября 1865 года, пятница

Напрасно наши ультраруссофилы так восстают против Запада. Народы Запада много страдали, и страдали потому, что действовали. Мы страдали пассивно, зато ничего и не сделали. Народ погружен в глубокое варварство, интеллигенция развращена и испорчена, правительство бессильно для всякого добра.

12 сентября 1865 года, воскресенье

Сегодня рассказали мне случай, происшедший несколько недель тому назад, но о котором я, живя на даче, до сих пор не слышал. Курочкин с двумя ассистентами забрался в квартиру к редактору “Русского слова” Г.Е.Благосветлову и надавал ему пощечин за какие-то печатные ругательства.

14 сентября 1865 года, вторник

Валуев действительно постарался как можно выгоднее для меня обставить мое увольнение. Он хотел назначить мне в прибавку к моему пенсиону (1700 руб.) две тысячи пятьсот рублей, что, разумеется, могло бы меня весьма успокоить. Но К. К. Грот этому воспротивился и назначил всего пенсиона три тысячи. Во всяком случае, спасибо Валуеву. Сыт с этим, разумеется, будешь, но придется испытывать немалые лишения. Так постепенно я подвигаюсь к последнему скорбному лишению — лишению жизни.

16 сентября 1865 года, четверг

Встретил молодого парня с очевидными признаками серьезной болезни. Он едва передвигал ноги. Он спросил у меня, далеко ли до Николаевского моста, куда он брел, чтобы найти там на барке своего земляка, который помог бы ему отправиться на родину. Его два раза лечили в Мариинской больнице и оба раза выпроваживали едва начинающего выздоравливать. Когда он на днях опять явился туда совсем больной, доктор ему сказал: “Убирайся прочь! Заморю — тотчас помрешь”. Я дал этому бедняку немного денег. Он — рабочий на барках.

27 сентября 1865 года, вторник

Первая в нынешнем году лекция в Римско-католической академии. Студенты, по обыкновению, встретили меня очень приветливо и радушно и, по обыкновению же, поднесли мне великолепный букет цветов.

В N 246 “С.-П. ведомостей” напечатано первое предостережение министра этой газете за статью о банке Френкеля. Я читал статью. Она вызвана полемикой “Северной почты” и потому уже не должна бы служить поводом к такой крутой мере. Притом она написана очень мягко. Мне кажется это ошибкою и потому уже, что такие крутые меры несовместимы с властью, которая не внушает, ни страха, ни уважения, ни доверия к себе. Ведь это не более как вспышки, симптомы произвола, которому эта власть не в состоянии предаваться последовательно и систематически и который, таким образом, ведет лишь к раздражению умов — и ничего более. Но Валуев, кажется, решился идти напролом. Посмотрим, долго ли и как это будет продолжаться. Как, однако, я должен быть ему благодарен за то, что он отставил меня. Конечно, я не мог бы разделять подобных взглядов и мер и немедленно сам подал бы в отставку, отчего очутился бы в очень плохом положении. Да, я должен сознаться — Валуев поступил со мною, что называется, благонамеренно.

22 сентября 1865 года, среда

Всякий чиновник есть раб своего начальника, и право, нет рабства более жестокого и позорного, чем это рабство. Чиновник еще счастлив, если он глуп: он тогда, пожалуй, даже может гордиться своим рабством. Но если он умен, положение

его ужасно. Он должен насиловать перед своим господином свою волю, свое чувство, свои убеждения, и как вообще начальник не любит в подчиненном ума, то этот подчиненный каждую минуту должен трепетать или за свою честь, или за свой жребий. Положение его несколько смягчается, когда начальник сам настолько умен и просвещен, чтобы не слишком бояться ума у других, и чувствует потребность в умных подчиненных, умея извлекать из них пользу. Но и в таком случае бедный чиновник только терпим. Внутренне его боятся и ему не доверяют.

Понимая это, он поставлен в необходимость льстить, делать вид, что он разделяет взгляды и убеждения своего начальника, когда он вовсе их не разделяет и когда его собственные мнения диаметрально противоположны мнениям, которые он, однако, должен чтить как закон. Кто в состоянии эмансипировать этих рабов в таком бюрократическом государстве, как Россия, где, кроме того, произвол начальника не находит нигде обуздания: и общественное мнение, и печать ему нипочем.

23 сентября 1865 года, четверг

В три часа я пошел прогуляться по Невскому проспекту и вдруг на перекрестке у Садовой улицы почувствовал сильное головокружение. Колеблющимся шагом я кое-как перешел улицу и остановился на тротуаре. Это так быстро случилось, но так же быстро и прошло.

Римско-католическая академия хлопочет об увеличении мне жалованья на сумму, урезанную от моего пенсиона.

24 сентября 1865 года, пятница

Получены из Москвы известия, что Николай Романович Ребиндер умер. Так все реже и реже становится вокруг, все темнее и темнее, пока самому придется погрузиться в вечный мрак.

25 сентября 1865 года, суббота

Заседание в Академии для присуждения Уваровских премий. За драму — никому не присудили. Было представлено три — оказались одна из рук вон плоха, а две посредственные. Полная премия (1500 руб.) присуждена некоему Носовичу за словарь западнорусского наречия и кому-то другому за статистико-историческое сочинение об Юго-Западном крае.

27 сентября 1865 года, понедельник

Ездил в Царское Село к князю П.А.Вяземскому, который нездоров. Он отдал мне стихи свои под названием “Подмосковное”, прося отдать их в типографию для напечатания. Ему хочется поднести эти стихи императрице в память ее пребывания в Ильинском.

28 сентября 1865 года, вторник

Получил премилое письмо из Дублина от Печерина. В том-то и дело, что одного знания недостаточно и что человек должен пополнять себя из других источников.

Вот откуда вышло предостережение “С.-П. ведомостям”. Гернгросс, товарищ министра государственных имуществ, вместе с тем состоит и директором Френкелевского банка. Когда в Государственном совете была принята в уставе банка фраза, что и казна может закладывать в нем свои имущества, обеспечивая их всем государственным достоянием, то Гернгросс тотчас дал о том знать Френкелю, который, в свою очередь, поспешил разгласить об этом по всей Европе. Это страшно взволновало наших капиталистов. Поднялись толки, невыгодные для правительства, и появилась статья в “С.-П. ведомостях”. Гернгросс — большой приятель Валуева и тотчас бросился к нему, а Валуев, желая угодить великому князю, суммы которого находятся в банке Френкеля, поспешил разразиться грозою над газетою совершенно невинною. Значит, тут главную роль играли личные интересы, подлая угодливость министра этим интересам, словом, все те гнусности, какими отличается наша администрация. Впрочем, все эти вещи так не новы у нас, что никого и удивлять не могут.

Гончаров говорил мне сегодня, что у них в Совете хаос;

председатель Щербинин — полное ничтожество; во всем силится господствовать Фукс. Там вспоминали меня, говоря, что я один мог бы противодействовать.

Быв у князя Вяземского, я откровенно высказал ему, какую огромную ошибку сделал Валуев, приняв на свою личную ответственность дела печати и так обезличив Совет. Он поплатился за это. Как ни странно и ни глупо может казаться в глазах некоторых, а ведь и у нас дурные вещи вызывают дурные последствия. В публике всеобщее негодование против Валуева.

Хотели сделать предостережение “Дню” за его статью о духовной цензуре, да и не сумели сформулировать этого. А Щербинин хвалился в сенате, что они отдадут под суд И.С.Аксакова!

1 октября 1865 года, пятница

Виделся с Ф.И.Тютчевым. Разговор о последних происшествиях по делам печати. Тютчев говорил мне о Каткове, с которым он часто виделся в Москве, откуда приехал несколько дней тому назад. Я не ошибся, полагая, что Катков не выносит своего успеха и величия. Им овладело невыносимое, непомерное высокомерие, и он страшно нетерпим к мнениям других. Как не жалеть об этом? При неотъемлемых его заслугах такие ребяческие замашки!

3 октября 1865 года, воскресенье

Меня приглашала г-жа Ладыженская, с которою я недавно познакомился: она желала со мною посоветоваться о воспитании своих детей — двух мальчиков и

одной девочки. Как все-родители настоящего времени, не исключая и меня самого, она не знает, что с ними делать, — как, где и с чьею помощью их учить.

В таком хаосе находятся наши школы по милости мудрого и попечительного управления последних министров народного просвещения. В гимназиях, например, набивают головы детей бесчисленным множеством предметов, то есть имен и цифр, без всякого смысла и сознания цели, куда это и к чему поведет. Да и теперь еще не решен знаменитый спор: быть ли гимназиям классическими или реальными? А педагогия наша с новыми теориями, взглядами и проч. пришла, наконец, в такое состояние, что решительно всех запутывает, как и чему должно теперь учить. Во всем этом классического один хаос. А между тем материалистическое и нигилистическое направление растет в юношестве и грозит приготовлять из него дурных людей и дурных граждан. Но какое кому до этого дело! Только бедные отцы и матери трепещут за будущность своих детей. Вот это так несомненный факт.

5 октября 1865 года, вторник

“Колокол” дребезжит, как разбитый кусок железа. Герцен потерял голову от неудачи. Он думал, что поднимет всю Россию идти с ним, или, вернее, за ним, к пересозданию, или, лучше сказать, к разрушению, самой себя, — но не успел в этом и теперь ругается самым непристойным образом, “разводя яд своих чернил слюнями бешеной собаки”. Письмо его к государю по случаю кончины наследника — верх непристойности. Оно даже не умно. Тут Герцену не помогает даже остроумие памфлетиста, талантом которого он, бесспорно, одарен. Кого хочет он убеждать грубыми ругательствами? А между тем как мог бы он быть полезен даже теперь, говоря только дело, без яростной злобы, критикуя смело, энергически, но без оскорбительных ругательств, не давая воли своим личным антипатиям и не растворяя слов своих горечью обманутого или оскорбленного самолюбия. Теперь только и видишь, что он бесится, но бешенство не есть доказательство: им никого не убедишь. А для критики правдивой и умной у нас так много материалов, и мы не только не оскудеваем в них, а напротив, каждый день прибавляем новые. Нужны ли ему типы? И в них недостатка нет. Боже мой, да вот один Валуев может послужить предметом для чудесной характеристики высоко мнящего о себе бюрократа, или Головнин для типа… интригана.

8 октября 1865 года, пятница

Общее заседание в Академии наук, и весьма интересное. Президент предложил вопрос, следует ли Академии отвечать на замечания, сделанные Московским университетом на проект нового устава Академии и напечатанные в издании “Московского общества истории и древностей”? Самые замечания были прочитаны секретарем. Они такого свойства, что, по моему мнению, на них отвечать не следует. Главное, в чем Московский университет обвиняет Академию, — то, что, состоя большей частью из иностранцев, не знающих русского языка, она не распространяет в народе знаний и не приносит никакой пользы государству. Отвечать на это значило бы из вопроса ученого или корпоративного сделать вопрос национальный и поднять

страшную бурю, что в настоящее время особенно неудобно. И потому, когда дело дошло до собирания голосов, я объявил себя против ответа и выразил ту мысль, что было бы крайним неприличием, если бы две главные просветительные силы в государстве вышли на публичный бой. Московские замечания не иное что, как ругательства. Академия уронила бы себя, если бы стала отражать такие недостойные удары. Собрали голоса, и значительное большинство оказалось одного со мною мнения, хотя секретарь сильно настаивал на противном: большая часть замечаний падает на объяснительную записку, которую составлял он.

Вечером был у меня А.Г.Тройницкий, третьего дня возвратившийся из-за границы. Разговор о делах печати. Тройницкий, как умный человек, тоже видит большую ошибку в том, что наделано Валуевым, да и вообще в том, что он взял на себя роль единственного судьи и направителя литературы.

11 октября 1865 года, понедельник

А.С.Воронов на днях рассказывал мне о подвигах Головкина, как он сыплет государственными деньгами, арендами, чинами на самых ничтожных чиновников. Иные получили по две и по три награды в год или в полтора года. Стендер, уволенный за неспособность от должности попечителя в Казани и живущий теперь за границею, получил чин тайного советника и аренду. Пирогов, тоже находящийся за границею, кроме 4000 руб. содержания, получил аренду. Директор департамента Петере в течение года получил тайного советника, ленту и аренду, и проч., и проч. Конечно, Пирогов выделяется изо всех. по уму и способностям, и кроме того, он достойный человек, но все-таки не следует так бросать государственные деньги.

13 октября 1865 года, среда

Читал Сидонскому предисловие к биографии Галича

15 октября 1865 года, пятница

Получил от Рождественского некоторые материалы, то есть отрывки лекций, для биографии Галича. Из них для меня важны: его трактат о философии в виде “Письма к Агатону” и отрывок из истории человечества.

16 октября 1865 года, суббота

Холера уже, говорят, в Копенгагене. Значит, она приближается к нам. Вальц советовал некоторые предосторожности относительно чистоты и пищи, а затем не думать о ней и заниматься своим делом.

Нет опаснее животного, как литератор или ученый, когда раздражать его самолюбие.

Заседание в Академии наук. Толки, кого избрать в члены нашего отделения. На Бычкова все согласились единогласно.

Мы ужасно далеко идем в нашей прилепленности к фактам, то есть мы стараемся только добыть факт и вовсе не заботимся о том, чтобы приобрести о нем ясное и точное понятие. Да на какой же черт нам дан ум, как не на то, чтобы судить о факте, добиваться его значения и отношения к другим фактам! “Искра” удачно назвала московского Лонгинова “гробокопателем”.

17 октября 1865 года, воскресенье

Мрачно, мокро, тепло. Кажется, в милосердной природе идет дело о подготовке к холере.

Странные противоречия могут уживаться в одном и том же человеке. Вот, например, я так мало доверяю всему человеческому — добродетелям, уму, благу, жребию людей, а между тем у меня сильное влечение ко всему великому и прекрасному, постигать которое и видеть можно только в человечестве же. Я также сильно сомневаюсь в конечных целях творения, а между тем верую, и горячо верую, в высочайший творческий и всевидящий царственный разум, во власть и силу выше природы и вселенной — словом, верую в бога в духе христианских понятий. Я не уважаю людей, а готов служить им верою и правдою, хотя уверен, что они на каждом шагу меня обманут и готовы сделать мне всякое зло.

20 октября 1865 года, среда

Виделся в Царском Селе с князем Вяземским. Рассказ князя об усиливающемся спиритизме. Чудеса со столами, приводящие в недоумение даже людей рассудительных, — всё, по словам князя.

21 октября 1865 года, четверг

Заседание в Академии наук. Странно, как люди, желая показаться важными, толкуют горячо о пустяках со всеми признаками глубины и серьезности. Вышел бурный спор. В прошедшее заседание было решено выбрать в члены Бычкова. Но Гроту захотелось непременно сказать в протоколе, что Бычков избран для составления словаря. Он же предлагал выбрать еще члена для издания сочинений Ломоносова. Первый воспротивился этому я. Мне казалось неудобным выбирать кого-либо в члены Академии для исполнения такого-то поручения, а не для отдела или категории науки, по которой вообще может быть полезна специальная деятельность избираемого. В проекте нового устава сказано, что мы должны иметь шесть членов: двух для славянской и древнерусской литературы, двух для средней и двух для после-петровской. Так и следует поступать. К моему мнению присоединился Срезневский, который прибавил, что второго члена он требует для славянской литературы, так как сам он занимается ею в связи с древнерусскою. Это мнение мне показалось основательным и согласным с проектом нового устава. Что касается до словаря, то этому делу должны содействовать все. Пекарский с обычным своим педантизмом разделял мнение Грота и, между прочим, сказал: “В науке не нужно никаких убеждений”. — “Как же! — возразил я, — вы науку считаете чем-то

чужим для человека, а человека машиною, выделывающею ученые игрушки".

Тогда он поправился и отвечал, что разумеет это в отношении лиц увлекающихся. Однако он и тут сам себе противоречил. В занятиях своих он тоже увлекается любовью к выпискам и к коплению материалов. Ну и Бог с ним! Пусть он это делает: это тоже вещь полезная. Но зачем же думать, что это и есть единственная полезная вещь в науке, а все прочее вздор.

23 октября 1865 года, суббота

Разговор с Тютчевым. От него услышал я, между прочим, что Аксаков женится на его дочери фрейлине и что "День" прекращается, потому что Аксаков каждый год получал от него тысяч до трех убытку.

24 октября 1865 года, воскресенье

Рассказывают ужасы про симбирские пожары, следствие о которых теперь только кончено. Рассказывают, будто Симбирск сожгли вовсе не поляки, а батальон русских солдат, начальник которого, какой-то полковник, был первым виновником и подстрекателем этого беспримерного злодейства. Побудительною причиною будто бы был грабеж. Правительство, говорят, даже не решается обнародовать о том стыда ради, падающего на всю нацию, особенно после всего того, что было говорено и писано об участии в поджогах поляков. Правда это или нет?

Вообще злодейства всякого рода — кражи, грабежи, убийства — за последнее время усилились у нас до неслыханной степени. Беспрестанно читаешь о них в газетах, а сколько еще таких, о которых и в газетах не пишут. Все приписывают это безнаказанности. Воры и грабители беспрестанно выпускаются на поруки или оставляются только в сильном подозрении. В полицейской газете очень часто читаем, что иные преступники попадаются в третий, четвертый и даже в пятый раз и всякий раз опять выпускаются на волю. Ссылаемые в Сибирь находят возможность бежать, и это тоже служит немалым поощрением к новым преступлениям.

25 октября 1865 года, понедельник

Вчера были похороны дочери Н.Р.Ребиндера, по мужу Саломки. Она умерла, не зная о смерти отца. Между тем вот странный случай. В тот самый день, как муж ее получил из Москвы телеграмму о смерти Николая Романовича, она немного заснула и вдруг, проснувшись, сказала своей тетке: "Боже мой, какой страшный сон я видела. Я видела отца в гробу". Разумеется, впечатление, возбужденное этим сном, старались ослабить, так как доктор решительно запретил передавать ей печальную весть. Бедная оставила двух крошечных детей без всякого состояния.

27 октября 1865 года, среда

Был у Гончарова, с которым давно не видался. Он сильно жалуется на

беспорядок и великие неудобства нынешнего Совета по делам печати. Председательствующий Щербинин, человек ничтожный, силится всем заправлять, а действительный заправитель всего — Фукс, агент и соглядатай Валуева.

28 октября 1865 года, четверг

“Приятные рассказы” о двух скандалах. В Исаакиевском соборе в алтаре подрались поп с протодиаконом. В Александрийском театре по окончании представления два кавалергардских офицера, ради удальства, так толкнули одну даму в креслах, что она только креслами была спасена от падения. С нею был какой-то мужчина. Он вступился за нее и начал крупное объяснение с офицерами, которые, однако, его же осмеяли. Но главное тут в том, что наша публика, обыкновенно столь кроткая и вообще терпеливая, на этот раз всполошилась. Она окружила буянов и потребовала полицию. Явился полицеймейстер или частный пристав, который, по требованию публики, и должен был составить акт. Человек сто свидетелей подписали этот акт, и офицеры были арестованы. Дальнейший ход дела еще не известен.

29 октября 1865 года, пятница

Обедал у князя Вяземского в Царском Селе. Мы отправились туда вместе с Ф.И.Тютчевым. Там видел я и дочь его, невесту Аксакова, Анну Федоровну. Она немолода, но, говорят, очень умна. Вечером пришла вторая дочь Федора Ивановича, Дарья Федоровна, с которою я познакомился на пароходе (кажется, в 1860 году), когда ехал в Штеттин. Это миловидная и очень приятная особа, с которою, я помню, мы хорошо пробеседовали несколько часов плавания, пока она не подверглась морской болезни. Сегодня разговор у князя вертелся на современных происшествиях: как поп и диакон подрались в церкви; как офицеры чуть не побили одну даму в театре; как на театре у нас представляют черт знает какие безобразия; как какого-то Бибикова отдали под суд за книгу, в которой он доказывает превосходство полигамии над единобрачием, — все материи важные и привлекательные. Да и о чем же говорить в наше время?

После обеда Тютчев отправился к своим дочерям, а я еще посидел немного и побрел на железную дорогу. Но я дурно рассчитал время, и мне пришлось битых три часа провести в ресторане железнодорожной станции в приятном обществе двух маркеров, которые забавлялись, катая шары на бильярде. Впрочем, в зале было чисто, и мне подали стакан очень порядочного чаю. Около одиннадцати подъехал Тютчев, и мы вместе отправились обратно в Петербург, где я еще застал у себя Воронова, Миллера и других.

30 октября 1865 года, суббота

Вчера у князя Вяземского мне сказали, что в Царском Селе один человек умер от холеры.

Весь день работал над программою академических занятий, которую намерен представить в отделение.

31 октября 1865 года, воскресенье

Был на праздновании столетия “Вольно-экономического общества”. Праздник происходил в зале Дворянского Собрания. Зала была убрана просто, но хорошо. Собрание многочисленное. Несколько депутаций принесли свои поздравления от разных учреждений. Речей их не было слышно. Все обошлось очень прилично.

1 ноября 1865 года, понедельник

Письмо и фотографическая карточка qt Печерина из Дублина. Сколько воспоминаний соединяется с этим милым лицом, которое, судя по портрету, мало изменилось! Та же мягкость в чертах, то же добродушие, то же умное, оригинальное выражение во всем складе лица. А в письме его сколько наблюдательности, ума и знания, приобретенного наукою и опытом! О России он говорит с любовью, хотя не видно, чтобы он желал возвратиться в нее. Да и… но об этом не хочется говорить даже с самим собою.

5 ноября 1865 года, пятница

Общее собрание в Академии наук. Президент предложил уничтожить Готторпский глобус, приобретенный Петром I в 1713 году, так как этот глобус в пожаре — 1748, кажется, года — так обгорел, что от него остался один остов, и он занимает только напрасно большое место. Это тот самый, внутри которого могут поместиться двенадцать человек. Я заметил, что не лучше ли было бы его сохранить, как почтенную историческую развалину? Каков бы ни был теперь этот глобус, а ведь с ним все-таки связано имя Петра, и потому хорошо ли будет предать его уничтожению? Другие были того же мнения. Положено нарядить комиссию для обследования этого дела. При этом Гельмерсен полагал, что глобус можно бы поправить и употребить для географических целей.

Потом Рупрехт представил свой ответ на замечания Московского университета будто бы от себя, но с тем, чтобы напечатать его в академических “Записках”. Я сильно против этого протестовал. Это было бы противоречием принятому уже Академией намерению не отвечать на московские и ни на какие нападки. Противоречие это выразится в том, если мы напечатаем этот ответ в наших “Записках”. Пусть г. Рупрехт печатает свою статью где захочет, только не в “Записках” Академии и не в академической газете. Президент и секретарь защищали статью и печатание ее в “Записках”, но слабо. Огромное большинство решило не принимать ее, поэтому она не была и читана.

6 ноября 1865 года, суббота

Вечером у Тройницкого. Разговор о судьбах печати. Тройницкий подтвердил, что Валуев очень ко мне не благоволит — во-первых, как он полагает, за мои с ним столкновения во время моего редакторства, особенно за мой протест по поводу принудительной подписки на газету — подписки, которую задумал было министр и которую я считал чрезвычайно неблаговидною и вредною. Во-вторых, ему не нравилось мое поведение в Совете по делам печати и то, что я все время стоял за расширение прав этого Совета и за ограничение власти министра. Тройницкий еще думает, что мне сильно и более всех гадил Фукс, гадил же он мне из мщения за то, что я не хотел печатать в газете статей его и его приятелей и не позволял ему распоряжаться этим помимо меня.

8 ноября 1865 года, понедельник

Очевидное дело, что Валуев надеется с помощью Фукса подавить все вредное в нашей печати. В добрый час! Только мне кажется, что Валуев взялся за дело, превосходящее его силы и способности, да и вообще силы и способности одного чиновника. С газетами, например такими, как “С.-П. ведомости” и “Голос”, он может еще кое-как управиться. Но как справится он с “Московскими ведомостями” и с “Днем”, если те захотят умно действовать, то есть сколько-нибудь осторожно. Тут придется, как уже и приходилось, спускать одним то, за что с других будут взыскивать, — а это на какую стать?

Тут необходимы две вещи. Во-первых, если правительство признало нашу печать уже настолько созревшею, что ее можно было бы освободить из-под опеки предварительной цензуры, то необходимым и неизбежным следствием этого является и то, чтобы *действительно* предоставить ей большую свободу. Во-вторых, следовало бы образовать такой совет в министерстве, который пользовался бы и уважением в обществе, а не такой, как ныне, — и предоставить ему известную долю самостоятельности и возложить на него часть ответственности, хоть так, например, как советовал в своей записке Корф. Это была бы сила, опирающаяся на общественное мнение и изъятая от упрека в бюрократическом произволе. Но у нас хотели вполне последовать примеру французских законов о печати.

Там, однако, другое дело. Там вообще в управлении существует определенная система, и ее держатся последовательно. Она не колеблется беспрестанно, как у нас, и самые чиновники, заведующие этим, далёко превосходят наших умом и тактом. Притом, как ни жалуется французская печать на деспотизм администрации, а все-таки ей предоставлено больше свободы, чем нашей. Там администрация больше всего имеет в виду безопасность и утверждение династического начала — в чем нам нет надобности, — и все, что не касается этого начала и не угрожает императорскому правительству, то и не преследуется. У нас же все возбуждает опасения. В таком случае уж, право, лучше бы еще на время оставить предупредительную цензуру. Но если уж сочли ее отжившею — что и справедливо, — то надо было как можно больше позаботиться о том, чтобы дело печати находилось в руках более надежных, чем эти чиновники, у которых ни на что нет другой точки зрения, кроме канцелярской.

10 ноября 1865 года, среда

Не размышлять, не задумываться над нынешним состоянием России может только одно непростительное легкомыслие. Это положение вещей не может остаться без важных последствий, хотя сущности этих последствий никто предвидеть не может…

11 ноября 1865 года, четверг

На днях случилось мне беседовать с полицеймейстером нашей части города, Банашом. Он рассказывает удивительные вещи про воров, мошенников, грабителей, которыми кишмя кишит столица. Они безбоязненно и открыто совершают свои подвиги, уверенные в своей безнаказанности. Генерал-губернатор и обер-полицеймейстер отличаются. гуманностью, какой не найдешь ни в одном цивилизованном обществе. Везде принято за правило охранять честных граждан от насилия и мошенничества негодяев, а тут первые беззащитны, а последние безнаказанны. Низшая полиция ничего не в состоянии сделать, когда наверху стоящие лица явно потакают беззаконию. Да отчего же? По слабости или по какой-нибудь системе?

Между прочим, мой собеседник рассказал мне одну характеристическую черту времени. Он своими ушами слышал, как несколько уличных грабителей, разговаривая между собою, восхваляли власть, которая отменила плети. “Теперь-то и житье нам, — говорил один. — Проклятые плети маленько страшноваты были, а нонече что? Сошлют в Сибирь? Эк, велика беда! Разве там не живут люди? Да подчас и бежать можно”. Банаш уверяет, что таков общий взгляд нынешних воров и разбойников.

12 ноября 1865 года, пятница

Около “Русского слова” группируются отчаянные радикалы, нигилисты, отвергающие- все законы нравственные, эстетические и религиозные во имя прогресса и социального благоденствия человеческого рода. И всего-то нелепее, что это не иное что, как подражание французским революционерам 1790 года. Известно, что коноводы французской революции, — если не ошибаюсь, Дантон, — требовали *декретом приостановить действие нравственных законов и законов права.* В то же время, однако, Робеспьер ставил себе в заслугу свое бескорыстие и отсутствие в себе всяких развратных поползновений, и другие тоже хвалились патриотическими чувствами, обрекая на смерть целые тысячи. Сам Марат выставлял себя другом угнетенных и страждущих меньших братии. У них, значит, были же свои хоть какие-нибудь нравственные законы, хотя, конечно, можно усомниться в том, чтобы законы, обрекающие на гибель целые тысячи невинных людей во имя блага других сотен, были хорошие законы.

В N 245 “Северной почты” напечатано первое предостережение “Современнику” за “косвенное порицание начал собственности” (в августовской

книжке, стр. 308—321) и за прямое порицание тех же начал (в сентябрьской книжке, стр. 93—96), за возбуждение против высших и имущественных классов, за оскорбление начал брачного союза. Хотя я и открыто порицаю нынешнее положение закона о печати, тем не менее в настоящем случае я не могу не подумать: поделом вору мука! Если такие журналы, как "Современник" и "Русское слово", нарвутся и на третье предостережение с его последствиями, то и тогда вряд ли им можно будет сочувствовать. Я просматривал страницы, на которые указывает "Северная почта": тут действительно содержатся вещи непозволительные, если не допустить у нас безусловной свободы печати.

13 ноября 1865 года, суббота

Кто внимательно наблюдал за ходом дел человеческих, тот знает, что в жизни обществ бывают эпохи, когда дела так усложняются и запутываются, что распутать их обыкновенным образом нет никакой возможности, а приходится рассекать их ударом меча. Мы, кажется, находимся в таком положении. Грибоедов сказал в своей комедии умную вещь устами пустого человека: "желудок больше не варит" и "тут радикальные потребны средства". Неизбежность грозного переворота чувствуется в воздухе: убеждение в этом становится сильнее и повсеместнее. Мы стоим в преддверии анархии — да она уже и началась, и не та тайная анархия, которая в России давно скрывалась в произволе властей и чиновничества под личиною внешнего порядка, а в явном пренебрежении к закону, порядку и уже к самому правительству, которого не боятся и не уважают, — во всеобщей распущенности нравов, в отсутствии безопасности лиц и собственности, словом, во всем этом брожении умственном, нравственном и административном, в этом очевидном хаосе, охватывающем все отправления нашей гражданственности.

Из всех господств самое страшное — господство черни. Господство личного деспотизма связывает людей и не дает им свободно дышать; господство аристократии погружает их в тупую апатию; господство черни без церемонии грабит и режет их.

Беда, если это демократизирующее начало, которое так пылко проповедуется у нас мальчиками-писунами, успеет разнуздать народ еще полудикий, пьяный, лишенный нравственного и религиозного образования. Каких бед не в со- . стоянии он наделать именем царя, которому нельзя же являться везде и укрощать его! А другого он никого не послушает.

Беда, когда какая-нибудь идея попадает в тупые и неискусные руки. Эти руки с добрым намерением постараются своими крайностями уничтожить в ней все хорошее, а дурное так раздуть, что оно и у хорошего отнимет всю его силу и влияние и представит его чудовищным.

15 ноября 1865 года, понедельник

Известно, что никто столько не вредит успеху истины и добра, как неразумные и ярые их друзья и поборники. Своими крайностями они убивают в умах всякое к

ним доверие, а злу придают характер законной охранительной силы.

Вечер у Литке. Там среди множества генеральских эполет и звездоносных фраков встретил Тройницкого, Княжевича, Перевощикова и Семенова, обер-прокурора сената, с которыми и проговорил весь вечер.

Страшное и гнусное злодейство. Студент Медицинской академии женился на молодой и милой девушке, но вскоре начал ее ревновать и даже задумал ее убить, поразив ее толстою булавкою во время сна. Но это ему не удалось: она проснулась в ту минуту, когда он готовился вонзить ей булавку в шею. Произошла страшная сцена, и молодая женщина ушла к отцу. Спустя некоторое время студент прикинулся раскаивающимся. Он явился к отцу и матери своей жены и начал умолять последнюю о прощении. Последняя после некоторого сопротивления, наконец, уступила и когда в знак примирения согласилась его поцеловать, он откусил ей нос. Несчастная молодая женщина теперь в клинике, и неизвестно, что с нею будет. Каковы у нас нравы!

17 ноября 1865 года, среда

На днях знакомый мне медик, доктор Каталинский, отравился из любви к одной красавице, актрисе французского театра, имя которой, кажется, Стелла-Колас. Она обещала ему выйти за него замуж, а потом изменила.

Вечер в театре. Шла опера “Сафо”. Тут превосходна Барбо. Особенно игра ее в высшей степени художественна.

18 ноября 1865 года, четверг

Говорят, что Каталинский не отравился, а умер с радости, получив от своей возлюбленной согласие на брак с ним. Вот как удобно изучать современные события! Одно и тоже происшествие рассказывается на пять, на десять совершенно различных ладов. Вот, например, и об офицерах, оскорбивших даму в театре, — иные говорят, что публика энергически и честно вступилась за обиженную, поколотила негодяев и потребовала от полицейского чиновника, чтобы тут же был составлен акт; другие рассказывают, что публика, напротив, вела себя очень тихо, никакого битья и составления акта не было и что все ограничилось одним скромным заявлением, а когда потребовалось идти в полицию, чтобы подкрепить заявление свидетельством, то все разбрелись, исключая двух студентов, которые и составили всю публику.

22 ноября 1865 года, понедельник

В нашем обществе издерживается ужасное множество слов. Говорят много и бестолково или говорят остроумно, но нисколько не углубляясь в дело: это наша страсть и наше бедствие. Оттого всякое дело у нас начинается словами и испаряется в словах. Оно и остается только при своем начале, а чаще всего при одном проекте. Точных сведений мы ни о чем не имеем, да и не очень заботимся иметь их. Между

тем приговоры о людях и вещах произносятся самые решительные и безапелляционные.

Вечером был Чижов, на несколько дней приехавший из Москвы. Мы обнялись, как старые друзья, каковые и есть на самом деле. Он сильно поседел. Рассказ о Ребиндере, который перед смертью совсем разорился необдуманными спекуляциями. По словам Чижова, его, бедного, терзало также честолюбие. Ему вообразилось, что он непременно должен быть министром, и верил, что провидение предназначило ему играть важную политическую роль. В то же время он хотел жениться, и две невесты его отвергли.

Вечером был также Гебгардт. Он, бедный, совсем превратился в старую бабу-сплетницу. Он только и знает, что рассказывает разные слухи и на все и на всех брюзжит.

24 ноября 1865 года, среда

Бибиков был судим в уголовной палате за свою книгу:

“Критические этюды” и приговорен к шестидневному тюремному заключению. Большинство судей однако, находило, что его нельзя осудить за те вины, которые формулированы министерством внутренних дел, и только по настоянию прокурора и состоялся приговор.

26 ноября 1865 года, пятница

Газеты извещают, что генерал-адъютант Н.Н.Анненков, бывший киевский генерал-губернатор, умер.

На днях доктор Вальц говорил, что холерных случаев, и притом смертных, уже было пять.

27 ноября 1865 года, суббота

Демократизм должен состоять не в том, чтобы каждого человека сделать подобным другому, — такого смешения и однообразия не допускает природа, — а в том, чтобы каждому предоставить возможность быть или самостоятельным, или повиноваться, как это ему лучше или удобнее. Из того, что некоторым не хочется повиноваться, еще не следует, что они и не должны повиноваться.

30 ноября 1865 года, вторник

Виделся с Чижовым и Поленовым. Поленов такой же добряк, каким был всегда. Чижов по-прежнему считает себя способным обмануть целый свет. Между тем он истинно честный человек и на деле никого не обманет и неспособен обмануть.

1 декабря 1865 года, среда

Вечер у <…> Мне как-то тяжело бывает в большом сборище людей. Слышать то же бесконечное разногласие мнений, те же нелепые толки, те же вести о происшествиях, которые никогда не случались или случались вовсе не так, и проч. Тут надо или молчать, или впадать самому в мутный поток тех же пустых речей, а наблюдать всех этих передовых личностей, право, не стоит труда. Да я и знаю их уже очень хорошо; все непобедимые самолюбия, претендующие на исключительное первенство. Одно лицо, однако, тут было любопытное — старый мой знакомый Стороженко, служивший два года при Муравьеве и исполнявший его разные поручения. Он закрывал монастыри, производил следствия и проч. Это плутоватый малороссиянин первой руки.

Он рассказывал много интересных вещей, которые были бы еще интереснее, если бы ему можно было верить во веем. Но он рассказывает умно и замысловато, с малороссийским юмором.

2 декабря 1865 года, четверг

Опять на большом сборище — на обеде у вице-президента Медицинской академии Глебова. Он праздновал день рождения своего четырехлетнего сына, которого и он и жена его любят до безумия. Тут были все медицинские знаменитости и профессора: Дубовицкий, Якубович, Цыцурин, Боткин и т.д. Все это общество очень ласково приняло меня. С Якубовичем я говорил по-малороссийски. Это в обращении, что называется, добрый малый, немножко с забубенными замашками.

3 декабря 1865 года, пятница

Вечером происходило у меня чтение. Гончаров читал драму графа Толстого “Смерть Иоанна Грозного”, о которой много говорили в публике. Пьеса действительно замечательная по верности характеров Грозного и Бориса Годунова и вообще по искусной обработке. Слушать собралось довольно много гостей, особенно дам. Между последними сияла А.С.Старынкевич, которую я прозвал королевой Анной за ее величественный рост и эффектную красоту. Приглашал я и моих академических товарищей, в том числе и Пекарского. Что касается последнего, то я, впрочем, был почти уверен, что он не приедет. Он не признает поэзии, считая ее слишком ничтожною для своего академического ума.

4 декабря 1865 года, суббота

В N 263 “Северной почты” напечатано первое предостережение “Голосу” — вероятно, за его антинациональные выходки. Так, например, он отзывался с каким-то глумлением о делах наших в Средней Азии по случаю занятия Ташкента, что особенно теперь некстати по причине всяческих случаев, распространяемых в английских газетах насчет наших завоевательных видов и проч. У “Голоса”,

кажется, одна забота — во всем противоречить “Московским ведомостям”, с которыми он в страшной вражде, и чтобы насолить этой газете, чуть ли не готов доказывать всякие нелепости, даже в подрыв нашим интересам. Этим он думает дать себе особенный цвет и физиономию.

Замечательные речи председателя царскосельского земского собрания — Платонова и члена — графа Шувалова, произнесенные в земском собрании и напечатанные в 319-м N “С.-П. ведомостей”. Дело идет о том, чтобы просить правительство об установлении общей земской управы для рассмотрения общих государственных экономических дел.

Вечер у Ржевского. Тут собираются обыкновенно все приверженцы дворянских интересов. Между такими приверженцами заметнее всех Скарятин, издатель “Вести”, дворянской газеты. Во всяком случае он весьма неглупый и даже даровитый человек. Он хорошо говорит и готовит себя в ораторы будущей земской думы — если таковая будет. Тут был также и известный Мельников, плутоватое личико которого выглядывало из-за густых рыжеватых бакенбард. Он выбрасывал из своего рта множество разных анекдотов и фраз бойкого, но не совсем правдивого свойства. Шиль, отставной профессор Гельсингфорсского университета, откуда вытеснили его шведы, — политико-эконом, неглупый, но, кажется, высоко думающий о своих умственных и ученых достоинствах. После явился и малютка Фукс, обратившийся ко мне с самым дружеским пожатием. С ним обращаются не без некоторой осторожности, так как считают его за шпиона у Валуева. Он теперь держит себя с известным величием, как подобает члену министерского совета. Кабинет Ржевского слишком наполнился, и мне стало неловко в этом сборище людей, которые все претендуют на важное значение в обществе, чрезвычайно остроумно судят о всех современных вопросах, не щадя никого и ничего, и стараются выказать столько ума и знания, что мне, маленькому и темненькому человечку, тут уже вовсе нечего было делать, и я поспешил себя вынести из этой для меня слишком блестящей среды.

Поутру заезжал к Варваре Дмитриевне Ладыженской. Тут познакомился с ее двоюродным братом, флигель-адъютантом Н.В.Воейковым, который почему-то знает, что я был некогда знаком с его дедом, П.С.Молчановым, состоявшим статс-секретарем при Александре I. Действительно, когда я был студентом и жил у г-жи Штерич, он часто бывал у нее, иногда сажал меня возле себя и подолгу со мной говорил о Малороссии, которую очень любил. Он умер во время холеры 1831 года одною из первых жертв ее. Во время моего знакомства он был уже слеп.

5 декабря 1865 года, воскресенье

В сегодняшнем N 266 “Северной почты” напечатано второе предостережение “Современнику”.

7 декабря 1865 года, вторник

Обедал в клубе. Возобновил знакомство с бароном А.И.Дельвигом, с которым

лет тридцать тому назад познакомился у Плетнева, а также знакомство с М.П.Боткиным, братом литератора В.П.Боткина, что в Москве.

11 декабря 1865 года, суббота

Заседание в Академии наук. Срезневский сегодня читал нам свою статью о платье Всеволода-Гавриила, князя Новгородского в XIII в. и причисленного к лику святых. Он отыскал в московском Чудовом монастыре истертый, полинявший и попорченный рисунок, на котором будто бы изображен этот князь. Главный вопрос состоял в том, точно ли рисунок изображает этого, а не другого князя. Видно, что он перебрал несколько летописей и много трудился. Никаких соображений он более не делает и что из этого следует — не говорит.

14 декабря 1865 года, вторник

Вот что сделал Головнин в отмщение “Московским ведомостями. “Московские ведомости” принадлежат университету, и Катков с Леонтьевым содержат их на аренде вместе с типографией за 73 тысячи рублей. “С.-П. ведомости” Академия наук также отдает в аренду Коршу за 15 тысяч. Чтобы оттиснуть Каткова от “Московских ведомостей”, Головнин предлагает министру внутренних дел взять эту газету от университета, а для большей благовидности также и “С.-П. ведомости” от Академии, и передать их в ведомство Главного управления по делам печати, с тем чтобы оно от себя отдавало их в аренду “благонадежным людям”. Повод к этому беззаконию он находит в том, что арендные деньги поступают в государственное казначейство и оттуда идут на содержание упомянутых заведений. Но арендные деньги могут уменьшиться, а то и совсем прекратиться, если правительство наложит свою руку на эти газеты. С тем вместе уменьшатся и средства обеспечения этих заведений, ибо государственному казначейству не из чего будет выплачивать недостающие денег. Заведения эти таким образом, говорит Головнин, будут потрясены в самом основании.

Для предупреждения этого-то зла и спасения Московского университета и Академии наук он и предлагает упомянутую меру, полагая, что арендные деньги в ведении Главного управления по делам печати постоянно будут в той же цифре, как ныне. При этом он советует Валуеву “С-П. ведомости” слить с “Северной почтой”, что, по его мнению, должно увеличить доход последней. Кроме того, он думает, что Главное управление, получив в свое заведование обе газеты, будет действовать вообще на прессу. Все это Головнин предлагал Валуеву еще год тому назад, в декабре 1864 года, но почему-то последний оставил тогда бумагу без движения. Теперь Головнин отнесся к Валуеву вторично, а этот спрашивает мнения у президента Академии. Ненадежность арендного дохода, получаемого университетом и Академией, Головнин основывает на возможности приостановки или запрещения арендуемых газет по новым законам о печати. Год тому назад законы эти еще не прошли, но Головнин знал, что они будут установлены.

Сегодня я читал бумаги Головкина в комитете Академии, куда они поступили от президента. Очень жаль, что президент сам хочет на них отвечать, без совещания с

членами Академии, и ответ его без сомнения будет уклончивый. Это я вижу уже из слов секретаря.

Головнин забыл, однако, одно: что с поступлением газет в ведомство и под дирекцию Главного управления по делам печати число их подписчиков должно непременно уменьшиться, их значение от казенного влияния потеряется, следовательно, и арендная плата понизится, и казна потерпит убыток.

15 декабря 1865 года, среда

Сильно нужно бороться с внутренними тревогами, возбуждаемыми то тягостями и бестолковщиною времени, то неурядицею собственного духа и материальными недостатками. Однако надобно бороться, надобно быть человеком и мужем. Главное, не должно рассыпаться в мелочах, опасениях, умозрениях и т.п., а держаться крепче центральных убеждений и начал.

18 декабря 1865 года, суббота

Прочитал записки адмирала Шишкова о времени управления им министерством народного просвещения. Три задачи почти исключительно составляли заботы Шишкова в это время: а) нападение на книгу Госснера, напечатанную в Петербурге на немецком языке и переведенную Брискорном: “Дух жизни и учения Иисуса Христа в наблюдениях и замечаниях на Новый завет. Том первый. Матфей и Марк” Ь) принятие строгих цензурных мер против безбожных и злонамеренных книг; с) закрытие библейских обществ и осуждение Попова за поправки русского перевода Госснеровой книги. Госснер был выслан из России, а книга его сожжена по решению Комитета министров. По этим вопросам Шишков беспрестанно атакует государя Александра I. Доклады его полны самых страшных обвинений, мыслей о необходимости принятия суровейших репрессивных мер, нападок на современное движение, зловещих предсказаний и смешных толкований на самые невинные вещи в печати. Он беспрестанно вопиет о разрушении тронов и алтарей. Замечательно, что Александр терпеливо выслушивал все напыщенные доклады своего министра, не возражал ему, как бы соглашаясь с ним, — и прятал их под сукно. “Старик с лицом печальным” приходил в отчаяние, видя, что государь не принимает никаких мер к спасению тронов и алтарей и к преследованию книг и книжонок, на которые обращались громы его мрачных докладов.

Вот черта характера Александра. Шишков сильно настаивал на осуждении Попова, исправлявшего перевод книги Госнера. Дело рассматривалось в сенате. Там явился сильный защитник Попова, сенатор Муравьев-Апостол. Шишков, по обыкновению, донес об этом государю, и, как всегда, государь выслушал его благосклонно, а между тем тайком позвал к себе Муравьева и благодарил за защиту Попова.

Из записок Шишкова видно вообще, что этот государственный муж был сердца честного, но ума весьма ограниченного, и немудрено, что Александр, стоявший неизмеримо выше его по уму, пропускал мимо ушей его иеремиады о погибели

тронов и алтарей. Он лучше его понимал, что репрессивными мерами нельзя остановить движения времени.

Шишков считался стилистом в государственной литературе своего времени. Между тем все его бумаги отличаются только надутым высокопарным витийством и похожи на хрисообразные сочинения студентов класса риторики.

Интересны рассказы о некоем Есауле и Фотии. Последний, по словам Шишкова, был одним из главных, если не самым главным виновником удаления князя Голицына от министерства народного просвещения. Фотий проклял князя за его будто бы покровительство развращению умов (в доме княгини Орловой) и донес о том государю, который потребовал его к себе. После этой тайной беседы государя Голицын пал.

19 декабря 1865 года, воскресенье

Сначала, в молодости, жизнь наша нам кажется чрезвычайно важною для других, потом она кажется важною исключительно для нас самих, а в заключение мы убеждаемся, что она не имеет решительно никакой важности ни по отношению к самой себе, ни по отношению к другим, ни к нам самим.

Тютчев рассказывал мне о своем разговоре с Валуевым о делах печати. Он откровенно объяснял министру, что репрессивная система, принятая им, ни к чему хорошему не приведет. Тютчев с негодованием рассказывал мне также о Совете, от участия в делах которого он решительно отказался. То же подтверждает и Гончаров. Все это нисколько не удивительно. Министр сам смотрит на дело как чиновник, а не как государственный человек и, кажется, не имеет понятия о значении мысли, которую думает подавить канцелярскою рутиною и канцелярскими мерами. На днях был напечатан в “Северной почте” циркуляр к остзейским цензорам, замечательный по необыкновенной своей безграмотности и такой путанице понятий, что напрасно вы думали бы узнать, чего хочет Главное управление печати.

От Тютчева также слышал, что на днях происходила сильная борьба между защитниками Польши и лицами, поддерживающими интересы России. Дело шло о том, дозволить или не дозволить католикам и полякам приобретать недвижимые имущества в западных губерниях? — вопрос, от решения которого зависит, кому первенствовать в этих губерниях: нам или полякам? Валуев усердно старался, чтобы вопрос этот был решен в пользу польско-католического элемента. И странное дело, большинство в Совете, собранном нарочно для обсуждения этого вопроса, было в пользу того же элемента. Но государь утвердил мнение меньшинства, объявив, что он твердо будет стоять на стороне русских, а не польских интересов.

Годичное заседание в Литературном фонде. Нас сошлось всего человек десять, считая в том числе и членов комитета. Общество, очевидно, тает. Публика стала к нему совершенно равнодушною. Это отчасти, может быть, и потому, что первые члены комитета с помощью Чернышевского, Лаврова и т.д. дали обществу характер партии.

Обедал у дяди Марка. Бесконечные толки о делах печати и о Польше.

23 декабря 1865 года, четверг

Вечер просидел у меня Гончаров. Он с крайним огорчением говорил о своем невыносимом положении в Совете по делам печати. Министр смотрит на вопросы мысли и печати как полицейский чиновник; председатель Совета Щербинин есть ничтожнейшее существо, готовое подчиниться всякому чужому влиянию, кроме честного и умного, а всему дают направление Фукс и делопроизводитель. Они доносят Валуеву о словах и мнениях членов и предрасполагают его к известным решениям, настраивая его в то же время против лиц, которые им почему-нибудь неугодны. Выходит, что дела цензуры, пожалуй, никогда еще не были в таких дурных, то есть невежественных и враждебных мысли, руках.

24 декабря 1865 года, пятница

На днях напечатано было в “Северной почте” решение синода о проекте Сергиевского насчет превращения в университетах кафедры богословия в апологетику против разных антирелигиозных мнений. Синод отклонил это предложение под предлогом, что в университетах не открыты еще кафедры ни канонического права, ни церковной истории и преподавание богословия не установилось в размерах, предполагаемых новым университетским уставом, а потому теперь нельзя и вводить в него ничего нового. Синод поступил очень благоразумно, не согласясь с проектом Сергиевского.

На днях в университете произошла история. Студенты с шумом и гамом потребовали от профессора физики Ленца, сына покойного Э.Х.Ленца, чтобы он оставил свою кафедру, потому что он вовсе не способен к преподаванию, а когда инспектор явился их укрощать, то они его прогнали. Действительно говорят, Ленц плохой преподаватель, а что касается до инспектора Озерецкого, который еще при мне был определен, то это плохой инспектор. Итак, мудрено ли, что юноши бунтуют…

Из старых моих университетских товарищей Ивану Карловичу Гебгардту приключился род удара, а Чивилев сломал ногу. Я сегодня навешал обоих. Чивилев еще в постели. Но двор окружил его таким уходом и попечениями, что не выздороветь его ноге нет возможности. Что же касается дедушки Ивана, то ему это третье предостережение. Я нашел его, впрочем, вне опасности и довольно спокойным, как и подобает человеку, на котором не лежит никаких особенных обязанностей.

25 декабря 1865 года, суббота

Человек не бывает положительно ни зол, ни добр. Тем и другим он бывает попеременно от влияния окружающей его среды и большей или меньшей силы влечений к чувственным наслаждениям. Часто ему кажется, что он образовал себе известный характер в том или другом направлении, тогда как все в нем есть дело случайностей, склоняющих его то в ту, то в другую сторону. И большею частью

бывает так, что он не заслуживает ни решительного одобрения за свои добродетели, ни решительного порицания за свои пороки.

26 декабря 1865 года, воскресенье

Встретился сегодня у Гончарова с Фуксом. Весьма дружеское пожатие руки. Он принес с собою Гончарову книгу, которую Управление по делам печати подвергло секвестру. Это перевод сочинения о конституции в применении к России. Перевели ее и издали Кавелин и Утин. Книга, как говорит Фукс, могла бы еще пройти, но предисловие переводчиков, направленное прямо к России, оказалось невозможным. Так как книгу велено отобрать, то она будет библиографическою редкостью, и ее нельзя будет прочесть. Фукс обещал мне ее доставить.

29 декабря 1865 года, среда

Современная наука отвергает все верования, считая их иллюзиями. Но она ставит на место их другре верование — идею прогресса. Но разве это тоже не иллюзия?

Обедал у Анны Михайловны Раевской вместе с В.М.Княжевичем и Казначеевым. До обеда разбирал с хозяйкой черновые бумаги Ломоносова, которые хранятся у одного из потомков его — Орлова. Много бумаг написаны собственною рукою Ломоносова: почти все они касаются академических дел. Ими пользовался уже Билярский для составления своего сборника материалов для биографии Ломоносова.

31 декабря 1865 года, пятница

Умер Плетнев в Париже. Я сейчас услышал об этом от Грота, с которым встретился на Невском проспекте. Около тридцати пяти лет был я знаком с Плетневым. Часто знакомство наше, особенно вначале, переходило в тесную, по-видимому, дружбу. Потом дружба эта охладевала и опять восстановлялась, но в последние годы она окончательно остановилась на точке замерзания. Причиною этой изменчивости отношений были подозрения, возбуждаемые во мне поступками Плетнева, не совсем согласовавшимися с моим прямым и открытым поведением. В них видел я что-то неискреннее, и два раза он действительно нанес мне большой вред. В первый раз ему удалось меня с ним примирить, и я опять стал ему верить, но после второго раза я уже сделался осторожнее. Впрочем, вообще это был человек, не отличавшийся особенно яркими ни хорошими, ни дурными качествами. Его натура в общем, пожалуй, была даже хорошая, но он не способен был ни к какой усиленной деятельности, ни к какому движению, которое могло бы нарушить его спокойствие и интересы. Он всегда принимал на себя наружность самую благодушную, являлся всегда чистеньким, гладеньким, вымытым, приличным и сочувствующим всему прекрасному и высокому. Но все это как-то отзывалось общими местами. Всему этому недоставало той сердечности, силы и правдивости, которые делают иногда человека как бы шероховатым, неровным, а между тем поселяют доверие к его

доброте, потому что в ней видишь что-то живое, действительное, а не выисканное и насильственно в себе сделанное. Плетнев был всегда сдержан, но сдержанность эта происходила не от силы характера, а была следствием опасения, как бы не сделать и не сказать чего-нибудь для себя предосудительного, — следствием неспособности почувствовать что-нибудь глубоко и проявить свои чувства и реально и рельефно.

Самое важное в человеческой жизни — это *уменье что-нибудь сделать.* Это не ум, не доблесть, не гений, но это выше и ума, и доблести, и гения. Это то, чем люди бывают полезны и себе и другим. Без сомнения, уменье это развивается с детства и совершенствуется постоянным упражнением, навыком. Но первоначальная причина его лежит в той общей животной смышлености, которою всякое живое существо наделено для собственного самосохранения. Но я по какой-то странной игре немилости или капризу природы вовсе лишен этого драгоценного качества. Я ничего *не умел* и *не умею* сделать. Меня очень рано, еще в детстве, начала соблазнять мечта какой-то высокой будущности, славных и великих подвигов, и я таким образом начал тогда уж испаряться в обширных замыслах, в бесконечном пространстве и ничему не выучился, то есть ничего дельного не выучился делать… Так точно я не выучился и житейскому искусству, например искусству поддерживать отношения с людьми так, чтобы располагать их в пользу и в выгоду себе и другим. Конец 1865 года.

1866

2 января 1866 года, воскресенье

Обед в клубе сельских хозяев. Обедало человек сто тридцать. Обед был хорош, но вял и не оживлен.

3 января 1866 года, понедельник

Как медленно искореняется зло, но еще медленнее возрастает добро.

Разбои и грабежи самые возмутительные и дикие злодейства совершаются открыто не в одном Петербурге, но в целой России. Администрация утешается или утешает других тем, что это и прежде всегда бывало, да только не печаталось. Впрочем, положение, принятое правительством в этих обстоятельствах, совершенная загадка. Почему администрация смотрит на все это с полным равнодушием и не принимает никаких мер, как будто интересы общества ей совершенно чужды? Во всяком сколько-нибудь устроенном государстве администрация, даже самая слабая, всегда по крайней мере показывала вид, что она действует. А тут даже можно было бы усомниться, что она существует, если бы от времени до времени она не давала о себе знать какими-нибудь мерзостями, вроде казенных краж, какой-нибудь вопиющей несправедливости, какой-нибудь странной меры, полезной для воров и бесполезной для мирных граждан.

4 января 1866 года, вторник

Вечер у Глебова, где встретился со Срезневским и Якубовичем, профессором физиологии в Медицинской академии. Я уехал до ужина.

5 января 1866 года, среда

На панихиде по Плетневу, которая совершена была в университетской церкви. Священник Полисадов сказал маленькую речь о заслугах покойного. Присутствующих было немного. Из академиков, кроме меня, только Грот и Веселовский. Профессоров человек пять да несколько старых знакомых Плетнева. Тут, между прочим, встретил я князя Вяземского, Любимова и Делянова.

На днях по Екатерингофскому проспекту, часу в одиннадцатом вечера, проходила молодая, весьма приличного вида дама. Вдруг на нее нападают восемь переодетых молодых людей, произносят ей в лицо скверные слова, оскорбляют ее и

теснят к забору вдоль тротуара. На крик ее, к счастью, подоспели два прохожих; негодяи рассыпались в разные стороны; одного из них, однако, успели схватить. . Бедная женщина, почти без чувств, была доставлена в часть. Потребовался доктор, и она только с его помощью пришла в себя. Однако домой ее доставили совсем больною.

Земские учреждения наши важны не потому, что они есть, а потому, что они могут проложить путь тому, что должно быть.

Замечательная телеграмма государя к Кауфману, посланная в ответ на его поздравления с Новым годом. В ней изъявлена благодарность за твердую деятельность генерал-губернатора в западных губерниях.

Пока государства нужны, пока они составляют необходимую форму общественности, надо, чтобы Россия существовала, развивалась и зрела как государство, а это невозможно, если поляки снова будут господствовать в Западном крае. Я сердечно, искренно сочувствую их бедствиям. Но, во-первых, кто ошибся, тот должен нести и последствия своей ошибки; такова логика человеческой судьбы. А во-вторых, чем засвидетельствовали поляки, что они лучше устроят и поведут государство, чем мы?

8 января 1866 года, суббота

Говорят, что шепнуто кому подобает, чтобы здешнему суду было внушено, да не придерживаются они очень строго закона в оправдании проступков по делам печати. Это и есть обещанный суд, правый и нелицеприятный.

9 января 1866 года, воскресенье

Возникла полемика между земскими учреждениями и администрацией, то есть министерством внутренних дел. Статьи последнего напечатаны в “Северной почте”. Некоторые земские собрания, особенно петербургское, выразили свое неудовольствие на стеснения, коим они подвергнуты постановлениями со стороны административных властей, и положили просить о расширении своих прав, а больше всего о невмешательстве этих властей в свои распоряжения. Может быть, эти домогательства земских собраний и не во всем справедливы, может быть, они и преждевременны, как замечает “Северная почта”; но дело в том, что наша администрация не пользуется доверием, что ее произвол и злоупотребления всем страшно надоели, а потому неудивительно, что общество старается всячески ее ослабить и по возможности иметь с нею меньше дела в устройстве и ограждении своих интересов.

Замечания и возражения, напечатанные в “Северной почте”, изложены в очень умеренном тоне, и по некоторым признакам и оборотам речи можно догадываться, не писал ли их сам Валуев.

10 января 1866 года, понедельник

Второе предостережение “Русскому слову”, преимущественно за статью Писарева об учении Конта. Это уже придирка. Мы, значит, поворачиваем назад к прежнему архицензурному времени. Я далеко не сочувствую всему, что проповедуется в “Русском слове”. Но одно из двух: или надо при расширении свободы печати допустить разные воззрения и толки о таких предметах, о которых прежде толковалось не иначе как официальным образом, и предоставить другим воззрениям и толкам опровергать и парализировать первые — или остаться при прежнем ходе подцензурной литературы и при прежних стеснениях печати.

Лучше бы не издавать нового положения и не обманывать таким образом публику и печать, будто бы предоставляя последней больше свободы, а на самом деле подвергая ее тягчайшему игу.

Выходит на поверку, что, дав свободу народу, мы хотим сковать всякую свободу мысли. Опираясь исключительно на чернь, не воздвигаем ли мы такое здание деспотизма, которое подкопать после вряд ли будет в состоянии умственная сила без какого-нибудь страшного взрыва?

11 января 1866 года, вторник

Сегодня в заседании академического правления совершенно неожиданно получил 300 рублей, которые президент определил выдать каждому из членов Второго отделения. Это служит мне большим подспорьем.

Однако мне и тут пришлось лишиться 90 рублей, которые вычли у меня в счет уплаты за чин, за который внести всего я должен 240 рублей. Хотели было удержать все, но добрейший Власов устроил так, что я на этот раз успел сохранить большую часть этой неожиданной манны. Чин тайного советника мне не по плечам: он сильно давит их.

14 января 1866 года, пятница

Общее собрание в Академии наук. Выбрали в экстраординарные академики по Второму отделению библиотекаря императорской Публичной библиотеки А.Ф.Бычкова, а в почетные члены Постельса за пожертвованную им Академии значительную коллекцию рисунков по части зоологии и ботаники, собранную им во время кругосветного путешествия с Литке.

Речь графа Строганова в одесской думе делает много шуму. Она напечатана в N 4 “Вести”.

15 января 1866 года, суббота

Первое предостережение “Вести” за статью в N 3 по поводу мысли об общем земском собрании. Но ведь об этом было говорено и печатано уже не раз во время земских собраний в Петербурге. Вообще министерство очень щедро на предостережения. Им, кажется, вполне овладела мысль уничтожить те

приобретения, какие сделала печать в последнее десятилетие, — приобретения, из которых многие утверждены и гарантированы высочайшею волею. Разумеется, все это имеет вид пресечения злоупотреблений в печати. Но в том-то и дело, что то, что кажется министру внутренних дел злоупотреблением, то составляет только естественное последствие совершившегося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самим правительством. Такой образ действий ничего не в состоянии произвести, кроме общего негодования и стеснения нашей бедной мысли и образованности.

14-го числа происходил суд над Краевским, о чем объявлено в N 15 “С.-Петербургских ведомостей”. Приговор еще не постановлен.

16 января 1866 года, воскресенье

Задача наблюдения за печатью — одна из труднейших правительственных задач. Трудность ее увеличивается, когда правительство не установило для себя твердых начал, которым оно намерено следовать, и не сделало их общеизвестными, когда оно колеблется между допущением большей свободы и страхом, что слишком много дозволило. Тогда писатели, самые благоразумные и благонамеренные, не знают, чего им держаться. То им кажется, что они могут высказать нечто более, кроме общих мест, то, чувствуя над собою Дамоклов меч, смущаются, и перо, обмакнутое в чернила, замирает в их руке из опасения подвергнуться тяжелым и незаслуженным взысканиям. Таково точно теперь положение нашей печати. Правительству следовало или приостановить еще на несколько времени издание нового закона о печати, имеющего либеральный вид, и остаться при цензуре предупредительной, устроив ее по возможности разумнее, — или, издав новый закон, допустить и неизбежные его последствия. Закон без применения, закон только для виду есть обман и ловушка, недостойная хорошего правительства.

Говорят, что правительство не может же дозволить того-то, того и того. Но чего именно? Вот в этом-то и задача. Ведь всякий гражданин очень хорошо понимает, что не должно восставать против Бога и христианства, против государя и существующей формы правления, против чести и безопасности других граждан; но что именно считать посягательством в мысли и печати на эти священные предметы, если оно не высказывается и не прокламируется явно? Это уж будет зависеть от толкований. И вот где обширное поле для всякого рода недоумений, недоразумений, произвола и личностей. А между тем из этого может вырасти страшная кара и гнет, который грозит остановить всякое движение мысли. Вот, например, Краевский отдан под суд, который угрожает ему не более не менее как каторгою, а между тем, когда он говорил о притеснении администрациею раскольников, он основывался на высочайшей воле, выраженной государем во время польского восстания и не оставлявшей никакого сомнения в том, что раскольников отныне у нас уже больше не будут преследовать за их верования. Все, за что можно упрекнуть редакцию, это два-три резкие слова, которые лучше было бы смягчить, но каторга за это — страшное дело! А ведь министр внутренних дел, мотивируя свое решение о предании редактора суду, ссылается именно на этот закон.

В статье Краевского самые сильные выражения следующие: “давно ли у нас объявлена свобода вероисповедания для старообрядцев” и таким образом, то есть волею царскою, дарованная “льгота”. Министр толкует эти выражения так, как будто автор восстает против правительства и осмеливается объявлять высочайшую волю. Но разве эта воля не была объявлена самим государем в словах, обращенных к раскольникам, и ссылку на эти слова разве можно считать объявлением высочайшей воли, как на то уполномочиваются министры, генерал-адъютанты и проч.? Во втором предостережении “Русскому слову” приведена причина: косвенное намерение дать практическое приложение коммунизму. Это одно слово: косвенное в состоянии привести в отчаяние всякого пишущего, ибо чего нельзя представить в виде косвенного нападения на Бога, царя и т.д.

На вечере у Тройницкого. Продолжительный разговор с сенатором который некогда был председателем цензурного комитета. Он совершенно одного мнения со мною насчет дел о печати. Он, между прочим, тоже думает, что уже лучше было бы на некоторое время оставить предупредительную цензуру, чем вести дело так неловко. Насчет поспешности и неловкости, с какой введена была эта цензурная реформа, я еще месяца полтора тому назад говорил графу В.Ф.Адлербергу в Царском Селе.

У Тройницкого было много гостей. Отовсюду слышалось сильное неодобрение применению наказания к Краевскому каторжной работы. Находят, что закон этот не имеет никакого отношения к факту. Предостережение “Вести” тоже никем не одобряется. Все говорят, что управление по делам печати находится в очень дурных руках. С нетерпением ожидают, что сделает суд по делу Краевского. Сам товарищ министра видит большой промах в этом деле со стороны министерства. Он с жаром выговаривал это Гончарову, который был тут же и отвечал, что же ему было делать? У него ни горла, ни легких не хватило кричать против решения совета, да и притом, как тут поступать, когда делается внушение свыше, то есть со стороны министра. Тройниц-кий сильно напал на это последнее выражение. Мне даже жаль стадо бедного Гончарова.

18 января 1866 года, вторник

У нас с папой Пием IX серьезная размолвка. Мейендорф имел с ним крупный разговор. В первый день нового года наш посланник приехал с поздравлениями к святому отцу. Последний начал упрекать русское правительство за обращение с католиками в Польше и, возвысив голос, прибавил, что оно, русское правительство, кажется, решилось совсем уничтожить там католическую веру. Мейендорф на это возразил, что его святейшеству доставляют неверные сведения, что русское правительство никогда не помышляло об искоренении какой бы то ни было веры, но что оно не могло не принимать мер против духовенства, которое стало во главе бунта и возбуждало политические страсти.

— Это ложь! — воскликнул с жаром и негодованием папа. Тогда посланник с серьезным видом отвечал, что его правительство не лжет и что он, как представитель своего государя, не может оставить этого обвинения без ответа.

— Вы забываете, с кем вы говорите, — заметил папа.

— Ваше святейшество, я вполне понимаю, с кем имею честь беседовать, но не могу не исполнить моего долга в отношении к моему государю.

Тогда папа страшно разгневался и, указав посланнику на дверь, крикнул: “Уйдите”.

Мейендорф сообщил об этой сцене Антонелли, который взялся было уладить дело, но потом объявил, что святой отец ничего слышать не хочет и уверяет, будто он никогда не обвинял русского правительства во лжи, но что посланник перед ним забылся.

Разумеется, двор наш поставлен этим в большое затруднение. Наполеон старается всячески раздуть искру, представляя из себя защитника папы в глазах всего католического мира, и легко может принять этот случай за предлог к неприязненным отношениям с нами. Дела его в Мексике идут очень дурно, и ему, для поправления своего кредита в глазах французов, необходимо выкинуть новый фокус. К тому же ему надо чем-нибудь отвлечь внимание подданных и от внутренних дел и опять словить их на приманке новой военной славы. Недаром вступил он в тесный союз с Австрией.

21 января 1866 года, пятница

Вечером, между прочим, был у меня Б-в, первый раз ко мне приехавший и с которым я теперь только познакомился. Он кажется приятным, умным и сведущим человеком. Он техник и преимущественно механик, ездил во Францию и Англию с поручениями по части железного производства, а во время польского восстания управлял частью Варшавской железной дороги. Он рассказывал много любопытного из истории восстания и о Муравьеве. По словам его, Муравьев вовсе не был недоступен чувству милосердия, но он неутомимо преследовал главную цель — подавление восстания и на этом пути сокрушал все преграды. О поляках говорил Б-в, что у них, при сильном патриотическом чувстве, во всем проглядывала большая безалаберность. Он был свидетелем нескольких военных действий и получил высокое понятие о нашем солдате, о его несокрушимой храбрости, чуждой всякой хвастливости, и о его добродушии. Казаков Б-в не хвалит. По его словам, они воры.

22 января 1866 года, суббота

Говорят, мнения в суде о Краевском разделились. Одна часть судей не находит решительно никаких поводов к его обвинению, а другая полагает приговорить его к 25 рублям штрафу. Во всяком случае выходит, что Валуев потерпел жестокое поражение. Общий голос в публике и суде против него и против его чиновников. Не постигают, как можно было поднять всю эту бурю и написать такое нелепое обвинение с подведением законов не имеющих ни малейшего отношения к делу.

Заходил навестить поутру все еще больного Чивилева. Там познакомился с графом Перовским, состоящим при наследнике. Он показался мне добрым

человеком. Тут узнал я о проекте образовать общество ученых для разработки государственного архива и издания его актов, чему весьма покровительствует князь Горчаков. Я заметил, что мера эта очень полезна для отечественной истории и должна так же много содействовать успеху ее, как и знаменитая археографическая комиссия.

23 января 1866 года, воскресенье

На бале у Тройницкого. Множество гостей всяких — и звездоносных и простых смертных. Гончаров свел меня с Щербининым, который изъявил мне свое глубокое сожаление, что меня нет в совете. Я отвечал на это, что уже довольно послужил делу печати, и поспешил переменить разговор. Он показался мне жалким стариком, которому очень тяжко под бременем его председательства. Он жаловался на то, что судьи их не поддерживают. Потом я говорил с бароном Корфом, который обещался доставить мне некоторые материалы для биографии Галича.

26 января 1866 года, среда

Все зимы нет. Вчера дождь и всяческая мокрота, сегодня тоже. Доктора, однако, говорят, что общее состояние здоровья в городе лучше, чем обыкновенно бывает в это время года.

28 января 1866 года, пятница

Собрание у А.С. Норова из нескольких членов Академии наук для совещаний о проекте нового устава. На меня возложено составить по этому предмету записку.

1 февраля 1866 года, вторник

Какой скачок! Сегодня 18R мороза.

2 февраля 1866 года, среда

Всякая пошлость, всякая бездарность прячется ныне за факты, за положительность. Собрав горсточку фактов или фактиков, бездарность громко восклицает: “Вот труд науки!” — и с гордым презрением смотрит на всякое движение ума, который требует в фактах смысла и цели, с презрением слушает всякое живое или изящное слово.

Годичное собрание Общества для пособия литераторам. Я обыкновенно стараюсь на нем присутствовать как один из основателей Общества. Оно в упадке. Никто ничего не жертвует, да и члены не платят годичных взносов. Однако у Общества все-таки старого капитала тысяч до тридцати пяти. В нынешнем заседании В.С.Курочкин, издатель “Искры”, предложил странную мысль — дать пособие рисовальщику карикатур, тогда как Общество учреждено исключительно

для пособия литераторам. Некоторые согласились с этим; согласился и сам председатель Ковалевский, по обычной своей слабости. Я первый формально этому воспротивился, сказав, что таким образом произвольно расширять пределы пособий значит совершенно противоречить принципу и основному закону Общества. Собрали голоса. Значительное большинство оказалось против предложения Курочкина.

3 февраля 1866 года, четверг

В одном из балаганов на Исаакиевской площади учинился разгром. Содержатель балагана пригласил к себе конькобежца, и это привлекало к нему много публики. А чтобы побольше раздавать билетов, он заставлял конькобежца забавлять публику только по пяти минут, а в заключение конькобежец почему-то и совсем покинул свою ледяную арену. Публика рассвирепела и по знаку какого-то молодца, кликнувшего “ура”, бросилась ломать скамьи, стулья, перегородки. Тогда содержатель балагана начал уже честно давать свои представления. Итак, народ сам начинает искать себе управу.

6 февраля 1866 года, воскресенье

Ночью всякая чертовщина; толчки, холод, бессонница. Как часто приходится колебаться между сожалением о человеке и презрением к его судьбе.

8 февраля 1866 года, вторник

Студенческий обед. Обедало человек сто у Демута. Сытно, пьяно, дымно, шумно и тесно!

Я воротился домой с обеда около семи часов и нашел у себя записку князя П.А.Вяземского с приглашением на вечер для слушания чтения “Смерти Иоанна Грозного”. Я поехал. Тут было несколько княгинь, графинь и проч. Из знакомых князь Оболенский, князь Урусов и Карамзин Владимир. Читал Б.М.Маркович, и читал прекрасно. У него особый дар чтения.

9 февраля 1866 года, среда

Вчера отдал Аврааму Сергеевичу перебеленные и выправленные листы моих замечаний к проекту академического устава, которые он намерен защищать в Государственном совете.

Если рассудить основательно, то жалобы и сетования на безнравственность, разные беспорядки и пороки людские окажутся весьма неосновательными. Жаловаться и сетовать можно только на ненормальное положение вещей, а такое состояние нравов, какое существует ныне, да и всегда было, не есть ли настоящее нормальное состояние человеческого быта? Все отношения человеческие основаны на двух началах: нападения и обороны. Сила грубая нападает на ваши карманы, на

вашу жизнь; более утонченная, цивилизированная нападает на ваше имя, на ваше сердце, ваши убеждения и т.п. Если вы не хотите нападать, то берегитесь и обороняйтесь — и вот, кажется, все, чего можно требовать от человеческой природы и добродетели.

12 февраля 1866 года, суббота

Вчера заседание в общем собрании Академии и в комиссии об Уваровской премии. Срезневский выбрасывал из своих уст престранные мнения о поэзии и драме. Другие молчали. Против драмы Толстого “Смерть Грозного” составляется, кажется, сильная коалиция. И поделом ему! Зачем он не принадлежит ни к какому литературному кружку, да еще и аристократ, по крайней мере по имени и по положению при дворе. А что это человек с большим талантом и написал очень хорошую вещь — какое до этого дело гробокопателям или самозванным вождям юного поколения!

13 февраля 1866 года, воскресенье

Как грубо обращаются они с душою человеческою, эти господа естествоиспытатели, считая ее таким же куском мяса, как и все остальное в человеке. Они без церемонии пялят на нее глаза в свой микроскоп, запускают в нее свой нож и чего не допытываются ни микроскопом, ни ножом, того и знать не хотят. Оно, конечно, хорошо верить только своим чувствам; но все познаваемое познается ли только ими одними? Нет ли, друг Горацио, чего-нибудь такого в природе, что не может и сниться нашим мудрецам, что сокрыто в такой глубине или заключает в себе такие элементы, до которых не досягнуть нам никакими чувствами, никакими орудиями, а в таком случае как же, по совести, могу я сделаться материалистом? Почему же материализм имеет более права на доверие в том, что касается существеннейшей части человека, нежели идеализм? Оба они ничего здесь не знают. Но с последним по крайней мере уживаются наши нравственные интересы, без которых человек — и зверь, и подлец, и самое жалкое существо.

25 февраля 1866 года, пятница

Если хочешь, чтобы для тебя не пропал нынешний день, не думай о завтрашнем.

Наука подготовляет почву для убеждений, но сама не дает их.

2 марта 1866 года, среда

Ум специалиста тупеет по мере того, как все глубже и глубже уходит в свой предмет. Им овладевает дух исключительности, и он, по выражению одного умного грека, от великой учености становится дураком. Примеры налицо. Вот Либих, который химиею хотел объяснить всю историю человечества. Если ему верить, все

зло и добро на земле происходят от уменья или неуменья обращаться с почвою. Или другой пример — знаменитый, боготворимый нашими нигилистами Бокль, который все изъяснял влиянием естественных причин и историю их выводил из будто бы часто случавшихся в Испании землетрясений. Рису и кукурузе в Индии он также давал великое значение и приписывал им влияние на весь экономический и политический быт Индии.

5 марта 1866 года, суббота

Здешнее дворянство проектировало адрес по случаю отказа князя Щербатова принять на себя звание предводителя.

У Валуева — благодарил за содействие в устройстве моих дел. Петр Александрович не мог-таки обойтись без некоторого выкрутаса.

— Вы пожаловали, — сказал он увидев меня, — изъявить мне ваше благоволение!

— Не благоволение, ваше высокопревосходительство, а мою искреннюю благодарность.

— Очень рад и т.д.

Затем мы еще немного поговорили, на том и расстались. Он очень переменился — похудел и постарел. В последнее время положение его сделалось очень трудным. Его сильно теснили и теснят земские дела, польские и дела по печати. Три порядочные тяжести. Тяжела ты, шапка Мономаха! Вероятно, это последнее мое свидание с ним. Едва ли мне приведется еще с ним встретиться. Незачем и не для чего.

Статистические цифры способны отуманить самую светлую гдлову, если она расположена объяснять механически все общественные и человеческие явления. Так, Бокль уверяет, опираясь на некоторые цифровые данные, что в известные периоды времени непременно должно совершиться известное число преступлений или что в английском почтамте так же периодически накопляется известное число писем с неозначенными адресами. Вот вам и положительные данные, на которых позитивисты строят историю человечества и общественный порядок.

6 марта 1866 года, воскресенье

Вечер у Тройницкого. Разговоры о бывшем дворянском собрании, об адресе для исходатайствования дворянству новых прав, особенно о дозволении посылать в Петербург депутатов для представления правительству о своих нуждах. На адрес уже последовал ответ: “Оставить без последствий”.

8 марта 1866 года, вторник

Поутру был у начальника Северо-Западного края, Кауфмана, по моему личному делу. Затем он начал беседовать о польских делах. Он жаловался, что его действия

сильно парализуются партиею, покровительствующей полякам. “Мне гораздо легче, — говорил он, — справляться с тамошними противниками, чем с здешними. Поляки, — продолжал он, — пропитаны к нам враждою. Никакого доверия нельзя иметь к наружной преданности их, и теперешнее успокоение края есть чисто внешнее”.

Я пробыл у него с полчаса и нашел в нем человека обходительного и готового действовать неутомимо.

9 марта 1866 года, среда

Предводителем здешнего дворянства утвержден граф Орлов-Давыдов. Это очень хорошо со стороны государя, который, таким образом, не помянул грехов его.

10 марта 1866 года, четверг

Читал в Академии мою рецензию на драму Писемского “Екатерининские орлы”. В ней я вообще порицаю слепую прилепленность к фактам в науке и в искусстве, которою заражены и наши писатели-реалисты и наши академики. Рецензия была выслушана, по-видимому, со вниманием и похвалена, хотя, само собою разумеется, не всеми одинаково искренно.

В N 68 “С.-Петербургских ведомостей” напечатано описание обеда, данного здешним дворянством князю Щербатову. Тут было выпито и провозглашено обедавшими бесчисленное множество тостов в честь князя и друг за друга. Взаимным восхвалениям и прославлениям не было конца. Все это похоже на какое-то детство, так что становится и жалко и смешно. Как дети, обрадовавшиеся, что им можно пошуметь и поскакать на воле и без гувернеров, почтенные дворяне кричали, пили, шалили, играя в либерализм в полном веселье и самодовольствии. Вот что называется пробуждением духа свободы и самостоятельности! Положим, что это так, но некоторая сдержанность, рассудительность и спокойствие были бы здесь гораздо больше у места, чем вся эта буря пустых восклицаний и восторгов. Так ли понимаются и устраиваются серьезные вещи? Князь Щербатов поставлен на такую высоту, как будто он спас отечество, между тем он только проектировал адрес о допущении депутатов от дворянства в Государственный совет с правом голоса. Что такое право голоса в данном случае, в сущности я не знаю. Но ведь московские дворяне писали адрес о земской думе. И эта идея гораздо основательнее: по крайней мере она находит себе опору в нашей истории.

Еще князь Щербатов восхвалялся за свое гражданское мужество. Правду сказать, нетрудно мужествовать со ста двадцатью тысячами годового дохода и когда знаешь, что в нынешнее царствование тебя за то ни в крепость не посадят, ни в Сибирь не сошлют. Нет, уж когда так, то гораздо мужественнее вот эти мальчуганы, пишущие зажигательные статьи и подвергающиеся запрещениям и опасности остаться без куска хлеба. Если мы возрождаемся и преобразуемся, то, правду сказать, начинаем это при довольно неблагоприятных предзнаменованиях. При нашей незрелости и безалаберности мы готовим себе еще худший разлад и еще

много разочарований.

11 марта 1866 года, пятница

Вчера также был у Модеста Андреевича Корфа. Он подарил мне несколько своих брошюр, а главное — обещался отыскать в своих бумагах и сообщить мне некоторые подробности о Галиче.

Меня выбрали в члены Общества для пособия бедным женщинам. Посмотрим, что это за общество. Я вообще мало доверяю нашим обществам. Тут участвует много женщин: может быть, от этого будет лучше.

Самый опасный враг человека — в нем самом, враг тем опаснейший, что человек не должен с ним бороться, так как если бы ему удалось его победить, то это было бы его самым позорным и самым скверным делом. Враг этот — Стремление к лучшему.

13 марта 1866 года, воскресенье

Все либералы ужасно любят лакомиться властью. Зима упорно отстаивает свои права, нарушенные предшествовавшими месяцами. Но все мартовские дни почти постоянно от 5—10R мороза, а солнце сияет по-весеннему.

Заседание в общем собрании Общества’пособия бедным женщинам. Множество длиннохвостых княгинь и графинь. Встретил знакомую сотрудницу по Обществу посещения бедных, графиню Тизенгаузен, которая некогда усердно занималась его делами. Общество пособия бедным женщинам еще очень молодо: оно как-то ощупью ступает, хотя и с большими претензиями. Программу оно начертало себе такую обширную, что для исполнения ее нужны огромные средства, а у него и капиталу всего не хватает даже до тысячи рублей. Общество похоже на те начинающиеся города Северной Америки, которые раскидываются по обширному плану. Тут множество улиц, площадей, публичных зданий — на бумаге, а на деле торчат несколько плохоньких домов. Но известно, что там эти пустые пространства застраиваются очень быстро. Хорошо, если бы и с нашим Обществом случилось то же.

14 марта 1866 года, понедельник.

Если это правда, то этим не следует оскорбляться, потому что это правда. Если это ложь, то этим не следует оскорбляться, потому что это ложь.

15 марта 1866 года, вторник

Вечер у князя Вяземского. Граф Соллогуб читал свою статью о русской литературе вообще и о характере стихотворений князя Вяземского в особенности. Собрание было большое. Много дам. Между ними встретил я графиню Блудову, перед которой извинился, что до сих пор у ней не был. На днях только кончился у

меня карантин — у меня в доме была больна скарлатиною племянница; а во дворец в таких случаях являться нельзя. После князь Вяземский читал отрывки из “Нигилиста” графа Соллогуба. Умно, остроумно и легкие живые стихи, какими Соллогуб обыкновенно не пишет. Беседовал также с Титовым, которого не видал очень давно, с Карамзиным и проч.

17 марта 1866 года, четверг

Последние три ночи прошли почти совсем спокойно. Не гомеопатические ли капли уж действуют, которые мне прописал Вальц: арника и аконит?

Виделся с князем В.Ф.Одоевским, который на несколько дней приехал сюда. Лет восемь как я не видал его. Он мало изменился наружностью, а душою нисколько.

Он такой же умный, склонный к умозрениям человек, такой же благородный, честный, такой же хлопотун, как и прежде, с моложавым лицом. Только ноги отказываются ему служить, говорит он. Я просидел у него довольно долго.

27 марта 1866 года, воскресенье

Праздник Пасхи. Заутреня в Первой гимназии. Есть люди мысли без науки, это обыкновенно мечтатели и фантазеры. Есть и люди науки без мысли: это тупые гробокопатели, собиратели фактов, непонимающие их, каменщики, не дающие себе отчета в том, над каким зданием они трудятся.

28 марта 1866 года, понедельник

Утром был у Греча. Ему уже 80 лет, но он еще довольно бодр духом, с замашками на прежнее остроумие. Жалуется на слабость ног. Его теперь содержит жена, Евгения Ивановна, которая сделана инспектрисою института глухонемых, куда первоначально поместил ее я через графа Виельгорского, с которым был в очень хороших отношениях. Сперва она пробыла там шестнадцать лет в должности классной дамы или, лучше сказать, начальницы, хотя и не называлась ею. Она приобрела себе тут отличную репутацию, несмотря на кокетство, которого не была чужда всю жизнь. Потом вышла замуж за Греча и оставила институт, а теперь вот опять приняла его в свое ведение. Греч очень обрадовался мне и припомнил наше первое знакомство в 1825 году, когда принял с большим одобрением и напечатал у себя в “Сыне отечества” мое первое сочинение. Я был тогда студентом, и, разумеется, это много для меня значило. Припомнил он и письмо к нему обо мне по этому случаю Ф.Н.Глинки, сосланного в Петрозаводск после 14 декабря, который писал ему, что моя статья произвела на него глубокое впечатление и послужила ему утешением.

1 апреля 1866 года, пятница

Первое предостережение “Московским ведомостям”. Каково бы ни было правительство, но пока оно не свергнуто, рядом с ним не может быть терпима сила, стремящаяся заодно с ним управлять государством. “Московские ведомости”, поощренные успехом, в последнее время именно приняли такой характер. Приверженцы их даже распускали слухи, что правительство не осмелится поступить с “Московскими ведомостями” так, как оно поступает с другими газетами, и были уверены, что если это случится, то в Москве произойдет нечто вроде бунта. Противники же их, напротив, находят, что пора вылить ведро холодной воды на головы опьяневших от успеха издателей.

Предостережение сделано за статью, помещенную в N 61. Но, кажется, это был только предлог.

2 апреля 1866 года, суббота

Вот какие слова напечатаны в “С.-Петербургских ведомостях” в статье о лекциях Якубовича:

“Всестороннее же развитие нервной системы идет в разрез с животным эгоизмом и животною неразвитостью. Оно совершенствует понятие о цели и дает средства к ее достижению. Если развитие человека не соответствует этому назначению, если оно направляете в одну сторону и ведет не к сознанию его роли в ряду других существ, не к пониманию окружающей его обстановки, а к поддержанию старых предрассудков и ложно развитых чувств предыдущего поколения — то такое воспитание является ужасающим злом человеческой породы. К несчастью, это зло почти повсеместно”.

Слушайте, слушайте! А вот Петр Лаврыч кричит нам: нужно крови, крови! И его слушают три-четыре медицинских студента да две-три девочки, им же обращенные в нигилисток, и все они громко аплодируют Лаврову.

3 апреля 1866 года, воскресенье

Вы жестоко ошибаетесь, принимая за умных людей тех, которые бойко и яростно говорят о цивилизации, о прогрессе, о новейших открытиях в естественных науках и прочих *материях важных.* Это люди с претензиями на ум. Они загораются, как серные спички, от прикосновения с другими умами, горят минутку и тухнут с чадом, не оставляя по себе ничего, даже щепотки золы.

Ум есть нечто господствующее, направляющее и управляющее, так что человек с умом знает, куда, зачем и почему он идет. Он рассуждает, взвешивает и решает на основании многих разнообразных и даже противоположных мнений и причин, а не *стремится* только как животное, движимое грубым инстинктом, или как слепая сила, приходящая в движение от первого внешнего толчка.

4 апреля 1866 года, понедельник

Одно дело изучать механизм человеческих психических отправлений, и иное дело изучать то, что движет и направляет этот механизм. Обругать-то они в состоянии, но разобрать и оценить не в состоянии.

С первого дня праздника до сегодня была удивительная, светлая, ясная погода. Сегодня небо хмурится.

Девять часов вечера. Сию минуту услышал ужасающую весть о покушении на жизнь государя во время прогулки его в Летнем саду, около трех часов. Подробности, разумеется, пока еще неизвестны. Завтра узнаем.

Вот, наконец, до чего дошла Россия. Поляки это? Или наши нигилисты?

“Московские ведомости” не приняли предостережения и решаются платить штраф в течение трех месяцев. Они отвечали на предостережение большою статьею, сущность которой следующая: ведь я гораздо сильнее нападал на вас, и не раз, и вы молчали. Любопытно, что-то делает Валуев? Говорят, однако, что предостережение дано по высочайшему повелению, чего Катков не мог не знать. Мне кажется, Катков играет нехорошую роль. Он ищет всячески затруднить правительство, хотя не может не знать, как это вредно в настоящее время. Успех совсем отуманил его и сделал высокомерным до потери всякого доброго чувства.

5 апреля 1866 года, вторник

Подробности о вчерашнем прискорбном событии я еще не слышал. Газеты только сообщают, что на жизнь государя было сделано покушение, когда он после прогулки в Летнем саду садился в коляску. Спас его от очевидной смерти мастеровой Комиссаров, который ударил под локоть злодея в то самое время, когда тот наводил пистолет на государя. Но кто этот злодей и что его побудило на такое гнусное дело — еще неизвестно. Сегодня я ездил в Римско-католическую академию через Николаевский мост и видел, что вся Дворцовая площадь была залита народом. В академии я объявил, что читать лекции сегодня не в состоянии. Молодые люди, по-видимому, искренно разделяли и мою скорбь, а вслед за тем — и мою радость, что зло не совершилось. Одни говорят, что это недоучившийся гимназист из нигилистов, другие — что это студент Медико-хирургической академии. Разумеется, все это только слухи.

Ничего еще не добились: злодей путается в своих показаниях.

Государь, благодаря во дворце собравшихся его поздравить, сказал: “Верно, я еще нужен России”, а наследнику, который с рыданием бросился ему на шею: “Ну, брат, твоя очередь еще не пришла”.

Был у Тютчева, где встретился с Деляновым. Разговор, само собою разумеется, все о покушении. Потом перешли к “Московским ведомостям”, которым готовится второе предостережение. Даже Тютчев, который до сих пор всегда держал их сторону, теперь недоволен ими.

Был в клубе. Те же толки, о том же. Поздно вечером получил от секретаря Академии наук извещение, что мне поручено написать адрес государю вместе с

Гротом. Как писать адрес вместе?

6 апреля 1866 года, среда

Государь, конечно, утешен выражением беспредельной к нему преданности всех классов народа, но цвет сердца его увял: чувство безопасности среди своего народа должно в нем исчезнуть. Ведь поневоле такие горькие опыты подрывают доверие и уважение к человеку. Говорят, один случай ничего не доказывает, но ведь возможность гнусного. дела зарождается и вырастает среди многих и самых разнообразных мерзостей — самолюбия одних, слабодушия других, гордости третьих, черной неблагодарности тех-то и тех и так до бесконечности.

Сегодня в девять часов утра я был уже у Веселовского с моим проектом адреса… Грот выслушал мой адрес и объявил, что сам находит его лучше своего и нимало не огорчится, если он будет предпочтен его проекту… Вечером мне доставлен был уже переписанный адрес и подписанный всеми членами. Я также подписал его. Завтра он будет у государя.

7 апреля 1866 года, четверг

Много добра, конечно, происходит от тесных связей и сношений между собой государств в Европе; но отсюда возникает также и великое зло. Связи эти и отношения до того усложняются и запутываются, что дипломатия часто находится в невозможности их распутывать и является, наконец, необходимость разрубать их мечом.

Обедал у Марка. Там были сенаторы: Гизетти, Зарудный и Гагемейстер. Разговор, конечно, о современном важном, печальном и радостном событии. Ничего нового не открыто. Преступник все путается и путается в показаниях. Но, кажется, не подлежит сомнению, что он только орудие замыслов какой-то шайки, нити которых надо искать, может быть, даже за границей. Один из собеседников так далеко простер свои догадки, что даже обвинял Наполеона.

9 апреля 1866 года, суббота

М.Н.Муравьев назначен председателем следственной комиссии по делу о покушении на жизнь государя императора. В обществе этим довольны. Прежняя комиссия, говорят, действовала слабо и вряд ли бы что открыла.

Князь Долгорукий, шеф жандармов, уволен от должности. На место его назначен граф Шувалов, генерал-губернатор остзейских провинций. Толкуют об учреждении министерства полиции. Говорят также о близком увольнении Валуева и Головнина.

Овации и демонстрации по случаю спасения государя превосходят все, что до сих пор казалось доступным русскому воображению и патриотизму. И в Петербурге и в Москве одинаковый восторг.

Комиссарова чуть не в буквальном смысле носят на руках. Ему, говорят, дан флигель-адъютант для научения его дворянским приемам обращения.

Беспрестанные вопросы: кто он, преступник — поляк или русский? Общее желание, чтобы это не был русский.

Но в хаосе толков, предположений и догадок ничего не разберешь. Никогда еще, кажется, в России умы не были так возбуждены. Я все продолжаю думать, что это орудие нашего нигилизма в связи с заграничным революционным движением. Тут очевидна цель произвести в России сумятицу, а там, дескать, пусть будет что будет.

10 апреля 1866 года, воскресенье

Второго предостережения “Московским ведомостям” не сделано, хотя Совет его уже заготовил. Министр не согласился. Приверженцы “Московских ведомостей” торжествуют победу.

Злодеяние, которое чуть было не облекло в траур всю Россию, заставляет призадуматься философа-наблюдателя нашего современного умственного и нравственного состояния. Тут видно, как глубоко проник умственный разврат в среду нашего общества. Чудовищное покушение на жизнь государя несомненно зародилось и созрело в гнезде нигилизма — в среде людей, которые, заразившись разрушительным учением исключительного материализма, попрали в себе все нравственные начала и, смотря на человечество как на стадо животных, выбросили из души своей все верования, все возвышенные воззрения.

Какая ужасающая, чудовищная дерзость делать себя опекунами человечества и распоряжаться судьбами его без всякого иного призвания, кроме самолюбия своего.

11 апреля 1866 года, понедельник

Был на том месте у ворот Летнего сада, где произошло страшное покушение на жизнь государя. Там теперь стоит маленькая деревянная часовенка, которая должна уступить место другой, более великолепной. Я подошел к ней. Толпы народа приходили и уходили, набожно крестясь на образа часовенки. Некоторые из посетителей клали деньги в кружку, и я положил туда мою убогую лепту.

Чем больше я вдумываюсь в это происшествие, тем мрачнее оно становится в моих глазах. Не есть ли оно роковое начало тех смятений, какие должна вытерпеть Россия, пока она не упрочит и не определит своего нравственного и политического существования? Но неужели ей необходимо пройти этот путь? Неужели необходимо, чтобы двигатели ее будущности возникли из гнездилища всякого рода безобразных умствований, утопий, из воспаления незрелых голов?

Говорят, арестовано много студентов Медико-хирургической академии.

Муравьев на обеде дворянства сказал: “Я стар, но или лягу костьми моими, или дойду до корня зла”.

Говорят, первая мысль о назначении Муравьева пришла в голову Антонине Дмитриевне Блудовой.

12 апреля 1866 года, вторник

В сегодняшнем номере “С.-Петербургских ведомостей” напечатана жестокая статья против полиции и вообще против администрации. В ней сказано, что одно земство предано государю, а что администрация думает только о расширении своей власти и об утверждении своего произвола. Колюбакина, заменившего Корша на время отсутствия последнего, призывали для нотации в III отделение.

Толки о том, кто преступник, продолжают распространяться в несметном количестве и, разумеется, противоречат одни другим. Теперь говорят, что это какой-то помещик. Это с руки демократизирующей партии, которая, вероятно, и распускает это.

13 апреля 1866 года, среда

Князь Долгорукий поступил честно. Он просил государя уволить его от должности жандармского шефа не по просьбе его, но как человека неспособного, не умевшего принять мер к охранению особы государя. Хорошо бы, если б так же поступили и другие, особенно генерал-губернатор.

Посягнувший на жизнь государя — уроженец Саратовской губернии, Сердобского уезда, сын помещика, Димитрий Владимиров Каракозов. Это татарская фамилия, означающая “черный глаз”. Он был вольнослушателем Московского университета. Об этом напечатано в N 93 “Русского инвалида”.

14 апреля 1866 года, четверг

Отвратительное состояние духа и головы. Всю ночь сильно барабанило в последней. Несколько сквернейших толчков в правый висок, где постоянный шум в ухе, а потом и во всю голову.

15 апреля 1866 года, пятница

Министр народного просвещения не хотел, чтобы адресы государю, шедшие через его руки, печатались. “К чему печатать, — сказал он: — ведь это все риторика”. Итак, он не верил искренности чувств, выраженных в этих адресах.

Комиссаров не пьет никакого, даже самого легкого, вина. Во время обедов, на которые его приглашают, ему в бокал для тостов обыкновенно наливают меду. Его посетили земляки и начали уговаривать выпить с ними рюмочку. “Нет, братцы, — отвечал он им, — пить я не буду. Я должен гореть чисто, как свеча пред образом”.

Головнин уволен от должности министра народного просвещения, и на место его определен министром граф Димитрий Андреевич Толстой, с оставлением его

вместе и обер-прокурором св. синода.

С графом Толстым я лет восемнадцать очень хорошо знаком. Живя на даче за Лесным корпусом, мы часто бывали друг у друга и делились дружески мыслями нашими и даже мечтами. Мы тогда были помоложе.

16 апреля 1866 года, суббота

Головнин, кажется, вовсе не ожидал такого скорого низвержения. Во вторник государь позвал его к себе и с обычной своей ласковой манерой сказал ему:

— Благодарю вас за вашу службу. Но теперешнее время требует другой системы управления министерством, других начал и большей энергии Я назначил на ваше место графа Толстого. Вы не огорчайтесь этим. Вот и друг мой, князь Долгорукий, сам просил меня уволить его прямо, даже без просьбы его. Впрочем, я оставлю вас членом Государственного совета и статс-секретарем.

Головнин уволен *не по прошению,* хотя и не просил этого, как князь Долгорукий.

Увольнение Головкина все приписывают влиянию Муравьева. Ему также сильно подгадила история московских студентов. Открыто, что между последними существует общество с целью распространять в народных массах демократические и социалистические идеи. Несколько человек из них привезено сюда в следственную комиссию.

Вот, говорят, и Петр Лаврыч Лавров взят, а также и Благосветлов, редактор “Русского слова”. Что касается первого, то я этого и ожидал. Это слишком ярый коновод нигилистов и пропагандист всяких эмансипации. Мне казался он всегда дураком, ум которого не в состоянии был переварить ни одного из нахватанных им отрывков всех новейших учений, но непомерное самолюбие которого требовало непременно пьедестала, где он мог бы стоять и рисоваться перед изумленною толпою. Хотя таких глупцов у нас и без него не мало, но он очевиднейший из них.

17 апреля 1866 года, воскресенье

Великолепнейшая иллюминация. Я дошел до Думы. Дальше непроницаемая толпа заградила дорогу. От угла Невского проспекта и Литейной до Думы было расположено четыре оркестра музыки, которые играли не умолкая и чаще всего повторяли “Боже, царя храни”. Ночь была лунная, с небольшим ветерком, но вообще благоприятная для торжества. Мы проходили до половины одиннадцатого, все поджидая проезда государя. Однако он не показался на иллюминации.

18 апреля 1866 года, понедельник .

На бале во дворце. Этот раз было огромное стечение гостей. Я встретился со многими знакомыми и говорил с ними, как то: с Карниолин-Пинским, сенатором, Н.А.Милютиным, Войцеховичем, Княжевичами и проч. Из академиков были: Бэр,

Буняковский, Гельмерсен и камергер Вельяминов-Зернов. Но любопытнее всего для меня была встреча с графом Толстым, нынешним министром народного просвещения. Меня интересовало, как он обойдется со мной: по-прежнему ли, как добрый приятель, или как министр. На этот раз вышло первое. Он как будто даже мне обрадовался и оказался совершенно таким, каким уже был лет семнадцать в отношении ко мне. С прежним своим добродушием он спросил у меня, нахожу ли я, что он в состоянии поднять новое наложенное на него бремя? Я отвечал на это: “Я думаю, у вас на это хватит ума, характера и выдержки, но нельзя отрицать, что настоящее положение министерства очень серьезное, и выдержат ли ваши физические силы?” Граф никогда не отличался крепким здоровьем. Он просил меня передать ему некоторые мои наблюдения и замечания, если возможно, письменно. Я остался ужинать, Замечательно, что на этот раз трех блюд ужина на многих не хватило, и эти многие сильно на это возроптали.

26 апреля 1866 года, вторник

Вот что передано мне из верного источника. Муравьев просил министра внутренних дел как-нибудь окончить скандальное дело с “Московскими ведомостями”. К этому он прибавил, что прекращение этой газеты считает просто невозможным.

Как Валуев извернется в этом действительно скандальном деле? “Московские ведомости” так далеко зашли в своем сопротивлении министерству, что уступить им значит сильно скомпрометировать последнее.

Наблюдение, опыт, собирание материалов, фактов, само собою разумеется, необходимые вещи в науке и составляют ее современное направление и заслугу. Но они же породили и моду между мелочными учеными, которые на основании ее всякий сор, всякие фактические пустяки принимают за материал и с важностью подбирают в свои сокровищницы какой-нибудь кусок мостового булыжника, как будто он был произведением отдаленных геологических переворотов, и так далее.

Какую важность и какое значение для науки и жизни могут иметь иные из наших педантских академических занятий — болтовня о вариантах какого-нибудь пролога XV или XVI века, о большом или малом юсе и другие мельчайшие и исключительные изыскания о вещах, не входивших в национальную жизнь, не действовавших ничем на национальный дух и не содействовавших нимало умственному успеху? Это просто куски валяющейся в веках глины или камней, из которых ничего не было построено. Иное дело, когда бы это была народная песнь или народное сказание, которыми некогда возбуждалось и воодушевлялось народное чувство. Да беда в том, что их мало, а что и было, то уже известно. Впрочем, я готов допустить необходимость и всех этих мелочей в общей экономии науки, но мне невыносимо, когда эти мелочи провозглашаются ее главным и единственным достоянием и ими стараются задушить смысл и идею более крупных явлений.

Вечером, часов в девять, Ф.В.Чижов дал знать мне, что он болен. Я тотчас отправился к нему, но нашел его хотя в постели, но вовсе не опасно больным. Он как-то зашиб ногу, и ему придется несколько дней пролежать.

27 апреля 1866 года, среда

Наши демагоги большею частью космополиты. Они затевают всякие смуты в России не для России, а во имя всемирной социалистической революции. Конечно, из этого надобно исключить “Московские ведомости”, но они, в свою очередь и с своей стороны, грешат чересчур возвышенным диапазоном, чем тоже подают повод к неурядицам.

30 апреля 1866 года, суббота

В заседании Академии наук. Вот что дело, так дело! Срезневский занимается составлением словаря русско-славянского языка по древним памятникам и сегодня представил отделению начатки своего труда. Это будет действительно полезная вещь. Срезневский занимается этим делом добросовестно и умно уже лет двадцать, по его словам. Познания его тут несомненны и обширны.

Лавров окончательно арестован. Говорят, из Москвы привезена еще серия нигилистов для допроса.

В Бисмарка стреляли в Берлине, но не попали; а сегодня между тем разнесся слух, что он убит. Убийцею называют некоего Вульфа. Ныне, кажется, вошло в обычай убивать тех, чьи меры или идеи не нравятся известным партиям. Нечего сказать, простое и убедительное средство! Надо, чтобы общества были глубоко деморализованы, если каждый считает себя вправе произвольно распоряжаться их судьбами и для того пускать в ход пули, яд и нож.

1 мая 1866 года, воскресенье

Вот первый прелестнейший, истинно весенний день.

2 мая 1866 года, понедельник

Ночь без толчков. Уж не аконит ли это действует, которого я принимаю по две капли на ночь? Слухи о смерти Бисмарка не оправдались.

3 мая 1866 года, вторник

Сильнейшие толчки в оба виска. В голове всю ночь страшная сумятица. Вот тебе и аконит!

6 мая 1866 года, пятница

Вечером, между прочим, был у меня Н.И.Соловьев, автор статей против нигилизма в “Отечественных записках”. Я теперь только узнал от него, что это его брат — герой отвратительной нигилистической истории, случившейся месяцев

восемь тому назад. Он хотел убить свою жену, а когда та от него ушла, он пришел с ней мириться и откусил ей нос. У сегодня бывшего у меня Соловьева два брата — оба отчаянные нигилисты, с которыми он поэтому находится в сильнейшей вражде.

Чудные, говорят, вещи открывает следствие по делу о покушении на жизнь государя. В этом ужасном деле открыты еще три или четыре соучастника. В своих показаниях они говорят, что действовали в видах правительства. Правительство явно показывало расположение к демократии и стремление подавить, ослабить или даже уничтожить дворянство. Но глупый и необразованный народ не понимал того, что для него хотели сделать, и тогда положено было убить лицо, которое одно могло сдерживать народ, который уже нетрудно будет после того поднять на дворянство, или, лучше сказать, на весь образованный класс. Муравьев поэтому требовал экстренного собрания Совета министров, которое на днях и состоялось. Была, говорят, как бы сделана ревизия правительственных лиц, которые демократизировали народ или держатся этой системы, вследствие чего фонды, например Милютина (Николая), говорят, сильно упали. Учрежден комитет для исследования положения России, вроде Комитета общественной безопасности. Разумеется, из этого ничего толкового не выйдет, потому что люди, составляющие комитет, не такого свойства и по уму и по характеру, чтобы делать серьезные патриотические дела, а не устраивать свои собственные. Все это государственные и моральные ничтожества.

7 мая 1866 года, суббота

Ничто так не вредит самостоятельности нашей мысли, как сильно распространившаяся у нас страсть к чтению. Чтение решительно убивает решимость и силу действовать своим умом. Этот последний привыкает к плавному течению по реке чужих мыслей, которая несет его на себе, не позволяя ему или очень мало позволяя употреблять при движении свои собственные силы.

Все в городе очень довольны увольнением Суворова от звания генерал-губернатора и сменою обер-полицеймейстера И.В.Анненкова. Оба тем только и были замечательны, что производили страшную инерцию в полицейском управлении и отличались гуманным обращением с ворами и мошенниками. Никогда в Петербурге не было столько беспорядков всякого рода, как в их управление, а мирные граждане не пользовались меньшею безопасностью. Теперь многого ожидают от Трепова.

Первые два дня мая были прелестны. Зато теперь он сделался свирепее октября. Всего 3R тепла, и с ног валящий ветер.

Пекарский читал в отделении выписанную им в академическом архиве просьбу Тредьяковского об увольнении его от службы при Академии. Просьба очень любопытна, как изображение бедственного положения Тредьяковского и гонений, им претерпенных от своих собратий-ученых.

Великое прение в заседании Второго отделения Академии о том, должно ли принять отделение участие в постройке памятника Востокову, на который оно собрало деньги по подписке, или предоставить это его жене. Я утверждал, что

отделение должно принять участие из уважения к памяти Востокова и из уважения к публике, у которой оно выпросило деньги. Прочие желали, чтобы деньги были отданы жене — и пусть она делает как знает. Срезневский колебался между тем и другим мнением. Мне, наконец, надоела эта “буря в стакане воды. Дело осталось нерешенным. “Вот вам, господа, — сказал я, — образчик наших конституционных будущих собраний”, — и ушел.

8 мая 1866 года, воскресенье

Два предостережения разом в N 98 “Северной почты”: одно “Московским ведомостям”, другое “Голосу”.

“Московские ведомости” возбуждают неприязнь и недоверие в обществе к правительственным лицам. Это настоящая конституционная оппозиция. Конечно, наши государственные люди не отличаются ни способностями, ни характером, но обвинять их чуть ли не в измене, как то делают “Московские ведомости”, это уж чересчур крепко и значит взывать к анархии. Кем же заменить их? Земским собранием? Но при всеобщем нынешнем хаосе вряд ли бы и оно оказалось на высоте своего призвания. Другими лицами? Но где их взять и где ручательство, что они поведут дела лучше? Как ни велики ошибки и неспособность нашей администрации, мы теперь, однако, не столько от них страдаем, сколько от всеобщей разладицы, потрясений — от кризиса, который переживает наше государство.

Побудить правительство к избранию государственных чинов? В какой форме, с какими правами и ограничениями? Кто среди всей этой сумятицы будет направлять умы и поддерживать единство?

Вечером заезжал ко мне Чижов, и мы пробеседовали с ним часа два. Ему не хотят дать гарантии на железную дорогу от Троицкой лавры на Ярославль. Им уже построена дорога от Москвы до Троицкой лавры и идет прекрасно. Завтра он должен быть у Рейтерна за последним словом.

Жена нашего доктора Вальца на днях уехала за границу. Она взяла с собою 100 рублей нашими ассигнациями и двести железнодорожными бумагами, гарантированными правительством. Вчера Вальц получил от нее письмо, где она просит его прислать ей каких-нибудь других денег, потому что тех, которые у нее есть, у ней не принимают. Она была у семи банкиров, и ни один не согласился обменять ей ее бумаги на звонкую монету. Один из них ей сказал. “Как можем мы дать вам на них монету, когда неизвестно, что будет через несколько месяцев в вашей империи?” Они там уверены, что у нас начинается революция.

11 мая 1866 года, среда

Однажды Гоголь просил Жуковского выслушать какую-то вновь написанную им пьесу и сказать о ней свое мнение. Это, кажется, было за границей, в Дюссельдорфе, где находился Жуковский. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножко подремать. Не в состоянии бороться с своею привычкою, он и теперь, слушая автора, мало-помалу погрузился в тихий сон.

Наконец он проснулся. “Вот видите, Василий Андреевич, — сказал ему Гоголь, — я просил у вас критики на мое сочинение. Ваш сон есть лучшая на него критика”. И с этими словами бросил рукопись в тут же топившийся камин. Этот анекдот передал мне Ф.В.Чижов со слов самого Гоголя.

У нас в этом году два года: один календарный, или академический, в котором все обстоит благополучно, месяцы все как следует, и май, и июнь, и июль; и настоящий, действительный год, который весь состоит из одних октябрей и сентябрей.

За что “Голосу” дано предостережение — непостижимо. Я прочитал те два фельетона (NN 109 и 114), на которые ссылается предостережение, но решительно не понимаю законности последнего. Оно понадобилось министерству разве только на то, чтобы показать публике, что оно преследует не одни “Московские ведомости”, а на всех равно распространяет свои дары. Но ведь в таких предостережениях становится невозможным издавать газету. Как предвидеть, за что она может подвергнуться ответственности и как ей от нее уберечься?

А “Московские ведомости” чуть ли не окончательно прекращаются. А жаль, что они привели себя к самоубийству. Если у них была определенная роль и они ясно давали себе в ней отчет, им надлежало не яриться, не увлекаться личными страстями, а вести свое дело умно и с выдержкою. Успех ослепил их, сделал высокомерными, заносчивыми, капризными. А между тем общество лишается с ними лучшего, полезнейшего своего органа.

В падении “Московских ведомостей” заключается еще один важный смысл — тот, что ненавистная тупая бюрократия одерживает победу над общественным умом и сочувствием. И это торжество доставлено ей невоздержанным образом действий Каткова и Леонтьева.

12 мая 1866 года, четверг

N 99 “Северной почты” гласит: “Московские ведомости” приостановлены на два месяца; суду или судебному преследованию преданы “С.-П. ведомости” за статьи: в N 106 “Судебные порядки в Прибалтийских губерниях”, в N 107 “Труд” и в N 114 “Наше оправдание”; а “Современник” за статью в третьей книжке: “Вопрос молодого поколения”.

14 мая 1866 года, суббота

Вчера вечером были Чижов, Гончаров и Воронов.

Разнеслись по городу слухи, что Рейтерн увольняется, а на место его министром финансов назначается Фишер. Однако слухи эти не подтверждаются.

Чижов рассказывал о некоторых банковых проделках Штиглица, о которых он имеет точные сведения. Выходит, что Штиглиц — один из деятельнейших наших разорителей. Как у нас его терпят — непостижимо. Впрочем, о Штиглице у нас в обществе уже давно сложилось самое дурное мнение. Не поэтому ли он и силен?

Поутру диспут из философии Владиславлева на звание магистра. Это первый диспут по этой науке в университете с его основания. Диссертация “О душе”. Оппонентами были Полисадов и Сидонский. После я тоже возражал магистранту, который, правду сказать, защищался хорошо. И вообще он обещает порядочного преподавателя философии. Публики было довольно, в том числе и несколько дам.

Университет давал сегодня прощальный обед бывшему своему попечителю Делянову, который сделан товарищем министра народного просвещения. Я получил от совета весьма любезное приглашение, как почетный член университета. Я не охотник до подобных обедов, сильно у нас опошлившихся, но на этом решился присутствовать. Народу было много, в том числе и министр. Тостов и речей бесчисленное множество. Последние отличались больше усердием и благонамеренностью, чем красноречием. Ивановский хотел сказать что-то особенное, но так запутался в извилинах своих мыслей, что почти никто не понял общего содержания его речи. Ректор Воскресенский говорил несколько толковее, относясь к министру, но в речи его не было ни запаху, ни вкусу. Бедный Васильев проговорил несколько фраз, потом начал сильно путаться, изнемог в борьбе с неподатливым словом и кончил тем, что не кончил своей речи. Все прочие речи состояли решительно из одних общих мест. Делянов старался казаться тронутым и тоже произнес несколько речей, которые были едва ли не лучше всех профессорских. Вообще профессора доказали, что они плохие ораторы, хотя шампанское пилось исправно. Меня тоже удостоили тоста, и я, в свою очередь, предложил другой по поводу нынешнего диспута в честь философии и ее профессора, Сидонского, сидевшего рядом со мною. Граф Димитрий Андреевич Толстой был, по обыкновению, очень дружелюбен ко мне. Между прочим, он рассказал мне, как ему удалось отстоять у государя “Московские ведомости”, которые, однако, теперь будет издавать не Катков, а Любимов и доволен графом Димитрием Андреевичем и недоволен. Доволен тем, что он тот же, как и прежде, благородный, честный, образованный, мыслящий человек; недоволен… однако подождем и дадим ему осмотреться.

В N 102 “Северной почты” рескрипт на имя князя Гагарина.

15 мая 1866 года, воскресенье

Барон Модест Андреевич Корф заезжал ко мне, но не застал меня дома и оставил у меня свою записку о Галиче, который был в числе его профессоров в Лицее.

Рескрипт произвел неприятное впечатление. Полагают, что он еще больше уронит наш кредит за границей, а внутри он может подать повод к злоупотреблениям власти.

16 мая 1866 года, понедельник

Буря с дождем, градом и громом. Но удивительная теплота и благорастворенность воздуха.

Люди первобытных времен смешивали в своих понятиях то, что есть и что было, с тем, что должно быть, *действительность с идеалом.* Оттого в их сагах, сказаниях, в их эпосе история смешивается с вымыслом и мифами.

19 мая 1866 года, четверг

Вчера у Фребелиуса советовался о глазах.

Делянов давал обед университету. На нем присутствовали все те же лица, что и на университетском обеде, в том числе и министр. Опять произносились речи, только их было меньше, чем в прошлый раз. Первым произнес речь сам Делянов. Он призывал университет к единодушию и благодарил его за его прежнюю деятельность. Вообще речь Деля-нова была хороша. Замечательно, что он привел несколько текстов из Священного писания. Пришлось говорить и мне, несмотря на мое отвращение к обеденным речам. Я основался на слове *единодушие,* которое было так горячо провозглашено и на прежнем обеде и теперь, и выразил уверенность, что это единодушие действительно состоится между членами, ныне налицо находящимися. Ручательством тому служат качества тех сил, которые вступают в соединение Я сказал несколько одобрительных слов о нынешнем министре, которого знаю лет восемнадцать, о бывшем попечителе и, наконец, об университетском сословии. Потом заключил, что желанное единство и единодушие находятся под покровительством великого общего стремления к единству и благу России, и предложил тост за это несокрушимое единство и за благоденствие России. Все это было принято с рукоплесканиями, чему и быть подобало. Затем я ушел с графом Толстым.

20 мая 1866 года, пятница

Сколько в беспорядках и страданиях человеческих, зависящих от неотразимого хода вещей и условий жизни, приходится на долю собственного безумия, глупости и страстей самого человека.

Война непременно будет, потому что для нее нет основательных разумных причин.

Ужасная возня с переездом на дачу.

21 мая 1866 года, суббота

Переехали на дачу, на ту самую, которую занимали в прошлом году в Павловске, у генерала Мердера, за двести пятьдесят рублей.

26 мая 1866 года, четверг

Сегодня мне предстояло быть на похоронах Плетнева, тело которого привезено из Парижа и поставлено в Александро-Невской лавре. Но со вчерашнего вечера у меня начал болеть глаз. В нем было какое-постороннее тело; я думал поправить дело

натягиванием века, но сделал хуже, так что вместо поездки в лавру пришлось ехать к доктору… Я поручил Пинто сказать в церкви Гроту о причине моего неприбытия на похороны, а то приятели не замедлят приписать мое отсутствие невниманию к памяти умершего. Отправил об этом также записку Гроту.

29 мая 1866 года, воскресенье

Есть страсти и влечения *естественные* или по крайней мере имеющие корень свой в природе человека; другие — искусственные, слагающиеся в обществе из разных общественных отношений, условий и проч. Надо различать их для надлежащего изучения и правильного понимания человека.

31 мая 1866 года, вторник

Обычный экзамен в Римско-католической академии и обычные изъявления мне приязни, благодарности и проч. Я даже готов подумать, что ко мне здесь действительно привязаны.

2 июня 1866 года, четверг

Любовь есть такое великое счастье, которого надо сделаться достойным и которое надо уметь заслужить.

3 июня 1866 года, пятница

Отослал графу Толстому, министру народного просвещения, мои *заметки и наблюдения* по части народного образования, которые он у меня просил. Затем отправился в Академию наук, где члены представлялись новому министру в первый раз. Граф благодарил меня за доставленные ему заметки и, между прочим, сказал, что дня через три едет в Казань осматривать университет, а затем к себе в деревню, где и займется чтением моей рукописи.

5 июня 1866 года, воскресенье

Кто любит и старается думать о вещах хорошо, тому всегда придется что-либо поправить в своих первоначальных мыслях.

Приятная прогулка в Славянку, где, между прочим, проживающий там Ник. Ник. Тютчев показывал нам дворец. С башни чудесный вид. Внутри собрание портретов лиц екатерининского и елисаветинского времени. Здесь видел я и портрет Ломоносова в полном мундире статского советника. Портрет этот мало похож на наш академический и на тот, который подарен мне Раевского.

Ум человеческий, конечно, может многое, но сам человек ничто.

10 июня 1866 года, пятница

Человек, как музыкальный инструмент, приходит в расстройство от продолжительного употребления или от разных внешних влияний, перемены температуры и проч. Время от времени приходится настраивать себя, чтобы снова быть годным для хорошей игры.

Когда охотник намеревается застрелить птицу, он не идет на нее прямо, а подкрадывается и ползет.

Бессильному и удовольствие недоступно.

Всякий народ развивается до тех пределов, до каких позволяют силы его духа и способностей. Развитие это и есть его история, его образованность.

Народ нельзя выучивать, как выучивают неделимые числа. Какую бы и как бы сильно ни навязывали ему программу образования, он будет развиваться не по ней. Тут есть судьба, но не внешняя, а та внутренняя судьба, которая заключается в коренных силах и стремлениях народного гения. В круг его деятельности входят разнообразные явления, из которых иные могли бы и не быть, другие бывают вследствие стечения разных обстоятельств; но здесь нет роковой необходимости, — необходимость заключается в степени, до которой достигает его развитие, и в форме, в какую отливается вся его деятельность.

Намерения, проекты, решимость — все это в нашей власти. Результаты же слагаются из присоединения к ним тех причин, какие заключаются в законах вещей и в общем ходе соприкосновенных с деяниями человеческими событий. И большею частью результаты эти бывают вовсе не те, каких мы хотели достигнуть усилиями нашей воли.

12 июня 1866 года, воскресенье

Стремление популяризировать знание сделало и делает много зла. По необходимости сообщая только поверхностное знание, оно как бы покровительствует полузнанию и возбуждает умственное высокомерие, которое, благодаря кое-каким сведениям, приобретенным легко, без настойчивого труда, мечтает, что оно уже обладает глубиною премудрости. В этом заключается объяснение и многих глупостей, которые наделаны и нашим молодым поколением. Только то знание прочно, которое добыто трудом собственной мысли и которое состоит не из одних результатов, но и из генетического его движения. Потому оно всегда и будет исключительным достоянием людей призванных, специально посвятивших себя умственной деятельности. Что делать, если это несогласно с демократическими тенденциями нашего времени и вынуждает у истории своего рода аристократию? Такое популярное знание особенно вредно для тех юношей, которые по положению своему должны учиться. Прочитав несколько легких сочинений о важнейших вопросах науки, они уже не хотят учиться правильным методическим образом. К чему? Ведь они уже знают все, что обещает им школа. Что нового скажут им учителя? К чему длинный путь, когда они разом, скачком достигли цели? Но вот тут-то, у этой мнимой цели, они не видят бездны.

14 июня 1866 года, вторник

В воскресенье был у меня профессор Чебышев-Дмитриев, с которым я недавно познакомился, и принес мне свою книгу о покушении. Он мне кажется человеком умным и дельным.

Австрийцы уже дерутся с пруссаками. Как бы ни устроилась Германия, а для нас это едва ли будет выгодно. Пруссия без сомнения усилится, и тогда у берегов Балтийского моря, возле наших немецких провинций и Польши, воздвигнется опасная сила.

Всякий обязан развить в себе и выработать силу, годную для борьбы с собою и с окружающим порядком вещей.

В городе, в заседании академического правления.

В “С.-П. ведомостях” напечатано известие, что на Васильевском острову появилась холера. В одиннадцатой линии захворал один дворник и через три часа умер.

15 июня 1866 года, среда

Кто не напоминает о себе, тот скоро бывает забыт.

Где существует разнообразие жизни, там существуют и ее противоположности; где есть противоположности, там есть борьба; где есть борьба, там есть торжество одного и падение, гибель другого. Вот где заключается причина зла. Оно само собою вытекает из сущности жизни. Бога приплетать сюда не следует. Источник жизни, как сделал бы он, чтобы жизнь была и не была жизнью, то есть чтобы она проявлялась и не двигалась; двигалась и не развивалась в разнообразии?

17 июня 1866 года, пятница

Вы желаете успеха правой стороне? Будьте уверены, что, восстав от падения, она поспешит сделаться неправою. В этом вечном антагонизме человеческих стремлений, интересов, страстей надо желать одного — равновесия. Иначе притесненный вчера делается притеснителем сегодня.

Куда как все это ничтожно: и человек, и его цивилизация, и прогресс, хотел бы сказать — и литература, если бы значительная часть ее не состояла из поэзии. Если бы я не веровал в нее как в единственную *земную положительность* и в величайшего поэта, творца всяческих благ, право, пришлось бы мне оставаться с одним глубочайшим презрением к людям и жизни, а отсюда, кто знает, куда угораздило бы меня. Но, опираясь на эти два принципа, мужество мое, смею сказать, непреодолимо — и да будет все так, как иначе быть не может.

Есть правительства, которые могут быть терпимы только как необходимое зло.

23 июня 1866 года, четверг

В Петербурге холера.

Я не помню давно, чтобы правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее негодование, как пресловутый известный рескрипт и запрещение двух журналов: “Современника” и “Русского слова” — последнее, впрочем, потому, что сделано помимо закона.

28 июня 1866 года, вторник

Сквернейшее состояние духа, отсутствие всякой энергии, вялость, полная неспособность к какому-нибудь движению, даже физическому.

Да и природа начала изменять нам. Дни мрачные и бурные. Холера распространяется в Петербурге. Ходят печальные слухи о ее жестокости: умирают и скоро и несмотря на медицинские пособия.

29 июня 1866 года, среда

Это совершенно в порядке вещей, но не надо же толковать про дружбу и прикидываться любящим. Что человек думает больше всего о себе, а меньше всего о других — это натурально, а потому и не отвратительно. Но уверения в дружбе и самоотвержении — это уже ложь и лицемерие и потому гадко и ненавистно.

1 июля 1866 года, пятница

Ездил в город. Холера усиливается, хотя не в таких размерах, как в 30-м и 48-м годах, однако умирают беспощадно, и выздоравливают немногие из заболевших.

Вот прошло уже полтора месяца, как мы на даче. Погода все это время была прекрасная, только в последние дни задул сильный северо-западный ветер и начал нагонять огромные тучи. Все время пребывания на даче я чувствовал себя как-то неудовлетворительно и в физическом и в нравственном отношении. В теле какая-то вялость и усталость, в духе отсутствие энергии, частые разладицы с самим собою, нерасположение к труду и. даже упадок духа.

Я принялся опять за мои записки, прерванные с 1854 года. Дело это идет успешно благодаря моей хорошей памяти и моему дневнику. Но я не принимался еще за капитальную работу — за окончание биографии Галича.

Политический горизонт, как говорится, все более и более заволакивается тучами. Наполеон III совсем входит в тон своего дяди. Вся Европа в страшном напряжении. В Италии, особенно в Германии бьются напропалую. Австрийцы, сильно побитые, прибегли к удивительному дипломатическому маневру: они подарили Венецию Наполеону. Вообще дела до крайности запутаны. Человечество терпит и гибнет вполне прогрессивно. А тут еще холера, которая на Западе свирепствует гораздо сильнее, чем у нас, — во Франции, в Германии, более же всего в Берлине.

Обойдемся ли мы без войны? В Европе, по милости нашей пассивной и вялой политики, кажется, укореняется мысль, что с нами справиться нетрудно.

Менее всего можно доверять тому, что называется счастием человеческим и добродетелью.

13 июля 1866 года, среда

Холера, говорят, немного ослабевает. Но этому нельзя доверять так же, как и наполеоновской политике. У первой нет никакой логики, а у второй логика, которую сам черт не разгадает.

Много работал над своими записками. Хочется довести дело до прибытия в Петербург, а там примусь за биографию Галича.

Был в Царском Селе у князя Вяземского, с которым часто вижусь в Павловске, куда он приезжает на музыку и иногда заглядывает и ко мне. Беседа с ним очень приятна. Он дал мне стихи свои на Каткова, остроумно, но, конечно, не для печати.

14 июля 1866 года, четверг

Получил очень милое письмо от министра, графа Толстого, в ответ на мои заметки и наблюдения. Он очень благодарит меня за них и таким тоном, который даже меня убедил в небесполезности их.

15 июля 1866 года, пятница

Дело не в книге, а в уме, который и книгу производит и умеет обойтись без нее.

Гимназии должны удовлетворять трем потребностям:

1) приготовлять молодых людей для университетов; 2) приготовлять их для дальнейшего технического образования и 3) давать окончательное общее образование тем лицам, которые не имеют никакого специального призвания.

Существенная разница между защитниками классического образования и реального состоит, кажется, в том, что одни ищут самого основания, так сказать, отвлеченной базы для него, другие же хотят удовлетворять текущей потребности общества. Одни говорят: надо позаботиться о том, чтобы воздвигнуть начало и опоры умственного развития, с которыми бы оно могло идти навстречу будущему, не колеблясь, не шатаясь из стороны в сторону. Одним словом, здесь имеется в виду дрессировка, общее воспитание ума. Другие проповедуют, что мы нуждаемся в самых насущных знаниях, приложение которых требуется на каждом шагу в общественном и житейском быту и без которых мы решительно не в состоянии следовать за всеми успехами цивилизации, истекающими только из реальной науки — науки, объемлющей существенные, или, лучше, вещественные, интересы людей. Кто прав, кто виноват? Правы и те и другие. Но на чьей стороне больше правды? Чуть ли не на стороне защитников классического образования. Они правы именно в том отношении, что требуют основы, корня, тогда как реалисты хватаются за ветви,

которые каждый час готовы сломиться или на которых можно повиснуть и болтать ногами в воздухе. Но из этого не следует, что реальными знаниями должно пренебрегать. Надо согласить оба требования. Дать обоим нужный простор: вот в этом и задача умного правительства.

Но реальное образование немыслимо без технических школ. Гимназия, говорят, должна дать общее образование. Но это не устраняет вопроса: на каком — классическом или реальном основании?

20 июля 1866 года, среда

Завтра в шесть часов утра еду к Марку в имение его жены, Выру, за Гатчиной.

22 июля 1866 года, пятница

В Выре. Сюда приехали еще Зарудный (Сергей Иванович) и Гизетти (Герман Антонович). Беспрерывный дождь мешал всяким прогулкам.

23 июля 1866 года, суббота

Завтрак у сенатора Набокова, который живет отсюда верстах в двух. Весьма комильфотный сенатор, комильфотная семья, комильфотный дом.

Зарудный говорил мне, что проект Валуева о расширении власти губернаторов — это уродливое детище рескрипта — окончательно провалился в Комитете министров. Его сильно побивали Гагарин, Бахтин и Милютин (военный министр). Записку по этому делу составлял Гагарину Зарудный. Валуев принужден был взять свой проект назад.

В два часа мы с Гизетти отправились на Сиверскую станцию, откуда в половине четвертого и поехали: он в Петербург, а я в Царское Село. От Царского Села до Павловска меня преследовал проливной дождь.

У нас до того неразвиты чувства долга и законности, что мы готовы очень снисходительно извинить всякое преступление и еще тщеславимся этою снисходительностью, считая ее признаком гуманности и великодушия.

Когда кончится изучение жизни и человека, — что обыкновенно бывает очень поздно, незадолго до смерти, — тогда только ты узнаешь, что они этого не заслуживали — ни тех усилий, ни тех жертв, каких оно требовало.

Все лучшее в человеке, подобно сверканию молнии, лишь на минуту озаряет глубокий мрак нашего ума и сердца.

31 июля 1866 года, воскресенье

Наполеон требует Рейнских провинций, чего и надлежало ожидать.

На днях явилось в Петербург посольство Северо-Американских Штатов. Им

оказан великолепный прием и овации.

3 августа 1866 года, среда

В понедельник вечером американский посол был в Павловске. Огромное стечение публики. Пышная Иллюминация. Публика вела себя прилично, а американцы, кажется, остались очень довольны.

4 августа 1866 года, четверг

В N 210 “С.-П. ведомостей” напечатаны некоторые результаты, добытые следственной комиссией о Каракозове. Из них видно, до какой степени изгажено, перепорчено, изуродовано молодое поколение. Это не усилия расширить круг своей деятельности, внести в общество новые начала, хотя бы ошибочные, но проникнутые желанием лучшего, руководящие к определенной цели, имеющие характер заблуждений высокого и благородного духа, — это грубый и пошлый разврат ума и сердца, отсутствие всяких нравственных убеждений и верований, полный разгул страстей с присвоенным себе правом все ломить и уничтожать, чтобы на просторе предаваться всевозможным крайностям. Это осадки, подонки века, с его безвкусием и материалистическим воззрением на жизнь и человечество, — века, носящего в себе с пышными и громкими воззваниями к прогрессу и цивилизации полное отчаяние во всем великом и прекрасном. Эти подонки и осадки воплотила в себе известная часть нашего молодого поколения — и что из этого выйдет, Богу единому известно! В напечатанном акте поражает еще одно обстоятельство: что же делали наши правители, когда они не знали и не заботились о том, что происходило у них под носом, — что они делали, все эти блестящие истуканы, эти Долгоруковы, Суворовы, Валуевы? О бедное, бедное мое отечество! И с государем, исполненным такой благости, таких добрых стремлений!..

14 августа 1866 года, воскресенье

Статью об “Отрезанном ломте” кончил, теперь начал об “Иоанне Грозном”. Вчера и сегодня, однако, худо работается. Открыть смысл в человеческих делах почти так же трудно, как открыть квадратуру круга.

16 августа 1866 года, вторник

Общество делает людей такими или иными: но кем же делается само общество?

Уничтожая в человеке все высшие стремления и вызывая и узаконивая одни животные инстинкты, какими же силами хотите вы устроить дела человеческие?

“Мы хотим, — говорите вы, — действовать ни под чьим руководством, ни под чьим началом, кроме своих собственных”.

— Но ведь это открывает путь к деятельности всякому вору, разбойнику, злоумышленнику.

“Нет! — опять говорите вы. — Наши цели благородны, возвышенны, мы стремимся ко благу всего человечества”.

— Но всякий фанатик это говорит. Люди со слабым умом всегда смешивают теоретическую возможность с возможностью практическою, то, что должно быть по идеалу, с тем, что может быть по закону вещей. . “Мы предтечи грядущего, мы расчищаем путь этому грядущему, мы запечатлеваем мученичеством наше рвение. Не начни мы, ничего бы не было”.

— Но как же вы начинаете? Какие средства вы употребляете?

“Цель освящает средства”, — говорите вы.

— Ну, в таком случае разум уж ничего больше не может вам сказать, и против вас приходится выдвигать такую же грубую силу, как вы сами.

Но вот другая сторона дела. Вы говорите: “Мы и не думаем ни о праве, ни о нравственных принципах. Мы просто объявляем войну: мы не хотим жить с вами, не хотим жить в настоящем, и вы и оно противны нам. Война, война! Будет прав тот, кто победит”.

— Ну, в этом по крайней мере есть смысл. Так не прикрывайтесь же личиною блага человечества. Вы такие же лжецы, мнимо защищающие интересы человечества, как и те, которые отстаивают самые закоснелые предрассудки и предания.

19 августа 1866 года, пятница

Нам надо заботиться не столько о перемене правительства, сколько об утверждении в умах идей законности и правды. Нам худо не столько оттого, что нами худо управляют, сколько оттого, что мы сами не умеем управлять собою. Нелепо все сваливать на правительство, которое к тому же плоть и кровь от нашей плоти и крови.

Наши мальчуганы начали борьбу, но, как свойственно мальчуганам, они борются не за дело, а за утопические свои мечты и грезы. Общество нуждается именно в том, что они стараются разрушить, — в твердых нравственных принципах.

Дело не в том, чтобы кричать: пусть такого-то предрассудка и злоупотребления не будет, — а в том, чтобы развитием здравых понятий и знания сделать невозможным существование этого предрассудка и злоупотребления.

28 августа 1866 года, воскресенье

Этот человек <?> отличается чрезвычайно живописною наружностью; все его движения похожи на движения натурщика, позирующего перед художником. Между тем в нем ничего, кроме гадостей Он далеко и не так умен, как хочет казаться, а благородства и доброты в нем и тени нет. Вывеска вас прельщает. Но войдите внутрь здания, и вы очутитесь в скверной харчевне или мелочной лавочке.

Говорят о приговоре над Каракозовым.

30 августа 1866 года, вторник

Кое-кто, по обыкновению, у меня обедал, а другие посетили вечером. Комнаты мои были буквально завалены цветами.

1 сентября 1866 года, четверг

Умер М.Н.Муравьев с 28 на 29 августа ночью, скоропостижно, в имении своем Сырцы, Лужского уезда.

31-го объявлен Каракозову приговор Верховного уголовного суда. Он осужден на смерть через повешение.

2 сентября 1866 года, пятница

Третье предостережение "С.-П. ведомостям", причем издание их приостановлено на три месяца. Итак, Валуев, не одолев медведя в лесу Каткова, набросился на бедного беззащитного зайца и немилосердно травит его с Щербининым и Фуксом.

3 сентября 1866 года, суббота

Повешен Каракозов на Смоленском поле. Говорят, стечение народа было несметное. Следует ли совершать казни публично?

9 сентября 1866 года, пятница

Заседание в Академии наук комиссии для присуждения Уваровских премий за драму. Я прочитал мою рецензию трагедии графа Толстого "Смерть Иоанна Грозного". Я требовал присуждения автору полной премии. Нас было семь членов: Веселовский как председатель, Устрялов, Грот, Срезневский, Пекарский, Куник и я. Четыре голоса были в пользу награды, то есть голоса Веселовского, мой, Устрялова и Грота, остальные против. Итак, трагедия не увенчана. Вышло дело постыдное и забавное.

Наибольшие невежды в деле изящной литературы помешали награде, ибо по уставу требуется две трети голосов. Да смешнее всего, что и они, наслышавшись от других, не отвергали достоинств пьесы, но им досадно было, что награда присуждалась по моей рецензии. Они придумали препятствие: по уставу, Академия приглашает кого-либо из сторонних литераторов тоже давать свое мнение, но она вовсе не обязывается безусловно к этой мере и часто произносила свои приговоры, не дожидаясь посторонних рецензий. Относительно "Иоанна Грозного" обращались за мнением к Тихонравову, но он не удостоил Академию даже никаким ответом, а между тем к 25 сентября уже должен быть представлен отчет о премиях. Председатель объявил, что мы должны произнести свой приговор по одной моей

рецензии, но вышеупомянутые три члена уперлись на необходимости мнения стороннего литератора. Тогда председатель предложил баллотировать вопрос: нужно ли это? — так как закон не обязывает к этому. Большинство оказалось за не нужно. Приступлено было ко второй баллотировке: *заслуживает ли трагедия Толстого награды?* И тут последовало решение, о котором я сказал выше… Грот начал настаивать, чтобы отложили приговор до следующего года, но председатель и я с ним воспротивились этому явному нарушению принципа баллотировки.

10 сентября 1866 года, суббота

Вчера мы переехали с дачи. Жаль было расставаться с ней. Все дни сентября, как и весь август, стояли прелестные. Зелень хотя местами и блекнет, но в общем еще свежа и очень хороша.

Есть в положении человека нечто, заставляющее его быть несправедливым и лжецом. Так, чтобы быть чем-нибудь, он должен непременно стеснить, ограничить круг своих понятий, выработать в себе сжатый образ мыслей — словом, должен сделаться *односторонним.* И чем он будет одностороннее, сжатее в своих стремлениях и действиях, тем более он успеет сделаться чем-нибудь. Можно ли теперь строго осуждать педантов, которые, сидя в углу своей школки, ничего не видят дальше нее и считают за вздор все, что происходит вдали от них. Они, конечно, смешны, да не такова ли судьба всех людей?

12 сентября 1866 года, понедельник

Чудный сентябрь, какого я не запомню в Петербурге. Все дни его совершенно летние. Сегодня, например, в тени и в шесть часов вечера 19R тепла. Теперь, ночью, 13R, и луна сияет в полном блеске на чистейшем небе.

17 сентября 1866 года, суббота

Торжественный въезд принцессы Дагмары. День совершенно летний. Процессия шла мимо наших окон. Пышное зрелище.

18 сентября 1866 года, воскресенье

16-го числа, в Павловске, умер С.С.Дудышкин, редактор “Отечественных записок”, человек далеко не преклонных лет и по виду чрезвычайно крепкого сложения. Это был честный и умный литератор, хотя и не отличался особенным дарованием.

Вчера была великолепная иллюминация в честь принцессы Дагмары. Все мои ходили смотреть ее с дядею Марком. Последний очень хвалил порядок и приличие, какое везде соблюдалось в толпах народа, а толпы были несметные.

19 сентября 1866 года, понедельник

Разве стыдно быть задавленному превозмогающей силой? Стыдно было бы уступить ей без борьбы, без сопротивления, с готовым чувством рабской покорности.

Сейчас проводил бедного Дудышкина на Охтенское кладбище. Он отличался, по-видимому, крепким здоровьем, только иногда страдал одышкою и умер внезапно от аневризма. Ему было всего сорок шесть лет. Его провожали многие из литераторов и несколько сторонних лиц. Я шел с Стасюлевичем и Вороновым.

20 сентября 1866 года, вторник

Хотя стало свежее, но все-таки сентябрь необыкновенно хорош. Гулял в Летнем саду. Зелень в общем все еще свежа и только кое-где поблекла.

22 сентября 1866 года, четверг

Делать одолжение другим — значит увеличивать число неблагодарных.

Замечательная несообразность и неловкость со стороны придворного начальства. На другой день въезда принцессы Дагмары в столицу государь вечером представлял невесту публике в театре. Что же сделало начальство? Оно разложило по ложам и по всем другим местам в театре объявления, чтобы публика воздержалась от всякого изъявления сочувствия, от всяких манифестаций. Вследствие этого, когда государь подвел невесту к барьеру ложи и представил ее публике, их встретило глубочайшее безмолвие. Все встали — и только. Государь, говорят, был сильно этим огорчен. И в самом деле, вышла огромнейшая несообразность. Народ на площадях, на улицах, везде восторженно изъявлял царской фамилии свое участие в ее семейном торжестве. А здесь самая образованная и высшая часть общества оказала ничем не объяснимые и не оправдываемые холодность и равнодушие. Вот со стороны придворного управления настоящая медвежья услуга. Говорят, это министр двора так распорядился.

1 октября 1866 года, суббота

Сентябрь кончился. Такого сентября не запомнит никто из петербургских старожилов. Ни одного дня без солнца, и только к концу месяца посвежело, но и то по утрам и не ниже 5—6R тепла.

Вчера отослал к цензору мои три критические статьи, которые хочу издать отдельною брошюрою. Разбор “Смерти Иоанна Грозного”, впрочем, выйдет сперва в академических “Ведомостях”.

3 октября 1866 года, понедельник

У простого гражданина, у лица должностного, но служащего обществу по

назначению самого общества, есть дела обоим общие, которые он тем или другим образом совершает или в совершении коих участвует: у него есть отечество. У чиновника нет интересов общественных; у него есть только воля начальника и беспрекословное повиновение этой воле, все равно — хороша она или дурна, полезна обществу или вредна: у чиновника есть начальство, а нет отечества.

“Московские ведомости” сильнейшим образом допекают Валуева за его распоряжения по делам печати. Но больше всего они налегают на него за его подкапывание под права суда. Ведь в самом деле этот чиновник всячески старается — не силою своей министерской власти, которая не всегда оказывается здесь состоятельною, а интригою — расположить суды по делам печати в свою пользу. Он успел, кажется, склонить на свою сторону Замятнина. Так, например, прокурор предъявил иск против “Вести”, которая невыгодно и предосудительно отозвалась о судах. Но Замятнин, по просьбе Валуева, остановил этот иск. А надо знать, что статья “Вести” писана по заказу Валуева и даже, как говорят, поправлена им. Еще он обратился к московскому прокурору, Ланге, с предложением начать иск против “Московских ведомостей” за их вредное направление, но получил отказ по причине недостатка поводов к обвинению. И на это Валуев также пожаловался министру юстиции. Словом, уязвляемый печатью, он мечется как угорелый. Право, кажется он хотел бы задушить всю русскую мысль и литературу, но находит препятствия то в одном, то в другом месте.

4 октября 1866 года, вторник

Сегодня должна была совершиться казнь государственных преступников, из которых один подлежал повешению.

Однако им объявлено помилование, то есть смягчение наказания. На того, который осужден был на смерть, уже накинута была веревка — и тут объявили, что ему даруется жизнь. Говорят, при этом опять присутствовали несметные толпы народа. Не лучше ли было бы его избавлять от такого зрелища? Извозчик, который меня сегодня вез на Васильевский остров, малый очень ловкий, толкуя об этом событии, между прочим заметил, что преступники не то заслужили и что их следовало бы живых закопать в землю.

Валуевская администрация, кажется, видит в печати личного своего врага. Она с каждым днем все больше и больше против нее озлобляется.

6 октября 1866 года, четверг

Кауфман уволен от управления Северо-Западным краем, и это вызвало сильное неодобрение со стороны патриотической и русской партии. Зато польская партия очень довольна. На место Кауфмана назначен Э.Т.Баранов, тот самый, который заменил Шувалова в Риге. Видно, некоторые работают с большим успехом. Настоящую перемену приписывают графу Шувалову и Валуеву. О Баранове говорят как о человеке ограниченного ума, как о втором Назимове, которого поляки так дурачили в Вильно.

Когда, перед праздником Пасхи, я виделся с Кауфманом, он и тогда жаловался на всевозможные препятствия, которые против него выдвигала петербургско-польская партия. От него я тогда слышал, что поляки управляемого им края придавлены, но не усмирены и что надо зорко за ними следить. Теперь это признано ненужным.

Дело Пыпина и Жуковского решено во второй судебной инстанции. Инстанция эта признала обвинение их в том, что статья “Вопрос молодого поколения” оскорбляет дворянство, неправильным, но осудила того и другого на трехнедельный арест на гауптвахте и на взнос штрафа по сто рублей с каждого за бранчивые выражения. Итак, Валуев все-таки не добился полного торжества. Он настаивал именно на оскорблении дворянства.

7 октября 1866 года, пятница

Общее собрание в Академии наук. Мне опять приходится писать отчет по Второму отделению. Я.К.Грот отказывается по множеству занятий. Он готовит речь на празднование карамзинского юбилея.

8 октября 1866 года, суббота

Вечер у Гончарова, где я познакомился с графом Толстым, автором “Смерти Иоанна Грозного”. Он очень приятный человек, с мягкими аристократическими приемами, и притом умный человек. Он благодарил меня за мой голос в пользу его трагедии по случаю присуждения Уваровской премии, которой, однако, ему не присудили такие великие критики, как Куник, Пекарский… Тут был также П.И.Юркевич, председатель Театрального комитета, и говорили о постановке “Иоанна Грозного” на сцену. Граф Толстой прочитал набросанные им на бумагу мысли о том, как должны актеры понимать главные роли Иоанна и Годунова. Эти мысли доказывают, как много и глубоко обдумывал автор свое произведение. Мысли его во многом схожи с тем, что я говорю в моей рецензии. Беседа продолжалась до двух часов ночи.

9 октября 1866 года, воскресенье

Прочитал две первые книжки Гэтэ против Ренана. Жаль, очень жаль, что автор, возражая Ренану и во многом весьма удачно опровергая его, слишком предается негодованию и часто просто осыпает бранью своего противника.

Дело в том, что Ренан отвергает божественность Иисуса Христа. На этой почве трудно состязаться с ним философским образом. А в этом ведь и вся суть. Кто не верит в божественность Христа, перед тем рассыпаются все богословские учения и доказательства. В сравнении с этим все исторические неверности и заблуждения Ренана, вся его критика евангелия ничего не значат, и если его можно уличить во лжах с этой стороны, то в конце концов все-таки главная его теза с философской точки зрения непременно найдет многих защитников и приверженцев.

10 октября 1866 года, понедельник

В “Биржевых ведомостях”, N 250, уже напечатана статейка против комиссии Академии, не присудившей премии пьесе графа Толстого. Ее писал, говорят, Феофил Толстой.

13 октября 1866 года, четверг

Появилась в “С.-П. ведомостях” первая половина моей статьи о трагедии графа Толстого “Смерть Иоанна Грозного”.

Поводом к увольнению Кауфмана послужила, между прочим, ужасная распущенность чиновников в том крае, в котором он управлял. По крайней мере государь так мотивировал свое решение. Это говорил мне Ф.И.Тютчев.

14 октября 1866 года, пятница

Был у меня граф Толстой, автор трагедии “Смерть Иоанна Грозного”. Он горячо благодарил меня за мою статью о нем, которой, впрочем, появилась еще только половина во вчерашнем N “С.-Петербургских ведомостей”. Он пишет вторую драму из царствования Феодора, где главным действующим лицом Годунов. Судя по плану, который он мне вкратце передал, это будет тоже прекрасное произведение. Теперь он хлопочет о постановке на сцену “Грозного”. Государыня очень этого желает, но сомневается, чтобы у нас нашлись актеры, которые были бы в состоянии хорошо сыграть эту пьесу.

Моя статья принята в публике с большим одобрение и сочувствием, как о том доходят до меня слухи. Просят, чтобы я дал оттиск. Я обещал всем, когда статья будет напечатана отдельно, вместе с двумя другими: о “Самоуправцах” Писемского и об “Отрезанном ломте” Потехина.

18 октября 1866 года, вторник

В N 286 “Голоса” появилась статья по поводу моей рецензии “Иоанна Грозного”. Статья обвиняет Академию за отказ этой пьесе в Уваровской премии и ссылается на мою рецензию.

Общество вправе требовать от Отделения русского языка и словесности, чтобы оно уважало русскую словесность.

23 октября 1866 года, воскресенье

Первые шаги графа Димитрия Андреевича Толстого на его министерском поприще начинают возбуждать какие-то странные впечатления. Что граф благоговел перед “Московскими ведомостями” — это было уже известно. Он, не обинуясь, высказывает перед ними род сыновней почтительности и готовности во всяком

случае руководствоваться их авторитетом и, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, говорит: *учитель так сказал*. Он сделал также юношескую ошибку в саратовской речи, в которой, говоря о дурном направлении учащейся молодежи, выразился так:

“При мне этого не будет”.

Но вот еще случай. На днях он отнесся к Валуеву официальною бумагою, в которой не без юношеского самодовольства говорит, что государь возложил на него наблюдать “а чистотою нравов юношества и преграждать в школы путь дурным идеям, а так как журналы “Дело” и “Женский вестник” издаются лицами, принадлежавшими к “Русскому слову” и “Современнику” и которые и теперь придерживаются образа мыслей этих журналов, то он, граф, и просит Валуева обратить на это внимание, дабы они вновь не заражали молодых умов Как бы ни было справедливо такое желание, но, во-первых, “Дело” и “Женский вестник” уже взяты под цензуру, и Совет по делам печати доносит Валуеву, что в них не оказывается ничего зловредного. Во-вторых, Тютчев Ф.И. в заседании того же Совета справедливо заметил, что литература существует не для гимназистов и школьников и что нельзя же ей давать детское направление. Тогда пришлось бы ограничиться одними букварями и учебниками. В обществе и кроме литературы говорится и делается много такого, что непригодно для школы и школьников. Но это уже дело министерства народного просвещения и блюстителей школьной нравственности не допускать в круг мальчиков и юношей того, что может иметь на них вредное влияние. Вообще в графе Димитрии Андреевиче видна одна из тех молодостей, которые если не навсегда, то надолго остаются такими. Дай Бог ему скорей постареть.

Эти жалкие молодые люди, бросившиеся сломя голову в омут революционных замыслов и покушений, сделали огромное зло России: они по крайней мере на полвека отодвинули ее от истинного просвещения, свободы и разных улучшений.

Если между нашими правительственными лицами есть кто-нибудь, искренно желающий блага для России, то это один государь.

26 октября 1866 года, среда

Валуев и граф Шувалов быстрыми шагами стремятся к тому, чтобы вдвоем управлять Россиею полицейским образом: один посредством общей, другой — посредством тайной полиции. Главная забота их теперь — подорвать суды, то есть взять их под опеку административной власти. Валуев уже подкопался под суды со стороны печати. Сегодня Норов дал мне прочитать его проект изъятий из общего закона о судопроизводстве и дополнений по делам печати, который должен рассматриваться в Государственном совете. Валуев добивается лишить прокурора права делать свои заключения по поступающим в суды от министерства внутренних дел обвинениям о проступках и преступлениях печатным словом. Норов просил меня написать от него записку по этому поводу для Государственного совета, что я и сделал и отдал ему сегодня же. Старик да с ним и я, мы только потешим себя: будто тут его голос может что-нибудь значить! Между тем государь уже согласился с мнением Валуева, и рассмотрение проекта в Государственном совете будет только

для соблюдения формальности. Итак, вот уже первая победа бюрократии над судебною властью. Бедное русское правосудие!

27 *октября 1866 года, четверг*

До сих пор не прекращаются толки о пьесе графа Толстого и о том, что Академия отказала ему в премии. Моя статья, оказывается, произвела впечатление в публике… Грот читал в заседании отделения речь, которую он пишет к карамзинскому юбилею. Когда он в своей речи дошел до места, где говорит, что Карамзин оказал огромную услугу языку, содействуя его образованию, даже преобразовал его. Пекарский заметил, что он не согласен с этим общепринятым мнением, что Карамзин не оказал никакой особенной услуги языку нашему и что в этом отношении гораздо больше него сделали наши докарамзинские сатирические журналы…

Вчера познакомился я у Норова с смоленским губернатором, Бороздною. Он сильно жаловался на нигилистический дух среди смоленской молодежи. Многие из девушек не выходят замуж иначе, как гражданским браком.

1 ноября 1866 года, вторник

Отослал в Прагу, через князя Дабижа, несколько своих брошюр к “Историю литературы” Миллера.

Рассудив зрело, я нахожу, что NN. поступил основательно и справедливо. Есть правило житейской мудрости: никому не позволяй слыть умнее и даровитее тебя, а если такое случится, то старайся всячески уронить его в глазах других.

Дело хорошего писателя состоит не в чем другом, как в формулировании тех начал и тех идей, которые потребны всем и которые смутно мелькают в умах известного времени и известного общества.

Поздравление президента Академии наук Литке с пожалованием ему графского достоинства. Он, кажется, очень доволен.

2 ноября 1866 года, среда

И в Москве неблагоприятно отзываются о нашем академическом деле по случаю неувенчания Уваровскою премиею пьесы графа Толстого. В N 36 “Современной летописи” напечатана неодобрительная статья об этом. Безобразов, недавно возвратившийся из Москвы, тоже говорил мне вчера, что там очень дурно отзываются о лицах, которые подали голос против пьесы.

3 ноября 1866 года, четверг

Буря в Отделении русского языка и словесности все по случаю той же пьесы графа Толстого. Бычков принес в заседание для прочтения статью “Летописи”. Она

и была прочтена во всеуслышание Срезневским. Против всего, что там сказано, нечего было возразить. Грот заметил, что мы сделали большую ошибку, отказав в награде произведению, которое вполне ее заслуживало, но Пекарский ухватился за слова, сказанные о нем в статье, и объявил, что будет на них отвечать. Что и почему он будет отвечать, трудно вообразить себе. Потом он начал доказывать, что Академия не поручала мне разбора пьесы, и ссылался на протокол, в котором обыкновенно и не говорится, кто из членов принял на себя рассмотрение такого-то сочинения. Из этого публика должна будет заключить, что я напечатал мою рецензию, не представив ее в комиссию. Но ведь она была мною прочитана в комиссии, в которой, после выслушания и полного одобрения рецензии четырьмя голосами, и приступлено было к баллотированию. Вообще Пекарский ведет себя в этом деле престранно Он покусился было даже утверждать, что не подавал отрицательного голоса. Срезневский высказался честнее: он прямо объявил, что подал отрицательное мнение посредством бумажки, на которой ничего не было написано. Грот хочет напечатать то, что он одобрял пьесу; Веселовский тоже что-то намеревается написать; я тоже напишу, что моя рецензия была читана в комиссии, если Пекарский что-нибудь напечатает, дающее повод думать противное. Вот будет потеха для публики!

Надо стараться очистить и нравственно поднять литературу так, чтобы она не могла давать поводов к нападкам на нее обскурантов и реакционеров.

4 ноября 1866 года, пятница

Валуев провел-таки свою меру о предоставлении большей власти губернаторам, отвергнутую Государственным советом, кажется, в июле или августе. Высочайший указ о том от 28 октября см. “Голос”, N 303.

5 ноября 1866 года, суббота

После сильнейшей вчерашней вьюги сегодня началась, по-видимому, зима. Прекрасная санная дорога.

Свершилось то, чего боялись люди мыслящие: наступает время поворота назад, время реакции.

Освобождение крестьян — дело без сомнения великое. Но великость его заключается еще и в том, что оно полагает начало для других, неизбежных и столь же великих реформ. Без этого оно дело недовершенное. Оставить освобожденные массы без руководства людей развитых, просвещенных и благомыслящих — оставить одних в детском невежестве, а в других поселить недоверие — это великая государственная ошибка.

Вот и плоды знаменитого постановления об усилении власти губернаторов. Нижегородский губернатор сделал распоряжение (“Голос”, N 307), по которому все женщины, носящие *круглые шляпы, синие очки, башлыки, коротко остриженные волосы и не носящие кринолинов*, признаются нигилистками, забираются в полицию, где им приказывают скинуть все эти наряды и надеть кринолины; а если они не

послушаются, то *высылать их из губернии*. Администрация в этом усердии доходит до того предела, где ее странные распоряжения уже перестают быть странными, а становятся комическими. Распоряжение, о котором здесь говорится, сделано Огаревым. Впрочем, это только цветочки, а будут еще ягодки. Найдутся, конечно, губернаторы, которые в упоении своей беспредельной власти и в порыве усердия будут делать распоряжения и получше этого, да и не одни губернаторы, а и другие власти. Ведь вот даже здесь, в столице, на днях министр императорского двора раскидал же письменные приказания в ложах и креслах театра, чтобы посетители не смели изъявлять своих чувств государю при его появлении с принцессою Дагмарою.

8 ноября 1866 года, вторник

Вечером у Чебышева-Дмитриева. Там встретил двух старых знакомых: ректора Московского университета Баршева и профессора С.В.Пахмана.

9 ноября 1866 года, среда

Бал во дворце. Мне очень хотелось видеть цесаревну Марию Федоровну (Дагмару). Я и видел ее. Она действительно очень мила. В ней нет ничего величественного, но она вся сияние, юность, грация. По крайней мере она такою мне показалась. На бале, по обыкновению, встретил много знакомых. Министр народного просвещения, граф Толстой, по-прежнему дружески со мной раскланялся. Валуев тоже удостоил меня поклоном, весьма, впрочем, холодным в величественным, на что я отвечал, хотя не так величественно и изящно, но тоже холодно. Побеседовал немного с генералом Лихачевым, Княжевичем и проч., выпил смородиновой воды, едва прикоснулся к ужину и уехал. Ужин, впрочем, был обильный и роскошный. Народу великое множество — блеск от свеч, блеск от звезд, но увы! Мало блеска от женских глаз. Красивых лиц почти не было. Блистала одна Базилевская.

11 ноября 1866 года, пятница

Совет по делам печати, вопреки отношению графа Толстого, сделал постановление, что литература существует не для гимназистов и что министерству народного просвещения собственно принадлежит право и власть охранять гимназии от вторжения в них таких произведений, которые не соответствуют детскому возрасту. Валуев на докладе Совета написал резолюцию: “Не следует министрам давать наставления”.

12 ноября 1866 года, суббота

Я отдал членам Второго отделения Академии наук по экземпляру моих рецензий, вышедших на днях из типографии. Они оказали мне любезность, прося надписать каждому, — и первый Пекарский. Срезневский просил несколько экземпляров, чтобы послать в Вену славянам, с которыми он в сношении.

От графа Димитрия Андреевича Толстого получил весьма любезную записку, в которой он говорит об удовольствии, доставленном ему чтением моей брошюры.

Вечером у Княжевича. Разговор с Бакуниным — разумеется, не с страшным М.А., а другим.

Удивительно странен наш русский ум! Он с чрезвычайною легкостью усваивает себе летучие идеи времени и часто умеет высказывать их так ловко, с видом такого убеждения, как будто они были его собственными. Эта восприимчивость, соединенная с большою живостью его натуры, мешает ему углубиться в то, что он сгоряча принимает за непреложную истину, мешает ему быть самостоятельным и твердым. В нем все как-то легко, ненадежно, непрочно; чувствуешь, что то, что он сегодня принимает и отстаивает с жаром, скоро перестанет занимать его, что оно не пустило его сознании глубоких корней и что он так же скоро охладеет к принятому, как скоро привязался к нему.

15 ноября 1866 года, вторник

В моей книжке последняя статья, разбор трагедии “Смерть Иоанна Грозного”, перепорчена в типографии. Наделаны такие опечатки, что я велел остановить продажу книжки в сегодня объяснялся с Нагелем. Решено перепечатать наиболее пострадавшие страницы. Опять остановка.

17 ноября 1866 года, четверг

Что есть жизнь человеческая, как не смесь страдании и пороков?

Для многих ли доступна та высокая степень умственного и нравственного развития или та высшая точка зрения, с которой человек может взглянуть примирительным оком на все зло, на весь беспорядок, царствующие в мир? Сколько людей погибает в пути к этому недосягаемому для них возвышению, в тревогах сомнений, в чувстве великих своих скорбен и неудовлетворенной жажды лучшего, в полной невозможности сказать доброе слово о том, что он видел и испытал в краткие мгновения своей жизни, — и надобно считать за великое добро уже ту душевную тупость, которая бессмысленно и покорно протягивает свою голову под разящие ее удары, не спрашивая, за что и почему она осуждена на эту казнь.

Сила познается только в борьбе. Что не трудно, то никуда не годится.

Таланту многое и лучшее, конечно, дается даром. Но следует ли из того, что он не трудится? То, что первоначально далось ему без труда, как бы каким-то счастливым наитием свыше, или, как говорится, пришло само собою, то он должен развить, обработать, устроить — и все это составляет работу вовсе не легкую, часто до того упорную, что она занимает все его силы, истощает их и делает его недовольным самим собою. И чем глубже, чем тоньше он понимает требования своей задачи, тем труднее для него выполнение ее с такою точностью и достоинством, какие налагаются на него собственным его идеалом. Как часто приходится ему биться долго над одним каким-нибудь словом в выражении своих

мыслей, не вполне удовлетворяющим требованиям собственного неумолимого контроля.

18 ноября 1866 года, пятница

Собирать, копить факты хорошо; но следует ли из этого, что надо отказаться от права и способности рассуждать?

21 ноября 1866 года, понедельник

Сохранение жизни, сохранение здоровья, некоторая доля обеспечения нужд и некоторая доля удовольствия ради отдохновения от трудов — все это законно и справедливо. Но немножко больше славы и немножко больше богатства — что значит все это, по выражению Бомеля в письме его к Вольтеру?

С Н.А.Милютиным случился удар. Он безнадежен. Его навещал государь. Великая княгиня Елена Павловна была у него два раза в один день. На место него вызывают князя Черкасского из Варшавы.

23 ноября 1866 года, среда

Когда государь посетил Милютина, он горячо выразил ему свое соболезнование и вообще обошелся с ним очень благосклонно и ласково.

На место Милютина был назначен С.М.Жуковский, о чем уже был заготовлен указ. Но вдруг все изменилось: важный пост, занимаемый Милютиным, вверен графу Павлу Шувалову.

24 ноября 1866 года, четверг

Извне нам угрожает Европа, внутри, как в вулкане, зловещий глухой гул и клокотание потрясающих элементов. Бедное мое отечество!

В N 324 “Голоса” напечатана сильная заметка о Милютине. Заезжал к нему. Ему лучше, но хотя бы он и поднялся с одра смерти, а все-таки это не возвратит нам благородного гражданина и полезного деятеля.

25 ноября 1866 года, пятница

Смотри, с какой стороны больше подлежит нападениям твоя свобода, там и усиливай стражу и бдительность. Чрезвычайно опасно поддаваться впечатлениям, какие возникают для тебя из различных отношений с людьми. И странное дело, хотя ты не очень уважаешь их мнение, зная, из какого часто нечистого или мелкого источника истекает их одобрение или неодобрение, их приязнь и неприязнь, однако тем не менее все это тревожит тебя, нарушает мир и спокойствие твоей души. Значит, тут дело не в том, что люди нехороши, а в том, что ты нехорош. Твое сердце

так слабо и рыхло, что всякое семя, бросаемое в него ветром, свободно и скоро произрастает в нем, — а это произрастание дает терния и волчецы. Итак, врачу, исцелися сам! Подрезывай в самом корне эти вредные и скверные произрастания или устраняй, елико возможно, влияние причин, которые их питают.

26 ноября 1866 года, суббота

Самая грубая ложь для большей части людей может сделаться убеждением, если повторяется часто и не встречает протеста со стороны тех, которые обязаны блюсти и охранять истину.

27 ноября 1866 года, воскресенье

Возвысился граф Петр Шувалов и делает что ему заблагорассудится, помимо закона и всех установленных государственных учреждений. Он прямо идет с докладом к государю и получает его согласие на меру, хотя бы та была в полном разногласии с тем и с другим. То же самое делает нынешний обер-полицеймейстер Трепов. Они приобрели страшную власть именем злополучного 4 апреля. Все делается под видом охранения священной особы государя. Для этого и Валуев дал такие полномочия губернаторам, на которых повсюду распространяется негодование.

Была в Петербурге учреждена комиссия для устройства и преобразования городской полиции. Шло, между прочим, дело о разделении города на сорок участков. Но когда Трепову заметили в комиссии, что разделение это не имеет основания и что не лучше ли в полицейском отношении разделить город по числу судебных мировых участков, он энергически отверг это, потому, как он выразился, что авторитет полиции тут как бы подчинится авторитету судов. Трепов, говорят, ненавидит новые суды. Потом, однако, он согласился уменьшить число участков до тридцати четырех. Так решено было комиссией. Вдруг является приказ обер-полицеймейстера, по которому город делится, кажется, на тридцать восемь участков. Это значит, что Трепов прямо от себя сделал доклад государю и получил утверждение; ни министр, никто об этом ничего не знал. Трепов увеличивает штатную сумму, определенную на содержание полиции, и прямо от себя относится к министру финансов об отпуске дополнительных сумм, чем приводит его в немалое изумление. И это произошло также вследствие непосредственного доклада Трепова государю, без всяких предварительных соображений и сношений с подлежащими властями.

А.П.Безак придумал меру уничтожить Каменец-Подольскую католическую епархию: пошел с докладом и получил согласие. Говорят, мера не дурная в политическом отношении, — пусть так, но вышло то, что теперь не знают, как с ней справиться. По католическому каноническому праву ни один епископ не может принять управление ни одною церковью вне района своей епархии. И когда упраздненную епархию надо было подчинить другому, ближайшему, епископу, тот отказался принять ее, потому что это воспрещается основным законом его церкви, и проч., и проч., и проч.

29 ноября 1866 года, вторник

И коренному петербургскому жителю становится трудно ориентироваться в нем благодаря бывшему обер-полицеймейстеру, графу Шувалову, который в своей просвещенной заботливости о благоустройстве и безопасности столицы переименовал разные улицы и из старых, усвоенных этим улицам историей или преданием, названий наделал такие, например, как Ковенский переулок, Могилевская улица и т.д.

1 декабря 1866 года, четверг

Торжество в Академии наук в честь Карамзина, по случаю совершившегося столетия со дня его рождения. Публика многочисленная и отборная. Были: наследник, великие князья Владимир и Алексей и Лейхтенбергский.

Речь Погодина вызвала неоднократные взрывы рукоплесканий и вообще была принята с восторгом, особенно те места, где он резюмировал известное неизданное сочинение Карамзина о “Древней и новой России” и приводил некоторые мысли из письма его к Александру о Польше. Речь Погодина действительно была в высшей степени уместна, прилична и благородна. Он мастерски воспользовался случаем и высказал несколько строгих и верных истин тем, кому подобает их слушать, но кто обыкновенно не слышит их от людей близких. Здесь Погодин был уже не ученый, не академик, не оратор, а гражданин. Речь его есть подвиг, гражданская заслуга. И прочитал он ее хорошо.

Некоторые академики, однако, не нашли в ней никакого достоинства. Сидевший возле меня сначала даже подсмеивался над оратором, называл его фигляром, но скоро, однако, перестал и выразил даже некоторое одобрение. Но секретарь на мои похвалы прямо отвечал, что речь не заслуживает никакого внимания и что хорошего в ней только выписки из Карамзина. Великие князья также аплодировали многим местам, не исключая и наследника, который, впрочем, делал то сдержаннее своих братьев. Воспоминания Вяземского тоже приняты были публикою благосклонно, равно как и стихи его, которые, впрочем, на этот раз не отличаются особенною силою. Да и прочитал и то и другое Маркович, против своего обыкновения, довольно плохо. Акт продолжался больше двух с половиною часов.

2 декабря 1866 года, пятница

Замечательно, что вчера на акте не было никого из духовных властей, а Валуев исчез. В ознаменование карамзинского юбилея государь пожаловал сыну Карамзина, Владимиру, орден св. Станислава I степени. Погодину также орден и Строеву — тысячу рублей пенсиону.

Акт в университете. Речь Бестужева-Рюмина о Карамзине как историке, прочитанная Миллером, очень хороша. Провозглашение военного министра Милютина доктором истории было принято с живым участием и сопровождалось

громкими рукоплесканиями. И ему самому, кажется, это было приятно. Он два раза вставал, чтобы благодарить публику.

3 декабря 1866 года, суббота Заезжал к Погодину и довольно долго побеседовал с ним. Я высказал ему мое удовольствие по поводу его речи, которая, прибавил я, уже была не слово, а событие. Он был у наследника, который, между прочим, сказал ему “Ваша речь произвела фурор”.

4 декабря 1866 года, воскресенье

Управление по делам печати идет совершенно ложным путем. Оно усвоило себе только один элемент силы — элемент *полицейский*, забыв вовсе, что в кругу, в котором оно действует, есть еще очень важный элемент силы — элемент *нравственный*. Кажется, оно решилось совсем ни в каком случае не признавать значения силы мыслительной и силы нравственной.

Самое грубое ослепление, недостойное не только государственного человека, но даже обыкновенного чиновника, — думать, что в наше время можно управлять посредством одних полицейских мер, циркуляров, запрещений и тому подобного.

Управление решилось действовать совершенно наперекор величайшего из властителей земных — духа времени, который неотразимо требует свободы мысли и слова. Это уступка, которую ему необходимо сделать, если не хочешь допустить опять самого гибельного своеволия и злоупотребления мысли и слова впоследствии, когда все-таки придется снова ослабить натянутые вожжи. Валуев человек не без ума, но с ног до головы бюрократ, который понимает государственные дела не иначе, как канцелярские отношения и рапорты, хотя и говорит иногда пышно и кудряво. Валуев сделает то, чего само общество, может быть, и не сделало бы; он приведет его к полнейшей вере, что ничему верить нельзя.

Управление не понимает различия в печати между свободою *мысли реальною и логическою*. Оттого оно под одинаковый гнет кладет и какую-нибудь газетную статью и ученую книгу.

Теперь Валуев думает, что он принял важную меру, переменив М.П.Щербинина на Похвиснева, то есть заменив чиновника одряхлевшего чиновником помоложе.

5 декабря 1866 года, понедельник

Обедал у Бычкова. Там были члены нашего отделения и Погодин. Погодин прочитал после обеда отрывок из описания своего последнего пребывания за границею, где рассказывает свою встречу в Монтре с Герценом. Погодин советовал ему раскаяться и возвратиться в Россию.

6 декабря 1866 года, вторник

Третье предостережение “Голосу” и приостановка его на два месяца за статью в

N 318 о полиции. См. “Северная почта”, N 261.

8 декабря 1866 года, четверг

Сегодня в заседании Академии наук был и Погодин. Ничего особенного. Говорили и судили, как обыкновенно, с большою важностью, как подобает истым академикам…

О Милютине (Николае) все дурные слухи. Ему лучше, но нет никакой надежды на то, чтобы он мог опять заняться делами.

Баранов в своей речи в Вильно сказал, что напрасно некоторые злонамеренные люди стараются распространить мысль об изменении системы в управлении польскими делами. Ничего не изменится, и все прежние предначертания будут выполнены. Странное дело! Система не переменится, а переменили людей, которые способны были ее выполнять, и заменили их людьми, совершенно на то не способными, как будто системы создают людей, а не люди системы.

Когда раз допустили известную меру свободы мысли и слова, то возвращаться назад уже нельзя. Надо допустить и признать эту свободу как новый элемент, подобно тому как признают и допускают необходимость разных изменений общественных и административных. На некоторые злоупотребления печатного слова надо уже смотреть как на необходимое зло. Злоупотреблений этих не желают оставлять без взыскания — хорошо! Но что считать за злоупотребления? В этом должно непременно умерить до последней крайности свою щекотливость и притязательность. Вообще не должно показывать, что в печатном слове видят личного врага, как то делает нынешнее Управление по делам печати. Вообще на это дело нельзя смотреть полицейскими глазами.

9 декабря 1866 года, пятница

В общем собрании Академии наук президент Литке предложил выбрать в почетные члены министра народного просвещения графа Д.А.Толстого, Димитрия Алексеевича Милютина, Валуева и министра Зеленого. Выбраны два первые. У графа Толстого было только три отрицательных голоса, у Милютина два. Но когда дело дошло до Валуева, то оказалось, что ему накидали черных шаров, и избрание не состоялось. Этим был очень огорчен президент. Но он сам виноват. Не следует предлагать некоторых лиц, не удостоверившись прежде в успехе и не посоветовавшись с некоторыми знающими людьми. Я предлагал было разделить выбор так, чтобы двое были избраны теперь, а другие двое оставлены хоть до следующего года. Президент не согласился и потерпел поражение. Зеленого он уже не хотел баллотировать. Чему, однако, приписать эту неудачу относительно Валуева, когда Академия прежде так снисходительно раздавала свои дипломы на звание почетных членов? Я думаю, роли, какую Валуев принял на себя в отношении к печати. Академия — естественная покровительница печати в ее высшем значении, и она, верно, хотела этим выразить свое несочувствие лицу, которое доселе показало себя в делах печати только преследованиями. Вообще Валуев не пользуется

сочувствием общества. Не много друзей приобрел ему, между прочим, и знаменитый циркуляр губернаторам.

10 декабря 1866 года, суббота

Оттепель и ужасная слякоть. На санях скверно ездить, на колесах совсем нельзя.

Погодин, кажется, на меня гневается. За что? Постигнуть не могу. За то разве, что, говоря в статье моей об “Иоанне Грозном” графа Толстого, о нынешних русских писателях, наследовавших язык Карамзина, то есть о Гончарове, Тургеневе, Майкове, я не упомянул о нем? Неужели за то? Да ведь это просто было бы нелепо: к числу достоинств Погодина не принадлежит же художественно обработанный, изящный язык. Никто не считает его язык образцовым. Да притом у меня дело шло о поэтах — какой же он поэт? Правда, он написал повести, трагедии и т.п., но ведь не в этом его специальность и заслуга. Он обещался приехать ко мне в прошедшее воскресенье, но я напрасно прождал его: он не пожаловал. На обеде у Бычкова он был со мною вежлив, но сух и холоден. Что же делать? Бог с ним! На наши мелкие самолюбия не напасешься осторожности.

11 декабря 1866 года, воскресенье

Обедал у графа Толстого, министра. Там, между прочим, находился и С.М.Соловьев. Он смотрит таким великим человеком, что к нему и подойти страшно. В величественном виде он уступает разве только швейцару княгини Белосельской, что стоит у подъезда ее дома и обозревает мимо проходящих, как величественнейший из наших сановников. А было время, все эти Соловьевы, Погодины, Катковы расточали мне сладчайшие любезности. Ну, да это было тогда, когда я был в силе по нашему министерству. Это и понятно и законно. А все-таки удивительные педанты эти москвичи! Сделав что-нибудь полезное, они уже требуют чуть не божеского поклонения и отвергают малейшую возможность чужих достоинств и заслуг. Это мелко и смешно.

По городу уже пошли слухи о неизбрании Валуева в почетные члены Академии наук. Все одобряют Академию. Говорят, хороша была бы Академия, если б сделала своим членом врага и притеснителя печати.

13 декабря 1866 года, вторник

Что же делать, если наши современные романисты и поэты лучше владеют языком, чем историки?

14 декабря 1866 года, среда

Над “Московскими ведомостями” висит дамоклов меч. На днях Валуев, по высочайшему повелению, внес в Комитет министров записку о всех

противоправительственных статьях, в разное время напечатанных в “Московских ведомостях”. Когда члены Комитета, выслушав записку, спросили, с какою же целью она внесена в Комитет, не для принятия ли какой-нибудь меры? — Валуев отвечал, что она внесена в Комитет согласно высочайшей воле, а что касается до меры или до мер, то они будут приняты администрацией. Непостижимое ослепление “Московских ведомостей”: они, кажется, на что-то положились, чему-то поверили, забыв, что у нас кажущееся надежным и верным поутру может совершенно измениться к вечеру того же дня.

Краевскому оказано снисхождение: он подвержен вместо гауптвахты или съезжей домашнему аресту, все-таки на два месяца.

17 декабря 1866 года, суббота

Слишком хороших вещей желать не должно: с ними скоро изнеживаешься и теряешь способность сносить все дурное, чем так обильна жизнь.

22 декабря 1866 года, четверг

Калужский губернатор представил высшему начальству, что необходимо выслать куда-нибудь из Калуги тамошнего не то председателя, не то члена гражданской палаты за *его неблагонадежность, в случае могущего последовать в Калужской губернии возмущения*. Так возбудительно действует на губернаторов знаменитый циркуляр Валуева.

Кстати, о Валуеве. Он недавно одному моему знакомому утверждал, что нет у печати защитника более ревностного, чем он.

23 декабря 1866 года, пятница

По мере того как мы изучаем природу, как углубляемся в бесконечное течение веков и видим страшные перевороты, испытываемые землею в этом неиссякаемом потоке времен, — человек, его значение и судьба кажутся все мельче, ничтожнее и безотраднее.

29 декабря 1866 года, четверг

Годичный акт в Академии наук. Читал отчет по Второму отделению. Прочитал дурно, местами плохо разбирая свою руку. Разумеется, это глупо.

После Академии обед у Донона за шесть рублей с человека. Тут вместе с потоками вина лились изъявления взаимной дружбы, единодушия и проч. Бэр говорил речь о единодушии. Превосходный ученый, прекрасный человек, юный старик! В нем есть философия, поэзия, жизнь… Секретарь Веселовский упрекнул меня за то, что в моем отчете я сказал, что у нас в данный момент нет первоклассных талантов ни в науке, ни в литературе, — а вот Бэр! Я вовсе не забыл о Бэрах, но они принадлежат прошедшему. Я еще буду иметь с Веселовским

объяснение по этому поводу.

31 декабря 1866 года, суббота

Лучше не давать ничего, чем, давши, брать назад. Конец 1866 года.

1867

1 января 1867 года, воскресенье

Заходил, между прочим, справиться о здоровье Милютина. Он очень плох. По мнению некоторых врачей, ему грозит размягчение мозга.

“Голос” прощен: ему дозволено выходить в свет.

4 января 1867 года, среда

Вечер у президента Академии наук. Многое множество людей всякого рода, то есть ученых и чиновников. Я все время пробеседовал с обер-прокурором Семеновым и астрономом Смысловым.

8 января 1867 года, воскресенье

Служение науке, конечно, составляет и у нас, как везде, одно из важнейших призваний для людей, одаренных сильною мыслью и талантом. Но есть два способа служить науке. Один состоит в накоплении и в разработке материалов; это *фактический* способ; другой — в группировке этих материалов, в возведении из них здания, в освещении их: это способ, так сказать, *духовный*. Оное надо делать и сего не оставлять. Науке так же нужен смысл, идея, как искусству нужен идеал.

Эстетический характер произведений искусства состоит в красоте образов, содержание которых соответствует требованиям мысли и чувства. А как эти потребности бывают различны, смотря по времени, народностям и разным периодам человеческого развития, то и содержание художественных образов бывает чрезвычайно различно. Со стороны художника большая ошибка не соразмерять содержание своего произведения с действительными потребностями данного периода и подчинять его требованиям поколения отжившего.

Поутру был у Ивана Леонтьевича Янышева, который сделан ректором Александро-Невской духовной академии. Он принял меня с прежним дружелюбием. Вечер у Краевского.

Хотел провести ночь в кресле, ради избежания толчков, и оставался так почти до четырех часов. Действительно, я чувствовал большое облегчение в голове, хотя все-таки и были легкие наплывы и один маленький толчок.

9 января 1867 года, понедельник

Три толчка один за другим, с потрясением всего тела.

10 января 1867 года, вторник

Вальц велел принимать по полкапли белладонны на ночь. Разумеется, это пустяки; однако я принял, ибо утопающий хватается за соломинку. Начал ночь в кресле, потом перешел на постель. Спал превосходно, как давно не спал, без толчков и наплывов. Приверженец гомеопатии, конечно, приписал бы это белладонне, а я приписываю просто случаю.

13 января 1867 года, пятница

Вчера умер Н.И.Греч. Сегодня я заезжал к его жене, Евгении Ивановне, и, между прочим, просил ее доставить мне кое-какие биографические сведения о нем. Мне хотелось бы помянуть его правдивым словом. Несмотря на некоторые черты характера и поступки, которые не раз восстановляли против него общественное мнение, Греч все-таки был замечательный деятель в литературе и человек с несомненными способностями и заслугами. В последнее время он был у нас почти забыт; но это участь многих из наших знаменитых людей. Им надобно умереть, чтобы о них вспомнили и их оценили. Покойному было 80 лет.

14 января 1867 года, суббота

Часто случается слышать о каком-нибудь общественном или государственном лице: “он не знает России”. Справедлив ли этот укор? Кто из нас может похвалиться, что знает ее? Правда, многие из наших администраторов и писателей не знают даже статистики не только государства, но даже тех отдельных местностей, о которых пишут статьи и книги или для которых составляют проекты управления, — это, конечно, непростительное невежество. Но характер народа, его политическое и нравственное значение или назначение — кому они известны, да и кому могут быть известны? Определились ли они, выразились ли настолько, чтобы можно было составить о них точное понятие и судить о них? Русский дух, русская интеллигенция, русская народность — что это такое, как не слова, не общие места в наших суждениях, хотя в действительности это великие, многозначительные сущности? Но потому-то, что они великие, многозначительные, их не легко определить и не следует к ним относиться легкомысленно.

Вечер у Ржевского. У него, между прочим, собираются сторонники так называемых крупных землевладельцев, среди которых особенно выдается редактор “Вести” Скарятин. Я по временам заглядываю туда, чтобы иметь понятие и об этой стороне нашей общественности. Притом здесь узнаешь и многие любопытные факты и слышишь любопытные суждения. Так, например, сегодня *кто-то*, председатель какой-то комиссии, ездивший по поручению правительства в Среднюю Азию, рассказывал очень много интересных вещей о тамошнем крае и народности, а также о генерале Черняеве, от которого этот *кто-то* в восхищении. Если верить всему, что я слышал сегодня, то наше правительство делает в Азии огромные

ошибки.

15 января 1867 года, воскресенье

На свете есть одна серьезная вещь — это смерть.

Вечер у Тройницкого, где обыкновенно собираются представители высшей бюрократии: директоры департаментов, члены министерских советов, сенаторы и проч. Странны наши русские люди! Вместо того чтобы поддерживать новое какое-нибудь зарождающееся общественное учреждение, они всеми силами стараются его опорочить и уронить. Так, например, делается и с земскими учреждениями. Некоторые господа считают долгом своего остроумия осмеивать все, что там говорится и делается. Я вчера и сегодня наслушался много подобных вещей. Впрочем, сам Тройницкий, хотя и товарищ министра, чужд этого стремления.

Поутру был еще у Марка: этот всегда стоит за все добрые начинания.

Совет по делам печати недавно давал обед своему бывшему председателю Щербинину. Как опошлились все эти обеды! Все знают, какой плохой председатель был Щербинин, никто его не уважал и теперь не уважает, а между тем в честь его устраивают праздник.

16 января 1867 года, понедельник

На похоронах Н.И.Греча. Отпевали его в лютеранской Петропавловской церкви, а похоронили на Волновом кладбище. В церкви мало кто был, а на кладбище и еще того меньше. Меня удивило присутствие в церкви графа Строганова, мужа Марии Николаевны, который вместе со мною нес гроб спереди. Из сановных людей были братья Княжевичи да еще два-три звездоносца, три-четыре литератора, три-четыре академика — вот и вся чиновная и умственная знать. Я отправился на кладбище вместе с Струговщиковым.

Земское с.-петербургское собрание закрыто правительственною властью.

Правду сказать, мы все одурачены. Мы, как дети, поверили чему-то хорошему, забыв, что в сей стране все спокон века было и есть ложь и произвол, — чему, вероятно, и предназначено быть до скончания веков. Да, впрочем, еще вопрос: лучше ли для государства, чтобы оно управлялось правдою? Были государства, которые существовали ложью тысячи лет. Нужны некоторые принципы — чуть ли это не все. Остальное зависит от случая и обстоятельств

17 января 1867 года, вторник.

В N 17 “С.-П. ведомостей” напечатано уже не только о закрытии, но и об уничтожении земского с.-петербургского собрания, то есть о прекращении его действий на будущее время.

Пишут из Одессы, что там умер Билярский, Петр Спиридонович, наш академик и профессор Одесского университета.

Уничтожение земских собраний Петербургской губернии — гибельная мера. Не предвещает ли оно впереди их общего уничтожения, то есть подчинения власти министров и губернаторов? Понимают ли это стоящие на высоте — неизвестно, но Валуев это, конечно, хорошо понимает. Стать выше закона, дать своему произволу полный простор — всегда было его задачею. В нынешнее время и нетрудно достигнуть этого. Стоит только преувеличить движение в обществе и в земстве, обвинить их в нигилизме — и с этим можно достигнуть всего, чего угодно. Ведь посягают уже и на суды. Говорят, на днях еще был внесен в Комитет министров проект об учреждении какого-то контроля из высших административных лиц над судами и над всеми судебными учреждениями, не исключая и сената. Вот что дело, так дело! К чему, в самом деле, правосудие нам, свыкшимся с отсутствием всякого закона и права и с господством всяческих лжей? На этот раз проект о подчинении судов административной власти не прошел, но разве “это не может состояться в будущем?

18 января 1867 года, среда

В N 8 газеты “Москва” напечатана статья по поводу панихиды по убиенным кандиотам. На эту панихиду надо было испрашивать разрешение от высшей петербургской администрации. Редактор газеты очень сильно осуждает необходимость испрашивать дозволение на проявление всякого общественного чувства и еще смелее касается зависимости церкви от светских властей. Главное управление по делам печати хотело дать *предостережение* редакции, но ограничилось *внушением.*

20 января 1867 года, пятница

Крузе, председатель с.-петербургской земской управы, сослан в Оренбург, граф Шувалов — в Париж, сенатору Любощинскому ведено подать в отставку.

Газете “Москва” дано первое предостережение.

21 января 1867 года, суббота

Двадцать пять лет правил нами страх. И что же вышло? Пагубная Крымская война, закончившаяся постыдным миром, польская революция, страшное расстройство финансов и вообще всякое расстройство, деморализация всех сословий, нигилизм с гнусным посягательством на цареубийство.

Спор в заседании Академии наук. Грот говорил в своей небольшой статье, что Карамзин сделал много нового для письменного нашего языка. Другие это отрицали. Пекарский, как подобает великому демократу, вовсе отрицал значение гениальных личностей в деле образования и языка. Срезневский вступил в обычные свои педантические объяснения, в которых тоже отвергал значение таланта. Бычков принес с собою Ф.Эмина и доказывал, что у нас и до Карамзина писали не хуже его.

Был у Марка. Он очень расстроен.

Несколько часов спустя получил от него известие, что сенаторство ему возвращено.

22 января 1867 года, воскресенье

Вчера настала оттепель в природе; если бы она принесла оттепель и в наших делах, а именно — смягчение указа об уничтожении с.-петербургского земского собрания.

Человек есть сила самообразующаяся. По крайней мере он способен развиться до степени этой силы.

Сильные и мрачные толки о судьбе наших земских учреждений. Всеобщее неодобрение меры, принятой относительно Петербургской губернии. В N 15 “Московских ведомостей” целиком напечатан акт тамбовского собрания, в котором оно исчисляет крайние затруднения, порожденные законом 21 ноября, и просит правительство обратить на это внимание. Акт написан умно.

23 января 1867 года, понедельник

Какое странное сопоставление нигилизма с земскими учреждениями! А между тем оно сделано, потому что петербургское земское собрание уничтожено, как какое-нибудь тайное нигилистическое общество.

24 января 1867 года, вторник

Замечательная статья в N 18 газеты “Москва” в ответ на сделанное ей предостережение.

27 января 1867 года, пятница

Сетования и ропот на уничтожение петербургского земского собрания не прекращаются. Нет никого, кто не порицал бы Валуева и Петра Шувалова, которых считают виновниками этого дела.

Между тем, говорят, и за границей общественное мнение все больше и больше настраивается против России. Фонды наши везде страшно упали; кредит окончательно подорван; сделки по железнодорожным делам приняли самый невыгодный оборот. В “Таймсе”, в передовой статье, прямо говорится по поводу наших земских учреждений, что в России все так ненадежно и смутно, что с ней нельзя вступать ни в какие сделки. Бисмарк еще до катастрофы с этими учреждениями произнес в прусской палате речь о нас в весьма обидном, насмешливом тоне — и это в близкой, дружественной нам державе. Положение России становится день ото дня мрачнее и затруднительнее.

28 января 1867 года, суббота

В N 20 “Народного голоса” напечатана чрезвычайно резкая статья против министерства внутренних дел. Издает эту газету какое-то странное, загадочное существо — Литвинов-Юркевич. Он прямо, без всяких околичностей, выдает себя за агента его императорского величества. Ему дано пособие на издание газеты. В ней участвует с ним С.С.Джунковский, который перешел из православия в католичество, пребывал в нем двадцать лет в качестве монаха и занимал высокие в духовной иерархии должности, потом снова обратился в православие и теперь живет в Петербурге. Он студент нашего университета, и я хорошо его знал. Он отличался страстью к писательству и закидывал меня сочинениями о всевозможных предметах, которых вовсе не знал или знал плохо, за что получал от меня профессорские нотации. Потом, едва умея читать по-гречески, он вздумал переводить “Одиссею”. Впрочем, он обнаруживал способности. Вскоре по выходе из университета он участвовал в “Маяке”, издававшемся Бурачком, а в заключение уехал из России и обратился в католичество. Монахом он вздумал жениться, на что, разумеется, не получил разрешения от папы. Но он все-таки женился, бросил католичество и возвратился в Россию, где начал писать злые, обличительные статьи и на папу и на католиков. Говорят, жена его бросила, и он теперь здесь живет одиноким.

Вечер провел у добрейшего и почтенного Княжевича.

29 января 1867 года, воскресенье

Вечер у Тютчева. Писемский читал свою трагедию “Гладкий” из времен Бирона, регентства Анны Леопольдовны и вступления на престол Елизаветы. Пьеса не лишена достоинств. Она чище других пьес Писемского.

30 января 1867 года, понедельник

Я никогда не принадлежал ни к какой партии и оттого остаюсь одиноким. Хотя это лишает меня известного рода популярности, к чему в свое время я, конечно, не был нечувствителен, однако теперь я не ропщу на мое одиночество. Оно избавило меня от зависимости и тревог, неразлучных с прилепленностью к известному образу мыслей, который не возник из тебя самого. Оно дало уму моему силу расширить горизонт свой и уберегло его от односторонности и мелочности, и если я до сих пор сохранил некоторую свободу духа и характера, то этим я обязан моему одиночеству.

Делать и говорить можно горячо, но ни говорить, ни делать не должно сгоряча.

1 февраля 1867 года, среда

Вечер у Гончарова. Множество всяких людей — мужчин и женщин. Хозяин познакомил меня с Ф.Ф.Витте, директором народного просвещения в Царстве Польском. Мне показался он человеком вполне обыкновенным. Он говорит очень много, но у него все выходят больше слова, чем мысли. Он сам себе придает цену за то, что служил с пользою русскому делу в Польше. Мы что-то мало слышали про

русский патриотизм, да и вообще про высшие достоинства Витте, а известно только, что его, как говорится, вывел в люди принц Ольденбургский, у которого он был домашним человеком.

3 февраля 1867 года, пятница

Иное дело знание, и иное дело мышление. Знание невозможно без мышления, но мышление само по себе составляет непреодолимую потребность человеческого духа. К чему бы оно ни стремилось, каких бы результатов ни достигало, оно является основным законом нашей природы. В нем и из него возникают вопросы о жизни, о сущности всего сущего, о боге, о судьбе и назначении человека. Ограничить мышление областью знания, осудить его стремления под предлогом недостоверности его выводов и недостижимости его цели — все равно, что воспретить дышать.

7 февраля 1867 года, вторник

Граф Шувалов вносил два проекта в Государственный совет. Один по поводу того, что все Поволжье исполнено дурного духа, и потому необходимо все это пространство оцепить жандармскими агентами, разделив их на группы. Для этого граф требовал кредита в восемьдесят тысяч рублей. Другой проект его касался усиления карательных мер против тайных обществ и против зловредных покушений в земских собраниях. Нашелся один из членов Государственного совета, который заметил, что крайне неприлично смешивать тайные общества с земством.

Был Чижов. Обычная с ним дружеская беседа.

8 февраля 1867 года, среда

Раут у министра народного просвещения. Тут, между прочим, занимал общество своими рассказами Горбунов.

Он действительно мастерски схватывает и передает черты народных типов. Министр был очень озабочен известным скандальным происшествием в Московском университете. Профессора Дмитриев и Чичерин со своими приверженцами — всего семь человек — подняли настоящее восстание против ректора и совета. Университет хотел выбрать на следующее пятилетие профессора Лешкова, а те не хотели, и Чичерин написал и прочитал в совете обидную бумагу по этому поводу. Дошло дело до министра, который не одобрил действий меньшинства. И вот теперь лица, составляющие это меньшинство: Чичерин, Дмитриев, Соловьев, Бабст и кто-то еще подают в отставку.

11 февраля 1867 года, суббота

Вечер у графини Блудовой. Там встретил мою бывшую ученицу, фрейлину Воейкову. Она мало переменилась.

Мы считаем правительство каким-то богом; думаем, что оно, как само небо, должно стоять выше общества и по умственным качествам, и по добродетели, и по знанию — и оттого требуем от него чуть не безошибочных дел. Но разве оно не есть продукт того же народа, каким управляет? Ум, добродетели и пороки последнего действуют в нем бессознательно и бывают причиною всего, что делается им дурного или хорошего. Если правительство шатко, непоследовательно, опрометчиво и проч., то это оттого, что все мы, русские люди, шатки, непоследовательно, опрометчивы и проч.

14 февраля 1867 года, вторник.

Вечер в театре на представлении “Иоанна Грозного”. Играли пьесу плохо. Самойлов был довольно хорош, когда ему приходилось выражать гнев Иоанна, но ему недоставало царственного величия. Нильский — какой-то дубовый человек: ни в лице его, ни в движениях, ни в дикции не отражалось и тени Годунова. Я знал его еще, когда он играл на школьном театре, под названием Нилуса. Он и тогда уже изумлял меня своею деревянностью. С тех пор он нимало не улучшился. Единственное его достоинство в том, что он красив собою, но для искусства этого мало. Что же касается остальных бояр, то это нечто просто безобразное. Это собрание каких-то холопов. Положим, что в действительности это и были царские холопы — но все-таки царские и не до такой степени пошлые. Владимирова — царица — была недурна, но роль ее довольно ничтожна. Обстановка пьесы великолепна.

18 февраля 1867 года, суббота

Чего недостает нашему сердцу в нравственных принципах, то вы должны пополнять рассудком. Если, например, вы в себе находите мало внутреннего расположения к тому, чтобы уважать людей, то вы должны предписать себе уважать их настолько, чтобы не делать им и себе вреда. Что касается делания добра, то вы должны его делать единственно потому, что добро есть вещь сама по себе хорошая и что во всяком случае хорошо поступать есть обязанность и необходимость для существа разумного.

Людей, как и вещи, надо оценивать по их качеству и отделке, а не по тому, в какой мере они годны или не годны собственно для вашего употребления. Заходил осведомиться о Тройницком, который опасно болен. Сегодня ему хуже. Опасаются за его жизнь.

19 февраля 1867 года, воскресенье Заходил к Тройницкому: ему немного лучше. Вечером у Норова.

20 февраля 1867 года, понедельник

Вчера Норов показывал мне стихи, которые написал и подарил ему Валуев.

Сочинены они были еще в 1848 году. Стихи идиллического содержания о счастье, которого желает автор, — счастье отрешиться от всех светских и особенно канцелярских забот. Слухи носятся, что Валуев оставляет министерство: обращение к этим стихам не есть ли намек на то? Норову автор дал их дня три тому назад.

21 февраля 1867 года, вторник

Большая часть наших тревог происходит оттого, что мелочи мы принимаем за важные вещи, а с вещами важными обращаемся как с мелочами.

Впрочем, что не мелочь в жизни человеческой, не исключая самой жизни?

22 февраля 1867 года, среда

Солнечное затмение сегодня, говорят, а между тем солнце во всю зиму не сияло так блистательно, как сегодня.

Земля русская перестраивается, а в некотором отношении даже строится. Оттого тут пропасть наваленного в кучу всякого материала, и все это еще не обделано, не прилажено. Кто архитектор? Архитекторов пропасть, но настоящие только Бог и народный дух.

В N 43 “Северной почты” напечатано строгое предостережение “Москве”.

23 февраля 1867 года, четверг

Наши государственные шалуны выдумали забавную новую проказу: ссылать во внутренние губернии содержателей гостиниц в Москве, а самые гостиницы немедленно закрывать административным порядком, если они не заявят в полицию и не пропишут вид кого-либо из остановившихся у них хоть на несколько часов. Это всегда и делалось гостиницами, но полиция всегда отказывала в прописке доставляемых ей видов. Газета “Москва” напечатала умную и энергическую статью по этому поводу: за это ей и сделано второе предостережение. Последнее, по обыкновению, так формулировано, что, прочитав и его и статью, на которую оно падает, никто не поймет, за что дано предостережение. (Статья в N 35 “Москвы”.)

В следующем, 36-м номере той же газеты помещена очень хорошая речь Полетики, произнесенная на каком-то политико-экономическом банкете. За речь, пожалуй, последует новое предостережение, а с тем вместе и прекращение газеты.

26 февраля 1867 года, воскресенье

Вечером был у А.С.Норова, который просил меня подписать его духовную.

1 марта 1867 года, среда

“Весна вокруг живит природу”, — да, календарная весна, так как сегодня 14R

мороза, а вчера было 18R: настоящая весенняя погода.

4 марта 1867 года, суббота

Толки о страшном воровстве соли и железа в Нижнем Новгороде. Того и другого украдено более, чем на миллион рублей. Еще толки о продаже Московской железной дороги.

В N 49 “Северной почты” напечатано предостережение “С.-П. ведомостям” за две статьи в защиту земства, написанные Кошелевым.

5 марта 1‘867 года, воскресенье

Странное иногда сочетание мыслей происходит во сне. Мне приснился покойный Н.И.Греч. Мы были в каком-то обществе и кто-то из среды его говорил что-то о заслугах Греча. На это он заметил: “Все это ничего, а единственная полезная вещь, которую я сделал, — это то, что я умер”. — “Мы не будем вам за это благодарны” — отвечал я ему.

Соли украдено в Нижнем Новгороде полтора миллиона пудов и от ста двадцати до ста семидесяти тысяч пудов железа.

7 *марта 1867 года, вторник*

В N 45 “Москвы” помещен ответ на второе предостережение, сделанное этой газете. Презрительнее отзываться о цензурной администрации нельзя.

8 марта 1867 года, среда

При осуществлении какой-нибудь задачи ничто не дается сразу. Притом необходимо *постоянство* усилий. Одни и те же постоянные работы инфузорий в течение многих тысячелетий образовали острова, целые горы и даже пространство материков. А мы, бедные русские, отличаемся недостатком этого качества малейших насекомых.

10 марта 1867 года, пятница

Я продолжаю заниматься собиранием разною запаса сведений и изощрением моего ума и вообще самоусовершенствованием так, как будто передо мной лежит еще длинная перспектива жизни. Много узнаю такого, что гораздо было бы полезнее знать прежде, и многое во внутренней своей администрации устраиваю так, что если бы подобные меры принимались в раннюю эпоху жизни, то я избежал бы бесчисленного множества ошибок и хоть несколько ближе походил бы на свой идеал. Поздненько — нечего делать, но лучше поздно, чем никогда. Притом есть какое-то великое утешение чувствовать еще в себе на закате дней довольно сил для того, чтобы идти вперед, а не оставаться назади или стоять все на одном месте.

Итак, вперед, вперед, пока не споткнемся о могилу, в которую лучше стремглав свалиться, чем, как червяку, доползти до нее.

Валуев совершил три незабвенные, особенно значительные гадости: это знаменитый наказ об усилении губернаторской власти, его поведение с земством и деяния по делам печати.

Вот и последнего находившегося при нем умного человека — Тройницкого — он устранил от себя. Он сделал его членом Государственного совета. На место его определен князь Лобанов-Ростовский, который признается откровенно, что шагу не умеет ступить по дороге, которую перед ним открывают. Да какой же черт, прости Господи, вас сует туда? — По-русски, как-нибудь да управимся. О несчастная Россия! Она действительно управляется как-нибудь.

12 марта 1867 года, воскресенье

Какой это удивительный миф: человек похитил с неба огонь — разум. Полный сознания своего великого могущества, он начал действовать. Власть его над природою оказалась громадною. Знание расширило перед ним горизонт на бесконечное пространство. “Я обойдусь без богов, — сказал он себе, — я сам бог”. Но за эту дерзость он дорого заплатил. Сердце его начали терзать приступы скорби; немощь приковала его к Кавказу — и хотя он не упал духом, но должен страдать глубоко и безвыходно, потому что он утратил верования.

Был у Тройницкого. Он еще не совсем оправился от болезни, которая чуть не уложила его в могилу. Он оставил место товарища министра и сделан членом Государственного совета, чем он, разумеется, весьма доволен.

Я посидел у него с час, а потом отправился на обед а Римско-католическую академию, где происходило торжество по случаю храмового праздника. Собралось много католических священников и епископов. Тут был и директор департамента иностранных исповеданий, граф Сивере, с которым я и проговорил все время обеда. На другом конце стола с нами обедали и воспитанники академии. Когда предложен был тост за государя, молодые люди прекрасно пропели: “Боже, царя храни”. Это был сюрприз. Я никогда не слыхал этого гимна в Римско-католической академии. И, говорят, молодые люди сделали это сами, без напоминания и возбуждения со стороны академического начальства. Я не перестаю еще трогаться подобными выражениями общественных чувств, если они имеют в виду не одно лицо, но и идею. И в этот раз я был тронут. Я был единственный русский на этом обеде, а то все или немцы, или поляки. Я предложил директору тост за здоровье воспитанников, который был немедленно провозглашен.

13 марта 1867 года, понедельник

Кто содействует эстетическому образованию людей, тот содействует и образованию нравственному, в важности которого, кажется, нельзя сомневаться.

14 марта 1867 года, вторник

У меня необыкновенная способность отравлять всякое приятное расположение духа в себе то опасениями за будущее, то подозрениями в достоинстве этого самого явления, то, наконец, сомнениями в законности его и в моем праве на что-нибудь хорошее и приятное.

15 марта 1867 года, среда

Итак, говорят, судьба Московской железной дороги решена: ее определено продать, и притом иностранцам. Всеобщее сожаление и недовольство по этому случаю. Да и дорога эта доведена до такого состояния, что по ней скоро нельзя было бы ездить. Купцы подавали жалобу министру финансов, что они лишены возможности беспрепятственного передвижения товаров между обеими столицами. Что же делает министр путей сообщения? Дорога находится в руках какого-то американца, с которым министр заключил контракт, а по контракту тот не обязан ремонтировать ни дороги, ни вагонов. Говорят, содрали с контрагента за эту сделку полмиллиона и сунули себе в карман.

Отстаивайте сами, как знаете, лучшую долю. Если у вас найдется довольно настойчивости, постоянства, то вы одолеете противников и достигнете того, чего достигает всякий, действующий твердо и последовательно. Если же у вас не найдется достаточных для того сил, то вы останетесь пустыми людьми, способными только на то, чтобы вами вертели и вас вели другие, как им угодно и как для них полезно. Вы пожнете то, что посеяли, или не пожнете ничего, потому что ничего не сеяли.

20 марта 1867 года, понедельник

В три часа был на выносе Евграфа Петровича Ковалевского, бывшего министра народного просвещения, умершего третьего дня. Стечение народа огромное, и все народа, носящего красные, синие и даже голубые ленты, так что я, маленький, темненький человечек, утонул, как капля, в этом океане величия.

В тот же день хоронили с подобающими военными почестями Ивана Петровича Миллера — ибо он был генерал-лейтенант.

21 марта 1867 года, вторник

Отношения с людьми должно поддерживать ради собственной безопасности, но так, чтобы они не опутывали тебя, как сетью, и не мешали совершенно свободным движениям твоего духа.

Пусть каждый день что-нибудь прикладывает к сумме твоей нравственной независимости.

24 марта 1867 года, пятница

Большие толки о решении суда по делу чиновника Протопопова, ударившего в лицо своего вице-директора, графа Кошкуля. Присяжные его оправдали, как человека, находившегося в ненормальном состоянии духа.

Об уступке или продаже части наших северо-американских владений Северо-Американским Штатам говорят некоторые знающие дело, что это ловкий маневр нашей дипломатии, направленный против Англии за ее враждебную нам политику по так называемому восточному вопросу.

Толкуют еще об остзейском архиепископе Платоне, уволенном или переведенном в Черкасск за то, что он вышел на защиту православия, печатно оскорбленного одним лютеранским пастором.

26 марта 1867 года, воскресенье

Виделся с Юрием Федоровичем Самариным, с которым не встречался лет пятнадцать или более. Мы дружески побеседовали о современных делах.

29 марта 1867 года, среда

Газета “Москва” приостановлена на три месяца (N 69 “Северной почты”) за статью в N 65 о пасторе Дейбнере и “за постоянное стремление порицать действия правительства, особенно выразившееся в передовых статьях NN 57, 62, 63 и 64”. Между тем в N 66 напечатана превосходная статья по поводу циркуляра редакторам, чтобы они не печатали укорительных статей о театральном управлении, на что жаловался министру внутренних дел министр императорского двора. Этим циркуляром опять как бы вводится предварительная цензура.

31 марта 1867 года, пятница

В высшей администрации невыразимо гневаются на суд за оправдание Протопопова, а “Весть” прямо обвиняет его в революционных стремлениях. Не удивительно, если с судами последует то же, что с земскими учреждениями. Уже исходатайствовано повеление перенести дело о Протопопове в кассационный сенат. Вот будет скандал, если сенат отменит решение суда и велит наказать бедного Протопопова, признанного сумасшедшим. Ну что ж, разве мы серьезно относимся к законам, к правам? Это только игра в законы и в право. Хотели судов не для того, чтобы они решали дела по закону, а для того, чтобы они решали их по-прежнему, то есть как прикажут губернаторы, министры, администрация. О пучина всяческих лжей!

Валуев любит повторять, что он не признает общественного мнения, что его у нас нет. Он не раз повторял это мне, Гончарову, Тройницкому.

1 апреля 1867 года, суббота

Ночью выпал такой снег, что сегодня отличная санная дорога.

Воздерживаться от некоторых мыслей так же почтенно и честно, как и воздерживаться от некоторых поступков.

Вопрос великой важности: можно ли в настоящее время править Россией *по-прежнему?* А, кажется, существует сильное желание править по-прежнему.

По мнению наших государственных шалунов, управлять народом можно, не опираясь на общественный дух. Что дело, то дело! Любопытно только знать, что сделала бы наша бюрократия без участия этого духа — ну, хоть бы в польское восстание?

3 апреля 1867 года, понедельник

Мы часто ошибаемся, думая, что понимаем вещи, тогда как мы только называем их.

4 апреля 1867 года, вторник

Сегодня минул год, как совершено было гнусное покушение на жизнь государя. Открытие часовни у Летнего сада. Слякоть и грязь.

Чиновник, с одной стороны, есть раб — раб своего начальника, а с другой — вор, и чем он выше в служебной иерархии, тем раболепнее и тем вороватее. Но если он ни то, ни другое, — что, конечно, случается, — то он бедняк, осужденный на страдание.

На днях к мировому судье явился какой-то чиновник Иванов, в оборванной одежде, с странною просьбою посадить его в тюрьму, так как он, за сокращением штатов, был уволен со службы и умирает от холоду и голоду, а в тюрьме его накормят и отогреют. Судья, разумеется, ему отказал в такой необыкновенной просьбе. Тогда Иванов вышел в переднюю комнату суда, дал пощечину стоявшему там городовому, возвратился к судье и сказал: “Теперь вот вы уже не имеете права отказать мне в тюрьме — прибил городового”. Судья отправил его в тюрьму.

5 апреля 1867 года, среда

Россия еще долго-долго и не подумала бы избавиться от самодержавия; но она всеми силами желает избавиться от бюрократии. Валуев и некоторые другие сановники требуют, чтобы Протопопов был непременно наказан, несмотря на то, что последний совершил преступление в ненормальном состоянии. Требуют они этого “для примера другим”. Кому — сумасшедшим?

6 апреля 1867 года, четверг

В человеческом кругу все подозрительно, или презрительно, или сожалительно. В природе лучше. Там по крайней мере нет лжи, лицемерия. Каждая снежинка, каждая капля дождя есть то, что она есть; и смотря на нее, наблюдая ее, видишь и в

малости ее вечный ход вещей и соотношения, которыми держится мир.

12 апреля 1867 года, среда

Очень метко выражение князя М.М.Щербатова (екатерининского) о царедворцах, которые считают двор своим отечеством. Таким же точно образом чиновник считает канцелярию или департамент своим отечеством.

14 апреля 1867 года, пятница

Прислушиваясь к высокопарным похвалам, оглядываясь на великолепные овации, которые делались и делаются Комиссарову, народная история непременно представит его в идеальном свете и, пожалуй, сделает из него героя. А между тем это в сущности препошлый человек. Сегодня мне рассказал о Комиссарове любопытные вещи А.С.Воронов, которому Тотлебен отдал ею, так сказать, на выучку. Воронов провозился с ним около года и решительно ничего не мог вбить ему в голову. Едва-едва успел он немного улучшить его грамотность, или, лучше сказать, безграмотность, и научить первым правилам арифметики. В обращении он вообще остается мужиком, как был, несмотря на свое дворянство и охоту втираться в так называемое порядочное общество. Но он отлично понимает, что сделался важным человеком, и с удовольствием принимает всякие изъявления преданности и уважения. Он начинал уже немножко было и попивать, но пока остановился благодаря крепкому надзору Тотлебена.

Вообще за ним ухаживают и присматривают, как за несовершеннолетним. Ему приписывались некоторые умные изречения, вроде того, что он “должен гореть чисто, как свеча воска ярого”, но это выдумка. Никогда он ничего умного не говорил, да и говорить не в состоянии, потому что он от природы туп до крайности. Зато вот такие вещи, например, он в состоянии говорить и говорит. На днях, к 4 апреля, ему из разных мест России было прислано до шестидесяти поздравительных телеграмм, в том числе несколько от губернаторов. Воронов заметил, что это должно быть ему приятно. Комиссаров отвечал: “Что за приятность! Лучше бы было, если б они мне прислали деньги, которых стоила пересылка телеграмм”. Хорошо, что его определяют или он сам определяется в военную службу — гусаром в Павлоградский полк. А то он непременно, наконец, спился бы от праздности. Жена его тоже совершенно простая русская баба, однако смышленее и благообразнее его. Она показывает и охоту к учению и кое-как дошла до того, что разбирает грамоту. Но муж обращается с нею грубо, а тещу, которая с ним живет и показывает склонность к пьянству, непомерно ругает.

16 апреля 1867 года, воскресенье

День Пасхи. У заутрени и обедни в церкви Театрального училища.

Я всегда скорее готов усомниться в моем праве, чем преувеличивать его.

18 апреля 1867 года, вторник.

Обедал у католиков в академии. Ректор праздновал получение звезды. Я был осыпан обычными любезностями и ласками, начиная с епископа до последнего клирика. Спасибо!

19 апреля 1867 года, среда

Зашел поутру к Тютчеву, Федору Ивановичу; он болен уже две недели, страдает ногами. Мы побеседовали с ним довольно долго. Все одно и то же — мрачно всюду, глухо!

Это не выдумка, как я полагал, что государь едет в Париж. Он решительно этого хочет, несмотря на все протесты окружающих, особенно князя Горчакова. Тут видят интригу Наполеона и барона Будберга. Жалеют о Замятнине, у которого отняли портфель министра юстиции. С именем Замятнина все-таки связано дело введения новых судов. Урусов, как говорят, очень неохотно взялся за временное управление министерством юстиции.

20 апреля 1867 года, четверг

Наконец мне удалось посодействовать определению Барановского профессором русской словесности в Дерптский университет, на место вышедшего в отставку Розберга.

23 апреля 1867 года, воскресенье

На двух именинах сегодня: обедал у Богушевича, а вечер — у так называемых нами *старичков*, то есть у Тимковских, Егора Федоровича и Юлии Павловны. У первого встретил Макушева, автора вышедшего недавно в свет сочинения о славянах, и Ордина, весьма образованного чиновника министерства внутренних дел, а у вторых — генерала Дарагана. Выйдя от Тимковских в полночь, мы попали под снег, который так и валил, точно у нас теперь не конец апреля, а январь.

24 апреля 1867 года, понедельник

Нет ничего безобразнее русской бюрократии. Характеристика ее в двух словах: воровство и произвол.

26 апреля 1867 года, среда

Познакомился с М.М.Троицким, который назначается профессором философии в Казанский университет. Он был у меня, но не застал меня дома, а сегодня я встретился с ним у Благовещенского.

27 апреля 1867 года, четверг

Холод, снег, ветер.

В 86-м номере “Московских ведомостей” описано прощание архиепископа Платона с паствою. Тут же и прекрасная речь его.

Происшествие в Везенберге. Во время публичного молебствия 4 апреля, совершенного нашим православным духовенством в присутствии полка и других русских людей, немцы, тут находившиеся, не хотели снять шапок, а когда им заметили о неприличии этого, то они только смеялись. Мудрено ли? Они без сомнения знают, что правительство высылает вон из их края православного архиепископа за то, что он защищал наше вероисповедание от нападений лютеранских попов, которые они себе позволяют всенародно и печатно.

Холод, холод, холод. Гадко, гадко, гадко. Крыши и мостовые присыпаны снежком. Итак, весны у нас нет и, вероятно, уже не будет. Да и что такое здешняя весна, как не ирония.

1 мая 1867 года, понедельник

Три градуса мороза.

3 мая 1867 года, среда

Поутру крыши и улицы покрыты снегом, который шел ночью. Снег, разумеется, скоро превратился в грязь.

Прочитал новый роман Тургенева “Дым”. О нем много шуму в публике. Многие недовольны тем, что Тургенев будто бы обругал Россию. Конечно, он выказывает себя не особенно благосклонным к ней. В романе веет дух недовольства всем, что делалось и делается в ней. Но толки и порицания вообще преувеличены. Народности нашей роман почти не касается. Весь он сатира, чуть не памфлет на наших заграничных шатунов обоего пола. Особенно достается аристократам и политикам: это им поделом. Что касается литературного достоинства романа, то, по-моему, он слабее многих из других произведений Тургенева. Рассказ очень оживлен; очерки нравов набросаны смело и легко; но в характерах мало творчества: они вообще только набросаны. Впрочем, один характер резко выдается своею полнотою и законченностью — это характер Ирины. Все остальное, как я уже сказал, состоит из легких очерков.

Как быть высокого мнения об этой трагикомедии, которая называется жизнью?

5 мая 1867 года, пятница

Провел у себя вечер в беседе с Троицким, автором книги “О немецкой философии в текущем столетии”. Книгу эту он представлял в Московский университет как диссертацию для получения докторской степени. Там Юркевич восстал против начала автора, и тот принужден был перенести свою диссертацию в

здешний университет. Я теперь читаю книгу Троицкого, и мне становится ясно, почему ее не принял Московский университет. Дело в том, что автор держится исключительно так называемого индуктивного метода в исследовании духа — метода, принятого всеми английскими философами. Против немецких философов Троицкий сильно восстает, страшно порицает Канта, а Кондильяка и сенсуалистов превозносит. Впрочем, я отказываюсь от окончательного приговора, так как не прочел еще всей книги.

8 мая 1867 года, понедельник

Вчера шел снег при гнуснейшем северо-восточном ветре, а сегодня природа смилостивилась: отпустила нам два с половиною градуса тепла. Говорят, что громады полярных льдов разбрелись далеко к югу, дошли до Исландии, а оттуда присылают нам милые приветствия в виде снега и мороза в мае. Таким образом, мы можем прострадать от холода не только май, но и все лето. Что ж? Все это приличная декорация для многого, что у нас делается. Смешно слышать отовсюду ругательства, которыми осыпают наш климат и погоду, а между тем и сам невольно поддаешься негодованию и досаде, обычным спутникам слабости и малодушия.

10 мая 1867 года, среда

Тот же холод, идет мокрый снег, и дует гнуснейший северяк.

Большой вечер и концерт в честь славян у графа Кушелева-Безбород ко. Что за роскошь, что за великолепие в убранстве дома и во всем, что касалось пиршества! Зимний сад, например, залитый огнями, представлял нечто волшебное. Славяне, кажется, были очень тронуты всем, что для них тут делалось: весь этот блистательный вечер был создан для них рукою, которая не жалела денег и расположила все с большим тактом и приличием. Я познакомился с Головацким и еще каким-то сербом. Первый говорит по-русски хорошо, а второй порядочно. Больше всех обращали на себя внимание Палацкий и Ригер. Лицо и обращение первого изобличают ум и хорошее воспитание; физиономия второго очень энергична. Посетителей было более семисот, и на всех великолепный ужин. Но я не хотел ужинать и уехал часу во втором, или, лучше сказать, ушел, потому что не нашел извозчика до самого дома. Больше всех говорил я с Бажановым, Буняковским, Краевским, Пыпиным.

Князь Горчаков не был на вечере. Граф Кушелев показывал мне записку, в которой князь говорит, что он до последней минуты еще надеялся быть у него, но теперь оказывается, что не может. Записка получена вечером. Говорят, с австрийским посольством было объяснение, вследствие которого ни Горчаков не явился на вечер, ни государь не принял славян у себя, хотя велел передать им самый любезный привет.

Вчера на представлении “Жизни за царя” в Мариинском театре произошла демонстрация: публика с криком и шумом встретила польскую мазурку. В демонстрации деятельно участвовали славяне, повторяя свое: “Слава, слава!”

11 мая 1867 года, четверг

Обед в зале Дворянского собрания в честь славян. Зала буквально была набита гостями, так что едва оставалась узенькая тропинка между столами для прохода лакеев, разносивших блюда. На стенах красовались флаги и гербы всех славянских племен, над которыми простирал крылья русский орел. Верхние галереи были заняты дамами. На эстраде помещались хоры музыкантов и певцов. Общий характер праздника был оживлен и не лишен торжественности. Речей за обедом большинство, конечно, не слышало. Однако, по свидетельству тех, которые их слышали, наши речи вообще были плохи, кроме речи графа Толстого: ее все хвалят. Я же знаю только то, что все эти речи были чрезвычайно длинны, особенно речь Ламанского. Из славян лучше прочих говорил Ригер. Вероятно, все это будет напечатано. Музыка и певчие исполняли славянские песни. Из них мне особенно понравился народный гимн чехов. После обеда загремели жуковские песельники, и пошла русская пляска. Все это было очень недурно и вполне прилично. Я за столом сидел между Глебовым и молодым Тройницким. Каждый из нас, русских, заплатил по двенадцати рублей за обед; славяне же были нашими гостями. Они, кажется, остались всем очень довольны. Их угощали не только роскошно, но и искренно, приветливо.

До обеда славяне отслушали обедню в Исаакиевском соборе, где служение отправлял архиерей, в честь праздника Кирилла и Мефодия. После обедни они были в Академии наук на заседании Второго отделения. Тут действовал Срезневский в качестве представителя славянских наречий. После заседания осматривали музей. Я больше всех говорил с Головацким и Молчаном.

Казацкий генерал Я.П.Бакланов с удивительною рожею. На ней как будто отпечатана такая программа, что если он хоть четвертую часть ее исполнил, то его десять раз стоило повесить. А между тем — странное дело — тут же видно и какое-то добродушие.

12 мая 1867 года, пятница

Продолжал читать Троицкого. Наш философ в своей книге о немецкой психологии бьется изо всех сил, доказывая, что только у англичан есть настоящая психология, что их индуктивный метод есть единый истинный, православный, а все немецкие исследования о духе — тупоумная ересь. С немецкими философами он вообще не церемонится, но благоговеет до идолопоклонства перед Бэконом, Локком, Миллером, Броуном, Бэном и проч. Даже француз Кондильяк у него выше всех немецких философов.

Впрочем, в английском методе есть и свои хорошие стороны, например *описательная* часть разных душевных явлений.

13 мая 1867 года, суббота

В этой трагикомедии, которая называется жизнью человеческою, бывают легкие

интермедии вроде обедов, званых вечеров и проч. Вот и сегодня обед у графа Толстого, министра народного просвещения, — все для тех же славян. Некоторые из последних сказали теплые и одушевленные речи. Вообще они восхищены не только приемом нашим, но и многим, что у нас видели. Один из них сказал: “Мы многого ожидали, а нашли то, что превзошло всякое ожидание”. Разумеется, они не видят оборотной стороны медали, особенно наших административных порядков, не знают наших министров. Да и пусть не знают. Все-таки из того, что они у нас видят, кое-что есть и действительно хорошего. Один из славян сегодня, например, говорил мне с восхищением о судах наших.

17 мая 1867 года, среда

Вчера первый день если не совсем теплый, то хоть немного потеплее, несмотря на то, что ладожский лед запрудил всю Неву.

Человек достигает житейской мудрости только собственным опытом и собственными ошибками, но обыкновенно приобретает ее тогда, когда уже не в состоянии вкушать плодов ее.

Нет ничего глупее, как жаловаться на свои неудачи. Ведь что посеял, то и пожнешь. Но выклюют птицы и истребит жатву непогода? — Так что ж? Чего ты не мог отвратить своими силами, то должен сносить терпеливо, так как не для тебя же все делается.

Люди ужасно любят прикидываться добродетельными мучениками в минуты невзгоды, а больше всего мы бываем вовсе не добродетельными мучениками своих собственных глупостей, страстей и предрассудков.

21 мая 1867 года, воскресенье

Прескверная привычка откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Многие думают, что они очень добры, потому только, что они не делают зла.

Кассационный сенат отверг прокурорский протест по делу Протопопова и утвердил решение судебной палаты об изъятии его от всякого наказания. Событие замечательное и отрадное.

Амнистия полякам.

24 и 25 мая 1867 года, среда и четверг

Эти два дня провел в “Пустыньке” у графа Алексея Константиновича Толстого, автора “Иоанна Грозного”. Тут были еще Маркович, Благовещенский и Костомаров. “Пустынька” — нечто вроде роскошного замка на берегу Тосны, на расстоянии от Петербурга в час с четвертью езды по Московской железной дороге и в четырех или пяти верстах от станции Саблино. Жена графа С.А., бывшая Бахметьева, оказалась одною из моих бывших учениц. Мы были приняты и угощены с самым дружеским радушием. Тут, между прочим, встретил я премилую шотландку, мисс Брезе, которая

говорит по-русски, хотя и плохо, но понятно. Графиня — женщина очень умная, любезная и хорошо образованная. Все в этом доме изящно, удобно и просто. Самая местность усадьбы интересна. Едешь к ней по гнусному ингерманландскому болоту и вдруг неожиданно натыкаешься на реку Тосну, окаймленную высокими и живописными берегами. На противоположном берегу ее дом, который таким образом представляет красивое и поэтическое убежище. Погода оба дня стояла прескверная — холод и дождь. На высотах около реки лежал снег. Деревья обнажены: никакого признака весны.

26 мая 1867 года, пятница

Получена телеграмма из Парижа о новом покушении на жизнь государя. На этот раз это уже поляк, какой-то Березовский, уроженец Волынской губернии. Покушение совершилось в Булонском лесу, когда государь ехал в коляске вместе с Наполеоном, с наследником и великим князем Владимиром. Негодяй выстрелил из двухствольного пистолета, который разорвало в руках самого злодея и повредило ему одну из его предательских рук. Тут уже ничья сторонняя сила, а просто счастливая случайность спасла доброго, благородного государя. А ведь всего несколько дней тому назад Польше объявлена амнистия!

28 мая 1867 года, воскресенье

Вчера и третьего дня сильное движение в городе по случаю злодейского покушения на жизнь государя. Всеобщая радость о новом спасении.

Некоторые утешают себя тем, что покушение было единичное, что дело это не есть общее польское. Но поляки обнаружили столько единодушия в нанесении вреда России, что всякое частное дело в этом роде невольно приписываешь всем, которые если и не участвовали в заговоре, то непременно сочувствовали ему, а многие и помогали тайно. Ведь раздавались же в Париже крики: “Да здравствует Польша!” во время проезда государя по улицам, где, как пишут, сами французы встречали его с подобающим почетом. Кричали, должно полагать, поляки, а может быть, и французские сотрудники газет, ругающих нас наповал.

Говорят, государыня глубоко поражена этим несчастным событием, но в то же время и счастлива, что зло не совершилось. Впрочем, есть от чего прийти в ужас.

Вечером был В.К.Ржевский. Его произвели в тайные советники, а места губернатора все-таки ему не дали, как он его ни добивается.

30 мая1867 года, вторник

Для так называемого счастья чуть ли не всего нужнее известная доля умственного ничтожества.

31 мая 1867 года, среда

Вчера экзамен в Римско-католической академии. Как всегда — хорошо.

Что бы вы сказали о человеке, который, занимая в вашем доме несколько времени квартиру, вдруг пришел бы к вам и сказал: “Выбирайтесь вон, я хочу жить здесь один, это мой дом”? Вы, конечно, сочли бы этого человека за сумасшедшего, и так как он беспокоил бы вас своим домогательством, то вы употребили бы все от вас зависящее, дабы избавиться от него. Таковы точь-в-точь поляки наших западных губерний.

1 июня 1867 года, четверг

Сегодня в окружном суде в качестве присяжного заседателя.

Переехали на дачу в Павловск, на ту же самую, что и в прошедшие года, то есть к Мердеру.

В суде ничего не было. Присяжные собрались только для того, чтобы узнать дни, в которые им придется являться в суд. Эти дни: 3, 6, 8, 10, 13 и 15 июня.

2 июня 1867 года, пятница

Заседание в Академии и в комиссии для назначения Уваровских премий. Я припомнил происшествие прошлого года, когда некоторые члены не хотели присудить премии графу Толстому под тем предлогом, что посторонний рецензент не доставил своего мнения. Я, между прочим, сказал, что если Академия не считает себя компетентною в суждении о вопросах эстетических и нравственных, то лучше пусть прямо откажется от этой обязанности: это достойнее, чем быть только передатчицею сочинений из рук авторов в руки посторонних рецензентов. Это принято было с глубоким молчанием. Никто не решился признать Академию неспособною судить об означенных вопросах. Решено — поступившие ныне на Уваровскую премию драмы предоставить моей критике.

3 июня 1867 года, суббота

В суде опять напрасно. Привели каких-то трех воров со взломом, но дело не разбиралось, потому что полиция, на основании прежних порядков, занялась перепискою бумаг и не озаботилась представить в суд одного необходимого свидетеля. Поэтому суд и не мог начать дела и только определил отнестись к кому следует о взыскании с полиции за это упущение. Затем публика и присяжные разошлись до вторника.

Ночевал уже на даче. Вечером был на музыке, где видел греческого короля. На вид он более чем молод.

4 июня 1867 года, воскресенье

Большие деревья — липы, березы и дубы — еще не оделись листьями и едва-

едва начинают ими опушаться. В овраге, около брюлловской дачи, я еще нашел снег. Но сегодня день теплый, хотя пасмурный.

6 июня 1867 года, вторник

В суде от одиннадцати часов утра до четверти девятого вечера безвыходно, так что я пообедал в Павловске уже в одиннадцать часов. В заседании суда разбиралось два дела о краже со взломом. В первое дело я не попал по жребию в присяжные, но нам не ведено было уходить, так как впереди еще дело. Тут и я уже попал в присяжные, и, кроме того, меня еще выбрали старшиною. Судили двух воров, укравших деньги из питейной лавочки со взломом в ней дверей. Один был мальчуган, лет восемнадцати, с очень выразительным лицом, крестьянин, промышлявший поденною работою. Он тотчас признался, что деньги украл он, и он один. Другой, глуповатый мужик, пойманный вместе с первым, когда они оба гуляли в трактире, решительно отказывался от соучастия. Замечательно, что молодой вор тоже упорно отвергал это участие, говоря, что не хочет никого подвергать ответственности за дело, которое совершил он один. Заседание затянулось, потому что надо было допрашивать много свидетелей. Мы, присяжные, толковали недолго, потому что дело было очевидно. Вопрос состоял в том: следует ли просить о снисхождении к молодому вору, в уважение к его летам и признанию? Большинство голосов решило просить. Суд приговорил молодого на год в смирительный дом, а старшего на год и четыре месяца. Адвокаты говорили в пользу своих клиентов очень усердно и хорошо, а прокурор, еще очень молодой человек, несколько растянуто и неумело. Но вообще я вынес из суда самое благоприятное впечатление. Все велось с большим достоинством, добросовестно и с строгим соблюдением всех законных требований. Подсудимые видели, что ничего не было упущено для облегчения их судьбы и если они подверглись каре, то эту кару наложил на них закон, а не произвол судей.

9 июня 1867 года, пятница

Великое зависит от малого столько же, если не больше, сколько малое от великого. Неприметность и ничтожество малого служат ему лучшею защитою от внешних нападений; великое же, по своей крупности и заметности, открыто этим нападениям со всех сторон. На эту мысль навели меня два комара, которые сегодня ночью не давали мне спать и которых я, сколько ни старался, никак не мог поймать.

10 июня 1867 года, суббота

В суде. Меня опять выбрали старшиною. Судили жалкого воришку лет семнадцати, который украл образа у иконописца. Так как он во всем признался и, по-видимому, раскаялся, то его приговорили к четырехмесячному заключению в смирительном доме.

12 июня 1867 года, понедельник

Нет хуже и отвратительнее животного, как слуга, сделавшийся господином.

Самые опасные внутренние враги наши не поляки, не нигилисты, а те государственные люди, которые делают нигилистов, возбуждая негодование и отвращение к правительству: это закрыватели земских учреждений и подкапыватели судов.

Ничего нет невозможного, если наше земство и суды наши будут подорваны этими врагами. Говорят, на днях министр юстиции К.И. Пален объяснялся с председателем здешнего окружного суда и, между прочим, заметил, что присяжные не оправдывают ожиданий правительства, которое надеялось найти в них консервативный элемент, а находит противное.

15 июня 1867 года, четверг

Сегодня последнее мое заседание в суде. По окончании, перед уходом, я долго беседовал с прокурором. Он с глубоким прискорбием жаловался на то, что администрация всячески старается вредить судам. И если, к сожалению, встретится какая-нибудь ошибка со стороны последних, как, например, незаконный приговор, постановленный мировым судьею над священником Борисоглебским по делу о публичном оскорблении одной дамы, — то администрация чуть с ума не сходит от радости.

Прокурор, между прочим, говорил мне, что когда ездил с заседателями по уездам, он удивлен был здравомыслием и беспристрастием присяжных из крестьян.

18 июня 1867 года, воскресенье

Лучше не давать ничего, чем, давши, брать назад. У крепкого, здорового тела выросла на носу небольшая бородавка. Вместо того чтобы прижечь ее ляписом, или употребить какое-либо другое местное средство, или даже оставить ее так, потому что она в сущности ничему не мешала, невежда доктор определил отрезать нос.

19 июня 1867 года, понедельник

В политической будущности России я не отчаиваюсь, потому что народ есть все-таки сила, но я отчаиваюсь в том, чтобы в России установилась когда-нибудь хорошая администрация.

Странное дело; бывали многие хорошие государи, которые думали, что они должны делать добро, но чрезвычайная редкость найти в истории государя, который бы добровольно захотел подчинить свою волю законам.

22 июня 1867 года, четверг

Между обыкновенным умом и способностями государственного человека

огромная разница. О таком-то министре у нас говорят: “он человек умный”, а между тем в деле государственном он человек весьма посредственный. Он способен распутывать и завязывать узлы текущих бюрократических вещей, но ему недостает высших государственных соображений и видов: здесь ум его оказывается мелким и тесным. И никогда еще, кажется, мы не были так бедны высшими государственными умами, как ныне. А между тем характер времени настоятельно требует их.

К двум вещам нельзя иметь никакого доверия — к порядкам русской администрации и к петербургскому климату.

23 июня 1867 года, пятница

Вчера прекратились заседания в отделении Академии. Нет ничего опаснее в бюрократии, как немного больше ума, чем в обыкновенном человеке, и гораздо меньше способностей, чем их прилично иметь государственному человеку. Он тогда имеет все претензии последнего, но без возвышенности, без широты его видов и без стремления к великому историческому значению.

26 июня 1867 года, понедельник

То, что мы знаем о человеке, весьма неутешительно, а чего мы не знаем, наполняет душу нашу скорбью и сомнениями.

27 июня 1867 года, вторник

Вчера было обручение великой княжны Ольги, дочери Константина Николаевича, с греческим королем Георгом.

Вокзал и город Павловск иллюминованы. Государь с итальянским наследным принцем ненадолго останавливался в экипаже у музыки; народ крикнул “ура” — он уехал.

2 июля 1867 года, воскресенье

Ездил в Царское Село проститься с князем П.А.Вяземским, который в среду отправляется в Крым ко двору императрицы.

3 июля 1867 года, понедельник

Пусть современная наука что хочет говорит, но сердце человеческое не выносит отсутствия Бога во вселенной.

6 июля 1867 года, четверг

“Москва” начала выходить, и первая передовая статья ее направлена,

разумеется, против приостановки газеты.

8 июля 1867 года, суббота

В 148-м номере “Северной почты” объявлено предостережение “Москве” за первую ее передовую статью. Очевидно, министерство окончательно решилось не церемониться с печатью и довести ее до последней, если можно, степени безгласности. В предостережении не означено даже с точностью о проступке, по поводу которого оно делается, а глухо сказано о нарушении закона — закона! — и о намерении правительства твердо поддерживать закон, то есть преследовать печать.

Напечатаны новые правила о земских учреждениях. Они подчиняются губернским начальствам и предводителям.

Не есть ли это первая попытка к их уничтожению? Реакция идет быстрыми шагами.

Неужели все надобно считать революцией: и земство и суды? Разве это не есть необходимость? Общество проходит разные степени развития. Когда оно существует еще в виде орды, неустроенной, полудикой, варварской массы, тогда почти все наши учреждения ему точно так же не свойственны, как пятилетнему ребенку одежды взрослого. Они и немыслимы, следовательно, тут не о чем и говорить. Но общество, пришедшее, например, хоть в такое состояние, как наше, настоятельно требует учреждений известного рода, и отказывать ему в них — значит подвергать его серьезной опасности. Они должны быть или даны, или взяты — тут не о чем толковать. Это меры необходимости, и кто даст их, того можно похвалить за ум, за предусмотрительность, пожалуй, за доброту, которая движется хорошими, а не эгоистическими началами, но что же тут за революция?

10 июля 1867 года, понедельник

В газетах наших напечатан процесс Березовского. Присяжные признали его виновным со смягчающими обстоятельствами. Он приговорен к пожизненной каторжной работе. Что значат эти смягчающие обстоятельства?

Продажа Николаевской железной дороги; уничтожение общества для пособия выкупающим имения в Западном крае; парализация, почти уничтожение земских учреждений; предостережение газете “Москва” — вот букет событий за последнее время. Утешительно!

14 июля 1867 года, пятница

Речь Араго в защиту Березовского — образец того ребяческого безобразного красноречия, в котором что слово, то ложь, и слова нанизаны одно на другое, как погремушки для брясания и забавы взрослых детей, какими и заявляют себя французы. На какой же низкой степени вкуса — не говоря уже ни о чем другом — должна стоять публика, которую может занимать подобный калейдоскоп

пустословия в деле серьезном, в деле жизни и смерти.

21 июля 1867 года, пятница

От человека, который не слушается никого и ничего, кроме своей воли, равно как и от того, который слушается всех и на все согласен, ровно ничего нельзя ожидать.

22 июля 1867 года, суббота

Величайшая ошибка многих добивающихся значительных мест состоит в том, что они считают себя людьми способными, тогда как они только тщеславны и завистливы.

24 июля 1867 года, понедельник

Нет свободы без злоупотреблений, но нет и никакого блага без свободы.

29 июля 1867 года, суббота

Весь июль скверен: то холод, то дождь, мрак и ветер. И нечему тут удивляться: Ингерманландия, Финляндия и Лапландия — одно и то же.

4 августа 1867 года, пятница

В общем собрании Академии наук избран в экстраординарные академики В.П.Безобразов.

Вряд ли человеку когда приходится раскаиваться в том” что он не доел, не допил или не договорил, но очень часто в том, что переел, перепил и переговорил.

6 августа 1867 года, воскресенье

Вслед за июльскими холодами начались сильные жары. Обнародование в губернаторских ведомостях сведений о заседаниях и прениях земских собраний подчинено цензуре губернаторов, и это у нас называется народною жизнью, народною деятельностью? И так обращается администрация с народными интересами и чувствами в виду антагонизма против нас всей Европы.

9 августа 1867 года, среда

Сейчас получил известие о смерти Александра Николаевича Власова, с которым в прошедшую пятницу я еще восседал в академическом правлении. Это был человек с редким практическим умом и честнейшим сердцем. Я лишился в нем лучшего товарища по службе, а Академия — чуть ли не единственного деятеля по

распорядительной и хозяйственной части. Он был отличным советником правления и еще больше добрым человеком. Сколько бедных, пользовавшихся его благодеяниями, теперь будут оплакивать его кончину.

10 августа 1867 года, четверг

Следует ли слишком осуждать людей, усиливающихся искусственно придавать жизни те украшения, которых она сама по себе лишена? Не есть ли это средство сделать из нее что-нибудь сноснее и прикрыть ее страшную наготу, от которой у них замерло бы сердце?

11 августа 1867 года, пятница

На похоронах Власова в Девичьем монастыре. Со всех сторон слышалось глубокое сожаление и единодушное свидетельство, что это был умный, честнейший, добрейший, благороднейший человек. Ему было шестьдесят лет, но с виду он был гораздо моложе. В.А.Кокорев, в качестве душеприказчика, распоряжался похоронами и пригласил всех знакомых покойного на похоронный пир на Литейную в доме князя Голицына. Я очень не люблю всякого рода пиршеств, а тем более похоронных, и хотел своевременно удалиться, но был уличен в своем умысле и должен был уступить требованиям других друзей покойного.

12 августа 1867 года, суббота

О NN можно сказать, что этот человек целую жизнь притворяется добрым и умным.

17 августа 1867 года, четверг

В Петербурге появилась холера.

19 августа 1867 года, суббота

Первое заседание после каникул в отделении Академии. Всех довольными сделать нельзя, но всех недовольными, к сожалению, делать можно, но не следует.

23 августа 1867 года, среда

Отвратительно холодно. Северо-восток так и дышит всевозможными простудами и мерзостями.

На днях я встретился в вокзале с Тютчевым, который мне говорил, что Управление по делам печати не хуже северо-востока дышит яростью и злобою на газету “Москва” за статью в N 103 против распоряжения о том, чтобы ничего не печаталось о заседаниях в земских учреждениях без разрешения губернаторов.

Статья, в самом деле, так умна, правдива и законна, что должна поднять на себя всю валуевскую администрацию. Хотят сделать второе предостережение Аксакову, но не знают, как взяться за это.

И.Арсеньев был ввергнут в тюрьму за 12 тысяч долгу. Он там просидел месяцев шесть. Наконец его выкупили — кто же? В Английском клубе крупные дворяне или землевладельцы сделали складчину, собрали 12 тысяч и внесли за Арсеньева. Что за благотворители, спрашивается? Дело в том, что Илья Арсеньев взялся ругать новые суды, к которым и без того очень не благоволит, потому что они за клеветы и разные другие пакости в его газете не раз его преследовали, несмотря на покровительство его патрона П.А. Шувалова, у которого Арсеньев черт знает чем состоит. Арсеньев уже и начал свою миссию. Он так разругал суды в двух номерах своей гаденькой газеты, что его опять отдали под суд.

4 сентября 1867 года, понедельник

В 188-м номере “Московских ведомостей” замечательная статья о причинах ненависти к нам Европы.

Из всех душевных страданий, может быть, самые тяжкие те, которые заключаются в сознании наших ошибок и понесенных нами вследствие их утрат. Но не всякое ли страдание человек обязан сносить мужественно?

Думать только о разных невзгодах и испытаниях в жизни, находя в этом какое-то нелепое удовольствие, есть признак великого душевного малодушия и слабости. Не следует закрывать глаза на темную сторону жизни. Напротив, надо прямо заглянуть в нее, чтобы не быть невеждою в существенных вопросах, с которыми сопряжено твое существование. Но затем надо уже думать о мерах уменьшения или устранения зла, а если это невозможно, то стать в упор злу и не позволять ему по крайней мере идти дальше.

Наилучший помощник в делах своих каждый человек сам себе. Чего сами вы не в состоянии себе сделать, того никто другой для вас не сделает, если дело касается не ремесла или специальной услуги, которую вы можете купить или такою же услугою, или деньгами.

5 сентября 1867 года, вторник

Сентябрьские дни хороши. Иногда проглядывает солнце, но главное — тепло.

Вечер у Покровского. Здесь познакомился с замечательным человеком, В.В.Оржевским, бывшим директором департамента министерства внутренних дел. Это очень оригинальная личность — угрюм, как говорится, неотеса, выражается всегда и обо всем резко, судит беспощадно, но с какою-то особенной искренностью. Умен, получил прочное классическое образование в здешней духовной академии. “Сын беднейшего, ничтожного деревенского попа, — говорит он, — до шестнадцати лет я ходил в лаптях и терпел большую нужду, которая следовала за мною по пятам и в духовных училищах. В каком-то сарае, за дровами, изучал я Цицерона и

Фукидида — и вообще учился старательно”. По выходе из академии бакалавром он поступил домашним учителем к князю Кочубею, который скоро заметил его способности и дал ему ход по службе. Несмотря на свою угловатость и бесцеремонность с начальством, он сделался необходимым лицом в министерстве, где и приобрел репутацию отличного администратора. С подчиненными он был взыскателен и до крайности груб. Может быть, это и было причиною, что его огласили взяточником, а может быть, он и действительно был таковым. Он говорит, что довольно порядочное состояние, которым теперь владеет, он взял за женою, дочерью богатого купца Минаева. Как бы то ни было, за исключением этой темной стороны его репутации — он один из тех людей, которыми держались у нас министерства и которые, не быв министрами, за них отправляли дела.

13 сентября 1867 года, среда

Переехали с дачи.

Хвольсон открыл сочинения, переведенные одним мусульманским ученым X века на арабский язык с древнего вавилонского, доказывающие, что наука существовала в Вавилонии за две тысячи четыреста лет до Р.Х. Переводы мусульманского ученого касаются земледелия, а одно трактует о ядах и об астрономии.

16 сентября 1867 года, суббота

Пьесе Островского “Василий Шуйский и Димитрий Самозванец” отказано в Уваровской премии. Четыре голоса было за нее и четыре против. Я и ожидал этого. Некоторые члены прямо объявили, что после отказа в награде графу Толстому теперь уже нельзя присудить ее никому другому…

Ужасный случай! В запасном дворце в Царском Селе произошел ночью пожар, и в нем сгорел Чивилев. Двух его дочерей едва успели спасти. Причины и подробности этого происшествия еще неизвестны.

18 сентября 1867 года, понедельник

Если национальное сознание пробудилось в обществе, то что значат какие-нибудь жалкие меры против земства, вражда против судов и печати и усилия чиновничьего произвола удержать за собою прежнюю, все подавляющую силу? Все это похоже на гнилые веревки, которыми хотят связать крепкого, здорового человека. Ему стоит только расправить свои члены, и эта хитросплетенная вокруг него сеть разлетится в куски. Но в том-то и дело — пробудилось ли сознание?..

Вот до чего доходят остзейские немцы. Им до того не нравилось распоряжение правительства (едва ли не в десятый раз делаемое) о признании в их краю русского языка официальным, что они угрожают восстанием в союзе с Германией). См. газету “Москва”, N 129.

В трудные времена мы живем: поляки, немцы — наши враги; враждебно смотрит на нас вся Европа; страшный упадок финансов; возбуждение разных вопросов без решений почти во всех общественных и административных сферах; ни одного истинно государственного способного человека, который бы здравым смыслом своим и патриотическим чувством помогал лучшему из государей нести его тяжелое историческое бремя. Вот когда приходится России повторять стих Дмитриева в его оде “Освобождение Москвы”: “Спасай меня, о гений мой!”.

Земство наше не есть представитель простого народа, но оно — соединение всех сословий: простого народа, дворянства, мещанства, купечества и белого духовенства. Землевладельцы — крестьяне-собственники и помещики — составляют только фон, на котором рисуются и движутся все другие оттенки нашей народности. И благо нам, если мы не породим здесь сословных антагонизмов и розни, о которых так хлопочет “Весть” и бюрократия!

В какую бы глубину и даль ни уносилась моя мысль, в какие бы отвлеченности она ни вдавалась насчет судьбы и истории человечества, она всегда, постоянно обращается к отечеству, к России. И тут или светлая надежда озаряет ее, или она поражается сомнением и страхом за будущность страны. Призвана ли Россия участвовать во всеобщем развитии человечества, в его нравственном и умственном созревании, и в какой форме выразится это участие?

19 сентября 1867 года, вторник

В Царском.Селе на похоронах Чивилева. Похоронили не труп, а несколько обгорелых костей. Вот, насколько мне известны, подробности о его смерти. Возвратясь вечером с прогулки из Павловска с обеими дочерьми (жена была в Петербурге), он, по обыкновению, велел лакею натереть себя спиртом и в двенадцать часов лег в постель. Далее идут уже предположения. Он не имел привычки читать в постели, но на этот раз, когда еще лакей был в комнате, взял газету и начал читать. Вероятно, он неприметно погрузился в сон, газета упала на свечу, горевшую на столе, заваленном книгами и бумагами, — все это мгновенно запылало, и произошел настоящий пожар, дым от которого и задушил его. Кости его нашли в постели. Он не успел даже вскочить и выбежать за дверь своей спальни. Но этого объяснения не довольно для публики. К происшествию приплетают страшные обстоятельства… Об них я слышал в церкви во время заупокойной обедни. Я не могу и не хочу верить рассказам, пока не будет им официального подтверждения.

На похоронах из других университетских товарищей его был я один. Но посторонних явилось довольно много. Все жалеют о нем, как о человеке умном и благородном. Я знал его со студенческой скамьи. Он не отличался особенною даровитостью, но чистота его нравов в юности и благородство и честность его во всю жизнь были неукоризненны. Кроме того, он в высшей степени отличался трудолюбием. Он был выбран нашим университетом в Дерптский профессорский институт и со многими другими молодыми людьми послан за границу для приготовления себя к профессорской кафедре. Позже он был профессором политической экономии в Москве и директором одной из гимназий, приобрел

репутацию не блестящего, но дельного профессора и хорошего педагога. В Москве он сблизился с графом Строгановым, бывшим попечителем. Впоследствии Чивилев оставил ученую и учебную карьеру и был сделан начальником отделения в департаменте уделов. Граф Строганов рекомендовал его в наставники к детям государя — звание, в котором он и кончил жизнь. Великий князь Владимир Александрович присутствовал на похоронах и проводил его тело, или, вернее, кости, до конца парка. Я заходил посмотреть на дом, где жил бедный Чивилев: он порядочно обгорел, и именно с той стороны, где была его квартира. Я проводил моего старого товарища до самой могилы.

20 сентября 1867 года, среда

Многие вовсе не знают правила, что когда нет предметов для разговора, то лучше молчать, чем говорить вздор.

22 сентября 1867 года, пятница

Гарибальди, покушавшийся освободить Рим от папы своими средствами, арестован итальянским правительством. В Италии два короля: один король народа — Гарибальди, а другой король государства — Виктор-Эммануил.

23 сентября 1867 года, суббота

Сегодня в Академии, в Отделении русского языка и словесности, толковали о поднятом мною вопросе относительно Уваровских премий за драматические произведения. Ничего не вытолковали.

26 сентября 1867 года, вторник

Недостаток государственных людей в России таков, что о последнем, сошедшем с своего поприща, министре всегда сожалеют при новом, который оказывается обыкновенно хуже своего предшественника, как тот ни был худ.

28 сентября 1867 года, четверг Три тысячи католиков в одной из западных губерний вместе со своим ксендзом перешли в православие. Это хорошо, если добровольно.

29 сентября 1867 года, пятница

Следствие о смерти Чивилева продолжается. Вырывали кости покойного из могилы и нашли на них знаки насильственной смерти. Значит, сперва он был убит, а затем убийца поджег его квартиру. Но точно ли убийца тот, кого подозревают? Не хочется верить такому ужасному злодейству, и желательно, чтобы это объяснилось как-нибудь иначе.

Виделся с Георгиевским, которому отдал биографию Врончeнка для непечатания в “Журнале министерства народного просвещения”. Георгиевский был в Варшаве и рассказывает печальные вещи о том, что поляки, после посещения государя, опять начинают волноваться, а наши русские там упали духом. Нехорошо о Берге. В Юго-Западном крае, который проезжал Георгиевский, дела идут немного лучше, чем в Царстве Польском и в Вильно. Поляки там смирнее, говорит он, но прибавляет, что на это полагаться нельзя. К несчастью, и некоторые из русских чиновников там действуют так, как будто они не русские.

В Римско-католической академии на лекции. Сегодня воспитанники, как всегда осенью, при открытии классов, поднесли мне букет цветов.

30 сентября 1867 года, суббота

К старым порокам, наследованным нами от времен татарщины, мы присоединяем новые, которые прививает людям современная цивилизация. И что из этого выйдет, единому Богу известно. О, если бы как-нибудь нам удалось добыть хоть немножко добродетелей, годных и для домашнего обихода и для дел внешних! Увы! мы страдаем не одним расстройством финансов — мы страдаем безнравственностью, что в миллион раз хуже всякого безденежья.

В N 209 “Московских ведомостей” напечатан план учебного заведения, которое издатели этой газеты намерены открыть в Москве. Заведение это должно быть строго классическим и послужить образцом для всех казенных заведений в империи. Основать такое заведение несомненно весьма полезно. Но, к сожалению, у нас ни одно полезное дело не обходится без фраз. Предприятие гг. Каткова и Леонтьева есть не иное что, как частный пансион. К чему же так раздувать дело и заранее требовать и от правительства и от общества чуть не благоговения. Все это гораздо проще, и такая напыщенная реклама, какую мы читаем в “Московских ведомостях”, не только излишня, но даже неприлична. Дело само по себе весьма полезное, пусть же оно и говорит само за себя. А как оно пойдет, оправдаются ли те виды, в каких учреждается пансион, это покажет время.

6 октября 1867 года, пятница

Правительству, которое бы опиралось на земство и на суды, то есть на правосудие, — нечего бояться.

9 октября 1867 года, понедельник

Высшее и настоящее достоинство человека заключается в характере. Гению мы можем удивляться как великой силе природы, но в характере человек сам является творцом себя. Природа дает ему только материалы.

12 октября 1867 года, четверг

Говорят, что основатели новой школы, или пансиона, в Москве — Катков и Леонтьев — требуют, чтобы руководителями ее был комитет, где членами бы состояли министр народного просвещения и московский митрополит, — а председателем кто? Вероятно, Леонтьев или Катков? Комитет этот, а следовательно, и школа должны быть подчинены Правительствующему сенату. Извините за малость, как говорят французы!

13 октября 1867 года, пятница

А.Н.Майков читал у меня свой перевод “Слова о полку Игоря”. Это прекрасный труд. Между прочими слушателями был и Троицкий, автор книги о современной немецкой психологии.

22 октября 1867 года, воскресенье

Предостережение “Голосу” за статью в N 287 (“Северная почта”, N 231), где сильно порицается Наполеон III и его правительство по поводу вмешательства в дела Италии. Замечательно, что недавно еще наша французская петербургская официозная газета сильно старалась доказать парижской “Journal des Debats”, что наши газеты отвечают сами за свои политические мнения, а не правительство, так как они ныне издаются без цензуры. Между тем французский посланник жаловался нашему канцлеру на “Голос” за вышеупомянутую статью, вследствие чего последний и получил предостережение. Мы же благоговейно и смиренно молчим, когда французские газеты взапуски, одна перед другою, ругают нас гнуснейшим образом. Недавно еще они изъявляли свои симпатии злодею Березовскому. Право мы очень смиренны. Почему бы французскому правительству не предоставить, если оно желает, начать процесс с “Голосом”, вместо того чтобы нашему правительству поступать противозаконно в угоду французскому?

26 октября 1867 года, четверг

Был,у меня недавно приехавший из-за границы Тройницкий. Разговор о катковском проекте, который привел в великое удивление Государственный совет требованием странных привилегий лицею, задуманному Леонтьевым и Катковым. Здесь не особенно благовидную роль играет министр народного просвещения, граф Толстой.

2 ноября 1867 года, четверг

Второе предостережение “Голосу” за статью против остзейских немцев в N 299. Странное дело. Правительство само вызвало эту бурю — полемику с немцами — своею, может быть, не совсем своевременною мерою введения русского языка в остзейский край. Немцы подняли крик на всю Европу, начали грозить нам отложением, вмешательством Пруссии и проч. Наши газеты, разумеется, начали на это возражать. Загорелась печатная война, и вот теперь министр Валуев делает

одной из газет предостережение за то что она отражает немецкие нападения, и обвиняет ее в “предосудительном направлении”.

5 ноября 1867 года, воскресенье

В N 239 “Московских ведомостей” напечатана сильная статья по поводу первого предостережения “Голосу”. См. также “Северную почту”, N 241.

6 ноября 1867 года, понедельник

Они консервативны, потому что всякое новое движение угрожает им падением, как неспособным сочувствовать и содействовать никакому общественному преуспеянию. Закоснелые в эгоизме, они знают, что их не одобряют благомыслящие люди, и чтобы хоть сколько-нибудь оправдаться в их глазах, они делают вид, будто следуют какой-нибудь доктрине, надевают личину какого-нибудь принципа, признанного в истории человеческих обществ и в цивилизации. Но кого они этим обманывают?

7 ноября 1867 года, вторник

Получил из типографии отпечатанную мою биографию Вронченка.

Темперамент — не характер, а между тем многие считают его за характер, вероятно на том основании, что темперамент располагает человека к определенным и однообразным поступкам. Но ведь эта определенность и однообразие не иное что, как чисто механические отправления нашего организма, установленные физиологическими законами и без всякого участия воли. А там, где нет участия воли, там нет и характера.

11 ноября 1867 года, суббота

Председатель московского окружного суда Арсеньев во время производства процесса одного лица, обвиняемого в распространении фальшивых ассигнаций, удалил из присутствия защитника подсудимого, князя А.И.Урусова, одного из известнейших адвокатов в Москве. Говорят, это произошло вследствие тайного повеления, данного председателям судов, чтобы они удаляли адвокатов, которые почему-либо не нравятся администрации. Надо признаться, что если это правда, то это удачный, если не гениальный эпизод в комедии, которая называется: *русская образованность и цивилизация.*

У России в наше время три важнейшие потребности: земство, суды и железные дороги. Первые две я называю двумя ногами, на которых Россия могла бы твердо стать и по железным дорогам двигаться, куда ей следует. Но ноги-то хотят ей сломать.

А все-таки мне кажется, что защитникам земства и суда не следует падать духом в этой борьбе с чиновничьим, валуевским, шуваловским и всяческим

произволом: в конце концов ему все-таки не одолеть России.

13 ноября 1867 года, понедельник

Вечер у графа Алексея Константиновича Толстого. Там, между прочим, познакомился с нашим композитором Серовым и с Кельсиевым. Да еще видел сына поэта Жуковского, молодого человека, весьма приличной наружности, с которым я и поговорил об его знаменитом отце. Серов весь, с ног до головы, кажется пропитанным музыкальными идеями и чувствами. Это очень живой и, по-видимому, энергический человек. Говорит много и бойко. Кельсиев тощий и довольно невзрачный молодой человек. Я довольно много с ним говорил, преимущественно о раскольниках, о которых он высокого мнения, как о настоящих представителях русской народности. Он очень сетует на то, что ему не позволили напечатать в “Отечественных записках” свою исповедь, повествование об его эмиграции и возвращении в Россию.

14 ноября 1867 года, вторник

Администрация по делам печати заблуждается, сосредоточивая свое внимание на частных, отдельных явлениях, вместо того чтобы иметь в виду исключительно охранение *принципов,* — что дает ей характер чисто полицейский. Известные принципы, вытекающие из духа общественного и имеющие в виду общественную безопасность, должны быть охраняемы — это главное и единственное, и как скоро писатель не касается этих принципов, в остальном ему нечего ставить преград. Мелкая придирчивость, преследующая частные случаи, вроде нападок на какую-нибудь отрасль администрации, критики какой-нибудь специальной меры и т.д., ни к чему не ведет. Надо принять, и твердо его держаться, следующее начало: когда пределы печати расширены и дано право подвергать рассмотрению и критике государственные меры и текущие события, то должны быть приняты и неизбежные последствия этого, то есть самое применение или пользование этим правом.

Нужно уметь общее отделять от частного.

Систему предостережений, пожалуй, было бы неудобно отменить в настоящее время. Не столько виновата она сама, сколько ее бестолковое и неосновательное применение. Из всех предостережений, какие за последнее время надавала валуевская администрация, вряд ли найдется хоть одно вполне разумное и справедливое. Она не умела даже формулировать их как следует.

Правительство в вопросе о печати впало в противоречие с самим собою. Оно в трудных обстоятельствах не раз прибегало к ее помощи и опиралось на нее, но когда проходила в ней нужда или ему казалось, что она прошла, оно опять начинало к ней относиться свысока и обращаться с нею по-полицейски. Сами министры — Валуев, Головнин, граф Толстой — по временам заискивали в печати и тем, конечно, возвышали ее значение и силу. Как же после этого хотеть, чтобы она не чувствовала своей силы и значения?

15 ноября 1867 года, среда

Все меры и учреждения должны согласоваться с состоянием и направлением умов данной эпохи. Надобно решить: полагается ли в нашем обществе различие между критикою или разбором каких-нибудь явлений нашей администрации и нападением на основные принципы? Если общество не способно отличать первое от последнего, а напротив, смешивает и то и другое, то надо согласиться, что мы рано начали либеральные реформы. Но я решительно этого не допускаю. Критикуя, например, какую-нибудь меру по почтовому ведомству, по ведомству министерства народного просвещения или внутренних дел и т.п., никому и в голову не приходит обращать укоризны на государя, на образ правления, на веру нашу и проч. Значит, принципы остаются нетронутыми — и в этом все.

Первое условие внутреннего спокойствия и самодовольства — это быть справедливым и не иметь повода обвинять себя не только в дурном поступке, но даже и в дурном чувстве в отношении к другим.

17 ноября 1867 года, пятница

Добывая огонь, надо помнить, что вместе с ним явится и дым. Нужно искусство отвести дым, не погашая огня. Плохо поступит тот, кто, для избежания дыма, захочет вылить ведро воды на огонь, Дым, пожалуй, вы и устраните, но зато потушите огонь, да к тому еще произведете невыносимый смрад.

21 ноября 1867 года, вторник

Правду сказать, трудно, очень трудно мириться с положением вещей в стране, которою управляют Валуевы, ,Щуваловы, Толстые, где министры до того ничтожны и слабы, что ездят и посылают в Москву спрашивать у Каткова и Леонтьева, что и как им делать.

Покоритель Ташкента, сделавший имя свое известным в Европе и грозным в Средней Азии, Черняев, принужден в Москве держать экзамен на звание нотариуса, чтобы добыть себе кусок хлеба. Говорят, какая-то придворная интрига распорядилась так, что этого генерала уволили от службы с пенсионом в четыреста рублей, и как он очень беден и четырьмястами рублей нельзя прожить с семейством, то он решился искать места нотариуса. Узаконенный залог по этому случаю внесли за него москвичи. Я сам не знаю Черняева, но с разных сторон слышу похвалы ему и негодование против военного министерства. Вообще по городу ходит много сплетен по этому поводу. Но во всяком случае странно будет видеть в нотариальной конторе генерала, украшенного Георгием.

22 ноября 1867 года, среда

Я всегда прибегаю к дневнику моему как к единственному другу, которому могу поверить все мысли и чувства, беседа с которым заменяет мне и общество и так называемых друзей. Безделица — эта тетрадь с белыми страницами, а между тем

она представляется мне каким-то оживленным предметом, в котором отражается мое я и разделяется, как свет в призме, на несколько лучей и то, что могло бы во мне мелькнуть и исчезнуть бесследно, удерживается в моем сознании как частица моего внутреннего быта.

Внешние влияния доставляют человеку или бедный, или богатый капитал; но от него зависит распорядиться им так или иначе. И маленькое, но благоустроенное хозяйство лучше большого, но бестолково употребляемого богатства.

24 ноября 1867 года, пятница

Стоит ли серьезно думать обо всем этом? Ведь все это комедия, сон, “сказка, которую старуха рассказывает, сидя у очага”.

25 ноября 1867 года, суббота

На днях я читал Костомарову отрывок из моих Записок. Я вообще большой неохотник читать что-нибудь свое. Такое чтение мне всегда кажется назойливым напрашиванием на похвалу. Но тут было другое обстоятельство: Костомаров мой земляк; он очень хорошо знает места, где я родился и провел детство, и людей этого края. Мне хотелось проверить себя взглядом и чувствами другого лица, и притом лица, способного меня понять и мне сочувствовать Костомарову, по-видимому, понравилось то, что я ему прочитал.

Сегодня был на вечере у Срезневского, где собраны были цвет и сливки Академии и университета. Но толки и разговоры были довольно маленького свойства.

26 ноября 1867 года, воскресенье

Жизнь хороша не только тогда, когда она расцветает во всем обилии своих даров, но и тогда, когда борется с тем, что мешает ее полному развитию, и она таким образом спасает хоть что-нибудь из богатого запаса своих общих сокровищ. Вот я любуюсь стебельком растения в горшке, стоящем на моем окне, которое, несмотря на недостаток земли и на холод, проникающий сквозь стекло, все-таки, хоть и не роскошно, но живет и зеленеет.

3 декабря 1867 года, воскресенье

Был у меня Поярков, племянник Печерина. Он в переписке с Печериным и передал мне его сердечный поклон. Между прочим, он рассказал мне, со слов самого Печерина, о причинах, возбудивших в нем ту психологическую тревогу, которая увлекла его из России и сделала католиком. В детстве у него был гувернер швейцарец, ярый радикал, который пропитал его самыми жгучими идеями либерализма. А рядом с этим стояло деспотическое обращение отца, старого полковника, который непременно хотел сделать из сына солдата. Поярков говорил

мне, что у него в руках мемуары Печерина, доведенные до момента отъезда его из России. Он обещал доставить их мне при первом приезде из Киева, куда его теперь посылают председателем тамошней гражданской палаты.

Держаться всегда на известной нравственной высоте — это самый действительный способ избегать множества тех огорчений, какие неразлучны в столкновениях с людьми и случайностями жизни.

6 декабря 1867 года, среда

Отчего наши государственные люди делают так много ошибок? Оттого, что они не мастера своего дела, а дилетанты.

“Москва”, получив третье предостережение с четырьмя месяцами приостановки, прекращает вовсе свое существование.

Всегда я шел одиноко, сам по себе. От того мой путь не был ни светлее, ни удобнее, но это соответствовало моей внутренней конституции, — так тому и быть.

11 декабря 1867 года, понедельник

Жизнь, проведенная бесследно, ничьего уважения не заслуживает, даже уважения того самого, кто ее прожил.

Все наши кружки — и литературные и общественные — страдают болезнью непонимания пределов, до которых должны простираться их требования.

Система вводимого у нас классического образования по истечении некоторого времени непременно падет не только от чрезмерной тягости, которою она обременяет учащихся, но и от того, — и это главным образом, — от чего падает у нас всякая система: от неуменья приводить ее в исполнение.

Утратив религиозные верования, считая все прекрасное и великое за иллюзию, современное человечество, чтобы не провалиться совсем в пропасть, прицепилось к идее прогресса, как будто эта идея менее иллюзия, чем другие.

Иные народы развратились, когда сделались образованными, мы же ухитрились погрузиться в омут разврата, находясь почти в варварском состоянии.

17 декабря 1867 года, воскресенье

Поутру у Тройницкого. Он, между прочим, рассказал мне любопытную вещь, слышанную им во время пребывания его в Одессе от одной знатной и очень умной дамы, хорошо знакомой с разными секретами своего времени. Дело здесь касается причины падения Сперанского. В начале двенадцатого или в конце одиннадцатого года, когда намерения Наполеона насчет России делались более и более очевидными, у нас начали помышлять о средствах обороны. Был, между прочим, представлен, кажется Барклаем-де-Толли, план наших будущих действий, который, разумеется, надлежало хранить в глубокой тайне. Сперанский был тогда всесилен.

Государь ничего не предпринимал без его совета и этот план отдал ему на рассмотрение. Сперанский привез его домой, положил у себя на стол в кабинете, а сам снова отлучился из дома. В отсутствие его приехал Магницкий. Ему сказали, что Сперанский скоро вернется, и он решился его дождаться в кабинете, куда имел всегда свободный доступ. Он увидел на столе тетрадь, и так как совестливость не была в числе добродетелей Магницкого, он прочел эту тетрадь и таким образом узнал великую государственную тайну.

Дня через два государю сделалось известно, что французский посланник говорил о плане русского правительства как о деле, о котором знал все до мельчайших подробностей. Понятно, какое впечатление произвело это на государя. О плане никому не было известно, кроме него, автора плана и Сперанского. Государь естественно мог счесть Сперанского предателем, вдвойне изменником: и отечеству и дружбе, и он сильно на него вознегодовал. Этим объясняются в письме к Парроту слова Александра, что Сперанский достоин смертной казни. Одно только непонятно, почему император ни слова не сказал Сперанскому об открытии государственной тайны, но, прощаясь с ним еще накануне его падения, был с ним ласков и милостив по-прежнему. В противном случае дело без сомнения разъяснилось бы, поступок Магницкого обнаружился бы, и Сперанский оказался бы виноватым только в неосторожности.

24 декабря 1867 года, воскресенье

Обед у графа Толстого — министра. Обедали некоторые академики. Струве сделал мне упрек, что я не отнесся к нему за справками, когда писал биографию Врончeнка. У него, Струве, есть важные сведения об его астрономических трудах, когда он был в Дерпте. “Отцу моему, — сказал он, — приписывают план об астрономических съемках, столь известный в Европе, а этот план принадлежит Врончeнку и мне”.

Все эти дни жестоко занят окончанием речи к академическому акту 29 декабря. Надо говорить об умерших: Билярском. Грече и митрополите Филарете. Перечитывая сегодня написанное, я недоволен им. Да притом в чтении на акте придется сокращать: написано слишком много, а публику не надо утомлять.

29 декабря 1867 года, пятница

Акт в Академии наук. Я читаю извлечение из отчета Второго отделения. Чтение мое произвело эффект, особенно о Филарете. Мне пришлось много сокращать, дабы не осуществить известного изречения, что самая лучшая речь может наскучить, если она длинна. Я читал 45 минут, и внимание слушателей не успело ослабеть. После акта все академики собрались обедать у Донона. Пир был довольно шумный. Не обошлось без некоторых прений о руссизме и немчизме. Не люблю я этих пустых препирательств и столь же пустых патриотических выходок в обществе, которое должно жить согласно, если оно хочет не вредить, а приносить пользу делу науки. Да притом ведь дело вовсе не в том, чтобы кричать, что мы, дескать, русские, а вы — немцы, а в том, чтобы заставить себя уважать, поступая честно и трудясь

разумно, да не гадить друг другу, как мы так часто делаем в наших русских ассоциациях.

Был, между прочим, спор по следующему обстоятельству; за обедом решено было послать телеграмму Бэру, живущему в Дерпте. Некоторые хотели, чтобы телеграмма была послана на русском языке, другие — чтобы на немецком. Конечно, и я предпочел бы послать на русском языке. Но так как Бэр едва ли сумел бы прочесть телеграмму по-русски, то и надо было написать ее по-немецки.

А.Н.Майков экспромтом прочел следующее стихотворение за жженкой:

Академия кутит,
В буйстве силы не жалеет;
Это ясно говорит,
Что она уже русеет.

Россия — странное государство: это страна всевозможных экспериментов — общественных, политических и даже нравственных, а между тем ничто не укореняется в ней надолго. Залог ли это будущей самобытности, которая не успела еще отыскать своей точки опоры, или доказательство неспособности установиться на чем-либо определенном или твердом, и судьба ее вечно колебаться и бессознательно переходить от одной формы жизни к другой? Избави Бог!

31 декабря 1867 года, воскресенье

Конец 1867 года.

1868

4 января 1868 года, четверг

На публичном заседании съезда естествоиспытателей. Это было последнее заседание. Публики множество. Читали речи:

Юнге — окулист, Советов — агроном, Здекауер и Семашко, Председатель Кесслер произнес заключительную речь.

Но всех лучше была речь Юнге. Она, как и речи других ораторов, была направлена против преобладания классического образования. Вообще весь съезд, принял странный характер демонстрации против, системы министерства народного просвещения, на основании которой изучение классических языков в гимназиях делается господствующим и почти исключительным по идеям Каткова и Леонтьева.

6 января 1868 года, суббота

Обедал у Павла Никитича Меншикова. Раза два в год он дает своим приятелям лукулловские обеды. Для меня это, как говорится, корм не в коня, но я не мог уклониться от безгранично ласкового, радушного приглашения.

7 января 1868 года, воскресенье

Был у меня профессор Медико-хирургической академии Якубович. Любопытный разговор о военном министре и о Дубовицком, которые, по словам Якубовича, стараются сделать из академии школу. Конечно, это очень жаль, тем более что в последние годы она начала было сильно возвышаться и процветать. Он рассказывал мне невероятные нелепости, если только они действительно случились. Впрочем, то же говорил мне и Глебов.

8 января 1868 года, понедельник

Похороны князя Долгорукого, бывшего шефа жандармов и одного из любимцев государя. О нем, кажется, нечего больше сказать, как только “выехал в Ростов”, хотя он занимал важные должности, был военным министром и проч. Говорят, он был добрый человек, но вряд ли годился на что другое, как только на то, чтобы слыть добрым человеком.

9 января 1868 года, вторник

На бале во дворце. Встретил многих знакомых, с которыми встречаешься только в таких многочисленных собраниях. Увиделся, между прочим, с Тимашевым, который опять призван к государственной деятельности.

12 января 1868 года, пятница

У нас с людьми часто совершаются странные метаморфозы. Вот, кажется, умный, хороший человек; поставили его на видное место, дали ему власть — и выходит человек такой посредственный, что только вздохнешь от глубины сердца и с сокрушением скажешь: как бедны мы в настоящее трудное время деятелями серьезными, истинно государственными.

Общее собрание Академии. Предложен был вопрос по поводу крыловского юбилея 2 февраля: праздновать ли этот день одному только Второму отделению или всей Академии? Некоторые были того мнения, что празднество должно ограничиться отделением, так как Крылов был не ученый, а литератор. Другие, в том числе и я, высказали мысль, что Крылов составляет часть нашей всенародной славы и что, хотя он не был ни филолог, ни лингвист, однако оказал огромные услуги отеческому языку своими произведениями. Президент пригласил встать тех, которые в пользу празднования всею Академиею: встали все, и тем дело решилось.

13 января 1868 года, суббота

Вчера мороз доходил на Неве до 35R, а сегодня, говорят, доходит до 37R.

Приходится писать речь о Крылове к юбилею, а времени остается всего две недели. Вот надпись к памятнику Крылова, что в Летнем саду, написанная Шумахером и напечатанная, кажется, в “Искре”:

Лукавый дедушка с гранитной высоты Глядит, как резвятся у ног его ребята, И думает: милейшие зверята, Какие, выросши, вы будете скоты.

Почему бы, кажется, не предоставить каждому человеку и каждому народу устраивать свои дела и жить, как он знает и хочет. Но беда в том, что дайте каждому волю это делать, и он тотчас залезет в чужой карман, в чужое право или в чужую землю.

Если где-нибудь нужен гений, то это в поэзии и в делах финансовых.

11 февраля 1868 года, воскресенье

Почти месяц я не принимался за мой дневник. Много было к тому причин, а в продолжение этого времени со мной опять случилось нечто нелепое в Академии. По взаимному соглашению членов Второго отделения Академии положено было прочесть на крыловском юбилее четыре речи:

Грот — черты из литературной деятельности Крылова; Срезневский — о языке,

Бычков —. о переводах басен Крылова на иностранные языки, я—о баснях Крылова в художественном отношении. Больше двух недель работал я усидчиво и приготовил мою речь ко дню юбилея, то есть ко 2 февраля. Настал назначенный день. Публики в академической зале собралось много, хотя часть ее была отвлечена в концерт, который давался в пользу страдающих от голода. Началось чтение. Прочитал свою речь Грот, прочитали Срезневский и Бычков. Их чтение продолжалось менее двух часов: началось в двадцать минут второго, а кончилось в три. Настала моя очередь. Я встаю с места и с тетрадкою в руке направляюсь к кафедре. Но вдруг встает и президент и, обращаясь к публике, говорит: “Этим можем кончить, чтобы не утомлять вашего внимания, милостивые государи”. Публика изумлена, не меньше изумлен и я; подхожу к президенту и спрашиваю, почему меня не допускают к чтению. Он пробормотал что-то об утомлении публики. Меня окружают знакомые и незнакомые и, в свою очередь, осыпают меня вопросами: “Что это значит, Александр Васильевич, что вас остановили?” и проч. Ответ мой всем один и тот же:

“Ничего не понимаю”.

Возвратясь домой, я написал президенту серьезное письмо с протестом за такое нарушение академических правил, которое одновременно наносило оскорбление Академии, публике и мне… На другой же день получил от Литке ответ, который мне все объяснил. Бедный президент тут сам попался… Президент, как он после сам мне объяснил и в письме и лично, не полагал, чтобы это было без моего согласия, и распорядился, как сказано выше. Разумеется, это его не оправдывает, но несколько смягчает его вину. Я поехал к нему, и он мне откровенно сознался, что во всем этом сам был жертвою. Мы расстались дружелюбно. Между тем в “Голосе” появилась заметка, где говорилось, что я сам “отказался от чтения, чтобы не утомлять публику долгим пребыванием в академическом зале”. Это было мне с руки, так как вызывало на опровержение, а следовательно, и разъяснение дела публике, которая, впрочем, уже сама ясно его понимала. Я и написал письмо к Краевскому с опровержением напечатанной заметки. Письмо появилось в “Голосе” на другой же день и произвело благоприятное для меня впечатление…

В “Голосе” появилась статейка в ответ на мое опровержение, лестная для меня и нелестная для кое-кого.

13 февраля 1868 года, вторник

Речь моя появилась в “С.-П. ведомостях”, в 39-м и 42-м номерах.

14 февраля 1868 года, среда

До меня доходят вести, что моя речь принята в публике очень хорошо.

У нас не знаешь, чему верить: существует в России голод или нет? Отовсюду приходили и приходят ужасающие вести. В “Голосе” появилась превосходная статья (Розенгейма) по этому поводу. Наконец, по высочайшему повелению, учрежден, под председательством наследника, комитет, от имени которого уже архиофициально объявлено о голоде и все приглашаются к пожертвованиям. Между тем министр

внутренних дел печатно уверял, что голода нет, а народ так, “терпит только нужду”. Он сваливает всю вину на земство. Но ведь все знают, что земство связано по рукам и ногам новым узаконением, в силу которого председатели управ и губернаторы получили почти неограниченную власть над земством.

16 февраля 1868 года, пятница

Президент, кажется, на меня сердит за газетную статью в “Голосе”, к которой послужило поводом мое письмо к редактору газеты. Вот как люди бывают чувствительны к своим личным неприятностям, а дурачить другого для них ничего не значит. Я не мог и не должен был поступить иначе. Защищать свое право и достоинство — это не роскошь эгоизма, а долг честного человека, долг самосохранения.

Запрещен “Москвич”. Об этом так много говорят, что в шуме слов ничего не разберешь. Тут, как обыкновенно, больше всех достается Валуеву.

Для подлости, как для геройства, нет ничего невозможного.

Авраам Сергеевич Норов рассказал мне следующий анекдот об Аракчееве. “Я, — говорит Норов, — был из полковников переименован в статские советники и оставался некоторое время без службы, следовательно, без всяких определенных занятий. Это мне надоело, и я стал помышлять о какой-нибудь должности. Некоторые мои знакомые и разные значительные лица присоветовали мне искать места губернатора, а так как тогда (в двадцатых годах) все государственные и административные дела шли через руки Аракчеева, то предварительно надлежало обратиться к нему. Но мне это показалось несовместным с моим достоинством; государь знал меня лично, и я решился обратиться прямо к нему. Прошло несколько дней, и я вдруг получаю от графа Аракчеева приглашение явиться к нему. Аракчеев знал моего отца и, встречаясь со мною прежде, всегда был ко мне довольно ласков. Я отправился к нему, не ожидая ничего худого.

— Вы просили государя, — сказал он мне, с свойственным ему нахмуренным видом, — о месте губернатора?

— Точно так, ваше сиятельство.

— Благодарите же меня.

— Если ваше сиятельство удостоите сказать мне причину, то я готов благодарить вас от всего сердца.

— Благодарите меня за то, что вы не получите губернаторского места. Государь готов был дать вам его, но я отсоветовал, и его величество вам отказывает.

Я окаменел от таких неожиданных речей. Через минуту Аракчеев продолжал:

— Вы, господин Норов, храбрый и хороший офицер, я это знаю. Но скажите по совести, в состоянии ли вы быть губернатором? Известны ли вам хоть сколько-нибудь законы, административный порядок и множество различных трудностей, сопряженных с этою важною должностью? Ведь вы нимало к ней не приготовлены.

Какой же были бы вы губернатор? Вы или наделали бы себе стыда, или попали бы под суд.

Простота этих слов меня поразила. Так ли точно думал Аракчеев или он притворился, что так думает, и помешал мне только потому, что я не обратился предварительно к нему, — но я действительно счел себя обязанным поблагодарить его".

22 февраля 1868 года, четверг

Вечер у Тройницкого. У него больше никого не было, и я пробеседовал с ним часа два с половиною.

Он, между прочим, объяснил мне настоящую причину запрещения "Москвича". Причина тому — статья о данковских крестьянах. Валуев, прочитав эту статью, послал ее к государю с своим докладом о необходимости остановить эти дерзкие нападки на администрацию и просил о дозволении запретить газету. Государь согласился с тем, чтобы дело это было внесено в Комитет министров. Последствия известны. В опубликованном решении, однако, приведена не эта причина, а та, что "Москвич" есть не иное что, как замаскированная "Москва". Мотивирование это принадлежит М.А. Корфу. Лучше было бы сказать прямо, за что.

25 февраля 1868 года, воскресенье

Вторая книжка "Всемирного труда" конфискована. Там есть повесть Боборыкина "Жертва вечерняя", в которой представлены разные лица, говорят, из высшего круга в очень непристойном виде и притом так, что их очень легко узнать. Если это правда, то это выходит пасквиль, и в таком случае подобные произведения могут только вредить делу литературы, а не служить ему.

Обед в Римско-католической академии по случаю храмового праздника академической церкви. Епископ ко мне очень дружелюбен. За столом я сидел возле него, и он очень юмористично подшучивал над своими собратьями — канониками, ксендзами и проч. "Вот великие христианские постники, — говорил он, — вот где поучиться бы постничать и умерщвлять свою плоть. Посмотрите, например, вот на этого каноника: какой он жирный, красный, а все оттого, что вот он постится с такими соусами и пирогами, запивая их хересом и шампанским". Все это он говорил не только мне, но и самим каноникам, которые только улыбались. Кроме того, он говорил со мною о папе и не очень благосклонно о нем отзывался. Провозгласили тост государю; прокричали "ура"; воспитанники пропели "Боже, царя храни".

Все ли поняла в тайнах жизни современная наука, чтобы иметь право отрицать потребность и истину верований?

1 марта 1868 года, пятница

Вечер у Боткина, Василия Петровича. Граф А.К.Толстой читал свою новую

драму — “Царь Федор Иоаннович”. Тут были: Гончаров, Костомаров, Майков, Стасюлевич, Тютчев Федор Иванович. Трудно судить о сочинении в беглом чтении, да еще не в своем, а чужом. Однако характеры Федора и Годунова показались мне обработанными очень искусно. Автор сумел создать из совершенного нравственного и политического ничтожества, каков Федор, замечательную психологическую фигуру.

Графиня А.Д.Блудова прислала мне свою книжку “Для немногих” — о пребывании своем в Остроге, на Волыни и об основании там православной церкви и женской школы. Книга написана умно и тепло.

Ум его похож на плющ, который широко раскидывается и обвивается около тычин и деревьев по всевозможным направлениям, но он ни к чему не прикрепляется прочно и не приносит плодов.

Одно может удовлетворить человека на всякой степени умственного развития — общеполезный труд и успешная деятельность.

4 марта 1868 года, понедельник

Валуев оставил министерство или министерство оставило его. Место его занял Тимашев.

Об отставке Валуева, кажется, никто не сетует, разве кроме нескольких преданных ему чиновников. Общество сильно не расположено к нему за земство и за его распоряжения по делам печати. Но решительный удар, кажется, нанесен ему голодом, который по непонятным причинам он скрывал и против которого не принял никаких деятельных мер. Будет ли лучше при его преемнике? Сколько я знал Тимашева лично, он казался мне человеком умным и человеком с русским сердцем. Но у нас как-то добродетели, таланты и ум недолговечны. Посмотрим.

9 марта 1868 года, суббота

Общее заседание комиссии в Академии наук для установления открытых для публики заседаний. Много было споров и толков, но ни к чему решительному не пришли. Впрочем, почти все согласились в надобности этих заседаний.

10 марта 1868 года, воскресенье

Мы живем в такую эпоху всяческих треволнений — умственных, нравственных, политических и Общественных, что едва ли найдется ум, который не заблуждался бы в своих суждениях о лицах и событиях.

Заходил сегодня к старому своему профессору Шнейдеру. Он очень обрадовался мне. Бедный сидит безвыходно в креслах; паралич отнял у него ноги. Но духом старик еще бодр. От него услышал я о смерти Порошина в Париже, а я только что собирался писать ему. Порошин был один из лучших наших профессоров (он читал политическую экономию) уваровского времени. Он был умен, даровит,

сведущ, но очень эксцентричен. Уж много лет он жил в Париже, не забывая, однако, России. Он написал несколько сочинений о ней на французском языке, стараясь растолковать французам, что Россия, хотя во многом отстала от Европы, или, лучше сказать, еще не успела догнать ее, однако вовсе не такая варварская страна, как они думают. Он старался опровергать клеветы их на нас по поводу польских дел — разумеется, тщетно, потому что ничто не устойчиво так, как преднамеренная ложь.

14 марта 1868 года, четверг

Сердце ищет сердца, но ум почти неприязнен уму. Кто борется, тот если не всегда побеждает, то всегда сохраняет за собою достоинство и честь человека мужественного.

Тимашев был директором тайной полиции, или начальником III отделения. Восторжествуют ли в нем полицейские инстинкты или призвания государственного человека?

16 марта 1868 года, суббота

Валуев дурно распорядился своею судьбою: притеснением земских учреждений, неблагоразумными и опрометчивыми действиями по делам печати он вооружил против себя общественное мнение, а странным индифферентизмом к голоду он дал против себя оружие в руки враждебной ему партии.

Надо быть дураком, чтобы быть довольным собою.

21 марта 1868 года, четверг

Обедал у графини АД.Блудовой. Встретил там Кояловича, занимающегося ныне изданием какого-то исторического памятника, касающегося Северо-Западного края. Были еще какие-то три неизвестные мне лица. Графиня меня смутила, начав елико возможно восхвалять мою речь о Крылове, и даже прочла вслух некоторые места из нее.

В сегодняшнем заседании отделения нашей Академии возникли компликации между Срезневским и Пекарским. Пекарский сильно обиделся на одно замечание, сделанное Срезневским на его весьма незначительную заметку, но которую он, по своему обыкновению, ценил очень высоко. Замечание не заключало в себе ничего обидного, но Пекарский так рассердился, что ушел, ни с кем не простившись. Так-то наши самолюбия не умеют снести ни малейшего противоречия.

Люди с особенным дарованием, призванные действовать на массы, на общество, достигают славы, какой никогда не достигают специалисты-труженики, посвящающие труды свои разработке какого-нибудь вопроса науки или практического дела. Но слава первых чрезвычайно непрочна и изменчива. Она часто зависит от прихоти публики, и малейшей ошибки, а часто и просто поворота во вкусах общества достаточно, чтобы развенчать сегодня героя, которого

превозносили до небес. Чуть ли не больше всего подвержены этому кризису писатели, художники.

27 марта 1868 года, среда

В номере 66-м “Северной почты” напечатано предостережение “Петербургскому листку” уже от нового министра. Замечательное формулирование и тон предостережения, обнаруживающие решимость защищать от нападок печати полицейские и административные власти.

3 апреля. 1868 года, среда

Провел в беседе более двух часов у моего бывшего старого наставника Шнейдера, Василия Васильевича. Паралич отнял у него ноги, но не коснулся головы, которая совершенно свежа. Память его в полной силе. Он рассказывал мне разные интересные вещи из истории прошлого времени. Он был в тесных связях с разными значительными лицами, особенно со Сперанским, и многое знает из секретного хода событий. Вот, между прочим, что он мне рассказал об обстоятельствах, сопровождавших падение Сперанского.

Известно, что князь А.И.Чернышев, впоследствии военный министр, в 1811 году был послан императором Александром I в Париж с секретным поручением. Чернышев был тогда во цвете лет и красоты и отличался любезностью и ловкостью в обращении. В Париже он очень сблизился с главным директором военного министерства Наполеона, а еще больше с его женою. Однажды, вечером, директор был позван к императору в Сен-Клу, где и провел всю ночь. Чернышев занял его [директора] место у жены и воспользовался этим случаем, чтобы наполнить свой портфель бумагами из директорского кабинета. Вероятно, это было подготовлено заранее. На другой день, рано утром, Чернышев уже скакал к границам Франции, и прежде, чем пропажа бумаг была замечена, он уже был за пределами ее. Похищенные бумаги оказались весьма важными: тут были планы похода в Россию, чертежи, расположение войск и проч. и в том числе также и шифрованные бумаги. Все это было доставлено императору Александру. Государь обо всем сообщил Сперанскому, и так как ни тот, ни другой не могли прочесть шифрованных бумаг, то положено было призвать. некоего Бека, славившегося уменьем разбирать всевозможные шифры. Все, что заключалось в этих бумагах, разумеется, составляло государственную тайну, которая была известна только государю, Сперанскому и Беку.

Случилось как-то, что Магницкий, состоявший в дружбе со Сперанским, приехал к нему в то время, когда тот занимался в своем кабинете, сумел подсмотреть содержание секретных бумаг и затем из хвастовства разгласил это между членами дипломатического корпуса. Это дошло до государя, который, разумеется, должен был подумать, что Сперанский выдал государственную тайну, — и вот причина его падения и объяснение слов государя, обращенных к Парроту: “Сперанский сделал то, за что его следовало бы расстрелять”. (В моем дневнике записан уже другой рассказ об этом, но Шнейдер стоит за верность своей версии, которую слышал от

лиц, близких к Сперанскому.)

4 апреля 1868 года, четверг

Университет потребовал от меня сведений о моей жизни и учено-литературных трудах для составления биографии, которая должна войти в словарь профессоров живых и умерших, издаваемый ко дню пятидесятилетия университета в следующем году. Обо мне поручено написать Оресту Миллеру. Я указал на мой послужной список и хотел этим отделаться, но ко мне пристали, чтобы я указал все мои сочинения. Я было решительно этому воспротивился, так как сам я мало уважаю собственные писания, и если бы их позабыли другие, как позабыл их я сам, то, право, не огорчился бы этим. Но в заключение мне пришлось сдаться на следующий довод: хорошо ли, дурно ли я действовал, но деятельность моя среди общества выразилась в такой форме, какую оно полагало для себя нужною и для осуществления которой дало мне и средства, — следовательно, оно вправе подвести итог всего, что мною сделано, и внести этот итог, куда ему угодно, в летопись ли своей науки, в какой-нибудь словарь и проч. Да притом Орест Миллер заметил, что если я не возьму на себя труда сделать перечень моих сочинений, то он должен будет сам это сделать, а для того ему придется перерыть массу журналов, сборников и т.д., что отнимет у него недели три времени и заставит опоздать с представлением своей статьи к назначенному сроку. Таким образом, волей-неволей, мне пришлось самому рыться и кое-как составить требуемый перечень.

Сущность моей деятельности на кафедре следующая:

1) элемент изящного, неразлучный с элементом идеального, я считал важным необходимым деятелем в истории человечества. Я всегда старался и психологически и исторически поддерживать его достоинство, самостоятельную образовательную силу и значение; 2) преобладание этого элемента я считал немыслимым без тесной связи его с нравственным назначением человека и без благотворного влияния на нравственное развитие последнего. Этими началами я старался осветить мою литературную критику и трудился над тем, чтобы внести их в ум и в сердце юношества.

7 апреля 1868 года, воскресенье

Вечер у А.С.Норова, который, между прочим, рассказал мне следующий анекдот, слышанный им из уст князя А.Н.Голицына. Императрице Екатерине II вздумалось посетить Ревель. Там устроили для нее бал с масками. Готовясь к нему, она сидела в уборной за туалетом. Вдруг приезжает из Петербурга курьер с секретным донесением о заговоре Мировича и о катастрофе с Иоанном Антоновичем в Шлиссельбурге. Весть эта сильно поразила ее. Приходилось немедленно действовать, и ей было уже не до бала. Но и не показаться в бальной зале было бы крайне неудобно, особенно при этих обстоятельствах. Находчивая императрица быстро нашла средство, как выйти из затруднения. Она позвала к себе графа Строганова.

— Послушайте, граф, — сказала она ему, — прошу у вас одолжения: сделаете ли вы его для меня?

Строганов, разумеется, изъявил полную готовность.

— Вот о чем я попрошу. Сядьте вот здесь в кресла перед зеркалом на мое место.

Граф немного удивился, однако повиновался. В ту же минуту одна из находившихся в уборной камер-фрау накинула на него пеньюар, другая начала его пудрить, а третья держала наготове, собираясь на него надеть, женское маскарадное платье. Строганов, уже не удивленный, а взбешенный, вскакивает с кресла и говорит;

— Государыня, я все готов отдать вам — и кровь мою и жизнь, но быть посмешищем и играть роль шута мне не по силам.

Тогда императрица выслала из комнаты всех посторонних, сообщила графу о полученном известии и с обычною своею прелестью прибавила:

— Вы понимаете, как это важно. Я должна целую ночь работать за письменным столом, мне не до бала, но и бал нельзя оставить: иначе возбудятся толки, неудовольствия, а я этого не могу допустить. Вот мой план. Вы оденетесь здесь в мое маскарадное платье: оно как раз вам по росту, скроете лицо под маскою и отправитесь на бал вместо меня. Там вы пробудете минут двадцать, затем скажетесь усталою и, как бы ослабев, опуститесь в приготовленное для меня кресло. Затем подзовите к себе князя Орлова, объявите ему, что чувствуете себя не совсем здоровою, и попросите его сказать присутствующим о том с извинением, что вы не можете дольше остаться на балу. Потом возвратитесь сюда обратно.

Все это было исполнено с точностью. Граф Строганов разыграл роль императрицы, и ревельцы были в восторге, что государыня, даже не совсем здоровая, не отказалась удостоить их бал своим присутствием. Должно полагать, что Строганов был мастер на подобные штуки, и Екатерина знала, кому вверяет такое щекотливое дело.

9 апреля 1868 года, вторник

С первого дня праздника и по сегодня включительно чудесная погода. Ингерманландское солнце не на шутку расщедрилось. Оно льет такие потоки света и тепла, что становится страшно: не скрывается ли тут какой козни относительно будущего? Что-то слишком хорошо, ненатурально.

10 апреля 1868 года, среда

На праздниках был у меня Ф.П.Литке и оставил карточку. Без сомнения, он почувствовал, что по случаю крыловского юбилея со мной поступлено нехорошо, и как он был весьма причастен к этому делу, то и решился выразить нечто вроде сожаления и первый протянуть мне руку… Этому, конечно, не мало содействовал общий голос публики, громко обвинявший тех, которые устроили такую проделку. Я

решился принять протянутую руку, во-первых, потому, что помнить долго сделанную мне лично гадость не в моей натуре. Сделав по закону самоохранения отпор направленному против меня нападению и отразив его, я тотчас успокаиваюсь в чувстве сохраненного своего достоинства. Длить борьбу вне этого принципа я считаю совершенно мелочным, нелепым, недостойным хорошо организованного характера. Главное дело — не уронить себя в глазах самого себя и не оскорбить собственного чувства справедливости, а прочее до меня уже не касается. Во-вторых, ведь мне приходится два раза в неделю сидеть рядом с ними, и тут очень неудобно бросать друг на друга косые взгляды. С людьми надо вообще держать себя как с Наполеоном III — всегда готовым к войне, но не надо никогда быть зачинщиком войны, ни презирать мир уже по одному тому, что худой мир лучше доброй брани.

12 апреля 1868 года, пятница

У нас умный человек, состоя на государственной службе, точно стыдится заниматься такими пустяками, как общая польза, долг и тому подобное. Главная и единственная достойная его задача — соблюдать собственные интересы, признавая своим долгом перед обществом только уменье не попасть под суд, так как это произвело бы скандал.

Счастлив честный человек, если ему удастся приобрести настолько самостоятельности, чтобы не преклоняться перед этою шайкой эгоистов, а подчас и плутов, именами которых наполнена часть наших адрес-календарей. Что он будет беден и забыт — это само собою разумеется.

Всеми замечено, что ни в одно царствование не раздавалось у нас столько наград чинами и орденами, как в настоящее. Это настоящий рог изобилия. Мне говорил один человек, знакомый со статистикою этого предмета, что обыкновенная пропорция наград в николаевское время составляла во всей империи цифру от четырех до пяти тысяч в год, в нынешнее же время доходит до десяти и одиннадцати тысяч.

Говорят и пишут в газетах, особенно в “Голосе”, что мы в Северо-Западном крае с Потаповым снова меняем систему наших действий.

15 апреля 1868 года, понедельник

Есть у нас многие юные и не юные женщины среднего круга, которые сильно желают, чтобы им дозволено было слушать в университете лекции или бы основали для них особый женский университет. Положение бедной женщины, которая, кроме иглы, не имеет других средств добывать честный хлеб, действительно заслуживает особенного внимания, и стоит подумать о том, чтобы открыть для нее новые источники труда.

Достигнуть в наших административных сферах значения, которое давало бы возможность оказывать обществу существенные и серьезные услуги, иначе нельзя, как разными эволюциями перед начальством. Люди, способные и честные, оказываются большею частью к этому непригодными, и вместо них обыкновенно на

сцене являются плуты или те мелкие честолюбцы, которые за чин или ленту готовы ко всему, кроме общественных интересов. Эти-то искатели фортуны большею частью и располагают ходом дел. Разумеется, и они толкуют об общем благе, о своем бескорыстии и проч. Но для дела это ничего не значит: оно все-таки сводится на чин, на ленту или аренду.

Первое предостережение “Москве” за статьи в первом номере. Этим новый министр дает знать, что он в делах печати намерен следовать системе своего предшественника. К сожалению, и Аксаков дает повод к нему придираться своею неумеренностью и озлоблением, которое поневоле заставляет думать правительство, что оно имеет в нем врага, — ну а с врагом нечего церемониться. Вообще москвичи страшно самолюбивы. Они хлопочут не только о том, чтобы сказать истину, но еще и о том, чтобы доказать целому свету, что всякая истина может быть сказана только ими одними, а потому у них нет уже спасения никому и ничему, что не спешит повергнуться в прах перед их победоносным пером. Ведь вот Катков всех, кто осмеливался иметь другое мнение, чем он, провозглашал изменниками и предателями отечества. Право, иногда кажется, что его одушевляет не чувство своего достоинства — чувство высокое и законное во всяком человеке, а чувство бесконечного превосходства над всяким, кто мыслит и пишет в России.

17 апреля 1868 года, среда

Замечательно, что если у нас в настоящее время есть в должностной сфере люди способные и честные, так это среди юристов. Административный круг содержит в себе или эгоистов и плутов, или посредственности и совершенные бездарности.

Уезжая за границу, Валуев сказал одному из своих знакомых: “Я рад, что уезжаю, наконец, из этой татарщины”.

Неужели такая реформа, как реформа Петра Великого, неужели все жертвы народа, какие для нее потребовались, должны остаться бесплодными? А ведь те, которые желали стеснить у нас науку, и те, которые стараются убить всякое проявление у нас самостоятельной, свободной гражданственности, добиваются не более не менее, как уничтожить всякое развитие того, чему положено начало реформою Петра.

Наделив человека всевозможными бедствиями и унижениями с лицемерным видом блага и величия, природа довершает свою трагикомическую игру над ним тем, что вложила в него непреодолимую скотскую любовь к жизни.

28 апреля 1868 года, воскресенье

Утром у князя Вяземского, у которого просидел часа два. Получил от него “Мессиаду”, переведенную неким Писаревым.

Аксаков опять напрашивается на предостережение. Говоря о смертной казни, он представляет виселицу, путешествующую по России для внушения нравственности.

К сожалению, честный Аксаков, очевидно, смешивает твердость характера с упорством самолюбия, которое не хочет уступить подчас необходимым требованиям приличия — будь оно общественное, государственное или какое другое. Но если нельзя показаться в общество без штанов или в какой-нибудь странной, нелепой одежде, то едва ли позволительно и говорить даже полезные вещи так, чтобы это было оскорбительно для тех, кому мы все-таки обязаны некоторым уважением. Защитники печатной невоздержанности говорят, что ведь это только такой тон и нельзя же посягать на форму выражения, употребляемую писателем. Мне кажется, что такое правило, как и всякое другое, не может быть принято без известного ограничения. Тон, конечно, есть моя индивидуальность; но разве можно безусловно следовать всем внушениям этой индивидуальности? Ведь сам писатель без сомнения рассердился бы, если б ему сказали: “вы лжете” — вместо того, чтобы сказать: “вы ошибаетесь” или “вы говорите то, что не согласно с действительностью; резкость выражения может заключать в себе прямую обиду, даже когда мы не имели намерения нанести ее. Не уметь воздержать себя от искушения сказать острое словцо или красивую фразу, когда мы рассуждаем о вещах серьезных, и притом рассуждаем всенародно, обличает легкомыслие, чтоб не сказать заносчивость и самолюбие, которое вряд ли заботится об одной только истине, а имеет в виду также эффект, производимый нами самими.

3 мая 1868 года, пятница

С конца апреля еще начались прекрасные весенние дни, а вот эти майские еще лучше.

Будущее и неизвестное есть вечный враг настоящего и известного.

В N 90 “Северной почты” второе предостережение “Москве”. Обидно, господа! Направление ваших идей верно, требования ваши справедливы, но не след поддерживать правое дело ругательствами: оно от того ни в чьих глазах не выиграет. Должно действовать логикою и фактами, честным делом и дельными осуждениями, а не оскорблениями, которых никто, ни частный человек, ни общество, ни правительство — не обязаны сносить.

Был на прощальном обеде, который академики давали своему товарищу Бетлингу, уезжающему на три года за границу.

9 мая 1868 года, четверг

Весьма неудобно произносить решительные приговоры о современных лицах и событиях, так как многие данные о них до поры до времени остаются неизвестными. Мне не раз приходилось смягчать или усиливать краски в своем первоначальном мнении о таком-то лице или событии, по мере того как разъяснялись обстоятельства, подававшие повод к такому или другому о них заключению.

На днях Н.И.Цылов, бывший председатель виленской комиссии по польскому восстанию, сообщил мне в рукописи весьма любопытные сведения об этом

восстании, извлеченные им из официальных документов, бывших у него в руках.

12 мая 1868 года, воскресенье

Неслыханный май по своему сиянию и теплоте, по крайней мере до сих пор. Гимназист тамбовской гимназии, восемнадцатилетний юноша Горский, убил семь человек, в том числе двух детей, мальчиков. Он действовал каким-то железным пестом и револьвером. Служанку он убил поленом. Полагают, что цель этого неслыханного злодейства было воровство. Не действовал ли тут религиозный и политический фанатизм? Горского ведено судить военным судом, и он приговорен к повешению.

14 мая 1868 года, вторник

Славянский мир… Что германские и особенно турецкие славяне добиваются самостоятельности — это понятно и естественно. Но непонятны и неестественны крайние претензии славянофилов на первенствующую роль между европейскими народами. Где их права на это? Что сделали они до сих пор для всемирной цивилизации, науки, искусства? Они все толкуют о *будущем* величии славян, о *будущей* их блистательной роли; но где пока залоги этой великой будущности? Какие услуги оказали они человечеству, чтобы так возноситься? Из всех славян вот выдаются только чехи, сербы и мы. Собственно мы одни, потому что мы одни успели основать сильное государство. Но и мы до сих пор льстим себя только надеждами. Не лучше ли прежде подождать их осуществления, а потом уже кичиться? Пока же поменьше заносчивости и побольше настоящей работы — не показной, а существенной, внутренней.

17 мая 1868 года, пятница

Май продолжает быть неслыханно хорошим. Ничто из того, что всещедрою природою дается человеку, не достается ему даром. Родится ребенок с страшными страданиями для матери; начнут прорезываться у него зубы, он страдает; начнет учиться — страдает; ум и мудрость житейская достаются ему тысячами страданий, и проч. и проч. И все это было бы ничего, если б имело какие-нибудь порядочные, крупные последствия, а то все разрешается несколькими горстями пыли.

28 мая 1868 года, вторник

Человек такой же крепостной работник природы, как и все другие ее создания. Все, что он сделал, делает и еще сделает в постепенном своем развитии, все делается в духе целого и для целого, и если он получает за то какую льготу, то лишь настолько, насколько это входит в намерения и планы природы, а вовсе не в силу его заслуг.

Если б у меня спросили: какой главный и несомненный признак ограниченного

ума? — я отвечал бы: высокое мнение о самом себе.

5 июня 1868 года, среда

И о чем они состязаются? О деньгах — это было бы понятно. О каком-нибудь наслаждении — и это можно было бы понять. Нет! Они хлопочут о том, чтобы какой-нибудь пустейший человек сказал: “О, он не глуп”, или: “Он умнее такого-то”.

Наконец, по словам А.С.Норова, в Государственном совете начинают серьезно рассуждать о способах ограничения пьянства в России и уже пришли к решению, что следует ограничить число кабаков. Пора! Но почему же прежде или раньше об этом не подумали? Тогда было бы предотвращено много бедствий и неурядиц, а может быть, и самый голод прошедшей зимы. Но гром не грянет — мужик не перекрестится.

Появилась брошюра об убийстве в Гусевом переулке, в которой рассказаны интересные подробности об этом злодействе и о том, как открыта преступница.

Нет ничего печальнее поблекшего и увядающего цветка.

17 июня 1868 года, понедельник

Покуда человек будет делать и терпеть зло, страдать и умирать, до тех пор какой же удовлетворительный результат вы получите от вашего пресловутого прогресса?

18 июня 1868 года, вторник

Слава Богу, у нас есть противоядие злу, происходящему от разных плохих мер и проектов, — это *несостоятельность*, которая не позволяет долго держаться ни одной мере.

NN. и хотел бы быть тем, что называется честным человеком, да не может, бедняжка. Требования честности слишком велики, и у него не хватает силенки переломить некоторые из своих скверных наклонностей, влекущих его обворовывать казну или, ради чина, ленты, аренды, подличать и пресмыкаться перед сильными.

24 июня 1868 года, понедельник

Румянцевский музей в Москве хочет выставить у себя портреты знаменитых русских людей и поручил написать их художнику Крамскому. В мастерскую к последнему на днях явился Дашков, директор музея, и, увидев, между прочим, портрет Фонвизина, уже списанный с отличного академического портрета, сказал:

— Как! Вы думаете, что и Фонвизин войдет в наше собрание? Неужели и он знаменитый человек?

На это Крамской возразил, что если писатели, отличающиеся своими дарованиями, составляют славу народа, то, конечно, Фонвизин имеет полное право на место в предполагаемой галерее.

— Ну, это еще вопрос, — отвечал Дашков. Страх перед вечностью есть чисто эгоистическое чувство. Следовало бы помнить, что мне не было худо, пока меня не было, и не будет мне хуже, когда меня не станет. Но жизнь, потому что она жизнь, никак не может понять своего уничтожения.

Что такое раскол? Протест против извне навязанного мнения.

25 июня 1868 года, вторник

Я понимаю систему *сдерживания*, но не допускаю системы *притеснения*.

Массы должны быть призываемы к содействию, когда это надо, но не к постоянному участию в управлении. К этому они и неспособны, и им некогда. Необходимы выборные люди.

26 июня 1868 года, среда

Вот подслушанный мною разговор между двумя крестьянами у мелочной лавочки и который я здесь буквально записываю.

Первый, средних лет: “Работать рад бы всею душою, да работы нет; воровать боюсь, просить милостыни не велят, что же тут делать?”

Второй, старик: “Умереть”.

Самое неблагодарное ремесло — делать людей счастливыми.

Почему нужна идея прогресса? Если б прогресс не стоял целью на всех стадиях нашего развития, мы лишились бы главного двигателя самого развития: ибо в идее прогресса мы только и почерпаем силы выдвигать из себя те элементы, которыми развитие осуществляется. Без этой идеи все бы в нас цепенело и останавливалось. Это дух жизни, возбуждающий и одушевляющий нас. Тут дело в идеале, без которого ничто великое и благое не совершается.

9 июля 1868 года, вторник

Пусть не будет аристократии политической, но нельзя отрицать аристократии природы, и она-то составляет человечество в благороднейшем, высшем смысле.

11 июля 1868 года, четверг

Весь июнь, июль представляют ряд таких жарких дней, каких я не запомню в Петербурге. И в течение этого времени только два раза шел дождь: раз в июне, а другой — третьего дня. От зноя чувствуешь себя неспособным и к работе. Вечера были бы прелестны, если бы не дым от горящих в окрестностях торфа и лесов:

выдавались дни, когда приходилось затворять окна от дыма. В Петербурге буквально каждый день пожары, а в иные дни так и по нескольку одновременно. В провинции угрожает голод — где от засухи, где от необыкновенных, чрезмерных дождей. Пьянство и воровство идут своим чередом.

13 июля 1868 года, суббота

Тише, тише, кони! Тише, пристяжная, к чему так выворачиваешь голову и откидываешь ноги в сторону? Коренная! Не скачи, иди мерно, слушайся кучера. Он не хочет, чтобы вы угораздили сами себя, повозку и его в яму или наделали другой какой-нибудь чепухи. Не надо, не надо этих скачков и прыжков! Рысь ровная, кое-где усиленная, кое-где живая, кое-где умеренная до шага, а главное — ехать по дороге, а не бросаться в сторону, доехать до станции, а не завалиться в ров или не попасть в какую-нибудь трущобу — вот что свидетельствует о хорошо выезженных лошадях и о хорошем кучере, который умеет ими управлять.

18 июля 1868 года, четверг

Дым, дым и дым, только не тургеневский, а настоящий дым, густой и едкий от горящих вокруг Петербурга лесов и торфа. Я был сегодня на дачах за Лесным корпусом, между прочим, у Княжевича; там дым гуще, непроницаемее и едче, чем у нас в Павловске. В Петербурге тоже. Когда я ехал по Литейному мосту, то с половины уже не видел противоположного берега с его зданиями. Всего сильнее бывает дым по утрам и по вечерам. Между тем жары великие, и дождя ни капли. В окрестностях Павловска начался падеж скота, то есть сибирская язва, которая и людей не щадит, если они неосторожно прикоснутся к зараженным членам коровы, лошади и т.д. Смертных случаев, однако, говорят, с людьми еще не было.

Если вы либерал с добрыми и честными намерениями, — действуйте; мы вас будем уважать, даже если вы и сделаете что-нибудь ошибочное. Но если за цветами либерализма вы скрываете змею, то есть свои какие-нибудь виды и видишки, хотя бы только продукт нашего маленького и притязательного самолюбьица, — мы вас будем презирать и обращаться с вами как с плутом, как с спекулянтом, которого надо всячески остерегаться, — с спекулянтом тем гнуснейшим, что он спекулирует на благородные принципы и благородные чувства.

Большая половина цены, приписываемой нами вещам, зависит от мнения, которое мы сами себе о них составляем, а так как мнения наши меняются, то и цена вещам меняется. Чтобы умерить наши желания или избавиться от страха, внушаемого нам многими вещами, стоит только очистить их от тех добавлений, какие придаются им нашим мнением.

3 августа 1868 года, суббота

Необычайные жары продолжаются. Вчера на солнце было сорок градусов, а в тени двадцать пять. Сегодня тоже. Поутру дым от горящих лесов и торфа был так

силен, что только за закрытыми дверями и окнами в комнатах можно было найти некоторое убежище. Впрочем, несколько дней тому назад был сильный дождь с грозою, которая убила в Царском Селе двух детей, а в Славянке — одну женщину.

6 августа 1868 года, вторник

Там, где оканчивается сфера науки, то есть где наука оканчивает свое дело, там начинается область веры. Для масс вера формулируется *другими;* человек развитой формулирует ее для себя сам в глубине своего сердца и совести. В первом случае является церковь и предание, во втором — разум и философия. Разум так же верует, как и церковь, только авторитет последней лежит вне верующего духа, авторитет же первого в нем самом.

Я люблю, чтобы каждая фраза была отчеканена так, чтобы выражающаяся в ней мысль значила не более и не менее того, что она есть.

8 августа 1868 года, четверг

На днях явилась гнусная прокламация от имени какого-то общества “ожесточенных”, оповещающего жителей, что оно будет производить пожары и воровства в отмщение за “невинно находящихся под арестом”. Эта мерзость в печати разослана ко многим лицам и даже послана в провинцию. Говорят, что полиция успела захватить экземпляров сто. Вот один из симптомов деморализации, которою страдает в настоящее время наше общество.

Я глубоко убежден, что крайняя демократия ведет к варварству. Повиноваться должны все, управлять могут немногие, которые, в свою очередь, должны повиноваться закону.

12 августа 1868 года, понедельник

Страшный дым продолжается. В комнате набралось его столько, что глаза кусает.

13 августа 1868 года, вторник

Дым еще небывалый, ужасный. Я сегодня ездил в город: вдоль всей дороги от Петербурга до Павловска, то же самое и в самом Петербурге. Владимирской церкви нельзя было владеть с угла Загородного. Впрочем, дышать было не тяжело, только глаза терпели. В половине дня пошел небольшой дождик, и горизонт заметно очистился.

Никогда человек не бывает столько виноватым, как тогда, когда сам себя считает безусловно правым.

Они думают опираться единственно на массы, и потому для них не существует привилегированных состояний. Дворянство, наследственная аристократия, конечно,

почти во всей Европе утратили свою силу и обаяние; но взамен их там выступила другая аристократия — аристократия ума, знания, таланта, словом, аристократия народной интеллигенции. Вот с нею-то труднее управляться. Наполеон III до сих пор управлялся, и некоторые другие захотели ему подражать, но мыслящая Франция, однако же, с каждым днем заявляет свои силы и подымается на ноги. Тут в конце концов несдобровать деспотизму, опирающемуся на массы.

7 сентября 1868 года, суббота

Был у князя П.А. Вяземского. Он мне читал свои замечания на роман графа Толстого “Война и мир”. Умные замечания. Потом гуляли по парку Царского Села. Сентябрь изумительно хорош.

9 сентября 1868 года, понедельник

Сентябрь продолжает быть щедрым на солнце и тепло. Запрашивай больше — что-нибудь да дадут, запрашивай мало — дадут меньше малого.

12 сентября 1868 года, четверг

Переезд с дачи. Стало вдруг сразу ужасно холодно. Два дня сряду были сильные морозы.

Не та книга умна, которая умна, а та, которая делает меня умнее, заставляет меня мыслить.

19 сентября 1868 года, четверг

Говорят, Самарин выпустил за границей “страшную” книгу против остзейских немцев.

Книга называется: “Русские окраины”. Я ее еще не читал и потому не знаю, страшная она или нет.

29 сентября 1868 года, воскресенье

Не одною полициею и штыками снискивается право господства, но добрыми нравами и умственным развитием. А каковы наши нравы? Воровство, мошенничество, пьянство — чуть не повальные у нас пороки. Общество наше деморализовано; наука наша слаба; мы до сих пор живем чужим умом. Своего мы мало привили к науке — разве нигилизм.

1 октября 1868 года, вторник

На спуске броненосного корабля на заводе Семенникова и Полетики. Был

государь и, разумеется, множество морских чинов. Момент спуска был действительно интересен. Корабль плавно, спокойно, величаво спустился в Неву и, проплыв некоторое расстояние, остановился. После завтрак. Между множеством речей и тостов принудили и меня сказать несколько слов. Я предложил тост “за процветание в нашем отечестве всякой рациональной деятельности, руководимой наукою”. Англичанин, корабельный мастер, сидевший за столом против меня, одобрил этот тост, но прибавил к нему еще “за труд и терпение”. После завтрака он подошел ко мне и крепко пожал мне руку.

7 октября 1868 года, понедельник

Вечером у П.А.Вяземского в Царском Селе. Он просил меня рассмотреть его “Поминки”, заключающие в себе стихи Бибикову и воспоминание о Бородинской битве. Мысли князя о значении истории и исторического романа чрезвычайно верны и глубоки, а воспоминания его — настоящие золотые блестки. Я пожелал ему еще долго мыслить, чувствовать и писать так, как он это делает теперь.

Многие удивляются тому, что я говорил речь на спуске .корабля 1 октября. Что же я мог сказать по поводу морского торжества? Чтобы самому не удивляться этому и не забыть своих слов, записываю здесь мою импровизацию.

“Позвольте, мм. гг., и мне сказать не речь, а несколько слов, внушенных мне прекрасным зрелищем. Вам, однако, может показаться, что мне, скромному представителю науки кабинетной, не след говорить здесь, в среде такой реальной и технической. Но ведь зрелище, при котором мы только что присутствовали, не есть дело какой-нибудь рутины, навыка, а дело науки, ее строгих приложений и выводов, результат ее огромных успехов. Итак, позвольте мне предложить тост за процветание в нашем отечестве всякой рациональной, наукою руководимой, деятельности — говорю всякой, будет ли эта деятельность относиться к постройке корабля, железной дороги, к сельскому хозяйству и дальше за этими вещественными сферами, там, где выработаны наши земские учреждения, наши новые суды, — словом, везде, где державная рука нашего просвещенного государя полагает чертежи и планы для лучшего строения земли русской. Я думаю, что при этом последнем условии и великий корабль нашего отечества успешно поплывет в океане истории навстречу достойной его будущности, завещанной ему гением нашего первого кораблестроителя Петра Великого. И тогда не будут нам страшны никакие бури, воздвигаемые нашими и внешними и внутренними недоброжелателями”.

13 октября 1868 года, воскресенье

Авраам Сергеевич Норов просил пересмотреть и, где нужно, поправить его статью по поводу романа “Война и мир”, о войне двенадцатого года и о Бородинском сражении. Статья любопытна, особенно подробности Бородинского боя, где Авраам Сергеевич потерял ногу. Итак, Толстой встретил нападение с двух сторон: с одной стороны — князь Вяземский, с другой — Норов, последний как очевидец. И впрямь, какой бы великий художник вы ни были, каким бы великим философом вы себя ни мнили, а все же нельзя безнаказанно презирать свое

отечество и лучшие страницы его славы.

14 октября 1868 года, понедельник

Что это за гадкая история со Скарятиным в Смоленске? Прогнать гостя из пиршественной залы за то, что он думает иначе, чем другие, и когда он ничего непристойного не сказал и не сделал! Если это правда, что скандал не был вызван никаким другим поводом, то ведь это варварство, а мы еще толкуем о всяких конституциях.

Довести механизм общества до такого состояния, чтобы в нем господствовали одни законы, а человек с его индивидуальностью и его волею был бы только их предметом и целью, — это ли задача новейшей так называемой социологии?

Вопрос между Польшею и Россиею, как и все вопросы подобного рода, не есть вопрос права, а силы. Это борьба за существование, из которой победителем всегда выходит только сильнейший. Оба противника равно хотят существовать — это законно и справедливо. Но существовать будет только тот, кто одолеет противников, — это тоже законно и справедливо по ходу вещей на земле.

24 октября 1868 года, четверг

Вечер у Корнилова Ив.П. Познакомился там с автором книги “История иезуитов в России”, священником Морошкиным. Очень живой и умный человек.

28 октября 1868 года, понедельник

Читаю, наконец, “Окраины” Юрия Самарина. Эта книга доказывает, что и у нас есть люди, хотя их и немного, с государственным умом и характером. Вещь очень умная и написана прекрасно, то есть без аффектации, убедительно и красноречиво.

А вот и ответ правительства на эту книгу: третье предостережение “Москве” с приостановлением ее на шесть месяцев (“С.-П. ведомости, N 292). Самое предостережение от 21 октября. Оно совершенно некстати. Известно, что “Москва” единодушна и единомысленна с автором “Окраин”. С этим трудно справиться — так бить его друзей.

7 *ноября 1868 года, пятница*

Если реальное образование может иметь то неудобство, что в нем заключаются семена материализма, то классическое ведет к абстрактам, а отсюда тоже. Бог знает, во что можно угодить. Все хорошо в меру.

10 ноября 1868 года, воскресенье

Прочитал книжку Кельсиева “Пережитое и передуманное”. Книжка написана с

замечательною легкостью и бойкостью, — так и видишь перед собою живого Дон-Кихота. И сколько Дон-Кихотов появилось у нас в последнее время! Какой-нибудь недоучившийся студент вдруг вообразит себе, что российские порядки и весь мир никуда не годятся и что он призван спасти этот мир и обновить Россию. И вот он начинает волноваться, бегать, проповедовать, писать прокламации, делать заговоры. Он принимает под свое покровительство массы народные, предлагает им себя в вожди — никто его не слушает, кроме агентов тайной полиции, в руки которой он, наконец, и попадает. Тут же выходит из него мученик и проч. и проч. Кельсиев такой же Дон-Кихот, только немножко покрупнее, то есть подаровитее других. Но и он так же несостоятелен со своими непрошенными проектами социальных, политических и всяческих реформ. Но, если ему верить, он действительно многое пережил, много перестрадал — и из-за чего? Чтобы убедиться, что он ничего сделать не может. Да ведь и Дон-Кихот немало потрудился и натерпелся и при конце своей жизни увидел, что жизнь его истрачена на пустяки. Во всяком случае, однако, Кельсиев не из дюжинных юных преобразователей и благодетелей нации и человечества, и если обращение его искреннее, то он человек мужественный.

16 ноября 1868 года, суббота

Вечер у Кельсиева, к которому мне хочется еще поближе присмотреться. Я получил очень милое и умное приглашение от его красавицы жены, которая в то же время отличная музыкантша.

17 ноября 1868 года, воскресенье

Сильные толки о действиях наших в западных губерниях. Говорят, что Потапов приехал сюда с проектами о ломке по крестьянскому делу всего, что было сделано Муравьевым и Кауфманом.

“Правительственный вестник” производит также немало толков. Говорят, тут был веден подкоп под Милютина, военного министра.

19 ноября 1868 года, вторник

Отдал Георгиевскому для “Журнала министерства народного просвещения” мою монографию о Галиче. Она писалась довольно долго, с перерывами, и будет напечатана не прежде января будущего года.

24 ноября 1868 года, воскресенье

Боже мой, что за хаос толков и мнений о современных событиях и лицах в нашем обществе! Нет решительно возможности составить себе сколько-нибудь правильное понятие ни об одном из них. И всякий спешит уверить, что вот то-то и то он слышал из верного источника, и старается слышанному дать такой цвет и вид, какой ему хочется, нимало не думая о том, что он искажает вещи и делает из правды

игрушку.

Никак не могу от самого себя добиться хоть малой доли довольства самим собою и более успокоительного взгляда на окружающий меня порядок вещей и на свою собственную судьбу. А между тем я так долго работал над этим и продолжаю работать.

Самопознание, самообладание, самоуправление — какие трудные и какие необходимые задачи для человека, стремящегося к самоусовершенствованию! Но неужели же это стремление должно оставаться без всякого успеха? Конечно, нет. Что-нибудь да приобретается в этом искании *лучшего самого себя* — но все это так мало, так ничтожно в сравнении с задачами, о которых я сейчас говорил.

Стоит ли, право, быть человеком, если дело состоит только в том, чтобы чувствовать, волноваться, колебаться, чтобы быть похожим на какое-то начатое и неоконченное здание, среди наваленных в кучу материалов, инструментов, лесов?

Верить ли в неоскудевающую производительность человеческой природы?

28 ноября 1868 года, четверг

Вечер у И.П.Корнилова. Здесь собираются лица, ратующие против поляков. Сегодня было множество их. Тут встретил я давно не виденного мною Петра Карловича Щебальского, приехавшего из Варшавы, чтобы взять на себя издание “Русского инвалида”. Беседовал долго с Головацким, приехавшим из Вильно, чтобы представиться государю, и проч. и проч.

Коялович после ужина читал свой биографический очерк недавно умершего митрополита Семашко. Написан живо, но, мне кажется, несколько дифирамбически.

Самая затруднительная вещь в нашем обществе — не разнообразие мнений, чему и быть надлежит, но неверность, противоречия в данных, на которых основываются эти мнения. Нет никакой возможности иметь сколько-нибудь точные сведения о событиях, обстоятельствах, лицах, о которых, однако, всякий составляет себе мнение и произносит его, как оракул. Вот, например, говорят, что чиновники в Северо-Западном крае, подвергнутые Потаповым остракизму, были невыносимо дурны, следовательно, вполне заслужили свою участь, и Потапов поступил хорошо. Другие считают их чуть не безгрешными и во всяком случае людьми, наиболее способными для деятельности в этом крае. Как тут добраться до правды?

В настоящее время ум так изверился, что никто не хочет ему верить, когда он рассуждает или говорит от собственного имени, и единственный способ обратить на себя внимание заключается в том, чтобы представить факт или сообщить какое-нибудь сведение.

29 ноября 1868 года, пятница

Вечером посетил меня Головацкий, Яков Федорович.

7 декабря 1868 года, воскресенье

Только тот не считает себя умнее всех, кто мудрее всех. Так ли виноваты в неразумении и своекорыстии наши государственные люди, как обвиняет их молва? Правильно ли это, и правдиво ли сложившееся мнение? Достаточно ли мы имеем сведений о ходе общественных дел и их причинах, чтобы теперь же произносить решительные приговоры о лицах, в них участвующих? Может быть, и Валуевы, и Потаповы, и Шуваловы оказались бы не совсем такими мелкими людьми, как о них говорят, если бы с точностью узнать обстоятельства, поводы и проч., на основании которых они действуют. Беда в том, что все мы судим по одним слухам, по данным, которые проверить мы не имеем никакой возможности. Во всяком случае справедливость требует быть умереннее и сдержаннее в приговорах своих.

2 декабря 1868 года, понедельник

Предостережение газете Киркора и Юматова “Новое время” за статью, в которой, в виде какой-то заграничной корреспонденции, описаны все обстоятельства, давшие. бытие “Правительственному вестнику”, и подкоп под военного министра и проч. (NN 210 и 232 газеты).

Правительство всегда могло бы найти себе преданных, способных и честных помощников, если бы оно было верно самому себе и не изменяло раз просвещенно и разумно принятой либеральной системе, потому что реакционное, ретроградное стремление или неверные, шаткие скачки то вперед, то назад никого из умных людей привлечь не в состоянии. Вся задача только в том, чтобы с твердостью заявлять свою волю, ни на йоту не отступать от данных льгот — крестьянского освобождения, земских учреждений, новых судов, свободы печати. И притом ни под каким видом не должно пугаться неизбежных частных злоупотреблений этими льготами или неловкого пользования ими вначале, а воздерживая эти частные нарушения спокойным и разумным обузданием, не считать их поводом для изменения или отмены того, что раз уже дано и чему надо дать время укрепиться и созреть.

Редактором “Правительственного вестника” взялся быть В.В.Григорьев, профессор восточных языков в здешнем университете.

20 декабря 1868 года, пятница

Кто ничего не уважает или не находит ничего достойного уважения, тот сам не заслуживает ничьего уважения.

22 декабря 1868 года, воскресенье

К министру народного просвещения являлись три дамы, в качестве представительниц от общества петербургских дам, с просьбою о дозволении открыть для них курсы высших наук. Под просьбою четыреста подписей. Министр, говорят, обошелся с ними грубо и, между прочим, сказал: “Все эти четыреста дам —

четыреста баранов, и половина из них записана в Третьем отделении”.

27 декабря 1868 года, пятница

Можно было бы с уверенностью сказать, что с двумя своими новыми учреждениями, земством и гласными судами, России нечего страшиться в будущем насчет своего внутреннего благосостояния. Поставив эти две ноги на железные рельсы, она может двигаться вперед бодро и спокойно, если только не будут ей мешать чиновничьи проказы, интриги неких высших господ да нигилистические выходки. Но я боюсь за Россию в одном отношении. Есть на ее теле одна смердящая, опасная рана вроде злокачественного карбункула — это почти повальная деморализация. Массы лишены понятия о *честности* и *долге*. Особенно этого рода нравственный недуг свирепствует между людьми так называемыми бывалыми, в сословии промышленников.

Есть две точки опоры, на которых держится нравственная деятельность народа — *идея чести и религия. О* первой пока нечего у нас говорить: она может развиться только со временем, вместе с другими плодами, которые нам сулит эмансипация. Религия… Народ наш не получает религиозного образования. Существует еще третья точка опоры, на которой у нас и держалось все, — *страх*, но эта пружина за последнее время сильно заржавела и ослабела; пора заменить ее новою, более целесообразною. Надо подумать и как можно скорее позаботиться о *нравственно-религиозном* образовании народа. Разумеется, к этому должно быть призвано духовенство. Но увы! Духовенство наше само лишено образования и того духа деятельности, которым совершаются хорошие, общественные дела. Оно само требует подъема.

У князя П.А.Вяземского на большом вечере. Я очутился в блестящем собрании графов и князей, графинь, княгинь и княжон с непомерно длинными хвостами. Я по обыкновению обменялся несколькими задушевными мыслями и словами с милою графинею А.Д.Блудовой. В одиннадцать часов произошло, между прочим, чтение. Маркович, отличный чтец, прочитал стихотворение князя Петра Андреевича к Бибикову и замечания его на “Войну и мир” графа Толстого. И то и другое действительно хорошо, и хотя князь читал уже мне их в рукописи, я все-таки прослушал их с новым удовольствием. Возле меня сидел князь Урусов и по обыкновению жестами и словами изъявил свой восторг, обращаясь ко мне. Этот князь Урусов весьма замечательная личность между нашими сановными и вельможными господами и заслуживает особой характеристики, которую я и помещу со временем в моих записках.

29 декабря 1868 года, воскресенье

Отчет мой в Академии читал Я. К. Грот. Погодин вызвал громкие рукоплескания чтением своим “О нашествии на Россию монголов”. К концу акта приехал черногорский князь Николай I. Я любовался его прекрасною наружностью. Молодость, благородство, приветливость сияют на его привлекательном лице.

1869

1 января 1869 года, среда

Канун Нового года дома. Зашел И.А.Гончаров. С ним и семьей и встретил Новый год. В природе распутно и мокро.

Думаю много о том, что следует в себе исправить: подлежащего такому исправлению много.

Есть книги, содержанием которых убеждаешься во время самого чтения, а потом, так сказать очнувшись и обдумав его, разочаровываешься и теряешь к нему доверие. Но есть такие книги или сочинения, идеи которых сперва принимаешь с недоверием, а уже после — припоминая их, вдумываясь в них, углубляясь в них — все больше и больше проникаешься их достоинством и радуешься, что с ними познакомился.

Роль старших — не останавливать порывы и стремления младших, а *приостанавливать*, во-первых, для того, чтобы, необузданно стремясь к лучшему, они не наделали худшего, а во-вторых, потому, что нельзя же дать миру наклониться на один бок и после известных кризисов или волнений надобно подумать и о равновесии. Если мир обновляется младшими, то старшими он живет и поддерживается.

6 января 1869 года, понедельник

Студенты опять начинают дурить: они предъявили свои требования о дозволении им сходок и проч.

13 января 1869 года, понедельник

Твердость характера есть признак здоровой нравственной организации и сильной воли; упрямство же — признак ограниченного ума.

14 января 1869 года, вторник

“Военный сборник”, 1869 г., январь — “Записки герцога Евгения Виртембергского, 1855 г.”. Между многими умными мыслями о России тут есть одно замечание, поразительное по своей верности: “Нет более верного средства сделать Россию страшным противником, как заставить ее, против воли, привести в движение все ее дремлющие силы”.

15 января 1869 года, среда

А.Г.Тройницкий прислал мне две внесенные в Государственный совет записки министра народного просвещения. Одна заключает в себе проект лицея Каткова и Леонтьева, а другая касается изменения параграфа университетского устава, чтобы избрание профессоров на пятилетие зависело не от двух третей голосов, а от абсолютного большинства. Он просил меня сделать мои замечания на эти записки. Проект лицея удивительно странен. Я отметил все его несообразности. Что касается изменения вышеупомянутого параграфа университетского устава, то о нем я намерен еще поговорить.

16 января 1869 года, четверг

Вечером у Тройницкого. Отдал ему мои замечания и сообщил мои соображения, с которыми он безусловно согласился.

23 января 1869 года, четверг

Сегодня в половине четвертого часа пополудни скончался Авраам Сергеевич Норов. Это меня глубоко огорчило. За исключением того времени, или по крайней мере второй половины его, когда он стоял во главе министерства, Авраам Сергеевич был мне близким человеком. Месяца два тому назад он заболел легкою простудою. Но болезнь, по-видимому, скоро прошла, и он начал выезжать. В это время мы вместе с ним ездили в Смольный монастырь на праздник обновления церкви. Потом он опять слегка заболел. Может быть, и это недомогание скоро прошло бы, если б он не ездил в Сергиевский монастырь на могилу своей жены, где окончательно простудился и за обедом у архимандрита лишнее съел. На третий день после этого я застал его уже в постели. Это было мое последнее свидание с ним. Ему с каждым днем становилось хуже. Умер он почти без физических страданий, сохранив память часов за пять до рокового часа и полное присутствие духа. Да, я очень огорчен. Я не хочу в нем помнить слабого, малодушного министра и не могу не помянуть добрым словом хороших, гуманных свойств его сердца и дружеского отношения лично ко мне. Ведь ничто не восстановляет так человека против человека, как зло, которое он ему сделал. Забыть это, протянуть обиженному руку, принять его прощение — право, требует не малой доли великодушия. Таков по крайней мере общий ход вещей на земле.

25 января 1869 года, суббота

Вынос тела Авраама Сергеевича: он будет предан могиле в Сергиевском монастыре, возле праха его двух детей и жены, Варвары Егоровны. На панихиде были: государь, наследник, великие князья Владимир Александрович и Константин Николаевич, принц Ольденбургский и много других почетных лиц. Из академиков были только я и Грот и уже к концу панихиды Бычков и Н.И.Кокшаров. Мне очень

хотелось бы завтра поехать к Сергию на самое погребение, но доктор не пускает из-за моего катара. За меня и за себя поедет жена отдать последний долг бедному Аврааму Сергеевичу.

Я отправил несколько слов к Краевскому о Норове для напечатания в “Голосе”.

26 января 1869 года, воскресенье

Избежим ли мы войны и на этот раз? Греция отказывается последовать решению Парижской конференции. Можем ли мы не поддерживать Грецию в случае войны ее с Турциею? Если это случится, то неизбежна всеобщая европейская война. Между тем мы, говорят, к войне не готовы: у нас даже нет ружей новой системы. Чего же смотрело военное министерство? Железные дороги тоже не достроены. А финансы наши? Вся надежда на народный дух и на испытанную стойкость наших солдат. Впрочем, Россия видала и не такие беды. Ведь и борьба с Наполеоном I в царствование Александра I застала нас не в лучшем положении.

Странные происходят во мне психологические явления. То в чувстве высшего миросозерцания и сознания своей нравственной силы я устанавливаюсь на твердых точках опоры и готов смотреть в лицо всяким превратностям вещей внешних и внутренних; то опять, срываясь с этих основ, упадаю духом и делаюсь игралищем самых постыдных колебаний, просто становлюсь малодушным и робким. И эти переходы от одного состояния к другому беспрерывны: подъем на гору и низвержение вниз, чтобы подняться снова на гору и снова с нее свалиться.

29 января 1869 года, среда

Почти весь январь оттепель и совершенная распутица. Ездят на дрожках. Сегодня сильный дождь и туман. Зима как будто совсем исчезла, и наступил март или апрель.

Во вчерашнем номере “Голоса” напечатана моя статья об А.С.Норове.

31 января 1869 года, пятница

Министр внутренних дел дал третье предостережение газете “Москва”, следствием чего, по закону, должно бы быть приостановление ее на шесть месяцев. Но делая об этом представление сенату, министр обвинил Аксакова в противозаконном и вредном направлении его издания, после чего сенату предстояло уже формально осудить редактора, запретив ему всякое издание на пять лет, или выразить мысль, что такого направления в газете он не видит.

Аксаков представил в сенат (1-й департамент) свое оправдание. Сенат его принял, а отсюда начинается уже род тяжбы между министром и редактором газеты. Это производит большой шум в публике. Сегодня мне говорили, что за разногласием в 1-м департаменте дело переходит в общее собрание сената. Час от часу не легче.

1 февраля 1869 года, суббота

Правду сказать, русская история представляет мало светлых сторон, и Карамзин, со всем своим талантом, мог сделать всего занимательнее в своем роде картину времени Иоанна Грозного. Я теперь занимаюсь чтением разных монографий времен послепетровских. Что за ужасная картина деспотического произвола, казней, олигархических козней и интриг, кнутобития, застенков и т.п. Отдыхаешь только на эпохе Екатерины II, потом опять опускаешься в пучину павловских безумий и ужасов. Век Александра I является в трагической борьбе за существование с Наполеоном и представляет несколько утешительных страниц, но и тут началось с проектов конституций, а кончилось аракчеевщиной и генерал-губернаторством Балашова. Но кто старое помянет, тому глаз вон. Мы находимся в периоде очищения от всякия скверны и в начале шествия нашего к лучшему будущему. Можно ли удивляться, однако, разным нашим нынешним неурядицам, деморализации и проч.? Чудовище прежнего мрака и безобразия, кажется, убито навсегда, но хвост его еще тянется. Ужасно трудно поправляются ошибки истории.

5 февраля 1869 года, среда

Ум может умствовать, как хочет, но сердце человеческое не может вынести ужасной мысли, чтобы вселенная могла пребывать без высочайшего существа, живого и бесконечно разумного.

7 февраля 1869 года, пятница

Празднование пятидесятилетия С.-Петербургского университета. Это еще только первый день. Сегодня панихида по государям Александре I и Николае I и по умершим профессорам, обедня в университетской церкви и молебен, который служил митрополит киевский.

8 февраля 1869 года, суббота

Акт в зале Дворянского собрания. Великолепное торжество совершилось в полном порядке. Накануне боялись, мне говорил товарищ министра, что студенты сделают какую-нибудь непристойную демонстрацию. Однако все обошлось как нельзя лучше, и всякий раз, когда с кафедры раздавалось имя государя, зала оглушалась громкими рукоплесканиями и криками “ура!” По прочтении рескрипта загремел народный гимн: два раза потребовали его повторения. Была объявлена самая важная из щедрот государя: сто стипендий, по триста рублей каждая. Наград на профессоров было высыпано многое множество — чинов, орденов и проч.

После акта должен был последовать студенческий обед. Мне очень не хотелось ехать. Однако я пересилил себя и уже оделся, но вдруг почувствовал себя дурно и остался дома. Видно, решимость моя была недолжная. Но отчего такое сильное нежелание ехать? Право, я и сам не знаю хорошенько. Главное, мне кажется, что я на этих многолюдных и шумных собраниях лишний. Мне говорили, что меня

жаждут видеть в кругу своем мои бывшие университетские слушатели. Но в моем сегодняшнем настроении духа мне это кажется скорее любезными словами, чем настоящим добрым желанием. *Кто* из них чувствует, *кто* из них понимает, *как я* старался, как я хотел быть им полезным? Да и точно ли был я полезен кому-нибудь?

Мне хотелось разослать профессорам к восьмому числу мою книжонку о Галиче. Но типография Головина так поздно доставила мне экземпляры, что только немногие из профессоров получили книжку вовремя.

Ректор предлагал мне участвовать в завтрашнем обеде, который дают профессора. Я отказался: нездоров телом и духом.

Но так как и на солнце бывают пятна, то и в юбилейном университетском торжестве были свои темные стороны. Так, например, записка о деятельности университета заключала в себе такие восхваления ему, что они и в устах сторонних показались бы грубою лестью, а в собственных его устах оказывались по меньшей мере нескромными и неуместными. И без того уже адресы накадили столько фимиаму, что становилось душно от него: тут по крайней мере говорили другие, а не сам университет о себе. Потом, рескрипт был чрезвычайно милостив, это правда, но в изъявлении чувств можно было бы пожелать побольше достоинства и, если можно так сказать, государственности, а то вышло уж чересчур сентиментально. Писал рескрипт граф Толстой. И как ему вообще часто недостает такта, то и тут недостало его, этого тонкого такта, который, как эфир, невидимо все проникает.

Но это не все. Университет в речи, сочиненной Григорьевым и прочитанной Андреевским, восхваляя выше меры самого себя, в то же время бросил камень во все другие специальные учреждения, представители которых сидели тут же и только что поднесли свои поздравительные адресы. В речи была выражена та мысль, что специальные учреждения не имеют никакого важного значения и не приносят государству пользы, а приносят ее только университеты.

А некоторые находят еще непристойность в том, что в одно и то же время провозглашены почетными членами университета: московский митрополит Иннокентий и профессор Медицинской академии Сеченов, представитель религии и церкви и известный материалист!

15 февраля 1869 года, суббота

Большой вечер у князя Вяземского, где, между прочим, был и наследник-цесаревич. Тут была читана драма князя Мещерского, слабое и скучное произведение, всем надоевшее своею длиннотою. В ней обвинялись журналы наши во всевозможных гадостях и даже злодействах, им приписаны даже петербургские пожары 1862 года. Я возвратился домой в два часа ночи, усталый и недовольный.

На вечере я, между прочим, познакомился с адмиралом Посьетом. Над ним был наряжен суд по случаю крушения фрегата “Александр Невский”, на котором плыл великий князь Алексей. Вчера состоялся приговор: Посьету строгий выговор, капитану корабля арест на месяц.

18 февраля 1869 года, вторник

Массам принадлежит сила производительная, но организующей и устрояющей силы у них нет. По справедливости, первую из этих сил можно назвать брюхом, а вторую — головою.

В Северной Америке всеобщее равенство, всеобщая свобода; но законодательствуют, управляют и руководят всем *лучшие,* то есть люди, наделенные высшими способностями и умевшие развить их, поставить на высоту общих возвышенных видов и задач. Дровосек Линкольн, портной Джонсон, наборщик Франклин вышли из народа и на этом только основании принадлежали к массе, по дарованиям же своим и развитию они стояли неизмеримо выше ее. Дело в том, что там, то есть в Америке, всякому открыты пути быть и делаться тем, чем он может.

20 февраля 1869 года, четверг

Обед у Делянова. Продолжительный разговор с министром. Тут были ректор нашего университета Кесслер, попечитель Харьковского округа Воскресенский, граф Сивере и проч.

21 февраля 1869 года, пятница

Излишние любезности и милости похожи на пар жарко натопленной бани, который уже не греет, а расслабляет.

25 февраля 1869 года, вторник

Внизу пьянство и грубое невежество, в середине неурядица и брожение умов, в верхнем слое отсутствие способностей, патриотизма и характеров. Право, иногда готов отчаяться в будущности России — но не отчаиваешься.

Дочь покойного Греча, Александра Николаевна, приходила благодарить меня за мое содействие тому, чтобы ей дарована была пенсия в 400 рублей в уважение ученых и литературных заслуг ее отца. Содействие мое заключалось в том, что я составил о ней записку, которая имела успех, чему, как кажется, помог и мой биографический очерк о Грече, напечатанный в академическом отчете. Вот и все мое содействие. Но она благодарила меня так, как будто я был главный виновник оказанной ей милости. Вот уж плата, никоим образом не соответствующая ценности самой вещи.

7 марта 1869 года, пятница

Посредством популяризации некоторых высших вопросов человечества, жизни и науки многие получают несовершенные о них понятия. Это бы еще не беда, но беда в том, что вместе с этим они усваивают себе и высокомерное мнение, будто они знают вполне то, что знают мало, поверхностно или чуть-чуть знают. Вследствие этого они и требуют себе таких преимуществ, какие или вовсе не принадлежат

человеку, или принадлежат ему только на высших ступенях нравственного и умственного развития.

16 марта 1869 года, воскресенье

Парадный обед в Римско-католической академии. Обыкновенное изъявление чувств уважения, любви и прочих принадлежностей католическо-польского обихода. Впрочем, на этот раз я имею слабость верить искренности этих изъявлений.

Еще один скандал не успел даже объясниться (кронштадтская драка солдат), как на сцену является другой: Медико-хирургическая академия закрыта. Разумеется, толкам нет конца, но никто ничего не знает верного о причинах и обстоятельствах этого печального события.

18 марта 1869 года, вторник

Герцог Лейхтенбергский, Николай Максимович, давал сегодня обед академикам по случаю избрания его в почетные члены ее с правом голоса в собраниях. Герцог угостил нас на славу: кушанья, вина, сервировка — все было царское. Но всего лучше были приветливость, добродушие и простота самого хозяина. Этикет здесь вполне отсутствовал, и была простая, общечеловеческая любезность и радушие. Вечер закончился жженкою. Герцог с каждым находил о чем побеседовать. Со мною он распространился о Малороссии, говорил, что очень ее любит за природу и за людей, с которыми успел лично и хорошо познакомиться.

19 марта 1869 года, среда

О происшествии в Медицинской академии все еще ничего достоверного. Впрочем, говорят, что здесь нет ничего политического. Давай Бог! Однако Наранович уволен, а на место его определен Козлов.

Мимо окошек промчались два отряда жандармов, говорят — для усмирения Технологического института.

20 марта 1869 года, четверг

Да, в Технологическом институте вчера действительно произошли беспорядки, для усмирения которых потребовалось содействие жандармов.

В “Голосе” напечатано известие, что и в московской Петровской академии прекращены лекции.

У самого безумного дела, у преступления есть своя логика, способная обольстить или уверить слабодушных и слабоумных.

Надо различать в консервативном начале две силы. Одна из них вредная, *задерживающая*, обращающая ход вещей вспять, противящаяся всякому движению вперед, всякому успеху. Другая — *воздерживающая* или сдерживающая движение

искусственное, возбуждаемое страстями, стремящееся *сломя голову* к какому-то неопределенному, мечтательному, утопическому совершенству.

21 марта 1869 года, пятница

Вот и в университете поднялось наше благовоспитанное юношество. У меня был профессор Благовещенский и рассказал мне печальные вещи. Студенты грубо приступили к ректору и к нескольким находившимся в университете профессорам, в числе коих был и Благовещенский, с требованием дозволить им сходки в стенах университета. Никакие увещания и объяснения не помогли. Шум, крик, даже ругательства раздавались в стенах мирного убежища науки. Наконец надо было обратиться к полиции. Когда приехал Трепов, шум несколько уже поутих. “Что вы, господа, тут затеваете?” — спросил у толпы обер-полицеймейстер. “Ничего! Вот мы берем здесь наши шинели, чтобы разойтись”.

Происходили, например, такие сцены: профессор читает лекцию, вдруг поднимаются несколько студентов и требуют прекращения лекции, потому что им теперь некогда слушать ее: они должны отправиться на сходку. Но когда профессор не послушался их и продолжал свое дело, буяны вышли, стали стучаться снаружи в двери аудитории, а потом, приотворив их, обратились с ругательствами к тем студентам, которые еще оставались в ней. “Подлецы, мерзавцы!” — кричали они.

22 марта 1869 года, суббота

Глупее всего — это печатные прокламации, которые студенты разбрасывали по городу и рассылали по некоторым редакциям газет. “Весть” напечатала такую прокламацию, разумеется с надлежащими комментариями не в похвалу сочинителей ее. Студенты обращаются к обществу, чтобы оно поддержало их требования, то есть, чтобы им дозволены были сходки для совещаний будто бы об “их делах” и чтобы их освободили от полицейской опеки, которую они считают для себя позорною.

23 марта 1869 года, воскресенье

Академики сегодня давали обед герцогу Лейхтенбергскому в отеле Донона. Обед оживленный и веселый. Герцог был в высшей степени любезен. Меня заставили провозгласить тост, но я был не в ударе и исполнил это плохо.

Человек, поощряемый наукою, особенно химиею, в бешеной погоне своей за наслаждениями, так называемым комфортом, не замечает, как он натыкается на множество таких невзгод и страданий, о каких прежде люди не имели понятия. Я уверен, что множество новых болезней нервных, мозговых и т.д. или усложнения старых произошли от разных усовершенствований материального быта.

11 апреля 1869 года, пятница

Либералы враждуют против абсолютизма правительства, и они правы. Но зачем

же они ограничиваются ненавистью к одному только этому абсолютизму, а не распространяют ее и на абсолютизм собственных мнений или той школы, к которой принадлежат они сами?

13 апреля 1869 года, воскресенье

Дело Аксакова в Государственном совете кончено. Определено: воспретить ему издание “Москвы”. Два члена подали голос против этого определения — Титов и Княжевич. Они видят в газете только неловкость, резкость суждения, но не признают вредным ее направления, за которое газета только и может подлежать запрещению.

Погодин следующим образом характеризует обоих Аксаковых, умершего [К.С.] и ныне живущего [И.С.]: оба лезут на нож, но один как слепой, а другой, издатель “Москвы”, с открытыми глазами бросается на него.

27 апреля 1869 года, воскресенье

Вчера и сегодня тепло, 15R. Душно в воздухе. Около девяти часов вечера началась гроза и продолжалась почти до часу ночи.

1 мая 1869 года, четверг

Вот уже шесть дней продолжается небывало прекрасная летняя погода. Три дня уже 20 градусов в тени. Нынешний день такой же.

3 мая 1869 года, суббота

Вечер у Кельсиева. Жена его устроила у себя музыкальный вечер. Сама она играла на фортепиано, и играла превосходно, да еще два юноши: один на виолончели, а другой на скрипке, и тоже хорошо. Сам Кельсиев отправляется в Америку искать хлеба. Там он намерен читать лекции о России. Положение его здесь в самом деле становится невозможным. Ему позволено жить в России, но у него отняли всякую возможность работать и добывать себе пропитание. Это довольно нелепо. Или не надо было дозволить ему въезд в Россию, или же доставить законное средство к существованию. Он хотел издавать газету — ему это не позволили. Тут, положим, есть основательные причины. Но были вакансии по службе, которые он мог бы занять с пользою для себя и для дела, — ему отказано во всех местах.

Майков рассказывал свой план поэмы из русской истории, или, лучше сказать, русской истории в стихах, проведенной по значительнейшим ее эпохам. Поэма эта предназначается для народного чтения. План хорош.

Таково печальное ничтожество человеческое, что лишь только начнем мы тщеславиться или возноситься умом своим, как тотчас и попадем в дураки и начнем делать глупости; лишь только возгордимся своим благосостоянием, богатством,

чинами, удачами в предприятиях, вообще успехами, сейчас с нами приключится что-нибудь отменно дурное.

8 мая 1869 года, четверг

Вчера был на международной цветочной выставке. Великолепное собрание цветов. Но все это невольники, выросшие в тепличных тюрьмах.

Власть ума есть самая законная из всех властей. Если это деспотизм, так пусть его будет: он все-таки лучше деспотизма масс или партий.

То, что может произойти хорошего от всех этих теорий, утопий, проповедуемых этими строителями и перестроителями человеческих обществ, очень сомнительно и во всяком случае принадлежит отдаленному будущему, а зло, ими порождаемое, делается теперь же, каждый день. Мудрено ли, что так называемые консерваторы и разумные либералы относятся ко всему этому критически, осторожно. И какое вы имеете право жертвовать настоящими поколениями в видах сомнительного блага будущих поколений?

15 мая 1869 года, четверг

Переезд на дачу в Павловск. Вот уже шестой год живем мы на одной и той же даче генерала Мердера. И ныне, несмотря на возвышение цен на дачи в Павловске, я плачу то же, что и в прежние годы. А цены возвысились по причине нашего глупого пристрастия ко всему иностранному, потому что музыкою будет дирижировать великий Штраус! Дирекция железной дороги, говорят, заплатила ему за сезон страшные деньги и чуть не на коленях просила его осчастливить нас своим присутствием.

19 мая 1869 года, понедельник

До сих пор май стоял чудесный, но вот вдруг сделался подлецом: сегодня всего 5R тепла.

Над людьми должны господствовать *закон и страх*, охраняющий закон. Все должны, хоть немного, чего-нибудь бояться: цари — революций, вельможи — немилостей, чиновник — своего начальства, богатый — воров, бедные — богатых, злоумышленники — судов и проч. Многие еще боятся черта, и, наконец, всякий человек боится Бога и смерти. Только под влиянием и прикрытием страха спасается наибольшее количество человеческих добродетелей и люди не погружаются совсем с головою в омут безнравственности.

Сердце мое преисполнено любви к людям, но рассудок внушает к ним часто презрение, а всегда — сожаление.

А отечество? Я люблю его, и как горячо люблю, хотя рассудок мой изобличает в нем, с одной стороны, глубокое варварство, а с другой, пожалуй, цивилизацию, но какую шаткую, фальшивую, чисто показную.

Ложь нас съедает. Мы до того залгались, что, установив у себя суд присяжных и земское самоуправление, тут же стараемся подорвать авторитет и силу закона *административными мерами;* а земскому самоуправлению дали губернаторов и председателей собраний с неограниченным или почти неограниченным правом парализовать все суждения и действия этих собраний.

На днях суд оправдал какого-то Павленкова по делам печати, и, говорят, совершенно согласно с законами, но III отделение административным порядком отправило его куда-то в ссылку.

Главное, нам недостает *искренности* и *прямодушия* в так называемых реформах. Одною рукою мы производим или стараемся произвести улучшения, а другою их подрываем; одною даем, а другою отнимаем. Мы установляем новые порядки, и тотчас же спешим сделать их недействительными, лишь только они начнут производить свойственные им последствия. Нам хотелось бы нового в частностях, с тем чтобы все главное осталось по-старому.

Самое трудное, но и самое существенное дело в анализе наших духовных явлений — это отделить в них *первоначальные естественные элементы* от наносных, пришлых, встречных, так сказать, рождающихся от разных влияний времени и обстоятельств.

23 мая 1869 года, пятница

Всякий век разрабатывает известную идею, наследованную им от прежнего или исторического хода событий. Но всякая такая идея состоит из двух элементов: один есть не иное что, как сознаваемая или чувствуемая истина жизни, влекущая к себе людей силою существенных потребностей настоящего; другой — присущее всякой идее начало бесконечного. Содействовать развитию первого элемента — долг всякого разумного деятеля, и в этом заключается настоящий разумный прогресс. Второй остается на долю тем псевдогениям, реформаторам и радикалам, которые рвутся из всех сил вести человечество к благам и совершенству неведомого будущего и тонут во всевозможных абстрактах и утопиях. Почему не дозволить им и этого? Пусть только они не выдают своих метафизических грез за дело и не обольщают ими невежественные головы, не заставляют их ловить воздух и заниматься игрою в агитации и революции.

Мы вменяем в достоинство и собственное непризнание своего достоинства.

Право ж, мы должны считать себя счастливыми и благодарить Бога за то, что живем в такое богатое умами время: в наши дни нет юноши, который не считал бы себя способным управлять вселенною.

8 июня 1869 года, воскресенье

В.А.Б. — вот образчик женщины, получившей поверхностное образование без определенного назначения, с одним стремлением к чему-то высшему, далекому, все и ничего не объемлющей женщины, имя которой легион. Я провел с нею часа

полтора. Она утомила меня бесконечными жалобами на жизнь. Она в отчаянии, что ум ее не может разрешить вопросов, которые толпою лезут ей в голову; она, по ее словам, не испытала в жизни ничего, кроме страдания от неудовлетворенных желаний. Она спрашивала у меня совета, что ей делать с ее страшным душевным недугом. Я присоветовал ей принять некоторую дозу верований и в погоне за своими мечтами не уклоняться от исполнения ближайших обязанностей. Конечно, она этому не последует, потому что верования не растут, как грибы, от одного теплого дождя: они требуют продолжительного ухода и зрелости; а исполнение обязанностей не может обойтись без усилий воли, от которых ум ее, носясь в беспредельных пространствах, совершенно отвык.

10 июня 1869 года, вторник

На Западе люди еще верят во что-нибудь, они верят в деньги или капитал, в труд, комфорт, некоторые сильно верят в науку. Мы ни во что не верим серьезно. У нас все как-то и мыслится и делается шутя, с каким-то юмором и ирониею.

Может быть, нам предстоит очиститься в огне революции? Однако не надо ускорять ее. Преждевременные роды нехороши.

Во мне происходит сильное колебание. Появилась у меня мысль съездить на свою родину, поклониться могиле моей матери, память которой я чту высоко, свидеться с последними оставшимися у меня родными, которых не видал лет двадцать пять, и пошататься по тем местам, где прошло мое детство и первые годы юности. Соблазн к этому велик: железная дорога до самого Воронежа, а там всего сто верст до Острогожска. Но желание это сильно оспаривается экономическими соображениями. Ведь, собственно говоря, к поездке меня никто не обязывает, ни долг, ни польза какая-нибудь, хотя Бессер (доктор мой) сильно напирает на последнюю; это просто “сентиментальное путешествие” a la Йорик, или, говоря несколько поэтичнее, *потребность сердца*. Но сердце сердцем, а не надо упускать из виду и других прочих соображений. Все это приводит мою голову и сердце в сильное брожение.

Я часто поступаю с собою словно католический фанатик: бичуя себя немилосердно из уважения к какой-то истине, которая является мне в тумане, в каком-то сером и непривлекательном виде. Право, следовало бы меньше умствовать и больше жить. Ведь часто наши умствования бывают похожи на умничанье. Боясь быть обманутым иллюзиями, попадаешь в когти такого скептицизма, в котором ни истины, ни радости.

11 июня 1869 года, среда

Кому не известно, что мы лишены духа ассоциации, что лишь только сойдется нас трое или четверо, чтобы предпринять какое-нибудь общее дело, общими силами, тотчас является дух раздора, то в форме сребролюбия, то тщеславия и самолюбия, и говорит, “вот и я среди вас”.

Каждому дню довлеет злоба его; мы как нельзя больше придерживаемся этого

правила. Один из сильнейших врагов наших — именно прилепленность к настоящему. Насладимся, напьемся сегодня как свиньи, до упаду, а завтра хоть трава не расти. Дайте мне сбыть мой гнилой товар и получить рубль на рубль барыша, нет нужды, что завтра во мне увидят плута и мошенника и будут уже избегать моей лавки, да сегодня-то я поживился.

Есть два рода презрения: одно соединено с негодованием и отвращением, это, так сказать, деятельное, положительное презрение. Другое соединено с сожалением и более отрицательного свойства. Оно скорее невнимание, чем что-нибудь другое.

Обыкновенно мы чем бываем сильны, тем и грешим. Сила наклонна к крайностям, а крайности сходятся с злоупотреблением, или, лучше сказать, они-то и есть злоупотребление.

12 июня 1869 года, четверг

Вот в нескольких словах характеристика России: массы народные — это полудикость, интеллигенция — это полуобразованность. Против первой надо вооружиться элементарными школами, против второй — строгою университетскою наукою.

15 июня 1869 года, воскресенье

Правительство унизило дворянство, а безмерною раздачею чинов и орденов отняло всякую цену и у этих возбудителей гражданского честолюбия. Осталось одно — деньги, и вот где, между прочим, одно из начал общественного разврата, отсутствие духа чести и проч.

18 июня 1869 года, среда

Там, где человек не заслуживает презрения, он возбуждает сожаление.

В Варшаве открывается университет. Многие этим недовольны, боясь, чтобы университет в Польше не сделался очагом самых зловредных замыслов против России. Я полагаю, что это преувеличено.

Говорят, что преподаватели в этом университете будут все русские. Да где их возьмут, когда в наших собственных университетах остается столько незанятых кафедр по недостатку людей. Определить же в новый университет кого попало — значило бы сделать себя всеобщим посмешищем. По мне, пусть открывают университет, но прежде заботятся о средствах устроить *хороший* университет. Но мы всегда были богаты задним умом.

19 июня 1869 года, четверг

Бывали, конечно, и со мною припадки глупейшего из тщеславий: желание шума, народной молвы, рукоплесканий, но я старался тотчас подавить в себе эти

влечения слабой натуры и теперь совершенно окреп в своем равнодушии ко всем подобным проявлениям популярности. Это не то, чтобы я сделался нечувствительным к одобрению общественного мнения, как бы оно ни было у нас шатко, но раздаваемые им, так сказать, знаки отличия меня решительно не прельщают. И это опять не потому, чтобы я в принципе их не ценил, но потому, что раздача эта сделалась у нас похожею на раздачу орденов и чинов, которые, как дождь, сыплются на всех без разбора, на достойных и недостойных. Все эти торжественные манифестации и овации с разными спичами, восхвалениями, пожеланиями часто подгулявших приятелей и т.п. до крайности опошлились, и сделаться предметом их — вовсе не значит быть признанным в своих заслугах, а только быть поводом к более или менее шумному препровождению времени, а чаще всего — к насыщению тщеславия их изобретателей и участников.

24 июня 1869 года, вторник,

Отправляюсь в путь в два часа с почтовым поездом в Москву.

21 июля 1869 года, понедельник

Возвратился в Петербург.

14 августа 1869 года, четверг

Они хотят устроить так быт человеческий, чтобы в нем не было ни богатых, ни бедных, ни умных, ни глупых, ни даровитых, ни посредственностей, то есть они хотят уничтожить все различия, которые даст жизнь, всякое движение, все то, из чего состоит история. Это выходит социальный нигилизм, почище нигилизма наших бедных студентов.

Впрочем, и все эти затеи что же такое, как не то же вечное движение, которым живет человечество? Дело не в том, чтобы исполнилось по всем этим учениям, а в том, чтобы эти учения существовали, как один из элементов, из которых вырабатывается истина.

Всякая так называемая культура имеет право на внимание, если она образовалась исторически.

15 августа 1869 года, пятница

Вечером, возвратясь с прогулки, я совершенно неожиданно застал у себя Михаила Владимировича Юзефовича, приехавшего из Киева. Это один из самых ранних моих друзей — друг юности, с которым я в первый раз встретился в Ельце, где я жил у дяди его, дивизионного генерала Д.М.Юзефовича. После того, лет пятнадцать тому назад, я виделся с ним в Петербурге. Теперь это один из ревностных деятелей и поборников русского дела в Юго-Западном крае.

16 августа 1869 года, суббота

Был в Царском Селе, чтобы повидаться с Юзефовичем. Не застал дома, но познакомился с его женою и дочерью.

Недавно объявлено было в печати, что один из почтальонов городской почты пойман в воровстве почтовых марок. У него нашли восемь тысяч распечатанных и брошенных писем, с которых он снял марки. Говорят также, что учинено воровство марок и с писем, отправленных за границу и в провинцию. Вообще наше почтовое управление представляет неслыханный образец безобразия с тех пор, как оно присоединилось к министерству внутренних дел. Письма, деньги пропадают на почте; газеты и журналы не доходят по своему назначению в губернии. Это сделалось до того обычным, что и жалуются на это только слегка. Между тем сколько интересов терпят от этого беспорядка в одном из важнейших отправлений общественной жизни!

18 августа 1869 года, понедельник

Лучшее положение, какого с помощью успехов науки и цивилизации может желать и может достигнуть человечество, это то, когда оно сделается довольным тем, что *есть,* и перестанет думать о том, что *будет.* Но что произойдет тогда с пресловутым прогрессом?

20 августа 1869 года, среда

Отправил письмо к воронежскому епископу Серафиму и книжку мою о Галиче.

Юзефович читал мне свою драму “Мазепа”. Она не лишена драматического интереса.

22 августа 1869 года, пятница

Отличный мороз.

Присутствовал в качестве свидетеля и чего-то вроде восприемника при обращении католика в православие, Б.А.Павловича, кандидата Киевского университета. Обряд совершал священник университетской церкви Солярский.

29 августа 1869 года, пятница

Счастлив тот, кто одарен богатым воображением и умом, властным настолько, чтобы созидать в себе и для себя иллюзии. Он творец своего блага. Но пусть он умеет отличать эти иллюзии от действительного хода вещей — это необходимо, иначе он станет в слишком явное противоречие с действительностью и сделается жертвою ее натиска. Но это не помешает ему наслаждаться своим творчеством и притуплять язвительное жало этой самой действительности.

31 августа 1869 года, воскресенье

Вот некоторые находят панацею против всех зол — современных умственных шатаний, материализма, нигилизма и проч. — в греческом языке. Я вчера сильно оспаривал это. Мне доказывали даже, что без греческого языка нельзя правильно мыслить.

Я всегда принадлежал к одной партии: партия эта — человечество и Россия, и ей старался я служить честно.

1 сентября 1869 года, понедельник

Перемена погоды. Сумрачно и холодно; впрочем, все еще очень недурно. Деревья, правда, начали желтеть, но только молоденькие березки и липы; более старые деревья еще мужественно противятся натиску времени.

Вчера вечером произошел пожар в солдатской слободе. Сгорело два дома. Причина обыкновенная: неосторожность пьяных слуг, — вчера был праздник.

9 сентября 1869 года, вторник

Переезд с дачи.

Человек живет своим творчеством, то есть способностью созидать себе иллюзии.

16 сентября 1869 года, вторник

Массы могут быть проводниками свободы, но не могут быть хранителями ее. Да и проводниками они бывают наподобие судоходных каналов, которые несут грузы от места к месту, но не знают, какие это грузы и из чего они состоят. Поэтому-то на массы, или на демократию, могут с равною для себя выгодою опираться самый суровый деспотизм и самый крайний либерализм.

Едва какое-нибудь учение или идея сверкнут в европейской науке или жизни, мы, русские, с жадностью бросаемся на них и чуть не идола делаем себе из них. Но вот является новое учение, новая идея, и мы, не успев даже хорошенько заглянуть в лицо первым, бросаем их и сломя голову мчимся вслед за новыми, с тем чтобы поступить и с ними так, как поступлено с прочими. Вчерашнее у нас уже отсталое; только сегодняшнее достойно удивления и хвалы. Но пройдет несколько часов, сегодняшнее сделается вчерашним и т.д. Не так ли поступают дети со своими игрушками?

25 сентября 1869 года, четверг

Мы слишком регламентировали и формулировали развитие наше со времени Петра и теперь приходим часто в недоумение, что все в России идет как-то иначе, чем предписывалось и предполагалось. А между тем это очень простое и

естественное явление. Каков бы ни был русский народ, какова бы ни была его жизнь, он прокладывает себе свою дорогу, к худу ли, к добру ли — мы этого не знаем, однако так, что ею управить кому-нибудь одному невозможно. Правительство направляет его туда, мыслители и передовые пихают его сюда; но ни те, ни эти не хотят знать, способен ли, может ли, должен ли он идти туда или сюда? Будущее русского народа в нем самом. Или он выработает его в себе своеобразно и надлежащим образом, или сопьется с круга — но ничто не будет *препятствовать его нраву.*

Это не значит, что надо сидеть сложа руки, — этого не допускает простой закон: всякий неудержимо побуждается к какой-нибудь деятельности; но дело в том, что все перемелется, и будет мука.

Но есть множество таких дел, которые не стоят того, чтобы их делали умные люди.

Но если человек в развитии не насилует и не извращает природы, он все-таки меньше терпит.

8 октября 1869 года, среда

Сегодня навестил меня А. В.Тимофеев, с которым мы не видались лет двадцать пять. Он когда-то много писал, и его читали, а Сенковский было произвел его даже чуть не в гении. Впрочем, он не лишен дарования и умен, только не было твердости в его идеях и обдуманности в распорядке их. Да он и мало имел познаний. С нравственной стороны он всегда отличался добротою и благородством. Мы были с ним близки, когда он жил в Петербурге. Он женился на богатой девушке и затем жил в Москве, где и поднесь живет в независимости и спокойствии.

Оргия идей — наш век богат ими до излишества. Многие упиваются ими и так называемыми доктринами до чертиков, когда им начинают мечтаться такие чудеса, которым и места нет на земном шаре, а есть только место в мозгу их изобретателей да разве в доме сумасшедших, да еще в восторге всевозможных равенств — равенство достояний, умов — трепещет “святая каналья”, и Виктор Гюго требует из Лозанны всеобщей резни как залога будущих неисповедимых благ. Странно, что никто не спросит у этого яркого защитника демократии и бедных, почему он своих полмиллиона франков, взятых с книгопродавцев за плохой роман, не разделит между собою и страждущею меньшею братиею? Хоть бы половину отдал им! Но он даже пожалел ста франков на памятник Ламартину, который хоть был тоже порядочный мечтатель, но честный человек и не был ни таким свирепым кровопроливцем, ни таким пустозвонным защитником низших братьев. Фразы, фразы и фразы!

Министр внутренних дел приготовил ко внесению в Государственный совет проект о некоторых изменениях и дополнениях в законах о печати стеснительного свойства. Несколько времени тому назад начали появляться по этому поводу статьи в газетах: “Московских ведомостях”, в “Голосе”, в “С.-Петербургских ведомостях”, сильно нападавшие на этот проект, известный в публике, впрочем, еще только по слухам. Теперь министр остановился с ним и не дал ему ходу. Говорят, причиною

тому был великий князь Константин Николаевич, который даже выразился, что мы, то есть общество и правительство, многим обязаны печати и что потому было бы крайне несправедливо и неблагоразумно ограничивать ее новыми стеснениями.

14 октября 1869 года, вторник

Древо жизни зеленеет и цветет под влиянием светлых надежд и теплых верований юности, но недолго. Потом холод опыта и бури общественных превратностей поражают его, листья опадают; обнаженное, ободранное дерево жизни стоит одиноким и пугает прохожего своим безобразием.

25 октября 1869 года, суббота

Вечер у Ивана Петровича Корнилова. Исполнение по циркуляру Потапова насчет земли крестьян Северо-Западного края приостановлено. Но Потапов остается во всем своем блеске и могуществе. П.Н.Батюшков и Шестаков уволены. Проект Тимашева о некоторых ограничениях по делам печати, говорят, опять пойдет в ход. Все это производит много толков и неудовольствий в известной части публики, то есть интеллигентной и патриотической.

Человек не был бы человеком, если бы он не делал глупостей, не работал, не страдал, не умирал.

Вот одна черта из характера покойного государя Николая Павловича.

У Норова Авраама Сергеевича был старший брат Василий, человек очень умный, как о том свидетельствуют находившиеся у меня письма его к родным, история 1812 и 1813 годов (напечатана, но у меня была в рукописи) и многие его литературные заметки, находившиеся у меня также в рукописи. Этот Василий Норов служил в гвардии, в полку, которым командовал Николай Павлович, в то время великий князь. Был смотр полка. Великий князь приехал в дурном расположении духа. Обходя ряды солдат, он остановился против одного офицера, возле Норова.

Физиономия ли этого офицера не понравилась великому князю, или он неловко, как-нибудь не по темпу пристукнул ногою, только его высочество сильно разгневался на него, схватил его за руку и ущипнул. Затем он направился к Норову, но тот, не допуская его к себе на два шага, сказал: “Ваше высочество, я щекотлив”.

Через два или три месяца случился новый смотр. Был день ненастный, и как раз у места, где стоял Норов со своим взводом, образовалась огромная лужа. Великий князь был на коне; приближаясь к луже, он дал шпоры лошади, которая, прянув в лужу, окатила Норова с ног до головы. По окончании смотра Норов явился к своему полковнику и подал просьбу об отставке. Его любили все товарищи в полку и тоже объявили, что и они подают в отставку. Полковник не знал, что делать, и довел обо всем до сведения государя. Его величество сделал выговор его высочеству, и дело уладилось.

Прошло несколько лет. Николай Павлович вступил на престол. Настало злосчастное 14 декабря. Норов был привлечен к делу, не как участник бунта — чего

не было, но как знакомый со многими из его участников. Тут дорого пришлось поплатиться бедному Норову. Его посадили в крепость, продержали несколько лет в заключении, кажется в Ревеле или в Риге; потом, по просьбе матери, выпустили из крепости и отправили солдатом на Кавказ. Там он тоже пил горькую чашу несколько лет. Наконец мать, чувствуя близость своей кончины, написала слезное моление к государю о дозволении приехать сыну принять ее последний вздох. На это было дано соизволение, а потом Норова уволили от службы солдатом и запретили ему въезд в обе столицы. Измученный таким образом и полуубитый, этот даровитый, умный и честный человек еще просуществовал кое-как несколько времени в деревне. Авраам Сергеевич не мог без глубокой скорби вспоминать об этом брате, которого он горячо любил и который заслуживал любви всех, кто сколько-нибудь знал его.

(Анекдот этот я слышал из уст Аврааму Сергеевича, сестры его жены — Веры Егоровны Паниной, и племянника его, Поливанова. Вариант: Василий Сергеевич Норов, бывши еще мальчиком и находясь в обществе великого князя Николая Павловича, тоже еще ребенка, в игре чем-то огорчил его, и это вспомнил его высочество на смотру. О щипке я слышал не от самого Авраама Сергеевича, но от других названных лиц).

1 ноября 1869 года, суббота

Пишу биографию А.С.Норова к 29 декабря. Ужасно трудно добывать сведения.

Потапов явился в новом блеске славы и придворного величия, хотя и доказано в Главном крестьянском комитете, что он действовал не умно и вредно. Виленский губернатор Шестаков и Батюшков сменены, говорят, за то, что они сообщили точные сведения о потаповских деяниях в редакцию “Московских ведомостей”. Первый, сверх того, приехал в Петербург и подал записку, сущность которой в том, что он затрудняется исполнять предписания генерал-губернатора, извращающие высочайшие повеления.

2 ноября 1869 года, воскресенье

Туча, грозящая печати, все ближе и ближе надвигается. Князю Урусову поручено составить комиссию для начертания новых законов о печати. Но так как комиссии этой заранее дана задача составить законы репрессивного свойства, то немного находится охотников быть ее членами. Приходится назначать членов, не спросся предварительно их согласия. Так Урусов и поступает. Он, между прочим, назначил кассационного сенатора, моего благородного дядю Марка. Сегодня он заезжал ко мне поведать свое горе. Он был у министра юстиции для объяснений, но выходит так, что ему, кажется, не миновать этой чаши.

5 ноября 1869 года, среда

Указ князю Урусову о назначении его председателем комиссии для составления

правил о печати.

Князю Урусову поручено отыскать философский камень, то есть издать такие законы о печати, которые бы равно удовлетворяли и правительство и общество и, ограничивая свободу мысли, в то же время не мешали бы ходу науки и образования.

Надо поставить вопрос честно и ясно: хочет ли правительство разделить с обществом, то есть с интеллигентною частью его, заботы о безопасности и благе народа или оно думает достигнуть этого единственно посредством своих агентов — своей администрации?

Не годится дождаться того, чтобы общество, вразумленное горькими опытами, вырвало само из рук правительства возможность распоряжаться своими интересами. Когда-то были сказаны очень умные слова: *надо начать сверху, чтобы не начали снизу.*

Есть пороки омерзительно гнусные, есть страшные, пагубные, есть грубые, но глупее гордости нет ни одного.

11 ноября 1869 года, вторник

Печать есть символ времени.

Хотите ли, законодатели, чтобы в обществе уважались и исполнялись ваши законы? Уважайте же и исполняйте их сами.

В высшей степени безнравственно заставлять других исполнять то, чего я сам не признаю и не уважаю.

Я знаю много глупых вещей на свете, но глупее гордости нет ничего.

20 ноября 1869 года, четверг

Начинать многое и ничего не кончать — это одно из свойств нашей русской натуры.

22 ноября 1869 года, суббота

Превосходная статья А.Д.Градовского в “Судебном вестнике”, в которой разбирается вопрос: *совместна ли свобода печати с самодержавием?* Автор решает вопрос, конечно, утвердительно. Разумеется, истины, высказанные им, не вразумят тех, кому всего нужнее вразумляться подобными истинами: для этого надобно иметь ум пошире и посолиднее ума жандармского офицера — а там, увы, таковых не имеется.

Обычный вечер у Корнилова. Много посетителей. Все умы заняты одним — судьбою печати. Самые зловещие слухи ходят. Повторяют фразу, сказанную, как его называют, новым Аракчеевым, Шуваловым: “Надо зажать рот печати”. Словом, паника всеобщая. Ожидают худшего, чем во времена николаевские.

Газеты становятся видимо бледнее и бледнее. Я говорил об этом с Краевским. “Невозможно”, — отвечал он…

Никогда еще никакая реакция не успевала остановить роста и развития известного рода идей, когда они вырастали на почве истории и действительности общественных нужд. Она только замедляла ход вещей, но тем самым содействовала роковому кризису.

23 ноября 1869 года, воскресенье

Скверно внутри. Нельзя быть равнодушным к общественным делам, а они из рук вон плохи, хотя, по всегдашнему настроению моего духа и по воззрению моему на жизнь и на человека вообще, я мало путного от них ожидаю. А все-таки никак нельзя освободиться от грустных и досадных впечатлений, от всей этой чепухи, шуваловщины и проч.

Впрочем, не все же петь иеремиады: или дух человеческий живуч, так он все это переделает (перемелется — будет мука), или, выбившись из сил, он распустится и исчезнет — ну, так тогда туда ему и дорога.

В четверг на этой неделе был собран совет для суждения о “Московских ведомостях” и вообще о печати. От каждого из членов было взято слово, что он не передаст никому того, что будет говорено на этом совете. В обществе боятся, что из этого выйдет что-нибудь нехорошее для печати. Говорили даже, что “Московские ведомости” уже запрещены.

Едва ли не одной несообразительности австрийского правительства мы обязаны тем, что славяне оказывают нам расположение: приласкай их только оно, и эти братья не преминут отлично напакостить нам.

13 декабря 1869 года, суббота

“Московские ведомости” на этот раз устояли. На них, говорят, была поднята жестокая буря Шуваловым и Тимашевым. Государь составил под своим председательством совещательное собрание из разных доверенных лиц и велел ему рассмотреть обвинительную шуваловско-тимашевскую записку. По выслушании ее, в защиту печати вообще и “Московских ведомостей” в особенности, выступил князь Горчаков. Он, между прочим, объявил, что, при настоящем положении международных дел, у нас необходимо существование независимой печати. Тем дело и кончилось.

15 декабря 1869 года, понедельник

Опять какие-то гнусные прокламации, обращенные к массе народа. Книгопродавец Черкесов арестован. Говорят, арестованы и еще несколько человек. В московской Петровской академии убит один студент, говорят, своими же товарищами. Преступление это будто бы имеет политическую подкладку.

28 декабря 1869 года, воскресенье

Второе отделение Академии наук избрало в адъюнкты свои известного славянофила Гильфердинга. Общее собрание забаллотировало его. И вот поднялась страшная буря между славянофилами, которые осыпали Академию ругательствами. Тут немцы всему виною, то есть немцы-академики, которые не выбрали Гильфердинга потому будто бы, что он ратует против них и отстаивает интересы славян. Тут видят целый заговор этих немцев против русского патриотизма. Старик Тютчев разразился стихами, которые напечатаны в “Голосе”.

Ко мне заезжал один академик склонить меня, чтобы я не был на обеде, на который обыкновенно собираются академики каждый год после акта, то есть чтобы Второе отделение учинило демонстрацию большинству, не избравшему Гильфердинга. Я отвечал, что на обеде собираюсь быть. “Я очень сетую, как и вы, — сказал я, — что наш выбор не прошел в общем собрании. Но ведь мы члены не одного отделения, а члены Академии и не должны быть участниками раздора, который в ней хотят возбудить. Наша демонстрация, особенно теперь, была бы именно такого свойства, что должна была бы быть сочтена за объявление войны с нашей стороны всей Академии. Прилично ли, полезно ли вносить эти дрязги в ученую корпорацию? Иные видят здесь какой-то заговор антинациональной партии, а я вижу обыкновенный случай, один из тысячи случающихся в коллегиях, особенно больших, где большинство не соглашается с меньшинством и кассирует его решения и выборы. Всякий клал свой шар по своему разумению и совести, и т.д. и т.д.”. Товарищ уехал от меня недовольный, сказав, что он сам на обеде не будет. Через несколько часов, однако, он прислал мне записку, в которой говорит, что, обдумав все после разговора со мною, он решается быть на обеде.

29 декабря 1869 года, понедельник

Акт в Академии наук. Читали: Веселовский — общий отчет, Грот — о присуждении Далю за словарь Ломоносовской премии, я — биографический очерк Норова. По программе я должен был читать второй; но вице-президент просил меня, не соглашусь ли я читать после Грота, так как некоторые из членов Государственного совета хотели приехать из заседания послушать мою речь. Мне решительно было все равно, когда читать. Чтение Грота было очень интересно в филологическом или, лучше сказать, в лингвистическом отношении. Моя речь была принята очень хорошо, и я получил многое множество рукопожатий. Правду сказать, эта речь стоила мне большой работы, и я рад, что она сошла так успешно.

После акта обед у Донона, как обыкновенно, простой, семейный, дружеский. Я уехал домой в девять часов, очень довольный, что дело обошлось без всяких демонстрации.

Каждый готов грызться за свою кость.

31 декабря 1869 года, среда

Конец 1869 года.

1870

3 января 1870 года, суббота

Дочь почтенного семейства, отец которого состоит комендантом Петергофа, А.М.Евреинова, бежала в Женеву, чтобы присоединиться там к революционной партии, действующей против России под председательством Бакунина. Известно, что там проживает множество русских мужчин и женщин революционного закала, которые даже иностранцев удивляют своими неистовыми радикальными тенденциями.

Что хуже: злоупотребление свободы или злоупотребление власти?

Распущенность нравственная и отсутствие дисциплины в наших средних учебных заведениях дошли до того, что когда в симферопольской гимназии необходимость побудила выключить из заведения трех негодяев-учеников, то начальство, при исключении их по приговору педагогического совета, дало им хорошие аттестации в поведении. Интересно, что в протоколе совета все проделки этих негодяев значатся, а поведение делателей этих проделок одобрено официально.

4 января 1870 года, воскресенье

Познакомился сегодня у Савваитова с Иаковом, архимандритом московского Даниловского монастыря, который вызван сюда для посвящения его в архиереи. Он показался мне человеком и умным и обширной учености.

Я не боюсь борьбы ни с немцами, ни с самими чертями, но надо, чтобы, во-первых, право было на моей стороне, а во-вторых чтобы борьба была необходимостью, а не следствием задора или, как то ныне в моде, погони за популярностью.

9 января 1870 года, пятница

N 5 “Судебного вестника” конфискован за статью, в которой доказывается, что III отделение не должно существовать. “Московские ведомости” получили предостережение, следствием чего, вероятно, будет их прекращение.

10 января 1870 года, суббота “

Прочитал конфискованную статью “Судебного вестника”. Статья умная, хорошо и правдиво написанная. Редактор был призван к Шувалову. Ему сделано внушение и обещано при другом подобном случае полное применение к нему

принципов III отделения. Откровенно и утешительно.

“Московским ведомостям” сделано предостережение; месяц тому назад они были найдены невинными и полезными. Редакторы, должно полагать, откажутся от издания, и мы лишимся одного из лучших наших печатных органов, и само правительство — одной из своих сил. Ретроградная партия работает успешно.

Это переходное время, говорят. Мне кажется, идея о переходном времени в сущности совсем неосновательна.

Всякое время есть переходное, оно всегда отходит от прошедшего и идет к будущему и стоит между тем и другим. Хотят ли этим сказать, что оно приготовляет положение вещей в будущем? Да какое же время не делает этого? Что в настоящем только начинается, то разрешается в будущем по законам развития и постепенности. Можно только сказать одно, что в иное время накопляется больше материалов для разрешения в будущем; но нельзя же сказать, что настоящее только этим живет, что у него нет своих нужд и интересов, которые должны быть теперь же удовлетворены. Было бы странно делать из настоящего только какого-то докладчика будущему.

11 января 1870 года, воскресенье

Бесконечные толки по поводу “Московских ведомостей” и “Судебного вестника”.

13 января 1870 года, вторник

Умер Герцен. В сегодняшнем номере “С.-П. ведомостей” о нем сказано несколько недурных слов.

Что за путаница такая в наших современных событиях?! Я прочитал статью “Московских ведомостей” во втором номере, за которую сделано им предостережение, и решительно не понимаю, за что это лезвие дамоклова меча дотронулось до головы Каткова и Леонтьева. Разве за одно -место: о существовании в С.-Петербурге польского ржонда? Но об этом уже столько было писано и говорено, что трудно себе представить, чтобы это было единственным поводом к предостережению. Но еще удивительнее отзыв Московских ведомостей”: он наполнен таким смирением, покаянием, извинениями, которые совершенно несвойственны всему прошедшему этой газеты и характеру ее редакторов. Тут, верно, кроется какая-нибудь, как говорится, штука. Но какая? Вот в этом-то и штука. Не дано ли знать редакции под рукой от высшей власти, чтобы она не смущалась и не устрашалась и отнюдь не прекращала своих действий, только в более умеренном тоне?

18 января 1870 года, воскресенье

Я думаю, что таких людей, как Бакунин, Рошфор, нельзя терпеть в обществе, так как они объявили себя перед целым светом врагами общественного порядка и,

следовательно, врагами всех людей, живущих под покровительством и законами этого порядка, чем сами себя исключили из круга этих законов. Но что с ними делать?

22 января 1870 года, четверг

В сегодняшнем номере “С.-П. ведомостей” появилась моя биография А.С.Норова. Страшные морозы, за 25R. Боль в груди, начавшаяся несколько дней тому назад, наконец понемногу успокаивается.

25 января 1870 года, воскресенье

Биология Спенсера переведена на русский язык и напечатана. Управление по делам печати затеяло процесс за то, что в книге есть места, будто бы подлежащие духовной цензуре, как, например, мысли о творении, в последнее время принятые геологиею. Спрошена была духовная власть, подлежат ли такие места ее цензуре? Подлежат, — отвечала она. Издатель за то, что он не отослал этих мест в духовную цензуру, предан суду. Суд оправдал его.

Управление по делам печати не умеет отличать ученых вопросов и соображений от пустой болтовни каких-нибудь невежественных писунов.

26 января 1870 года, понедельник

Бюрократическая администрация в союзе с верховным деспотизмом всегда парализировала у нас дух народа и его деятельность. С введением земских учреждений и новых судов она, было, начала слабеть. Но теперь снова воспрянула — и ее царствию, кажется, не будет конца.

Ничто столько не вредит успеху свободы, как нелепые требования радикальных преобразователей общества. Они делают врагами ее не только правительство, но и благомыслящих, рассудительных ее поборников, из которых многие лучше хотят оставаться так; как есть, чем идти по той опасной дороге, куда влекут эти непрощенные благодетели человечества.

Совершенно фальшиво правило этих господ: “Требуй больше, чтобы получить что-нибудь”. Ужас, который они наводят своим *больше,* служит предлогом к тому, чтобы стеснять всякий порыв даже к самому *меньше.*

27 января 1870 года, вторник

Сильные толки и всеобщее неудовольствие по поводу проекта об усилении власти губернаторов. (Об этом статья в “Московских ведомостях” N 19.) Сущность этого проекта заставляет опасаться, что в силу его вся Россия отдается под полицейский надзор. Виновники этого замечательного памятника административной мудрости не иные кто, как граф Шувалов и Тимашев. Ничего чудовищнее, кажется, не было придумано в это бестолковое время, где самые пошлые личные интересы

самолюбия, честолюбия и трусости уже даже перестали с некоторых пор прикрываться личиною забот о народных интересах. Разве не открыто подкапываются под суды, стремятся опрокинуть земские учреждения, поразить гласность — и все это благодаря неспособности двух-трех лиц, захвативших власть в свои руки…

Сдержанность в мыслях и с самим собою должна быть, если не такая, как в беседе с другими, то все же должна быть. И вот за что я часто принужден делать укоризны самому себе. Ведь, право, нелепо же огорчаться и негодовать так хотя бы по случаю этого пресловутого проекта. Рассуждать, так рассуждать надо спокойно, объективно, как принято ныне говорить у людей самого кипучего и бестолкового образа мыслей. Мне ненавистна ложь, а разве не ложь дать известного рода учреждения и тут же их подкапывать, подрывать и мало-помалу приводить вещи в тот же хаос бесправия и беззакония, в какой они были погружены несколько веков. Так! Но почему же лжи и не господствовать над обществом, над которым она господствовала столько времени, и общество это не только существует, но даже, как пишут в историях, возвеличивается, крепнет и благоденствует. Правда, было маленькое разочарование — Крымская война, да ведь это уж прошло! Как бы то ни было, а все-таки надо рассуждать спокойнее, объективнее.

Орлов, бывший директор варшавской гимназии, и адвокат по частным тяжбам Кузнецов высланы без всякого следствия и суда в дальние губернии — один по жалобе министра народного просвещения, которому он будто бы нагрубил (он был уже в отставке), а другой — просто по воле губернатора Левашова за то, что он взял на себя ходатайство, как поверенный, по делу против одного господина, которому покровительствует Левашев. Это вещи невероятные для нашего времени, однако не подлежащие сомнению. Между тем хотят еще усилить власть губернаторов.

Интересно, что когда некоторые обратились к Шувалову и к Тимашеву с ходатайством о Кузнецове, оба отвечали, что они его вовсе не ссылали. А Тимашев даже выразился так, что он сам сознает, как с этим бедняком поступлено несправедливо, но сделать в его пользу ничего не может. Но разве эти люди замешаны в какую-нибудь политическую интригу? Нисколько. Тут чисто частное дело.

1 февраля 1870 года, воскресенье

Обедал у министра народного просвещения. Обед роскошный, гостей человек семнадцать или восемнадцать. Я тут, между прочим, познакомился с двумя попечителями: одесским, Голубцовым, и казанским, Шестаковым. Министр много говорил о духовенстве и не все в пользу его. Я заметил, что надо отличать белое духовенство от черного: одно совершенно порабощено другому. Всем известно, как деспотически распоряжаются архиереи в своих епархиях. Вот, например, они теперь сильно противятся введению выборного начала между священниками и приведению в действие нового устава семинарий. Министр вполне согласился с этим.

Граф Димитрий Андреевич очень любезный человек в беседе, но, мне кажется, он не довольно сдержан в своих суждениях, как следует быть министру, и часто

говорит не как министр, а как весьма молодой человек. Заметны также признаки тщеславия.

8 февраля 1870 года, воскресенье

Акт в университете… NN. хороший, добрый человек, но вместе с тем одарен способностью делать самую добродетель смешною.

9 февраля 1870 года, понедельник

Нет хуже состояния душевного, как недовольство самим собою, а из этого состояния я почти не выхожу. Идеалы, к которым я стремлюсь чуть не с детства в самообразовании и самоуправлении, — строгий контроль, который я постоянно держу над каждым моим не только поступком, но и помышлением, — делают то, что я кажусь самому себе крайне неудовлетворительным, и презрение, которое меня часто охватывает к человеку и к человеческой судьбе, прежде всего тяжелым бременем обрушивается на самого меня.

Другая моя беда, что я не всегда выдерживаю с достоинством мою неприкосновенность к разным дрязгам и глупейшим мелочам внешней текущей жизни. Тьфу, к черту! Да неужели так трудно настроить себя как следует по-человечески и неужели это стоит такой долговременной борьбы? Вот уж и старость у порога, почти переступает порог, по крайней мере старость физическая, а я все занимаюсь постройкою себя и все не дострою по плану, задуманному издавна. Да, может быть, план дурно составлен? Вероятно. Но как же теперь переменить его, когда уже давно свезены на место и бревна и кирпичи, да и выведено кое-что, например башня, да какая высокая! Какой широкий горизонт с нее открывается! Но жить все-таки негде. Буря, непогода, и я прячусь в каком-то убогом шалаше, посреди кучи наваленных камней, гранита, даже кое-где попадающихся кусков мрамора. Да, жить негде. Скверно думать быть человеком более, чем сам человек.

14 февраля 1870 года, суббота

Пруссия наш естественный враг уже по одному тому, что мы ее дважды спасли.

Карамзин о Павле: “Он отнял у казни стыд, а у награды честь”.

15 февраля 1870 года, воскресенье

Мир без провидения — какая страшная, бесконечная пустыня при всем разнообразии и обилии жизненных процессов, сил и явлений! Это все равно, что огромный дом, наполненный слугами и гостями без хозяина; или корабль, брошенный в неизмеримый океан без кормчего, без компаса, преданный бурям и обреченный погибнуть, не зная пристани и никакой цели своего блуждания; или это мастерская, в которой работают тысячи рук, машин без мастера, который бы в работах этих рук и этих машин видел исполнение какого-то предприятия. Наконец,

это чудовищное тело с костьми, кровью, дышащее и движущееся, но лишенное души, — живой мертвец.

16 февраля 1870 года, понедельник

У нас есть целые полки чиновников, а нет ни одного государственного человека.

Отчего бы не дозволить у нас воспитанникам реальных гимназий вступать в университеты в *факультет математических и естественных наук?* Это не мешало бы получать высшее образование тем, которые лишены способности к изучению древней филологии, и дало бы удовлетворение общественному мнению. Давать доступ в университет одним только воспитанникам классических гимназий, право, невозможно. Для этого пришлось бы превратить все гимназии в классические, а где же тогда получали бы общее образование лица с техническими и реальными целями в жизни? Я вовсе не враг классического образования, но оно должно иметь свои границы, а не господствовать исключительно.

1 марта 1870 года, воскресенье

Тот ничего не сделал для людей, кто не дал им средств меньше страдать или легче сносить страдания.

Вы шевелите только страсти, вы рисуете только мрачную и дурную сторону вещей, — конечно, и это хорошо, если правдиво. Но не следует ли также указывать и на то, как исправлять зло и делать, чтобы и вещи и люди были немножко получше?

3 марта 1870 года, вторник

Сегодня в “С.-П. ведомостях” объявлено о появлении в Петербурге холеры.

6 марта 1870 года, пятница

Петербургскую публику сильно занимает адрес остзейского дворянства государю о даровании ландтагу их таких же прав, какие существуют в Финляндии, то есть они требуют не более не менее, как отдельного от России конституционного управления. Государь отказал и выразил свое недовольство. В “Голосе” было несколько статей по поводу этого адреса, статей очень смелых. В одной из них газета, между прочим, цитирует известную записку Карамзина, поданную императору Александру I, о замышлявшемся этим государем образовании самостоятельного польского государства с присоединением к нему провинций, приобретенных от Польши.

Пусть тело мое зависит от земли и ее законов, но дух мой принадлежит Богу и мне.

Все, что мы называем прекрасным, добрым и т.п., заключается в идеалах, то

есть в иллюзиях, и способность к иллюзиям есть собственно наше высочайшее благо. Пока личная твоя натура не потеряла способности снабжать тебя различными иллюзиями нравственными, эстетическими, общественными и проч., до тех пор благо тебе.

Думать, что ты счастлив, и быть действительно счастливым — не все ли это равно? И не больше ли гораздо благ в мечте о счастии, чем в счастии, как понимают его люди при ненасытности их желаний?

10 марта 1870 года, вторник

То, что для высших серьезных умов, руководимых наукою, составляет в настоящую эпоху потребность и закон развития, то для мелких умов только мода. Поверхностному наблюдателю, пожалуй, и может казаться, что те и другие сходятся в своих стремлениях и убеждениях, и последние часто выигрывают тем, что снаружи кажутся похожими на первых и как будто служат одному и тому же делу. Этим они часто и самих себя обманывают и раздуваются до безмерного величия в собственных глазах. Но в сущности это пустые люди, похожие на мошек, крутящихся в сиянии солнечных лучей. Они всего чаще вредят делу и только затрудняют его успех.

Великое искусство требуется, чтобы направлять корабль в море нашей общественности среди различных и противоположных течений ее.

Полноте, и вы и я, кажется, настолько знаем людей, что не должны удивляться собственным нашим глупостям.

Человек мечтает о вечности каких-то чувств, каких-то благ, а между тем ничто не соответствует так мало его скоротечной природе, как постоянство и неизменность чего бы то ни было. Разнообразие, новость — вот потребность и закон ее. Ведь человек сам беспрестанно обновляется, и сегодняшний *он* далеко не тот, что был вчера. Нечего же жаловаться на так называемую измену в дружбе, в любви: она в человеческой натуре.

17 марта 1870 года, вторник

Злоупотребление свободы ничем не лучше угнетения деспотизма.

И что значит безграничная свобода, которой вы добиваетесь? Совместима ли она с ограниченностью человека?

Я думаю, что человечество должно пройти еще через один фазис варварства, и к этому фазису приведет его всеобщая демократизация.

22 марта 1870 года, воскресенье

Сегодня неожиданно посетил меня старый друг моей юности, Юзефович, приехавший вчера из Киева. Он привез мне милое письмо от Селина и собрание юго-западных актов, изданных комиссиею под председательством Юзефовича.

Вот уже недели две, как стоит прекрасная погода. Солнце блестит, как в лучшие дни лета. Зима, однако, была печальная. Редкий дом в Петербурге, где не переболели бы все. А умерших сколько! Газеты переполнены извещениями в черных рамках. Между тем никакой эпидемии нет, а так, случайные болезни, которые, так сказать, мимоходом решают судьбу людей в несколько дней, часов и даже минут.

23 марта 1870 года, понедельник

Не по двум или трем ошибкам, сделанным в жизни, должно судить о человеке, а по тому, как он вообще мыслит, говорит и действует.

Все люди носят в себе физиологическую и психическую *возможность* быть человеком, но не всякое неделимое достигает роста и образа человеческого. Сколько людей являются и исчезают, не успев проявить в себе ничего человеческого.

26 марта 1870 года, четверг

Вечер у Ф.И.Тютчева. Гостей было довольно. Я познакомился с одною изящною и умною дамою, Новиковою. Тут, между прочим, был и М.В.Юзефович, который умно и живо рассказывал разные свои воспоминания о прошлом: о войне в Малой Азии, в которой он участвовал, о Пушкине, с которым познакомился на Кавказе и был с ним под Эрзерумом. Он говорил, что Пушкину очень хотелось побывать под ядрами неприятельских пушек и особенно слышать их свист. Желание его исполнилось, ядра, однако, не испугали, несмотря на то, что одно из них упало очень близко.

На вечере были читаны славянофильские стихотворения: Тютчева (“Гусе”), Майкова и Полонского (“Симеон Болгарский”), приготовленные ими к живым картинам на Пасху. Все они недурны, особенно стихотворение Тютчева.

31 марта 1870 года, вторник

На чем основана идея долга? Почему человек нравственно обязан делать то или не делать этого? Идея долга и обязанности вытекает из моей *человечности*, моей человеческой природы. Я должен поступить так, а не иначе, или не делать того и другого единственно потому, что я человек, и потому, что, поступая иначе, я изменил бы моей человеческой природе. Я существо разумно-свободное, следовательно, все, несогласное с идеею свободной воли и разума, противно моей природе и было бы нарушением долга.

10 апреля 1870 года, пятница

Весь март и апрель до сих пор солнце ни разу не помрачалось на небе.

Только три вещи определяют превосходство одного человека над другим: знание, талант и характер. Три эти вещи редко бывают соединены вместе, но и каждая порознь имеет право на уважение, больше же всего — характер.

20 апреля 1870 года, понедельник

Настоящий глубокий смысл движений нашей интеллигенции в настоящее время есть без сомнения вопиющая необходимость *ограничения правительственного произвола и утверждения законности* как в умах, так и на деле. Без этого, конечно, все реформы, самые благодетельные, будут строиться на песке. Мы видим это, например, в том, что сделано с земскими учреждениями, да и в том, как произвол в той или другой форме старается подорвать новые судебные уставы. О настоящей конституции, может быть, нам рано еще думать; но если бы верховная власть искренно хотела обуздать произвол, этот глубокий и пагубный источник всякого зла, то она должна бы начать с самой себя.

Это могло бы сделаться без особенной формальности, двумя-тремя мерами. *Во-первых,* возвращение земским учреждениям самостоятельности, хотя бы то в пределах местного управления, оградив их от бессовестных посягательств администрации и допустив полную гласность и совещаний и действий. *Во-вторых*, решительным воспрещением министрам входить с своими докладами по вопросам наиболее важным и существенным непосредственно к государю. Надо, чтобы всякий такой доклад, прежде высочайшей резолюции, входил или в Государственный совет, или сенат, которым и следует предоставить полную свободу мнений. При этом необходимо, чтобы при решении уважалось большинство голосов. Государь мог бы исключительно за собой удержать veto, единственным следствием которого было бы, что предлагаемая таким-то министром мера оставалась бы без исполнения. *В-третьих,* чтобы при решении подобных вопросов в Государственном совете или сенате приглашались туда выборные эксперты с совещательным голосом и с тем, чтобы мнение их, если большинство с ним не согласно, вносилось бы в протокол.

23 апреля 1870 года, четверг

Есть люди, которые удовлетворяются только одним родом жизни — сильными ощущениями и волнениями. Их не может удовлетворить ничто обыкновенное, нормальное, законное. Им нужны поразительные эффекты — не движения, но гимнастические напряженные скачки, разнообразные и новые позы. Эти люди обыкновенно приводят в замешательство и расстраивают всякую среду, где живут. Говорят, это нужно, это оживляет и мешает застою. Да, если это происходит не от личных эгоистических стремлений, не от простой необузданности дикой натуры, иначе это выйдет то же, что “нраву нашему не препятствуй”. Закон ограничивает своими предписаниями подобные порывы и увлечения и наказывает виновников их. Целое общество может быть в таком же точно настроении.

Стремление к абсолютной свободе, не ограниченной никакими законами, ни нравственными, ни гражданскими, — ведь это анархия, а анархия то же, что вечная кровавая революция, полная сильных ощущений, но и неизмеримых бед. Нет, говорят, тут кроются существенные, положительные интересы — свобода труда, правильное развитие богатства, участие в мерах народного благосостояния и т.д. Да,

об этом действительно думают, и серьезно, некоторые мыслящие и благомыслящие умы, но и те часто погружаются в такие утопии, осуществления которых человечество никогда не в состоянии добиться. Но это только некоторые, большинство же, прикрывшись пышными фразами, желает только половить рыбу в мутной воде, ищет сильных ощущений, а более хладнокровные заботятся о том, чтобы прибрать власть в свои руки. Это те несчастные самолюбия, из которых каждое хочет одного — управлять, властвовать, а не быть управляему, не подчиняться какой бы то ни было власти, хотя бы то была власть закона и всеобщего порядка.

Самое умное, самое злобное и самое несчастное существо на земле без сомнения человек.

Сила, дерзость и хитрость, право, единственные ручательства всякого успеха и самые могучие деятели мира сего. Все прочие, более похвальные качества составляют, кажется, не иное что, как только богатый материал для разговоров людей образованных и для трактатов людей ученых.

Есть божественные вещи — идеи, истины, подобно солнцу и звездам плавающие в далекой атмосфере над человечеством. Изредка они освещают землю и служат людям путеводителями, но чаще они затемняются тучами, беспрерывно образующимися из испарений земли.

7 мая 1870 года, пятница

Образованность, или так называемая цивилизация, смягчает нравы, то есть она множеством выработанных ею впечатлений и понятий, нейтрализирующих друг друга, препятствует одному какому-нибудь из них превратиться в чувство или мысль огромного размера и тяжести. Душа расширяется, становится доступною многим и разнообразным интересам, которые мешают ей, так сказать, окаменеть или заглохнуть в одном каком-нибудь настроении. Но по этой же причине люди становятся морально слабее, им недостает той внутренней сосредоточенности, того единства сил, намерений и действий, которые образуют характер.

10 мая 1870 года, воскресенье

Видеть вещи не значит знать их.

11 мая 1870 года, понедельник

Ведь это грубое и глубокое варварство — не уважать искусства, литературы. Истинная наука всегда была в союзе с искусством, и нередко великие двигатели ее искали в нем опоры для своей деятельности. Главный признак просвещенного народа это то, что он ставит на одну линию науку и искусство. Это два крыла, на которых человечество взлетает на высоту усовершенствований и там парит.

Ученая посредственность есть первый враг таланта.

20 мая 1870 года, среда

Лютый май. Каждый день дождь, часто со снегом, ветер, тепла 2—4R, словом, мерзость, превосходящая даже мерзости петербургского климата.

21 мая 1870 года, четверг

Наше время можно назвать эпохой колебаний.

23 мая 1870 года, суббота

Был очень занят писанием возражений на статью Григорьева о беспорядках, происходивших в С.-П. университете в 1861 году, где упомянуто и мое имя, которое Григорьев обставил неверными данными. Но появившиеся в “Голосе” резкие и правдивые замечания на ту же статью, прямо обличающие автора, меня остановили. Мне показалось уже не великодушным, да и излишним выходить с возражениями: лежачего не бьют. Да притом я питаю глубокое отвращение ко всем этим личным спорам. Статья Григорьева мне повредить не может, а мои возражения, в соединении с замечаниями “Голоса”, могли бы сильно насолить ему, изобличив его хотя бы то в преднамеренном искажении фактов. Правда, он этого заслуживает, но роль палача мне чересчур претит.

24 мая 1870 года, воскресенье

Искусство извлекает все лучшие стихии, или высасывает из жизни чистейшие соки, и образует из них новые предметы.

На мануфактурной выставке. Общий вид величествен и изящен. Русская промышленность, кажется, оказала действительно значительные успехи, то есть она доказала, что мы в состоянии делать хорошие вещи. Но что из этого: составляют ли они предмет внешней торговли и всеобщего внутреннего потребления? Ведь в таком только случае промышленность имела бы обогащающую и цивилизующую силу.

Странное и нелепое положение общества: живешь точно в каком-то омуте, в котором ни на что опереться нельзя: на каждом шагу вас встречают обман и мошенничество. Таковы наши нравы. Я уже года два, как отказался иметь в доме слугу мужчину. Можно сказать, что между мужскою прислугою почти повально свирепствуют пьянство и воровство. Между женщинами по крайней мере не так сильно развито пьянство. Все это сильно усложняет и отравляет домашний быт.

28 мая 1870 года, четверг

Переезд в Павловск, на этот раз уже не на дачу Мердера, а на дачу Брауна, под Дубками.

5 июня 1870 года, пятница

Там, где они хотят делать добро, они ничего не могут; там, где могут, они не хотят: вот вам нравственная характеристика людей.

7 июня 1870 года, воскресенье

Нет ничего глупее, как ропот и жалоба на людей, да и вообще всякий ропот и жалобы. Это признак глубокого малодушия, которое не умеет ни действовать там, где можно и должно, ни терпеть и сносить того, что неизбежно.

Впрочем, есть случаи, когда ропот и жалобы позволительны. Это когда они произносятся с *намерением* произвести известное впечатление в пользу справедливости и в осуждение несправедливости. Но тогда ропот становится *мнением, голосом,* который всякий член общества обязан подать в делах общественных.

Худой тот хозяин, который так устроил или расстроил свой быт, что должен жить,займами; точно так же худой тот человек, который в скорбях и невзгодах жизни ищет утешения у других, вместо того чтобы находить его в себе.

9 июня 1870 года, вторник

Мысли должны быть так же серьезны и честны, как дела. Играть ими и с ними недостойно человека мужественного.

10 июня 1870 года, среда

Вчера был в городе и узнал о смерти Устрялова, скончавшегося в Царском Селе.

Ум — удивительно удобное вместилище для вкладывания в него всего, чего угодно, всякой лжи и истины.

С одинаковым старанием надо избегать как ненависти, так и любви людей — одной потому, что она вредна, другой потому, что она обманчива.

18 июня 1870 года, четверг

Министр юстиции, граф К.И.Пален, придумал было меру для подрыва новых судов: вздумал изъять из их круга все следственные дела и подчинить последние безусловно своим агентам-прокурорам. Для обсуждения этого проекта была составлена комиссия, которая однако, несмотря на все усилия министра, решительно отвергла его. Второй проект Палена заключался в том, чтобы в кассационном департаменте сената дела докладывались не сенаторами, как следует по новому закону, а обер-секретарями, по старому порядку. Государственный совет единогласно отверг и этот проект. Больше всех восставал против него министр финансов Рейтерн. Интересно по этому поводу замечание Чевкина. По окончании заседания он сказал: “Теперь, господа, нам остается поблагодарить господина

министра финансов за его ревностную и просвещенную защиту дела отечественного правосудия”. Это было сказано в присутствии министра юстиции.

29 июня 1870 года, понедельник

Вот, кажется, готова вспыхнуть война между Францией и Пруссиею. Пруссия очень окрепла, и Бисмарк очень силен. Что из этого выйдет?

3 июля 1870 года, пятница

Душа человеческая похожа на гостиницу, куда в виде разнородных впечатлений лезет всякая всячина — и порядочные люди, и пьяницы, и воры. Но хороший хозяин выгоняет одних или по крайней мере смиряет их, чтобы они не бушевали и не безобразничали; с другими же поступает учтиво и предупредительно, чтобы и впредь жаловали.

4 июля 1870 года, суббота

Сегодняшние телеграммы извещают, что Франция объявила войну Пруссии.

Когда человек намерен сделать какую-нибудь глупость, он всегда представляет ее самому себе в виде очень умной и хорошей вещи.

10 июля 1870 года, пятница

Война, война и война, только и толков, что о войне. Но я еще ни от кого не слыхал, чтобы он желал нашего вмешательства в нее.

12 июля 1870 года, воскресенье

Всех обрадовало обнародование решимости нашего правительства соблюдать строгий нейтралитет. В высших сферах, говорят, однако обнаруживается симпатия к пруссакам, между тем как во всем обществе господствует столь же сильная к ним неприязнь. Все главные газеты наши явно склоняются на сторону французов.

25 августа 1870 года, суббота

На похоронах академика Рупрехта, умершего третьего дня. Он оставил по себе память честного деятеля науки и глубокую нищету с большим семейством.

Печальные известия: пруссаки разбили французов в сражении, где одна французская дивизия боролась с тремя немецкими корпусами. Начальник дивизии Дуэ убит. Наши пруссоманы ликуют, особенно принадлежащие к высшим сферам.

28 августа 1870 года, вторник

Успехи Пруссии, одержавшей уже две победы над французами, — а война ведь едва еще началась, — могут повести к падению Наполеона. Тогда Франция, конечно, провозгласит у себя республику. Будет ли соседство такой республики полезно и приятно для квази-конституционной, в сущности же деспотической державы, как Пруссия? Едва ли. В массах Германии социализм и демократизм пустили глубокие корни, и кто знает, как далеко время, когда и этих Габсбургов и Гогенцоллернов постигнет та же участь, которая, очевидно, уже висит над головою Наполеона и его династии.

3 августа 1870 года, понедельник

Дела Франции идут все хуже и хуже, а Пруссия все выше и выше поднимает голову. Франция на краю пропасти. Тут доля и нашей вины. Мы дали Пруссии усилиться и, конечно, дадим еще больше усилиться, пока она, наконец, не даст и нам испытать своего гнета. А в наших так называемых сферах продолжают радоваться успехам пруссаков. Там носят прусские ордена, оттуда летят поздравления пруссакам с победами, уступают наши пушки, заказанные в Пруссии. Зато в обществе решительна и всеобщая неприязнь к пруссакам и сочувствие к Франции.

Есть, впрочем, причины более глубокие нашей симпатии к французам, чем ненависть к пруссакам. Это то, что Франция, несмотря на упадок в ней за последнее время свободы и на преобладание наполеоновского деспотизма, все-таки есть страна умственных и политических успехов, особенно последних. Мы отличаем и должны отличать французское правительство от французского народа. Нас инстинктивно тянет к последнему потому, что в этом народе впервые начал вырабатываться новый политический и общественный строй, заключающий в себе если не образцы для подражания, — чему не следует и быть, — то материалы для преобразования других народов.

9 августа 1870 года, воскресенье

Телеграммы приносят чрезвычайно сбивчивые сведения с театра войны. Но не подлежит сомнению, что французы везде проигрывают.

С Наполеонами, видно, кончено. Два раэа приподняли они Францию на своих руках, для того чтобы ввергнуть ее в пропасть. Третьего опыта в сыне нынешнего Наполеона дожидаться нечего, — итак, наполеоновской династии не бывать.

11 августа 1870 года, вторник

Есть люди, которых хватает ровно на одно доброе, разумное или мужественное дело, после которого они, вдруг точно опомнившись, что взялись не за свое дело, становятся в ряды самых обыкновенных и пошлых людей своей категории и своего ремесла.

16 августа 1870 года, воскресенье

Немцы, — не прусские, — как вьючные животные, возят камни и бревна для постройки здания прусского величия и могущества Гогенцоллернов и позволяют выпускать из себя кровь для скрепления этого здания.

Немец глубокомыслен с ног до головы; мы легкомысленны и более остроумны, чем глубоки. Немец устойчив и постоянен; мы шатки и неспособны к выдержке. Немец — раб труда, как вол; мы народ веселый и разгульный, но способны в один день поработать больше, чем кто другой в месяц. Оттого, говорят, и работа наша не прочна; это правда, но мы о том не тужим и готовы не плакать над развалинами своих зданий, а скорее смеяться над тем, что долго себя мучили работою. Немец — эгоист до мозга своих костей; русский добродушен и доступен всяким человечным впечатлениям. От немца не ждите великодушия, самоотвержения, забвения обид; русский, подравшись со своим врагом, побратается с ним, даст ему и хлеба и денег; словом, забудет, что у него морда была в крови от кулака его противника.

22 августа 1870 года, суббота

Из всех человеческих пороков самый смешной — высокомерие, самый гнусный — лицемерие, самый глупый — скупость.

Получено известие, что Наполеон взят в плен и армия Мак-Магона сложила оружие.

Да, это, конечно, великий прогресс, когда штык заменился нарезными пушками и скорострельными ружьями, а над Европой диктаторствовать будут не Наполеоны и Габсбурги, а Гогенцоллерны.

25 августа 1870 года, вторник

Во Франции республика.

Знать вполовину или знать мало — судьба людей. На дружбу отвечать дружбою (предполагая, что она возможна), на услугу — услугою, на учтивость — учтивостью вдвое, вражде противопоставлять мужественную и благоразумную защиту, но без малейшего покушения мстить, а затем полнейшее хладнокровие: вот чего следует держаться в своих ежедневных сношениях с людьми.

1 сентября 1870 года, вторник

И август был далеко не безупречен, а сентябрь уже с самого появления своего обещает быть подлецом. Итак, из двенадцати месяцев года один июль вышел несколько похожий на лето. Само собою разумеется, что октябрь, ноябрь и декабрь уже по обязанности будут всячески допекать нас. Вообще нынешний год богат бедствиями, тут война и холера. Последняя уже появилась в Петербурге. Только голода, кажется, можно надеяться, не будет. В России урожаи вообще хороши.

Вот из самых недр цивилизации, в самом сердце Европы, народилось в XIX

веке чудовище материальной грубой силы, не знающее меры своим притязаниям. Прославленная цивилизация дала только усовершенствованные орудия убийств и софистическую диалектику для оправдания варварской политики завоевания и грабежа. Что же уважать в человечестве?

Пока не нашли средства наложить узду на человеческий эгоизм и на страсти, им возбуждаемые, до тех пор будет все одно и то же: люди попеременно будут заслуживать то сожаления, то презрения.

5 сентября 1870 года, суббота

Печально заблуждались те, которые думали, что Наполеон III нужен для Франции, спасая ее от анархии. Но вот грозные и плачевные обстоятельства окончательно разоблачили эту роковую личность и показали, что он думал не о Франции, а только о владычестве своем над нею и о своих династических интересах и, заботясь исключительно об этом, довел до полного упадка громадные силы благородной нации.

9 сентября 1870 года, среда

Грустно, невыразимо грустно смотреть на дела человеческие! Сколько безнравственности, сколько малодушия и лжи! Сколько варварства среди пресловутой цивилизации и прогресса! Сколько ничтожества, наконец, в самой науке, которая не в состоянии искупить зло, наносимое ее же открытиями.

Да, наука не делает людей лучшими. Пример перед главами. У кого наука оказала столько успехов, как у немцев? И что же? Посмотрите, каковы они в упоении своих побед над австрийцами и французами! А мы неужели за то, что Пруссия подарит нам Парижский трактат, гарантируем ей Эльзас и Лотарингию? Поистине, политика не знает нравственности.

15 сентября 1870 года, вторник

Нынешняя война Бисмарка с Францией вовсе не есть война за границы и за единство Германии. Франция по справедливости считается центром и душою всех либеральных движений в Европе. Наполеон III сколько ни старался убить в ней этот дух, однако не мог с ней справиться. Но вот явился на помощь Бисмарк. Война с Францией им начата вовсе не за единство Германии, которое могло быть достигнуто и уже почти достигнуто без нее. Унизить Францию, омрачить престиж ее идей — вот настоящий смысл войны и прусских побед. Бисмарк очень хорошо знал, что Франция со своим Наполеоном не в состоянии бороться с полутора миллионною прекрасно организованною немецкою армией. Однако он и сам не предвидел такого исхода: судьба уж чересчур ему подслужилась. Франция провозгласила у себя республику: это, конечно, не в его видах. Но Бисмарк не унывает. Тем сильнее давит он Францию, чтобы выжать из нее весь сок и ее душу, и если он успеет в этом, тогда диктатура Пруссии в Европе станет на твердую ногу—и беда свободе. Разве только

сами немцы опомнятся и поймут, что вовсе не лестно возить камни для постройки, по плану Бисмарка, собственной своей тюрьмы.

17 сентября 1870 года, четверг

Сегодня или завтра, говорят, Тьер представляется государю.

18 сентября 1870 года, пятница

Всякий должен сделать на своем месте и в своем кругу все как можно лучше, по крайнему своему разумению — вот единственная руководящая мысль для честного человека.

При назначении нового председателя Совета по делам печати М.Р.Шидловского, бывшего где-то губернатором, на место Похвиснева, сменяемого за либерализм, употреблены слова: “Подтянуть печать”.

19 сентября 1870 года, суббота

Ну из-за чего горячиться? Род человеческий управляется так, как он того заслуживает. Не будь глупцов, негодяев и эгоистов, не было бы ни Наполеонов III, ни Бисмарков. Собственно говоря, на свете все обстоит благополучно, то есть дела идут так, как должны идти. А что многих убивают, других грабят и что люди страдают то от насилия, то от плутовства разных господ, то ведь это так — судьба, переходное состояние, и философия истории найдет в этом глубокий смысл и прогресс.

А вот я глупости заношу в мой дневник. Видно, время такое, никто не убережется. Даже люди, старающиеся честно и здраво мыслить, и те впадают в преувеличение и становятся невоздержанны.

26 сентября 1870 года, суббота

Похвиснев сменен. Место его заступил Шидловский, военный генерал. Говорят, он сильно отказывался от этого назначения, представляя, что ему вовсе незнаком ход литературных дел и печати. Притом он прибавлял, что он человек горячий и привык действовать *энергически,* каковой способ приличен в полицейской сфере, но, может быть, окажется неудобным в кругу науки и мысли. Ему возразили, что этот-то способ и нужен, ибо хотят “подтянуть”.

Неудовольствие в обществе растет не по дням, а по часам. Патриотическое чувство считает себя оскорбленным унижением России во внешней политике и некоторого рода раболепством перед Пруссией.

27 сентября 1870 года, воскресенье

Мысль о “подтянутии” печати возникла первоначально в голове министра народного просвещения. Состоя не в ладах с министром внутренних дел, Тимашевым, он представил государю записку о крайней распущенности нашей печати, что приписывал слабому смотрению за нею начальства, которому она подлежит. На это, в отсутствие Ти-машева, отвечал товарищ его, князь А.Б.Лобанов-Ростовский, что распущенности и зловредности в печати никаких нет, а если они где-либо существуют, так в головах профессоров и учителей, за которыми худо смотрит граф Толстой. Сперва записка графа Толстого, по-видимому, не произвела впечатления.

Но после этого свидания с Вильгельмом и Бисмарком записка графа нашла себе поддержку в мысли, что печать очень дурно делает, нападая на немцев и разжигая взаимную ненависть двух наций. Тут последовали: увольнение Альбединского от звания генерал-губернатора остзейскою, отставка Галкина, губернатора ревельского, и приказ об обуздании печати.

29 сентября 1870 года, вторник

Сегодня новый начальник по делам печати, Шидловский, принимал в первый раз своих чиновников. Вот как это происходило, по свидетельству одного из них, а именно Нагеля, который с буквальною точностью передал мне все тотчас по возвращении от генерала Шидловского.

Последний вошел в залу в своем генеральском мундире, сделал всем собравшимся ответный поклон и обратился к каждому чиновнику с вопросами: кто он, чем занимается и давно ли служит? Переспросив таким образом всех, он отступил на несколько шагов, принял настоящую генеральскую позу и произнес следующую речь: “Господа, я очень жалею, что при самом начале моего знакомства с вами я должен сделать вам замечание: во-первых, вы явились ко мне в вицмундирах, а не в мундирах — это противно законам службы. Вы должны были одеться в мундиры. Во-вторых, я вижу здесь некоторых с бородами — бород не надо, я их не потерплю. У некоторых я замечаю усы — и их не надо; усы подобает носить военным. Даже и эти округлые бакены, сильно напоминающие бороды, не должны быть. Я буду строго наблюдать чинопочитание. Затем прощайте”.

2 октября 1870 года, пятница

Земские учреждения, суды, печать и распространение первоначального образования в массах, на первый случай хоть грамотности, — вот существеннейшие и главные предметы, на которые должно быть обращено внимание всех мыслящих людей в России.

Конференция Академии наук назначила меня депутатом в высочайше учрежденную комиссию для слияния всех казенных типографий в одну государственную. Я должен защищать необходимость для Академии иметь свою собственную типографию, которая к тому же казне ничего не стоит.

Одно только: держись крепко тех законов, которые для тебя установила твоя

совесть.

Самый лучший друг и самый большой враг человека — это он сам.

Борьба между правительством и интеллигенцией общества нескончаема. Я знаю только одно средство несколько укрепить первое: это то, чтобы оно старалось быть лучшим.

3 октября 1870 года, суббота

Сильнейшее и всеобщее порицание графа Д.А.Толстого, который своей запиской вызвал нынешние меры против печати. Я тоже думаю, что граф сделал большую ошибку, чтоб не сказать больше. Некоторые его оправдывают тем, что он раздражительного и обидчивого характера, что кто-то и как-то раздразнил его. Плохое оправдание! Государственный человек, действующий по внушению минуты негодования, — разве это делает ему честь? Когда он затевает такое дело, как преследование печати в настоящее время, и советует государю принять репрессивные меры вопреки льготам, допущенным им же, он, то есть министр, обязан взвесить все последствия своего шага. Он должен был знать, что, нападая на всю печать огулом, он вызывает на нее гонение, что это гонение принесет непременно злые плоды, совершенно противоположные тому, чего желали достигнуть, и проч. и проч. Если у нас министр не ответствен перед законом, то неужели он не ответствен уже ни перед совестью своей, ни перед здравым смыслом? Я уже не говорю — перед общественным мнением: власти не привыкли его уважать, хотя, право, не мешало бы это делать — не ради пользы общей, о которой у нас никто не думает, но ради своей собственной.

В продолжение моей жизни я видел много запретительных мер против печати, но ни одна не достигла своей цели, то есть не останавливала потока мыслей, а только извращала его и заставляла уходить вглубь, чтобы затем снова вырваться из-под земли уже бурливым ключом в каком-нибудь темном углу.

Но да не смущается сердце ваше: верьте в живучесть и производительную силу мысли. Хорошо ли, дурно ли, что она живет, но только ей дано много живучести, много производительной силы, а если бы не так, то деспоты и невежды всякого рода давно бы ее погасили.

Говорят, Шидловский имеет личные доклады у государя. Итак, учредилось новое министерство по делам печати.

5 октября 1870 года, понедельник

На днях, говорят, государю представлялся предводитель дворянства одной из остзейских губерний. Государь сказал ему несколько слов по-русски. Предводитель потупил голову и молчал, а на повторенный государем вопрос ответил, что не понимает по-русски. Государь на это заметил, что надо говорить по-русски, и отошел в сторону. Забавнее всего, что этот господин ехал во дворец в придворной карете вместе с губернатором какой-то губернии, Клушиным, и все время говорил с

ним по-русски.

Самый хмельной напиток — это успех. От него не только пьянеют, но подчас и совсем дуреют даже самые крепкие головы.

10 октября 1870 года, суббота

Объединение национальностей, составляющее одну из основных задач нашего высокопросвещенного и прогрессивного времени, есть источник и начало бесконечных международных соперничеств, распрей и войн.

13 октября 1870 года, вторник

Англия, кажется, берет на себя инициативу вмешательства в войну и склонения к миру воюющих сторон. Отчего же не мы?

16 октября 1870 года, пятница

Мец взят. Сто пятьдесят тысяч французов сдались пруссакам.

17 октября 1870 года, суббота

Современные события имеют глубокое роковое значение: они вполне объясняют, что значит цивилизация, прогресс XIX века. Из передовых наций мира одна достигла такой внутренней распущенности, такого хаоса понятий и нравов, что в два месяца очутились на краю пропасти. Другая нация проявляет такие грубые страсти в войне, которые сильно напоминают доброе старое время. Итак, не далеко ушло человечество по пути так называемого прогресса! Куда девались, например, прославленные глубокие философские, гуманные стремления в науке немцев? И вообще много ли содействовала наука к истинному, существенному улучшению человека, если он по-прежнему остается таким же рабом своих животных влечений? А что делает остальная цивилизованная Европа? При виде такого страшного кровопролития и бедствия она занимается дипломатическими сплетнями, вместо того чтобы деятельным и твердым участием положить конец этим безобразиям. Англии хочется половить рыбы в мутной воде, Россия благодушествует и благоговеет перед Пруссией! Все это, видите, политика, дипломатия, политические интересы и т.д. Нет! Вся наша настоящая цивилизация, наш прогресс и наша наука — все это пустые слова, и человечество находится *еще* на очень низкой степени развития, несмотря на свои железные дороги, машины, свои фабрики и политическую экономию.

Я не спорю, что все, что есть, есть так, как должно быть, что иначе оно и быть не может. Но в таком случае зачем кричать о величии века, о чудных успехах науки, о прогрессе и проч.? Ведь все это грубая, пошлая ложь, блеск снаружи, гниль и смрад внутри.

Позор мецской сдачи имеет и свою выгодную сторону для Франции: она,

благодаря ей, выбросила из себя последние гнусные остатки империализма.

Только тогда человек заслуживает уважения за сделанное им хорошее дело, когда он мог его и не сделать.

Уничтожить в человеке разные предрассудки и иллюзии — еще не значит сделать его довольнее, лучше и просвещеннее.

21 октября 1870 года, среда

Обедал у дяди Марка и виделся там с Пироговым. Лет двадцать тому назад я впервые познакомился с ним у покойного Чивилева. Теперь ему, как он сам сказал, уже семьдесят лет, но он довольно бодр еще и свеж. Он живет постоянно в своем имении в Каменец-Подольской губернии и теперь едет туда на возвратном пути из-за границы, где был, по поручению императрицы, для изучения разных средств помощи раненым. Между прочим, он говорил, что Базен сдался с своею армией вовсе не от голода: в лагере его не было соли и было мало мяса, но хлеба имелось вдоволь. Пирогов узнал об этом под самым Мецом.

От меня нередко требовали услуг по делам печати и народного образования. Худо ли, хорошо ли я их исполнял, но услуги эти всегда покоились на основе строгой честности, то есть все, что я делал и старался делать, то было мною делано не в угоду какому-нибудь лицу или системе, не соответствовавшей моим понятиям и пользе общественной. Главною моей целью было соглашение интересов государственных с общественными. С этой целью принял я на себя и звание члена комитета для учреждения дел по печати, состоявшего из графа Адлерберга, Муханова и Тимашева. В таком духе объяснялся я лично и с самим государем. Так же точно принял я на себя основание газеты “Северная почта”. Так поступал я и во время моего тесного союза с министерством народного просвещения под управлением Норова. Успехи часто не соответствовали моим — говорю, смело подняв голову, — честным и бескорыстным намерениям. Но тут уже была не моя вина, да может быть и ничья, а вот разве тех тревожных и быстро сменявшихся обстоятельств, среди которых вращались люди и вещи. Я никогда не был способен сделаться ни радикалом, ни ультраконсерватором. Глубокое, твердо укоренившееся во мне с детства чувство справедливости и уважение к правде решительно делали меня неспособным к каким бы то ни было односторонним и преувеличенным требованиям. Воздавать кесарю кесарево и Божие Богови — я всегда признавал за начало, в силу которого и должны устраиваться дела человеческие. Меня часто упрекали в идеализме. Но я полагаю, что самые недоброжелатели мои не в состоянии обвинить меня в своекорыстии и в антиобщественных стремлениях и вообще в страстях, которые были бы недостойны человека и гражданина.

Вот что я могу, как говорится, положа руку на сердце, сказать с полным спокойствием совести. (Это часть моей чистосердечной исповеди перед Богом и людьми моего народа и моего времени.)

Что касается моего идеализма, то он состоял в том, что я питал и продолжаю питать непреодолимое отвращение ко всяким дрязгам и мелочности в жизни, науке и литературе. Этого я нимало не вменяю себе в достоинство, напротив, думаю, что в

житейском и практическом смысле это большой недостаток. Но, как говорит Манфред Байрона, в этом “я не мог преодолеть моей природы”.

26 октября 1870 года, понедельник

Деспоты думают, что людьми нельзя управлять посредством благости и правосудия. Оставим в стороне благость, которая в глазах многих слывет за качество, годное для устройства царства Божьего, а не человеческого; но правосудие — это такое условие, без которого немыслимо человеческое общество. Правосудие, огражденное законом, есть главное основание общественных отношений.

Надо признаться, что вражда национальностей вовсе не гуманное чувство. Это задаток будущих соперничеств и войн.

Чрезвычайно верны пословицы: “смелость города берет” и “смелым Бог владеет”. В самом деле, не тот прав, кто прав, а кто смел.

27 октября 1870 года, вторник

Самый лучший способ управляться с нашими раскольниками состоит в том, чтобы не преследовать их и не препираться с ними, а оставить их совершенно независимыми и заботиться только об их образовании. Разумеется, я отсюда исключаю некоторые вредные раскольничьи секты.

3 ноября 1870 года, вторник

Важное событие: отмена части Парижского трактата. Об этом напечатано в “Правительственном вестнике”.

5 ноября 1870 года, четверг

Новое важное событие: объявлено о введении новой системы воинской повинности.

6 ноября 1870 года, пятница

Прочел в общем собрании Академии наук составленный мною проект адреса Михайловской артиллерийской академии и училищу по поводу празднования пятидесятилетия их существования. Проект одобрен. Меня назначили депутатом для поднесения адреса. Ассистентами моими избраны Савич и Бутлеров.

Бесконечные толки в публике о декларации нашей в отмену части Парижского трактата, а еще больше о всеобщей воинской повинности. Относительно последней иные опасаются, чтобы распространение ее на все сословия безусловно, в том числе на ученое и учебное, не остановило бы и даже не отодвинуло бы назад нашего еще весьма юного просвещения. Германские порядки, говорят, нам не пример.

Образование там так широко раскинулось и так утвердилось, что привлечение к военной повинности ученых и учащихся не может повредить ему.

12 ноября 1870 года, четверг

Один из первенствующих просвещенных народов истребляет другой подобный же с ожесточением, достойным варварских времен. И это прогресс, цивилизация! Как тут уберечься от презрения к человеку и его судьбе! Боюсь, не купили ли мы Черное море ценою слишком большого соучастия с пруссаками в убийстве Франции. Это было бы оскорбительно для чувства русского народа, от природы великодушного.

Неужели это воздаяние Франции за Крымскую войну? Но ведь мы не злопамятны. Да притом за нее мы могли бы мстить Наполеону, а не целой нации французской.

19 ноября 1870 года, четверг

Пруссаки, продолжая терзать Францию, между прочим, оказывают услугу нам. Они на вечные времена закрепляют ненависть к себе французов, и в случае их столкновения с нами, что надо в будущем считать неизбежным, — французы будут нашими естественными союзниками.

В.И.Капельманс, редактор петербургской французской газеты, сошел с ума. Он выказывал в своей газете сочувствие пруссакам и особенно защищал Базена. Здешние французы его жестоко преследовали и даже, говорят, как-то и куда-то заманив его, побили. Он принужден был уехать из Петербурга, и вот теперь за границей помешался.

25 ноября 1870 года, среда

Пятидесятилетний юбилей Михайловской артиллерийской академии, где я некогда читал русскую словесность. Обедня, молебен и роскошный царский завтрак. Государь приехал к молебну, затем из приемной прошел по всем комнатам, где рядами стояли бывшие и настоящие воспитанники академии, толпились сановники и разные приглашенные. Мы, бывшие профессора, находились в особой комнате. Когда дошла до нас очередь, государь очень приветливо благодарил нас за то, что мы образовали отличных офицеров. Ко мне обращались многие из моих бывших слушателей с самыми радушными воспоминаниями: почти все уже генералы, украшенные орденами и сединою. Товарищ генерал-фельдцейхмейстера, Баранцов, объявил мне, что я избран почетным членом академии, и очень любезно прибавил, что мы теперь с ним товарищи. Тосты за обедом предлагал великий князь Николай Николаевич. Первый тост, разумеется, был в честь государя и сопровождался оглушительным “ура”. Второй — в честь великой княгини Елены Павловны, которую государь вел под руку.

27 ноября 1870 года, пятница

Акт в Артиллерийской академии. Депутация от двадцати двух учреждений с поздравительными адресами. Первая депутация от Академии наук. Я прочитал адрес хорошо. Все сошло не только прилично, но и торжественно. В самом начале акта прочитаны были грамота государя и благодарственные рескрипты великих князей, избранных в почетные члены; потом список наград. Мне — золотая с бриллиантами и с вензелем государя табакерка, которую в конце акта и вручил мне великий князь Михаил Николаевич-с очень ласковым приветствием.

28 ноября 1870 года, суббота

На панихиде по покойном великом князе Михаиле Павловиче, как основателе академии.

29 ноября 1870 года, воскресенье

Обед в академии. После обеда расходившееся юношество произвело качание — досталось и мне. Но все это было, хотя и шумно, однако вполне прилично. Меня юноши проводили до кареты и посадили в нее.

1 декабря 1870 года, вторник

Вместе с другими представлялся государю для принесения благодарности за полученную награду. Это было в час пополудни, в Зимнем дворце. Когда дошла очередь до меня, государь с своею ласковою улыбкою очень приветливо сказал: “Благодарю вас за вашу полезную службу; я уверен, что вы с такою же пользою будете продолжать ее и впредь”.

Главная ошибка Наполеона III состояла в том, что он думал играть только на дурных страстях, забыв, что у людей бывают и хорошие.

Всякий должен говорить языком *своего* сердца и *своего* ума. Тот слог хорош, который делается сам, а не тот, который делают.

3 декабря 1870 года, четверг

Три журнала задержаны цензурою: “Вестник Европы”, “Русский архив” и “Отечественные записки”.

4 декабря 1870 года, пятница

“Вестник Европы” вышел с десятью вырезанными страницами, в которых заключалась конституция, во время оно писанная Новосильцевым. Статья эта — Пыпина и составляет продолжение его статей об Александре I. Стасюлевич объяснялся по этому поводу с министром Тимашевым, который принял его очень

ласково и, между прочим, сказал, что статья не была бы задержана, если б не московский адрес.

А что это за адрес? Москва или московская дума просит в нем о свободе печати, свободе совести и церкви. Иные называют его бестактным. Я сам его не читал и потому не знаю, каков он.

Энгельгардта, его жену и жившую с ними девицу Волкову арестовали. Арестованы также пять или шесть студентов Земледельческого училища. В чем их обвиняют, я еще не слышал. А мы в сегодняшнем заседании Академии наук присудили Энгельгардту Ломоносовскую премию за его труд по химии.

11 декабря 1870 года, пятница

Вопрос Бисмарка и вопрос Франции — это вопрос деспотизма и свободы. И мы, старые представители деспотизма, тут кстати приложились к Пруссии.

Подобные Пиетри изобретатели заговора были не в одной Франции — были и есть.

12 декабря 1870 года, суббота

Благо — это вымысел человеческий; закон — это необходимость; долг — вот что существует в действительности.

17 декабря 1870 года, четверг

Это не пруссаки и французы сражаются: это бьется прошедшее с будущим. Призрак феодального средневекового консерватизма встал из гроба и грозит Европе.

Немудрено презирать людей: они, может быть, и заслуживают этого. Но прежде всего надо им благотворить, потому что они еще больше заслуживают сожаления, чем презрения.

20 декабря 1870 года, воскресенье

Нет сомнения, что немецкая философия отыщет глубокий смысл, великий элемент прогресса в этой бойне, которая производится теперь немцами во Франции. Бедное человечество! Оно даже не имеет утешения сетовать о своих страданиях, а напротив, должно радоваться, слушая немецких и всяческих философов, что все эти пожары, грабежи, избиения — все это к лучшему. Не целесообразнее ли было бы этим мыслителям советовать своим гражданам меньше проливать крови, грабить и всячески свирепствовать в угождение своему Бисмарку, который, чего доброго, их же самих закует в цепи, а разбить их им опять помогут разве те же французы, если уцелеют.

25 декабря 1870 года, пятница

Прекрасны слова Лагарпа: “Обманывать людей можно и с малым умом, но просвещать их трудно и с большим”.

Почему Гогенцоллерны будут лучше для человечества, чем Наполеоны? Эти похищали власть и думали поддерживать ее *железом и кровью,* а те разве иначе достигают ее? Власть — все власть: один возносится на высоту, другой старается его низвергнуть с нее, чтобы самому занять его место, а иные глубокие мыслители видят в этом великие идеи и громадные успехи прогресса — в будущем. Сдается, что они употребляют ум на выработку тумана для омрачения здравого смысла, а будущее само за себя похлопочет и сделает все по-своему.

Шувалов работает неутомимо: он беспрерывно высылает то того, то другого в отдаленные губернии, забирает людей и сажает их в кутузку — все это секретно. Все в страхе; шпионов несть числа. Словом, Пиетри и его система торжествует. Сочиняются заговоры по всем правилам полицейского искусства или ничтожным обстоятельствам придаются размеры и характер заговоров. Мудрено ли, что это вызывает и настоящие заговоры, с которыми справляться, конечно, труднее, чем с продуктами собственных изобретений.

29 декабря 1870 года, вторник

Акт в Академии наук. Я, по обыкновению, читал обозрение действий Второго отделения за истекающий год. Прочитал хорошо — громко. Публика была довольна, само собою разумеется, и тем, что я читал всего тридцать три минуты. Потом академики собрались на обычный годовой обед к Донону, в том числе и герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский. Он был очень мил и любезен и образовал около себя небольшой отдельный кружок. Тут были: Овсянников, Бутлеров, Грот, Безобразов, Заблоцкий, в качестве нашего почетного члена, и я. Вернулся домой около десяти часов вечера.

31 декабря 1870 года, четверг

Конец 1870 года.

1871

1 января 1871 года, пятница

Сегодня один из тех моих дней, в которые глупость, несчастия человеческие и собственное ничтожество поражают меня до мозга костей.

Заезжал к графине Блудовой. Встретил у ней Каткова, приехавшего на несколько дней из Москвы хлопотать у министра за классицизм. Катков поздоровался со мною как со старым приятелем. Хотя у меня и была причина лично негодовать на него, однако я давно об этом забыл из уважения к его несомненным достоинствам и услугам, которые он во всяком случае оказал своею газетою народному русскому делу. Катков скоро ушел, сказав, что непременно хочет побывать у меня. Затем к графине вдруг неожиданно вошел государь Александр Николаевич, в полной форме и ленте, поздравить ее с Новым годом; я, разумеется, тотчас отправился восвояси, но по пути заехал еще к Княжевичам.

2 января 1871 года, суббота

Ко мне заезжал Катков, но не застал меня дома. Бесконечные толки о Скарятине, который нечаянно нанес себе смертельную рану во время царской охоты, вблизи самого государя. Охота была на медведя. Скарятин успел только сказать государю: “Ваше величество, я умираю”. Государь, говорят, чрезвычайно этим огорчен.

3 января 1871 года, воскресенье

Поутру сделал несколько визитов, в том числе Платову, от которого получил великолепно переплетенный экземпляр истории Михайловской академии, по случаю ее пятидесятилетнего юбилея, и выбитую в честь того же события бронзовую медаль.

Заезжал к Каткову, но также не застал ere дома. Он сегодня уже обратно едет в Москву.

Одна только глубокая и праведная скорбь о бесчисленных человеческих бедствиях может сдавать многоопытный ум от презрения к людям.

7 января 1871 года, четверг

Есть люди, которые ни перед чем не бледнеют да ни от чего и не краснеют.

Единственная действительная мудрость и мораль жизни — та, которой мы научаемся из собственных наших ошибок и падения. К сожалению, эта мудрость и эта мораль дают нам результаты своих уроков тогда, когда уже поздно ими пользоваться.

10 января 1871 года, воскресенье

Вечер у Я.К.Грота. Спор о Карамзине. Некоторые защищают статью о нем Страхова, написанную против Пыпина. На днях мой Орест Миллер имел сильное препирательство с автором статьи, уничтожая ее в прах, но в жару спора очень крепко отозвался и о Карамзине.

11 января 1871 года, понедельник

Девять академиков — должно быть, по числу муз, — сегодня обедали у Донона. Тут был и я, один среди естественников, и вступил в прение с Чебышевым и Веселовским в защиту идеала.

Вечером в комиссии о центральной типографии. Протестовали против слияния типографий министерства: военное, морское, путей сообщения и народного просвещения, которого я представитель. Председатель, сенатор Врун, кажется, тянет на сторону слияния всех типографий в одну. Впрочем, сегодня были только предварительные прения.

14 января 1871 года, четверг

Опять после теплой погоды двадцатиградусные морозы. Вечер у одной из моих бывших учениц, Елены Карловны Богдановой. До сих пор мне не известный поэт Апухтин читал свои стихи “Гадальщица” и “Севастополь”. Я вообще мало доверяю стихам нынешних новых поэтов, но настоящие, к моему удовольствию, оказались прекрасными, особенно “Севастополь”. Собрание было большое для маленьких комнат хозяйки. Разговор вертелся около Ферзена, который, как оказывается теперь, убил нечаянно Скарятина на царской охоте, и около Франции. И здесь, как почти во всех обществах, где мне случается бывать, выражались неприязнь к победоносным пруссакам и сочувствие к бедствиям Франции. От мала до велика, мужчины и женщины, люди простые и образованные — все единомышленны в этом отношении.

Один артиллерийский генерал рассказал мне следующее, ручаясь за правдивость своих слов. Некто из его знакомых недавно проезжал через Германию и виделся там с одним весьма известным ученым немцем, с которым он находится в дружеских отношениях. Зашел между ними разговор о войне. “Знаете ли вы, — сказал русскому путешественнику немецкий ученый, — кто виноват во всех ужасах и в продолжительности этой варварской войны? — вы!” — “Как мы?” — воскликнул наш россиянин. “Да, вы! Если б вы в самом начале этой бойни приняли твердое положение и стали в позицию настоящего, а не притворного нейтралитета, думали только об истинных интересах своих и Европы, держась здравой политики,

то, поверьте, этих ужасов не было бы. Тут не было никакой нужды в деятельном вмешательстве в войну со стороны России. Дела были такого свойства, что одно разумно и твердо сказанное Россией слово остановило бы притязания военного властолюбия, и далее намеченной ею черты пруссаки не пошли бы". "Вот как судят сами немцы", — заключил свой рассказ артиллерийский генерал.

В качестве противника связанных с радикальными переворотами кровавых потрясений я иногда видел в Наполеоне III если и зло, то зло, необходимое для отвращения другого, большего зла — кровавых анархических оргий. Каюсь, я жестоко ошибался. Видно, плохо клин клином выбивается. Этот человек своим грубым эгоизмом погубил Францию. Подобных ему немного найдется в истории. А теперь в Европе распоряжается Бисмарк — конечно, одаренный несравненно большим умом, но такой же эгоист и представитель материальной силы. И вот кто двигатели истории и властелины народных судеб! На Пруссию хотя и надели императорскую корону, но из-под нее торчат ослиные уши, за которые Бисмарк ее держит и ведет куда угодно.

18 января 1871 года, понедельник

Собрание у Ильи Ильича Ростовцева для разбора и приготовления к изданию сочинений, оставшихся после Щербины. В собрании участвовали, кроме хозяина: Корнилов, Благовещенский, Николаевский, Филиппов и я.

20 января 1871 года, среда

Смотри корреспонденцию из Пермской губернии в "Московских ведомостях". Пермская губерния является в ней сценою такого административного произвола, который кажется необыкновенным даже в такой классической стране произвола, как Россия. А между тем наши мудрые государственные мужи стараются как можно больше увеличить в губерниях, то есть сделать там почти неограниченною, власть губернаторов и полиции.

24 января 1871 года, воскресенье

Вечером у Т.И.Филиппова. Толпа народу. Как и всегда, в толпе почувствовал себя тоскливо и скоро ушел.

25 января 1871 года, понедельник

У меня была на рассмотрении для Уваровской премии комедия Потехина "Рыцари". Несмотря на кое-какие достоинства, я не нашел ее достойною премии. Недавно она была поставлена на сцену и, говорят, превосходно, не без успеха разыграна, но уже под другим названием: "Мутная вода". В комедии, между прочим, два главные действующие лица: баронесса немка и немец Кукук — оба мошенники, оплетающие и надувающие русских. Театральное начальство признало это

непозволительным и велело немцев преобразовать в русских, из чего выходит, что русские могут быть подлецами, а немцы нет. Так поняла это публика, и об этом много говорят.

26 января 1871 года, вторник

Любопытно знать, как история и философское глубокомыслие объяснят падение Франции. Немецкие философы, вероятно, скажут, что человечество должно много от этого выиграть и, конечно, порадуется этой смене всемирного значения французов в политическом и социальном смысле прусско-германскою грубою материальною силою. Францию, скажут, развратили идеи, а она развратила мир. Назначение Пруссии — возвратить его разуму и здравым понятиям, конечно не иначе, как посредством крови, железа и казарменной дисциплины. Под сенью благодетельных прусских штыков мир успокоится, и все вопросы, волнующие общество, будут разрешаться в главном прусском штабе.

“Я не вижу Европы”, — сказал Бейст, и сказал на этот раз очень верно. Действительно, мудрено видеть то, чего нет. Нынешняя Европа — это страна мертвых, умирающих и только начинающих еще жить, но начинающих под ферулою тех, которые захотят ими командовать и их учить.

Религия поучает нас покоряться воле Божией, философия — закону необходимости. Да и что же, в самом деле, остается, как не покориться такому ничтожному существу, как человек? Но можно ли оставаться равнодушным к бедствиям человеческим? Можно ли спокойно смотреть на миллионы погибших и гибнущих человеческих существ в предположении, что эта гибель необходима для устроений лучшего порядка вещей, для достижения благой цели? Ужели, в чувстве глубокого сострадания к ним, не позволено спросить: почему одни должны так жестоко страдать, чтобы другие немного лучше пожили? Да, много надо веры, почти больше, чем может вместить в себе сердце человеческое, чтобы согласить все это с идеею беспредельного милосердия и всемогущества.

29 января 1871 года, пятница

Итак, Франция гибнет, и гибнет не потому только, что ее сокрушает материальная внешняя сила, но потому, что благодаря Наполеону в ней самой недостаток великого духа, способного отстаивать свою честь и самостоятельность. Она должна склонить голову перед позорным условием мира, который ей предписывает Бисмарк, должна потому, что в ней нет единства, нет моральной силы, которая в минуту опасности одушевила бы ее сынов. Один Л.Гамбетта, но один в поле не воин, да он и не воин. Но неужели в самом деле историческая роль Франции кончена? Нет, быть не может. Она воспрянет, должна воспрянуть и снова занять передовое место в кругу европейской семьи. Но когда, каким путем, какие жертвы и страдания ожидают ее еще впереди?

30 января 1871 года, суббота

Большая конфузия в административной сфере по поводу напечатанных в “Московских ведомостях” статей о делах, чинившихся в Пермской губернии администрацией. Разыскивается, кто сообщил в московскую газету сведения об этих делах, которые почему-то должны были считаться секретом даже тогда, когда о них производил расследование сенатор Клушин.

Самое прискорбное явление нашей эпохи это то, что принципы, казавшиеся способными одушевлять людей в дни кризисов, то есть патриотизм, свобода, оказываются несостоятельными перед напором грубой материальной силы. Франция — эта классическая страна чести, патриотизма и свободы — склоняется в прах перед Пруссией. Сорокамиллионный народ не может соединиться и настроиться в одном духе, чтобы отстоять свое, чем мог он, по справедливости, гордиться, или чтобы иметь право сказать вместе с Франциском I: “Все погибло, кроме чести”. Прусские пленные офицеры в Лионе ведут себя на улицах с непозволительным нахальством, а французские граждане тешат себя остроумными против них выходками на словах.

31 января 1871 года, воскресенье

Напрасно полагают, что с принижением дворянства у нас образуется настоящая демократия, а с нею вместе и свобода. Забывают при этом одно, что у нас не может быть сплошной демократии, что народ наш всегда разделялся и всегда, или еще по крайней мере очень долго, будет разделяться на *народ собственно и на чиновничество, или бюрократию,* которая и будет стоять во главе его, потому что она непосредственно связана с самодержавием.

2 февраля 1871 года, вторник

В лице Бисмарка Европа подпадает под власть, подобную той, хотя в другой форме, которая тяготела над нею в лице Меттерниха. Там был Священный союз властителей против их народов, прикрытый идеями человечности и христианства. Здесь выдвигается вперед Пруссия в союзе с грубою материальною силою. Но о чем они бьются — все эти обскуранты и деспоты? О том, чтобы властвовать беспрепятственно. Но на какой же конец? Они прикрываются желанием содействовать благу народов посредством всякого рода угнетений и воспрещений. Но разве возможно благо на этом основании? Вот и у нас бюрократия бьется из всех сил, чтобы задушить участие народа в собственных делах при самом его рождении, обещая царю спокойное возлежание на его прерогативах, а народу — безмятежное пребывание во сне, которое она считает величайшим благом. Но утешительно по крайней мере то, что судьба если и смеется над усилиями людей окончательно выбиться из-под ига грубого самовластия и произвола, то, с другой стороны, она не меньше издевается и над усилиями этого произвола вконец поработить себе дух человеческий.

Я имею привычку каждый день перед сном пересматривать и контролировать все, что я делал, говорил и даже думал в течение дня. Всегда почти оказывается, что я имею причину быть недовольным собою в одном из этих отношений, а чаще всего

— во всех трех. Хуже всего, что контроль этот не мешает и в следующие дни иногда повторяться тем же ошибкам. Тем не менее этот метод обращаться с самим собою нельзя считать совсем бесплодным. Если накануне произнесенный над самим собою приговор не ускользает при обычном житейском волнении из моей памяти, то он содействует по крайней мере уменьшению глупости, готовой повториться. Значит, надо особенно налечь на память.

4 февраля 1871 года, четверг

В первые годы нынешнего царствования я был пленен прекрасными и благородными начатками, обещавшими России лучший порядок вещей, без потрясений и жертв. Способным людям было тогда стыдно и преступно не помогать правительству в его благих намерениях, и так как меня тоже считали в числе людей способных и вызывали на деятельность, то я с жаром устремлялся на подобные призвания, помимо моей ученой и литературной карьеры. Воодушевленный этими стремлениями, я находился при министре Норове, принимал участие в комитете из графа Адлерберга, Тимашева и Муханова, взялся за основание, официальной газеты и проч., несмотря на порицания крайней партии. Но немного времени прошло, как мне пришлось горько разочароваться и убедиться, что всему хорошему у нас суждено начинаться, но никак не продолжаться и доходить до цели. Может быть, и я сам действовал не с тем тонким благоразумием, которое в борьбе различных мнений, интересов и страстей все-таки успевает что-нибудь приобрести в пользу добра.

Но с другой стороны, что делать, когда целая система на вас напирает и увлекает за собою все высшие силы, располагающие судьбою дел? Хоть бы вы и умея действовали, а в конце концов все-таки вам придется или действовать с нею совсем заодно, или устраниться, а то и быть устраненным. Так было и со мною. Весьма естественно, что в общем ходе вещей меня нашли неспособным идти общею дорогою. Я и сам пришел к подобному же заключению, но полагаю, что это не столько по духу сопротивления и обдуманному плану, сколько по инстинктивным влечениям моей природы, что, конечно, не доказывает большой мудрости.

А между тем все это так просто и естественно. Самодержавие обеими руками держится за свою божескую власть; чиновники держатся за самодержавие и поддерживают его, потому что они, как насекомые, появляющиеся с сиянием солнца и с ним исчезающие, только им и держатся; народ, еще не пробудившийся от тысячелетнего сна, шевелится, переваливаясь с боку на бок и не зная, идти ли ему и куда идти; интеллигенция борется с чиновничеством, стараясь скрыть, что она посягает на самодержавие, хотя посягает на него уже тем, что дерзает бороться с его орудиями и рабами. Что из всего этого выйдет?

8 февраля 1871 года, понедельник

Нынешняя зима приводит всех в изумление своею лютостью и своим постоянством. Почти весь январь и февраль по нынешний день мороз держится между двадцатью и двадцатью пятью градусами, а в местах более открытых доходит

и до тридцати.

Сколько бы ты ни приобрел друзей, а все-таки при конце твоей жизни ты останешься один с своею совестью.

Говорят, Бисмарк есть только орудие исторической Немезиды, карающей французов за их легкомыслие, тщеславие, за тревоги, какие они возбуждали в народах своею революционною пропагандою, и проч. Допустим, что это так, но разве завидная доля быть палачом?

14 февраля 1871 года, воскресенье

На акте в университете. Речь Хвольсона о семитических народах. Он полагает, что народы семитические стоят выше арийских. Впрочем, о семитических народах вообще он говорил мало. Вся диссертация его посвящена почти исключительно восхвалению высокой образованности и качествам евреев. Хвольсон — сам еврей. Много натяжек, много поверхностного в своей речи. Одно место, однако, вызвало громкие рукоплескания. Это то место, где оратор, восхваляя мирные доблести евреев, неблагосклонно выражается о воинственных стремлениях европейцев и изъявляет желание, “чтобы пушки и ружья переделаны были в плуги, а казармы — в школы”. Жаль только, что это было приведено в речи, как говорится, ни к селу, ни к городу, а только ради эффекта.

17 февраля 1871 года, среда

Акт православной духовной академии. Акт этот замечателен тем, что он первый торжественный и публичный акт в этой академии. Ректор Янышев прочитал отчет, искусно составленный, в котором не было недостатка в любезностях обер-прокурору графу Д.А. Толстому, митрополиту Исидору, государю, наконец самому Иисусу Христу. Потом Коялович прочитал речь “О безверии в нашем обществе в настоящее время”. Речь вышла довольно слабая. В ней, вместо безверия нашего времени, было говорено о ересях XIV, XV и XVI веков. Автор, кажется, не сообразил, что эти ереси были не безверием, а разногласием в вере, тогда как безверие нашего времени, если уж на то пошло, идет вообще против принципа всякого верования, в чем большая разница. Впрочем, Коялович вовсе не коснулся последнего, так что речь оказалась не тем, что обещало ее заглавие.

Я между прочим, познакомился здесь с известным протоиереем Богословским и с двумя профессорами академии, Чистовичем и Нильским.

Мир Пруссии с Францией, или, вернее, перемирие, потому что бисмарковские условия, на которые Франция в настоящую минуту принуждена согласиться, таковы, что ни один народ, не погибший окончательно, не может считать их для себя навсегда обязательными. .Можно только бояться, чтобы французы, по пылкости своего темперамента, не покусились свергнуть с себя оковы этого невозможного мира прежде, чем они вполне приготовятся к новой войне.

18 февраля 1871 года, четверг

Сегодня похороны Татаринова, бывшего государственного контролера. Это один из тех деятелей нашей высшей администрации, каких у нас немного. На место его назначен А.А.Абаза.

Если есть честный, не фальшивый человек, не лицемер, не лжец в нынешнем политическом мире, так это Бисмарк. Он не прячет своих целей под цветами вымышленных добродетелей и мнимогуманных стремлений. Он прямо и смело делает то, что хочет. У него железная воля и железная рука: он прямо простирает ее над Европою, не заботясь даже одеть ее в бархатную перчатку.

21 февраля 1871 года, воскресенье

Храмовой праздник в Римско-католической академии и обед. Превосходная рыба, множество любезностей и улыбок, гимн “Боже, царя храни” и в заключение даже тост за меня.

22 февраля 1871 года, понедельник

У графини Блудовой, где опять поспорил с нею и с братом ее за французов, которых они считают скверными и вполне достойными постигшей их участи. Но нельзя же смотреть на народ так односторонне, только со стороны его недостатков и ошибок, в противном случае — куда бы и нам деваться?

7 марта 1871 года, воскресенье

Красные и Наполеон III, кажется, решились соперничать, кто из них вернее погубит Францию.

8 марта 1871 года, понедельник

Две враждебные силы атакуют Петербург: эпидемическая оспа и эпидемическая холера. Последняя как-то вдруг поднялась и выросла. Первою жертвою ее был сын принца Ольденбургского, а там пошла она косить. Да какая свирепая — в три, в четыре часа кончает дело смерти, точно пруссак, в шесть месяцев разгромивший Францию. Оспа, хотя не так смертоносна, однако все пустились прививать ее себе. Хорошее времечко: люди и природа спорят друг с другом, кто больше истребит людей. А вот и во Франции новая революция.

12 марта 1871 года, пятница

Умер Александр Григорьевич Тройницкий, член Государственного совета. Это потеря и для общества и лично для меня. Он был честный, благородный человек и просвещенный администратор. Мне он был близкий человек, понимал меня и любил. Он несколько времени тому назад, месяца три, был очень болен, но совсем

оправился. Недели за две я был у него, и мы поговорили с ним часа два, по обыкновению очень дружески и приятно. В среду он почувствовал припадки холеры, а в пять часов утра его уже не было на свете.

13 марта 1871 года, суббота

Похороны Тройницкого. Бесчисленное множество звезд и лент. Были: государь, наследник, великие князья Константин и Николай. Я проводил моего старого приятеля от его дома до Владимирской церкви. Его повезли на Волкове.

Пихлер, обокравший Публичную библиотеку, — говорят, он украл более 4000 томов, — посажен под арест и предан суду.

16 марта 1871 года, вторник

“Московским ведомостям” дано предостережение уже второе. Они, по обыкновению своему, сильно и справедлива говорили о сепаратических стремлениях остзейских немцев, но, к сожалению, по обыкновению своему, впали в чересчур резкий и заносчивый тон. В обществе нашем вообще сильно распространено мнение, что у нас слишком покровительствуют немцам и пруссакам, даже в подрыв русским народным интересам. Недавно какой-то варшавский жид, как говорят, в союзе с берлинскими капиталистами, едва не овладел всем волжским судоходством под предлогом очистки засорившегося в некоторых местах русла реки. Это грозило страшною монополией, которая должна была обратить в ничто все наше пароходство на Волге. Рейтерну принадлежит честь, что он разрушил этот пагубный замысел, на который было согласился государь по ходатайству графа Бобринского. Но Рейтерн больной поехал к государю и объяснил ему дело в настоящем свете. Государь был этим очень огорчен и сделал выговор Бобринскому, причем между прочим сказал, что он очень дурно окружен. Бобринский захворал и больше не управляет министерством. Говорят, что по ведомству путей сообщения открыто много злоупотреблений.

18 марта 1871 года, четверг

Литература наша скачет на одной ноге, глядит одним глазом.

27 марта 1871 года, суббота

Страшно за Францию. Она в данную минуту точно перестала быть народу отечеством, государством и становится страною, территорией. В ней есть социалисты, коммунисты, конституционисты, легитимисты, орлеанисты, империалисты, но нет французов. Замечательно, что в разных воззваниях вы редко встретите обращение к французам, а почти всегда к идеям партии, от которой идет воззвание. Партии раздирают Францию, и каждая тянет к себе кусок, не заботясь об остальном.

Англия предлагала Пруссии, не желает ли она спасти Париж и Францию от ужасов междоусобной войны. Францию могут спасти только французы, найдутся ли они?

8 апреля 1871 года, четверг

Все сильно заняты одесским происшествием. Непостижимы действия, или, лучше сказать, бездействия, местной администрации. Она не только не позаботилась предотвратить народное волнение против евреев, чего можно было опасаться по прежним примерам, но дала разгореться настоящему бунту, который свирепствовал целых три дня и почти повсеместно сопровождался грабежом. Говорят, генерал-губернатор Коцебу играл здесь жалкую роль. Существует подозрение, что администрация умышленно бездействовала. Враждуя с судами, она будто бы притворилась, что они парализовали ее власть, и ссылалась на то, что полицейские чины потому и не смели принять энергических мер. Впрочем, администрация, наконец, приняла их: спустя три дня она немилосердно секла и правого и виновного, кто только подвернулся ей под руку. Пишут, что несколько человек отвезены на кладбище после экзекуции, в том числе мальчик четырнадцати лет. Одним словом, не обобраться слухов.

11 апреля 1871 года, воскресенье

На диспуте в духовной академий. Профессор Чистович искал степени доктора. Возражения ему были довольно полновесные, но докторант защищался с замечательною ловкостью и достоинством. Вообще это человек с умом, большими сведениями и с талантом. Предмет был трудный и любопытный: историческое изложение идеи бессмертия в древнем мире и в христианстве. Главное положение заключалось в том, что идея бессмертия у древних была безличная, христианство первое установило бессмертие лица. Вообще диспут был очень занимателен и неутомителен, несмотря на свою продолжительность. Тут встретил я много своих знакомых, между прочим Макария, архиепископа виленского, Василия Борисовича Бажанова, Делянова и проч.

Парижская коммуна требует совершенной перестройки, или, лучше сказать, замены государства конфедерацией общин, то есть полного осуществления социалистических теорий. Государство, по мнению этих великих реформаторов и учителей, отжило, и начинается жизнь общин. А что же вы сделаете из государств, и больших ныне существующих государств, которых все-таки немало найдется на белом свете? Как, что? Мы их разрушим: для этого-то и следует учредить всемирную революцию, а затем что будет — *не* наше дело. Едва ли в истории человечества было другое подобное безумие. Бедные люди! И все это делается на счет их крови. Ведь и Пруссия немало пролила ее во имя германского единства.

14 апреля 1871 года, среда

Природа скупо до скаредства отпускает нам тепло. Ни одного дня не было

теплого во весь март и в апреле по сих пор. Таков-то сей парадиз Петра Великого!

Вот мы приятели с N [Гончаровым]. Но стоит мне не согласиться в разговоре с его мнением, хотя бы дело шло о жителях луны, он непременно сделается моим врагом. Такова терпимость мысли у русских образованных людей.

А вот нас несколько человек заседает в комиссии, которой поручено рассмотреть такое-то дело и дать о нем свое заключение. Господин N. составил себе такое-то мнение. Но случись на беду, что другой господин, NN., на две минуты предупредил первого и высказал свое мнение, совершенно сходное с мнением товарища. Что же делать этому? Согласиться, — как можно! Самолюбие воспрещает. Он наскоро выдумывает другое мнение или пристает к мнению третьего, вполне противоположному его собственному убеждению, чтобы только не признать чьего-нибудь первенства. Таков дух ассоциации почти во всех наших общественных собраниях…

15 апреля 1871 года, четверг

Умы сильно возбуждены борьбою между классицизмом и так называемым реализмом в деле нашего образования. Дело это рассматривается в Государственном совете. Министр народного просвещения, по внушению Каткова и Леонтьева, отстаивает проект в пользу классицизма, состоящий в том, что университет должен быть доступен только тем, которые кончили курс в классических гимназиях, то есть изучали греческий и латинский языки. Для прочих учреждается реальное училище. Была учреждена комиссия для составления устава этих училищ, комиссия из лиц, известных по разным отраслям науки. Они начертали проект в довольно широких размерах, который давал бы общее и реальное образование без древних языков.

Каткову и Леонтьеву показалось, что училища, основанные по этому плану, отнимут молодых людей у классических гимназий, они составили свой проект, на основании которого реальные училища получают характер *технически-ремесленных* заведений. Министр видит глазами и судит умом Каткова и Леонтьева; их-то проект он внес в Государственный совет. Тут на днях разразилась страшная буря. Против министра народного просвещения восстали Милютин, граф Панин, Грейг, Головнин, Грот, Чевкин и доказали нашему министру, что его проект, заграждающий доступ в университет молодым людям, которые не знают греческого языка, решительно клонится к тому, чтобы убить образование в России, делая его достоянием только немногих имеющих способности и возможность учиться погречески. Вышеназванные лица требовали для реальных училищ права для поступления в университет и находили нужным допустить в них латинский язык.

Публика с лихорадочным нетерпением ждет, чем все это кончится; газеты сильно спорят. Против исключительного и одностороннего классицизма энергически восстают “Голос” и “С.-П. ведомости”, особенно последние, которые убедительно и остроумно отстаивают права общего образования с допущением в университет. Граф Толстой, надо согласиться, играет во всем этом довольно жалкую роль. В заседании Государственного совета он не мог сказать ничего веского, а только раздражался и грозил, что оставит министерство. Между тем Катков почти

безвыходно у него сидит, начиняя его аргументами в пользу своего проекта, а Маркович и Х. пишут задорные статьи в “Биржевых ведомостях”, которые почему-то стали на сторону классицизма.

23 апреля 1871 года, пятница

В старости большею частью уже не делают новых умственных и нравственных приобретений, а живут запасом или капиталом, добытым прежде.

Наклонность к розни едва ли не лежит в основе русского духа, на этом и покоится незыблемо самодержавие.

29 апреля 1871 года, четверг

Разбирая беспристрастно, без всяких предубеждений проект Каткова и Леонтьева, вот к какому, кажется, результату должно прийти. Намерение их, может быть, очень хорошее: они хотят положить основание прочному и серьезному образованию и думают достигнуть этого посредством классицизма. До сих пор это очень хорошо. Но капитальная ошибка их в том, что, требуя от гимназии исключительного изучения древних языков и только воспитанникам этих гимназий открывая двери в университет и затворяя их перед учениками так называемых реальных училищ, они низводят реальное образование почти до степени ремесленного. Но, разумеется, это они делают потому, что с возвышением реальных училищ их классические гимназии могут подвергнуться опустению, а это убило бы самую сущность их классического проекта. Вот это-то невнимание к реальным наукам, угрожающее им решительным упадком, и вооружает против министра с Катковым и Леонтьевым все общественное мнение и всех естественников.

В состоянии ли классические гимназии приготовлять учащихся в них к высшим специальным заведениям так, как они могут приготовлять к высшему ученому образованию в университетах? Конечно, нет. Но и реальные училища, в том виде, какой хотят им дать Катков и Леонтьев, тоже не в состоянии этого сделать. И таким образом в конце концов мы не будем иметь людей, вполне и основательно образованных для множества реальных целей в обществе, и лишим последнее способов преуспевать во всем, что составляет его силу и богатство. Полезно ли это?

Крайние приверженцы классицизма опасаются, что у нас вовсе не будут учиться классическим предметам, если открыть путь в университет воспитанникам реальных училищ — разумеется, с латинским языком. И вот находят нужным употребить принуждение — насильно привлекать молодых людей в классические гимназии. Едва ли это хорошо.

30 апреля 1871 года, пятница

Завтра май, и ни малейших признаков чего-нибудь похожего на весну. Каждый день то дождь со снегом, то дождь с ветром, неспособным внушать никаких весенних мыслей. Мосты на Неве до сих пор не наведены: ладожский лед тянется по

реке сплошными массами — его, кажется, станет на целое лето. Пастухи покусились было на Георгиев день, по обычаю, вывести коров в поле. Но там не оказалось еще ни стебля травы, и вот уже несколько дней, как призывная труба, сзывающая стадо на улице, смолкла. Словом, все как следует тому быть по принципу наивеличайшей гадости.

Когда нет предметов для разговоров, лучше молчать, чем болтать вздор.

1 мая 1871 года, суббота

Вот и май, в котором и тени нет ничего майского в сем *парадизе*, как Петр Великий называл новостроящийся Петербург. Вчера и сегодня Нева покрыта льдом, который не перестает тянуться из Ладожского озера.

Вечер у И.П.Корнилова. Встретился с Катковым. Он по обыкновению обнял меня, как старого приятеля, но от откровенной беседы уклонился, очевидно опасаясь услышать от меня мысли, несогласные с его крайне классическими убеждениями и неодобрительные для *крутости, с* какою хотят ломать головы и приноровлять их к классической мерке.

7 мая 1871 года, пятница

Все эти дни по Неве тянется сплошной ладожский лед, а в воздухе так холодно, что я после двух попыток перейти к теплой шинели опять вернулся к шубе, с которой до сих пор не расстаюсь. Вчера было 4R тепла. А сегодня дождь, сырость, холод и вообще всякие мерзости, из которых нельзя выкроить не только мая, но и сентября даже, а разве только октябрь, да и то плохой.

Стоит поближе всмотреться в некоторых так называемых передовых людей нашего времени, чтобы невольно почувствовать к ним особого рода сожаление, не лишенное доли презрения. Правда, они много говорят, и даже очень громко, о низших классах, о приумножении вещественных благ последних, о свободе просвещения, о наилучшем устройстве общества и разных отраслей управления. Они либеральны с головы до ног. Но либерализм этот, исходя из их головы, оканчивается у их собственных ног. Крича что есть мочи о всем вышеупомянутом, они действительно с полным усердием работают над приумножением своих собственных материальных благ. Как высокомерны они, как напыщенны! С каким презрением смотрят они на все, что не входит в программу их собственных действий! Эти либералы и провозвестники свободы готовы растерзать всякого, кто осмелится предъявить свое мнение, несогласное с их мнениями. Если эти передовые люди таковы, то что же сказать о тех, которые стоят или идут позади их!

Есть поток нравов, который увлекает малодушных людей и делает из них вовсе не то, чем они могли бы быть, предоставленные природным своим наклонностям.

Да простит нам высокодаровитый писатель, но этот характер (бабушки в “Обрыве”) в заключении является психологической фальшью и клеветою на русскую женщину.

13 мая 1871 года, четверг

Коммуна перестала существовать. Версальцы в Париже. Но бунтовщики успели зажечь его в разных местах, опрокинуть Вандомскую колонну и разрушить дом Тьера. Самое ужасное последствие диких злодейств — это позор, который они наложили на всякое стремление к общественному усовершенствованию и обновлению. Такой оргии самых постыдных и нелепых злодейств — оргии опьяневшего грубого своеволия и разнузданных страстей, под видом любви ко всеобщему благу, свет еще никогда не видал. И если Франция после этого не образумится, не покончит навсегда или по крайней мере на очень долго со своим любимым времяпровождением, то придется согласиться, что она обречена на гибель.

Проклятая коммуна совсем скомпрометировала дело свободы. Не было и не будет большего торжества деспотизма, как то, которое она ему доставила своими отвратительными оргиями.

16 мая 1871 года, воскресенье

Вчера было окончательное заседание Государственного совета по делу об учебной реформе. К шести прежним голосам в комиссии присоединилось двенадцать. Всех присутствующих было двадцать семь. Если вычесть 18 голосов из 27 — восемнадцать, оказавшихся против классицизма, — то на стороне последнего окажется меньшинство в девять голосов. Разумеется, большинство здесь ничего не решит, а решит его власть предержащая, которая, как говорят, уже предрешила его в пользу классицизма.

Сегодня был у меня Г.П.Небольсин. Он-то и передал мне то, что происходило вчера в Государственном совете. Милютин, военный министр, произнес блистательную речь против исключительного классического образования. Говорили еще граф Панин и Головнин — тоже против. С ними заодно были и князь Горчаков и Гагарин.

Во всяком случае, если граф Толстой в конце концов и восторжествует, торжество это будет печальное. Против него не только все общество, но и первое в государстве собрание — совет в лице лучших и самых влиятельных своих членов вместе с большинством.

В обществе, впрочем, сильно распространена уверенность, что проект графа Толстого, если он окончательно будет принят, при исполнении встретит непреодолимые затруднения, и все надеются, что реформа продержится недолго: ее убьют сила вещей и всеобщее нерасположение.

Но я боюсь другого, другой опасности. По проекту графа Толстого реальные училища должны сообщать самое поверхностное знание в науках так называемых реальных — лишь настолько, чтобы приготовлять ремесленников и техников. Здесь будет учиться множество юношей среднего и бедного сословия и получать образование самое поверхностное. А такое образование способно не столько

укреплять умы, сколько раздражать их, и, при действии духа времени и при расположении умов в обществе, оно является чуть ли не главною закваскою так называемого нигилизма, который думают устранить классическими гимназиями.

Высокомерие есть порок смешной и глупый, а известно, что поверхностное знание, да еще без других хороших качеств, удивительно располагает к высокомерию.

23 мая 1871 года, воскресенье

Дожди и холода, холода и дожди. Многие, уже переехавшие на дачу, опять возвращаются в город.

24 мая 1871 года, понедельник

Сегодня, наконец, как будто повеяло весною — дождливо, но тепло. Теперь авось и деревья начнут серьезно распускаться — не одни молоденькие, легкомысленные деревца.

Человек исправляется от многих пороков по мере того, как теряет к ним вкус и способность.

Есть шайки воров и разбойников, которые так и называются, но есть такие, которые носят имена прусских солдат, социалистов, коммунистов, национальных гвардейцев и т.д. Социалисты, подобно испанцам, огнем и мечом проповедовавшим в Америке христианство, навязывают людям свою общественную систему. А не хочешь — так голову долой! Чем лучше этих испанцев поступали в Париже те, которые керосином и петролеумом крестили людей с целью насильственно обращать их в свою политическую веру?

Не велика ли нелепость стремиться превращать отдаленное и сомнительное будущее в настоящее?

29 мая 1871 года, суббота

Переехали на дачу в Павловск, по Фридериценской улице в доме Шигаевой.

30 мая 1871 года, воскресенье

А сегодня опять сильнейший холод, тепла всего 4R, отвратительнейший дождь.

7 июня 1871 года, вторник

Хорошее в жизни кажется мне до того исключительным, что когда оно в редких случаях выпадает на мою долю, мне становится как-то неловко и совестно перед самим собою и людьми, точно я незаконно урвал его у судьбы.

Граф Толстой, проводя свой проект классицизма, по-видимому нисколько не взвесил последствия его. Воспрещая вход в университет тем, которые не могут или не хотят учиться по-гречески, он необходимо должен был восстановить против себя общественное мнение, которое вовсе не приготовлено к тому, чтобы ценить классическое образование и ставить его так высоко, как ставят его Катков и Леонтьев. С ничем не оправдываемым высокомерием он не обращал ни малейшего внимания на это общественное мнение, не позаботился хоть сколько-нибудь ознакомить его с готовящеюся реформою и такое важное дело, как воспитание и образование целого народа, хотел порешить указом, вдруг, одним ударом пера, которое ему очинили те же Катков и Леонтьев. Он не хотел выслушать ничьего мнения, даже не опровергал возражений, которые ему делались в Государственном совете, и только твердил одно, что он подаст в отставку, если проект его не будет принят, полагая, вероятно, что в нем, графе Толстом, все спасение России. Он не хотел и не мог понять, что в Германии и Англии, где долго поклонялись классицизму и где он действительно оказал важные услуги, он водворился не указами и администрацией, а рядами веков. Однако и там уже перестают ему безусловно поклоняться и не запирают дверей в университеты тем, которые знают по-латыни, но не знают по-гречески.

Вы хотите, то есть Коммуна хочет, закон естественного развития, который царит над всем миром, заменить катастрофами и потопить в крови все содеянное этим законом в прошлом.

11 июня 1871 года, пятница

Сегодня Благовещенский привел ко мне француза, перешедшего в православие и сделавшегося священником, отца Виктора, который отправляет летом церковную службу в здешней (в Павловске) полковой церкви. Его оправославил наш бывший русский священник в Париже, Васильев. Не знаю, насколько отец Виктор обширно образован, но на первый взгляд он мне показался то, что называется добрый малый. По-русски он говорит как настоящий русский.

Государь согласился с мнением меньшинства Государственного совета: отныне университеты доступны только тем, которые, учась по-латыни, учатся по-гречески. Так следовало и ожидать.

30 июня 1871 года, среда

С 10 или 11 июня начались сильные жары и продолжаются до сих пор без капли дождя. Удушливый зной мешает выходить из комнаты днем, да и вообще что-нибудь делать. Еще кое-как работать можно только ранним утром, а гулять по вечерам, которые дивно хороши.

За человечество глупо отчаиваться. Режется ли оно, истребляет ли оно вековые памятники своей истории, ворует ли оно и грабит во имя военной славы и разного рода объединений и уравнений и проч. и проч. — оно все равно живет и не умирает. Ведь это главное в видах природы.

Нужно, чтобы было пугало, иначе вороны и всякие хищные птицы выклюют все зерна, посеянные трудом человека. Пугала же, увы, обыкновенно делаются из чего-нибудь безобразного, иначе оно и не было бы пугалом.

4 июля 1871 года, воскресенье

Жары чрезвычайные. Вероятно, на долю их, по крайней мере отчасти, следует отнести отсутствие душевной и телесной энергии, какое я ощущаю.

Вчера военная команда из детей, набранных великим князем Николаем Константиновичем, брала приступом крепость и ночевала на бивуаках вокруг пруда. Гремела пушечная пальба, пускались ракеты. Была масса зрителей.

5 июля 1871 года, понедельник

Общественное внимание сильно возбуждено процессом Нечаева. Газеты только о нем толкуют.

14 июля 1871 года, среда

Нечаевский процесс продолжает волновать общество.

18 июля 1871 года, воскресенье

Извлечь из данной силы все, что в ней есть, не злоупотребляя, — это и есть задача художественной обработки ее.

Возбуждать полудикий народ к восстанию, давать ему в руки топоры — не есть ли это политическое безумие? Наше время слагается в нашей стране из невежества администраторов, заносчивости ученых и неученых естествоиспытателей, самонадеянных поборников классицизма, из деморализации и бестолковости общества.

22 июля 1871 года, четверг

В обществе самые противоречивые суждения о суде по нечаевскому делу. Одни находят его торжеством нового судопроизводства, другие сильно порицают его за слабость и потворство. Последние особенно недовольны действиями председателя Любимова. Он, говорят они, не останавливал защитников в тех местах, в которых те развивали свои чересчур либеральные тенденции и касались вопросов, не относящихся к делу. Последнее особенно приписывается речи Спасовича, который сделал из нее лекцию о том, как происходят революционные движения по вине правительства и в силу обстоятельств, невольно увлекающих молодых людей на путь, где очутились подсудимые. Сверх того, председателя еще не хвалят за слова, сказанные им четырем оправданным, что их место отныне между ними, судьями, разумея под этим, конечно, общество.

30 июля 1871 года, пятница

Катков в N 161 “-Московских ведомостей” очень умно и талантливо говорит много дельного и правдивого относительно нечаевского дела, но он все-таки не договорился до всей правды. Да и нельзя договориться до нее публично. Что все эти восстания и агитации юношей есть бред полуобразования и т.п. — в этом нет сомнения. Но не следует забывать и того, какую грустную и скверную школу они проходят с детства. Что слышат и видят они беспрестанно вокруг себя в обществе и в администрации? В одном — полное отсутствие честности, уважения к закону, чувства долга, всякого рода кутежи и развраты и т.д. А в администрации? И говорить о ней неприятно, а терпеть от нее приходится на каждом шагу. Да ведь нельзя же этого уничтожить вдруг, особенно теми средствами, к каким прибегает так называемый нигилизм? Конечно. Но говоря о причинах наших печальных волнений, нельзя не сказать того, что в юношах невольно зарождается ненависть и презрение к такому порядку вещей. И что тут действует не одна нравственная распущенность, но и кое-какие благородные побуждения. И можно бы только желать, чтобы они не бросались очертя голову на то, что, с одной стороны, превосходит их силы, а с другой — приводит их к преступным и безнравственным целям.

7 августа 1871 года, суббота

Если бы жизнь ценилась исключительно по тем благам, которых мы жаждем и которых не получаем, как бы немногим из живущих не пришлось бы желать скорее от нее избавиться. Нет! Цена жизни в ней самой. Жить, то есть мыслить, чувствовать, действовать, — этого одного довольно, чтобы заставить человека любить жизнь.

8 августа 1871 года, воскресенье

Любовь приобретается заслугами. Какое я право имею на исключительное чувство привязанности ко мне существа, подобного мне, если я ничего для него не сделал, чего для него не могли или не хотели сделать другие? Конечно, я говорю не о той любви, которая основана на инстинкте, как любовь родителей к детям, детей к родителям или любовь половая. Об этих любовях нечего сказать: сила и степень их зависит от разных случайностей, от темперамента и проч.

9 августа 1871 года, понедельник

Вчера был прелестнейший день. Кажется, это была последняя улыбка лета. Сегодня пасмурно и холодно. Впрочем, надо быть благодарным. Почти весь июнь, июль и первая неделя августа отличались необычайною прелестью. Особенно прекрасны были вечера — теплые, каких я здесь не запомню. Перепадали дожди, поистине тропические. Они только увлажали почву, но не охлаждали воздуха. Словом, лето редкое в Петербурге. Но вот и оно пролетело. Пора готовиться ко всем

превратностям петербургской осени.

10 августа 1871 года, вторник

Ночью погода взбесилась — ревела буря, а дождь бил в окна так, что я боялся, они разобьются.

12 августа 1871 года, четверг

Надо всячески избегать споров: в них невольно разгорячишься и непременно скажешь или глупость, или резкость, о которой после пожалеешь.

28 августа 1871 года, суббота

Много толков по поводу изъявленного высочайшею властью неудовольствия на суды за то, во-первых, что председатель вел себя слишком гуманно и любовно с подсудимыми по Нечаевской истории и что он не останавливал адвокатов там, где они слишком распространялись в общих понятиях о сущности и различии заговора и тайных обществ; во-вторых, за то, что суд оправдывает некоторых, а не всех приговаривает к каре. Говорят, граф Пален просил прощения, что дурно выбрал председателя, а когда Эссен хотел объяснить, почему суд не всех огулом обвиняет, то его не хотели слушать. Как бы то ни было, а юстиция наша в опале.

Происшествие в Павловске. В девять часов вечера кто-то выстрелил в темноте из револьвера и ранил одного из двух проходивших по аллее разносчиков-гребенщиков. Это случилось у Солдатской слободки, возле пруда, недалеко от дач, откуда еще не все съехали. У гребенщика оказались три раны. Опасаются за его жизнь, так как одна пуля засела где-то далеко и ее не могут найти. Происшествие навело панику на жителей Павловска, но, кажется, напрасно. Тут, как оказывается по некоторым соображениям, действовали вовсе не злоумышленники с целью грабежа. Около самого того места, где последовал выстрел, живет какой-то господин, у которого, говорят, два взбалмошных сына.

Один из них потешался с револьвером и хотел выстрелить в темноте по деревьям, а попал в человека. Полиция, неизвестно почему, заминает это дело.

12 сентября 1871 года, воскресенье

Переезд с дачи. Нестерпимо холодно.

Хлеб приготовляется для того, чтобы его есть; факты приводятся в известность для того, чтобы давать пищу рассуждениям, обобщениям и деланию из них выводов, — словом, они должны служить средством для известных действий, а не служить конечною целью.

Судьба народа зависит от того, в какой мере он одарен способностью сопротивления. Это способность, в силу которой предмет можно гнуть только до

некоторой степени, ибо он всегда может снова выпрямиться и принять должное направление. Но если этой способности у народа нет, то, что вы с ним ни делайте, он годен только на то, чтобы служить орудием в руках другого.

Лучшее свойство хорошего ума состоит в том, чтобы под благовидностью истины угадывать ложь.

15 сентября 1871 года, среда

Всеобщее возбуждение в Петербурге по причине непомерной дороговизны квартир и дров. Домовладельцы страшно возвышают цены на квартиры: кто прежде платил, например, 700 рублей, с того требуют 1000 и больше. Дрова с четырех рублей и 4 руб. 50 коп. дошли до 7 рублей за сажень и угрожают дойти до десяти. Цены небывалые в Петербурге. И вообще все предметы потребления страшно вздорожали.

20 сентября 1871 года, понедельник

Провидением Петербурга в данную минуту является Трепов. Едва оправясь от тяжкой болезни и вступив в отправление своей должности, он уже принимает решительные меры к облегчению беднейшего класса жителей посредством закупки в больших массах дров и распродажи их по удешевленной цене. Говорят, что дрова так вздорожали от стачки мошенников — дровяных торговцев.

2 октября 1871 года, суббота

Первый вечер после летнего отдыха у И.П.Корнилова, на нейтральной почве, как справедливо выразился Благовещенский. Кого тут не было и сколько людей тут было! И каждый со своими тенденциями политическими, литературными, общественными. Но это само собой разумеется: сколько голов, столько умов. Не в этом и дело. Разнообразие в Божьем мире неисчерпаемо, а разномыслие и разноголосица в русском мире бесконечны. Но вот беда: самолюбия в этом разногласии ненасытные. Вступая в разговор с другим, каждый сначала как будто готов на компромисс; он любезно приглашает вас высказать ваше мнение, по-видимому для того, чтобы прийти с вами в соглашение или по крайней мере признать за вами право на ваше собственное мнение. Но попробуйте высказать его откровенно, если оно сколько-нибудь ваше и самостоятельно, вы встретите такой отпор, как будто нанесли вашему собеседнику личное и кровное оскорбление. И что за хаос мнений! Как легко распространяются самые нелепые слухи! Как во всем господствуют пристрастие и личные виды! Ходишь в этой толпе, как в чаду, с отягченною головою.

6 октября 1871 года, среда

Поднимается великая буря на Академию наук в кругу интеллигентного

общества за избрание в адъюнкты ее по креслу истории Пыпина. Избрание это, впрочем, состоялось еще только в отделении, и пройдет ли оно в общем собрании — это еще вопрос. Говорят: “Как можно было избрать Пыпина по части истории за одну только статью, написанную им в “Вестнике Европы” об Александре I и Карамзине?” И далее: “Почему же не избрали Костомарова, который и есть настоящий деятель по русской истории?” Особенно кричат и вопят те, которые недружелюбно относятся к “Вестнику Европы”. К ним, разумеется, примыкает и партия министерства народного просвещения. Эта последняя грозит, что министр при докладе государю об утверждении Пыпина может сделать такие замечания, в силу которых Пыпин, пожалуй, окажется неутвержденным. Так думают Срезневский и Веселовский. Скандал большой. Правда, по моему мнению, состоит в следующем. Не Пыпина, а Костомарова действительно следовало избрать на кресло истории. Заслуги Костомарова и его дарования в этой области всеми признаны, и Пыпин, конечно, не может быть не только предпочтен ему, но и поставлен с ним наряду. Между тем последний мог бы быть по всем правам и по всей справедливости избран во Второе отделение по части истории русской словесности — и это, конечно, никого не удивило бы, не обидело и не озлобило. Теперешнее избрание приписывают интригам Пекарского и Веселовского. Оно, может быть, и так. Посмотрим, что сделает общее собрание… Вот уже явилась и статья в “Голосе” против избрания Пыпина.

7 октября 1871 года, четверг

Главная причина нравственных беспорядков нашего времени — в усилившейся страсти к наслаждениям и в отсутствии понятия о долге, которое должно умерять и обуздывать эту страсть.

15 октября 1871 года, пятница

Всем известно, что между крайностями есть середина, но немногие видят и понимают истину, которая лежит в этой середине.

Была у меня Кельсиева. Эта бедная женщина провела лучшую часть своей жизни в приключениях, которые выпадают большей частью на долю женщины, богато одаренной красотою и блестящими способностям, но лишенной разумного воспитания и руководства. С семилетнего возраста она жила в Италии, где, между прочим, приобрела отличное музыкальное образование, но не приобрела благоразумия. Два раза она была замужем сомнительного свойства и, наконец, в Петербурге влюбилась в Кельсиева, только что возвратившегося из эмиграции по высочайшему разрешению. Так как ей по сердцу было все необыкновенное, то, вероятно, ее прельстила необыкновенная судьба этого политического авантюриста, действительно не лишенного способностей, но в высшей степени легкомысленного и сумасбродного, как многие из наших молодых политических либералов с красною окраскою. Она соединилась с Кельсиевым, думая найти в нем чуть не великого человека, а вместо того нашла человека, совершенно неспособного к какому-либо производительному делу, и к тому же человека, преданного пьянству. Около двух лет

возилась она с ним и наконец, как она говорит, принуждена была оставить его на произвол его жалкой судьбы. Все это она мне объяснила сегодня. Она, очевидно, желает снова попасть в тот круг, где признают ум и талант. Она желает заняться литературным трудом, а что она к нему способна, она доказала своими переводами и разнообразным сотрудничеством у Краевского, который не нахвалится ее усердием и умением. Прежде чем она, на свое горе, познакомилась с Кельсиевым, она в течение двух лет занималась у Краевского, зарабатывая до двух тысяч в год. Кельсиев отвлек ее от этих занятий, и теперь она находится в большом затруднении.

19 октября 1871 года, вторник

Министр граф Толстой, говорят, свирепствует против выбора Пыпина в адъюнкты Академии. На днях за обедом у себя он, в присутствии многих лиц, расточал ужасные укоры на Академию за этот выбор и с обыкновенною своею горячностью объявил, что, пока он министр, он не допустит, чтобы Пыпин сел на академическое кресло. За что такая неприязнь к этому человеку? В данном случае виноват не он, а те любители интриг, которые поставили его в неловкое положение. Сам он человек почтенный и почтенный ученый. Он участвует в журнале “Вестник Европы”, который находится в оппозиции с министром, и притом он не приверженец классицизма и Каткова: уж не в этом ли вся вина его в глазах некоторых?

Кстати о Каткове. Во время прений в комиссии Государственного совета о классицизме и реализме, когда граф Толстой, защищая классицизм, выходил из себя и непомерно его восхвалял, Чевкин по окончании чтения обратился к Толстому и сказал: “Вы, граф, не дочитали всего, что Катков говорит об этом”.

Вся жизнь человеческая состоит из переходных и беспрерывно изменяющихся моментов, а мы привязываемся к разным предметам и положениям, как будто все вокруг нас и мы сами были тверды и долговечны, как гранит.

24 октября 1871 года, воскресенье

Обед у министра народного просвещения графа Толстого. После обеда составился около него кружок. Он много говорил о том, в каком блестящем состоянии нашел он преподавание классических языков в Германии во время летней своей поездки. Я заметил сидевшему около меня Делянову, что у нас этого ожидать невозможно. В Германии несколько веков приготовили эти успехи, и притом такое изучение в духе германского народа. “Уверены ли вы, — прибавил я, — что ваша система может надолго устоять? Какая система долго стоит в России?” Граф говорил хорошо. Жаль только, что во всех речах его слишком резко выделяются его самонадеянность и выставление напоказ своего я. Желательно, чтобы он также скромное выражался о членах Государственного совета, высказавших мнения свои, противные классицизму.

27 октября 1871 года, среда

Если мне что-нибудь скажут дурного о том или другом лице, особенно о том, что это лицо говорило обо мне, то это немножко почешет мое ухо, но я тотчас кладу в него затычку глубочайшего презрения ко всем толкам и слухам и успокаиваюсь.

12 ноября 1871 года, пятница

Пыпин избран в адъюнкты Академии наук по русской истории в сегодняшнем общем собрании: он получил 25 шаров избирательных и 9 отрицательных. В пользу его, кажется, много послужило ругательство “Московских ведомостей” и “Голоса” на Академию, особенно первых. Многие из членов, вероятно, не хотели показать, что они как бы испугались этих ругательств. Известно также, что министр был сильно против этого избрания.

В этом же собрании объявлено было высочайшее согласие на постановку портрета Литке в зале академической, о чем просили академики, или, лучше сказать, Буняковский и Веселовский. Каждый пожертвовал для этого 16 рублей, некоторые, однако, подписались на этот портрет по предложению Буняковского, и не совсем охотно; другие считают такую овацию непристойною лестью. Следовало бы также подумать о графе Блудове. Я говорил об этом Буняковскому, но он сказал, что “тот уже умер, а этот живой”. Буняковский от имени членов сказал президенту речь, на которую тот отвечал, изъявлениями благодарности.

20 ноября 1871 года, суббота

Шидловский назначен товарищем министра внутренних дел на место Обухова, который после четырехлетнего испытания признан неспособным. На место Шидловского назначен М.Н.Лонгинов, орловский губернатор, который в публике известен как отъявленный противник освобождения крестьян, судебного нового устройства, земских учреждений и всех вообще улучшений, какие начаты в нынешнее царствование. Разумеется, от него ожидают самых враждебных действий против печати.

Лонгинова иначе не называют в публике, как Мишкою Лонгиновым. Он никогда не пользовался ни малейшим уважением в обществе. Репутация его была всегда репутацией непристойного весельчака, крикуна, человека, не способного ни к какому серьезному делу. В литературе он известен как собиратель разных исторических и литературных мелочей. Особенно же он прославился стихотворениями самого скандального содержания. Есть его непечатная поэма “Отец”, в которой кощунство и безнравственность доведены до пределов возможного. Сам Барков покраснел бы от стыда, читая эту поэму. Но стихи в ней замечательно хороши.

Я давно знаком с Лонгиновым. Мы были вместе членами комитета в Обществе посещения бедных.

22 ноября 1871 года, понедельник

Вечер у Литке. Собрались все академики и, кроме них, Левшин А.И., Г.П.Небольсин и некоторые другие. Разбились, как обыкновенно, на кружки. Нет, нет, да и наткнешься на разговор о Пыпине. Вот странная судьба его постигла! Утвердят ли Пыпина или нет? — вопрос всех занимающий.

Заходил днем в Публичную библиотеку порыться там в бумагах Сперанского с тем, не найду ли чего-нибудь для моего очерка о нем, который готовлю к академическому акту. Мне нужны были его философские мысли, однако ничего не нашел. Много богословского. Между прочим, черновая рукопись перевода Фомы Кемпийского, который занимал его еще в 1808 году. Картон, заключающий в себе его переписку, особенно любопытен, но некогда было заняться им.

У Литке разговор также о назначении Лонгинова на место Шидловского. Всеобщее удивление и смех.

Есть два рода пороков: одни пороки нашего несовершенства, другие пороки нашей воли.

2 декабря 1871 года, четверг

Нездоровится больше обыкновенного. Во избежание прилива к голове, сидя в креслах, откинувшись на спинку, пишу карандашом о Сперанском к академическому акту.

3 декабря 1871 года, пятница

Общее собрание Академии. Избраны в почетные члены находящийся здесь прусский генерал Г.Мольтке и в экстраординарные академики А.М.Бутлеров. Первый получил из 30 голосов 25, а второй 29.

Обедал у Пинто. Встретил там старых знакомых: Н.Н.Тютчева и Кавелина. С последним долго беседовал. Он все тот же, умный, живой, пылкий, увлекающийся человек. Несмотря на эти некоторые его увлечения, он все-таки один из лучших и способнейших наших людей.

В умном человеке всякая глупость заметнее, чем у других, менее умных людей. Это все равно, что скверная заплата на пышном наряде.

9 декабря 1871 года, четверг

Усилие приобрести расположение к себе всех, с которыми мы обращаемся, похоже на желание, чтобы погода не изменялась и каждый день был бы похож на другой.

Прекрасная поговорка, замеченная мною в одном из журналов, переведенная с французского: “Если нельзя иметь того, что любишь, то надобно любить то, что имеешь”.

По высочайшей воле наряжена комиссия из графа Строганова, графа Толстого,

графа Шувалова, Валуева и графа Литке для исследования о том, имеет ли Пыпин право на академическое кресло.

12 декабря 1871 года, воскресенье

Диспут в университете. Скворцов защищал диссертацию на доктора. Диссертация трактовала о диалоге Платона о *дикции*. Оппонировали отец Сидонский и профессор Владиславлев. Докторант защищался довольно вяло и вообще для доктора не слишком удовлетворительно. Разумеется, ему присуждена докторская степень.

20 декабря 1871 года, понедельник

Дело о Пыпине решилось: комиссия не знала, как сладить с этим делом, и признала за лучшее, чтобы Пыпин отказался сам от звания члена Академии. Это он и сделал. Итак, и сено цело, и козы сыты.

Вот как объясняют пыпинское дело: его устроил Веселовский с Головкиным. На часть Головкина приходилось тут следующее: нельзя ли устроить западню графу Толстому? Он непременно придет в ярость от выборов Пыпина, полезет на стену, по обыкновению своему раскричится и разругается на целый город, а при докладе государю употребит все усилия подорвать выбор Академии. Может случиться, что государь согласится с ним, а может, и нет. Если произойдет последнее, то граф Толстой претерпит ужаснейшее фиаско и по своему высокомерию даже может подать в отставку, что, разумеется, было бы великою радостью для Головкина. Веселовский получил от него инструкцию предложить Пыпина. Куник, добрый человек, согласился с Веселовским, и оба послужили орудием Головнина.

29 декабря 1871 года, среда

Акт в Академии наук. Я держал речь по поводу столетнего юбилея Сперанского. Над речью этою я работал очень усердно, справлялся, между прочим, в бумагах его в Публичной библиотеке и проч. Эта великая личность меня очень занимала.

Затем, по обыкновению в 5 часов, собрались академики в гостинице Донона. Тут, между прочим, Веселовский выразил свое неблаговоление ко мне и, правду сказать, очень странным образом. Были предложены разные тосты. Веселовский провозгласил тост в честь Я. К. Грота и отнес на долю последнего то, что следовало отнести ко мне, то есть что “каждый раз Я.К. делает честь Академии, произнося отчеты и речи на актах”, то есть то самое, что каждый год делаю я. Грот почувствовал неприличие этого поступка и поспешил предложить тост за меня. Я принял его с подобающей признательностью. Многие встали со своих мест и подошли ко мне чокаться. Смешно было, как Веселовский, приискивая слова для своего тоста, до того запутался, что трудно было понять, что он хотел сказать. Грот, вероятно озадаченный такой любезностью Веселовского, тоже запутался. Но что за

причина неприязни ко мне Веселовского? Разве Пекарский передал ему мои слова, что я нахожу ошибкою предложение Пыпина в члены на кресло истории, так как последний имел все права на место в нашем, а не в историческом отделении, и что это, должно быть, работа Веселовского? Но ведь и сам Пекарский говорил то же, а я ни. от кого не скрывал моего мнения насчет Пыпина и моих сожалений по поводу медвежьей услуги, ему оказанной…

31 декабря 1871 года, пятница

Конец 1871 года.

1872

1 января 1872 года, суббота

Общественная моя деятельность ныне настолько сократилась, что я могу все более и более сосредоточивать мое внимание на моих хозяйственных делах, то есть на внутреннем моем мире. Главным последствием этого самоуглубления выходит сознание моих ошибок в прошедшем. К счастью, это не повергает меня в уныние и апатию относительно моего будущего. Работая над самим собою, я все еще стараюсь расширять круг моих понятий, пополнять кое-какие мои познания, а главное — обставлять мой характер укреплениями так, чтобы в него не могли проникать и его колебать никакие внешние враждебные влияния.

В поведении самообладание и сдержанность. Как бы ни были прекрасны, благородны, справедливы твои мысли и убеждения, но если ты вносишь их в среду, им неприязненную, то ты не иное что, как бедный Ден-Кихот, рыцарь печального образа, подвизающийся в честь несуществующего рыцарства.

Что такое высшие наши чиновники, наши государственные люди? Герои адрес-календаря.

3 января 1872 года, понедельник

Появилась моя речь о Сперанском в “С.-П. ведомостях”, N 3.

Наше поколение хочет отличаться бородами. Оно носит на себе эти признаки мужей, за неимением мужественности в душах своих.

7 января 1872 года, пятница

В заседании отделения Академии наук сегодня предложены были в члены его Сухомлинов и Соловьев-историк. Относительно последнего я изъявил сомнение, подходит ли он под наше отделение? Оказалось, что в правилах есть статья, допускающая выбор в наше отделение сочлена и по истории. Ну, так не о чем и толковать. Еще пройдет ли выбор этот в общем собрании? Грот уверен, что пройдет.

10 января 1872 года, понедельник

Наши интеллигентные люди обыкновенно читают не книги или большие статьи, требующие размышления, а статейки. Фельетоны и стихи, особенно приправленные скандалами, их радость и пища. Более серьезные люди, впрочем,

интересуются и книгами, содержащими в себе разные исторические материалы, что было бы, конечно, очень хорошо, если бы в то же время они не питали отвращения к разъяснению их духа, смысла и сколько-нибудь к систематически извлеченным выводам. Факты, голые факты, и более ничего.

11 января 1872 года, вторник

И Иван и Петр могут быть одинаково добрыми людьми, а между тем между ними может быть неизмеримая разница, смотря по тому, какими основаниями, идеалами и побуждениями определяется их доброта.

Вопрос; есть ли разница между деяниями человеческими, которые ценны сами по себе, и такими, которые ценятся только по отношению к пользе, выгодам нашим и т.п.? От разъяснения этого вопроса зависит судьба нравственности.

Надобно делать добро, потому что оно хорошо, ценно само по себе. Вот главное основание нравственного закона.

Но кто оценщик деяния? — Разум и чувство. Главная и первейшая добродетель без сомнения справедливость.

В здешнем университете хотели праздновать, то есть сделать акт, в память Сперанского. Министр под рукою дал знать ректору, что лучше этого не делать. Так акт и не состоялся. Да и в обществе, кажется, не был сочувственно принят юбилей Сперанского. Доказательство этому, между прочим, в том, что чрезвычайно туго идет подписка на премию, которую законоведы наши пожелали назначить за лучшее юридическое сочинение в память знаменитого человека.

16 января 1872 года, воскресенье

У Делянова. Просил его о пенсионе жене умершего брата Крамского. Он обещал сделать все, что можно лучшего. Вообще он оказал мне чрезвычайно много любезностей. От него к Небольсину. Он болен. Вечер у Крамского.

17 января 1872 года, понедельник

Моя брошюра о Сперанском принимается кой-кем с большим одобрением. Я теперь жалею, что напечатал ее в таком небольшом числе экземпляров. Всего 50. Но все это пустяки.

По нашим понятиям добро (или благо) то, что соответствует нашим желаниям, нашим стремлениям и целям. Но не таково добро в верховном божественном разуме. В нем добро то, что живет и производит жизнь.

В сердце человеческом есть щели, куда, как клопы, моль и другие насекомые, залезают беспрестанно разные скверные, мелкие, дрязговые помыслы и поползновения. Но умный человек, как хороший хозяин, смотрит зорко за этим сбродом и, не ведя с ним серьезной войны, выводит его легко и скоро, так что от него не происходит никакой порчи характеру и основным благородным

побуждениям и целям.

Раз Суворов (генерал-губернатор петербургский) обедал у государя, где между прочими находился и какой-то посланник. Суворов, по обыкновению своему, не стесняясь в речах, пустился ругать Чевкина, который чем-то ему насолил: он ругал по-французски. Наконец государь ему сказал; “Замолчи!” После обеда его величество отвел в сторону Суворова и сказал ему: “Ведь ты дурак. Уж если тебе пришла охота ругаться, так ты делал бы это на русском языке, чтобы иностранцы тебя не понимали”. Суворов сам это рассказывал Княжевичу, который мне это передал.

Относительно умственной достоверности нельзя ли сказать: “Достоверно, что я думаю, но то, о чем я думаю, может быть и недостоверно”.

1 февраля 1872 года, вторник

Вчера заезжал ко мне Погодин, но не застал дома. Потом виделся я с ним у Корнилова.

3 февраля 1872 года, четверг

Провел у Погодина часа четыре. Он приехал сюда, чтобы поднести государю свою русскую историю, написанную до монгольского ига. В книге этой замечательно посвятительное письмо государю, где в начале Погодин говорит, что он родом из крепостных крестьян и подносит свое сочинение освободителю их. Мы вдоволь наговорились о разных современностях.

Был у Блессига, чтобы посоветоваться с ним о моих глазах. Они не выносят продолжительного чтения, особенно при свечах, хотя теперь я и читаю с отдыхом и стараюсь прекращать чтение до 12 часов ночи. Совет Блессига: читать меньше и с расстановками. Впрочем, он, осмотрев тщательно мои глаза, не нашел в них никакого повреждения и приписывает их нынешнее состояние усилившейся близорукости.

4 февраля 1872 года, пятница

Общее заседание в Академии наук. Читаны две записки об избрании в члены Академии по Второму отделению Соловьева-историка и Сухомлинова.

Погодин напечатал в “Гражданине” статью против Костомарова в опровержение его характеристик Скопина-Шуйского, Минина, Пожарского. Автор припоминает тут же и статью Костомарова, в которой последний унижает сильно Димитрия Донского. Статья эта с месяц тому назад была напечатана в академическом “Календаре”. Между прочим, Погодин говорит, что ему известно, “какие козни” употреблены были для ее напечатания к стыду Академии. Сегодня Веселовский предложил собранию спросить Погодина: какие это козни? По его словам, слова Погодина заключают в себе оскорбление Академии, которая должна потребовать от

Погодина, как своего сочлена, объяснения. Собрание согласилось на это требование Веселовского. Но были и мнения, что не лучше ли для избежания скандала не начинать этого дела. Я тоже полагал, что подобное решение было бы лучше. Но если уже пошло на это, то так тому и быть. Из этого, вероятно, ничего хорошего не выйдет. Публика, забывшая непристойность помещения костомаровской статьи в “Календаре”, теперь вспомнит о ней.

На днях совершилось ужасное злодеяние: некто Рыжов убит в его собственной квартире офицером М. из револьвера. Рыжов, говорят, хороший и образованный человек, женатый на сестре М., упрекал последнего за его связь с служанкой своей жены, и этот негодяй решился отметить ему за то убийством.

Третьего дня молодая девушка, дочь какой-то помещицы, приехавшей из Пензы, застрелилась в Знаменской гостинице.

Требовать от нас, чтобы мы вдруг сделались чем-то вроде героев гражданской и всяческой доблести, значит требовать, чтобы день был ночь, а ночь — день, по выражению Шекспира. Это особенно относится к некоторым ошибкам наших судов, которые с таким угождением власти стараются оглашать “Московские ведомости”.

6 февраля 1872 года, воскресенье

“Голосу” третье предостережение с приостановлением на четыре месяца. Итак, последняя независимая газета в России не существует. “Московские ведомости” считать нечего, потому что они превратились в правительственную газету.

9 февраля 1872 года, среда

Реакция принимает, по-видимому, систематический характер. Самые крупные проявления ее: реформа средних учебных заведений с намерением отклонить среднее и неимущее сословие от высшего образования, с предоставлением ему права приготовления своего юношества к низшей технике. Потом подкапывание под самостоятельность новых судов и, наконец, стеснительные меры против печати.

Вот что делается в правительственных сферах. А что в обществе? Интеллектуальная часть его в тревоге и волнении; но она бессильна, и притом в ней самой разлад идей, взглядов и убеждений. Что касается до других классов, то они обретаются в глубоком невежестве, без малейшего понятия о политических и общественных интересах. Они готовы признать все, что исходит от власти и служит опорою для удостоверения, что Россия вовсе не выросла для каких-либо свободных учреждений. Значит, мы пойдем туда, куда поведет нас реакция. Таким образом, что остается мыслящему и честному человеку, который стоит совсем одиноко?

Крайний индифферентизм нашего общества в целом ко всему, что не относится к личным выгодам отдельных личностей, крайняя неразвитость умов отнимают у первого возможность, а подчас и охоту что-либо делать в этой странной, мутной среде, где сегодня бывает одно, а завтра другое, но все бывающее не подвигает людей ни к чему определенному и разумному.

Катков приехал опять сюда, чтобы воодушевлять и начинять аргументами министерство народного просвещения к предстоящей борьбе в Государственном совете по поводу реальных училищ, которые, по плану московского заправилы, должны быть профессиональными в низшем техническом смысле, а не общеобразовательными. Что это так и будет, в том нет ни малейшего сомнения.

11 февраля 1872 года, пятница

В борьбе классического образования с реальным заключается нечто большее, чем дело чисто воспитательное и учебное: тут скрывается смысл политический. Надо брожению умов противопоставить силу, разумно руководящую, и эту силу ищут в основательном умственном развитии, которое полагают найти в классической науке. Но это далеко не все. Заграждая путь в университет молодым людям, невыработавшимся и неокрепшим в строгой науке, хотят из лиц, созревших в этой последней, создать именно ту силу, которая должна будет сдерживать необдуманные порывы века к свободе и направлять умы к более серьезному и устойчивому порядку вещей. Это род аристократии, долженствующей иметь в руках своих и власть общественного мнения и власть правительственную. Остальные массы пусть занимаются техническими производствами и работают над материальными силами страны. Кто из молодых; людей не захочет или окажется неспособным занять место в образованном классическом кругу, тот пусть учится специальной ремесленной технике и не поднимает своих глаз на высшие задачи общества и государства.

Нельзя не признать за этим планом значительной доли теоретического ума. Но удобоисполнителен ли он и способен ли оказать те результаты, каких от него ожидают, — это другой вопрос. Желание образовать в этом действительно нелепом состоянии брожения, в каком мы находимся, как бы *сословие* людей, основательно мыслящих и с основательными познаниями — это желание весьма почтенное. Но, *во-первых*, как вы настолько изолируете этих молодых людей, чтобы они, войдя в жизнь, не подверглись тому же, влиянию духа времени, который кладет свою несокрушимую печать на эту жизнь? Достаточно ли, настолько ли силен этот классицизм, чтобы вооруженные им в состоянии были одолевать это всеобщее влечение к материальным интересам, к материальным воззрениям на вещи, и приуготовляемая вами химическая соль не осолится ли сама? *Во-вторых*, подумано ли о том, как прочным образом устроить образование и положение тех, которые останутся за порогом классической науки? А ведь имя им легион! И если вы не позаботитесь о них разумно и успешно, не сочтут ли они себя какими-то пасынками, а не сынами отечества? И тогда что из этого может выйти — и подумать грустно. Ведь они прямо уже могут попасть в руки демона, смущающего век.

И *наконец*, можно спросить у теоретических прожектеров учебной реформы, достаточно ли они уверены, что самое правительство окажется настолько мудрым, твердым и последовательным, чтобы неуклонно идти к предложенной цели? Увы! Как много видим мы доказательств противного этому. Многие полагают, что достаточно правительственного авторитета и принудительных мер, чтобы установить такой или другой порядок вещей. Такая мысль есть мысль пагубная и

фальшивая даже у нас, где все основано на повиновении.

Вечером сегодня у меня собралось довольно много посетителей, и в том числе прежняя Северцова, воспитанница Смольного монастыря, одна из моих прежних учениц, наиболее мне близких. Был также И.А.Гончаров, который начинает, кажется, выходить из своей замкнутости и непомерной тоскливости, несколько месяцев повергавшей его в совершенное одиночество.

12 февраля 1872 года, суббота

Я всегда был врагом всяких крайностей, исключая тех минутных увлечений, когда меня поражала какая-нибудь несправедливость и побуждала к неумеренным излияниям моих чувств. Главное начало, служащее основанием моего мировоззрения, есть *закон уравновешения*. Он господствует в природе и должен господствовать в отношениях людей в общественном строе, во всем, где человеку приходится мыслить и действовать.

Я враг всякого абсолютизма, будь он политический, умственный, абсолютизм системы или мнения. Мнение или идея, старающаяся поглотить все другие и присвоить себе господство над умами, мне так же противна, как и власть, которая хочет подклонить под свое иго всех людей с их действиями и правами.

Кто больше заслуживает осуждения: тот ли, кто от своих избытков ничего никому не дает, или тот, кто, дав, отнимает?

Для наших государственных людей нет ничего легче, как управлять государством: во всяком случае, где появляются на сцену разные человеческие отношения, права, стремления, стоит только употребить репрессивные меры — и дела пойдут как по маслу. К чему ломать голову над разными тонкостями управления? Они существуют для Западной Европы, а у нас вся мудрость государственная заключается в двух словах: быть по сему.

Единственное прибежище мысли — настаивать всячески на законности.

У одного хозяина мыши завелись в доме. Кто-то и присоветовал ему для избавления от них сломать дом.

Везде, где человек ищет неведомого или стремится к нему, даже в самых грубых формах, проявляется дух и высшая человеческая натура.

17 *февраля 1872 года, четверг*

В публике сильное неудовольствие и ропот на запрещение “Голоса”. Говорят, что великий князь Константин Николаевич выразил по этому поводу свое негодование Тимашеву, который извинялся тем, что редактор, Краевский, дурной человек: “Надеюсь, однако, — возразил великий князь, — что вы меня не считаете дурным человеком, а вот я читал всегда “Голос” с большим удовольствием. Вероятно, много найдется таких, как я. За что же вы лишаете общество .полезного органа печати?

В самом деле, мой старый приятель Катков дошел до последней крайности, противодействуя всему, что в нынешнее царствование сделано хорошего в России. Он, как бешеный, кидается на новые суды, на общественное мнение, на всех, кто не разделяет его классических проектов, во всем видит преступление, измену, нигилизм. Все это страшно надоело всем, и даже прежние почитатели его решительно от него отшатнулись. Я знаю некоторых, которые перестали выписывать или читать “Московские ведомости”. В обществе решительно господствует мнение, что по его доносу запрещен и “Голос”. Если это правда, то как это назвать? Мне Краевский говорил, что ему подлинно известно, что это правда.

Был на днях у Воронова и прочитал у него мнение Головкина, представленное председателю Государственного совета, великому князю, о новых временных правилах цензуры, внесенных в Совет. Мнение это написано с замечательным умом, правдою и твердостью. Оно все проникнуто мыслью в защиту свободы печати, разумеется в известных пределах, и пагубности репрессивных против нее мер.

18 февраля 1872 года, пятница

Вчера в комиссии Государственного совета решилось дело о реальных училищах. *Шесть* членов были за проект министра народного просвещения, а *девять* — против. Замечательно то, что граф Панин, который сильно и даже умно ратовал в прежней комиссии и в общем собрании Государственного совета в пользу реальных училищ, теперь перешел на сторону министерского проекта, а цесаревич, бывший тогда за этот последний, соединился с его противниками. В числе девяти вообще находятся наиболее значительные члены Совета. Вот эти члены: цесаревич, граф Литке, Чевкин, Милютин, Головнин, Грот, Грейг, Титов, Оболенский. В числе шести: граф Толстой, граф Строганов, граф Панин, Урусов, Валуев, Путятин.

Если правительство не находит в своем уме других средств действовать на умы, как меры репрессивные, то что приходится думать о его уме? Многочисленные опыты доказывают, что репрессивными мерами можно достигнуть одного — совершенно противного тому, что желали ими достигнуть.

Всеобщее неудовольствие и волнение умов, даже дикие выходки юношей доказывают одно: что надобно делать уступки и что старые порядки перестали быть гарантией действительного порядка. Все это доказывает, что народ жив и что у него есть будущность.

Ныне правят всем царедворцы, *лично* преданные. Если бы они были сколько-нибудь умны, они правили бы не так. Им простили бы даже, что они взяли власть в свои руки. Но это люди пошлые и ничтожные, которые никак не могут взобраться на высоту государственных видов, да они об этом и не думают. Их государство или отечество, как говорил князь Щербатов еще во время Екатерины, есть двор, а их идея — сиденье на своих местах. Какое бедствие при таком добром государе! Как преступны все эти мелкие души, пугавшие его всякими нигилизмами, чтобы в возмущенном его воображении ловить свои придворные выгоды!

Действительно, нигилисты — люди заблуждающиеся, нехорошие, хотя они не сами себя создали, а тот же порядок вещей, который столько времени тяготится над

обществом. Но то худо, что людей серьезных и степенных все эти репрессии могут превратить в нигилистов.

25 февраля 1872 года, пятница

Запрещена газета “Деятельность”, а у газеты “Новое время” отнято право розничной продажи.

Говорят, что в Земледельческом училище (помещающемся в бывшем Лесном корпусе) произведена студентами какая-то демонстрация с портретом государя. Что за несчастие России это юношество, пропитанное с ног до головы пошлым либерализмом, который есть не иное что, как полнейшее безверие религиозное, нравственное и умственное, полнейшее распутство! Как вдохнуть лучший дух в это жалкое поколение! Одним классицизмом этого нельзя. Страх наказаний тоже не подействует: O tempora, o mores!

Неудовольствие в публике на присяжных за оправдание Мясниковых. В деле не оказалось достаточных поводов к их обвинению, то есть улик, которые юридически могли бы быть этим поводом. Но присяжные, говорят, должны были бы основаться на совести, потому что нравственное убеждение в виновности Мясниковых общее. Но, может быть, присяжные по этому самому и не могли вынести обвинительного вердикта, опасаясь, по справедливости, быть орудием чужих толков и слухов, давно уже ходивших в городе.

3 марта 1872 года, пятница

Второе отделение Академии выбрало С.М.Соловьева в свои члены в звании ординарного академика. Сегодня в общем собрании происходила баллотировка. Соловьев получил 27 избирательных шаров и 2 неизбирательных.

О земледельческой истории (в институте) оказалось, что это пустяки. Была просто глупая шалость одного глупого воспитанника, и первые, кто восстали против него, были его же товарищи. Кажется, из этого хотели некоторые раздуть нечто важное, но не успели.

8 марта 1872 года, среда

Наша внутренняя жизнь есть не иное что, как игра разного рода представлений и движений, совершающихся механически по известным законам. Мы тут не больше, как арена, на которой они совершаются. Главные двигатели всего этого — наши инстинкты, животные и психологические. Однако человеку дана правительственная сила, и ей-то принадлежит власть распоряжаться тем, что происходит в нас, и направлять это к известным целям и идеям. Худо, если эта сила слаба. Тогда мы впадаем в нравственную анархию и становимся послушными орудиями, добычею инстинктов.

Россия страдает совсем не теми недугами, как Западная Европа, и потому к нам

вовсе не идут те теории об изменении существующего порядка, какие проповедуются там. У нас две глубокие раны, требующие врачевания: *невежество народа* и *дурная администрация*. Исцелить последнюю гораздо труднее, чем первое. К последней применяются вполне слова: “врачу, исцелися сам”. Но как ей лечиться от главного зла — от злоупотребления властью? Ведь свойство ее болезни и состоит в том, что она есть такова, какова есть, и чтобы сделаться лучшею, ей следовало бы отказаться от самой себя.

10 марта 1872 года, пятница

Вторая половина февраля была и тепла и светла. Но весь март несносно холоден, между тем как солнце сияет великолепно. Были дни, что мороз доходил до 12 и даже 14R, и постоянно то 7, то 8R — сегодня также.

Моя служба обществу разбивается на две половины: на учено-литературную и литературно-административную. Могу сказать одно, что в первой я всегда старался проводить идеи, возвышающие человеческое достоинство нашей национальности. Во второй я не без некоторого мужества старался отражать напор неблагоприятных обстоятельств против нашей мысли и науки. Более я ничего не сделал и не мог сделать. Пусть по этому и судят меня.

12 марта 1872 года, воскресенье

Обед в Римско-католической академии. Праздник ее церкви. По обыкновению, я был осыпан любезностями всех присутствовавших.

Классики в восхищении, думая, что они спасут Россию, основав образование наше на греческом и латинском языках. Не станем спорить, что в классицизме заключается важная образовательная сила. Но все же это не есть само *содержание* знания, а вот содержание-то откуда придет, как не из современной науки? И если правда, что современная наука ведет к разрушительным последствиям, то как вы убережете от них поколение, которое должно же чем-нибудь занять свои, образованные на древних образцах, силы? Ведь не запрете вы его в клетку, куда бы не мог проникнуть ни один луч из духа века.

15 марта 1872 года, среда

Получил от общества художников приглашение на обед по подписке в честь Островского. Не пошел, потому что не знал, кто тут распоряжается. Да притом и Островского в Петербурге нет.

21 марта 1872 года, вторник

Административные порядки: молодая девушка Дементьева по Нечаевскому делу была судом приговорена к заключению в тюрьму на три или четыре месяца. Она отсидела это время в Литовском замке и была освобождена. По свидетельству

тюремных надзирателей она вела себя примерно, и вообще это девушка прекрасная собою, прекрасно образованная, кроткая и вообще поведения порядочного. Во время самого суда она возбуждала всеобщее к себе сочувствие. Казалось бы, что, выдержав наложенное на нее наказание, она уже очистилась и сделалась свободною. Притом она еще до суда провела в крепости года полтора. Но едва она вышла из Литовского замка, ее подхватили и *административным порядком* сослали в какую-то губернию под надзор полиции. Между тем ей предстоял брак с человеком, тоже пострадавшим по Нечаевскому делу, Ткачевым. Итак, суд постановил одно, а *административный порядок* сделал другое. Бедняжка не достигла ни свободы, ни брака.

Некоторая девица Латышева, учительница в какой-то женской гимназии, после продолжительной болезни потеряла волосы: ей принуждены были остричь их. При этом, по слабости глаз, она носила синие очки. Вот она шла однажды по улице, вдруг городовой подхватил ее и потребовал идти с ним в полицию. Бедная молодая благовоспитанная девушка — дочь порядочных родителей (отец ее, действительный статский советник, был помощником попечителя Петербургского учебного округа и года три тому назад умер); бедная же девушка испугалась до смерти. Ее привели в полицию ни живу ни мертву. Городовой не мог сказать ей, за что она арестована. Несколько часов была она под арестом, пока не пришел частный пристав, который и объявил ей, что она взята “за то, что у ней короткие волосы и что она носит очки”. Это, видите, считается признаком нигилистки. Справились, узнали, что за ней нет и тени какого-нибудь нигилизма, и отпустили. Все это *административный порядок*. Говорят, родные ее ужасно были взволнованы, ходили к Трепову и проч. Но все-таки молодая, ни в чем не повинная, девушка отсидела в полиции за свою болезнь. Но ведь не знали, что она больна. Ей следовало бы прилепить хоть на шляпе у себя билетик, что она недавно освободилась от болезни. Но от своего, хоть кратковременного, ареста она, конечно, не сделалась здоровее.

В николаевское время был подобный случай: один университетский студент, близорукий до того, что решительно на аршин ничего не видел перед собою, повстречался однажды с государем и не узнал его. За это был он отослан на гауптвахту, где просидел дня три, пока не разъяснилось, почему он не узнал государя и не поклонился ему.

24 марта 1872 года, пятница

Всякая мысль, кажущаяся опасною, когда она передается, так сказать, шепотом от одного другому, теряет свою опасность, как скоро она провозглашается во всеуслышание просто и не более как в виде мысли. В бесконечном приливе и отливе человеческих мыслей она скоро заменяется другими и становится не более как обыкновенным продуктом мышления.

25 марта 1872 года, суббота

Холод, дождевой снег или снежный дождь.

26 марта 1872 года, воскресенье

Общественное мнение сильно восстает против крайнего классицизма. В этом, однако, выражается не одно несогласие общества с принятым правительством планом обучения, но вообще оппозиционный дух, который, за недостатком другой почвы, проявляется на этой, так как на ней можно встретить менее ограничения со стороны властей.

И надобно сказать правду, что в этом виновата сама администрация, и не только потому, что составила план, несовместный с духом и потребностями общества, но еще и по способу, каким она приводит его в исполнение. Какое-то особенное неуважение к мнению людей, с каким граф Толстой и его немногочисленные клевреты стремятся навязать обществу идеи, значения и пользы которых оно не сознает, — вот что преимущественно возмущает чувство общественное. “Что на них смотреть? Ведь все это невежды и дураки. Стоит распорядиться, приказать — и дело будет так, как мы хотим”. Вот в чем капитальная ошибка министерства народного просвещения. Оно, точно Петр Великий, производит реформу в такое время, когда и Петр Великий, как очень умный человек, не пошел бы так далеко в проявлении своей воли.

27 марта 1872 года, понедельник

Администрация принимает такие репрессивные меры, как будто одни нигилисты населяют русскую землю. Она не хочет знать, что в мыслях людей много такого, что не есть вовсе нигилизм, что эти люди принадлежат к классам, не разделяющим совсем разрушительного или радикального образа мыслей недоучившейся или невежественной молодежи. И между тем администрация все подводит под один разряд запрещаемого или такого, что должно воспрещать. Она никак не может отличить одного от другого.

3 апреля 1872 года, понедельник

У нас ищут опоры против наплыва разных нехороших идей, волнующих особенно юношество, *классической школе и в стеснении печати* и вообще в разного рода стеснениях, простирающихся и на такие учреждения, как земство, новое судопроизводство и чуть ли и не на освобождение крестьян. Словом, думают посредством принудительных мер, бюрократических и административных порядков удовлетворять потребностям нации и потребностям времени. Все это происходит из той мысли, что власть так сильна в России, что она может делать все, что ей угодно, и что вообще внешними казенными мерами можно устраивать какой угодно порядок вещей.

Вчера был у князя П.А. Вяземского. Он довольно мрачен, однако беседовал со мною как всегда, без малейших признаков какого-нибудь внутреннего расстройства, кроме грустного сознания, что он не так здоров, как бы желалось, и уже очень стар. Он был очень доволен моим посещением.

В Одессе, в тамошнем соборе, украдена икона Божьей матери, осыпанная драгоценными камнями и считавшаяся чудотворною. Полиция выбилась из сил, отыскивая воров и украденную икону. Но вот приехала в Одессу императрица, и в тот самый день икона была найдена где-то в яме, завернутая в салфетку, но уже без драгоценных украшений. Такое неожиданное обретение, и притом в момент приезда высочайшей особы, конечно, составляет уже чудо. Икону принесли в собор, где торжественно принял ее архиерей. Затем обратились к синоду с просьбой разрешить ежегодное празднование обретения чудотворной иконы. Мораль всего этого та, что русский народ чрезвычайно самобытен и остается теперь таким же, каким был в XV и XVI веке, а чиновники, считая в том числе и архиерея, весьма догадливые люди. А что же такое проклятые воры? Эти негодяи должны быть большие юмористы.

7 апреля 1872 года, пятница

Когда вы стесняете свободу в добром или по крайней мере безвредном, она обращается на путь зла и разврата.

Проект о реальных училищах в общем собрании Государственного совета прошел. На стороне графа Толстого 19 голосов, против 29. Граф Панин оказался ренегатом: он заодно с графом Толстым, тогда как во время суждений о классических гимназиях он не только был противником толстовского проекта, но противником весьма сильным, энергическим и разумным. Куда же девались его энергия и разум? Их унес царедворческий ветер.

8 апреля 1872 года, суббота

Самое великое зло, которым страдает наше общество, это почти повальная деморализация.

Классики полагают, что противодействие этому злу мы найдем в изучении древних языков и литератур. Это ужасная нелепость. Можно ли в языческой образованности найти нравственные основы для мира христианского? Разве потребности и стремления духа у нас и у античных людей, как бы эти люди ни были развиты, одни и те же?

Западная социалистическая мораль для нас не годится, да и на Западе она может существовать только в одних крайне небольших общинах.

И вообще может ли установиться на земле сколько-нибудь прочный нравственный порядок вещей без содействия религиозной силы?

Но эта сила сама в упадке. Кто ее поднимет и возвысит? Воспитание, но оно думает более о греческих и латинских склонениях и спряжениях, нежели об укреплении в сердцах религиозных чувствований. Более всего это было бы дело церкви, но наша церковь находится в полнейшем *внутреннем* разъединении с народом и обществом. Она у нас не более как учреждение, наравне с полицией, губернскими правлениями и т.п. Она вовсе не заботится управлять умами и сердцами, направлять их, назидать, а думает только о сохранении внешнего режима.

11 апреля 1872 года, вторник

Нет такого дурака, который не в состоянии был бы найти что-нибудь смешное в самом умном и честнейшем человеке. В каждом человеке, как бы он ни был умен, всегда бывает некоторая доля неблагоразумия, препятствующая успехам его предприятий и мешающая пользоваться успехами, уже достигнутыми.

12 апреля 1872 года, среда

Уже третий день, как прекрасные теплые дни, настоящие весенние, как будто не в Петербурге, несмотря на то, что вчера ладожский лед шел во всю ширину Невы. Сегодня я разоблачился от шубы и зимних калош и ходил гулять в пальто, разумеется ваточном.

14 апреля 1872 года, пятница

Общество не должно довольствоваться тем, чтобы только заявлять перед администрацией о своих нуждах и интересах, оно должно *тем* или *другим* образом настойчиво поддерживать свои заявления, не смущаясь ни отказами, ни проволочками, ни даже воспрещениями. Дожидаться, пока администрация сама собою благосклонно и милостиво снизойдет к желаниям народа, значит заведомо дурачить самих себя. Известно, что самые дорогие и сложные интересы общества не могут никогда быть удовлетворены без некоторых жертв со стороны администрации; чтобы исполнить это, она необходимо должна потерпеть некоторое стеснение в своем произволе и притязаниях — и где же видано, чтобы власть добровольно и по собственной инициативе отказалась от своих выгод, как бы они ни были противоположны выгодам общим. Ведь она всегда и во всем имеет право; другие в отношении к ней имеют только обязанности. Чтобы уверить ее в противном, то есть чтобы доказать ей, что эти другие имеют также права, а она обязанности, надобно дать ей почувствовать, что так или иначе, а ей придется отказаться частью от первых в пользу последних; и если общество неспособно мирным и легальным способом дать ей это почувствовать, то пусть лучше и не думает ни о чем, а живет, как стадо баранов.

16 апреля 1872 года, воскресенье

День Пасхи. На заутрене и обедне в церкви Театральной школы.

18 апреля 1872 года, вторник

Правительство наше ужасно любит раздавать ничего не стоящие ему награды. И в нынешнюю пасху крестами, звездами, лентами, чинами оно накормило чиновников всякого рода и степени до тошноты. Такого обилия наград, как в последние пятнадцать лет, Россия никогда не видала. Для чего это? Есть ли какой-

нибудь человеческий смысл в том, например, что чиновник, если он не обокрал казну, не убил или не сделал другого подобного преступления, непременно каждые два года должен получать или чин, или крест, или звезду и ленту, смотря по своему рангу? Зато эти вещи потеряли всякую цену.

19 апреля 1872 года, среда

Веселая эта нация: любит попить, поесть, погулять, да уж и поворовать мастерица.

20 апреля 1872 года, четверг

Мне кажется, сделана огромная ошибка *насильственным* установлением так называемого классического образования. Если решено было уже принять эту систему, то надобно было не провозглашать ее с таким азартом, как это сделал граф Толстой, и не вдруг поразить ею общество. Одним почерком пера нельзя произвести такого крутого переворота в понятиях. Можно было бы учредить несколько .классических гимназий, не давая им исключительного и всеобщего значения, и предоставить желающим идти другим путем. Этою постепенностью выиграли бы и то еще, что имели бы возможность подготовить нужное число хороших наставников классических языков, которых теперь нет и которых принуждены выписывать из Чехии. Министерству народного просвещения следовало избегать и другой крайности — публичного изъявления недоверия к наукам естественным, считая их рассадником нигилизма и материализма. Во-первых, это несправедливо, а во-вторых, как же это сделать, чтобы эти науки не распространялись в государстве? Наконец, разумно ли лишать средние учебные заведения, каковы бы они ни были, *общеобразовательного* характера, превратив их в заведения специальные, почти ремесленные? Мудрено ли, что в Государственном совете нашлось 29 голосов против 19 толстовского, или, лучше сказать, катковского, проекта?

22 апреля 1872 года, суббота

Вечер у И.П.Корнилова. Разговор, между прочим, шел об усилении власти губернатора и предоставлении ему права входить в учебную часть заведений министерства народного просвещения. Я возразил на мнения некоторых господ о пользе этой меры. “Это значит, — сказал я между прочим, — что губернатору присваивается способность всеведения и даже педагогические и научные знания. Как же будет он вмешиваться в преподавание, имеющее уже своих специальных блюстителей?” Шидловский особенно настаивал на необходимости сделать из губернаторов педагогов. “Но я берусь, — сказал я, — прочесть в его присутствии лекцию об атеизме в духе, вовсе не соответствующем желанию его, и однако он будет благодарить меня за нее”.

23 апреля 1872 года, воскресенье

Печальное происшествие в Харькове: бунт против полиции народа, который излил на нее страшную злобу. Поводом была глупейшая выходка частного пристава, который вздумал столпившуюся на праздничном увеселении толпу разгонять водою из пожарных труб, причем трубы эти раздавили нескольких человек. Народная ярость разразилась ураганом, против которого оказалась бессильною администрация, вместе с губернатором во главе ее. Это было настоящее восстание народа против полицейских порядков. Замечательно, между прочим, что в народе раздавались крики, требовавшие суда. Причин этого грустного факта, впрочем, не следует искать в частной или минутной ошибке какого-нибудь полицейского агента; вероятно, в нем выразилось то, что накипело в народе в продолжение долгого времени против административного произвола и беззаконий. Поймут ли это высшие власти?

Замечательно, что повальное сечение розгами в Одессе вовсе не послужило устрашающим примером для харьковцев. Значит, в правительственных мерах нужно нечто подейственнее палочной расправы без суда и исследований.

26 апреля 1872 года, среда

Отечество, Россия — это одно. Современное русское общество, администрация русская — это нечто другое. Сколько у меня уважения и преданности интересам первой, столько же глубокого презрения к обоим последним.

В отдельности много у нас есть людей и умных, и достаточно просвещенных, и благородных. Но взгляните на то, какие интересы преследуются целыми массами людей, какими стремлениями они воодушевляются, на весь порядок, на крайнюю бестолковость этих масс, на мелочность, на отсутствие всяких общечеловеческих и общенародных принципов — и вы увидите, что тут вовсе нет того, что называется духом общественным, а господствует крайняя разъединенность видов и взглядов во всем, что касается общих целей и интересов. Вас изумит несостоятельность, пошлость тех самых лиц, которые в своей единичности представляются людьми, достойными сочувствия и уважения. Очевидно, общие задачи, которые бы возвышались над частными эгоизмами и видами, еще у нас не выработались. Как скоро отдельные личности соприкасаются друг с другом, их ничто высшее не связывает, и они бегут врозь, каждый гонимый своим самолюбием или житейскими расчетами.

Впрочем, есть одна идея, связующая всех так называемых интеллигентных людей вообще среднего класса, — это глубокое недовольство администрацией.

Что касается администрации, ее надобно разделить на высшую и низшую. В первой господствует одно стремление — добиться выгодного положения, богатого содержания и расширения произвола своего до всевозможных пределов, или, лучше сказать, до беспредельности, и таков общий разврат, что человек, называвшийся порядочным и даже довольно как будто способным, лишь только очутится на дороге повышения, делается совсем иным. Низшая администрация думает об одном — о приобретении денег и чинов во что бы то ни стало — и тоже злоупотребляет, как может, тою долею власти и влияния, каких успела добиться. И между всеми ними

есть люди честные, нравственные и способные. Но опять-таки общая безнравственность так велика, что редко кому приходит в голову действовать по совести, по закону и по внушению долга.

29 апреля 1872 года, суббота

Почти весь апрель щеголяет на славу прекрасными днями. Солнце с расточительностью, неизвестною в Петербурге, льет потоки света и тепла. Последнее доходит до 14 и 15R в тени. Надолго ли? Невольно закрадывается в душу сомнение: не отомстит ли нам за это май сторицею холодом, с примесью снега и морозцев? Ведь все бывает на свете так. Ни судьба, ни природа, ни администрация не балуют нас продолжительным добром. Горе есть нормальное состояние человечества, радости суть исключения.

30 апреля 1872 года, воскресенье

Вот новое распоряжение министра народного просвещения: в гимназиях воспитанник должен получить на экзамене в греческом и латинском языках по 4 с половиной и во всех прочих предметах по 4, чтобы иметь доступ в университет. Кто хоть в одном предмете получил 3, ему выдается свидетельство, что он кончил курс гимназии, но без всяких прав.

1 мая 1872 года, понедельник

Такой же прелестный день, как и апрельские.

7 мая 1872 года, воскресенье

То холодновато, то темновато. Поутру вдали раздавался гром, но вечером разразилась настоящая гроза с проливным дождем, продолжавшаяся часа полтора или два. Впрочем, сильных ударов не было, хотя молния блистала почти ежеминутно.

Ум становится шире и светлее и сердце добрее, когда вокруг себя не видишь ничего, кроме зелени деревьев и цветов, не слышишь ничего, кроме щебетанья птиц, крика кукушки и т.п. Человек человека делает злым, природа — никогда.

14 мая 1872 года, воскресенье

В одном пансионе священник объяснял то место из евангелия, где изображены страдания Иисуса Христа и все, что он претерпел от врагов своих. Инспектор, тут находившийся, спросил у девочки: “Скажите мне, от кого мы больше терпим неприятностей?” Ученица немного подумала и ответила: “От начальства”.

18 мая 1872 года, четверг

Май до того хорош, что боишься, нет ли тут злоумышления со стороны природы: не придумывает ли она какую-нибудь кознь против нас вроде холодов, северо-восточных ветров и т.п. Ведь выпал же, давно уже, 22 мая снег, покрывший землю четверти на две и пролежавший почти сутки.

21 мая 1872 года, воскресенье

Министр народного просвещения находится в полной зависимости от Каткова и Леонтьева. На днях последний приезжал сюда, чтобы устанавливать такие порядки учения в классических гимназиях, от которых в ужас пришли все 11 педагогов, собранных на совет министром, который во все время совещаний не осмелился произнести ни одного слова против толкований Леонтьева. Между тем распоряжение министра о том, чтобы в университет не были допускаемы ученики, которые получили на окончательном экзамене менее 4 с половиной в греческом и латинском языках и менее 4 во всех других предметах, — распоряжение это приносит уже свои плоды: два ученика, один в <?>, а другой в Одессе застрелились вследствие этого. Замечательно, однако, что здешнее немецкое училище отказалось исполнить предписанные министром правила.

23 мая 1872 года, вторник

Говорят, граф Толстой имел неосторожность когда-то написать к Каткову письмо, которое сильно его может скомпрометировать, и вот причина, почему он находится в такой зависимости от него и его товарища.

Не все ли мы играем комедию, стараясь выполнить свою как будто какую-то серьезную роль, в сущности же занимая себя и других нелепыми и смешными играми?

27 мая 1872 года, суббота

За исключением двух дней в начале месяца, весь май составляет дивное исключение в здешней природе. Один день лучше другого, можно жаловаться только разве на жары. Но жары мая все еще не доходят до удушливого зноя. И что за роскошная зелень, что за бесконечное пение соловьев и других милых гостей у нас на севере! Ветреная кукушка кричит — что редко здесь бывает — так, как кричала только в моем детстве в благодатных рощах около Дона или у берегов тихой Сосны. Против моих окон беспрерывно поет свою милую песнь какая-то птичка, которой, к сожалению, я назвать не умею. Голосок ее похож на самые нежные звуки флажолета, мягкие, как лепетанье ребенка.

У нас лгут и только лгут — лгут энтузиазмом, который есть не что иное, как натянутая и искусственная вспышка, которую мы тут же готовы тотчас и осмеять, и лгут затем беспрестанно, обманывая друг друга, составляя, например, общества, где каждый имеет в виду будто бы какую-нибудь похвальную цель, а потом спешит

обворовать это же самое общество или сделать его орудием каких-нибудь других своих мерзостей, и проч., и проч., и проч.

30 мая 1872 года, вторник

Не есть ли чистое безумие думать о создании у нас консервативной умственной аристократии (за отсутствием политической) посредством греческого и латинского языков? А между тем это, по-видимому, мысль графа Толстого и его повелителей — Каткова и Леонтьева. Умственная аристократия — вещь очень хорошая, но она создается сама собою из высших образованных умов, почерпающих свою силу вообще в знании, в науке, в искусстве и прилагающих ее честно и разумно к многоразличным требованиям общества и управления. Но для этого-то, говорят, и нужно серьезное классическое знание. Почему же именно только классическое? Вот в этом весь вопрос. Ведь какую бы образовательную силу ни признавали за классицизмом, все-таки это не более как сила формальная. Но образование классическое, говорят, делает человека ко всему способным, потому что оно и развивает высшую, настоящую дисциплину ума. И возможно ли, полезное ли дело обратить умы общества к одной стороне знания, а другие стороны оставить в небрежении или относиться к ним даже с некоторого рода презрением? Вы хотите создать правителей, руководителей умов и общества из классиков, и это будет настоящая соль русской земли, аристократия умственная в консервативном духе? Да как же эти правители и руководители будут поступать, когда нужда или жизнь общества потребует от них соображений финансовых, политико-экономических, строительных, статистических, знания природы, знания людей и народов? Дадут ли им для этого средства классические знания? Но, возражают, классическое образование даст им возможность приобрести их самым лучшим образом — то есть после того, как они истощат запас лучших, свежих умственных сил и запас драгоценного времени на классицизм, они в состоянии будут уже посвятить себя трудам специального знания! Удивительно!

По мнению господ, защищающих проект графа Толстого, выходит, что нельзя быть ни отличным финансистом и политико-экономом, ни инженером, ни полководцем и проч., не убив своей юности на изучение греческих спряжений, склонений и синтаксиса?

Сегодня в Петербурге празднуется двухсотлетие со дня рождения Петра Великого. Это действительно праздник. Без Петра Великого Россия и теперь еще гнила бы в своей гнусной апатии и совсем исчезла бы под натиском таких солдат, как Карл XII и Наполеон.

Настоящий Петровский день: по временам проглядывает солнце, но по небу ходят тучи.

3 июня 1872 года, суббота

Экзамен в Римско-католической академии. Как обыкновенно.

4 июня 1872 года, воскресенье

Вечером на музыке. Толпа тупых лиц, и больше ничего. Мансфельда оркестр очень хорош.

Мы до того опошлились, гоняясь за изысканною будто бы простотою, что кто хорошо говорит, тот уже подвергается нареканию. Отсутствие всякого оживленного выражения, всякой мысли, принявшей сколько-нибудь изящную форму, считают за достоинство, точно так, как молчание принимают некоторые за доказательство ума.

Вместе с холодом и дождем я начал как-то оживляться и выходить из моей апатии. Не прав ли уж Пушкин, который гадкие осенние дни считал за лучшее время для поэтического творчества и обыкновенно удалялся в эту часть года в деревню, откуда привозил с собою лучшие свои произведения?

Давно уже, и не без некоторого успеха, работаю я над собою, чтобы не приходить в волнение от разных человеческих гадостей, но одного не мог до сих пор никак в себе преодолеть — это негодования на всякую несправедливость, в какой бы форме она ни являлась.

5 июня 1872 года, понедельник

Болен. Доктор мой — Иван Захарович Фассанов. Он здесь городской или полковой.

Вот моя майская вялость и какое-то нелепое расположение духа разрешились довольно серьезною болезнью.

Надобно бы из этой болезни извлечь какую-нибудь нравственную и умственную пользу. Пора от утомительного и плоского бездействия обратиться к усиленному крупному труду, дающему лучшую награду человеку в мирном успокоении отдыха, которого не бывает без трудов.

Униженные в течение последнего времени отовсюду извне, развращенные до мозга костей внутри, где взять нам чувство своего национального достоинства?

20 июня 1872 года, вторник

Между получившими образование в классических школах и школах реальных непременно возникнет антагонизм. Одни, напыщенные ученостью, с педантическим высокомерием будут смотреть свысока на реалистов, а эти, в свою очередь, сильные практическим своим значением и участием во всех нуждах и интересах общества, будут платить классикам презрением, и если правительство будет последних отличать, то и ненавистью. Что из этого выйдет — неизвестно, только не может выйти ничего хорошего.

Общество, которого не могли пробудить ни крестьянское освобождение, ни земские учреждения, ни судебная реформа, стоит того, чтобы им управляли посредством насилия.

Впрочем, и то сказать, где сосредоточиться какому-нибудь возбуждению? В

чиновничестве? Смешно и думать об этом. В купечестве и мещанстве? Но оно знает только плутовать и посредством плутовства наживаться. Пока было у нас дворянство, то в нем все-таки существовало нечто похожее на инициативу или по крайней мере на пассивное чувство своего гражданского достоинства, но с уничтожением его и это пропало в обществе. Что касается до молодого поколения, то я немного ожидаю от него добра. Сперва оно заявило себя чересчур шумными протестациями и радикальными требованиями, а теперь оно воспитывает в себе материализм и всяческое безверие.

23 июня 1872 года, пятница

Борьба с болезнью не прекращается. Долго ли это продолжится? Умственной деятельности почти никакой, и это более всего меня возмущает. Я креплюсь, но по временам мною овладевает уныние.

25 июня 1872 года, воскресенье

Неподвижность умственная, неподвижность нравственная — бессилие. Отсюда один шаг к презрению самого себя.

Третьего дня был у меня Селин, приехавший из Киева. Двадцать два года мы с ним не виделись. Он такой же восторженный, как прежде, или еще более. Восторженность в нем, впрочем, не есть натяжка и более привычка, манера, чем чувство. Да и чувствовать так долго и постоянно нельзя. Несмотря на это, в нем много искреннего, он прямодушен и честен.

А лето продолжает быть прекрасным; ни одного дня, напоминающего петербургскую погоду.

Да, Россия одно, а общественность наша — иное. Конечно, и дым отечества нам сладок, однако не этот отвратительный смрад от повсеместной испорченности нравов.

Почему правая сторона французского Национального собрания монархию считает панацеей против коммунизма, социализма и проч.? Непостижимо! Если она домогается монархии абсолютной, диктаторской, то тут было бы еще нечто похожее на возможность. Но ведь такая монархия невозможна. А конституционная, наподобие испанской, разве менее, чем республика, будет поприщем всяческих партий и страстей? Сверх того, монархия откроет путь к новым междоусобиям. Ведь три претендента на престол.

29 июня 1872 года, четверг

Открытие в Павловске памятника Павлу I. Большое торжество в присутствии государя: войска, музыка, пальба из пушек.

4 июля 1872 года, вторник

Прекрасные дни продолжаются. Вчера был даже очень жаркий день.

Здоровье мое почти совершенно поправилось.

Новый закон о цензуре. Конец печати. Все решается произволом министра внутренних дел. Какого бы специального содержания ни была книга, он ее конфискует. При этом законе, если он будет исполняться, решительно становятся невозможными в России наука и литература. Да правду сказать, давно бы следовало покончить с ними. К чему они нам? Они только сеют разврат и заставляют усомниться в здравомыслии начальства. Общество, которое само ничего разумного и честного не хочет делать, не заслуживает, чтобы с ним поступали честно и разумно.

Все-таки не следовало бы с такою бесцеремонностью отбирать то, что раз дано. Ведь от этого всякое доверие теряется, а с ним вместе и уважение. Привыкают повиноваться только потому, что больше ничего не остается, а где можно, там обманывают, то есть укрепляется разврат, которым наша общественность и без того так богата.

Все это: и жизнь людей, и нравы их, и учреждения не могут не возбуждать к себе презрения.

Вся моя жизнь прошла в пустяках, в мышлениях, в стремлении к чему-то высшему, вместо того чтобы позаботиться о существенных нуждах. Ошибки делались за ошибками, и вышло из этого какое-то нелепое существование — жертва ни себе, ни богу, ни черту. Исправить прошедшего нельзя, а малодушием настоящее можно превратить в такую гадость, которая будет хуже всего прошедшего.

7 июля 1872 года, пятница

Науки естественные и математические находятся ныне в опале, или, как говаривал Петр Великий, не в авантаже. На днях министр народного просвещения велел двум здешним директорам гимназий подать в отставку единственно за то, что они не классики, а ученые по физико-математическому факультету. Оба были отличными директорами много лет: Бардовский — 1-й гимназии и Беляев — 5-й. О Беляеве особенно все глубоко сожалеют, Это был один из лучших директоров во всем министерстве. Исправляющий должность попечителя Яновский прямо сказал Делянову, что он не берется объявить об отставке этому благородному и превосходному педагогу: “У меня язык не повернется сказать ему, что считают его негодным”.

8 июля 1872 года, суббота

Множество неудобств бывает следствием всяких реформ общественных, и жаловаться на них было бы несправедливо и малодушно. Но бесчестность, отсутствие всяких понятий о законности и долге, обманы при всяких сделках, одним словом, попирание общественной честности — вот что крайне дурно и невыносимо в нынешнем состоянии нашего общества. Это уже не от реформ, а от того, что составляет нравы наши. Поэтому и реформы служат не столько основанием добра,

сколько поводом ко злу. И так как подобное состояние нравов есть наследие веков, то надобны силы, чтобы переменить их к лучшему.

В лице каждого человека непременно есть черта, которую, отделив от других, можно возвести в карикатуру.

С легкой руки Петра I у нас было несколько Петров, производивших реформы насильственно и диктаторски, например Аракчеев, граф Д.А.Толстой и проч.

11 июля 1872 года, вторник

Когда приходится прямо лицом к лицу иметь дело с житейскими тревогами, с разными несовершенствами нашего общественного быта и т.п., то естественно, что наше чувство возмущается, и мы готовы во всем этом видеть какое-то исключительное бедствие, которому мы преданы в жертву злою нашею участью. Но этой-то *исключительности* вовсе нет. Мы, как капли, повинуемся общему течению волн и терпим то, что люди всех племен и всех веков терпели и будут терпеть до скончания мира. Поэтому, чувствуя зло, нас постигающее, мы не должны его преувеличивать и делать из него выводы такого, например, свойства, что если бы те и те хотели, то вот его и не было бы. Самое великое бедствие состоит в том, что люди, заведующие судьбою общественных дел, большею частью или неспособны, или недобросовестны, или беспечны, и чем они выше, тем по меньшей мере беспечнее, то есть невнимательнее к чужим интересам, имея в виду только свои собственные. Но ведь это такое же зло, как холера, как неурожай, угрожающий голодом, как смерть.

Глупого, конечно, нельзя назвать умным, злого — добрым, эгоиста — готовым служить честью другим людям, обществу. Мы не можем не относиться к этому критически, не можем не желать лучшего, даже не можем не покушаться достигать этого лучшего, сколько позволяют наши силы. А все-таки в конце концов вы придете к выводу: “так бывает, так будет и так должно быть”.

Вечером на музыке услышал от доктора Барча, что Пекарский, живущий на даче от меня через несколько домов, умирает или уже умер от холеры. Доктор только что от него; он нашел его при последнем издыхании и ничего уже сделать не мог. До него его лечили еще несколько докторов и не успели спасти несчастного.

А вот говорят, что он уже и умер.

Бедный Пекарский! Я дня четыре тому назад виделся с ним: он весело гулял в парке. До того он жаловался несколько на расстройство желудка, но он не обратил на это особенного внимания. Это большая потеря для Академии и науки. Он много и честно трудился для них.

12 июля 1872 года, среда

Вчера было довольно свежо, особенно вечером. Ночью шел дождь и прогремел вдали гром. Сегодня прелестнейший и жаркий день.

13 июля 1872 года, четверг

По словам доктора Фаесанова, Пекарский чувствовал уже себя не совсем здоровым за несколько дней до болезни.

В этом состоянии он еще обедал в гостях, и, разумеется, без надлежащей осторожности; да обед еще был на открытой галерее, где, вероятно, бедного его и продуло. В прошедшую субботу открылась у него сильнейшая холера. Были созваны всевозможные медики, но спасти его не могли. В последний день, то есть в день агонии, он страшно страдал. Бедный Пекарский! Смерть застигла его в лучшую минуту его жизни, когда ему все улыбалось. Труды его шли как нельзя успешнее. Он пользовался уважением и известностью как ученый. Во время юбилея петровского ему дали значительную денежную награду за прежний его труд о состоянии просвещения в петровскую эпоху. И вот тут-то судьба его и подстерегла. Ему было едва ли сорок лет.

Интеллигенция наша почти разом понесла большие потери. Умерли: Гильфердинг, Утин за границею — Борис, тот, который был профессором прав в здешнем университете, и Пекарский.

16 июля 1872 года, воскресенье

В этом страшном антагонизме сил, где одна стремится поглотить другую, поглощает ее и сама поглощается третьей, — в этой трагической борьбе за существование заключается жизнь, и не человеческая воля дает или терпит такой характер жизни.

20 июля 1872 года, четверг

Что за гнусное существование! Мы ущемлены между двух зол, посланных на нас природою: холерою и оспою. Последняя с неистовою силою свирепствует в Петербурге, первая тоже делает свое отвратительное дело очень усердно: она проявилась уже и здесь. Вам ежеминутно угрожает бедствие: вы ходите, спите, едите, работаете, так сказать, перед глазами смерти. Забурчит ли в желудке, чувствуете ли небольшую в себе перемену, малейшее изменение в обычном течении ваших дней — вам кажется, что гроза готова на вас обрушиться. В несколько часов, здоровые, крепкие, вы можете провалиться если не сквозь землю, то в землю. Так случилось, например, с Пекарским. А по селам вокруг вас чума скота. И этак не один день, не два или три, а целые месяцы, и притом лучшего, благоприятнейшего лета, которое не жарко, но тепло, с перепадающими от времени до времени дождями. Что же тут делать? Благоразумие предписывает не пренебрегать предосторожностями, особенно в пище, а остальное, не падая духом, предоставить судьбе.

23 июля 1872 года, воскресенье

Вы требуете не того равенства, которое основано на законах человеческой природы и требованиях права. Вы хотите равенства между бездельником и честным человеком, между умным и дураком, между невеждою и человеком просвещенным, даже между вором, злодеем и трудолюбивым, полезным гражданином.

25 июля 1872 года, вторник

Государственный ум есть тот, который способен управлять государством. Управлять людьми значит не притеснять их и не потворствовать им.

Что за вздор я написал? Управлять людьми значит извлекать из них как можно больше денег или власти и славы для себя.

30 июля 1872 года, воскресенье

Заходил навестить Пекарскую. Она уехала в город, но меня приняла ее сестра… Пекарский не страдал ни так много, ни так долго, как сначала говорили. Он почувствовал себя дурно накануне смерти вечером. Началось бурчанье в желудке, но он ходил и сначала ни на что больше не жаловался, говорил только, что не тиф ли у него начинается, потому что он чувствовал какой-то жар в голове. Ночью сделалась у него страшная тоска. Послали за доктором, который нашел его уже в опасном положении. На другой день вдруг у него ослабел пульс. К вечеру ему стало очень худо, и часов в шесть он умер. Он сохранил полное сознание еще за полчаса до смерти, так что мог благословить детей. Года два назад его постиг удар в голову так, что рот ему поворотило на сторону. Но съездив за границу, он совсем поправился; теперь паралич особенно сосредоточился у него в шее или горле. Итак, вероятно, прежняя болезнь помогла нынешней.

5 августа 1872 года, суббота

Берите истину везде, где она есть, если только она есть. Домашняя жизнь отравляется каждый день мерзостями нашей прислуги. Ничем: ни ласкою, ни жалованьем порядочным нельзя ее привлечь к исполнению того, что она должна делать по условию. И это повсеместное у нас зло. Третьего дня я принужден был отправиться к мировому судье, чтобы спросить у него: нет ли каких средств против невыносимого самоуправства, бесчестности и пьянства этих людей? От него узнал я, что закон не представляет совершенно никакого ограждения прав нанимателя, и потому наемные люди совершенно преданы своему глубокому произволу и страстям. Он сказал мне, что практика судейская одну истину сделала для него очевидною — что эти люди недоступны никаким внушениям своих обязанностей. Никакая кротость, никакое терпение тех, которые должны, к несчастью, иметь с ними дело, тут не помогают. И вот с такими людьми, однако, мы принуждены жить и разделять наш хлеб и деньги. Администрации нет до этого никакого дела. Она не заботится о том, чтоб наемный труд подчинить каким-нибудь правилам, равно ограждая его и тех, кто за него платит.

10 августа 1872 года, четверг

Торжественное открытие в Петербурге конгресса статистиков. Великий князь Константин Николаевич произнес речь, которая была бы недурна, если бы была не так учена. А то выходит, как будто бы ему кто-нибудь сочинил ее, а не он сам. Разве потому только можно признать ее за произведение дилетанта, что в ней довольно-таки перепутаны понятия о самом существе статистики. Впрочем, эта путаница существует и в ученых головах. Вторая половина речи, имеющая отношение к России и к настоящему собранию, недурна, и этим следовало бы и ограничиться.

Что такое эти ученые конгрессы? Не иное что, как подвижные клубы, в которых от времени до времени умные люди собираются, чтобы поиграть не в карты, а в идеи, с дополнением пива, а иногда и шампанского. Наука собственно тут ничего не выигрывает. Одно разве, что она привлекает к себе умы людей там, где конгресс собирается.

Впрочем, для России ученый конгресс имеет особенное значение. С ним втекает струя европеизма в мутную реку нашей общественности.

13 августа 1872 года, воскресенье

Весь август до сих пор состоит из прекрасных дней, с небольшими холодками. Вечером бывает-таки свежо.

Приготовляясь к исторической роли, Россия должна исповедью и покаянием очиститься от своих нравственных, общественных и политических мерзостей, а потом приобщиться духу высшей цивилизации.

Вот откуда происходит необходимость публичного изобличения и гласности.

15 августа 1872 года, вторник

Мудрость человеческая имеет пределы, заблуждения беспредельны.

Надобно отдать справедливость графу Шувалову, что он систематически образовал дело реакции. Подчинив себе несколько главных административных лиц, особенно министра внутренних дел и министра народного просвещения, он последовательно идет от ослабления и возвращения вспять одной из реформ к ослаблению и извращению другой и сплачивает таким образом в один строй силу, долженствующую замкнуть Россию в неподвижный круг. Что из этого выйдет, ему, конечно, в голову не приходит. Его ум не есть ум государственный, а ум придворного, который знает, на чем и как построить здание своего возвышения и первенства. Он, кажется, многим позаимствовался у Наполеона III, не заняв только урока из его судьбы и поражения Франции.

19 августа 1872 года, суббота

Все дни августа один другого лучше. Только вечера и ночи довольно холодны. Сегодня поутру был сильный туман, но он так скоро разошелся, и день вышел восхитительный, по крайней мере до сей минуты, а теперь половина двенадцатого. Но многие уже начинают переезжать в город; Павловск видимо пустеет, и на утренней музыке (от двух часов до половины пятого) число слушателей видимо редеет.

21 августа 1872 года, понедельник

Странно, что часто многие пошлейшие посредственности бывают свободны от тех недостатков и заблуждений, какими страждут самые избранные натуры. А август продолжает быть великодушным; он дарит нам прекрасные дни. Сегодня сумрачно и шел дождь, но тепло.

25 августа 1872 года, пятница

Москва отличилась: она так дурно приняла конгрессистов, как будто они приехали в калмыцкую землю. Что она не предложила им обед с миндалем откормленными поросятами — это не беда. Но беда в том, что она выказала к ним непростительное равнодушие. Теперь иностранцы могут вынести о русских следующее общее впечатление: нас приняли учтиво и с уважением, когда приемом распоряжалось правительство в Петербурге и во главе его великий князь. Но лишь мы проникли в глубину народности, в Москву, так и оказалось справедливым изречение Наполеона, что поскобли немножко русского — увидишь татарина.

30 августа 1872 года, среда

Вот уже осень. Целый день почти дождь с маленькими расстановками, хотя довольно тепло. Сегодня по обыкновению приехало из города несколько знакомых ко мне обедать, а вечером, несмотря на сильный дождь, Орест Миллер.

Наши государственные люди, кроме других блестящих качеств, обладают и значительною долею остроумия. Так, Тимашев мастерски рисует карикатуры. А вот образчик этой способности у графа Толстого. Возле него в Рязанской губернии живет в имении своем Д.Д.Дашков (сын бывшего министра юстиции), молодой человек, прекрасно образованный, устроивший у себя замечательную школу для крестьянских детей. Граф позвал его раз на обед и после повел его осматривать разные заведения в своем имении, только не школу, которой он не заводил. Между прочим, он показал ему великолепно отделанные конюшни. Он обратил особенное внимание своего гостя на стойла и, между прочим, указал ему на одно из них, отделанное с чрезвычайною роскошью. “Знаете ли, для кого назначено это стойло?” — спросил он его. “Конечно, — отвечал Дашков, — для любимой вашей лошади”. — “Нет, — отвечал граф, — это для меня, когда я сойду с ума”. Дашков передал это своему другу Миллеру, а этот сегодня сообщил мне.

1 сентября 1872 года, пятница

Три месяца не был я в Петербурге и сегодня поехал для того, чтобы присутствовать в общем заседании Академии и засвидетельствовать зеленую книжку для получения пенсиона. Сквернейшая погода. Ветер срывал с меня шинель, выворачивал зонтик и проч., а когда доехал я до Невы, тут встретила меня настоящая буря. Дворцовый мост был разведен; мне сказали, что и часть Николаевского тоже разведена для прохода петровского ботика. Вот и пушечные выстрелы. Я поспешил назад и возвратился в Павловск.

Когда народу предоставлена известная доля свободы, которой он прежде вовсе не имел, то надобно принять и необходимые последствия этого: некоторое ограничение власти и произвола бюрократического, а с тем вместе и необходимость того, что многое будет делаться, чего прежде не делалось и что не согласуется с видами власти.

Иной честен только потому, что ему недостает решимости сделаться плутом.

Подчинить умы дисциплине научных знаний, например в классицизме, значит ли уберечь их от поползновений к крайним, либеральным умозаключениям, о чем, по-видимому, мечтает наша администрация? На наш век станет, а там хоть трава не расти.

9 сентября 1872 года, суббота

Переезд с дачи; к счастью, выпал день теплый и без дождя.

11 сентября 1872 года, понедельник

Какие бы понятия ни составлялись о мире и каким бы треволнениям ни были подвержены человеческие общества, но дело в том, что всякий мыслящий человек должен найти в себе опору для нравственного характера и нравственной жизни, если только он находит какое-нибудь различие между собою и животным.

Многие из новых учений не иное что, как подновление старых.

12 сентября 1872 года, вторник

Заседание комиссии в Академии наук о присуждении премий Уваровских. Я читал мои рецензии на драматические сочинения, которых было ныне семь. В том числе две пьесы Островского: “Не было ни гроша, да вдруг алтын” и “Не все коту масленица, бывает и великий пост”. Обе слабы, и я не мог дать о них одобрительного отзыва. “Каширская старина” Аверкиева также не отличное произведение, а четыре пьесы некоего Базилевича — просто сущий вздор. Итак, и ныне нельзя было присудить премии за драму. Комиссия согласилась со мною.

19 сентября 1872 года, вторник

Начал лекции мои в Римско-католической академии после каникул.

21 сентября 1872 года, четверг

Чтобы успешно можно было сражаться с разрушительными стремлениями, восстающими на существующий порядок вещей, надобно удовлетворить их законным требованиям. Тогда требования незаконные или преувеличенные найдут себе противников и там, где они теперь не встречаются.

25 сентября 1872 года, понедельник

Заседание Академии по случаю назначения Уваровских премий. Шести лицам определены половинные премии (по 500 руб.), в том числе и автору истории императора Александра I — Богдановичу, которому, мне кажется, следовала бы полная премия. Но, по баллотировке, в комиссии не оказалось требуемого большинства. Мое мнение о драмах было прочитано Гротом за болезнью Веселовского и заслужило общее одобрение.

26 сентября 1872 года, вторник

Сегодня напечатана в газетах следующая странная телеграмма из Парижа: “На обеде у Тьера 21 сентября (3 октября) два иностранные представителя выразили мнения, подобные тем, которые были высказаны министром внутренних дел, генерал-адъютантом Тимашевым. Тот же корреспондент газеты “Times” пишет, что один из прибывших в Париж представителей Франции за границей заявил, что одинаковое мнение господствует и в других государствах”. Какие это мысли и о чем? Но главное тут то, что гнилой Запад во всем нас превосходит: он сделал великое открытие, которое в России никому и не снилось, то есть что у Тимашева есть мысли.

Высший ум есть нечто такое, в чем всегда скрывается больше того, что он обнаруживает.

27 сентября 1872 года, среда

Мы находимся в таких чрезвычайных обстоятельствах, какие редко встречаются в истории. С одной стороны, в обществе возникли стремления, возбужденные реформами, а отчасти застоем, которые не могут быть удовлетворены правительством. С другой стороны, правительство, как бы испуганное этими стремлениями и собственными своими реформаторскими действиями вначале, круто поворотило назад. И там и здесь есть своя логика. Между интеллигентным так называемым обществом и властями поэтому возникли отношения какой-то борьбы и неприязни. Самое худшее из этого выходит то, что нравственные основы общества сильно заколебались.

Беспристрастно рассуждая, нельзя винить ни общество за его стремления, ни

правительство за то, что оно хочет их умерить. Первое так много терпело всяческих стеснений, что естественно хочет большего простора; второе, также естественно, видит в этом просторе такие стороны, которых допустить не может по своему положению и по традициям, а главное, оно видит в самом обществе еще крайнюю незрелость.

Странно и нелепо сказать, что *если бы* в обществе было более рассудительных людей, а в бюрократии — людей более способных и добросовестных, то этой неурядицы не было бы. Но это *если* — когда и где оно было возможно?

В сегодняшней газете извещают, в чем заключаются мысли генерал-адъютанта Тимашева, сообщенные им Тьеру. Он благосклонно уведомил последнего, что радикальные движения, подобные возбужденным Гамбеттою, производят неприятное впечатление в других государствах. Вот какая новость, и Тьер, который борется с радикализмом всеми силами своего высокого ума, будто ее и не знал и только теперь обязан за нее глубокомысленному государственному уму генерал-адъютанта Тимашева. Это похоже на то, если бы кто-нибудь сказал другому: когда по сенникам ходят с огнем, то может случиться пожар, а пожар куда какая нехорошая вещь!

29 сентября 1872 года, пятница

И.Н.Крамского полиция призывала раза три и весьма грубо допрашивала его, где он был прошлое и нынешнее лето? И когда он отвечал, где, возразили ему, что это неправда. Полиция даже извратила как-то самую его фамилию. И когда он, удивленный и недоумевающий и встревоженный, спросил: что все это значит и для чего его допрашивают, ему отвечали, что это по секретному делу. Жена его вчера приезжала к нам и просила моего совета, что делать при таком странном и необыкновенном нападении полиции. Я посоветовал Ивану Николаевичу немедля ехать к Трепову и просить у него объяснения. Так он сегодня и сделал. Оказалось, что с 1863 года он состоит в списке подозрительных по поводу объяснения его от имени товарищей в конференции Академии художеств, откуда они тогда задумали выйти. Дело тогда тем и кончилось. Молодые художники вышли из Академии без всякого, впрочем, шума и основали, с разрешения начальства, артель, которая и до сих пор существует, исполняя, и весьма хорошо, разные частные заказы, а Крамской с тех пор составил себе весьма лестную репутацию как замечательный художник. И вот теперь его вздумали допрашивать, не говоря, впрочем, ни слова о причине. Трепов, однако, велел вычеркнуть его из списка подозрительных, которых, по его словам, записано до 6000. Тем дело и кончилось.

1 октября 1872 года, воскресенье

Необходимость контроля не только над поступками, но и над мыслями. Весьма часто приходится быть недовольным собою единственно за то, что я даю слишком свободное течение своим мыслям по различным вопросам жизни, и хотя они не переходят да и не могут перейти в поступки, однако многие из них заслуживают строгого осуждения. Человек должен властвовать над всеми движениями своего ума,

воли и чувства. В этом и состоит настоящее самоуправление. Надобно взвешивать не только те причины, по которым мы кажемся правыми, но и те, по которым противники наши думают так или иначе.

5 октября 1872 года, четверг

Писемский читал свою новую комедию у Краевского. Комедия эта лучшее произведение его. Не знаю только, как он сладит с цензурою. Он хочет напечатать ее в “Гражданине” князя Мещерского. Писемский превосходно читает, и мне кажется, что кто слышал его комедию из его уст, тому не следует идти в театр на ее представление: она, наверное, будет сыграна там гораздо хуже, чем в чтении автора.

7 октября 1872 года, суббота

Наше молодое поколение никуда не годится. Оно плохо учится, плохо мыслит и думает только о всевозможных эмансипациях да о материальных наслаждениях. Надобно его остепенить, занять трудом серьезным. В этом смысле задуманная учебная реформа имеет важное значение. Но, во-первых, едва ли можно достигнуть цели с помощью усиленного классицизма, а во-вторых, следовало бы новую систему приводить в действие не с таким насилием. В этом заключается важная ошибка нынешнего министерства народного просвещения. Эта лихорадочная поспешность, это стремление сделать вдруг все, что требовало некоторой постепенности и даже некоторого снисхождения к непониманию в обществе сущности предпринятой реформы, — вот что может вредить ее успеху и что произвело такое брожение в умах. В университеты не дозволен доступ тем, кто не получил строгого классического образования, — пусть так. Но как же получить его, когда в самих гимназиях не существовало классического обучения? Не следовало ли, например, прежде устроить гимназии классические, а потом уже от вновь поступающих требовать выполнения тех условий, которые теперь считаются необходимыми? Не следовало ли застигнутым врасплох реформою дать возможность с одним латинским языком войти в университет? И вообще, не следовало ли несколько, хоть *на первый раз,* облегчить требования относительно греческого языка? Министерство захотело разрубить узел, вместо того чтобы развязать его. Но это не всегда лучший прием.

8 октября 1872 года, воскресенье

Почти весь сентябрь состоял из дней теплых и ясных, какие редко бывают в Петербурге, особенно в это время года. Некоторые семейства оставались почти до октября на дачах. Впрочем, иные остались за городом и на целую зиму по причине непомерных цен на квартиры.

До этого дня и октябрь очень хорош. Сегодня уже туманно, сыро и холодно.

Познакомился у Тютчева с Аксаковым. Какой он ражий! Впрочем, в обращении он тих и скромен, так что в нем нельзя видеть борзого журналиста. Поговорили о

нынешнем состоянии цензуры, которая чуть не свирепее, чем в николаевское время.

Поутру вчера был у меня с визитом Писемский. Я повторил ему выражение моего удовольствия за пьесу его, читанную у Краевского, и за его мастерское чтение.

Мы от предков наших унаследовали значительную долю рабского страха пред властями. Ведь не могли же без последствий пройти по истории ни Петр Великий со своими благими видами, но и со своим кнутобойством и застенками, ни Бирон, ни милосердная Елизавета с резаньем языков и битьем кнутом своих придворных дам, ни бешеный Павел, ни верховный визирь Аракчеев. Клеймо, наложенное ими на наши нравы и дух, долго не изгладится.

10 октября 1872 года, вторник

Собирался ехать в Академию, но заболел настоящим образом, почти так же, как летом.

О Валуеве: мы ошиблись друг в друге. Он думал найти во мне чиновника и не нашел его, а я думал найти в нем государственного человека и нашел только чиновника. Впрочем, я должен сказать, что это чиновник с хорошими манерами, усовершенствованный духом века, а не какой-нибудь приказный старого времени.

В публике уже несколько дней ходят слухи, что министр народного просвещения граф Толстой с ума сошел: он все считает себя лошадью.

В Пензенской гимназии один ученик старшего класса стрелял из ружья где-то. За это министр велел исключить его из заведения и ни в какую гимназию не принимать. Один из учителей той же гимназии осмелился заметить, что так как ученик этот вообще очень хорошо учился и отличного поведения, то не слишком ли жестоко не дозволить ему окончить свое образование? За это ведено уволить учителя от должности и впредь не принимать его нигде по учебному ведомству.

20 октября 1872 года, пятница

Сегодня были у меня Воронов и Благовещенский. Первый рассказал мне много крайне прискорбного из того, что делается по министерству народного просвещения. Поступки графа Толстого и его товарища Делянова отличаются каким-то свирепством. Последний, между прочим, с великим азартом требовал в Комитете министров, чтобы книжку “Беседы”, где говорится о наших монастырях, не только конфисковать, но сжечь, что и исполнено.

Министр народного просвещения приказал, чтобы все гимназисты носили в гимназии книги свои и тетради не иначе, как в ранцах на спине, наподобие солдат.

Если есть в тебе природное расположение и сила и способность быть человеком, то никакое притеснение, никакое насилие не заставит тебя сделаться скотом.

Чужая опытность никогда не служит заменой собственной.

22 октября 1872 года, воскресенье

Во всей нынешней Франции один Тьер, кажется, не легитимист, не орлеанист, не бонапартист, не радикал, а француз. Он выше партий и властвует над ними, противопоставляя одну другой, чтобы спасти Францию.

27 октября 1872 года, пятница

Был у меня Я.К.Грот и, между прочим, рассказывал мне о том, как Миллер (Орест) с кафедры ругает наповал всех писателей прошедшего времени, особенно Карамзина. Он просто свирепствует против него. Молодые люди ему аплодируют. Впрочем, все новейшие или большая часть новейших деятелей одержимы этим беснованием против всего, что признается другими за достойное уважения. Прискорбен этот дух разрушения. Он ничего хорошего не обещает России.

2 ноября 1872 года, четверг

Что вы говорите о прозе Карамзина, Жуковского, Пушкина? Нам теперь нужна немножко хмельная и очень растрепанная и косматая проза, откуда бы, как из собачьего зева, лился лай на все нравственно благородное, на все прекрасное и на всякую логическую, правдивую мысль.

3 ноября 1872 года, пятница

В общем заседании Академии выбрали в члены Второго отделения Сухомлинова 26 голосами против 4.

Историю моей жизни, как и всякую историю, можно разделить на периоды, означая их таким образом: период от одной ошибки к другой таких-то годов, — этих периодов можно насчитать множество. Конечно, по совести, я не могу сказать, чтобы ошибки эти состояли из дурных или предосудительных дел. Но несомненно то, что каждая из них чрезвычайно много вредила моим успехам в жизни и по службе и часто мешала даже действовать, как бы я мог, и для общества. Теперь остается мне не сделать еще одной, и, может быть, самой вредной ошибки — не впасть в уныние от всех прежних с их печальными последствиями.

В прошедшее воскресенье в фельетоне “С.-Петербургских ведомостей” Незнакомец [Суворин] объявил, разумеется шуточно, что он умер. Теперь слышно, что он действительно для фельетона умер. Цензура такие сделала на него натиски, что он должен был прекратить свою литературную деятельность по этой части. Итак, эта почти единственная живая струя в газете иссякла от дуновения холодной - цензурной бури. Дело в том, что фельетон Незнакомца отличался вообще умом и остроумием и все его читали, и поэтому он признан вредным.

Граф Д.А. взял на себя роль сыщика. Всякую мысль в печати, сколько-нибудь не согласную с его умопредставлениями об учебной части, он отыскивает с заботливостью, Достойною лучшего дела, и представляет ее куда следует как

преступную. Так поступил он, между прочим, с “Беседой”, два номера которой поэтому остановлены и один даже, говорят, сожжен в Москве. В таких прекрасных занятиях ему служит главным помощником Георгиевский, сделавшийся ныне великим деятелем.

Слышно о Каткове, что он действительно болен и едва в состоянии будет продолжать свою газету, которая, впрочем, находится ныне в упадке. Число подписчиков ее сильно уменьшилось.

Репрессивные меры по делам печати достигли своего апогея и вместе с мерами по министерству народного просвещения составляют самое замечательное явление нашего времени. С правительственной точки зрения, вероятно, все эти меры считаются полезными и необходимыми для восстановления в России доброй нравственности и уважения к администрации, сильно потрясенных в последнее время., Но стараясь достигнуть одного, власти разрушают другое. Не то еще важно, что под гнетом репрессивных распорядков общество безмолвствует и терпит много такого, что терпеть не хотелось бы и не следовало бы, не то важно, что умственный горизонт вообще становится темнее и темнее, падает дух в среде науки и мысли, умы впадают в апатию и тупеют, теряется всякое доверие к чему-нибудь высшему, кроме материальных влияний, — следовательно, усиливается разврат, — сколько важно то, что наши умственные и нравственные силы парализуются. Мы возвращаемся прямо ко времени перед Крымскою войною.

“Не угашайте духа, не угашайте духа!” Напрасны эти высокие слова, это выражение глубочайшей истины, как и другие слова: *“Не от хлеба единого человек жив бывает, но от всякого слова Божественного”*.

Впрочем, не глубокая ли также истина заключается в словах: “Всякий народ бывает управляем так, как он заслуживает”; следовательно, тут помочь нечем и, следовательно, и огорчаться нечем: “все должно идти к концу, как угодно творцу”, по словам Шекспира.

5 ноября 1872 года, воскресенье

Фельетоны Незнакомца опять появились. Значит, цензура дозволила его снова, вероятно с тем только, чтобы перлы своего остроумия, если хочет, он бросал только так, для забавы, на воздух, ни в кого не метя и не попадая.

Философия похожа на кость, содержащую в себе мозг; чтобы разгрызть ее и достать из нее мозг, простому смертному надобно иметь собачьи зубы.

8 ноября 1872 года, среда

В самом деле, что такое наша общественность? В ней совершается брожение понятий, не установившихся, неясно сознаваемых, пришедших извне, склоняющихся к радикальным, ультрапрогрессивным принципам только потому, что это существует на Западе. Все это особенно выражается в нашей литературе. А нравственно что такое наша общественность? Полнейшая развращенность умов и

сердец, стремление к материальным интересам. Общество наше не выработало в себе тех великих идей, которые служат опорою лучшего порядка вещей. Как же можно его уважать?

Однако и репрессивные меры должны же иметь свои пределы, и надобно дотрагиваться с некоторою осторожностью к таким явлениям и вопросам, которые так или иначе вошли уже в оборот нашего умственного капитала. Как бы нелепа ни была наша общественность, но с нею надобно жить, и она сама есть все-таки нечто живое, а не мертвое, и обращаться с нею как с трупом, кажется, не следовало бы. Если она грешна и во многом глупа, то далеко не святы и не зело разумны и наши государственные мужи.

Репрессия слишком усиленная ведет к осуществлению известной истины, что чем хуже, тем лучше.

По распоряжению министра народного просвещения, из саратовской семинарии не велено принимать в студенты университетов никого, так как там когда-то учился Чернышевский.

Суворин, он же и Незнакомец, издал по прошлогоднему примеру календарь на 1873 год. Управление по делам печати велело отобрать и сжечь этот календарь за какую-то или чью-то биографию, в нем помещенную.

Это уже второе аутодафе в течение двух или трех месяцев. Замечательно, как эти сожигатели не поймут, что этою глупостью они ставят и себя и правительство в комическое положение. Вот уж поневоле скажешь: черт знает что это такое. Жечь книги в наше время! Ну, если она не понравилась каким-нибудь господам, — конфискуй ее; да сверх того, ведь эти жертвы пламени и осуждены на эту казнь не за всю целость свою, а за одну какую-нибудь статью, ну, наконец, вырежь ее, а за что же целую книгу-то уничтожать и разорять издателя, как теперь разорен Суворин, беднейший из бедных литераторов.

Таким администраторам присваивался прежде титул *гасителей*, теперь их надобно уже назвать *сожигателями.*

Холера месяца полтора тому назад прекратилась или если действует, то, так сказать, тайком, но зато оспа продолжает свирепствовать почти с такою же силою, с какою наши власти свирепствуют против мысли, науки, печати. На этом последнем поприще отличается М.Н.Лонгинов, автор известной, рукописной разумеется, гнусной поэмы, которая заставила бы покраснеть от стыда самого Баркова.

Великий человек, конечно, воплощает в себе идеи своего века и удовлетворяет потребностям своего народа и общества, сознавая их яснее, чем все другие. В этом смысле и говорят некоторые, что великих людей собственно и нет, а есть работники, действующие как бы механически, по воле или влечению масс. Но положим, что задача, которую он выполняет, ему достается извне: неужели, однако, его личность ничего тут не значит и всякий другой, поставленный. На его место, мог бы ее разрешить? Его неотъемлемая собственность — это *характер.* Он похож на некоторые ароматные вещества, которые надобно потолочь в ступе, чтобы они издали аромат.

12 ноября 1872 года, воскресенье

Обедал у министра народного просвещения. Сегодня он был довольно благоприличен, хотя все-таки не обошлось без того, чтобы он не назвал членов Государственного совета дураками и несколько раз не выразил мысли о своем положении словами “я сказал то-то и то-то государю” или “скажу ему”. На обеде были академики, кроме меня, Грот, Безобразов, Буняковский, Бычков и Стефани и разные другие лица. Тут был и вице-министр Георгиевский, который вел себя уже как важная особа, с большим достоинством и чувством своей высокости.

В администрации по делам печати господствует какая-то злоба против всего печатного. Они не только принимают меры против непозволительного, по их мнению, но принимают их, особенно Лонгинов, с какою-то бешеною яростью. Так, даже один из заседающих в Комитете министров находит, что воспрещение двух номеров “Беседы”, сожжение их переходит уже всякую меру благоразумного взыскания, что и статьи-то этого журнала, за которые воздвигалось такое на него гонение, довольно невинного свойства и что, наконец, во всяком случае, достаточно было бы уничтожить эти статьи или велеть их перепечатать.

А за что пострадал и обречен сожжению календарь Суворина? Во-первых, за то, что в некрологах он поместил и некролог такого лица как Мадзини; во-вторых, — и это, кажется, главное, — зачем он высчитал в статье о расходах государственных и те оклады, какие получаются высокопоставленными лицами.

Но положим, что, по принятой ныне системе, репрессивные меры нужны, но к чему такое озлобление? Они говорят, что печать наша распространяла ужасные вещи, но ведь это малая часть ее. За что же такое гонение на то, что она разбирает умеренно и гласно разные вопросы, о которых и законом разрешено говорить? Неужели они забыли, какие важные услуги оказывала государству печать во множестве случаев, объясняя самым почетным для правительства образом разные предпринятые им реформы или во время польского восстания и проч.

18 ноября 1872 года, суббота

Чтение у О.Ф.Миллера. Майков читал свое стихотворение “Два мира”, приготовленное к печати в “Гражданине”. Это произведение высокого поэтического достоинства, в котором Майков стал на такую ступень, которой он еще не достигал в прежних своих произведениях. Язычество в предсмертных судорогах и христианство на заре своего величия, начинающее эпоху человеческого возрождения. Тут все прекрасно: идея, развитие ее, картины, язык. Произведение имеет характер драматический не только по форме, но и по внутренней силе и движению. Характеры выдержаны и оттенены с необыкновенною правдою и рельефностью. Словом, это истинно художественное произведение.

На чтении было довольно дам и в числе слушателей Градовский, Бестужев-Рюмин и другие. Автор заслужил всеобщее горячее одобрение. Когда его осыпали приветствиями и похвалами, он торжественно провозгласил, что он всем хорошим,

что в нем признают, обязан мне, моим университетским лекциям. Я пробудил в нем, как и в других, чистое и возвышенное стремление к красоте и идеалу и дал направление его литературной деятельности. Разумеется, мне не неприятно было слушать это заявление такого даровитого человека, как Майков. Майков идет по пути, неодобряемому защитниками социальных тенденций и натурализма, но даже и Орест Миллер принужден был признать высокое не тенденциозное достоинство пьесы. Тут же Градовский, а с ним Майков и другие напали на Ореста за его нападки на Карамзина и старались ему доказать, что он крайне неправ и не должен был с кафедры относиться о нем так неблагосклонно, как он это делал в недавнее время. Накануне Миллер был у меня: я, хотя и мягче, говорил ему о том же и то же.

Над Сувориным смиловались. Его календарь не будет сожжен, и ему велели только перепечатать нехорошие страницы. Говорят, что Суворин действительно согрешил против цензуры и благоразумия, поместив в календаре своем вещи, которые непременно должны были раздражить некоторые высокопоставленные лица.

Надобно правду сказать, наше общество преисполнено бестолковости и хаотических понятий. Многие восстают против крайностей высшей администрации, сами впадая в нестерпимые крайности. И если бы эта администрация и хотела приноровиться к общественному мнению, то она не нашла бы его в этих бесконечно противоречащих толках и требованиях.

До сих пор снегу и зимы нет. Вчера еще был дождь. Сегодня немножко холоднее; но снегу все-таки нет.

Коль скоро так называемым либералам удалось разрушить какой-нибудь деспотизм, так тотчас на место этого они ставят свой. Что же выигрывает общество от этой перемены? Между тем ломка одного, чтобы дать место другому, сама по себе есть великое зло.

1 декабря 1872 года, пятница

Умер В.В.Шнейдер, бывший одним из лучших профессоров в здешнем университете. Он преподавал римское право и был и моим наставником и очень меня любил.

6 декабря 1872 года, среда

Был у меня Писемский. Комедии его не пропускает цензура. Он объяснялся с Тимашевым, который объявил ему, что комедия может пройти, если он спустит действующих лиц пониже, то есть директоров и товарищей министров оставит в покое. Он тоже объяснялся с Лонгиновым, но тщетно. Когда Писемский спросил у него: “Как же и о чем писать?”, тот отвечал ему: “Лучше вовсе не писать”. Автор обещал, однако, исправить свою пьесу, то есть не ставить действующих лиц в разряд высших чиновников, а просто отделаться общими характерами.

30 ноября дано предостережение первое “Голосу” за две статьи: одну из Ревеля

о безобразиях остзейских немцев, а другую из Одессы о безобразиях евреев. Сказано, что “Голос” ссорит население империи.

Бранят не меры, а *дурные меры.*

Беда правительству, когда оно не в состоянии полагаться на здравый смысл и добросовестность своего народа; беда народу, когда он не может уважать своего правительства.

Николай Павлович хотел управлять государством как казармою. Заботясь единственно о дисциплинировании своего народа, он убивал в нем систематически его умственные силы и дошел до того, что не имел ни генералов, ни администраторов, а имел одних холопов, которые умели только говорить ему: “Слушаю-с”. Он дошел, наконец, до Севастополя. Он считал себя полицмейстером Европы; с высокомерием старался подавлять в ней всякое свободное движение, как у себя дома, посреди пораженных страхом своих рабов, но, посрамленный в Севастополе, умер от стыда и отчаяния.

До чего были доведены умы в царствование Николая, видно из того, что многие люди, честные и мыслящие, желали, как единственного обуздания грубой воли повелителя, чтобы нас побили в Севастополе. К сожалению, это исполнилось. Много ли от этого урока выиграла Россия? Говорят, что от этой встрепки мы прозрели. Правда, на минуту, для того чтобы, зевнув, потянувшись, снова погрузиться в сон.

8 декабря 1872 года, пятница

Сухомлинов утвержден экстраординарным академиком.

15 декабря 1872 года, пятница

Был у меня Неверов, попечитель Закавказского округа. Он приехал сюда просить пощады от греческого языка. Дело в том, что Закавказский край лишен почти вовсе лекарей и ветеринаров, отчего и людям и скоту приходится очень плохо: болезней тех и других некому лечить. Некоторые местности прямо обратились к наместнику, великому князю, с просьбою дать им лекарей. Но где их взять, когда и во внутренних губерниях их нет. Надобно приготовлять докторов в университетах, куда без греческого языка нет доступа, а желающих учиться по-гречески не имеется; и великий князь и попечитель готовы бы помочь горю, да Георгиевский не хочет. Он утверждает, что ни за что не сделает изъятия в пользу желающих посвятить себя медицине: пусть и холера, и оспа, и скотские падежи разгуливают по России, лишь бы греческий язык существовал. И вот Неверов, кажется, и уедет, не добившись того, чтобы на стипендии Закавказского края позволено было вступать молодым людям в университеты по медицинскому факультету с одним латинским языком, без греческого.

17 декабря 1872 года, воскресенье

Работаю над отчетом по Второму отделению к акту Академии. Приходится служить панихиду: мы в нынешнем году недосчитываемся четырех так называемых деятелей науки: Пекарского, Даля, Гильфердинга, К.И.Невоструева. Надобно говорить об их жизни и трудах.

27 декабря 1872 года, среда

Неусыпно работал над биографиями академических покойников, о которых 29-го надобно говорить на акте, и не уверен, что написал их хорошо. Так, впрочем, со мною всегда бывает.

29 декабря 1872 года, пятница

Акт в Академии. Читал мои биографические очерки о Пекарском, Дале, Гильфердинге и Невоструеве.

Вечером были у меня Майков, Неверов и Благовещенский с женою. Последний назначен ректором в Варшавский университет на место Лавровского, который поссорился с попечителем и, как говорят, вел себя очень высокомерно.

Общественный дух наш проявляется тогда, когда нужно страдать от внешнего врага, хотя и тут не обходится без неурядицы и разных скверных проделок вроде казнокрадства, хвастовства, ссор и пререканий друг с другом и проч. Но как скоро гроза затихнет, все опять приходит в прежний порядок, то есть беспорядок. Значит, мы — нация, в

этом нет сомнения. Но какая? Есть ли у нас залоги высокого исторического призвания? Это другой вопрос.

В науке, в литературе, в администрации, в суде у нас попадаются личности и даровитые и как будто одушевленные интересами общественными. Но они действуют врассыпную, в одиночку; каждый хочет поступать сам по себе, отличиться и, лелеять свои собственные цели. У нас нет того, что называется принципами.

Общественное мнение питается слухами и колышется со стороны в сторону, как волна морская. Может быть, этому виною и правительство, препятствующее полной гласности. Но во всяком случае мы не в состоянии выработать ни одной определенной крепкой идеи.

Беспрестанно слышны изъявления недовольства то тою, то другою мерою. Но только повей на нас тепленьким ветерком милости и благоволения, мы тотчас готовы со всем примириться, не из великодушия или благодарности, а так, потому что привыкли все считать Божиим да царевым.

Кто такие наши либералы? Недоучившиеся или ничему основательному не выучившиеся мальчуганы, которые, зачерпнув несколько глотков коммунизма, социализма, демократизма или какого другого *изма* из чужеземных книг, мечутся, как пьяные, на все, что не согласно с этими измами, и думают, что они могут

поворачивать общество куда им угодно. Они считают себя и силою и властью. Их берут под присмотр полиции. Вот их теперь, как стадо баранов, выгоняют на классическую пажить, полагая, что там они наедятся хороших идей. Будет ли из этого толк — увидим со временем, а теперь трудно поверить, чтобы из этого вышло то, чего хотят. Оно, может быть, и вышло бы, хоть не в такой мере, как полагают зачинщики этого дела, да за него принялись слишком нерассудительно, круто.

31 декабря 1872 года, воскресенье

Заезжал к Неверову; ему не удалось отстоять у министра народного просвещения того, чтобы воспитанники Закавказского учебного округа могли поступать на медицинские факультеты университетов без греческого языка. Поводом к этому ходатайству было совершенное неимение лекарей и ветеринаров, отчего люди и скот гибнут страшно.

Зимы у нас нет. Беспрестанные дожди, туманы, тепла по 2R. Сегодня особенно скверный день.

Вот и 1872 год оканчивается. Чем же он был для меня? Я существовал — и только. Внутренний мой мир был полон тревог и обычного самонедовольства, которые сделались у меня хроническими. Особенно я очень часто занимался пересмотром и контролированием моей прошедшей жизни, и выходило всегда одно и то же: трудно представить себе человека, который бы делал более глупостей и ошибок, чем я. Теперь я как Марий на развалинах Карфагена — на развалинах всего, что когда-то мною делалось или имелось делаться: впереди ничего, кроме окончательного уничтожения. Если еще что-нибудь меня поддерживает, так это живущий во мне — чтобы продолжить сравнение — дух Мария, то есть дух, способный превозмочь судьбу и самого себя. Я бессилен во всем, силен только в одном: в какой-то странной, необъяснимой вере, что я не паду ни умственно, ни нравственно. И это среди непрерывных колебаний и тревог моего внутреннего мира! Не есть ли же это нелепое противоречие между некоторого рода силою и бессилием, мною сознаваемым? Правда, это противоречие. Но тем не менее это, говоря языком нынешней науки, факт.

Прощай, 1872 год.

1873

1 января 1873 года, понедельник

Никуда. Погода отвратительная: мелкий дождик и сырость с холодом проникают до костей.

Только и толков, что о погоде. Боятся неурожая, если так продлится. Иные думают, что во Вселенной случился какой-то переворот, в котором замешаны солнце и кометы. Полагают, что природа свихнулась так же, как люди, забывая, что в природе господствуют строжайшие законы, беззакония же только у людей.

Наша современная общественность не обещает ровно ничего, что бы превышало пошлость настоящего. Эта пошлость так въелась в наши нравы, что они неспособны возвыситься ни до чего, из чего образуется мощь умственная и нравственная. Самая резкая и выдающаяся сторона общественности нашей, отмеченная особенною жизненностью, это страсть к прибытку, к добыванию денег, растворенная всякого рода плутовствами и безобразнейшими надувательствами друг друга и казны. Тут является даже иногда предприимчивость, но предприимчивость бесчестности. Если же кое-где мелькнет честность, то без предприимчивости. Во всем прочем господствует или совершенная апатия или вспыхивают такие стремления, такие тенденции, от которых ничего, кроме дыма, не остается. И хотя я покритиковал в моем “Реализме” роман Тургенева “Дым”, однако он едва ли не оказывается совершенно правым. Впрочем, я отозвался неблагоприятно о “Дыме” Тургенева единственно потому, что такой взгляд совпадал у меня вообще с желанием поддержать идеал в нашей литературе.

Трудно подняться на какую бы то ни было высоту, когда нет подъемлющих рычагов.

Наша общественность не успела еще сложиться, а уже разлагается.

“Управлять людьми есть самая пустая наука”, — сказал Оксенштиерн. И это сказал очень умный министр, управляющий людьми, созревшими до некоторой степени в чувстве своего человеческого и гражданского достоинства. А как же должна быть ничтожна эта наука, когда дело идет об управлении такими людьми, как русские? Не этим ли и объясняется, что наши государственные люди такие неучи и гордятся даже этим? Ведь сказал же мне министр внутренних дел Бибиков при одном случае с некоторым видом самодовольства: “Ведь я учился на медные деньги”.

7 января 1873 года, воскресенье

Есть истины, которых бремя тяжело ложится на душу. Мудрено ли, что люди ищут часто утешения в мечте, в иллюзии. Счастливы те люди и достойны уважения, у которых эти мечты и иллюзии не отнимают благородства чувств, не превращают их в пошлых эгоистов.

Есть одна великая истина, не подлежащая сомнению, — это необходимость быть справедливым.

Наш двор, следуя примеру прусского, наложил траур по Наполеону на две недели.

На днях случился удар с бедным Ф.И.Тютчевым. У него отнялся левый бок и язык. Но Бессер (доктор) говорит, что он выкарабкается из этой беды, хотя не без потери сил. Ему, кажется, 72 года.

10 января 1873 года, среда

Великая княгиня Елена Павловна умерла вчера. Последняя умственная сила отнята у двора. Она была высокообразованная женщина и принимала живое участие во всех разумно-свободных явлениях нашего времени. Есть также несколько благотворительных учреждений, обязанных ей своим существованием. Успехи музыкальной консерватории также ее дело.

11 января 1873 года, четверг

Третий день уже как сильная вьюга и мороз в 8 и 10 градусов.

В манифесте о смерти великой княгини Елены Павловны сказано, что она между прочим радела о *полезном* просвещении, как будто просвещение может быть не полезным. Свет может быть более или менее, но как сказать о нем, что он может быть полезен или не полезен. Для сов он вовсе не годится, но ведь это — совы. Точно как будто манифест был на цензуре у М.Н.Лонгинова, который, найдя слово *просвещение* слишком либеральным, велел для избежания соблазна прибавить слово *полезное.*

Чаще и чаще стали повторяться закрытия земских губернских собраний за неприбытием законного числа членов. Какая причина этому? Кажется, неудовольствие помещиков, род пассивной оппозиции. А это отчего? Помещики наши состоят из двух родов; одни крепостники, и понятно, почему они недовольны; другие не были против освобождения крестьян даже с наделом землею, но они ожидали, что взамен их пожертвований им предоставлены будут какие-нибудь новые права. Ожидания их не сбылись, и вот они недовольны. А тут еще подоспели разные стеснения самых собраний. Крестьяне же погружены в невежество, и поэтому от их выборных немного можно ожидать полезных соображений в собраниях. Хотя и помещики наши не орлы просвещения, однако все-таки они гораздо образованнее своих земских сочленов из крестьян, мещан и купцов и могли бы что-нибудь делать, но у них нет одушевления.

13 января 1873 года, суббота

Вчера Аникита Озерский прочитал мне стишонки, кажется им самим написанные, на немцев. Смысл тот, что вот, дескать, у нас немцы всем распоряжаются, а мы перед ними во всем должны уступать и проч. Часто приходится слышать эти иеремиады против немцев, вместо того чтобы подражать им в честности и единодушии. Ведь подражаем же мы иностранцам во многом другом.

Третьего дня и вчера мороз до 18R.

Во втором томе “Девятнадцатого века”, издаваемого П.И.Бартеневым, помещены разные проекты об освобождении крестьян, составлявшиеся по воле императора Николая Павловича. Несколько комитетов для этого было учреждаемо один за другим. Проекты эти очень разнообразны — видно только одно общее стремление не давать свободы вдруг, не наделять крестьян землей и подвергнуть их опеке помещиков. Таким образом дело отдалялось, усложнялось и запутывалось. Оттого подвиг нынешнего государя оказывается еще блистательнее и выше. Он разрубил этот Гордиев узел, который без него еще более мог бы запутаться. Полумеры тут не годились.

Процесс Нечаева окончился, о чем публиковано в сегодняшних газетах. Во все время процесса он не признавал себя подсудным русским судам и настаивал на том, что он не простой убийца, а политический преступник. По всему видно, что это политический фанатик. Он осужден на двадцатилетнюю каторгу за убийство. Он кричал на пороге, когда его выводили из суда: “Рабом вашего деспота я быть перестал. Да здравствует земский собор!” Публика тоже кричала: “Вон его! Вон!” — за что председатель сделал ей строгое и приличное внушение.

21 января 1873 года, воскресенье

Они историю хотят превратить в догматику.

Все явления в истории имеют свои причины; но причины производят иногда такое действие, иногда другое, а иногда не производят никакого действия и остаются бесплодными, как бы замирают, пока на место их не явятся другие, от которых произойдут следствия, каких напрасно ожидали от прежних и которые будут значить совсем другое, а не то, что предвиделось и о чем мечтали люди иного времени. Угнетение производит недовольство и страдание: вот причина, которая должна бы произвести революцию. Но значит ли это, что она действительно произведет ее?

Власть бестолковая и эгоистическая действительно может возбудить ее. Но властитель умирает. Место его заступает другой, с умом просвещенным и благими намерениями; он действует совершенно иначе, чем его предшественник, — и революция устранена.

22 января 1873 года, понедельник

Французское Национальное собрание приготовляет новую революцию во

Франции. Своими гнусными проделками, вместе с клерикалами, иезуитами, орлеанистами и проч., всякого рода стеснениями законной свободы оно бросает Францию прямо в руки радикалов. Едва ли старческим плечам Тьера снести такую ношу судеб Франции в настоящее время. Его ловкость и искусство разбиваются о грубую и сплошную массу эгоистических партий; тут уже нужна сила.

Самое лучшее средство держать власть в своих сетях, поработить ее и сделать послушным орудием своих своекорыстных целей — это отнять у общества слово, то есть парализировать печать так, чтобы до общества не доходило никакого сведения о том, что делается вокруг.

М.Н.Лонгинов, как он сам о себе говорит, писатель не для дам. Он прямой наследник Баркова и держится его мировоззрения, отличаясь от него только удесятеренной распущенностью и с присоединением к последнему кощунства. И из этой-то помойной ямы умственного разврата вытащили это нечистое животное, чтоб сделать его начальником по Делам печати, то есть охранителем умственной чистоты и нравственности русского народа. Впрочем, почему же и нет? Ведь это никого в нашем обществе не удивляет и не оскорбляет.

Вот уж тут не знаешь, что такое, *недозрелы ли мы,* как сказал некогда Ламанский, или перезрели, как яблоко, готовое упасть и сгнить.

23 января 1873 года, вторник

Вечер у графини А.Д.Блудовой. Тут собралось несколько дам, все графини или княгини и княжны. Была также моя старая приятельница и ученица (из Екатерининского института) А.А.Воейкова, умная, бойкая, добрая, хотя и старая девица. Я большую часть вечера проговорил с княгиней

Трубецкой, муж которой был губернатором в Воронеже. Она показалась мне очень умной и приятною женщиною. Муж ее и она были дружны с Далем. Этот умный даровитый Даль в последнее время сильно пристрастился к спиритизму, вертел столы и особенно высоко ценил Сведенборга. Немного побеседовал с Посьетом и с бароном Бюлером, старым моим сослуживцем по Главному управлению цензуры и теперь назначенным на место умершего князя М.А.Оболенского — бывшего в числе друзей моей юности — начальником Московского государственного архива.

24 января 1873 года, среда

Настоящее время у нас — время колебаний и тревог, среди которых чрезвычайно трудно честному человеку найти для себя точку опоры. С одной стороны, стремления, возбуждаемые реформами, слишком рьяно рвутся вперед, захватывая больше, чем сколько нужно и возможно по настоящему состоянию вещей и умов, наследованному от прошедшего. С другой — власть старается удержать в пределах эти стремления и положить преграду пылким желаниям и видам. И там и здесь есть свои значительные доли справедливости. Там жизнь, здесь рассудок. Но дело в том, что общественность наша, незрелая и шаткая, нуждается в руководстве

сильных умов, в характерах столько же благородных, сколько и просвещенных, — а где их взять? К сожалению, в административных сферах чувствуется в них такой же недостаток, как и в общественных. По крайней мере, они не настолько себя заявили, чтобы можно было питать к ним доверие, которое бы честных людей расположило действовать с ними заодно. И вот это-то составляет беду нашего времени.

Нелепы и пагубны также демократические тенденции некоторых недозрелых умов, которые готовы взывать к народному движению и запутать народ в сети своих утопических идей. Они забывают, что народ наш, при своей полудикости, способен производить Пугачевых и Разиных, а не граждан, которые были бы в состоянии участвовать в решении высших общественных задач. Ему нужны еще воспитание и опека — разумеется, и то и другое, честно и разумно направленные.

29 января 1873 года, понедельник

Национальное собрание во Франции состоит из посредственностей или людей нечестных. Одни, как быки, бодают республику Тьера, другие лягают ее. Но те и другие топчутся на одном месте, не двигаясь по пути, который один может привести Францию к возрождению. Вся политика Тьера заключается в том, чтобы разными маневрами загнать их в такую трущобу или нору, из которой, чтобы не задохнуться, они должны выйти и невольно дать ему требуемое большинство.

1 февраля 1873 года, четверг

Только и разговоров, что о ссоре московского городского головы, Ланина, с тамошним губернатором, Дурново. Ланин сделал визит губернатору и, не застав его дома, оставил у него карточку. Потом Ланин не явился на другой или третий день к нему вместе с разными служащими лицами, а приехал после один и во фраке. За это, то есть за визитную карточку и за фрак, губернатор сделал строгое внушение городскому голове, видя в нем не больше, как своего подчиненного. Вследствие этого Ланин подал в отставку. Общее мнение обвиняет губернатора, который забыл, что Ланин — представитель целого города, получившего недавно новый устав и с ним значительную долю автономии и независимости от местных административных властей. Достается и Ланину, за то, что он не обнаружил достаточно самостоятельности и уронил своею предупредительностью достоинство городского головы. “Московские ведомости” подшучивают над тем, что он как будто сам признал себя подчиненным губернатору и назвался на оскорбление.

А вот и другая отставка, уже европейская: испанский король Амедей отрекся от престола.

5 февраля 1873 года, понедельник

В нашей нравственной испорченности надобно отличать два ее вида: один — плод простодушного, грубого невежества и темное наследство прошедших времен. Другой — сознательный и, так сказать, преднамеренный разврат ума и сердца,

сознательная безнравственность. Это есть не иное

что, как единственная возможная оппозиция душ слабых, умов неглубоких и полуобразованных против разного рода стеснений, незаконностей, бесправии и т.п.

8 февраля 1873 года, четверг

Акт в университете. Прекрасная речь Градовского о причинах, почему науки политические расходятся с практикою. Савича речь о Копернике, вероятно, умно и хорошо написана, — говорю: вероятно, потому что он так тихо ее читал, что, кроме него самого, решительно никто его не слыхал.

Действовать в каждом положении по силам своим можно и должно, но считать свои действия чем-то важным, содействующим будто прогрессу общества, нелепо и смешно. Впрочем, это одна из тех иллюзий, без которых слабые люди не могут обойтись.

12 февраля 1873 года, понедельник

Вот формула того, чем могли бы удовлетворяться все рассудительные люди нашего времени: со *стороны правительства — поддержание всех реформ нынешнего царствования, со стороны общества — деятельность в пределах этих реформ.* А реформы эти: освобождение крестьян, новые суды, земство и свобода печати.

К толкам о московском губернаторе и городском голове присоединились толки о процессе Квитницкого [ударившего саблей своего командира]. На суде, по словам самовидцев, сочувствие к Квитницкому в публике было всеобщее. Он вел себя превосходно. Его защитительная, или, лучше сказать, повествовательная речь, простая, благородная, сдержанная, как сама истина, произвела глубокое впечатление. Она напечатана уже в газетах третьего дня и вчера (смотри “Голос”). На суде присутствовали, между прочим, великие князья Константин и Николай Николаевичи. По всему видно, что главная причина неприязни к нему его товарищей-офицеров — внутренняя, та, что Квитницкий, кончивший курс в двух академиях — Михайловской артиллерийской и военной, был несравненно образованнее вообще и специально по военной части прочих своих сослуживцев, которые из зависти строили ему всяческие козни. Между этими господами главную роль играли Милютин, сын министра, Тимашев, сын другого министра, да еще некто Щербинский, а полковник Хлебников был их орудием. Квитницкий приговорен к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь в неотдаленные места, без совершения публичного обряда. Суд при этом положил ходатайствовать пред государем о совершенном его помиловании.

Обманывай, чтобы не быть обманутым, говорят практические люди.

Есть люди, которые очень разумно, либерально и гуманно рассуждают о всех общественных вопросах и в то же время не упускают ни одного случая получить теплое местечко, чин или орден и особенно лишнюю копейку в свой карман. Это-то

и есть люди, которых на обыкновенном языке житейском называют *хорошими*, между тем как они только просто *благоразумные и смышленые эгоисты.*

15 февраля 1873 года, четверг

Советовался с гомеопатом доктором Гюббенетом насчет моих толчков. Он прописал мне белладонны по две капли в день, утром и вечером. Сегодня я успел принять 2 капли: страшнейший толчок из всех когда-либо со мною случившихся. Я переселился в кресла, но не мог никак заснуть. Было уже четыре часа, когда я лег опять в постель и спал уже порядочно.

18 февраля 1873 года, воскресенье

Говорят, что разные высокопоставленные лица жестоко рассердились на военный суд, на котором в таком невыгодном свете оказалось офицерство, делавшее такие низкие козни против Квитницкого. Офицерство это принадлежит к богатым и знатным фамилиям, и суд виноват, видите ли, что они публично изобличены в гадостях. Но чем же тут виноват суд? Ведь все эти господа изобличили сами себя своими показаниями: они говорили только то, что они делали, и это деланное ими вышло великою мерзостью. Защитники их желали бы, чтобы суд был негласный, безмолвно и во мраке, как прежде, осуждающий и оправдывающий кого угодно и как угодно высшим. Вот как трудно нам подняться до понятий о справедливости, законности и долге.

3 марта 1873 года, суббота

Странное положение России. С одной стороны, издаются новые законы, даруются некоторые льготы, а с другой — является неограниченный произвол, на деле совершенно изменяющий одни и отменяющий другие и как бы говорящий: вы этому не верьте, это *так, ничего.*

15 марта 1873 года, четверг

Вечер у В.П.Безобразова, на котором я читал разбор мой Майкова поэмы “Два мира”. Собрание было блестящее и многолюдное. Тут были и генерал-адъютанты, и сенаторы, и члены Государственного совета, несколько наших академиков, профессоров, министр народного просвещения также. Дам молоденьких, молодых и старых великое множество и между ними бывшая Милютина (сестра министра), а ныне Мордвинова, которая, как бывшая моя ученица по Екатерининскому институту, осыпала меня приветствиями и любезностями. Я долго говорил с нею, потом с Исаковым, начальником военно-учебных заведений, с академиком Струве, который много рассказывал мне о Тьере: у него бывал он, когда летом находился в Париже, где председательствовал во всенародной комиссии об *устройстве мер.* Мое чтение было, как говорится, так себе. Я по обыкновению спотыкался на некоторых словах моей мною самим переписанной рукописи, и переписанной, как всегда, скверным,

нечетким почерком. Впечатление общее, впрочем, было, кажется, недурно. По крайней мере я не произвел скуки длиннотою чтения: оно продолжалось 55 минут.

16 марта 1873 года, пятница

На днях в заседании Академии некоторым из моих товарищей пришло в голову говорить о юбилее в честь моей пятидесятилетней деятельности в литературе. Разумеется, я восстал против этой нелепости.

17 марта 1873 года, суббота

Люди, которые стоят за нравственные принципы, защищают дело потерянное. Общество, очевидно, стремится к радикальному и всеобщему перевороту. Люди, которые влекутся и других влекут в этот переворот, знают, что он совершается не с участием нравственных сил, — честность несовместна с готовностью на все, следуя знаменитому правилу, что цель освящает средство. Люди эти правы. Я и подобные мне доктринеры, которых очень немного, со своими нравственными принципами составляем род бесполезных людей, способных разве только умирать мужественно и честно. Но мы напрасно думаем отвратить неотвратимое. Это значило бы то же, что остановить мельничное колесо руками на всем его ходу. Зачем же действовать в таком случае? Затем, что каждый должен поступать не иначе, как соответственно своей натуре: иначе он был бы или лицемер, или дурак. Притом, нравственные принципы, ничтожные в настоящем, не могут, однако, быть исключены из системы человеческой деятельности, и когда горячка пройдет, они непременно войдут в круг общественной деятельности и займут опять свое место.

Вот почему люди, спасающие нравственные принципы от конечного забвения, делают нужное дело; они сберегают копейку на черный день, то есть на тот день, когда общество, истощив разрушительные и разлагающие начала, восчувствует необходимость восстановить твердый и нормальный порядок вещей. Тут и пригодится сохранившийся капитал. А если оно не почувствует этой необходимости? Ну, так, значит, оно близко к тому моменту, когда человеку ничего не нужно, то есть к моменту смерти.

21 марта 1873 года, среда

В области науки и литературы должна царствовать *терпимость*, которой может недоставать в политическом мире. Разногласие, противоречие мнений, взглядов возможны и там: но они не должны иметь того враждебного, жгучего характера, который встречается у людей, действующих на политической арене. Там могут быть *школы*, здесь *партии*. Но разница между ними огромная. Люди партий борются за преобладание, за господство, и потому естественно одна стремится уничтожить другую. Оттого страсти, вражда. Но люди школы спорят за идеи, имея в виду истину. Они могут не соглашаться друг с другом, и каждый истощает все доводы ума для того, чтобы дать перевес своей мысли, гипотезе или теории. Но тут никакого повода к нетерпимости, к вражде, потому что нет того возбуждения страстей, каким

одержимы бывают люди, борющиеся за власть, за первенство между многими или всеми, словом, за господство. Ярый либерал тут становится таким же деспотом, как самый закоснелый абсолютист.

22 марта 1873 года, четверг

Мы долго еще будем раболепствовать, потому что мы привыкли к этому и потому что мы развращены.

Что мы можем принести в дар Европе? Кабаки, деспотизм, чиновничий произвол и великое расположение к воровству.

С тех пор как крепостное состояние уничтожено, в России не существует повода к политической революции. Но невозможна ли социальная? Но для нее нужны не такие нравы, какие существуют у нас.

23 марта 1873 года, пятница

Петр Великий, как крепкий жернов, перемолол в муку зерна нашей народности и положил в нее закваску европейского белого хлеба. С тех пор наша общественность бродит и пузырится. Когда она дойдет до того, чтобы из нее образовалось здоровое тесто и спечен был вкусный русский хлеб с европейскою закваскою, — Богу единому известно.

Я не могу себя обвинять, что устраняюсь от современного движения и интересов. Это было бы совершенно несправедливо. Я дотрагиваюсь до каждого пульса нашей общественности, но вижу, что ее бьет лихорадка. Тут ничего не сделаешь.

Кто истинно и искренно любит человечество и свою страну, тот не может не чувствовать глубокого презрения к людям и общественности нашего времени.

25 марта 1873 года, воскресенье

Делаются большие приготовления к приему германского императора. Между прочим, ведено военным генералам переменить красные штаны на какие-то другие, так как красные заимствованы были у французской армии.

Против военного министра, Милютина, ратует сильно партия, осуждающая его управление. Наряжена комиссия для исследования некоторых финансовых вопросов по армии, под председательством князя Барятинского, отъявленного врага Милютина.

Милютин, говорят, подавал в отставку, но государь не согласился ее принять.

Вечером у Краевского, где познакомился с полковником Венюковым, отличным знатоком наших кавказских, среднеазиатских и амурских дел. Он рассказывал удивительные вещи о наших тамошних административных порядках, или, лучше сказать, о таких беспорядках, каким едва ли где-нибудь есть подобные.

Общество без нравов осуждено на то, чтобы рабствовать или перед деспотизмом, или перед своими пороками.

Наука, искусство, литература — все это требует некоторой возвышенности духа, без которой все превращается в пустую игру на поверхности вещей или, что еще хуже, то в орудие, то в прикрытие всякого рода мерзостей.

27 марта 1873 года, вторник

Такова экономия судьбы, что за добром всегда следует реакция зла, но за злом не всегда следует реакция добра, если не считать добром некоторое ослабление ударов, какие нанесли вам люди и обстоятельства.

28 марта 1873 года, среда

Природа человеческая похожа на вулкан, который в одно и то же время извергает из глубины своей дым, камни, золу, пламя и свет.

29 марта 1873 года, четверг

К приезду германского императора Петербургу стараются придать вид настоящего немецкого города, так, чтобы великий император как будто не выезжал из Пруссии. Перемена генеральских штанов, замена головного убора солдат прусскими касками, прусские флаги на домах и проч. — все должно содействовать этому.

Какая-то эпидемия самоубийства с некоторого времени свирепствует у нас. Редкий день проходит, чтобы в газетах не извещали о повесившихся, о застрелившихся, и чаще о застрелившихся. Револьвер в большом ходу. Даже женщины научились им владеть. Сегодня извещают, что какая-то дама Л. пришла к Е.Утину, помощнику присяжного поверенного, потребовала, чтобы о ней доложили, и когда тот вышел, она пустила ему, как пишут, из револьвера пулю в упор. Пуля, однако, по какому-то чуду скользнула над его головой, не повредив его. Затем Л. приложила револьвер к собственному виску, спустила курок и упала мертвою. В чем завязка этой трагедии — неизвестно.

31 марта 1873 года, суббота

Посягавшая на убийство Утина — молодая девушка, сестра тоже застрелившейся Гончаровой. Она хотела отомстить Утину за то, что он, по неосторожности или легкомыслию, бросил тень на отношения Гончаровой с Жоховым, которого он убил на дуэли после известного процесса о Гончарове.

4 апреля 1873 года, среда

Если действительная жизнь преисполнена всяких зол и особенно всяких

человеческих гадостей, то искусство вообще и литература должны хранить в себе идеалы всего лучшего, разумного и благородного в человечестве. Но теперь это не так. Искусство и литература опошляются елико возможно под предлогом верности правде и под условием реальности. Но что разумеют они под правдою? Списывание с натуры, группировку разных текущих проявлений жизни, всего, чем волнуются люди и общество настоящего времени? Конечно, это правда. Но есть и другая правда — *сознание*, в котором живут вечные идеи разума, добра, истины, красоты. Изображая первую, не следует забывать другой.

Военный министр, как слышно, к общему удовольствию, остается на своем посту, вопреки козням и интриге своих врагов; главным из них считают князя Барятинского, а главными соучастниками его — генералов Фадеева и Черняева.

Москва не теряет своего оппозиционного духа. Головою своим она избрала опять Ланина, получившего наиболее избирательных шаров после князей Черкасского и Щербатова, отказавшихся от главенства. Разумеется, Ланин также отказался. Итак, Москва остается без головы. Такие-то последствия вышли из деяний Дурново.

8 апреля 1873 года, воскресенье

День Пасхи. Светло, но все-таки холодно. Впрочем, теперь только утро, 9 часов.

Большею частью, когда люди сами себя обрабатывают по своим понятиям и верованиям, то из обработки выходят прескверные продукты. Одно, на что можно положиться, это хорошее сердце и инстинкты, дарованные природою иным неделимыми. Тут только и можно любить и верить в любовь.

10 апреля 1873 года, вторник

Первый день Пасхи был холоден, но светел, а вчера и сегодня снег с дождем, грязь; все здесь скверно: и погода, и люди, и судьба их.

11 апреля 1873 года, среда

Вечер у Благовещенского, который приехал сюда из Варшавы на несколько дней. Говорил долго с В.В.Григорьевым о хивинском походе. Он долго служил в Оренбургском крае и знаком со Средней Азией. По его мнению, походу нашему предстоят большие трудности.

12 апреля 1873 года, четверг

Конца нет слухам и толкам о предстоящей встрече германского императора. Говорят, что Дума очень недовольна предложением Трепова иллюминовать Гостиный двор особенным парадным образом и вывесить прусские и германские флаги. Происходят беспрерывные сборы и репетиции войск; зоря будет из 1500 музыкантов. Говорят, императору будет поднесена сабля, украшенная бриллиантами,

в 700 тысяч рублей, и проч. и проч.

Посещал некоторых знакомых; был у Небольсина, Богдановой, Блюменфельда, Тютчева. Последний все еще лежит с парализованною половиною тела. Но голова его свежа, как у здорового. Говорит он тоже почти свободно, с маленькою запинкою. Но на выздоровление его нет надежды.

Очень болен также К.К.Фойгт. С ним также был удар, который едва ли не сведет его в могилу. Жаль! Это истинно честный и благородный человек.

15 апреля 1873 года, воскресенье

Въезд германского императора. Город принял такой праздничный вид, какого не бывало в самые знаменательнейшие дни народных торжеств. Все дома расцвечены флагами, и на многих из них прусско-германские флаги скрывают даже русские. И все новенькие, как с иголочки, так что улицы превращены в какие-то цветники. Вильгельм должен был въехать в город в 2 часа по Вознесенской улице и по Большой Морской. Туда ринулись толпы народа. Я хотел было совершить обыкновенную мою прогулку по Невскому проспекту, но воротился домой.

Рассказывали о царедворческой неловкости графа Толстого (министра). В прошедший четверг он затеял у себя бал и обратился к государю с приглашением осчастливить этот бал своим присутствием. Государь нахмурился и сказал: “В этот день умер мой сын”. Можно себе представить, как смутился граф Дмитрий Андреевич. Однако государь все-таки был у него на бале, который отнесен был на пятницу.

Два чрезвычайно характеристичные слова, из которых каждое выражает целую эпоху и целую систему, господствующую в высших административных кругах: *распекать* принадлежит николаевскому времени, *подтянуть* — нынешнему.

Полиция строго следила за тем, чтобы везде были вывешены флаги, особенно германские и прусские.

16 апреля 1873 года, понедельник

Вчера был день ясный, но довольно холодный. Сегодня пасмурно и теплее.

Полиция приказала, чтобы были вывешены ковры на домах Невского проспекта, в дополнение к флагам и бюстам. Прошелся по Невскому проспекту. Толпы народа. Беспрестанно мчатся придворные экипажи с прусскими генералами и офицерами.

17 апреля 1873 года, вторник

Четырнадцатого умер Владимир Григорьевич Бенедиктов.

20 апреля 1873 года, пятница

Сегодня огромный парад в честь германского императора. Вчера целый день и ночь шел сильный дождь со снегом. Во все это время на Царицыном лугу, где должен происходить парад, были разложены горящие костры с целью осушить площадь. Насколько это достигнуто — неизвестно, но всем эта затея показалась забавною. Сегодня для парада на несколько часов небо очистилось, и парад прошел благополучно. Солдаты возвращались в три часа, выпачканные по колена в грязи. Видно, осушка площади не очень удалась.

Два раза, во вторник и в четверг, министр народного просвещения потерпел в Государственном совете сильное поражение по поводу рассуждений о воинской повинности, в которой он усиливался увеличить льготы в пользу своих греческих гимназий и прогимназий. В первый раз против него было 28 голосов и за него был только один голос, графа Шувалова. Во второй раз он успел собрать, по каким-то параграфам, в пользу своих проектов шесть голосов, но против него было 26. Члены, говорят, были сильно вооружены против его требований и бесцеремонности, с какою они были выражены.

Классическое образование, кажется, не было пренебрежено во Франции, и однако оно не спасло ее от кровавой первой революции. Напротив, оно только содействовало развитию республиканских идей. Возбуждение умов против царей, будто бы сплошь тиранов, было совершенно во вкусе греческих республиканских тенденций, воззвания к Бруту и т.п. Коноводы жирондистов были до мозга костей пропитаны классическим республиканским духом.

Новое постановление о цензуре, говорят, уже прошло через Государственный совет. Оно состоит из двух отделов:

1) О статьях в газетах и журналах в качестве слухов: администрация имеет право требовать от редакций сведений об именах лиц, от коих произошли эти слухи. 2) Администрация имеет право воспрещать газетам и журналам писать о таких-то или таких предметах. Особенно важна первая статья: она совершенно убивает так называемые корреспонденции, ибо кто же захочет из провинции сообщать что-нибудь в газеты под дамокловым мечом высылки куда-нибудь *административным порядком?* Это очень жаль. Гласность, оказывавшая такие огромные услуги нашему обществу, становится теперь совершенно невозможною. А без нее мы опять погрузимся по уши в бездну всяческих беспорядков и злоупотреблений, из которой мы понемножку начали было выбираться.

Говорят, это постановление состоялось по поводу напечатанного в “Голосе”, заимствованного из иностранных газет, слуха о предположенном посещении государынею папы. Итак, одного частного случая достаточно, чтобы были приняты самые тяжкие репрессивные меры против всего движения вещей.

25 апреля 1873 года, среда

В сегодняшнем, 113 N “Голоса” напечатан любопытный процесс по жалобе титулярного советника Анучина на графа Адлерберга. Сенат решил в пользу последнего.

Этот процесс тем замечателен, что он служит самым убедительным опровержением мысли, будто у нас возможны какое-нибудь правосудие или законность.

Вот один из тысячи примеров явного неуважения к закону со стороны тех, которые должны его охранять. После этого заслуживает ли уважения порядок вещей, где это возможно, и можно ли питать какое-нибудь доверие к лицам, стоящим во главе его.

26 апреля 1873 года, четверг

Много толков о процессе [заимодавца] Анучина, и толков, конечно, не в пользу графа Адлерберга и проч. Правду сказать, такое явное неуважение к закону справедливости и праву собственности и у нас редко бывает. Но я нахожу, что здесь поступлено в духе нынешних идей, столь ясно и определительно провозглашенных Бисмарком: “сила есть право”.

В поступке графа Адлерберга я нахожу некоторый род юмора: он хотел поглумиться над законом и поглумился без дальних околичностей. А если бы кто вздумал вслух выражать свое удивление на этот род обращения государственных людей с законом, то у нас есть граф Шувалов, с его прекрасным “выслать административным порядком такого-то туда-то”. Выходит, что Оксенштиерн прав, сказав:

“Самая нетрудная и пустая наука — управлять людьми”.

27 апреля 1873 года, пятница

Ищите прежде всего мира с самим собою, а все прочее к тому приложится.

Есть люди солидные, серьезные и просвещенные, от которых часто слышишь весьма резкие и неблагоприятные отзывы о разных административных злоупотреблениях и беспорядках. Однако они вовсе не принадлежат к партии тех недовольных, которые заражены новейшими теориями о правительстве и обществе, и вовсе не думают о каких-нибудь изменениях, несовместных с нашим порядком вещей. Это люди либеральные, но вовсе не люди так называемого действия. Они понимают лучшее, но также понимают, что это лучшее может быть только плодом времени и прочного образования. Подгонять насильственно историю нельзя. И притом Боже избави нас от тех благ, которые обещает нам история и неразумные двигатели, выдающие себя за вождей движения. Наши демократы, гуманисты, социалисты, коммунисты — просто шалуны, которых надобно останавливать.

Иное дело наблюдать, изучать вещи и находить недостатки в них, и иное — браться за их исправление по известным теориям и тенденциям.

Какая бы ни была власть, все-таки она лучше анархии.

30 апреля 1873 года, понедельник

Третьего дня В.М.Княжевич умер. Он уже года три как был очень слаб здоровьем. Недели за три перед этим я был у него; он был уже очень плох, хотя еще на ногах, и даже прошелся по комнате, чтобы достать сигару, которой обыкновенно меня потчевал. С ним я был в более близких отношениях, чем с братом его, бывшим министром финансов.

Можно ли иметь низенькую, маленькую душонку в соединении с талантом — или дает ли человеку талант право быть безнравственным негодяем?

3 мая 1873 года, четверг

Правительство, не говоря о других побуждениях, единственно из чистой невозможности самому все предпринимать и совершать для достижения целей общества, должно последнему предоставить значительную долю забот о себе, хотя бы они и не всегда были успешны. И хотя эта неуспешность иногда бывает и очень ощутительна и достойна сожаления, однако это не должно служить для правительства поводом ко вмешательству, потому что ошибки общества в этом случае далеко не бывают так вредны, как это вмешательство, которое, парализируя общественные силы, лишает уже их совершенно всякой возможности двигаться и что-нибудь делать. Оно становится пассивным и не живет уже, только прозябает. Притом здоровое общество всегда в самом себе найдет лекарство против своих заболеваний, а если нет, то ему уже никакое лекарство со стороны власти не поможет. Собственные выгоды общества укажут ему на средства исправления. Правительство действует через своих агентов, и весьма естественно, что эти агенты думают о своих интересах больше, чем о пользах общества, да и не знают их так хорошо, как оно само. Их виды стоят на прямом противоречии с его потребностями и, следовательно, ведут к полной разладице вещей и дел. А контроль правительства? Разумеется, он необходим, но вот тут-то, как говорится, и крючок.

Гадко, дождливо, холодно — и это тотчас после нескольких прекрасных дней апреля.

10 мая 1873 года, четверг

Опять флаги. Сегодня въезд персидского шаха. Знаменитый принцип, провозглашенный Бисмарком: сила впереди права — вот откуда берет свои воззрения и убеждения современная пресловутая цивилизация.

Прекрасный день. Прошелся по Невскому проспекту до Полицейского моста. Несметные толпы народа, ожидающего проезда шаха. В четверть 2-го, наконец, показалась коляска с государем и шахом, за ней мчались придворные экипажи со свитою шаха. Народ кричал “ура!”

11 мая 1873 года, пятница

Отнесли М.Е.Звегинцева на Волкове кладбище. Три дня тому назад он умер. Был простой, но честный и добрый человек в полном смысле слова.

Может ли иметь какое-нибудь достоинство то общество, в котором никто не хочет признать в другом ни ума, ни таланта, присваивая их исключительно самому себе?

Одна из характеристических черт нашей интеллигентной общественности и литературы есть любовь к историческим известиям. Записочки, мысли, анекдотцы, письма и письмеца известных и неизвестных особ и особенно скандалы — все это печатается и поглощается с жадностью. Означает ли это любовь к истории? История требует серьезного размышления, изучения, некоторых умственных усилий, а нам нужно новое, любопытное, занимательное, особенно смешное.

14 мая 1873 года, понедельник

Тьер отказался от президентства. Ничто из внешних политических событий меня не огорчало так, как это.

17 мая 1873 года, четверг

Стараюсь не думать и не говорить ничего о французских делах, такими мне кажутся они прискорбными: тут закваска новой революции. Вот что наделала правая сторона Национального собрания, свергшая Тьера. Это собрание безумцев и негодяев, придерживающихся так называемой консервативной политики, которую они хотят превратить в деспотизм, чтобы продлить свое незаконное владычество над Францией.

20 мая 1873 года, воскресенье

Отправлено имущество на дачу в Павловск, к тому же Брауну “Под Дубками”. Завтра мои едут, а я после. “Голосу” воспрещена розничная продажа. Кандидат здешнего университета Дьяченко, бывший уже несколько лет на службе, сперва по судебному ведомству, а потом по министерству народного просвещения, определен учителем в красноярскую гимназию. Теперь он пишет, что сибирский генерал-губернатор Синельников велел посадить его в дом сумасшедших и отобрал все его имущество. За что и почему? — неизвестно. Письмо, писанное Дьяченко ко мне и к Воронову, так как мы оба хлопотали об определении его учителем в Красноярск, не показывает и тени чего-нибудь похожего на умственное расстройство. Что ж это такое? Каков бы ни был повод, но если этот несчастный не сделал никакого важного уголовного преступления, то можно ли было так поступить с ним, да еще угрожать ему розгами, если он будет жаловаться на то, что с ним сделано, требовать объяснений о причинах и т.п.? Факт свидетельствует, что можно. Дьяченко пишет, что в нем приняли живое участие тамошний архиерей, жандармский полковник и другие достойные люди, но все это ни к чему не послужило, и он продолжает сидеть в доме сумасшедших.

22 мая 1873 года, вторник

Было прежде слово *обабиться* у нас обидным для мужчины. Теперь оно должно сделаться почетным, должно потому, что наша нынешняя женщина оказывается не в пример лучше мужчины.

24 мая 1873 года, четверг

Заседание в нашем отделении в Академии наук, где мы порешили не собираться более и начать каникулы.

Есть люди, которые сияют удивительным блеском, пока они занимают такое-то место. Но лишь они сойдут с него, тотчас оказывается, что они такие ничтожества, что удивляешься, как могли они занимать эти места.

27 мая 1873 года, воскресенье

Когда ученый с предвзятой идеей делает наблюдения и опыты, он всегда найдет в вещах то, что ему нужно и что служит к подтверждению его теории.

У Краевского с Вороновым, который у меня обедал. Возвращаясь от Краевского, мы попали под проливной дождь с грозою и почти бегом добрались домой, порядочно измоченные. Я, однако, не промочил ног, защищенных калошами, а бедный Воронов потерял одну калошу и замочил сильно ногу.

У Краевского любопытный рассказ его об объяснении с Лонгиновым по поводу запрещения розничной продажи “Голоса”. Беда сочинялась за две пустые фразы в фельетоне.

30 мая 1873 года, среда

Ездил в Царское Село навестить бедного больного Тютчева. Положение его самое плачевное. Половиною тела он совсем не владеет, но голова свежа и умственные отправления все как следует. В произношении он немного и едва заметно затрудняется. Он совершенно остался одиноким: все его близкие и друзья разъехались на лето. Из домашних я никого не видел, кроме сиделки да лакея, которые за ним ухаживают, и, кажется, усердно. Он чрезвычайно был рад моему посещению. Поговорили о литературе, о Франции и о Тьере. Разумеется, он, как все благородные и мыслящие люди, негодует на правую сторону Национального собрания, свергнувшую Тьера. Все, по-видимому, клонится к тому, чтобы восстановить наполеоновскую династию.

Надобно согласиться с тем, что для нас останутся вечно неразрешенными вопросы о нас самих, о нашей природе, судьбе, будущности, цели мироздания и проч. Это настоящая непроницаемая для науки terra incognita, а между тем в этой-то terra incognita и сосредоточиваются системы, которых доискивается современная наука, веруя беспрекословно в индукцию. Несмотря на свое отвращение к метафизике и догматизму, она становится сама метафизическою и догматическою, когда, например, утверждает, что человек подлежит тем же механическим законам,

как и все прочее в природе.

Странное явление представляет наше современное человечество. Никогда не было разбросано столько гуманных идей в книгах, проектах, на языке и в мыслях многих и притом передовых, лучших людей, как в настоящее время. И между тем никогда, кажется, эгоизм не является под разными видами столь господствующим в поступках и отношениях людей друг к другу.

9 июня 1873 года, суббота

Навещал больного Тютчева. Бедный, он более еще страдает нравственно, чем физически…

12 июня 1873 года, вторник

Ездил в Петербург и заезжал к княгине М.А.Т. по ее просьбе. У нее милая и умная дочь, девушка лет 19, которая желает серьезно заняться наукою и литературою. Мать просит меня руководить ею, на что я охотно согласился, потому что милая княжна, как мне кажется, должна выходить из круга обыкновенных аристократических девушек. Я обещал приезжать к ним в Гатчину, где они намереваются провести лето.

Итак, на моих руках теперь два нравственных пациента— старик, разбитый параличом, и молодая девушка.

14 июня 1873 года, четверг

Экзамен в Римско-католической академии. Сошел как обыкновенно, и даже больше, чем обыкновенно, — отлично хорошо. Молодые клирики действительно успели много в русском языке, и я должен отдать им справедливость, что они занимаются с большим усердием. Они очень привержены ко мне, как, впрочем, все мои бывшие многочисленные слушатели и слушательницы.

После экзамена я поехал на дачу к другу моему, Воронову, около Парголова.

15 *июня 1873 года, пятница*

Вчерашний день и сегодняшний до семи вечера провел приятно, как редко случается, в семействе Воронова, которое очень мило и оказало мне самое теплое и радушное гостеприимство. Вчера был день серенький, но теплый, и мы погуляли с Вороновым отлично. Проехал в Парголово на пароходе по озеру от шуваловской железнодорожной станции. В Парголове мы зашли в плохонькую гостиницу. Сегодня прегнусный день: дождик, как осенью. Однако мы успели побродить по лесу, а после обеда уселись на балконе и проболтали весело в сообществе милых дочерей Воронова. В семь часов я отправился по железной дороге в город и прибыл туда под шумом проливного дождя. К счастью, на станции я нашел извозчичью коляску, которая благополучно довезла меня до моей квартиры. В половине

одиннадцатого я уже был в Павловске.

16 июня 1873 года, суббота

Ездил в Царское Село навестить Тютчева. Но я не видел его: он в беспамятстве и очень плох. В понедельник я был у него. Он долго со мной говорил и был хорош.

Нашему времени принадлежит только критика общественных учреждений и правительственных мер; действовать же на их усовершенствование мы не можем, потому что лишены для этого и моральных и политических сил.

18 июня 1873 года, понедельник

Получено известие из Средней Азии, что Хива взята нашими войсками.

Конечно, несправедливо упрекать русский народ в том, что он ознаменовывает некоторую долю предоставленной ему свободы разными пороками — пьянством, воровством, мошенническими замашками и проч. Но это не оттого, что ему дана некоторая свобода, а оттого, что ему долго не доставало ее.

21 июня 1873 года, четверг

Был у Тютчева и не видел его. Зять его, Иван Сергеевич Аксаков, мне сказал, что вся почти эта неделя прошла в борьбе со смертью. Иногда Тютчев приходил в себя на некоторое время, потом опять впадал в забытье. Сам как-то вспомнил о священнике, но исповедаться не мог — язык ему не повиновался. Совершив глухую исповедь, однако, он приобщился и понял, когда священник просил его открыть рот. Теперь, очевидно, поражен его мозг.

22 июня 1873 года, пятница

Вчера был прелестнейший день и вечер — 20R тепла, а сегодня 10R только; очень холодно и мрачно.

Был в городе, в заседании правления Академии наук.

2 июля 1873 года, понедельник

Был у Тютчева. К нему возвратилось сознание, но он очень слаб и едва может произнести несколько слой — так язык его поражен. Жена его, Эрнестина Федоровна, почтенная старушка, которую я в первый раз видел, очень была, по-видимому, рада моему приезду. Он спрашивал вчера обо мне. Меня ввели к нему. Лицо его очень изменилось. Он протянул мне свою исхудалую руку и с большим трудом сказал несколько фраз. Я пробыл у него минуты три, боясь обеспокоить. Он и жена его просили меня заезжать к ним еще. Аксаков с женою уехал в Москву.

4 июля 1873 года, среда Ездил в Гатчину видеться с княгиней Т. Со мною был И.П.Верещагин, который хотел побывать у Сомова. Я тоже зашел к благородному и доброму Сомову, который очень был мне рад. С радостью тоже приняли меня княгиня и дочь ее. Мы долго беседовали о литературе и проч. Мать, между прочим, показывала мне огромное собрание писем канцлера нашего Горчакова к разным его родным, которые были родственники и княгине. Письма эти были писаны с 11 - летнего его возраста и заключают в себе много любопытного для биографии канцлера. Княжна была очень мила. Мать прочитала мне ее небольшие стихотворения, прехорошенькие, и сама княжна продекламировала мне некоторые вещи из Пушкина, и прекрасно. Обе просили моих советов, и я охотно обещал им их. Очень упрашивали меня обедать у них, но я предпочел свободу радушному их приглашению и съел кое-чего в трактире Веревкина, который, сказать мимоходом, очень хорош. Верещагин обедал у Савича, который и меня сильно звал. С трех часов пошел дождь и помешал мне побродить по парку, а парк превосходный. Я только успел заглянуть в него. Так как мы приехали не по железной дороге, а в экипаже, взятом в Павловске, то в 40 минут восьмого мы отправились обратно и в 10 часов были уже дома.

7 июля 1873 года, суббота

Ездил в Царское Село к Тютчеву и не видел его. Он опять без сознания. Я узнал, между прочим, настоящие лета его: ему 78 лет.

8 июля 1873 года, воскресенье

Заходил к Перевощикову. Бедный старик, слепой, сидел одиноко в своей комнате и очень был рад моему посещению. Я, кажется, один и навещаю его. Если бы не слепота, нельзя было бы и подумать, что ему 84 года, — так он бодр и свеж умом.

9 июля 1873 года, понедельник

В заседании славянского комитета И.П.Корнилов прочитал любопытное письмо из Чехии от тамошней матицы. Ей из усердия комитет послал несколько русских книг. В ответ на это матица пишет чистым русским языком, что книги им не нужны, так как у них никто по-русски не знает, и взамен их просят присылать им денег.

11 июля 1873 года, среда

На днях последовало второе предостережение “Вестнику Европы”.

14 июля 1873 года, суббота

Поводом к предостережению “Вестнику Европы” были две статьи: одна Пыпина, касавшаяся репрессивных мер по цензуре, а другая — “Переделка

судебных уставов”, в которой излагаются распоряжения министерства юстиции, подрывающие новые суды так, что от них скоро останется одна тень нового их устройства. Вот и благодетельные наши реформы! Суды уже подорваны; Валуев бьется изо всех сил, чтобы освобождение крестьян, попятить сколь возможно больше назад, подчинить их помещикам и т.п. Земские учреждения давно уже в параличе, а печать чуть не в худшем состоянии, чем в николаевское время. И между тем у нас не перестают восхищаться великими благодеяниями, излитыми в последнее время на народ. То ли скажет история?

Впрочем, жаловаться и роптать на это не следует. Всякий народ бывает управляем так, как он заслуживает.

У нас испугались реформ те самые, которые их произвели. Они ожидали, что из реформ возникнет самая порядочная, сообразная с их желаниями жизнь; что нравы тотчас изменятся к лучшему, промышленность и земледелие процветут, богатство потечет по всей стране рекою. Печать только и будет делать то, что восхвалять держащих в руках бразды правления и т.п. Все эти золотые сны не оправдались. То, что веками портилось и извращалось, не может измениться в несколько лет. Главная задача реформ совсем не в том состояла, чтобы насладиться благами, элементы которых в них заключаются, а в том, чтобы положить им основание и сделать эти блага возможными. Словом, реформы имеют в виду не *настоящее,* а *будущее.* Поэтому не следует их подкапывать, а обеспечивать их прекрасные последствия, выжидать.

Естественно, что они произвели много такого, чего администрации не желалось, много ошибок, неуменье пользоваться дарованными льготами, даже злоупотребления. Но в высшей степени странно, что этого не предвидели. Следует ли из-за этого возвращаться к прошедшему и парализировать сделанное, лишая его той силы, которая одна в состоянии вывести нас на лучший путь?

16 июля 1873 года, понедельник

Какую цивилизацию мы должны выработать? Или нам придется пробавляться со дня на день и т.д. до бесконечности. Чтобы отражать внешних врагов, у нас достаточно сил, и только. Где у нас залоги нравственного и общественного величия? Мы лишены единства общественного духа. “Мы едим друг друга и от того сыты бываем”, сказал человек, который тоже ел других, пока сам не был ими съеден. Нравственность наша скверная: она не поддержана ни сознанием человеческого достоинства, ни религиозными высшими истинами.

17 июля 1873 года, вторник

Приехав из города, я прочитал в газетах о кончине Тютчева. Он скончался в воскресенье, а похороны назначены завтра: приглашают на вынос из квартиры в Новодевичий монастырь в 9 часов утра.

18 июля 1873 года, среда

Глупейшим образом надули меня с похоронами Тютчева. Ровно в 9 часов сегодня я был у квартиры покойного: тут мне сказали, что он давно уже увезен на железную дорогу, чтобы быть оттуда отправлен в Новодевичий монастырь. Я помчался туда и увидел только дым удаляющегося поезда. Со мной приехал туда еще какой-то генерал в полной форме и тоже увидел один дым. Что же мне было делать? Оставалось возвратиться домой, внутренне побранив распорядителей похорон. Так я и сделал. Итак, мне не удалось поклониться праху человека, которого я так любил и который делил со мною одним последние убогие крохи своей жизни.

21 июля 1873 года, суббота

М.И.Семевский сильно просил меня написать в “Русскую старину” что-нибудь о Тютчеве ко вторнику, так чтобы это поспело в книжку, которая должна выйти 1 августа.

23 июля 1873 года, понедельник.

Приготовил статью о Тютчеве, которую завтра в 8 часов утра и возьмет у меня М.И.Семевский, идя на железную дорогу, чтобы отправиться в Петербург.

25 июля 1873 года, среда

Как-то скучно становится бродить по Павловскому парку и видеть одну и ту же пеструю толпу на музыке, даже слушать последнюю.

Только занят тем, что отбиваешься от уныния, близкого к упадку духа, и отстаиваешь в себе идеал нравственного величия, который все еще манит меня к себе.

Как бы мне побольше веры в самого себя!

30 июля 1873 года, понедельник,

Европе, кажется, суждено быть постоянным очагом войн. Вот в настоящее время вопросы, заключающие в себе поводы к неизбежным войнам: восточный вопрос, отторжение от Франции Эльзаса и Лотарингии, антагонизм России и Пруссии, движение славянских племен и ожидающее Австрию разложение, сила католицизма, волнующая народы, борьба пролетариата с существующим общественным устройством, наконец более или менее всеобщее стремление к изменению форм государственного строя. Пламя, возгоревшееся в одном месте, легко может распространиться на далекое пространство.

Большая или меньшая степень восприимчивости открывает в нашу душу и организм доступ вредным влияниям, которые производят разные опасные недуги, нравственные и физические. А восприимчивость зависит от врожденных

физиологических причин. В каждом человеке существует *предрасположение* к известному образу мыслей и поступков. Но образование ума и воли или сила характера могут дать этим предрасположениям направление, уничтожающее их вредные последствия.

2 августа 1873 года, четверг

Прочел доклад валуевской комиссии о состоянии наших крестьян. Это чрезвычайно любопытный акт. Он состоит из данных, которые, кажется, не подлежат сомнению, и составлен тщательно и умно. В этом неотъемлемая заслуга Валуева, хотя и видны тут обыкновенное его виляние то в ту, то в другую сторону и стремление внести в крестьянский мир, помещичий или чиновничий, — и более первый, — регулирующий и направляющий элемент, так как самоуправление крестьян оказывается во многом несостоятельным.

Доклад говорит: состояние крестьян вообще улучшается со времени освобождения их. Однако быт их очень неудовлетворителен, по крайней мере в большей части империи. Главные причины: крайнее невежество их и деморализация, вследствие чего обширные размеры пьянства; потом малость поземельных наделов во многих губерниях и несоответственный им слишком большой выкупной платеж; чрезмерные налоги; почти повсеместные падежи скота, против которых до сих пор не принято никаких существенных мер; общинное поземельное владение с круговою порукою; чрезмерное дробление крестьянских имуществ от разделов семейных и, наконец, дурные крестьянские администрация и суды.

Средства поправить зло: отмена этих причин, а главнейшее — школы; моральное влияние церкви и духовенства; введение технических знаний в круг сельской промышленности; ослабление пьянства посредством внушений крестьянам о его вреде и некоторые другие меры, особенно замена кабаков корчмами, где продавалась бы не одна водка, но и съестное, наконец, подчинение крестьянского самоуправления контролю. Об этом последнем говорится осторожно и уклончиво.

По прочтении этого административного акта поражаешься вот чем: исправление некоторых недостатков требует или законодательных, или таких мер, которые, может быть, было бы трудно в настоящее время провести, но есть много таких, которые решительно отстранимы при надлежащем добросовестном содействии министерства внутренних дел, и если зло не уничтожилось бы радикально, то облегчилось бы настолько, что, при нашей испытанной терпеливости, его мало бы и замечали.

Между тем министр внутренних дел покоится невозмутимо в своих мягких креслах, слушает сквозь приятный сон о народных бедствиях и думает: какое мое дело до всего этого? Я в милости у Шувалова и у двора и на мой век станет блага для меня. О Тимашев, Тимашев! Не ты ли, несколько лет назад тому, мне говорил, не быв еще министром, что великое наше бедствие состоит в том, что правительство наше не пользуется доверием и уважением общества, о чем даже, по твоим словам, ты откровенно доводил до сведения самого государя.

5 августа 1873 года, воскресенье

Мне часто случается встречаться с моими бывшими университетскими слушателями, и они как-то любовно, сочувственно ко мне всегда относятся. Я никогда не хотел быть в университете знаменем. Я не старался никогда подделываться под тон таких-то или таких учений, любимых другими тенденций. Я всегда шел своим путем, был любим, потому что всегда питал уважение к человеческому достоинству других. Но я любим был, так сказать, в одиночку, не ставил себя центром партии. Сегодня, между прочим, ко мне подошел на музыке один господин с умной и приятной физиономией и отрекомендовался мне как бывший мой слушатель еще сороковых годов. Это некто Гейнрихсен, ныне консул наш в Афинах, приехавший на днях недели на две в Петербург. Он с восторгом вспоминал о моих лекциях и напомнил, между прочим, об овации, которую студенты всех факультетов задумали произвести мне после того, как я был освобожден из-под ареста, постигшего меня за пропуск одной статьи в цензуре. Овация студентов, которых тогда собралось в аудиторию человек до 700, дорого было мне обошлась. Ее чуть не приписали намерению возбуждать студентов. Только при содействии князя Григория Волконского, исправлявшего тогда должность попечителя, и министра Уварова дело обошлось для меня благополучно. Я побеседовал очень приятно с моим любезным бывшим студентом под звуки музыки, которой ни я, ни он не слушали.

9 августа 1873 года, четверг

Навестил вдову Ф.И.Тютчева, отдал ей три экземпляра моего листка о покойном.

12 августа 1873 года, воскресенье

Замечательные дни с самого 1 августа: тепло, светло, как среди самого лучшего лета.

Вчера в концерте, данном в пользу общества для раненых. Кроме музыки, представление И.И.Монахова И И.Ф.Горбунова. Публика наша очень любит заниматься пустяками, лишь бы они были смешны. Но тут и смешного было мало. Лучшее — рассказы Горбунова. Какая-то Кроне-берг пропела романса два или три: маленький, довольно, впрочем, приятный голос. Я ушел, не дождавшись третьего отделения.

Многих занимает вопрос, будет ли посажен в тюрьму Суворин по обвинению в клевете на некоего Голубева, который намерен, по-видимому, жестоко его преследовать? Суворин задел его в своем фельетоне, а тот не на шутку взбесился. Голубева хочет защищать Спасович, а противника его — Арсеньев.

Я с семьей и двумя гостями ходил на ферму, где мы пили чай и кофе. На возвратном пути в парке мы встретили государыню в коляске с дочерью невестою.

Они недалеко от нас вышли из коляски и, кажется, готовились искать грибы. Искание грибов в парке — род модного увеселения для дачниц. День удивительно хорош, и прогулка наша была так же хороша, как день.

Они грабят истину на больших дорогах чужого знания и этим превозносятся, вместо того чтобы каждую истину доставать собственным упорным и честным трудом.

14 августа 1873 года, вторник

Жаловаться на зло жизни значит жаловаться на самую жизнь.

18 августа 1873 года, суббота

Что значит философия, что значит вообще всякая наука сама по себе? Одна достойнейшая цель мыслящего человека — это *нравственное самообразование и образование характера.* К этому стремился целую мою жизнь, и хотя, конечно, не успел далеко удовлетворить идеалу того и другого, однако я не могу упрекать себя за эту односторонность и теперь остаюсь при том убеждении и при тех же усилиях.

Не могу также обвинять себя и за то, что я старался и в юношестве и во всех, на кого мог иметь влияние, пробудить те же стремления.

Вчера читал я М.И.Семевскому отрывки из моих записок. Он давно уже просил меня о том и чтобы я дал ему что-нибудь из них для издаваемой им “Русской старины”.

21 августа 1873 года, вторник

Новое знакомство с Н.Клокачевым и его женой. Оба сегодня они просидели у нас часа два. Это тот самый Клокачев, который так настойчиво и честно ратовал против всяческих злоупотреблений по Мариинской системе. Мне он показался человеком весьма энергическим.

На днях умер бедный Галанин, честный и благородный человек. Он был несколько лет тому назад помощником моим по редакции “Журнала министерства народного просвещения”. Его внезапно поразил удар. Он не чувствовал никаких приступов болезни и был веселее обыкновенного.

Опять холера в Петербурге. Сегодня доктор Фассанов мне говорил, что заболело 102 человека и умерло 35. И это в самом начале. Один случай был и в Павловске.

23 августа 1873 года, четверг

Нужна ли нам литература? Некоторой части общества, может быть, и нужна, но государство полагает, что не имеет в ней никакой надобности.

Хотеть иметь литературу, какую нам хочется, то есть Управлению по делам печати, значит не иметь никакой.

30 августа 1873 года, четверг

Было у меня шумнее и многолюднее, чем обыкновенно в этот день. Я получил несколько поздравительных записок и телеграмм. День был довольно теплый и светлый.

4 сентября 1873 года, вторник

В Петербурге и правлении Академии наук. В прошедший вторник заседание по Уваровским премиям. Теперь была только одна драма: “Суворов в деревне, в Милане и между хорошенькими женщинами”. Пустая вещь, как и следовало ожидать.

Гуляя третьего дня, встретил старого знакомого и отчасти сослуживца, бывшего прокурором в Римско-католической академии. Он обрадовался мне как родному. Ему уже 86-й год, и он на вид довольно дряхл, но сохранил замечательную свежесть духа. “Вот, — сказал он мне, между прочим, — вы видите, я развалина, но никогда я не был так спокоен духом и доволен, как теперь”. Он только глух, и однако это нимало не препятствует его спокойствию и довольству. С ним была дочь, очень миловидная женщина.

Другой старец, тоже сохранивший хорошее расположение духа, академик Перевощиков, что еще замечательнее: он совершенно ослеп. Ему 84-й год. Я навещаю его здесь очень часто, и он всегда изъявляет мне самую горячую благодарность. “Удивительное дело, — говорил он мне однажды, — что я до сих пор не умираю. Ложусь спать и думаю: ну уж теперь не встану. Просыпаюсь на другой день поутру — и опять жив”.

Но бедный Карл Карлович Фойгт, которому только 66-й год вот уже более трех месяцев томится предсмертными страданиями.

13 сентября 1873 года, четверг

Переезд с дачи. День теплый и приятный.

14 сентября 1873 года, пятница

Если бы я был наделен от судьбы каким-нибудь особенным благосостоянием, это было бы моим мучением. Меня беспрестанно преследовала бы мысль, что я не по заслугам пользуюсь исключительным благом, тогда как тысячи или даже миллионы подобных мне существ страдают под игом многоразличнейших зол.

Историческое великое значение народа определяется не обширностью территории и не обилием народонаселения, а *принципами и стойкостью в их осуществлении.* России пока недостает ни того, ни другого.

15 сентября 1873 года, суббота

Если подвести итог моего летнего пребывания на даче, то окажется, что лето это проведено недурно в физическом смысле. В умственном отношении не много сделано, или, лучше сказать, ничего. Я продолжал писать мои записки и только.

18 сентября 1873 года, вторник

Замечательно, что Замятнин по случаю пятидесятилетнего юбилея своей службы ничего не получил от двора. Но судебные чины благородно и прекрасно отпраздновали этот юбилей. Москва прислала депутатов, и более 30 поздравительных телеграмм получено от разных судебных мест в империи. При этом положено: в память Замятнина, как бывшего министра юстиции и верного хранителя судебных уставов, учредить исправительное заведение для несовершеннолетних преступников.

20 сентября 1873 года, четверг

У нас нет ни патриотизма, ни общественного духа. Он возникает из народа, а у нас народ — стадо, погоняемое и подчас угнетаемое, а, главное, не достигшее сознания долга, законности и нравственного достоинства. Слов и учреждений, заимствованных из общечеловеческой цивилизации, у нас найдется довольно, но это слова без содержания, и учреждения, носящие на себе только личину европеизма. Тут нет и тени свободного проявления мысли, свободного начинания в пользу общую, одна внешность, ложь.

Нелепо и смешно возмущаться этим. Такой порядок вещей есть порядок, как и всякий другой, в нем так же можно жить и умирать, как и везде.

21 сентября 1873 года, пятница

Самоубийства сделались у нас чем-то вроде эпидемии. Не проходит дня, чтобы не публиковано было о нескольких самоубийствах. Вешаются, топятся, режутся и отравляются люди всех состояний, молодые и зрелого возраста, мужчины и женщины, даже мальчики лет пятнадцати — шестнадцати. Чем это объяснить, как не страшным упадком нравов, отсутствием нравственных принципов и верований, отсутствием характеров, идеалов? Печальное время!

25 сентября 1873 года, вторник

Сила характера преимущественно состоит в том, чтобы выдерживать напор внешних впечатлений, от чего бы они ни происходили и какого бы рода ни были. Живому существу невозможно не испытывать на себе силы этих впечатлений, и в первые минуты их действия мы естественно колеблемся, приходим в волнение и даже готовы следовать их течению. Но здесь-то и выступает сила характера.

Наше общество похоже на огромный резервуар, наполненный бродящею кислотою. Что ни вбрось в него, все тотчас разлагается и только усиливает брожение.

В частности, конечно, движутся и стремятся свободные силы. Но в целом господствует какой-то рок или неотразимый ход вещей, который увлекает за собою все и всех.

30 сентября 1873 года, воскресенье

Поутру у И.Д.Делянова в первый раз после лета. Он продолжает исправлять должность министра народного просвещения. Я, между прочим, в разговоре коснулся классицизма и выразил ту мысль, что если можно соглашаться с министерством в принципе, то никак нельзя одобрить способ приведения в действие новой системы гимназий. Способ этот крайне крут. Надобно было постепенно сроднить с этой системой общественное мнение, а не вооружать его против нее. В министерстве думают, что общественное мнение заблуждается насчет важности и пользы принятой системы; пусть так, но все-таки оно есть сила, и без его содействия ничего прочного создать нельзя; а если и будет что создано, то скоро разрушится. И.Д. согласился с моим мнением.

7 октября 1873 года, понедельник

В прошедшую пятницу были похороны одного из лучших людей нашего убогого на хороших людей общества — сенатора Николая Андреевича Буцковского. Он был сенатором кассационного уголовного департамента и один из деятельнейших участников в составлении устава нового судопроизводства. Смерть сразила его быстро, говорят, аневризмом. Летом я часто встречался и беседовал с ним в Павловске, где он, как и я, проводил лето. Он был, по-видимому, здоров и крепок.

2 октября 1873 года, вторник

В окружном суде в качестве присяжного. На этот раз не попал в очередь, но так как рассматривалось два дела, то я все-таки должен был оставаться в суде до второго, но и тут не попал в очередь. В первом деле судился некий воришка, молодой человек лет 20, стянувший часы у какого-то рабочего, но пойманный на месте и, однако, успевший бросить часы в сторону. Так как он уже в третий раз судился за кражу и был раз уже приговорен к лишению прав состояния и к шести месяцам тюрьмы, то присяжные вынесли обвинительный приговор без смягчительных обстоятельств. Суд приговорил его к арестантским ротам на два года. Присяжные из нескольких чиновников и мещан следили очень внимательно за ходом дела, впрочем весьма несложного. Жаль только, что секретарь читал очень скоро обвинительный акт, хотя и толково. Речь председателя Якоби можно было слышать хорошо, так же как и речи защитников.

Я познакомился тут, между прочим, с профессором Петрушевским, также присяжным.

4 октября 1873 года, четверг

Опять в суде и опять не попал в очередь. Дела ничтожные: судили все маленьких воришек.

5 октября 1873 года, пятница

В суде. Я на этот раз попал в очередь по делу *о лжесвидетельстве* и был избран старшиною. Состав суда отличный; особенно превосходно действовал и говорил председатель, Якоби. Он, между прочим, разъяснил присяжным, что ложное свидетельство под присягою закон рассматривает двояко: одно, совершенное *обдуманно,* другое — в замешательстве и страхе от каких-нибудь угроз. Последнее карается легче. Вникнув в обстоятельства дела, мы пришли к убеждению, что обвиняемый совершил преступление в последнем смысле, и согласно этому вынесли вердикт. Виновный был приговорен к заключению в смирительном доме на год и к церковному покаянию.

6 октября 1873 года, суббота

Вечером у И.П.Корнилова. Наткнулся на заседание Славянского комитета, где принужден был слушать скучнейший доклад и рассуждения.

Вчера в суде я обратился к председателю, Якоби, с вопросом, можно ли будет мне за несколько дней до срока уволиться от обязанности присяжного, так как я назначен депутатом от Академии для присутствия на столетнем юбилее Горного института? Он чрезвычайно любезно отвечал мне, что к этому нет никакого препятствия.

9 октября 1873 года, вторник

Меня неожиданно посетил В.В.Григорьев и принес мне свою брошюру “Султана Мендали Пиралиева девять хивинских писем”. Это остроумные заметки по поводу нашего похода в Хиву, напоминающие манеру и слог наставника автора, Сенковского.

12 октября 1873 года, пятница

Заседание в окружном суде, продолжавшееся от 11 часов утра до 4 ночи. Судили восемь человек мужчин и женщин за сбор пожертвований на монастыри и на погорелых по фальшивым книжкам и бумагам с поддельными печатями. Ни монастырей этих, или, как назвали они, пустыней, с их архимандритами никогда не было на свете, не было тоже и пожаров. Несмотря на это, плуты собирали

значительные пожертвования, засвидетельствованные подписями жертвователей на книжках и листах. Это целое организованное общество мошенников из крестьян и рабочих. Было допрошено до тридцати свидетелей. Я, как ив предыдущие разы, выбран старшиною. Председатель — тот же Якоби, отличающийся способностями и благородством. Прокурор — молодой даровитый человек, имя которого я забыл, хотя после заседания познакомился с ним. Из пяти адвокатов, очень добросовестно делавших свое дело, один только надоел всем такою запутанностью речи и беспрестанным повторением одного и того же, что председатель, всегда сохраняющий невозмутимое спокойствие, принужден был заметить ему, что, говоря так долго и много, он ничего не сказал, видимо не знаком с делом, и просил его не искушать более терпение суда и присяжных.

Было уже около четырех часов, когда мы вынесли вердикт довольно снисходительный, потому что не было доказано, чтобы кто-нибудь из подсудимых сам подделывал печати, что должно было бы увеличить и кару. Трех совсем оправдали за их чистосердечное признание и молодость — двух мужчин и одну женщину. Они, очевидно, были жертвами главного плута и не сознавали, что делали. Было, разумеется, несколько перерывов заседания. В четыре часа нам дали час для обеда, препроводили нас под стражею в одну из зал суда, куда из буфета и был принесен обед, довольно сносный, с платою по 50 коп., кроме чая и вина. К великому моему удовольствию, я не чувствовал ни малейшей усталости. Только часов около десяти у меня начала побаливать голова, но это скоро прошло после небольшого перерыва заседания, когда нам позволено было напиться чаю.

Есть у нас целая клика, состоящая из газетных деятелей, ремесло которых состоит в том, чтобы красть репутации и продавать их на рынке публичных толков. Они получают за это от редакции известный гонорар, чем и живут.

16 октября 1873 года, вторник

Вчера был последний день моих заседаний в окружном суде в качестве присяжного заседателя. Рассматривались четыре небольших дела, и я два раза попал в очередь и, как и в прежние разы, был избран в старшины. По окончании последнего дела председатель, Якоби, обратился ко мне и выразил благодарность суда за то, что я разделил с ними труды, хотя мог бы и не принимать на себя звания присяжного. Я отвечал, что с таким председателем труда было немного и что я считал своей обязанностью не уклониться от этого важного общественного долга. Мои товарищи, присяжные, тоже отнеслись ко мне с теплыми и радушными словами за мое участие в их трудах, на что я отвечал, что мне было не тяжело исполнять мои обязанности при содействии таких добросовестных и рассудительных товарищей. Итак, я расстался с судом очень дружески, не исключая самих сторожей, хранивших мою шинель и калоши, которых я наградил монетами.

Недели две тому назад было в Петербурге наводнение, несколько напоминавшее наводнение 7 ноября 1824 года. Вода поднялась почти до 10 футов (7 ноября она доходила до 19). Низменные части города и теперь довольно пострадали. Вода залила подвалы и выходила на улицы. Буря потопила много барок и поломала

много деревьев. Все предшествовавшие и последовавшие дни дул сильный юго-западный ветер.

21 октября 1873 года, воскресенье

Столетний юбилей Горного корпуса. Я назначен депутатом от Академии наук для поднесения поздравительного адреса, мною же написанного. Сегодня было молебствие в церкви института. Публики ленточной и звездоносной собралось множество, но среди нее, однако, не было ни одного министра, кроме Делянова. Службу совершал епископ Леонид, который сам воспитывался некогда в Горном корпусе. Священник Рудаков истомил нас длинной историей института. После молебна посетители были угощены завтраком в прекрасно убранном зале. Я почти все время за завтраком проговорил с адмиралом К.Н.Посьетом. Виделся со многими знаменитостями, духовными и светскими.

22 октября 1873 года, понедельник

Акт в Горном институте. Депутаций от разных учебных заведений и обществ было несметное множество. Сперва принесли свое поздравление и прочли речи депутаты от Парижской академии (знаменитый Добре), потом бельгийский депутат, североамериканский и из Франкфурта. Я прочитал чисто и внятно свой адрес.

Из иностранных депутатов самое интересное лицо был Добре. Француза сейчас можно отличить от всякого другого, а в этом было что-то особенно привлекательное и человечное. Другие господа были как-то дубоваты. Особенно отличился бельгиец, с виду похожий на Дон-Кихота. Он не говорил, а кричал, со смешною напыщенностью. Депутатов пригласили на обед, который, как все подобные обеды, был очень шумен и скучен, по крайней мере для меня.

30 октября 1873 года, вторник

Странно, что в характере Бисмарка никто не заметил одной господствующей черты — это глубочайшего презрения к людям.

5 ноября 1873 года, понедельник

Величайший недостаток системы графа Толстого не в ней самой, но в способе, каким она приводится в исполнение. Способ этот — слишком резкий, крутой и исключительный поворот на классическое так называемое образование. Основная мысль системы, что надобно юношество, зараженное глупыми тенденциями и легкомысленным отношением к умственным, нравственным и общественным вопросам, обратить к серьезному, строгому умственному труду, — мысль эта справедлива как нельзя более. Есть также много справедливого и в том, что классическая почва может содействовать упрощению этого труда. Но, во-первых, такую важную реформу нельзя было провести одним ударом пера, не приготовив

публику к ней некоторою постепенностью, например учреждением сперва нескольких гимназий с греческим языком. Во-вторых, не воспрещать доступа в университет тем молодым людям, которые кончили успешно общее гимназическое образование с латинским языком, по крайней мере в факультеты медицинский и физико-математический. И вообще у администрации есть и другие средства усилить преподавание греческого и латинского языков, не заставляя насильственно учиться им. Нет сомнения, что мерами не столь крутыми можно было достигнуть того, что лет через пять или шесть классическая система утвердилась бы у нас без натяжек и крайностей, не возбуждая всеобщего ропота и неудовольствия, и принесла бы хорошие плоды при твердой и последовательной поддержке администрации.

6 ноября 1873 года, вторник

Не должно искать милости людей, но надобно избегать их неприязни.

8 ноября 1873 года, четверг

Во Франции установилась диктатура Мак-Магона, который ничем не лучше Базена. Видно, придется истории сказать, что Тьер создал республику своим патриотизмом и погубил ее своею нерешительностью и бездействием. Дело, впрочем, не в Тьере и не в республике, а в том, что несколько интриганов могут располагать судьбою такого народа, как французский.

Как примирить мысль о Провидении с бесчисленным числом зол, удручающих человечество? Надобно отказаться или от веры в благость Провидения, или от сочувствия к страданиям наших братии.

Я жив, я чувствую, и сердце от мученья Взывает ко Творцу и просит облегченья.

Вера — вера, но ведь и любовь к людям что-нибудь значит.

11 ноября 1873 года, воскресенье

Вечер я еще готов провести не дома, но быть на так называемом званом обеде для меня невыносимое бремя, хотя бы этот обед состоял из драгоценнейших яств.

Вечер у Владимирского. Здесь познакомился с известным скульптором, творцом памятника Екатерины — Микешиным. Это человек очень красивой наружности, приятный в манерах, которыми и рисуется под покровом простоты.

21 ноября 1873 года, среда

Читал Майкову статью о его “Двух мирах”. Он остался в полном удовольствии. Он привез мне и последнее издание своих стихотворений в 3 томах.

Майков хочет свой перевод с комментариями “Слова о полку Игоря” представить в Академию на Уваровскую премию. Он желает моего совета и

содействия. Разумеется, и первый дан ему и второе обещано с полною готовностью.

24 ноября 1873 года, суббота

Войска движутся по всем улицам до здания Аничкова дворца, Публичной библиотеки и театра, гремят пушки: совершается открытие памятника Екатерине II.

26 ноября 1873 года, понедельник

Ходил смотреть памятник. Он прекрасен и без сомнения займет место между лучшими европейскими памятниками.

Очень занят приготовлением отчета II отделения Академии к годичному акту. Это каждый год составляет мою заботу. Трудно повторять одно и то же, но притом так, чтобы оно не казалось повторением.

Никакое настоящее не в праве сказать прошедшему: зачем это было так или это иначе; ни будущему: будь таким и таким.

Ко многому можно быть совершенно индифферентным по пословице: на всякое чиханье не наздравствуешься. Можно говорить: мне все равно, но когда дело идет о науке, искусстве, об общественных нравах, тогда не произносить своего мнения и не подавать голоса было бы преступлением.

29 ноября 1873 года, четверг

Обедал у министра Д.А.Толстого. Он много рассказывал о беспутстве в провинциях, о самарской женской гимназии, где он отрешил нескольких учителей за нигилизм, а земство подало на него жалобу в сенат; об университетской автономии, которую он желает заменить произволом своей власти, и проч. Девизом графа Д.А.могут служить слова: “Все дураки, кроме меня одного”. Этот человек, умный и даже добрый в обыкновенном быту, не знает, что значит управлять и направлять, а знает только одно — как он силен при дворе, как бить направо и налево, ломать все, что вздумается, и требовать от всех беспрекословного повиновения, считая русский народ до того привыкшим к этой добродетели, что он находит ее вполне возможною, легкою, единственною, на которой должна быть установлена вся система и жизнь этого народа и его правительства.

1 декабря 1873 года, суббота

Вечером у И.П.Корнилова. Беседа с двумя священниками — Васильевым, бывшим при нашем посольстве в Париже, и Янышевым, ректором духовной академии. Оба образованнейшие люди в нашем белом духовенстве и пользующиеся большим значением.

6 декабря 1873 года, четверг

Может ли безобразное зрелище дел и судеб человеческих вызвать в душе самого кроткого и сговорчивого человека что-нибудь, кроме презрения и недоверия к нравственному порядку вещей, будто бы хранимому и поддерживаемому высшею разумною силою! Что эта сила есть, в этом может сомневаться только идиот или такой мудрец, который, по словам одного умного афинянина, от большой учености сделался дураком. Но эта сила, установив раз законы, по ним и действует неуклонно, и все другое действует так же. Все так есть, как должно быть, иначе быть не может. Всемогущество само себя в своем творчестве определило, чтобы не сказать — связало, законами, и отступить от них значило бы противоречить самому себе.

А мораль всего этого? Та, которую я себе предписал в виде девиза на плохом моем портрете, писанном, по желанию моей матери, когда мне было 16, в Острогожске: “Мудрость есть терпение”.

Меня хотят избрать в члены Общества любителей духовного просвещения. Пожалуй. Мне любопытно знать, куда оно идет. И может ли там быть соединен разум со свободою и религией? Членами его многие умные и почетные люди, духовные и светские, а председателем великий князь Константин. Начало моему избранию положили священники Васильев и Янышев вместе с И.П.Корниловым.

13 декабря 1873 года, четверг

В заседании II отделения. Избраны в члены-корреспонденты графы Лев Толстой и Алексей Толстой.

Страшный самарский голод. Администрация не принимала никаких мер к его предупреждению, а только велено настоятельно собирать недоимки. Продавали скот и все прочее у крестьян.

Боязнь погрешить против истины часто бывает причиною излишних колебаний.

Вожусь с отчетом по II отделению. Глаза мешали работать, а времени остается немного.

Катков опять приехал из Москвы, чтобы, как говорят в публике, пеленать графа Толстого перед окончательным рассмотрением проекта о военной повинности в Государственном совете. Только слово *пеленать* неточно, надобно бы сказать: *разверзнуть* ему уста или *поить млеком* своих аргументации, для уверения кого следует, что льготы по военной повинности должны быть сколько возможно шире для греческих гимназий и ограниченнее для университетов.

14 декабря 1873 года, пятница

Самоубийства сделались хроническим злом в нашей Богом хранимой России. Жаль, что у нас не собираются статистические сведения о причинах этого явления, а просто извещается в газетах: отравилась, застрелилась или отравился, застрелился, повесился такая-то или такой-то. Не служат ли отчасти причиною этого, по крайней мере в сословии более образованном, увеличившиеся, вследствие новых потребностей, желания, без средств удовлетворить их, или слабость характера, не

имеющая нравственно-религиозной поддержки при известном развитии понятий?

17 декабря 1873 года, понедельник

На днях только удостоверились, что в Самарской губернии действительно свирепствует голод уже с самого начала осени, а то губернатор Климов доносил, что все обстоит благополучно. Министерству, занятому важным делом меблирования квартиры своего министра, конечно, не до того было, чтобы думать о голоде самарцев и других, так как само оно пребывает в вожделенной сытости.

Вот и Федор Федорович Сидонский умер. На днях его хоронили. Он был болен всего дня два: его сразила жаба. Говорят, после него осталось денег двугривенный.

В недавнее время произошло столько смертей, более или менее неожиданных, что мысль о смерти невольно западает в душу. Люди моих лет очень часто умирают — мысль эта стала нередко посещать меня. Люди почти никогда не бывают готовы к ней. То того не успели они доделать, то в том раскаяться или то или это исправить, не успели и семейства обеспечить и проч. Я совершенно нахожусь в том же положении. Вот и тело видимо изнашивается: то там, то здесь появляются на нем прорехи, требующие медицинской починки.

19 декабря 1873 года, среда

Собрание литераторов в квартире В.П.Гаевского по поводу издания литературного сборника в пользу голодающих самарцев. Назначен, между прочим, издательский комитет, членами которого были большинством голосов избраны: Краевский, Гончаров, Некрасов и я. Прежде были еще избраны князь Владимир Петрович Мещерский казначеем, а Ефремов — секретарем. Всех литераторов в сборе было 27 человек. Поздно уже пришел Микешин для совещания о присоединении к нашему сборнику художественного альбома. Сборник наш назван “Складчиной”.

Иные слишком доверчиво принимают известное правило, что все люди, как существа несовершенные, подвержены разным недостаткам и слабостям, и вследствие этого слишком легко смотрят на собственные свои недостатки и слабости и простирают пределы их гораздо далее неизбежного…

24 декабря 1873 года, понедельник

Я не намерен нынешний раз присутствовать на академическом акте, предоставив чтение моего отчета Я. К Гроту. Сегодня я отослал Гроту мое сочинение. В нем, кроме отчета, три биографических очерка, или, лучше сказать, характеристики, умерших наших членов-корреспондентов: Бенедиктова, Тютчева и Максимовича.

25 декабря 1873 года, вторник

Рождество Христово. Среди всяческих колебаний и недоумений, возбуждаемых в нас различными влияниями со стороны внешнего порядка вещей и со стороны собственной нашей мыслительности, мы должны отыскать в себе точку опоры для своих действий — и, как эта точка опоры, по свойству разума нашего, не может не находиться в отношении к *всеобщему*, то тут естественно открывается необходимость в высших истинах или понятиях, составляющих одно с этим всеобщим.

26 декабря 1873 года, среда

В Государственном совете были, по поводу окончательных суждений…

31 декабря 1873 года, понедельник

Конец 1873 года.

1874

1 января 1874 года, вторник

Часа за три до Нового года я получаю от И.Д.Делянова карточку с следующим надписанием: “И.Д.Делянов спешит поздравить с орденом Белого Орла”. Это меня крайне удивило. Правда, месяца за два перед этим В.Я.Буняковский объявил мне, что меня хотят представить к Белому Орлу. Я счел это за простое предположение или желание доброго Виктора Яковлевича и забыл про это. Если это награда за какие-нибудь особенные заслуги, то я совершенно ее не заслуживаю; если же это так, за простое продолжение службы, заурядная форма, то что же она значит? А теперь вот я и получаю поздравление, как за совершившийся факт.

У меня для встречи Нового года была приготовлена, по обыкновению, бутылка шампанского, и мы, то есть я и мои домашние, встречали его с бокалами довольно живо, если не весело, и просидели до половины второго часа ночи.

Глаза мои не совсем оправились, особенно левый глаз, и доктор Блессиг не велел мне еще выходить на воздух до среды, когда он обещал приехать.

Редко власть принадлежит умнейшим, еще реже людям честным. Но людям того и другого рода вместе почти никогда.

4 января 1874 года, пятница

Сегодня напечатан в газетах манифест о военной повинности, а в “Голосе” хвалебная, впрочем умная и дельная, статья об этом законе.

6 января 1874 года, воскресенье

Бесконечные толки о манифесте. Нет ни одного человека, который бы не был изумлен им и не выражал неудовольствие.

Ни один из правительственных актов в настоящее царствование не был неудачнее, не исключая и постановления о греческом языке. Неудовольствие общее. И редакция манифеста плоха. Говорят, его писали тучи государственных мужей. Но публика приписывает его Валуеву. Во время совещаний о нем сильно восставали против него князь Горчаков, Милютин, великий князь Константин и наследник. Первый говорил, что манифест произведет странное впечатление в Европе, которая до сих пор считала наше правительство сильным и вовсе не нуждающимся в пособии какого-нибудь сословия; теперь же оно признает свое бессилие для борьбы с каким-то злом, которое вовсе не такого свойства, чтобы требовать чрезвычайных мер. Великий князь говорил много в таком же духе.

7 января 1874 года, понедельник

В газетах рассказывают странные вещи о беспорядках в управлении Медицинской академии. Все это направлено против военного министра, с которым министр народного просвещения пререкался жестоко по поводу военной повинности. Последний был против льгот по образованию; Милютин их отстаивал и успел отстоять. Затем министр народного просвещения употребляет все свои усилия, чтобы Медицинскую академию взять в свои руки; вот из-за чего возникла новая борьба. Говорят, управление этим заведением действительно страдает большою неурядицею, что приписывают начальнику его, Козлову. Но как же мог допустить это такой умный человек, как Милютин?

8 января 1874 года, вторник

Получил приглашение на обед во дворец 11-го числа по случаю бракосочетания великой княжны. Не поеду. Да и мундир мой плоховат для такого торжественного дня.

5 февраля 1874 года, вторник

Странная зима — она вся состоит из скачков: оттепель до того, что начиналась езда на дрожках дня три или четыре, потом мороз, доходивший иногда градусов до 10, тоже дня два или три, потом снова оттепель, и т.д. Доходило нередко и до дождя.

8 февраля 1874. года, пятница

В пользу голодающих самарцев литераторы предприняли издать сборник и назвали его “Складчиной”. По этому поводу было собрание и избрали в издательский комитет меня, Гончарова, Краевского и Некрасова; князя Мещерского казначеем и Ефремова секретарем. По поводу этого возникла буря. “Московские ведомости”, по обыкновению своему, приписали этому делу какое-то зловредное направление. Теперь сторонники их, или, лучше сказать, их сеиды, кричат, зачем в комитет назначены Некрасов и Краевский… красные. Один из таковых напал на Гончарова, а сегодня и на меня. Гончаров, который тоже был у меня, учинил сильный отпор, а я объявил, что мне нет дела ни до Краевского, ни до Некрасова, а дело в том, что надобно помочь страдающим от голода, и, например, Краевский необходим как мастер издательской механики. Выходит, что у нас ни одно благое начинание не может обойтись без того, чтобы его не осквернили те же самые люди, которые должны были бы ему содействовать.

На днях посетил меня Тулов, из Киева, привезший, между прочим, мне любезный, дружественный поклон от Юзефовича. Он показался мне почтенным и умным стариком.

9 февраля 1874 года, суббота

Был у меня Алексей Яковлевич Мейснер. Он пришел просто познакомиться со мною и изъявить мне, как он говорил, свое уважение, особенно за статью о Бенедиктове, с которым с детства он был очень дружен.

13 февраля 1874 года, среда

Провел до половины шестого время в комитете “Складчины”. И все было в наилучшем порядке.

19 февраля 1874 года, вторник

Был у министра народного просвещения с изъявлением благодарности по получении знаков Белого Орла. Принят им с прежним радушием и чрезвычайно любезно. Говорил он о печальном направлении умов молодого поколения и о единственном средстве против нравственного зла, заражающего эти умы. Средство это — серьезный умственный труд и хорошая классическая школа. Да, но жаль только, что за последнюю взялись слишком круто. Некоторая постепенность и снисхождение к требованиям и даже предрассудкам отцов и матерей лучше обеспечивали бы успех.

Нынешние психологи, особенно английской школы, похожи на гробокопателей, которые, роясь в могилах, отрывают кости и целые остовы людей, сортируют их, могут даже складывать и раскладывать их по возрастам, полам и проч., но никак не в состоянии воссоздать из них человеческого образа.

Четыре силы управляют миром: деньги, ум, красота и слово. Иные могут еще прибавить — меч. Но меч не управляет миром, а преобразует его.

24 февраля 1874 года, воскресенье

Обыкновенный годичный обед в Римско-католической академии по случаю храмового праздника в их церкви. Между прочими тостами был предложен и мой, с маленькою речью, директором департамента духовных дел иностранных исповеданий, графом Сиверсом. Многие лета (по-латыни), ура и другие любезности.

Есть грубые и пошлые натуры, которые, под предлогом стремлений к прогрессу и либеральному образу мыслей, кидают грязью во всякую мысль, которая не имеет счастья им нравиться.

26 февраля 1874 года, вторник

В заседании Общества любителей христианского просвещения, где я избран членом. Филиппов читал свое полемическое сочинение против Нильского, профессора духовной академии, о снятии проклятия с раскольников, наложенного на них определением Московского собора 1676 года мая 13. Чтение было очень длинно,

продолжалось часа три с половиною. Филиппов истощил в нем большой запас сведений об этом соборе и обстоятельствах, с ним сопряженных; он, очевидно, хотел блеснуть этого рода ученостью. Впрочем, основная мысль его, что пора снять проклятие с раскольников-единоверцев, хороша.

Было тоже секретарем заявлено о сочувствии, которое питают к нам старокатолики, которые думают о соединении их церкви с нашею. В собрании присутствовал великий князь Константин Николаевич, следивший за чтением с большим вниманием.

2 марта 1874 года, суббота

Похороны академика Якоби. Многочисленная публика собралась у церкви св. Екатерины на Васильевском острове; многие пошли за гробом на Смоленское кладбище. Я, пройдя некоторое расстояние, воротился домой. Погода была гнусная. Пронзительный ветер сквозь шубу пробирал до костей.

3 марта 1874 года, воскресенье

У Гончарова, который сам приезжал просить меня на вечер. У него происходило чтение “Кассандры”, переведенной Майковым из Эсхила. Нечего и говорить, что перевод прекрасный и чтение вышло очень занимательное, тем более, что не было и длинно. Здесь познакомили меня с Лесковым, автором известного и, как говорят, очень хорошего романа “Соборяне”.

А поутру был у графини А.Д.Блудовой, перед которой должен был, между прочим, извиниться, что в пятницу не явился вечером на ее любезное приглашение; она была именинница. У меня сильно разболелась голова.

10 марта 1874 года, воскресенье

Представлялся государю в Зимнем дворце. Я сперва выслушал обедню в Круглом зале, в которой находилось множество всякого рода лент и звезд. Нас представлялось пять человек — два предводителя дворянства: один саратовский, приехавший с адресом по поводу известного рескрипта на имя министра народного просвещения, другой еще какой-то губернии, еще один, какой-то камергер или камер-юнкер и я. Государь подошел ко мне. Трудно изобразить приятную улыбку и ласковый тон, с которыми он сказал: “Благодарю вас, благодарю вас за вашу ревностную и верную службу. Я уверен, что и далее вы будете продолжать ее с тою же пользою. Еще раз благодарю”.

23 марта 1874 года, среда

Заседание в Обществе любителей христианского просвещения. Т.И.Филиппов продолжал свое чтение. На этот раз он читал свои опровержения на возражения отца Иосифа Васильева. Речь его сильна аргументациею, ссылками на всевозможные

авторитеты восточной церкви и даже истинно красноречива. Замечательно особенно было то место, где он говорил о необходимости для нашей церкви следовать более духу веры, нежели держаться одной обрядности, и настаивал на том, чтобы отменены были репрессивные меры против наших единоверческих раскольников за их преданность древним обрядам и сложено было проклятие собора 1676 года 13 мая посредством сношения с восточными патриархами или посредством нового собора.

Он говорил также об оскудении духа жизни в нашей церкви, — это было смело и свободно. Все было бы хорошо, но эпилог, или конец речи, испортил все. Оратор обратился к самому себе, резко выразил жалобу на нападки Нильского, который будто бы приписывал ему какие-то задние мысли и личные намерения, и заключил тем, что он оставляет Общество, не желая подавать в нем повод к смутам. Затем Филиппов торжественно сошел с кафедры и вышел из собрания. Это произвело на всех неприятное впечатление, а обращение его к великому князю сочтено было неприличным и бестактным.

16 марта 1874 года, суббота

У И.П.Корнилова. Виделся с Т.И.Филипповым и говорил с ним о его речи в среду. Я выразил ему мое искреннее одобрение ее, но заметил с сожалением, что конец ее, заключающий в себе личную полемику против Нильского, не соответствовал всему прекрасно ранее сказанному, и особенно неприятно поразило всех удаление его, Филиппова, из Общества и собрания. Он отвечал мне, что к этому он был вынужден неблагоприятными и грубыми против него выходками самого Нильского и других антагонистов по возбужденному им вопросу о единоверии. По словам Филиппова, он иначе поступить не мог. Я сказал, что во всяком случае ему никак не следует оставлять Общества: он начал важное дело и должен его продолжать. Филиппов полагает, что вследствие милостивого и благосклонного к нему отношения великого князя он опять возвратится в Общество.

Я крайне недоволен собою за то, что позволил себе не совсем благоприятно отзываться о публичных лекциях Миллера, который заслуживает порицания за свое пристрастное отношение к писателям, которых известная литературная клика — а с нею вместе и он — или безмерно восхваляет, или уничтожает. Во всяком случае, мне следовало воздержаться от осуждения, не дав предварительно заметить осуждаемому о его ошибках.

17 марта 1874 года, воскресенье

Три главные способности, отличающие человека от животных: способность обобщать представления, язык и воля — истина давно известная, но в наше время подвергающаяся сомнению и даже отрицанию.

Некоторые утверждают, что Академия поступила очень несправедливо, не выбрав своим членом Сеченова. Ей, по их мнению, следовало иметь в виду одни несомненные его ученые заслуги и не обращать внимания на то, что, добиваясь

популярности, он распространял в обществе вредные материалистические гипотезы и сбивал с толку наших юношей. Эти защитники Сеченова забывают, что он профанировал самую науку, делая из нее пропаганду совсем не научных идей, и что представителям ее истины нельзя было одобрить такой бесцеремонности обращения с нею.

23 марта 1874 года, суббота

Последнее заседание издательского комитета “Складчины”, которая совсем отпечатана и сдана в цензуру, где она должна пробыть семь дней. Сборник вышел огромный, из 45 листов.

Вечером состоялось собрание литераторов, в котором прочитан был отчет нашего издательского комитета и избрана комиссия для приема и рассылки сборника. Избраны: Семевский, Гербель и Николай Курочкин.

Конец вечера я провел у Богдановой, где познакомился с Яхонтовым Александром Николаевичем, дворянским предводителем Псковского уезда.

26 марта 1874 года, вторник

Не смешно ли, что я с такою точностью заношу всякую мелочь в мой дневник? С незапамятных времен, с самого почти детства моего, главным правилом моим было — наблюдать за самим собою. Много лет это наблюдение, вместе с контролем, ограничивалось исключительно нравственною и умственною сферою, без малейшего отношения к моему физическому положению и здоровью. Я все тащился к моему нравственному идеалу, к исполнению моих человеческих обязанностей и, разумеется, делал много глупостей. Но с некоторого времени, когда здоровье мое начало подвергаться разным испытаниям, я к нравственно-умственному самонаблюдению присоединил и физическое и, может быть, только этому обязан некоторым сохранением здоровья. Телесная оболочка видимо изнашивается: глаза слабеют, но более всего меня донимают проклятые головные толчки.

Люди, проповедующие новые нравственные и общественные учения, считают себя великими мудрецами и на всех прочих смертных смотрят с глубоким презрением. Не достаточно ли этого одного для доказательства, что они ошибаются?

28 марта 1874 года, четверг

“Складчина” вышла в свет.

30 марта 1874 года, суббота

“Складчину” берут нарасхват. Первая серия, выпущенная из типографии, — 2000 экземпляров, — разошлась в эти дни.

31 марта 1874 года, воскресенье

Светлое Христово воскресенье. Ужасная погода! Дождь, холод.

1 апреля 1874 года, понедельник

Обедал у графини Блудовой, где познакомился с князем Трубецким, бывшим губернатором воронежским, а теперь егермейстером при дворе.

3 апреля 1874 года, среда

Бесконечные толки о картинах В.В.Верещагина, выставленных в доме министерства внутренних дел, куда уже недели три стекаются несметные толпы народа. Я покусился было тоже на днях посмотреть эти, как уверяют некоторые, чудеса искусства, но, встретив несокрушимую стену спин человеческих, возвратился вспять. Картины эти, говорят, изображают разные эпизоды Хивинского похода; тут все ужасы, представляющие в целом неблистательные и для нашего самолюбия нелестные события войны. Говорят, государь был особенно недоволен двумя или тремя картинами, которые и сняты, и утверждают, что раздраженный художник их сжег. По этому поводу рассказываются странные и нелепые вещи. Но известно, как достоверны все подобные рассказы. Я всегда вычитаю из них 99%, и остальное иногда оказывается верным.

Вообще невообразимый хаос господствует в мнениях и толках нашей публики, и тот остался бы в страшных дураках, кто в чем бы то ни было положился бы на так называемое у нас общественное мнение.

8 апреля 1874 года, понедельник

Написано и отправлено письмо к князю П.А. Вяземскому в Гомбург, близ Франкфурта-на-Майне.

Человек, умеющий делать что-нибудь хорошо — писать стихи, картины, строить дома и проч., — освобождается ли от других существенных обязанностей хорошего человека? Верный признак ничтожности человека, когда он с важностью рассказывает о пустяках, относящихся к известным личностям, желая дать знать о себе, что он был свой между ними. Таков мой старый приятель Струговщиков в своих заметках, напечатанных в “Русской старине”.

12 апреля 1874 года, пятница

Наши доморощенные либералы виноваты не тем, что думают и составляют предположения о различных свободных учреждениях, о радикальном уничтожении разных аномалий и злоупотреблений, накопившихся у нас издавна, а тем, что считают возможным немедленное осуществление того, что надумал их ум и желает их либерализм.

17 апреля 1874 года, среда

Письмо от князя П.А. Вяземского — милое, умное, теплое письмо.

24 апреля 1874 года, среда

Целый год не собиралась комиссия об учреждении центральной государственной типографии, и сегодня было назначено заседание. Как все наши административные комиссии и комитеты, и эта ничего не сделала да и сделать не могла уже потому, что самое дело, для которого ее выдумали, дело фальшивое, нужное только одному человеку — чиновнику, изобретшему ее для своих выгод. Однако нам угрожают еще заседания два или три, так, для приличия, чтобы показать, что хотя ничего не сделали, а все-таки делали. Везде обман и ложь!

25 апреля 1874 года, четверг

Собрание литераторов, составляющих издательский комитет, у М.И.Семевского, распоряжающегося рассылкою “Складчины”. Он прочитал нам весьма обстоятельный отчет того, что до сих пор сделано. Отослано в Самару уже более 10000 рублей, и за бумагу заплачено. Остается еще около 5000 непроданных экземпляров книги. В числе присутствовавших, между прочим, были Некрасов (как член комитета) и М.Е.Салтыков.

1 мая 1874 года, среда

Весь апрель дышал на нас свирепыми северо-восточными ветрами, хотя нередко светило солнце, особенно по утрам. Вот май, цвет всех времен года и радость людей, далеко живущих от полюса. Но жизненная сила мертва в нашей флоре; даже почки не показываются на деревьях, не только листья. А сегодня в честь весны гулянье в Екатерингофе. Все здесь ложь — и в людях и в природе. Впрочем, люди же выдумывают на природу то, чего в ней нет. Полиция предлагает народный праздник в честь мая и весны: надобно верить ей. Я помню, что во время моего цензорства один из моих товарищей не хотел пропустить в фельетоне газеты неблагоприятного отзыва о петербургской погоде, говоря, что это оскорбляет отечество.

3 мая 1874 года, пятница

Я знаю, что немногие из наших литераторов смотрят без неприязни на образ мыслей, выражаемый мною в моих статьях. Но это ничего не значит для меня. Оно не мешает и не помешает мне быть одним из представителей этого образа мыслей. Кто во всю свою жизнь работал над самим собою в духе по возможности лучших доступных ему идей, признанных и наукою, и опытом веков, и собственною своею совестью, тот, конечно, мог приобрести некоторую способность не быть

малодушным перед чужими толками и мнениями. Эту свободу я вполне и глубоко уважаю в других, как и в самом себе. Да и может ли быть иначе, когда дело идет о правах мысли и истины и когда мы серьезно хотим им служить? И зачем этой свободы не допустить и в литературе, которая так любит и отстаивает свободу? Что она любит в то же время любовь свою проявлять в известного рода вопросах — кто по совести станет ее упрекать за то? “В дому отца обители мнози суть”. Если кто думает, что ему отведено там место, то пусть не мешает и другим идти туда. Да стоит ли толковать об этом? Пусть всякий делает что может, лишь бы делал разумно и честно.

5 мая 1874 года, воскресенье

Все это время погода так дурна — холод, дождь, по временам небольшой снег, — что перестаешь даже считать возможным лето на нашем ужасном севере. Уж не напрасно ли нанята дача?

Составлять партии и тенденциозные союзы и кружки для каких-нибудь политических целей нам еще рано.

Пока недовольные порядком, или, точнее сказать, беспорядком, вещей сетуют, ропщут и втихомолку заявляют друг другу свое неудовольствие, стоящие во главе этого порядка или беспорядка благоденствуют, находя в нем наилучшие средства богатеть и благоденствовать.

Повсюду и во всем великий неуряд и разладица. Реформы, начатые и вдруг приостановленные, только породили зло, которое в прежнем могильном спокойствии не существовало.

8 мая 1874 года, среда

Сегодня я эмансипировался от шубы, потому что это первый день, похожий на начало весны. Калоши и теплый шлык свой я оставил дня два уже прежде.

10 мая 1874 года, пятница

Сегодня снег.

Можно досадовать на людей, зачем они негодяи и беззаконники, а на природу досадовать было бы нелепо, потому что за ней ничего подобного нет. Она безгрешна, законна и справедлива.

Читая описания всех этих оваций, какие делаются высокопоставленным лицам, приходишь к убеждению, что надобно иметь чрезвычайно крепкую натуру, чтобы не одуреть от этого страшного количества лжей и лести, которые приходится им глотать. Однако это их не убивает, хотя нет сомнения, что многие из них от этого впадают в неизлечимые болезни самообожания, надутости и проч.

Остерегайтесь слишком горячо провозглашать о вашем усердии к общему благу, даже если вы совершенно преданы тому, о чем говорите. Во-первых, вас

заподозрят в неискренности, а если поверят, то еще хуже для вас. Вас станут преследовать как пророка, который идет наперекор всем и каждому, — хорошо, если вас не побьют камением, а только посмотрят как на жалкого юродивого. Глубокая истина заключается в словах: “Не мечите бисера перед свиньями”.

11 мая 1874 года, суббота

Вчера и сегодня снег и холод, 2 и 3R тепла: опять за шубу.

Всякий из нас настолько умен, чтобы не допустить другого быть умнее себя, и если последний в глазах других окажется таким, то наделать ему как можно более пакостей.

Разительным доказательством нашей умственной недозрелости и недостатка серьезного образования служит то, что мы измеряем достоинства ума и дарований только мерилом наших собственных мнений и тенденций. Все несогласное с ними подвергается беспощадному осуждению. Есть что-то ребяческое в этом азарте, с которым мы одно возносим до небес, а другое топчем в грязь. Это, говорят, делается по весьма естественной причине — из желания дать перевес своей мысли или партии. Но какие у нас школы, какие партии? Где они? Школа предполагает известный способ разработки истин, возникающих из глубокого и продолжительного исследования одной какой-либо стороны вещей. Это законная форма определенного мировоззрения — и потому каждая из школ имеет право существовать, и борьба между ними или антагонизм может происходить только или вследствие недоразумений, или вследствие каких-либо совершенно случайных обстоятельств. Все они служат одному и тому же делу, только в разных направлениях и ввиду самой возможности служить ему различным образом. Школы могут существовать только там, где наука и искусство пустили глубокие корни и где они в состоянии разрастаться свободно в разные ветви.

Что касается до партий, ознаменовывающих обыкновенно жизнь и движение общества, то они возможны там, где сказались уже и явственно определились разные слои общества, разные его направления и где интересы каждого из этих слоев и направлений требуют соединения многих сил. Мы до партий еще не доросли. У нас, напротив, индивидуализм развит до такой степени, что каждое лицо есть партия для самого себя, и как скоро несколько лиц сошлось во имя какой-нибудь задачи или идеи, то каждое из них думает только о том, как бы все преклонились перед ним, хотя бы то было во вред общей задаче или идее. Разве это партия?

15 мая 1874 года, среда

Наше время чрезвычайно богато разного рода нравственными искажениями, и особенно в так называемом мыслящем классе. Человек грубый, необразованный предается какой-нибудь мерзости, как зверь, не будучи в силах обуздать своих животных инстинктов. Человек так называемого мыслящего круга делает то же, но вместе с тем оправдывает свою гнусность теорией.

Первый теплый день.

17 мая 1874 года, пятница

Обед на открытом воздухе в Летнем саду с И.А. Новиковым. Гуляющих было множество. Музыка. Обед очень хороший за 1 руб. 25 коп. День прелестнейший. Деревья начинают распускаться, по крайней мере те, которые помоложе.

18 мая 1874 года, суббота

Два ужасных случая. Один воспитанник гимназии застрелил своего директора, а в другой гимназии два таких же воспитанника ранили из револьвера своего инспектора, который остался жив.

А самоубийства в разных видах совершаются беспрестанно. Женщины не отстают от мужчин. Они научились отлично владеть револьвером.

19 мая 1874 года, воскресенье

Как ужасно упала Франция! Столько кровавых жертв, чтобы впасть в какую-то тупую апатию и позволять распоряжаться собою таким людям, как генерал Мак-Магон и шайка негодяев, добивающихся денег и теплых мест. И все это ни для кого не тайна. Самые беззаконные нарушения права и всех общественных и политических приличий совершаются открыто перед глазами нации, которая как-то тупо и покорно смотрит на все это.

Из всей бесконечной массы прошедших, настоящих и будущих людей вырабатывается небольшое число личностей, которые и составляют собственно настоящее человечество, соль земли.

22 мая 1874 года, среда

Похороны начальницы Смольного монастыря, Марии Павловны Леонтьевой. Обедня и отпевание происходили в церкви заведения. Собрание было чрезвычайно многолюдное и состояло большею частью из девиц и дам всех выпусков, которыми начальствовала покойная. Служил митрополит Исидор с двумя архиереями и множеством священников. Все было величественно и торжественно. Присутствовавшие, особенно питомицы заведения, оказали много сочувствия и любви к усопшей, которая действительно и заслуживала этого своею добротой и заботливостью о детях. Вообще она была женщина умная и благородных свойств, хотя и отличалась некоторою странностью манер и, может быть, излишним пристрастием к формам. Но царедворческого в ней ничего не было. Со мною во все время моей службы в заведении она была чрезвычайно дружелюбна, внимательна и ласкова. Она любила литературу и умела ценить умственные достоинства. Ей было 85 лет. Она умерла тихо и спокойно, как бы погрузившись незаметно в вечный сон. За несколько часов до смерти она, несмотря на слабость сил, принимала еще участие

в делах заведения.

26 мая 1874 года, воскресенье

Переезд на дачу в Павловск, к тому же Брауну “Под Дубки”.

С некоторого времени я нахожусь в борьбе с моими глазами. Месяца три тому назад они заболели. Призван был Блессиг, прописаны были примочки, мазь и впускание капель внутрь глаз. С того времени, хотя положение глаз улучшилось, но все-таки они перестали мне служить как должно. При чтении скоро устают, близорукость, очевидно, усилилась.

27 мая 1874 года, понедельник

На даче. Ясно, не холодно.

29 мая 1874 года, среда

Умер барон Фридерикс, добрый хозяин, где я квартирую уже лет 30 или более.

От чего частые самоубийства? Жизнь потеряла всю прелесть от чрезмерных ли желаний человеческих и невозможности их удовлетворить, или от усиления скорбей, превосходящих меру человеческого терпения? Как бы то ни было, а жизнь для многих утратила всю свою прелесть. Действительность преисполнена страданий, идеалы лишились своего обаяния.

4 июня 1874 года, вторник

Весь май прошел в дождях и холодах. Июнь продолжает то же.

6 июня 1874 года, четверг

Обычный экзамен в Римско-католической академии. Все в обычном порядке.

8 июня 1874 года, суббота

Эти люди опошляли возвышенные стремления к свободе своим детским задором, мелким самолюбием, глубоким невежеством во всем, что касается человеческой природы и общественных интересов, и непомерным словоизвержением вместо серьезного, трезвого и строгого мышления. Они профанируют священное право свободы.

Говорят, что некто Благосветлов обругал всех участвовавших в “Складчине”…

9 июня 1874 года, воскресенье

Мы очень хорошо подмечаем пороки и разные нравственные гнусности нашего времени, но создать идеалов лучшего мы не в состоянии. Там бессилие одних, здесь других — и все бессилие.

Только и слышишь одни жалобы на среду, как будто мы не обязаны в нее внести ничего своего.

10 июня 1874 года, понедельник

Бисмарк сделал две ошибки: первая — это отнятие у Франции двух провинций, что полагает задаток новой войне и, может быть, начало ослабления Пруссии, слишком вознесшейся, чтобы не впасть естественным путем в реакцию; вторая — это крайнее преследование католиков.

13 июня 1874 года, четверг

Есть некто литератор и журналист Благосветлов. Говорят, он сумасшедший. Пункт помешательства его в том, что он считает себя величайшим мыслителем, первым писателем в России и человеком, способным перестроить Россию на новый лад не хуже Петра Великого. К сожалению, он часто впадает в бешенство и изрыгает страшные ругательства на все и на всех.

На днях я встретился в вокзале с Лонгиновым, нынешним знаменитым начальником печати русской. Он никогда не отличался скромностью и умеренностью в суждениях и словах и теперь остался таким же.

Какие честные человечественные личности попадаются между людьми! И как стыдно становится за негодяев и мерзавцев, повсеместное существование которых, по-видимому, уничтожает возможность таких личностей!

О современной Франции не хочется ни думать, ни говорить, ни читать, — так люди, располагающие ее судьбою, пошлы, так упала политически и морально нация.

19 июня 1874 года, среда

У всякого из так называемых образованных людей в душе есть склонность если не отнимать принадлежащее другому, то порабощать его ум и сердце своим взглядам и идеям.

Средний и низший класс в нашей литературе, а может быть, и во всякой, всегда славился мелочностью страстей и умов, старающихся, елико возможно, о том, чтобы не допустить друг друга ни иметь свое мнение, .ни приобрести какое-нибудь значение между собратьями.

Я никогда не пропагандировал моих идей; я только их излагал. Пропагандирование есть не иное что, как подстрекательство. В деле истины это совершенно фальшивый способ. Подстрекательство действует только на слабых умом и производит только прозелитов. Ни те, ни другие не годятся для настоящего честного дела. Кто способен к чему-нибудь лучшему, для того довольно, чтобы он

понял мысль и разумное слово, переданные без всякого усилия склонить его в известную сторону, а кто не способен, так на что он годится, хотя бы он заорал и замахал руками для идеи, которая, как говорится, ему не по плечу? В уличной свалке он, пожалуй, мог бы употребить хоть кулаки, но ведь не для этого же мы стараемся просветить умы.

8 июля 1874 года, понедельник

Вчера, то есть в воскресенье, мы условились с А.С.Вороновым прогуляться в Парголово. Но в пятницу и накануне такой задул северо-восток с прегнусным холодным дождем, что о прогулке нечего было и думать. Я написал Воронову, чтобы он меня не ждал. В воскресенье он явился сам ко мне, и мы опять условились ехать во вторник после моего комитетского заседания, в том предположении, что ведь теперь лето и природа над нами сжалится к тому времени, уймет шалости погоды. Но во вторник вышло еще хуже: тот же ветер, нестерпимый для лета холод с беспрерывно угрожающим дождем. Пришлось опять отложить исполнение нашего замысла до первого удобного, то есть теплого дня, если он как-нибудь к нам навернется.

10 июля 1874 года, среда

Печатается сенатский процесс о девяти лицах, затеявших преобразовать Россию посредством возмутительных прокламаций и распространения в народе таких же брошюр своего изделия. Нелепо и жалко! Подобные симптомы доказывают ненормальное состояние нынешнего поколения. Все действующие лица этой печальной комедии — молодые люди лет 22—24; один только успел дожить до 30. Печатается пока обвинительный акт.

23 июля 1874 года, вторник

Все нынешнее лето проходит в ожидании лета, а оно не пришло. Холод и дождь, дождь и холод, или немного тепла, но непременно дождь.

16 августа 1874 года, пятница

Наш век отличается необыкновенным великодушием. Базен, например, этот предатель, осужденный на смерть, теперь, по милости Мак-Магона, тоже порядочного негодяя, разгуливает по Европе, а немцы устраивают ему радушные приемы и возносят его в печати до небес. Можно ли более попирать законы нравственного приличия!

19 августа 1874 года, понедельник

Август продолжает быть довольно снисходительным. Бывает холодно и с дождем, но бывают и хорошие дни. И вообще можно жить еще не без удовольствия

на даче. А какая великолепная зелень! Рука осени как будто совсем до нее не коснулась.

23 августа 1874 года, пятница

“Голосу” воспрещена розничная продажа. Притеснение печати у нас доходит до глупости, если считать глупостью причинение зла из удовольствия делать зло. И нашли кому поручить власть над ней! Лонгинову!!

30 августа 1874 года, пятница

Обычное празднование моих именин. Множество поздравлений утром, букетов цветов также. Особенно изящный букет поднесла мне маленькая дочь К. Обедало много гостей, которые в половине восьмого все и разъехались, чтобы не опоздать на поезд. Ночью еще были получены две поздравительные телеграммы из Петербурга. День был хороший, хотя и пасмурный, но довольно теплый.

8 сентября 1874 года, воскресенье

Переезд с дачи. Без дождя; вообще погода порядочная. Лето было нехорошее, холодное и дождливое с частым ветром. Но я все лето был здоров, и мои тоже. Ничего неприятного не происходило.

10 сентября 1874 года, вторник

Присуждение Уваровских премий в Академии наук. У меня на рассмотрении было шесть драматических пьес: из них две — “Ваал” Писемского и “Разоренное гнездо” [Минаева, но прислано под девизом] — я нашел заслуживающими особенного внимания. Я написал подробный их разбор, отозвавшись об обеих одобрительно, но не выразил окончательного приговора, предоставив это комиссии. Впрочем, я склонялся более в пользу последней, хотя мне хотелось бы, чтобы и Писемский не остался без награды. Он представил и другую свою пьесу — “Подкопы”, но эта слабее. Комиссия выразилась неодобрительно о пьесе Писемского и предпочитала “Разоренное гнездо”. Произошли прения. Настаивали на абсолютном совершенстве, ссылаясь на положение о премиях, где эта мысль выражена неопределенно. Мне удалось это опровергнуть. Все члены согласились со мною, и сегодня единогласно премия была присуждена “Разоренному гнезду”. Веселовский вел себя очень хорошо и совершенно беспристрастно, полагаясь на мой суд.

Два скандала один за другим, здесь и в Москве… В Москве скандал гораздо серьезнее: брат Михаила Никифоровича Каткова, Мефодий, и мне хорошо известный, в катковском лицее, где воспитываются два его сына, выстрелил из револьвера два раза в П.М.Леонтьева, но не убил его: пуля засела в платье последнего. Потом он тяжело ранил сторожа, который бросился было защищать

Леонтьева.

17 сентября 1874 года, вторник

Всеобщие толки о московском происшествии. “Московские ведомости” объявили, что несчастный Мефодий произвел свои выстрелы в сумасшествии, которое давно в нем замечалось. Но многие этому не верят и подозревают какую-нибудь другую причину компрометирующего свойства.

Между тем в лицее отслужен торжественный молебен за спасение Леонтьева, и воспитанники заказали какой-то образ в память сего происшествия.

21 сентября 1874 года, суббота

Сегодняшний день должен быть особенно отмечен — совершенно летний, вовсе не свойственный сентябрю день; я давно не запомню такого светлого, теплого: 16R тепла.

Кажется, не может быть никакого сомнения, что единственная причина поступка Мефодия есть настоящее сумасшествие и другой причины, предосудительной для Леонтьева, искать нечего. Многим хотелось этой последней причины.

22 сентября 1874 года, воскресенье

Смутить умы нетрудно, но это не значит ни просветить их, ни сделать более способными к делу истины, ни более счастливыми.

25 сентября 1874 года, среда

Публичное собрание в Академии по случаю присуждения Уваровских премий. Я читал отчет о назначении этой премии автору комедии “Разоренное гнездо”.

2 октября 1874 года, среда

Есть род близоруких умов, которые могут видеть ясно только предметы, находящиеся вблизи их. Им кажется, что вселенная заключена в пределах, где они живут, что Бог особенно покровительствует им и их родне, что знатнее их предков и умнее их самих нет никого на свете; которые уверены, что близорукость есть хорошее зрение и что настоящими людьми могут быть только те, которые судят о вещах как судят они, даже носят бороду такой величины и цвета, как у них, а все прочие заслуживают по меньшей мере презрения.

7 октября 1874 года, понедельник

Нравы суть продукт соединенных сил народности и исторических внешних обстоятельств. Пока нравы не улучшатся, никакие меры и учреждения не помогут.

Происходит множество арестов. Говорят, в провинциях арестовано более 500 человек, в том числе много женщин.

Все заняты процессом игуменьи Митрофании, которая непозволительными средствами, подложными векселями и проч. старалась приобрести огромные деньги в пользу благотворительных учреждений своего монастыря. Небывалый в России случай, чтобы судили высшее духовное лицо за уголовные преступления, и притом публично и гласно.

11 октября 1874 года, пятница

В истории всякого народа есть славные и блестящие страницы, но есть и темные и печальные.

19 октября 1874 года, суббота

Для теории один масштаб, для жизни — Другой. Смешивать их нельзя. И теория законна, и жизнь законна.

Поутру был Кавелин. Разговор о современных событиях. Все чрезвычайно печально. Множество арестов здесь и в губерниях.

Многие, полагаясь в делах на чистоту своих намерений, не принимают предосторожностей, предписываемых благоразумием, и упускают из виду разные внешние условия, необходимые для успеха. Это важная ошибка. Не чистота намерений венчается успехом, а рассудок, умеющий соглашать различные интересы и страсти, затрагиваемые делом. “Будьте чисты, яко голуби, и мудры, яко змии”.

20 октября 1874 года, воскресенье

Процесс игуменьи Митрофании кончился. Присяжные вынесли вердикт: “виновна, но заслуживает снисхождения”. Процесс этот наделал у нас шуму не менее, чем процесс Арнима в Европе. Наш процесс имеет весьма серьезное значение как по сану лица, подвергшегося гласному суду и уголовной каре, так и по ведению его, делающему честь нашим судам. Тут никакая протекция не была принята в уважение, а на нее-то, видимо, рассчитывала игуменья в беззаконном приобретении денег будто бы для благоугодных дел. Вообще этот процесс обнаружил во многом скверное состояние наших нравов.

Поутру был у графа Модеста Андреевича Корфа, недавно приехавшего из Гомбурга. Он, между прочим, рассказывал мне много о князе П.А.Вяземском, с которым он жил там. Князь совершенно здоров, страдает только бессонницей. Лишь теперь я узнал настоящие лета его. Незадолго до отъезда графа из Гомбурга князь праздновал день своего рождения: ему исполнилось 82 года.

23 октября 1874 года, среда

Напечатан мой отчет о присуждении Уваровской премии за драматическое сочинение “Разоренное гнездо”.

Можно ли в наше время управлять государством без совещания с лучшими выборными от народа людьми?

24 октября 1874 года, четверг

На днях произошел скандал в Медико-хирургической академии: студенты объявили, что они не хотят слушать лекций профессора И.Ф.Циона, занимающего кафедру физиологии, и разделились на две партии: одни свистали, другие аплодировали. Отчего это именно произошло, говорят весьма различно. Вообще в Петербурге невозможно добиться правды ни об одном происшествии. Всякий рассказывает по-своему и прибавляет часто свои вымыслы, уверяя торжественно, что он знает это из верного источника. Только и знаешь, что что-то случилось, а отчего и при каких обстоятельствах — узнается разве в вечности. Оттого я принял за правило вычитать из всех рассказов 99%.

27 октября 1874 года, воскресенье

Основа величия и благосостояния народа заключается в его нравах. При хорошем состоянии нравов все разумные меры дают желанные, полезные результаты; все меры ошибочные смягчаются и теряют значительную часть своих неудобств. Можно сказать, что народ сам отвечает за все, что у него происходит и делается. Если несправедливо обвинять его за недостаток способностей, в которых отказала ему природа, то не следует роптать и жаловаться на обстоятельства и на лица, служащие будто бы источником всех зол, претерпеваемых обществом. Слабое и неспособное не может пользоваться выгодами, которые составляют естественное преимущество силы и дарований.

3 ноября 1874 года, воскресенье

У нас существует общее убеждение о бесполезности всяких правительственных мер, даже хорошего свойства. “Да из этого ничего не выйдет”, — вы услышите каждый раз в подобных случаях. К счастью, дурные меры тоже не производят особенной скорби: “Да ведь это переменится скоро, перемелется — будет мука”, — слышится везде.

Случившееся в Медицинской академии повторилось в Горном корпусе, в Технологическом институте и в университете. В последнем в меньшем размере. Студенты требовали увольнения Циона, который и уволен под видом отпуска за границу на год. В Горный корпус и Технологический институт потребовалось послать жандармов. Так как у нас печать находится под гнетом и запрещениями, то в газетах обо всем этом ничего не пишут, и оттого ходят по городу самые преувеличенные слухи.

Что значит эта эпидемия восстаний в школах? Молодым людям не нравится такое-то лицо в управлении школы или преподаватель, и они требуют немедленного его удаления. Разумеется, этого допускать нельзя. Но дело в том, что такие требования сделались возможными и почти повальными. Увы! Это только частные симптомы неурядицы, господствующей у нас повсюду, в администрации и обществе. Нравственность падает ниже и ниже; у молодых людей в сердцах есть благородство, но оно все направлено против существующего порядка вещей.

К правительству с каждым днем более и более теряется уважение. Сильнее и сильнее укореняется мнение, что реформы нынешнего времени и некоторые льготы есть чистый обман, потому что их стараются подкопать со всех сторон. Земство, суды, печать стесняются беспрестанно распоряжениями высших административных лиц. Это уже ни для кого не тайна.

Главное зло состоит в том, что теперь ничему не верят и менее всех правительству, которое усиливается отнять у нас то, что им же самим дано. Мы вступали на новый путь, а нас толкают назад. И весь этот новый путь не был какою-нибудь прихотью или мог быть и не быть. На него устремились в силу вопиющей необходимости. Освобождение крестьян, новые суды, земство, гласность и хоть некоторая свобода печати — разве это прихоть общества, а не такая потребность, не удовлетворив которой, нет возможности России существовать? Все недовольны, все страдают, и страдают невыносимо именно потому, что нет никакой уверенности в том, что будет завтра. Право, страшно становится за нашу будущность.

Кажется, тут никакие человеческие усилия ничему не помогут. Мы в руках истории, которая неудержимо влечет нас к какому-то роковому неизбежному кризису.

10 ноября 1874 года, воскресенье

Неумолкаемый шум в городе по случаю беспорядков в Медицинской академии, в Горном корпусе, Технологическом институте и университете. Цион уволен в виде долговременного отпуска. Уволен еще помощник инспектора Пальмин, которым давно были недовольны студенты. Пострадал более всех Горный корпус. Там распоряжался Валуев.

Человек двадцать воспитанников схвачены и, как говорят, препровождены в пересыльную тюрьму, а оттуда на железную, дорогу до Динабурга. Оттуда, одев их в казенные полушубки, их по этапу отправили на родину. И все это в несколько часов, без всякого разбирательства степени их вины. Но всего страннее, что третьего дня брали с воспитанников заведений подписки такого содержания (что, впрочем, особенно касалось университета): “Если университет будет закрыт, то я (имя рек) буду выслан с жандармами из Петербурга”. Слово в слово так.

Между человеком и писателем бывает иногда огромная разница.

11 ноября 1874 года, понедельник.

Слухи о смене министра народного просвещения более и более распространяются. Уже и назначают на место графа Толстого Исакова, начальника военно-учебных заведений. Говорят о какой-то записке, поданной государю Потаповым о всеобщем неудовольствии, возбужденном греческою системой министра. В записке упоминается о многих молодых людях, которые по самым ничтожным причинам не получили так называемого аттестата зрелости и которые будто бы по этому поводу оказались в числе арестованных как заговорщики. Нынешним министром так недовольны и недовольных так много, что этим слухам охотно верят.

17 ноября 1874 года, воскресенье

Все слухи о графе Толстом, как и следовало ожидать, оказались чистым вздором. Он тверже сидит на своем месте, чем когда-либо.

19 ноября 1874 года, вторник

Заезжал к Перевощикову. Бедный старик совсем ослеп. Но он с непоколебимым мужеством несет бремя своих 84 лет и своей слепоты. Он сохраняет полную ясность и свежесть ума и памяти. Я нашел его спокойно сидящим в кресле, и ему читали газеты. Он расспрашивал меня о современных событиях, слушал с участием о том, что случилось у нас в последние дни, и делал свои замечания, полные здравых мыслей и обычного, ему свойственного, юмора. Иногда только вырывались жалобы, что он уже слишком долго живет и что такой развалине, как он, пора бы совсем на покой.

Большая часть писателей ищет *занимать* публику, и если они этого в известной мере достигают, то готовы уже счесть себя великими, бессмертными. А между тем единое нужно на потребу; все должно бы состоять в результате, который формулируется так: *насколько они содействовали просвещению общества и облагорожению и возвышению его нравов?*

3 декабря 1874 года, вторник

В 8 часов вечера поехал в заседание комиссии об устройстве государственной типографии. Комиссия эта, как и большая часть наших правительственных комиссий, сыграла комическую роль. Просуществовав почти четыре года, она кончила ничем, то есть оставила казенные типографии в том же виде, как они были доселе.

Сегодня пришли мы к главному и ожидаемому результату — к закрытию комиссии.

4 декабря 1874 года, среда

Общественность наша представляет странное зрелище. Когда два человека

сойдутся для беседы, они оказываются если не настоящими друзьями, то хорошими знакомыми и мирно беседуют. Приходит третий человек, и уже согласие расстраивается, начинаются осторожности, неискренности и, наконец, даже пререкания. Являются еще три-четыре человека — и вы видите перед собою врагов, друг на друга свирепо или искоса посматривающих, и мало-помалу водворяется полный разлад. Каждый, наконец, уходит с мыслью о других, что тот подлец, а этот дурак и проч.

Россия похожа на мальчика, который рос в скверенейшей школе истории, где его били не на живот, а на смерть. Потом он очутился в другой, менее тяжелой школе, где его начали меньше бить. Вот он зашалился — теперь к нему приставляют для исправления гувернеров в лице администрации. Но беда в том, что сами гувернеры большею частью люди прескверные, и толку выходит мало. Мальчик растет лжецом, мотом, и трудно полагать, чтобы из него вышло что-нибудь хорошее.

Величайшая насущная надобность для нас состоит в нравственности. Но где ее взять? В религии? Но к ней чувствуется всеобщее охлаждение, да она и заключается в одной обрядности и ничего не дает сердцу. В литературе и науке. Но они проповедуют или пошлый реализм, или надутое педантство и отвращение к идеалу. В греческом языке, в классицизме? К этому привлекают людей насилием. Будет ли из этого прок?

Гарибальди как гражданин, Тьер как человек государственный и патриот — вот два великие характера нашего времени. И однако же ни тот, ни другой не управляют своим отечеством, а такие люди, как Мак-Магон, Серано. Один битый генерал, другой подлец.

А Бисмарк? О, это личность другого рода. Он заставляет себя бояться и пресмыкаться перед собою. Он высится над людьми потому, что питает к людям глубокое презрение. Презрение к судьбам людей — это понятно. Понятно и презрение к поступкам их. Но презрение к ним самим само заслуживает презрения.

13 декабря 1874 года, пятница

Всякий имеет право любить и ненавидеть по-своему. Но выражать это — другое дело.

24 декабря 1874 года, вторник

В “Голосе” опять начали появляться хорошие передовые статьи. Отчего же было это восхваление Бисмарка и пруссаков?

Известные люди никогда не прощают тех, которые имели случай увидеть их ничтожество на деле.

1875

1 января 1875 года, среда

Все ложь, все ложь, все ложь в любезном моем отечестве. У нас есть хорошая восточная православная религия. Но в массе народа господствует грубое суеверие; в высших классах или полный индифферентизм, или неверие под маскою новых идей или научного высокомерия. У нас есть законы; но кто их исполняет из тех, кому выгодно неисполнение их, или кто поставлен блюсти за их исполнением? У нас есть наука; но кого она серьезно занимает и кого она настолько возвышает нравственно, чтобы он не был готов пожертвовать ею для так называемых существенных, материальных целей? В последнее время у нас появились учреждения с либеральною закваскою; но им предоставлено свободы настолько, насколько угодно это произволу какого-нибудь высшего чиновника, который готов доказать, как дважды два четыре, что в этих учреждениях скрывается великое зло для государства и что нужно их так обставить и ограничить, чтобы они сохранили свое имя, но не могли бы делать того, что скрывается под этим именем. У нас множество разных промышленных обществ, ассоциаций, которые обогащают пять или шесть человек, поставленных в их главе, и разоряют тысячи людей. Да можно ли перечесть все противоречия у нас наружного с внутренним? В одном нет лжи — что мы составляем государство сильное, способное сделать отпор какому угодно внешнему врагу, который бы дерзнул на нас напасть.

Но есть еще одно, в чем мы не лжем: это состояние наших нравов. Тут мы не обещаем ничего, а прямо заявляем, что у нас нет общественного духа ни на йоту, тут открыто и нелицемерно мы воруем, пьянствуем, мошенничаем взапуски друг перед другом.

12 января 1875 года, воскресенье

Вот уже неделя, как у нас страшные холода — морозы от 20 до 22 и 23R. В комнатах 9 и даже 8R тепла, несмотря на усиленную топку.

Валуевская комиссия, между прочим, постановила производить выпускные экзамены в университетах лицами, назначенными министром в видах контроля над преподаванием профессоров. Положено также, сколь возможно, затруднять доступ в университеты юношам не привилегированного, не дворянского сословия и небогатым. Профессора будут назначаемы не советом университетов, а начальством, и прочее в этом же роде.

15 января 1875 года, среда

Из всех человеческих склонностей самая глупая — это привязанность к жизни. Все знают, какое она ничтожество, как она скоротечна, как блага ее неверны, а бедствия постоянны и неизбежны, как самая высшая доблесть, возлагаемая на нас мудростью, состоит в презрении ее—а между тем каждый из всех сил бьется, чтобы продлить эту мимолетную, превратную и неверную жизнь, и готов на всевозможные страдания, лишь бы сохранить беднейший, печальнейший ее остаток.

17 января 1875 года, пятница

Прибыли сюда члены из разных губерний от дворянства, земства и городов для совещаний о законах относительно рабочих и наемников — законов, конечно, чрезвычайно важных для внутреннего порядка государства. Председателем этой комиссии, как известно. Валуев. Что-то она сделает? Наверное, можно сказать, ничего. Все пойдет к концу, как угодно творцу. А творец этот — администрация, а во главе ее Валуев. Разве в первый раз у нас является призрак чего-то легального и общенародного с физиономией представительства и выборного принципа? И всегда этот призрак манил к себе легковерных и затем улетал в бесконечные воздушные пространства, и все оставалось по-прежнему.

Так без сомнения будет и теперь. Под влиянием духа времени, может быть, и позволят собравшимся людям высказаться, как они думают, а затем наложат печать хранения на их уста и скажут им не без любезности: “Милые люди! Уходите туда, откуда пришли, а мы вот надумаем и наделаем все, что нам угодно, сами”. Да и что такое наше общество, поклоняющееся подобным призракам? Разве в нем существуют основы какой-нибудь самостоятельности, какого-нибудь практического осуществления его нужд и стремлений? Иногда выпрыгивают из красноречивых уст слова, указывающие на дело; но эти слова исчезают в воздухе, и произнесшие их сами бывают довольны тем, что их сказали, а потом принимаются за обычное жеванье грубой и неудобоваримой пищи, которую кладут им в рот предания и собственная их пошлая, хилая натура.

18 января 1875 года, суббота

Лицо цивилизованного, благовоспитанного человека никогда не выражает того, что происходит в его душе. В этом состоит настоящая благовоспитанность. Надобно, чтобы оно улыбалось и обнаруживало полнейшее ко всем благорасположение, которого в сущности нет и тени. Да никто этого не требует, все довольствуются тем, чтобы казаться, а не быть.

20 января 1875 года, понедельник

Мужик русский — почти совершенный дикарь. Он груб, невежествен, лишен понятия о праве и законе, религия у него состоит в кивании головою и отмахивании направо и налево руками; он пьяница и вор, но он не в пример лучше так

называемого образованного, интеллигентного русского человека. Мужик искренен, он не старается казаться тем, что он не есть; он не лжет ни на себя, ни на других, ни на вещи. Но человек образованного круга фальшив с головы до ног, он плут по убеждению, что “умный человек не может быть не плутом”, суетен, либерален на словах и низок, раболепен на деле, готов на всякие низости за чин или крестик, вор по вкусу к широкому житью. Но главное и хуже всего, что он лжец во всем, что ни думает, что ни говорит и что ни делает. Он учится легко и скоро, выучивается всему, чему угодно, усваивает себе всякую новую идею быстро; поэтому внешность его становится мягкою, благовидною, лоснящеюся. Он европеец, человек цивилизованный; но в действительности из всего этого выходит существо слабодушное, бесхарактерное.

21 января 1875 года, вторник

Если вся жизнь моя прошла в преследовании нравственных идеалов и если я для них мыслил, говорил, писал и действовал, сколько позволяли мои силы, то это касается меня одного и это ни для кого не важно. В этом нет никакой заслуги. Тем, что я есть, какой ни есть, я обязан самому себе, и мне, в свою очередь, никто ничем не обязан. Правда, были люди, которые много сделали мне хорошего, но их давно уже нет на свете. Только одна память их светится в моем сердце. Что я не был эгоистом, плутом, и проч. и кое-что делал для других — это ничего не значит: разве я мог быть не таким, вопреки моей природе?

Я когда-то любил славу, питал кое-какие честолюбивые замыслы — но это давно уже прошло. Теперь я люблю только свой идеал нравственного величия, побуждающий меня уважать человечество и глубоко сожалеть о людях.

Великое всегда было в моих идеях, но идеи эти, паря по бесконечному пространству, не останавливались долго на одном пункте, не могли сосредоточиться.

Всегда ставьте себя на некотором расстоянии с людьми, если хотите удержать надолго их благорасположение.

27 января 1875 года, понедельник

Хорошо иметь мягкое и доброе сердце, но то нехорошо, что, видя человека честного в беде, страдаешь сам почти столько же, сколько и он.

31 января 1875 года, пятница

Костомаров в своей статье, напечатанной в “Древней и новой России”, отзывается неблагосклонно о Петре Великом и старается доказать, что гораздо лучше было бы, если бы Россия постепенно выходила из своей вековой закоснелости, и что в ней были уж и прежде задатки просвещения и того умственного развития, которому стоило бы только помогать, ничего не насилуя, для того чтобы мы вошли в общую сферу человеческой истории. *Постепенно, задатки* — почтенный историк ужасно насилует здесь самые вещи и перестает быть

беспристрастным историком. Где сидят все эти задатки? В киевской науке?!

Костомаров многих из наших исторических знаменитостей лишил славы, которую приписывал им народ. Оставался нетронутым еще Петр; но вот он добрался и до него. И все это во имя науки, во имя исторической истины!

1 февраля 1875 года, суббота

Нет на свете животного опаснее и вреднее, как человек с умом без сердца. Правительство, желающее воспитать нравственно здоровое и честное поколение, должно быть само нравственно здоровым и честным.

2 февраля 1875 года, воскресенье

Каждый день происходят по нескольку самоубийств. На днях Ковалевский, сын бывшего министра, человек уже не молодой, застрелился, а другой, Порфирий Ламанский, распорол себе живот кинжалом. А там какая-то девочка, восьми лет, повесилась…

3 февраля 1875 года, понедельник

Был у меня разговор с одним умным и занимающим значительную должность лицом о том, что у нас в настоящее время нет настоящих государственных людей, а есть только чиновники высших разрядов. “Вы ошибаетесь — сказал мне мой собеседник, — я знаю по крайней мере одного умного и истинно государственного человека”. — “Кто же этот феникс?” — спросил я. “А вот Делянов”. — “Неужели? — возразил я не без крайнего удивления, потому что знаю хорошо Делянова. — Чем же он ознаменовал свою государственность, свой ум?” — “Тем, — отвечал мне мой собеседник, — что он ничего не делает”. Пожалуй, можно было бы с этим согласиться, если бы такое ничегонеделание было плодом какой-нибудь мысли, а не плодом решительной неспособности и лености, прикидывающихся чем-то без ничего.

Но во всяком случае, если главная задача министра состоит в ничегонеделании, то почему и швейцару его министерства не занять его места, тем более что он согласился бы нести это бремя государственного управления за несравненно меньшее жалование?

7 февраля 1875 года, пятница

Обед с несколькими из моих товарищей академиков в новом великолепном отеле “Европа”. Веселовский, Чебышев, Грот, Безобразов, Сомов и я.

Чего нам недостает? И в правительстве и в общественности *определенности* стремлений и вместе с тем и последовательности. Мы все чего-то ищем, чего-то хотим; но с точностью никак не можем сказать самим себе: *чего?* Правительство не хочет быть, по-видимому, ни ретроградным, ни деспотическим на манер прошлого

времени. Однако ему не хочется допустить и тех последствий, какие должны произойти из его же либеральных реформ. А общество? Оно мечется туда и сюда, желая как будто поддерживать дарованные ему льготы, а между тем его мучит жажда денег; и оно все вертится около материальных интересов. Молодое поколение рвется к радикальным переворотам, а между тем оно худо учится, ничему не верит и не признает нравственных принципов. Оно бессильно именно отсутствием нравственных идеалов и горячность молодой крови считает за нравственную силу. Из всего этого выходит что-то очень похожее на хаос.

Мы не лишены общей всем людям способности говорить, но мы не умеем разговаривать.

8 февраля 1875 года, суббота

На акте в университете. Отчет отменно дурно составлен и так же дурно прочитан. Ничего не сказано о внутренней жизни университета, и длиннейшее изложение будто бы ученых трудов профессоров — трудов, состоящих в разных статьях и статейках, раскиданных по разным газетам и журналам. Это голое исчисление имен и названий этих трудов, надоевших как нельзя более слушателям, и более ничего. Тут же о разных командировках профессоров. Все это бестактно, скучно и ничтожно. Так как за три дня до акта ходили слухи о приготовляющемся скандале, то есть намерении освистать профессора Григорьева, занявшего место Лонгинова, то из высокопоставленных лиц никого не было, не исключая самого министра. Скандал действительно начинался: раздалось несколько свистков после речи Григорьева, которую читал Срезневский. Но громадная масса студентов дружными рукоплесканиями совершенно подавила свистки, которые, однако, долетели до слуха публики. Студенческое благоразумие восторжествовало над немногими покушениями немногих шалунов-студентов. Я ушел тотчас после отчета.

9 февраля 1875 года, воскресенье

Большой вечер у М.И.Семевского. Праздновали пятилетие “Русской старины”. И.Ф.Горбунов занимал целый вечер своими мастерскими рассказами из народной и общественной жизни.

13 февраля 1875 года, четверг

Письмо к князю Вяземскому в Гомбург.

Я предвидел, что скандал, устроенный на университетском акте Григорьеву, будет скорее и лучше содействовать его назначению на место Лонгинова. Весы склонялись в пользу В.П.Мансурова, определение его было почти решено, как вдруг скандал, хотя и не вполне удавшийся, упал на сторону Григорьева — и перетянул.

17 февраля 1875 года, понедельник

Новый скандал. Министр народного просвещения поручил Б.М.Марковичу, как ближайшему к себе доверенному лицу, составить с Ф.П.Баймаковым контракт по аренде на “Петербургские ведомости”. Редактором министр назначил графа Е.А.Салиаса, а Маркович внес в контракт статью, по которой арендатор имеет право отказать редактору от газеты, когда найдет его неудобным для нее. За это взял с Баймакова отличную взятку. Министр утвердил контракт, не читавши… Когда дело вышло наружу, министр поехал к государю и нажаловался, что вот, дескать, его надули и проч. С Марковича тотчас сняли камергерство и выбросили его из Совета министра.

20 февраля 1875 года, четверг

С добродетелью обращаются как со светскою дамой: ее осыпают учтивостями и любезностями, в присутствии ее не употребляют скверных слов и проч. Но все очень хорошо понимают, что это только исполнение светского этикета, и никто не считает себя обязанным жертвовать ей существенными своими интересами и угождать ей серьезно.

23 февраля 1875 года, воскресенье

Познакомился с архиепископом Василием, бывшим в Витебске во время воссоединения униатов. Он рассказывал много любопытного из времени управления своего витебскою епархиею и об участии в восстании униатов, об обращении своем с католиками. Системою его было вообще кроткое христианское обращение со всеми. Самые католики его любили. Я застал его у Чистовича, Иллариона Алексеевича, к которому заезжал отдать визит.

За что “Голосу” воспрещена розничная продажа, — покрыто мраком неизвестности. Вечером мы с Любощинским заезжали к Краевскому, но не застали его дома.

24 февраля 1875 года, понедельник

Розничная продажа “Голоса” воспрещена за фельетонную статью в N 47. По духу нашей цензурной администрации она, конечно, должна была вызвать ее неудовольствие. В статье довольно резко говорится о том, что у нас невозможно рассуждать о действиях нашей администрации.

Весьма важное дело — найти способ сказать правду тому, кто требует ее от вас, не оскорбляя его.

2 марта 1875 года, воскресенье

Нынешняя зима будет памятна. Она отличалась редким в Петербурге постоянством и умеренностью; но в то же время в ней сильно свирепствовала эпидемия тифозных и возвратных горячек. Больных было больше 15 тысяч,

умерших великое множество. Разумеется, как всегда, доставалось больше всего низшим классам населения.

5 марта 1875 года, среда

Милое, умное письмо от князя П.А.Вяземского из Гомбурга.

8 марта 1875 года, суббота

Над нами господствуют всевозможные произволы так, что из этого выходит какая-то анархия административная, нравственная и умственная, и, однако, нам живется не хуже, как жилось в предшествовавшее время, где всех оковывала одна деспотическая воля. Из этого я вывожу заключение, что можно жить и при известных принципах или вовсе без них.

9 марта 1875 года, воскресенье

Обычный годовой обед в Римско-католической академии. Нынешний раз студенты особенно выразили свою преданность мне, при питии тоста за меня, шумными и продолжительными криками и дружным “многая лета” на латинском языке.

10 марта 1875 года, понедельник

Продолжается серьезная, глубокая зима. Холодно, снежно, отличная санная дорога.

16 марта 1875 года, воскресенье

Содействие общественному благу! Но ведь только одни сумасшедшие или Дон-Кихоты могут мечтать об этом, не имея в наличности никаких для того сил — ни политических, ни общественных, ни нравственных.

В свое время и я донкихотствовал и истратил на это довольно-таки из отпущенного мне природою запаса способностей. Мне, видите, хотелось пробуждать в людях уважение к человеческому достоинству, к нравственным идеалам! Но только особенному счастью обязан я тем, что мне прямо не наплевали в глаза те, на которых я хотел действовать таким образом, хотя стороною, вероятно, втихомолку и величали меня ослом. На базаре житейской суеты требуются и оплачиваются только вещи ценные. А какую цену могут иметь мысли о человеческом достоинстве, нравственные или эстетические идеалы и тому подобный мыслительный вздор?

Но в сущности я всегда был слишком недоверчив к самому себе, чтобы считать себя деятелем, как теперь в моде называть всякого фельетониста или кропателя стихов и повестей, хотя в молодости моей я не был чужд честолюбия.

Вообще же надобно правду сказать: я ничего не умел сделать из довольно порядочного капитала способностей, отпущенных мне природою.

22 марта 1875 года, суббота

Если общество потребует от тебя для своего удовольствия, чтобы ты на значительном расстоянии попадал горошиной в крошечное отверстие стены, считал, сколько будет капель в ковше с водою, — ты должен все это делать, если хочешь, чтобы оно считало тебя своим членом, на что-нибудь годным. Делать что-нибудь не по заказу — значит все равно, что вколачивать гвозди в воздух. Только то хорошо, что требуется по времени.

23 марта 1875 года, воскресенье

Сегодня обедал у дяди Марка. Тут обедали также Зарудный и Брун, оба сенаторы, а второй, сверх того, товарищ управляющего II отделением собственной канцелярии. Много наслышался толков, рассуждений и споров о разных предметах законодательства и управления. Это триумвират лучших знатоков и деятелей по этой части. Все они участвовали в важнейших реформах по устройству судов и судопроизводства, а Любощинский, кроме того, в деле освобождения .крестьян. Люди умные, даровитые, просвещенные и благородные. Они не были первостепенными государственными сановниками, а между тем вынесли на плечах своих все важнейшие новые уставы и порядки. Им много Россия обязана. Что перед ними значат все эти Тимашевы, Палены и проч. Все они с университетским образованием. Брун и Любощинский получили его в Петербурге и были студентами моего времени, о чем они с благодарностью вспоминают и теперь. Зарудный кончил курс в Харьковском университете. Брун справедливо заметил, что университет не мог передать им всего, что нужно знать в науке и практической жизни. Но он возбудил в них идеи и стремления ко всему прекрасному и высокому и дал им начала к умственному дальнейшему развитию и усовершенствованию.

Честные, умные, просвещенные люди, здания новых, лучших законных порядков вы строите на песке. Вашим зданиям недостает фундамента, подстилки народных нравов, которые вырабатываются только историей. Под основы того, что вы строите, уже усердно подкапываются и многое искажают, многое стараются обрушить, — наверное, обрушат. Вы выбьетесь из сил, интрига, царедворство и прочее вас преодолеют. Но следует ли из этого, что вы должны усесться и сидеть на ваших местах сложа руки? Боже сохрани! И вы и все немногие, верные истине и великому долгу во имя человечества, должны действовать и трудиться до конца. Мораль всего этого; мы вносим в жизнь общества и народа принципы, которые одни преобразуют нравы и общество, если они способны преобразоваться, а с ними и все прочее.

Любимов вместе с Катковым и Леонтьевым хотят связать разум, науку и университеты наши узами административных порядков и распоряжений, как будто эти порядки и распоряжения составляют высшую задачу умственного движения и ручательство за его благонадежность — и как будто это возможно.

Вместо того чтобы самому разуму и науке предоставлять исправление их ошибок и недостатков, они хотят возложить это на канцелярию. В их глазах чиновник выше разума и науки, а канцелярская бумага за каким-либо номером выше всякого творения ума человеческого.

30 марта 1875 года, воскресенье

Люди без принципов похожи на угорелых, которые мечутся то туда, то сюда, где только лежит или подозревается какая-нибудь выгода.

Очень умную вещь сказал один умный человек: “Тот не заслуживает свободы, кто не умеет уживаться с некоторыми ее неудобствами”.

Общество наше и нравы до того испорчены, что никто не верит, если скажут о ком-нибудь, особенно из административных лиц: “Он честный человек”.

Всеобщие толки об опасности, грозящей нашей судебной части, едва успевшей явиться на свет: о подрыве ее неусыпно хлопочет министр юстиции, граф Пален. Он хочет опрокинуть суд присяжных, гласность и несменяемость, судей, к чему и делает уже некоторые приступы. “Это все теория”, — говорит он ломаным русским языком.

2 апреля 1875 года, среда

В окружном суде производилось и решено дело некоей Седковой, которая судилась за составление фальшивого духовного завещания от имени умершего своего мужа. С ней судилась целая толпа негодяев за участие в этом деле и разные другие подлоги. Между ними первое место занимал некий Лисенков, нотариус. Седкова хорошенькая молодая женщина, умная, образованная. Она очень свободно объяснила все дело, признаваясь, что, фальшивое завещание составлено ею, с участием таких и таких лиц. Присяжные оправдали ее, что всех крайне удивило. Осужден Лисенков и еще человека два, и то со смягчающими обстоятельствами. Враги присяжных и новых судов этому очень радуются.

А тут другое скверное дело в ходу — о поджоге мукомольной мельницы Овсянниковым, который содержал ее на аренде у Кокорева. Улик против него много. Он содержится под арестом. Это владелец десятка миллионов и, как говорят, грубый, необразованный человек.

Подделка бумаг, подлоги всякого рода, кражи казенных и общественных денег, огромнейшие плутовства по железным дорогам, которыми приобретаются из ничего громадные капиталы, — все это сделалось самыми обыкновенными явлениями наших дней. А между тем эти капиталы только и пользуются уважением общества, почетом, и владельцы их занимают высокие места.

Мир сотворен всемогуществом божественным, но существует и управляется компромиссами. Вот почему нужна сдержанность разных сторон, действующих в мире, — соглашение. Нужно знать пределы, на которых мы должны останавливаться. Многим недостает характера, чтобы сдерживаться, ни ума, чтобы

видеть ясно пределы, далее которых простираться не следует.

3 апреля 1875 года, четверг

Нет сомнения, что между правительственными лицами есть люди добросовестные, но, к сожалению, ограниченные. Эти добросовестные люди все силы своего невеликого ума напрягают на одно — на поддержание того порядка вещей, в который они введены и в котором им самим жить недурно. Между тем жизнь общественная проходит разные фазисы, развивается, одно состояние вещей меняется на другое, родятся новые потребности, высшего свойства и очень сложные, — вот тут-то и оказывается вся несостоятельность этих правительственных лиц, лишенных способности понимать все это, анализировать вещи и события, вести дела по высшим соображениям к решению тех задач, которых прежде вовсе не было в виду, но которые теперь упорно требуют решения. Тут они держатся за прежние обычаи, правила и формы, становятся противниками всего нового, всего лучшего. “Это все теории”, — говорят они вместе с нашим министром юстиции, графом Паленом, который все нынешние улучшения по судебной части считает теориями.

8 апреля 1875 года, вторник

Земля усеяна белыми розами, то есть снегом, в ознаменование весны. Все это время погода была гнусная; иногда светило солнце, но так же лгало, как русская образованность, то есть от него не исходило ни капли теплоты. Холодно, холодно и холодно!

Вот это апрельское солнце, вместе с холодом и гнусным ветром, похоже на некоторых властителей, сияющих блеском и величием с высокого трона, но очень дурно правящих своими народами, которые отдают в жертву бесстыдным и неспособным чиновникам.

У нас мало уважения к возвышенным личностям, которые не занимали значительных мест в адрес-календаре. Поэтому надо всячески стараться восстановлять эти личности, хотя бы они и не успели или не могли ознаменовать себя громкими делами в тех кругах, где обыкновенно у нас ищут этих дел. Иначе земля русская будет казаться пустынею. Пусть же в ней кое-где, как бы случайно, мелькают оазисы умственного и нравственного цвета — оазисы, которые надо тщательно оберегать от морозов общественного равнодушия.

10 апреля 1875 года, четверг

Может ли в России выработаться прочный политический и гражданский порядок вещей? Это зависит от рабочих сил ее. Их две — администрация и народ с его нравами и общественным духом. Администрация, развращенная и бездарная, народ, лишенный общественного духа: как они могут работать над делом, требующим от людей великих сил и великих идей?

13 апреля 1875 года. Светлое Христово воскресение

В самом деле светлое: солнце так и заливает светом, но тепла все еще немного, хотя, кажется, несколько теплее предыдущих дней.

У графини Блудовой просидел довольно долго. Явился Стремоухов, и речь зашла о славянах — о нынешнем состоянии сербов, о князе Милане, которого Стремоухов называет негодяем. Стремоухов говорил много о славянах вообще, и нельзя сказать, чтобы очень любовно к ним относился. Находясь долгое время в сношениях с разными славянами по служебным обстоятельствам, он, наконец, решительно убедился в совершенном их разъединении, в неспособности достигнуть каких-нибудь общеполезных целей.

Я тут же познакомился с сыном моего старого друга, М.В.Юзефовича.

14 апреля 1875 года, понедельник.

Дружеские отношения, слагающиеся наскоро при первых благоприятных впечатлениях с обоих сторон, никогда не бывают прочны, хотя, по-видимому, они искренни и чужды всяких своекорыстных видов. Они похожи на веселое расположение духа, вызванное несколькими бокалами шампанского, которое исчезает, как скоро проходит хмель. Обыкновенно, после дружеских излияний наступает скорая реакция, и это без малейшего повода с чьей бы то ни было стороны. Видно по всему, что сердечные связи между людьми скрепляются единственно взаимными интересами, чувство же здесь играет роль сверкнувшей молнии, которая блеснет только для того, чтобы осветить бездну человеческого эгоизма.

У нас есть чиновники, даже сановники, есть царедворцы, но нет государственных людей.

19 апреля 1875 года, суббота

В начале нынешнего месяца в “Вестнике Европы” появилась статья профессора Вагнера, которая возбудила большое недоумение во многих. Он рассказывает странные вещи о вертящихся столах, которых был сам свидетелем. Известные слова Шекспира в “Гамлете”: *есть многое, друг Горацио, в природе* и проч. переходят из уст в уста. Вагнер уже второй серьезный ученый, который придает спиритизму особенное какое-то значение. Первый — наш академик Бутлеров, который уже вполне в него уверовал. Оба естественники. От них менее всего, кажется, можно бы ожидать веры в сверхъестественное.

Делянов сделался врагом университетов, хотя сам учился в Московском университете. Известно, что он не пользуется уважением в обществе и между людьми лучшей категории, как человек бесхарактерный и без всяких убеждений. Вероятно, он мстит университетам за то, что они не могли сделать из него человека, которого бы можно было уважать не за чин его и богатство. Да разве они могли это

сделать? Странная вещь! У людей, обладающих благами мира сего, иногда является претензия на личное значение в обществе, и когда они его не получают, то уже готовы учинить всякую пакость и мерзость только для того, чтобы как-нибудь да их заметили.

21 апреля 1875 года, понедельник

Прошла Нева [т.е. лед на ней]. Два дня уже как немного потеплело, и солнце светит великолепно. Впрочем, вообще на солнце жаловаться нельзя: оно светит часто и блистательно, только мало греет.

Залгалася, заворовалася, запилася, голубушка! [строчка из сочиненной в то время “Федорушки” А.К.Толстого]

22 апреля 1875 года, вторник

Единственный оплот против внутренних колебаний и разных страхов, против всяких мелочей и дрязг ежедневных — это *внутренняя свобода.*

Важная перемена в одеянии: совлек с ног зимние калоши и облек их в летние; шляпа на место зимней шапки. Но шуба еще не отменена. Тепла градусов пять. Вещи эти не так ничтожны, как кажутся, для человека, не желающего подвергнуться скверным последствиям того, что посылается на нас здешнею природою.

Изображайте людей какими угодно темными красками, если они стоят их, — и без сомнения большая часть их стоит, — но щадите принципы. Выдвигайте их и выставляйте на вид: от этого, положим, не будет больше хороших людей, но хорошие люди, какие еще есть по крайней мере, авось не захотят сделаться дурными.

Назначена комиссия для пересмотра университетских уставов, то есть для сколь возможно большего их стеснения и уничтожения свободы университетской или высшей науки. Комиссия эта составлена из врагов университетов.

Князь Д.А.Оболенский, рассматривавший в Государственном совете, вместе с другими членами, отчет министра народного просвещения за прошедший год, представил целую записку о зловредности управления графа Толстого, где, между прочим, выразил такую мысль, что этот государственный человек, лишенный всякой самостоятельности ума и характера, служит только орудием известной партии во вред России. Вообще записка не отличается благоразумием. Государю, говорят, она очень не понравилась, и это увеличивает только торжество графа Толстого.

24 апреля 1875 года, четверг

Мы сами не знаем, куда идем. Мы беспрестанно колеблемся между желанием удержаться в прежней позиции самовластия и произвола и между необходимостью делать некоторые уступки духу времени и требованиям европейской образованности, которую, конечно, мы внутренне проклинаем как виновницу и

оплот всех либеральных тенденций, но которой не можем не признавать уже по одному тому, что многое из нее заимствуем для собственных практических и житейский целей. Мы в какой-то лихорадке, беспрестанно противопоставляем одну меру другой. Не успеешь оглянуться, как мы сегодня уже не там, где были вчера. Еще на каком-нибудь постановлении не высохли и чернила, как на смену ему уже готово другое, разрушающее или подрывающее то, что узаконивалось в первом. Теперь завелись какие-то спасители отечества, усматривающие революцию во всех новых реформах и стремлениях охранить Россию от всех зол, в ней скрывающихся. Они толкают правительство беспрестанно в реакцию и мутят умы, не знающие, что им думать обо всем, что предпринимается и творится вокруг них, и не знают, что им делать.

Вечер провел у соакадемика моего, В.П.Безобразова, месте с Градовским. Разговор преимущественно вращался около комиссии для пересмотра университетских уставов и печальных предзнаменований для науки.

Князь А.М.Горчаков недавно сказал следующее: “Россия похожа теперь на невесту, за которою ухаживают разные женихи. Я забочусь только об одном — чтобы она никому не отдавала своей руки”.

Сжалилась, наконец, над нами природа; настали чудесные дни — светло и тепло.

26 апреля 1875 года, суббота

А сегодня и отлично светло и тепло. Между тем меня мучит несноснейший кашель: он продолжается уже недели две, но сегодняшнюю ночь, особенно утром, он достиг такой силы, что приходится посоветоваться с доктором.

Иные, ничего не делая, прикидываются, что они остаются в этом бездействии вследствие глубокомыслия, тогда как это просто происходит от недостатка ума, знания и от малодушия. Гораздо легче предпринять важное дело, чем его исполнить.

27 апреля 1875 года, воскресенье

С понятием о Боге мы соединяем атрибуты всего высочайшего, совершеннейшего. Мы приписываем ему высочайший и совершеннейший разум, совершеннейшую доброту, милосердие и проч., и качества эти представляем себе в своем человеческом виде. Но наше представление этих качеств соответствует ли его существу? Сообразно ли с этим милосердием, например, зло и бесчисленные страдания, на которые обречен человек? Не должны ли мы признать, что его милосердие совсем другого свойства, чем наши понятия о нем? Его всемогущество, казалось бы, должно было предотвратить то или другое ради его же милосердия; не следует ли допустить, что милосердие, как мы его понимаем, не согласуется с его *существом*, что оно совсем другого свойства, чем наше? Оставим все толки и сомнения и преклонимся с благоговением перед непостижимостью его существа. Вот все, что мы можем сделать разумно.

Правда состоит не в одном изображении дурного, но и в изображении противоположного ему, а если бы общество было совершенно лишено этого последнего, то не стоило бы ни о чем и говорить.

Во всякой ложной системе или учении между кучами всякого сору и лжи всегда есть зерна правды. И вот откуда проистекают все нелепости, которыми подобная система и учение наводняют мир.

Каковы бы ни были жизнь и судьба общества, но то верно, что не ради удовольствия нашего они бывают такие, а не другие. Потому и литература, их изображающая, хорошо делает, не думая, что мрачными своими картинами она огорчит чувствительные сердца. Дело не в удовлетворении нашим эгоистическим пожеланиям, а в правде. Но самая эта правда не допускает односторонности, и так как в жизни человеческой все перемешано — добро и зло, добродетель и порок, — то мы изобличили бы себя во лжи, если бы собирали в один фокус все позорящие человечество обстоятельства, упуская из виду хоть немногие, но существующие черты добра.

Не быв одарен слишком могучими силами духа, он [Александр II] свалил с России камень, которого десять силачей не могли бы поднять.

На пути общего умственного и нравственного движения есть разные степени. Почему не постараться взойти на ту из них, откуда открывается обширный горизонт жизни и вещи, казавшиеся такими важными и крупными, являются совершенно мелкими и ничтожными до того, что они становятся не стоящими уже ни наших привязанностей, ни не-навистей.

Университеты хотят подчинить такой регламентации, чтобы университетского у них было только название.

1 мая 1875 года, четверг

Третий день уже мы вкушаем прелести как бы весеннего тепла. Екатерингофское обычное гулянье сделалось, однако, невозможным: дождь, но хороший, теплый.

2 мая 1875 года, пятница

Недели три уже, как меня угнетает несносный кашель. Освобождение будет не добром, а злом, и великим злом, при таком повороте назад во всем. Лучше было бы не начинать, чем продолжать так.

4 мая 1875 года, воскресенье

Ропот и неудовольствие сильно распространяются. Разумеется, тут нет недостатка в подстрекательствах со стороны внутренней и внешней. Правительство очень озабочено этим. Беспрестанно забирают то тех, то других, здесь и в провинциях. Между тем власть употребляет все меры, чтобы вооружить против себя

и сделать своими врагами людей мыслящих, которые во всяком случае могли бы .быть надежною ее опорою. Вот хоть бы способ проведения классического обучения в школах и нападения на университеты.

Несчастие общества в том, что в нем господствует повальная страсть к материальным интересам и наслаждениям, что в нем не существует никаких идеалов нравственных, что вконец подорваны религиозные верования и принципы. Думают классицизмом воспитать лучшее поколение, как будто в этом классицизме заключаются те идеалы, верования и принципы. Какое заблуждение!

По системе графа Толстого думают исключить людей неимущих из круга высшего образования, как будто одни имущие обладают необходимыми способностями для правильного умственного труда и для всех добродетелей, служащих опорою общества. А что же будут делать те исключенные неимущие, лишенные права на высшее образование? Вот из них-то и составится самый опасный пролетариат — пролетариат умственный, и как он по своему положению ближе к народу, нежели имущие и аристократы, то — страждущий, недовольный, как бы отверженный — как он будет действовать на этот народ?

О разных затруднениях, противопоставляемых разумным требованиям, часто говорят: “Что вы беспокоитесь? Все перемелется, будет мука”. Хорошо, если мука, а не пыль, из которой никакого хлеба нельзя испечь.

Надобно лишиться того, что мы любим, чтобы восчувствовать всю его цену.

5 мая 1875 года, понедельник

В делах нравственных и житейских не должно предъявлять другому правил, которых сам не в состоянии исполнить.

8 мая 1875 года, четверг

Хлопоты собирания на дачу, а между тем переехать нельзя, — все холода, хотя солнце светит ярко. Но лучше бы оно менее светило, да более грело.

Многое есть в природе, что и не снилось нашим мудрецам, а много есть такого, что они одни только и видят — во сне.

17 мая 1875 года, суббота

Переезд на дачу в Павловск, на углу Правленской улицы и Бульварной, дом Седерберга, вместе с дядею Марком. Мои уже там, я остался еще здесь до вторника.

Кончил речь для пятидесятилетнего юбилея В.Я.Буняковского, которую Академия поручила мне произнести. Это будет в следующий понедельник, 19 мая. Беда писать эти речи: в них нужно соблюдать особенные тонкости, приличия и проч. Но Буняковский стоит труда, особенно по своему характеру.

Задуман мир превосходно, но исполняется как нельзя хуже.

19 мая 1875 года, понедельник

Юбилей академику и вице-президенту В.Я.Буняковскому в честь пятидесятилетия с того времени, как он получил степень доктора. Торжество было велико. Адресам от разных учебных мест, университетов, речам и всяким другим изъявлениям не было конца. Государь прислал Александровскую ленту и велел производить Буняковскому прибавку к полученной им прежде аренде в 1500 рублей. Выбита медаль в честь его, установлена премия за лучшее сочинение по части математики. Что Буняковскнй действительно почтенный, прекрасный человек и замечательный ученый — это совершенно справедливо, и, следовательно, справедливо и воздать ему подобающий почет. Но у нас ни в чем нет ни чувства правды, ни чувства меры. Все становится какою-то фальшью оттого, что преувеличивается нет померно. Бедный Буняковский не знал, куда деться от добродетелей и всех похвальных и высоких качеств, которыми его венчали. Ему оставалась только одна еще добродетель — снести свое величие. Моя речь была всех сдержаннее, хотя, конечно, выставляла на вид все, чем он заслуживает уважение и любовь. Она произвела благоприятное впечатление, и меня удостоили похвал за нее.

Да тут же, кстати, или, вернее, некстати, многие заговорили и о моем юбилее. Противлюсь этому сколько возможно, в глубоком убеждении, что мне вовсе не подобают подобные овации. По этому поводу у меня сложилась сказочка. Один добрый человек, приехавший откуда-то издали, вздумал, между прочим, осмотреть здесь сады, парки и огороды. “Вот, братцы, — сказал он занимающимся этими делами, — я видел, как усердно вы работаете над капустою, картофелем, репою, огурцами и другими такими же полезными вещами: они выходят у вас прекрасные. Все это хорошо потому именно, что полезно. Но зачем у всех занимающихся этим родом культуры такая односторонность? Знаете ли вы, зачем я прибыл сюда? Я хочу развести здесь ананасы, померанцевые и лимонные деревья”. Слушавшие улыбнулись и ничего не отвечали. А между тем новый деятель купил землю, начал ее всячески взрывать, удобрять и насаждать свои прекрасные растения. Но вышло то, чему надлежало быть. Все его насаждения пропали от мороза и жестоких северо-восточных ветров. Земля оказалась также вовсе неспособною принять то, что ей навязывали. Труд и издержки пропали даром, и, конечно, жалкий предприниматель остался ни при чем.

Скажите же, друзья мои, следует ли ему воздвигать за его, впрочем, добрые намерения памятник? И сам он разве поверит, что заслужил его? Примените это прямо ко мне, и выйдет, что я совершенно прав, не соглашаясь на мой юбилей. Ведь я то же делал, что этот добрый, но нелепый садовник, проведя всю жизнь свою в насаждении в умах возвышенных нравственных идеалов, понятий о человеческом достоинстве там, где в них вовсе не видят надобности. Вместо картофеля и капусты я хотел разводить лимоны и померанцы.

Хорошо еще, что меня совсем не прогнали, а относились ко мне великодушно, давали мне хлеб, без сомнения видя во мне забавного ребенка.

Делянов более всех расточал мне любезностей и за мою речь и за биографию Муравьева, напечатанную в министерском журнале.

Обед был, как обыкновенно, шумный и со множеством спичей, которые, разумеется, под влиянием шампанского были еще великолепнее. Грот, впрочем, сказал очень милую вещь, выкопав где-то стихи, которые некогда писал Буняковский. Они и послужили ему темою для искусного оборота, что Виктор Яковлевич не был односторонним ученым.

20 мая 1875 года, вторник

Вот и я на даче. Она мне очень понравилась. Мой кабинет прелесть. Мои домашние приняли все меры к его выбору и устройству. Право, они меня балуют.

22 мая 1875 года, четверг

О жизнь, пучина недоумений, сомнений и тревог! Тщетно бедный ум силится понять тебя! Что ты такое для мириада мириадов существ? Что такое ты для человека, на долю которого выпали нескончаемые страдания и нестерпимая, жажда истины и внутреннего успокоения? Вера, вера и вера! Но как заглушить в себе голос сочувствия к этим бесконечным бедствиям, удручающим человечество, для которого один конец, одно утешение — смерть? А надежда будущей жизни? Да! Она тоже истекает из веры.

24 мая 1875 года, суббота

Кстати подвести теперь итог моего здоровья за весь год, от дачи до дачи. Во все это время оно было хорошо, кроме изредка посещавших меня головных болей, от которых я по вечерам избавлялся стаканами двумя крепкого чая. В последний месяц меня преследовал кашель, да раз, ни с того ни с сего, поднялись было колоти в груди. Толчки, вследствие выдуманной мною системы спанья, являлись реже. Зато глаза меня озабочивали.

25 мая 1875 года, воскресенье

Великолепная гроза, проливной дождь, теплота, деревья облеклись в радостные зеленые одежды, благоухание в воздухе. Настоящая весна.

Не отгоняй немногих светлых минут, когда они как-нибудь случайно забегут в твою душу, опасениями возможности грядущего зла или обычною мрачною мыслью о ничтожестве и непрочности всего радостного на земле. Пусть это будет хоть не более, как станциями на тернистом пути жизни. Надобно же иногда отдохнуть и переменить лошадей.

В сердце человеческом столько накопляется нечистот всякого рода, что никакой Ф.Ф.Трепов не в состоянии их очистить.

27 мая 1875 года, вторник

В городе, в заседании комитета правления Академии наук. Выручил у Веселовского мою речь (приветствие Буняковскому) и отдал Безобразову для напечатания в “Новом времени”. Этого желал и Виктор Яковлевич.

На свете дивные бывают приключения. Таковое случилось с “С.-П. ведомостями”. Вот уже несколько дней они не выходят так, сами по себе, а не по цензурному воспрещению. Забавнее всего, что вы получаете лист за заглавием: “С.-Петербургские ведомости, газета политическая и литературная”, а под ним красуются объявления о продажах, покупках и проч., и только. Что же это значит? Редактора не имеется: Салиас удалился в Москву, и остался один издатель Баймаков. Этот злополучный издатель шесть раз избирал и представлял редактора: ни одного из них не утверждали — то министр народного просвещения, то министр внутренних дел. Эти высокопоставленные господа, очевидно, забавляются недоумением публики и отчаянием издателя, быстрыми шагами идущего к разорению. А кто же виноват в этом? Конечно, сам Баймаков. Всякий человек, встретив на пути своем лужу, обходит ее, а этот прямо влез в нее. Да это и не лужа, а целое болото. Мудрено ли, что он завяз в нем по шею, карабкается и не может никак из него выбиться.

28 мая 1875 года, среда

Холодновато. Целую ночь шел дождь. А все-таки похоже на весну. Сирень готова совсем расцвести. Наш садик прелестен. Тут, между прочим, есть огромная яблоня с бесчисленным множеством ветвей. Она до того покрыта цветами, что листьев совсем не видно.

29 мая 1875 года, четверг

Можно ли иметь какое-нибудь доверие к науке, проповедуемой немецкими устами, после того как немецкие ученые Блюнчли, Гнейст, первоклассные знаменитости, стараются оправдать и возвести в принципы наглое покушение Пруссии напасть на Францию без малейшего со стороны последней повода? Франция, видите, занимается устройством своих военных сил, она хочет мстить Германии за недавно нанесенные ей поражения, а поэтому Германия должна ее предупредить и дотла разорить ее, чтобы она уже не имела ни войск и никаких средств к отмщению или к защите. Слыхана ли была когда-нибудь такая логика?

Тщетно Франция доказывает, что, заботясь о своих внутренних делах и возводя войско свое на степень, соответствующую великой державе, она вовсе и не помышляет о войне. Значит, ни одно государство в Европе не может заниматься своими внутренними делами, не спрося на то согласия г. Бисмарка. Ведь в таком смысле отнесся он и к Бельгии и к Италии. И вот ученые и высокомыслящие люди немецкие пустились научным образом доказывать справедливость такой разбойничьей политики. И война во Франции была бы неизбежна, и потоки крови

полились бы снова, и открытый грабеж германских рыцарей пронесся бы губительным ураганом по лучшей части Европы единственно потому, что так угодно Бисмарку. Могут ли далее простираться политическое высокомерие и алчность нации, которая так много толковала о прогрессе науки и цивилизации! Облагородила ли сколько-нибудь и очеловечила ли их наука? К счастью, на этот раз у России нашлось столько здравого смысла, что обожание Пруссии не помешало ей, как говорится, несколько окрыситься на ее замыслы, и Англия тоже вошла в свою роль великой державы и решительно подняла и свой голос против предпринимаемого разбоя в Европе.

У всякого найдется довольно способности, чтобы повредить полезному делу или начинанию; помочь ему — другое дело.

7 июня 1875 года, воскресенье

Дурно прощается с нами май. Последние его дни холодны и дождливы. Вот тем же приветствует нас и июнь.

Когда человек приближается к концу, он чувствует то же, что зритель в театре по окончании пьесы. Все, что казалось ему таким действительным на сцене жизни, что возбуждало его участие, представляется ему сущим вздором. Все это комедия, обман, выдумка, опасная игра. В заключение серьезною оказывается одна вещь, — опущение занавеси, смерть. Умирая, Август-император сказал окружающим его: “Друзья! Пьеса сыграна, — рукоплещите”. Тоже один знаменитый человек, кажется, Мориц Саксонский, перед смертью произнес: “Друзья! Какой прекрасный сон видел я!”

Речь моя напечатана в 129 номере “Нового времени”. Я отовсюду слышу о ней самые лестные отзывы.

5 июня 1875 года, четверг

Правительство в больших заботах: говорят, в губерниях найдено множество разных воззваний к народу революционного свойства. Беспрестанно забирают распространителей их. А между тем всеобщая деморализация растет все более и более во всех слоях общества. Если это правда, то положение наше очень печально. Что должна делать тут интеллигентная часть общества? Она должна дружно противодействовать этому разрушительному, разлагающему направлению. Правительство должно это понять и привлечь к союзу с собою эту лучшую часть общества. Вот почему, например, проект о лишении университетов их прав чрезвычайно несвоевременен.

Я имел длинный разговор с Деляновым. Он описывал мне подробно печальное состояние наших университетов, их полнейшую деморализацию, будто бы в сословии самих профессоров. Это-то, по его словам, вынуждает министерство ограничить автономию их. Но время ли к этому? Никак не следует принимать крутых мер.

Мы, книжные люди, думаем, что нужна истина, чтобы общества жили добропорядочно и благополучно по возможности. А вот Китай более 4000 лет живет ложно… Дело не в истине, а в убеждении и вере. Если вы верите во что-нибудь, что это истина, то верование ваше обеспечивает известный порядок вещей, — и это все, что нужно.

Природа в отношении к человеку — страшный деспот. Если она преследует тебя, — удирай от нее по возможности: настигнет — беда! Приспособляйся к ее велениям и законам, как умеешь.

11 июня 1875 года, среда

Одна из остроумнейших пословиц, выражающих здравый смысл народа, это “до Бога высоко, до царя далеко”.

Человек долго может следовать одному направлению вследствие какой-нибудь укоренившейся в нем идеи. Все другие стремления, не подходящие под нее, он заглушает в себе. И чем овладевшая им идея кажется ему возвышеннее, тем становится он недоступнее другим внушениям, хотя бы это были внушения сердца или разума. Она увлекает его все далее и далее, пока не натолкнет его на роковой кризис. И тут только обнаруживается, что он остается все-таки человеком с многосторонними требованиями его природы, они вступают в свои права.

15 июня 1875 года, воскресенье

Тревога: недалеко от нас в два часа ночи произошел пожар, возле так называемого Монмартра. Сгорели пять домов и лютеранская церковь. Я не спал до двух часов, но не слыхал ни малейших признаков начавшейся беды, также и мои домашние. Только поутру, в 8 часов, узнали о случившемся. Следовало бы, кажется, как-нибудь давать знать публике о пожаре; иначе могут люди сгореть у себя в постели. Прежде звонили в набат, но это почему-то отменено. В небольшом деревянном городке нужно спящих пробуждать, это не то, что в Петербурге. Да и там Трепов завел колокольчики у пожарных, когда они едут тушить пожар.

18 июня 1875 года, среда

В сегодняшнем 166 N “Голоса” напечатан циркуляр министра народного просвещения, чрезвычайно замечательный по его бестактности. Тут разом три ошибки: первая в том, что нельзя слегка и голословно говорить о таком важном обстоятельстве, как распространение у нас революционных идей и действие революционной пропаганды в 37 губерниях. Нужно, чтобы правительство сделало известным судебное расследование, которое производится по этому поводу. Говорят, что забрано более 500 человек, а мы, кроме слухов, конечно, более или менее преувеличенных, ничего о том не знаем. Если общество в опасности, то как же о том не знать обществу? Вторая ошибка: объявление войны между школою и семьей. В-третьих, не может же не знать министр народного просвещения, что враждебному

настроению общества против школ он сам много содействовал крайними и крутыми мерами в проведении учебной реформы. Наконец, тон всего циркуляра отличается каким-то презрением к обществу, которое, по мнению его автора, ничего не смыслит и вполне невежественно. Положим, что так; но разве можно просвещать его и руководить им такими мерами, какими хочет граф Толстой? Разве можно насилием просвещать умы и созидать убеждения? Так поступал Петр Великий, но то был Петр Великий. Да и не те условия были, среди которых действовал он. Не те задачи, не те цели, не то время.

21 июня 1875 года, суббота

Циркуляр фафа Толстого произвел всеобщее удивление и негодование.

Дело о Медицинской академии окончательно решено, Она остается за военным министром. Принято со всеобщим удовольствием.

Не надо изображать людей только с худой стороны: они сделаются еще хуже, чем есть.

26 июня 1875 года, четверг

Из всех человеческих пороков, им же несть числа, самые непонятные по их глупости: *скупость и высокомерие.*

1 июля 1875 года, вторник

Силою воли многое можно превозмочь, — даже страх смерти.

Способ, не обещающий желаемого успеха в деле, есть самый дурной способ. Это особенно важно в отношении к делам государственным.

Хорошо чье-то выражение относительно невозможности человеку познать первоначальную основу жизни: *поднять самого себя за пояс.*

Есть люди, которые сомневаются во всем, кроме того, что сами выдумают или скажут.

8 июля 1875 года, вторник

Действительно, отвратительная вещь — эта пропаганда наших революционеров. Они проповедуют уничтожение семейства, собственности, всех начал, на которых держатся общества человеческие. И разумеется, этим только достигают одного, — что восстановляют против себя и своих умствований всех людей, у которых есть сколько-нибудь здравого смысла. Говори они о злоупотреблениях нашей администрации, о ее произволе, воровствах и т.п., они имели бы на своей стороне порядочных людей, то есть, стремясь к возможному вместо невозможного, они могли бы пробудить в сознании общества и решимость на что-нибудь также возможное. А теперь своей коммунистической и

социалистической оппозицией они только вредят делу разумной свободы и разумного преуспеяния. Лучше администрация такая, какая есть, чем анархия.

Природа делает людей существами разумными, а дураками они делают сами себя.

10 июля 1875 года, четверг

Кризис есть меч обоюдоострый: он рассекает узлы, но часто и ранит тех, которые его вызывают, а чаще всего портит самые нити, из которых связался узел. Таковы всегда бывают преднамеренные кризисы.

Все-таки лучше, если правитель бывает окружен представителями народа, чем своим двором.

12 июля 1875 года, суббота

Решено, говорят, созвать нотаблей для принятия мер против наших революционеров и пропагандистов. Будет созвано по три депутата из дворян или выборных. Чего можно ожидать от этой меры? Если эти депутаты будут вполне проникнуты консервативным духом, то не захотят ли они закрепить опять крестьян, навязав им вотчинное, помещичье управление и полицейскую управу? И последнее будет горше первого. А вернее всего, может случиться то, что большею частью у нас случается: сойдутся, потолкуют и разойдутся, а вещи останутся так, как были. Говорят, что созвание депутатов от дворянства предложено Валуевым.

13 июля 1875 года, воскресенье

Известие о созвании депутатов от дворянства оказывается ложным. Ведено только по губерниям дворянам заняться изысканием мер против революционных пропагандистов. Вот наделают-то дела! А особенно когда они наставления и внушения будут получать от такого великого государственного человека как Тимашев.

18 июля 1875 года, пятница

Появился отчет о суде сената по делу лиц, распространявших революционные идеи между рабочими на фабриках в Петербурге и в гвардейском Московском полку. Все эти революционеры, то есть главные зачинщики, — молодые люди, студенты университета и Медицинской академии. Они проповедовали бунт против государства; уничтожение собственности, всякого правительства, то есть полного социализма и коммунизма. Не знаем, чему тут удивляться более — дерзости или нелепости. Однако все это не может не повлиять на серьезные идеи и их причины.

19 июля 1875 года, суббота

Правда состоит не только в том, чтобы не прибавлять к вещам того, чего в них нет, но и в том, чтобы не умалчивать о том, что в них есть.

25 июля 1875 года, пятница

Составлена записка о тех результатах, которые добыты исследованием революционной пропаганды. Почему-то она держится в секрете. Зло залегло, кажется, гораздо глубже, чем может показаться. Пропаганда организована систематически и разделяется на группы: их, главных, три, но они раскиданы по всему государству. То, что она проповедует, то есть ее основные коммунистические и социалистические догматы нелепы. Но дело не в этом, а в том, что вообще господствует сильное неудовольствие против существующего порядка вещей и это неудовольствие питается всякими идеями, обещающими противодействие этому порядку. Циркуляр министра народного просвещения сетует на то, что эти идеи находят себе поддержку в обществе и в семействах. Но притом забывают, что одною из главных причин этого неудовольствия послужила знаменитая реформа учебной…

[Фраза обрывается, так как в рукописи утрачена страница, содержащая записи последних чисел июня. Следующая страница начинается также с полуфразы: “…в Павловск ночью, в поезде половина 12-го, вместе с дождем”.]

Брошюра князя Васильчикова, — письмо к графу Толстому, министру народного просвещения, — тем хороша, что ничего нового в себе не содержит. Все, что в ней говорится, — думается и говорится всею Россией.

При самом начале пресловутой классической системы я утверждал, что она скоро лопнет вследствие своей внутренней несостоятельности и насилия, с которым она проводится вопреки здравому смыслу и общественному мнению. Сила самых вещей сломит это порождение индивидуальных мнений и произвола. Но то все-таки худо, что при этой сломке могут разлетаться осколки, которые, чего доброго, многих могут ранить и изувечить.

Смешно и глупо видеть один нигилизм в движении, распространившемся в 37-ми губерниях. Это — странное пробуждение народного духа, которое стремится к выходу из того безобразного состояния, которое господствует у нас в администрации. От исправников и становых приставов мы поднимаемся к лицам высокопоставленным и требуем от них общественных дел, а не их богатства и комфорта. Это весьма естественное явление в обществе, которое живет и хочет жить. Тут нет революции, а просто переход от глупого к более умному, от всей этой неправоты всякого рода к справедливости. Что касается до коммунизма и социализма, то это просто фигура преувеличения, гипербола, неизбежная при всякой неурядице.

6 августа 1875 года, среда

До сегодняшнего дня август был похож на июнь и июль. Были по временам дожди, и очень крупные, но за ними тотчас становилось светло и тепло. И сегодняшний день не дурен.

10 августа 1875 года, воскресенье

Древнеклассическая литература и язык действительно составляют нечто законченное. Но закончен ли дух человеческий с его стремлениями так, чтобы далее этих классических литератур ему никуда и не следовало бы идти? Вот о чем следовало бы подумать графу Толстому и его московским внушителям, когда они установились в мысли, что классицизм есть самое лучшее цивилизующее начало.

13 августа 1875 года, среда

Будь наша государственная администрация другая, то что могли бы сделать агитации наши и кто захотел бы одобрять их, хотя внутренне? Но беда в том, что она, то есть особенно высшая, вся состоит из искателей фортуны, людей продажных или ограниченных, которых все соображения сводятся к одному: “Что я этим выиграю по службе?” Они притворяются *лично преданными,* в сущности же они преданы единственно своим личным интересам. Самое большое зло, что к такой администрации никто не питает ни доверия, ни уважения.

Вот, например, министр юстиции сильно заботится тем или другим образом вытеснить из судебных институтов людей достойных, дабы ослабить эти институты и привести их в упадок, ибо они ему не нравятся. Личная преданность все извиняет и на все уполномочивает.

Россия не была государством до Петра Великого. Это было скопище людей без всяких связующих идей, без всякого понятия о праве и обязанностях, которое одно существенно отличает государство от толпы. Во главе стоял царь — не государь, а господин; подвластные ему люди были не подданные, а рабы. Явился беспримерный плотник, который из этого материала срубил топором государство.

16 августа 1875 года, суббота

Август, как говорится, ни то ни се: выпадают дни ясные, иногда дождь-ливняк, вообще довольно холодно, особенно по вечерам.

“Это все теория”, — сказал один практический господин своему приятелю, рассуждавшему с ним о важных предметах. “А что такое теория?” — спросил он в заключение презрительным, доктринерским тоном. “Теория, — отвечал его приятель, — это такая вещь, которой глупцы не понимают”.

Это одно из тех нравственных и умственных ничтожеств, из которых в России делают генералов и министров.

26 августа 1875 года, вторник

Настоящая новая история России начинается с отменой крепостного состояния. До этого времени народа русского не было, а были: царь, дворянство или помещики и чиновники.

Все говорят о Боге, а живут так, как будто его совсем не было.

30 августа 1875 года, суббота

Суматошный день. Поздравлений было множество, — я устал, принимая их и отвечая. Телеграмм получено пять. Приезжали из Царского Села. Прекрасные букеты. Никогда в этот день у меня не было такого привала людей.

10 сентября 1875 года, среда

Я люблю читать биографии великих людей, особенно прославившихся на поприще умственной деятельности, и размышлять о них. Знакомство с ними укрепляет и возвышает душу. Оно производит на нее то же действие, какое мы испытываем физически, когда дышим воздухом на вершине высоких гор. Мы чувствуем себя нравственно здоровее, бодрее, разумнее в их присутствии.

Я не верю в так называемые переходные состояния. Всякий век есть переход к другому, и каждый хлопочет за себя и установляется по-своему, как умеет и как велит судьба. Он колеблется, — значит, живет. Это главное.

Более всего познал я человеческое ничтожество из обращения с людьми так называемыми интеллигентными, литераторами и учеными. Тут только вполне узнаешь, до какой степени человек лжив, мелочен, самолюбив, высокомерен и проч. И все это от того, что каждый из этих людей считает себя умнее всех остальных.

18 сентября 1875 года, четверг

В “Голосе” мой бедный Миллер обруган за то, что осмелился (в “Русской старине”) сказать о Гоголе, что как человек он был дрянной человек. По статье “Голоса” выходит, что Гоголь был человек дрянной, да отличный писатель, а до нравственности его никому нет дела. Вот видите, человеку даровитому все позволено, — он может быть гадок, сколько душе его угодно. Это его право. Нравственный характер у этих господ, современных русских передовых людей, нипочем, — будь только их приход. Мой сапожник очень хорошо шьет сапоги, но он вор и мошенник. Об этом надобно молчать. Этого они требуют и от истории знаменитых людей. Нет нужды, что эти знаменитые люди поступками своими опровергают все то, что проповедуют словами.

20 сентября 1875 года, суббота

Власть есть самая привлекательная игрушка для детей. Редкий из получивших ее употребляет ее не для своей забавы. Она такая красивая, что из-за нее легко забыть, что на свете есть что-нибудь, кроме игры в нее.

26 сентября 1876 года, пятница

Сегодня был у меня Ламанский (В.И.) с предложением от литераторов взять на себя председательство в комитете, который намерен что-то издать в пользу несчастных герцеговинцев. Я, разумеется, согласился, хотя и сомневаюсь, чтобы из этого что-нибудь вышло.

Вечер прошел приятно, в беседе с Неверовым. Исправление и очищение нравов возможно только тогда, когда заботящиеся об этом заимствуют нравственные идеалы из внутренних оснований общественного духа и передают их другим как образцы, воодушевляющие сердца и служащие им примером.

30 сентября 1875 года, вторник

Собрание Славянского комитета и комиссии для издания литературного сборника в пользу герцеговинцев. По моему убеждению, из этого ничего не выйдет.

Прежде всего нужны материалы, статьи, а их нет. “Будут”, — говорят. Увидим.

12 октября 1875 года, воскресенье

В толках о сборнике в пользу герцеговинцев никакого толка нет. Однако собирают статьи.

22 октября 1875 года, среда

Заседание комиссии для составления сборника в помощь герцеговинцам.

Добраться кое-как до могилы без больших дорожных неприятностей, сохраняя по возможности бодрый вид, — вот все, что мне теперь предстоит.

Чувствовать свое ничтожество и не склониться под его бременем, — не правда ли, это своего рода достоинство?

Если платье вам не впору, его можно еще носить по крайней мере без большого огорчения. Но если сапоги жмут вам ноги, да еще с мозолями, то приходится плохо. Поневоле иногда вскрикнешь и пошлешь к черту сапожника, сшившего вам обувь не по ноге. Однако и с этим надобно кое-как ладить: не в лапти же обуться!

23 октября 1875 года, четверг

Заседание в Обществе христианского просвещения. Филиппов прочел очерк о жизни и трудах Горского. Он буквально осыпал цветами его могилу. Потом Осинин прочитал тоже род похвального слова Попову, бывшему священнику при нашей миссии в Лондоне, человеку, впрочем, вполне заслужившему уважение и любовь всех его знавших, в том числе и мою, своими нравственными качествами. Он же, Осинин, прочитал в отчете о Боннской конференции старокатоликов, где он был в числе наших делегатов. Дело шло о соединении нашей церкви с старокатолическою. Главный вопрос, затруднявший это соединение, касался Святого Духа. Прения, происходившие по этому предмету, чрезвычайно любопытны. Дело в том, что никто

ничего не знает о Святом Духе, и от Отца ли он исходит или от Отца и Сына. Странно видеть, как люди, кажется серьезные, с важностью ловят воздух руками и думают, что они что-то в них держат.

Впрочем, если существует общество, то есть церковь, то надобно же, чтобы она утверждалась на чем-нибудь. А что такое это *что-нибудь,* — это совершенно все равно. Лишь бы верили и твердо стояли. Без истины можно жить, но нельзя жить без убеждений.

28 октября 1875 года, вторник

Всяким новейшим непрошенным учителям я сказал бы:

“Господа! Ведь вы ничего не знаете относительно высших вопросов, в решении которых стараетесь меня убедить. Оставьте же мне право думать самому на себя в этих случаях. Ведь и я ничего не знаю. Но по крайней мере я не играю роли невежды, который отвергает все то, чего не знает и чего узнать не может”.

На днях, в пятницу, заезжал ко мне князь Дмитрий Александрович Оболенский с просьбой пересмотреть издаваемые им записки из его семейного архива, где, между прочим, очень много содержится любопытных подробностей о Нелединском-Мелецком. При этом князь прочитал статью князя П.А.Вяземского, которая будет приложена к книге. Эта статья прелестна по остроумию, изяществу и свежести изложения, несмотря на 83 года автора. Ее выслушали вместе со мною Любощинский (дядя Марк), Небольсин (Григорий Павлович) и Воронов.

5 ноября 1875 года, среда

Самое скверное из современных нравов, при полном отсутствии веры во что-нибудь высшее и нравственное, — это своего рода презрение к жизни. Не понравилось то или другое, или слишком что-нибудь понравилось, да не дается в руки — трах! — застрелился, повесился или утопился.

Обедал у князя Д.А.Оболенского вместе с академиком, моим сотоварищем, Гротом. Мы вместе рассматривали, приготовленные князем записки о Нелединском-Мелецком.

6 ноября 1875 года, четверг

Заупокойная обедня и панихида по графе А.К.Толстом. Я пришел рано, когда обедня еще не начиналась. Тут было несколько литераторов: Гончаров, Краевский, Стасюлевич, Миллер (Орест), Костомаров. А.К.Толстой был одним из даровитейших наших поэтов и моим хорошим знакомым.

17 ноября 1875 года, понедельник

Пошлы общие места, что все на свете превратно, особенно человек, но с ними

приходится на каждом шагу ведаться. В пятницу прошедшую у меня было человек 15 гостей, и между ними мой дорогой, старый друг А.С.Воронов, не подававший никакого признака или предзнаменования того, что случилось с ним вечером в субботу на педагогическом собрании. Случившееся с ним ни более ни менее, как удар, отнявший у него половину тела с левой стороны. Сегодня я заезжал к нему, но он до сих пор остается в гимназии (во 2-й): его нельзя трогать, чтобы перевезти домой. От служанок я узнал, что ему не лучше, а главное, что он не говорит. Вся семья, разумеется, там около него. Попозже поеду в гимназию.

Был у Воронова, но не мог его видеть. Он не пришел еще в сознание и не владеет языком. Бедное семейство в отчаянии. Я просидел с ним долго, стараясь, разумеется, сколько можно умягчить его тревоги и скорбь. Положение Андрея Степановича гораздо опаснее, чем я думал. Более всего боятся за мозг. Он все еще лежит в гимназии. Состояние его таково, что его нельзя тронуть с места. Все это тяжело легло на мое сердце. Кроме многолетней дружбы, меня с ним связывавшей, я всегда находил в нем лучшего из людей. Он соединяет в себе здравый и просвещенный ум с редкою добротою и кротостью сердца.

19 ноября 1875 года, среда

Трудно решить, чего более люди достойны — презрения или сожаления. Дело в том, каким оком мы на них будем смотреть. Если оком холодного ума, — их нельзя не презирать; если оком сердца, — станешь глубоко сожалеть о них. Человеку мыслящему и великодушному чаще всего приходится колебаться между тем и другим.

Мы Бог знает чего ожидаем и требуем от жизни, а она в состоянии дать нам только страдания, несколько мимолетных радостей и смерть.

22 ноября 1875 года, суббота

Умер Андрей Степанович Воронов. Общество лишилось в нем одного из благороднейших своих членов, а я — лучшего и в настоящее время единственного человека, которого мог безопасно и доверчиво назвать своим другом. Говорили, что ему несколько стало лучше, и сегодня я отправился к нему поутру с этою доброю надеждою. В швейцарской я встретил зятя его, И.А.Новикова, и он объявил мне, что Андрей Степанович уже не существует. Я вошел в залу. Там вокруг его смертного одра сидело его семейство — жена и дочери, — погруженные в невыразимую скорбь. Лицо его было открыто — тихое, спокойное, только какая-то грустная улыбка как бы застыла на его губах. Она как будто говорила: вы видите, что все это вздор, мечты. Слезы хлынули из моих глаз, я поцеловал его в голову. Какое честное сердце было у этого человека, какой светлый, здравый ум! Всякому, кому он мог сделать одолжение, добро, он делал их, сам того не подозревая. О нем можно вполне сказать:

“Человек без упрека”. И это истина без малейшего преувеличения. Вся жизнь его была посвящена образованию его сограждан, и он пал в честном бою за это

святое дело.

Против него поднялась целая буря по поводу его проекта об обязательном учении. Нашлись люди, которые сочли себя обиженными, что нашелся человек, который возбудил к себе общее внимание и сочувствие делом, которое не они затеяли. На каждом шагу бедный Воронов от своих же интеллигентных собратий встречал возражения, совершенно нелепые и недоброжелательные: *да что? да как? да почему же? и* проч. Я просил его не придавать этому цены, — за него все честные и умные люди. К сожалению, он слишком горячо принимал все это к сердцу, и когда в субботу в этом бестолковом педагогическом собрании начали делать ему грубо возражения, на которые у него и были самые удовлетворительные ответы, с ним произошел удар, кончившийся вот чем. Может быть, люди и не произвели этого, но нет сомнения, что они ускорили катастрофу.

24 ноября 1875 года, понедельник

На похоронах Воронова. Бесчисленное множество карет, людей на выносе. Многие сопровождали гроб до могилы на Митрофаньевском кладбище. Общее участие. У людей бывает почти всегда так: не оценят и, если можно, повредят ближнему живому, но мертвому воздают должное его заслугам и нравственным качествам. Я говорил с министром; очень сожалел. Впрочем, надобно отдать справедливость графу Толстому, еще живому, что он умел ценить и уважать Воронова, хотя этот изъявлял и печатно и письменно свои реальные идеи против крайнего классицизма. Я проводил моего покойного друга до кладбища, где выслушал и заупокойную обедню.

Не заглядывай слишком в будущее, — там ничего для тебя нет, кроме уничтожения.

29 ноября 1875 года, суббота

Дня три тому назад, как к сильному кашлю присоединилось у меня еще нечто небывалое в груди — какое-то стеснение в дыхании по временам, между тем как грудь совершенно в порядке и нет никакой боли.

30 ноября 1875 года, воскресенье

Ночь провел дурно. Впрочем, я вообще сплю мало. В груди не только не лучше, а, кажется, хуже.

7 декабря 1875 года, понедельник

Мало улучшения в груди. Слабость в теле.

6 декабря 1875 года, суббота

Кажется, лучше в груди, только кашель по временам. Однако доктор Бессер

запретил выходить еще дней пять. По нынешнему холодному времени он боится воспаления.

9 декабря 1875 года, вторник

В первый раз вышел на воздух. Погода теплая — один градус холода. Проходил 40 минут; чувствовал все время усталость.

11 декабря 1875 года, четверг

Средина хорошая вещь, только не в нравственном самообладании. Тут невозможны компромиссы: тут безусловно надобно все покорить, или, увлекшись одним чем-нибудь, сделаться покоренным во многом, — а затем всякая гадость внутреннего самонедовольства. Я давно и постоянно над этим работаю и глубоко убежден, что это единственная опора для меня в нынешнем моем положении, и внутреннем и внешнем.

Дневник мой, право, единственный у меня друг.

12 декабря 1875 года, пятница

Газеты, гостиные, улицы наполнены толками об овсянниковском деле. 5-го декабря произнесен над Овсянниковым приговор: Сибирь в отдаленные места ему, и каторга на 9 и 8 лет его сподвижникам.

Публика довольна решением суда и присяжных, которые много выиграли этим в ее глазах. Вот, дескать, и миллионы не помогли. Это правда. О нем говорят, что вообще он скверный человек, и поджог мельницы не есть единственное его преступление. В сущности он один из многих у нас, наживших миллионы разными неправдами. Этот, несмотря на свой ум, попался, тогда как другие выходили чисты, чуть не святы с помощью купли разных чиновников, мелких и больших.

Науке принадлежит действовать с ее законами, искусству — идеалы с их олицетворением.

22 декабря 1875 года, понедельник

Кашель усилился ночью.

Мы точно какой-то азиатский кочующий народ: едва успеем раскинуть где-нибудь наши учреждения, как нам велят опять сниматься с нашего места, снова собираться в дорогу. Приходится опять прятать в чемоданы все, что нам дали или что мы успели приобрести, и вот мы снова странствуем по пустыне, словно в поисках обетованной земли. В сущности мы номады и бродяги среди цивилизованного мира.

1876

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Продолжительная тяжкая болезнь привела меня за границу. Говорили медики и не медики, что там найду я и утраченную мною энергию в теле и аппетит, которого я лишен вот уже месяца два. Привыкнув не доверять ничему вполне, я не знаю, будет ли это так, да и кто в состоянии сказать, что что-либо будет так, как он желает или предполагает? Однако как в Петербурге, суровом и мрачном, ничего лучшего тоже не предвидится, то я решился ехать, хотя и вовсе не охотно.

Лица, более всего способствовавшие к дарованию мне отпуска и средств к поездке за границу, были президент Академии наук граф Ф.П.Литке и министр народного просвещения граф Д.А.Толстой. К ним присоединился и министр финансов Рейтерн, который подносил о том доклад государю.

Вообще во все время моей болезни я был предметом постоянного и живого сочувствия многих, даже таких лиц, о которых у меня были только смутные понятия, да и они, я думаю, не имели обо мне других. Образовалась какая-то нравственная связь между мною и ими. Тут были и мужчины и женщины. Неужели же это правда, скажет пессимист, что людей могут соединять, кроме взаимных выгод, и другие, более возвышенные убеждения и идеи? Выходит, что это правда. Радуюсь от глубины души и за себя и за человеческое сердце. Впрочем, и ранее этого многие опыты собственной моей жизни доказали, что, как говорится попросту, свет не без добрых людей, и хотя эти люди попадаются не часто, однако они существуют и будут всегда существовать, как утешительный протест против общего хода человеческих вещей.

30 марта, во вторник, я был уже в вагоне Варшавской железной дороги.

От Петербурга до Пскова и даже за Псков мы ехали еще между полями, покрытыми снегом с небольшими проталинами пожелтевшей прошлогодней травы. Около Вильно начали кое-где показываться первые признаки травы, предвещающие весну, и на деревьях почки, и подвигаясь к Варшаве, они становились явственнее.

В Варшаву мы прибыли 31 марта, в среду, в 9 часов вечера. Здесь встретил нас А.К.Шенебеер с женою и сестра его С. К. Они оказали нам столько доброжелательства и услуг, что мое сердце никогда их не забудет. Все: удобная квартира в отеле, экипажи для переезда со станции, доставление багажа, — все было устроено ими как нельзя лучше. Эти наши друзья не оставляли нам услуживать во все время пребывания в Варшаве и точно так же при отправлении из нее в дальнейший путь приняли на себя все заботы, как и при въезде в нее.

Четверг и пятницу 1 и 2 апреля пробыли в Варшаве. В эти дни нас, кроме Шенебеера, несколько раз навещал Благовещенский. Дружеские беседы с ним были для меня очень приятны.

С сердечным приветом была у нас также А.С.Балицкая, а за нею мой старый слушатель и приятель Петр Карлович Щебальский, директор училищ Варшавской губернии.

Я выехал из Варшавы в 7 часов утра в субботу, накануне светлого Христова воскресенья, и в пять часов этого праздника я был уже в Вене. Верст за 200 от Варшавы нас начал сопровождать снег, покрывший поля белою пеленою. Но ближе к Вене природа принимала уже более весенний вид. На деревьях и полях показывалось более и более зелени.

Строки эти я пишу уже в Вене, в “Гранд-Отеле”.

Вчера, то есть во второй день праздника, я в коляске ездил по городу и с полчаса гулял пешком в городском саду в первый раз в теплом пальто. День был ясный недовольно теплый, хотя и с ветром.

Праздничные дни мы, разумеется, проводим в скуке и в воспоминаниях о наших дорогих родных. Днем я читаю вещи серьезные, взятые мною из дому: Милля, историю философии К.Фишера и проч.

5-го, в понедельник, был у меня священник нашего посольства М.Ф.Раевский, очень ненадолго. Он обещал еще зайти ко мне. От него надеюсь я узнать, что делается в мире политическом.

Быть нравственно великим значит сносить мужественно всякую скорбь, посылает ли ее нам природа или судьба. Это нравственное величие было идеалом всей моей жизни, и теперь постыдно было бы, неблагородно и глупо не ожидать от него подкреплений в моих физических страданиях. Итак, к нему, к нему!

8 апреля 1876 года, четверг

Гулял по Пратеру в коляске, а потом пешком в общественном саду. День прекрасный, летний, хотя и с ветром, но южным, теплым. Деревья почти все распустились, кроме очень старых каштанов и тополей.

9 апреля 1876 года, пятница

Приготовляемся к отъезду в Венецию. Чтобы не подвергаться усталости, намерены останавливаться, проезжая не более семи часов. Сперва остановимся в Граце, а потом — где признаем за лучшее.

В среду вечером посетил меня Раевский и долго у меня просидел. Это очень умный, любезный и много знающий священник. Много любопытного услышал я от него о современных политических событиях. Он во многом винит черногорского князя Николая I, который из своекорыстных видов содействовал восстанию герцеговинцев. Мне, однако, кажется, что и без возбуждения с его стороны

восстание все-таки произошло бы вследствие нестерпимого гнета турков. Любопытно, между прочим, то, что турецкие солдаты до того нищи и голодны, что принуждены продавать оружие и порох герцеговинцам.

10 апреля 1876 года, суббота.

Грац. Переезд от Вены до Граца через Земмеринг сопровождался великолепными красотами природы. Вскоре за Веной с правой стороны начали подниматься небольшие холмы, а потом мало-помалу они начали превращаться в величественные скалы и горы, местами покрытые еще зимним снегом, по обеим сторонам дороги, извивающейся самыми прихотливыми изгибами. Здесь по долине рассыпаны то там, то сям большие деревни и маленькие деревеньки, тонущие в молодой, только что распустившейся зелени. На половине пути, или около того, раскидывается городок Баден, один из нескольких немецких бадеортов. Как милы, опрятны деревенские домики, но которые, увы, так мало похожи наши сельские избы. Кажется, в этих домиках настоящее жилище мира, простоты и семейного счастья. Конечно, это только в моем воображении: и здесь люди тоже страдают от нужд, раздоров и терпят скорби, как и везде.

Повсюду страсти роковые,

И от судьбы защиты нет!

Как бы то ни было, а по крайней мере по виду в Австрии люди являются в более очеловеченном образе, чем думать можно, судя по ее политическому неустройству.

В некоторых местах долина окаймлена чудовищными громадами гор и скал. Какая сила и когда выдвинула их из недр земли? Геологи говорят, что все это делалось постепенно: кусок на куске, пласт на пласте нарастали в течение веков медленно и неприметно. Между тем тут столько разнообразных прихотливых, уродливых форм, что так и кажется, что все они из своих сокровенных логовищ выброшены были на высоты какою-то огромною роковою силою мгновенно и легли где попало в ужасающем беспорядке.

Грац — значительный город и, по всему видно, богатый. Он лежит тоже в живописном месте, но самая замечательная часть его — гора Глосберг, врезывающаяся одною половиною в самый город. Ее величественная, грозная вершина, плоская совершенно, покрытая лесом, увенчана развалинами древнего замка или крепости. Мне очень хотелось взобраться на эту великолепную вершину, но моим слабым силам это было совершенно недоступно.

11 апреля 1876 года, воскресенье

Из Граца в Триест.

12 апреля 1876 года, понедельник

Триест, великолепный, богатый и обширный город, расположен амфитеатром на самом берегу моря. Кругом высокие горы, некоторые из них врезываются в самый город.

Из Триеста 45 минут до Набрезины. Дорога почти вся по карнизу гор. Прекрасные, грозно-величавые виды. Замок несчастного мексиканского императора Максимилиана на выдающемся в море мысу — Мирамар.

13 апреля 1876 года, вторник

В 7 часов утра из Триеста в Венецию. Отель “Даниэль” возле Дворца дожей и площади св. Марка.

Вечером вышли на площадь св. Марка. Она усеяна была народом: это был праздник дня св. Марка.

Первое ощущение, возбуждаемое Венецией, — это изумление. Венеция кажется огромным великолепным городом, как бы рожденным на дне моря и вышедшем оттуда во всеоружии богатства, красоты и величия По улицам его, большим и малым, широким и узким, подобным небольшим трещинам, как по жилам исполинского тела, вместо крови протекают волны того же моря, подступая к каждому зданию и делая возможным доступ к нему только посредством лодки. Это город без зелени и цветов — город камней, гранита и мрамора. В нем нет и экипажей для езды. Во всем городе только четыре лошади, да и те бронзовые, стоящие неподвижно уже несколько столетий на одном из фронтонов церкви св. Марка. Право, кажется, город этот не строился, а выдвинулся из недр моря, как я заметил выше, таким, как он есть, прямо и мгновенно, с помощью какой-то чудодейственной силы. Да и где, на чем и как ему строиться? Для напоминания о суше у него есть только набережная у моря, площадь св. Марка и какая-то насыпь, на которой разведено нечто похожее на сад.

В среду, 14-го, прелестнейший день, настоящее дитя весны и юга. Мы в гондоле проехали по морю до так называемого сада, выдающегося в море мысом. Приятная прогулка.

15 и 16 апреля 1876 года, четверг и пятница.

Скверная погода — дождь и холод с резким северным ветром, как в Петербурге. В промежутки между этими прелестями мы выходили, однако, и даже по нескольку раз, на площадь св. Марка и прохаживались под арками окружающих ее зданий. Заходили в церковь св. Марка. Внутренность ее величественнее внешности, которая напоминает византийскую архитектуру.

17 апреля 1876 года, суббота

Презрение к людям, столь явно оказываемое многими высокопоставленными и вознесенными лицами — Наполеонами, Бисмарками и проч., — и несправедливо, и жестокосердно, и безрассудно. Не люди заслуживают презрения, а дела их и судьба.

В эпоху упадка могущества Венеции дож должен был почтительно преклониться перед Людовиком XIV, тогда всемогущим, и для этого прибыл в Париж. Во время аудиенции король спросил у него, между прочим, что более всего показалось ему замечательнее и любопытнее в Париже? “Любопытнее всего показалось, мне, — отвечал дож, — то, что я здесь”. Если бы у меня спросили, что всего замечательнее и любопытнее нахожу я в Венеции, я сказал бы: “самую Венецию”.

17 и 18 апреля 1876 года, воскресенье и понедельник

Почти весь день на площади святого Марка.

Венеция не есть город настоящего, а город прошедшего. Это великолепнейший монумент некогда процветавшего могущества, величия, богатства. Его дворцы носят громкие исторические имена; но они пусты. У них нет даже наследственных обладателей. Говорят, большая часть их принадлежит правительству, которое не знает, что с ними делать.

Мраморы этих палат почернели от времени и прибоя морских волн, которые, однако, не в состоянии смыть с них следов истории — может быть, потому, что они были некогда окрашены кровью. Все эти мраморные палаты и дворцы мертвенны, пусты и мрачны. Невыразимо грустно смотреть на царствующее в них молчание, — трагедия сыграна, актеры с пышными именами тлеют в своих гробницах. Так гибнет все человеческое! Только море живет в своих лагунах и камни, возвышающиеся над их волнами. Прощай, Венеция!

Во вторник, 20-го, из Венеции в Верону.

22 апреля 1876 года, четверг

В Милане, куда приехали в 4 часа дня. Остановились в отеле “Рим”.

От Виченцы до Вероны нас сопровождали с правой стороны величественные Тирольские Альпы, которые, только не доезжая несколько до Милана, начали уходить вглубь страны. Удивительные, прелестные долины раскидывались повсюду вдоль железной дороги, беспрерывно мелькали то уютные домики крестьян, то деревеньки и города — Падуа, Пескиера и проч. Тут же разлилось на далекое пространство великолепное озеро Гардо, в конце которого у самой дороги простирался очаровательный ландшафт. Глаз нельзя было отвести от всех этих дивных картин природы. И как тщательно обработаны поля, окаймленные шелковичными деревьями и засеянные кукурузою, которая теперь только что всходила.

23 апреля 1876 года, пятница

Милан. Знаменитая готическая церковь. Древний монастырь св. Амвросия. Фреска “Тайной вечери” Леонардо да Винчи в церкви св. Марии. Сад. Галерея Виктора-Эммануила. Монумент Леонардо да Винчи. Триумфальная арка Наполеона I. Из всего этого наибольшее впечатление на меня произвели: древний готический собор, “Тайная вечеря” Леонардо да Винчи, хотя с поблекшими красками, но довольно сохранившаяся еще, монумент да Винчи и галерея Виктора-Эммануила — значит, почти все, виденное мною сегодня. А сам Милан? Конечно, я не успел еще его обозреть; однако главные улицы, по которым мы ехали, показывают уже, что это прекрасный, многолюдный и богатый город.

24 апреля 1876 года, суббота

С самого утра дождь. Теперь половина одиннадцатого, а он все продолжается. Значит, мои калоши, обращавшие на себя внимание прохожих еще в Венеции, оказываются вовсе не лишними.

В Венеции чрезвычайно много бедных. Вам беспрестанно встречаются женщины и девушки скромной и красивой наружности, одетые в ветхие, заплатанные тряпки. Гондольеры тоже не отличаются своим убранством, кроме немногих. Каждый вечер у нашего отеля раздавались до поздней ночи веселые песни хором, в котором слышались приятные голоса. Странно, но гондольер, который преимущественно нас возил, утверждал, что при австрийцах они гораздо меньше терпели от бедности.

25 апреля 1876 года, воскресенье

Опять с утра дождь. Свежо и сыро, и, кажется, на целый день. Здесь говорят, что подобного ненастья никто в это время года не запомнит. Поездку на Комо в Белладжио приходится отложить до более благоприятной погоды.

Если предметы, рассеянные по Европе в сфере истории и природы, не внушают путешественнику серьезных, возвышенных мыслей, если они безразличны для его нравственного образования, то он напрасно издерживает и время свое и деньги: он просто пустой человек, турист в смысле ротозея и шатателя.

Если в человечестве можно назвать что-нибудь великим, несмотря на суету и неразрешимость вопросов его существования, на бедствия и превратности его судеб, то это без сомнения памятники, созданные его историей, веками и его образованием. В этом отношении можно сказать, что они оспаривают у природы ее величие, красоты, могущество. Наука, искусство, гражданское устройство Европы — вот права человека на почет в системе мироздания, права, которые должен уважать разум, если только он сам не есть летучий, преходящий во вселенной, феномен.

Если отсюда я брошу взгляд на мое отечество, то для меня становится в высшей степени поразительным, как мало мы делали для успехов всеобщего развития и образования. На это могут сказать, что мы так еще недавно начали существовать

умственно, что мы еще народ юный. Однако и над нами пролетели века, и у этого юноши выросла порядочная-таки борода, местами даже с проседью. История была мачехой русского народа и воспитывала его очень дурно; но народ разве так-таки ничего своего не вносит в историю? Силы, способности расы разве ничего не значат, не сообщают внешнему ходу вещей и событий от себя некоторых свойств, некоторого колорита? Но, может быть, эти силы и способности еще не успели сосредоточиться и это придет в свое время? Будем надеяться и не отчаиваться.

Один из опаснейших врагов человека есть успех.

В нынешнем моем путешествии я видел два чуда в Европе: Венецию, которую море как будто родило в своих волнах и подняло на свои плечи, чтобы показать свету лучшие из своих перлов; другое чудо то, где глубочайшая мысль человечества нашла достойное себя воплощение на куске жалкой поверхности стены, запрятанной в старом здании — в трапезной старого монастыря св. Марии, ныне примыкающего к казармам. Чудо это — картина “Тайная вечеря” Леонардо да Винчи.

Погода, достойная Петербурга, продолжалась целый день. Мы вышли было подышать хоть немного свежим воздухом в галерее Эммануила, но сырость и холод скоро прогнали нас в отель.

Русского человека надобно поднимать из грязи, в которой он так давно и так часто барахтается, а не топтать его в ней.

Как могут содействовать преуспеянию общества во всем благом те, которые не имеют веры ни в какие идеалы, которых умственный горизонт ограничивается одною материальною реальностью, как будто не существует никакой другой реальности?

Есть два способа действовать на людей: *изъяснение и возбуждение*, или представление того, что есть, и устремление к тому, что должно быть, — один пассивный, другой активный.

26 апреля 1876 года, понедельник

Целый день нельзя было сделать шагу из комнат — дождь, холод, гнусность, которой итальянцы не запомнят. И, говорят, во всей Италии так. Как тут думать о пользовании теплом и воздухом, для чего собственно и предпринято мое путешествие за границу?

27 апреля 1876 года, вторник

Наша народность находится ныне в периоде самопознания. Поэтому мы открываем и должны открывать в себе все те пошлости, несообразности, умственное бессилие и нравственную испорченность, которые до сего были нашим уделом, по крайней мере большею частью. И в этом отношении правы наши нравоописательные романисты. Но этот процесс самопознания есть только первый акт. За ним необходимо должен следовать другой, то есть выход из такого состояния

к лучшему — и это лучшее представляется не иначе, как *в идеалах,* к которым мы должны стремиться. Без этого мы останемся навсегда в том же самом периоде дурных свойств, которых мы не можем не признать. Вот к этим-то идеалам следует литературе направлять умы и для этого нужно и изображать их. Делает ли это наша литература? Если для такого изображения нам недостает в настоящее время талантов, то не пора ли думать по крайней мере об этом? Особенно не пора ли научной, серьезной философской критике возбуждать стремление к необходимости иного настроения в литературе, чем то, какое господствует в ней ныне?

К сожалению, мы ужасно боимся труда мысли. Отвлеченный ее характер пугает нас, как детей пугает азбука, не украшенная картинками или не приправленная игрою. Но если мы думаем, что уже выросли из детства и по крайней мере приблизились к периоду юности, то нам стыдно пугаться труда мысли, как стыдно молодому человеку, поступившему в университет, избегать научных приемов науки. Мы люди очень остроумные, глумливые. Во всякой мысли мы желали бы видеть игру остроумия, и вместо того, чтобы думать и вдумываться в нее, нам хочется поиграть в нее, позабавить читателей наших или слушателей.

28 апреля 1876 года, среда

Почти шесть дней продолжались дождь и холод. Сегодня проглянуло солнце, и мы поспешили воспользоваться хорошею погодою, чтобы выйти из нашего заточения, и отправились в сад и к памятнику Кавура. В саду походили около часу, потом я сосредоточил все мое внимание на памятнике Кавуру. Кавур бронзовый, изображен в обыкновенном сюртуке и с лентой по камзолу. Вся фигура его, говорят, настоящий портрет. Он стоит на простом гладком круглом пьедестале и в руке держит свиток. Перед ним внизу, у самого пьедестала, муза истории пишет его имя, никаких украшений более, никаких скульптурных вымыслов. И что за прелесть эта муза истории! Какая легкость, грация и простота в ее фигуре! Какое спокойное величие и уверенность в ее лице, что она воздает только должное, предъявляя бессмертию имя великого человека! Она изваяна из бронзы, и между тем сидит как живая. Она не сводит глаз с уже написанного ею: Кавур.

Несмотря на солнце, все-таки настоящей итальянской теплоты нет. Повевает холодненький ветер.

30 апреля 1876 года, пятница

Погода не улучшилась — так же сумрачно и холодно. Часов в 11 вечера разразилась сильная гроза с проливным дождем. Не обещает ли это благоприятного кризиса в погоде?

1 мая 1876 года, суббота

Кризиса нет. Утро 10 часов, дождь, и так холодно. Мы в страшном недоумении, на Комо ехать уже нечего и думать.

Там на озере не может быть ничего лучшего. Не ехать ли в какое другое место Италии? Но где ручательство, что там не так, как здесь? И для чего ехать? Чтобы там прожить недели три до поездки в Швейцарию при благоприятных условиях тепла и света, которые так нужны для моего здоровья. Увидим. Но оставаться долее в Милане бесполезно и скучно.

2 мая 1876 года, воскресенье

Должен ли человек, приближающийся к закату дней своих, думать непрерывно о своем конце? Это было бы сущим малодушием даже и тогда, когда физическое состояние его оказывается не совсем надежным. Не должен ли человек во всеоружии своего духа встретить во всякий час все, что пошлет ему судьба?

Знакомство с итальянским литератором С.Фарина, который сегодня просидел у нас довольно долго. Он автор нескольких хороших повестей и романов и весьма приятный человек. Разговор мой с ним происходил с помощью дочери, которая познакомилась с ним во время первого своего путешествия в Италию, через Губернатиса. Фарина говорил, что и у них нет литературной, серьезной и разумной критики.

Забавно, что один профессор литературы, говоря с кафедры о ее современном состоянии, осуждал писателей за. то, что они не пишут эпических поэм, а занимаются пустячными сочинениями в других, и притом прозаических, формах.

3 мая 1876 года, понедельник

Сумрачно и холодно. Проект ехать на Лаго-Маджиоре вместо озера Комо.

Жизнь раскидывается во все стороны как попало. Наука и мысль ищут здесь законов и находят их в системе и идее развития. Но где цель этого? Наука и мысль ничего не могут сказать об этом.

4 мая 1876 года, вторник

Из Милана в Арону. Оттуда мы ехали уже на пароходе по великолепнейшему озеру Лаго-Маджиоре, между Альпами, и прибыли в Паланцу в 5 часов. Останавливались семь раз для высадки пассажиров и приема новых в разных городах, раскинутых у подножия гор на берегу. В Паданце — “Гранд-Отель”. Погода здесь теплее, хотя все-таки довольно сильный ветер.

Лаго-Маджиоре блистает такими красотами природы, которые не поддаются никакому описанию. Остается только смотреть и восхищаться. Нездоровье мое, впрочем, делает восхищение мое довольно умеренным.

7 мая 1876 года, пятница

Сегодня утро в половине девятого, как и вчера, началось в отеле пением

англичан хором молитвы. У них тут есть и молитвенная особенная комната, так как эти места много ими посещаются. Пение было умилительное, особенно прелестных женских голосов. Я слушал его с большим удовольствием и сочувствием к этому прекрасному обычаю целого общества начинать день молитвою.

Поутру небольшой, но теплый дождик, который скоро и прошел. Пользуясь несколько сумрачною, следовательно, менее жаркою погодою, мы отправились на прогулку вправо от отеля по берегу озера между прелестнейшими виллами. Дорога гладкая и чистая, как вылощенная. Чудные виды открываются отсюда на озеро, на окружающие его грозные горы, на домики и селения по скатам их, в тени лавров, магнолий и проч. Все виллы, однако, заперты. Кажется, никто из владетелей их не понимает, какими красотами он обладает. Стало жарко; я начал чувствовать усталость, и мы после часовой прогулки возвратились домой.

А вот перед глазами у нас Симплон с своими снежными вершинами. От него и от других смежных великанов вы отводите усталые взоры на Боромейские острова, точно выходящие из зеркальной поверхности озера, — Изола Белла, Пескаторе, Мадре, на который рукою подать из нашего отдельного сада.

8 мая 1876 года, суббота

Солнце сияет на безоблачном небе, а между тем холодно так, что сегодня я опять должен был надеть теплое пальто. Озеро волнуется, горные великаны угрюмо смотрят. А вчера утро было такое прекрасное!

Не легко бороться с физическою немощностью, а должно бороться с нею мужественно и стараться одолевать ее.

Еще островок в двух шагах от отеля нашего — Изолино Сан-Джиованни, куда нельзя, однако, иначе попасть, как на лодке.

9 мая 1876 года, воскресенье

Прекрасное утро. Безоблачное итальянское небо. Горы очерчены резкими контурами, покрыты блестящими снегами, и между ними высится Симплон со своим выдающимся отрогом, Львиною горою (Монте Леоне). Мы долго гуляли по дороге в городок Интра.

11 мая 1876 года, вторник

Вчера вечером толпа молодых людей из Паланцы каталась на лодке мимо нашего отельного сада. Они стройным хором пели патриотический гимн, главный смысл которого состоял в следующем: “Прочь черное с желтым знамя! С нами Гарибальди, наш вождь, — и с ним Италия непобедима”. Имя Гарибальди повторялось беспрестанно в виде припева.

12 мая 1876 года, среда

В местностях, которые я проезжал и в которых останавливался, я почти пресытился красотами природы. Но в ощущениях, которые наполняют мое сердце, есть что-то отвлеченное, сухое и холодное. Они не растворяются, не одушевляются другими ощущениями, возникающими из воспоминаний о людях и сердечных отношениях, которые сопровождают наше воззрение на окружающий нас мир и с которыми связываются наше прошедшее и настоящее.

13 мая 1876 года, четверг

В отеле есть небольшая англиканская церковь. Каждое утро в нее сходятся пребывающие здесь англичане и особенно англичанки и начинают свой день молитвенным гимном. Церковь эта возле моего номера, и потому каждое утро я могу наслаждаться прекрасным пением, которое отличается возвышенным религиозным одушевлением. Сегодня праздник Вознесения, который нынче совпадает с празднованием его у нас.

14 мая 1876 года, пятница

Прогулка в городке Интра по берегу озера. При этом проехали два местечка, лепящиеся у подошвы гор на берегу озера: Гиффа и Оджеббио. Все это прекрасно, но прекраснее всего вилла Францозини, в которую мы, с позволения садовника, вошли. Это чудо красот природы и искусства — особенно красот природы. Тут громадные магнолии, камелии в цвету, лавры, кипарисы и проч.

15 мая 1876 года, суббота

Картина Леонардо да Винчи “Тайная вечеря” есть перенесенная на полотно страница евангелия.

Нам очень аккуратно посылают из Петербурга “Голос”, и мы таким образом постоянно находимся в общении с отечеством.

16 мая 1876 года, воскресенье

В 2 часа из Паланцы в Арону на пароходе. День прекрасный, очень жаркий. Мы простились с хозяином и со всеми служителями очень дружелюбно: нам было здесь вообще хорошо.

В Арону прибыли мы в 5 часов и здесь переночевали. В половине 11 -го отправились в Турин, куда приехали около 5 часов. Остановились в гостинице “Европа”.

Путь от Ароны до Турина представляет мало привлекательного. Поля обрабатываются для риса и потому залиты водою. Говорят, что эта местность и не очень здорова, потому что слишком пропитана влагою.

Недалеко от Турина начинают опять показываться Альпы. У самого Турина

скаты гор испещрены виллами, и это придает им весьма приятный, оживленный вид. На высокой горе, господствующей над окрестностями, церковь, где погребаются короли и принцы Савойского дома: они как будто хотели быть ближе к небу.

Мы уехали из Паланцы в самую пору. Там начинаются жары, которые всех приезжающих оттуда выгоняют, и наш почтенный “Гранд-Отель” начинает пустеть. Милые английские леди и мисс перестают петь свои утренние гимны, которые слушал я с таким умилением.

18 мая 1876 года, вторник

В экипаже ездили по городу: аллея на берегу По; памятник королю Альберту на Королевской площади; плохой памятник Кавуру. Дом графа Кавура заперт, и мы видели его только снаружи, не могли проникнуть внутрь. В Турине много памятников, но без общечеловеческого или европейского интереса. Все они имеют местное историческое значение.

19 мая 1876 года, среда

Из Турина дальше.

От Турина начинают возвышаться горы и достигают снежных высот. До Моданы мы проехали 29 туннелей, и из них последний прорезывал Мон-Сени недалеко от Моданы. Здесь перемена вагонов, итальянские сменяются французскими. Тут же и таможня французская, которая, впрочем, обошлась с нами так благосклонно, что ничего не осматривала. Итак, прощай Италия в Модане. Отсюда опять почти до самого Шамбери нас сопровождали горы, коих снега доходили почти до долины, которая тем не менее блистает роскошною зеленью. На одном, однакож, пространстве мы поднялись на высоты, где холод делается ощутителен и в растительности произошла значительная перемена: лавровые деревья, каштаны и прочие сменились нашею родною сосною и елью. Снега, казалось, готовы были скатиться с вершин гор и покрыть все представляющееся им на пути. Это было особенно ощутительно при входе в Мон-сенисский туннель. В одном месте горы и скалы принимали ужасающий вид: это была настоящая мертвая пустыня.

Шамбери занимает между горами чрезвычайно живописное положение. И город сам по себе, несмотря на несколько мрачную наружность своих домов с аспидными крышами, очень мил. Я жалел, что недолго в нем пробыл. После обеда мы пошли погулять в публичный сад, богатый тенистыми и роскошными деревьями, в числе которых и лавры и магнолии. В половине 12-го на другой день мы отправились далее, в Женеву.

20 мая 1876 года, четверг

В Женеве.

22 мая 1876 года, суббота

Сегодня мы проехали в Ферней, куда давно влекло меня желание поклониться тени человека, у которого было хорошее сердце, скверный характер и возвышенный ум с гением писателя. Что бы о нем ни думали и ни говорили, а Европа обязана ему значительною частью своих успехов умственных и гражданских. Мы осмотрели в доме Вольтера две комнаты, остающиеся в том виде, как были при нем. Здесь знаменитая урна с известною надписью: “Сердце мое здесь, а дух везде”. Портрет Екатерины II во весь рост, портрет Фридриха Великого, портрет маркизы дю Шатле и его собственный в молодых летах, его кровать. Из этих двух небольших комнат выход прямо на террасу, с которой открывается великолепный вид на Альпы. Внизу цветник и крытая аллея, по которой мы прошли. Все тут напоминает о своем великом хозяине. К сожалению, пошел дождик и помешал нам осмотреть парк. Мы поспешили воротиться в город. Проезжая местечко Ферней, обязанное своим существованием Вольтеру, мы думали было, в память Вольтера, напиться в гостинице хоть кофе, но готового не оказалось, и нам не хотелось дожидаться. Я возвратился к обеду в свой отель, чрезвычайно довольный посещением Фернея.

Странно, что смотритель Вольтерова дома счел нас за испанцев, и когда ему объявили, что мы не испанцы, а русские, он очень удивился. Впрочем, он прибавил, что русских посетителей Фернея бывает очень много.

Я с большим удовольствием совершил свою поездку в Ферней. Она взяла у нас около часа времени. Мы ехали между красивыми дачами, по великолепной ветвистой аллее до самого местечка Ферней, невдалеке от которого на конце возвышается дом Вольтера, довольно большой, но простой архитектуры.

После обеда в Женеве мы пошли на прогулку в так называемый Английский парк. На острове, среди тополей, памятник Руссо. Там горели огни и приготовлялась музыка.

23 мая 1876 года, воскресенье

Чем кончится суматоха в Европе по случаю этого несчастного восточного вопроса? Безумный султан свергнут с престола, и место его заступил другой. В Константинополе настоящая революция. Требуют конституции. Но главным возмутителем Европы теперь оказывается не Турция, которую после берлинской конференции легко было бы смирить усилиями трех великих держав, — а Англия, всегдашняя политика которой состояла в том, чтобы сеять раздор в Европе и, как говорится, в мутной воде ловить рыбу. Она оказывает явно покровительство этому трупу, Турции, и может легко зажечь европейскую войну. Турки, конечно, будут сопротивляться требования Европы в надежде на покровительство Англии. Дизраэли недаром объявил в парламенте, что роль Англии, а не трех союзных держав, быть главным действующим и руководящим лицом в настоящих событиях. Что за гордыня! Более всего ненавистна Англии Россия.

Ездил в нашу церковь; но службы в ней не было: священник уехал в Петербург.

Церковь византийской, изящной архитектуры; стоит на высоте и имеет привлекательный вид. Внутри церковные принадлежности очень богаты, и вообще церковь прекрасная, хотя и небольшая.

24 мая 1876 года, понедельник

Из Женевы в Монтре на пароходе по Женевскому озеру. Из Монтре в Невшатель приехали в половине 4-го.

После обеда прогулка в *ущелье* Альп. Это действительно ущелье. С правой стороны скаты гор покрыты лесом, с левой дикие гранитные скалы самых разнообразных и чудовищных видов: одни — как бы подпирающие небо, другие — как бы готовые обрушиться на вас. Посредине, в глубине, шумный поток с водопадом. Зрелище очаровательное, хотя суровое. Мы ехали таким образом более часа под тенью гранитных гигантов. Потом в обратный путь, другой стороной гор, через густой лес, почти до самого Невшателя. Дорога гладкая, как по паркету.

Невшатель — очень красивый городок на берегу озера того же имени, тонущий в богатой растительности.

На другой день, в среду 26-го, мы оставили его и прибыли на постоянную квартиру нашу — в Шинцнах.

26 мая 1876 года, среда

Шинцнах. Здесь большое здание, предназначенное для пользования серными ваннами. Для меня ни этих и никаких ванн не нужно. Мне предписан только чистый воздух в умеренном климате, некоторое отдохновение от забот всяческих и страданий, претерпеваемых мною во все время моей последней болезни. Вместо всяких лекарств мне исключительно нужны прогулки на чистом воздухе. Место, в котором я теперь нахожусь, вполне соответствует этой цели. Оно лежит в долине, окруженной с обеих сторон невысокими Альпами, покрытыми густым лесом. В местечке этом особенная привлекательность, что-то простое, миловидное и грациозное. Вблизи лес с проложенными дорожками, в котором чрезвычайно приятны прогулки, особенно в жаркие дни. Вблизи река Аара. Расстояние от Цюриха — всего час езды по железной дороге. Здание, в котором мы поселились, похоже на древнее аббатство: оно обширно и весьма серьезного вида. В нем все приспособлено к нуждам и спокойствию пользующихся здешними водами. Посетителей, впрочем, не бывает здесь слишком много, так как воды здешние имеют специальный характер. У нас две премиленькие, светленькие и чистые комнатки, из которых открывается приятный вид на часть гор и на прилежащие к ним поля. Внизу — мы живем во 2-м этаже — садик, а за ним железная дорога в Цюрих, и я из окна моего часто вижу пролетающие мимо вагоны в Цюрих и из Цюриха. Станция от нас менее версты.

30 мая 1876 года, воскресенье

Слова, слова и слова! Словами правится мир. Национальная честь, национальное достоинство: под этими словами английский торийский министр прячет свое грубое чванство, свое притязание на важную роль в европейской политике. Он готов зажечь в Европе войну, защищая гниющий труп державы, уже давно издыхающей, но все еще вредной для Европы. Англия хочет войны — и война может запылать под раздутыми словами “национальная честь” — война кровавая, тем более что она будет несправедливою. Все несправедливые войны особенно страшны. Англию можно всегда увлечь, говоря о чести национальной и показывая ей деньги. Но пусть же весь ужас войны, вся пролитая кровь падут на ее голову, потому что никто, кроме нее или ее первого министра, не хочет войны.

1 июня 1876 года, вторник

Дождь всю ночь, как и вчера. Сегодня так же.

Англичане называют нас варварами за то, что мы многого не знаем и многого не делаем из того, что свойственно миру образованному. Однако они не могут же отрицать, что мы далеко уже не те, какими были даже четверть столетия тому назад. Любопытно было бы спросить, нашел ли Вильгельм Завоеватель у англичан паровые машины, огромный флот, Королевское общество наук, Ньютона, Шекспира и проч.? Варварский народ тот, который является врагом христианства, не допускает в других нациях никаких гражданских улучшений и склонен нарушить всякое чужое право, посягая на союз народов из страсти к деньгам и своим торговым выгодам. Если у Англии есть множество всяких машин, есть Королевское общество наук и проч., зато у ней много варварских замашек, и нравственно она совсем не выше того народа, который хочет идти по пути прогресса, хотя и не успел еще дойти до важнейших его результатов.

Пусть так многого России недостает из того, что создано общею образованностью — умом, наукою, искусством, и много надо ей сделать, чтобы сравняться с другими народами в этом! Но вот это-то самое и налагает обязанность на каждого честного русского служить ей горячее и вернее, несмотря на препятствия, противопоставляемые то ее учреждениями, то нравами, то отдельными лицами, чем бы то ни было и кем бы то ни было. Все это налагает на людей мыслящих и честных обязанность служить ей ревностнее во всем, что касается ее благосостояния, ее нравственных и умственных успехов.

И ничего в этом нет ни необычайного, ни могущего привести в уныние людей мысли. Логика истории неумолима и неотразима, она требует честных усилий и в то же время последовательности и постепенности.

Или мы преклонимся перед Англией, или, не испугавшись ее угроз, сохраним свое достоинство. Есть предел, до которого можно идти в желании мира. Иное дело не желать, не вызывать войны, и иное дело желать мира во что бы то ни стало. Готовность сделать твердый отпор наглости — этою требуют и честь и политика. Против закона необходимости нельзя спорить, но никакой закон необходимости не требует покорности угрозам, которая может унизить дух народный и лишить народ уважения в среде других народов. Сделает ли Пруссия для России то, что Россия

сделала для Пруссии в последнее время? На это полагаться, конечно, не следует. Но еще менее можно будет полагаться на Пруссию, когда покажем ей, что от нее зависит поощрить или остановить нас в известных случаях.

Весь вопрос в том, должна ли Россия удержать за собою значение великой державы или отказаться от него в угоду Англии или кому бы то ни было? Ведь враги наши хотят только этого.

2 июня 1876 года, среда

В Индии, подвластной англичанам, находится до 50 миллионов мусульман. Итак, вот, разумеется, причина, почему англичане не хотят заявить себя врагами турок в Европе: они опасаются восстания мусульман в Индии. Из этого, однако, выходит, что королева английская не есть государыня христианская, а мусульманская. Титул императрицы индийской, которым ее пожаловал Дизраэли, окончательно делает ее мусульманскою государыней. Да, этот Дизраэли должен быть большой шутник, если не шут: разом превратить христианского государя в мусульманского. Владей королева Индией просто, как прежде, в силу завоевания, — это было бы в порядке вещей, но титул императрицы обязывает ее покровительствовать своим подданным. Понятно, что при таком условии христиане не должны уже думать о первенстве, если мусульманскому фанатизму вздумается поднять голову, и королеве английской ничего не останется более, как примкнуть к зеленому знамени. Понятно, что она не может не быть другом турецкого султана.

4 июня 1876 года, пятница

Намерения Англии очевидны: подчинить совершенно своей власти Турцию посредством оказываемого ей теперь покровительства и сделать из нее вассальное для себя государство. Тогда она в Босфоре будет постоянно угрожать России. Эта последняя непримиримый, вечный враг Англии, которая никак не может спокойно спать на своем острове, пока Россия сильна и могущественна.

7 июня 1876 года, понедельник

Бывают дни прекрасные, например вчера, в воскресенье, и сегодня, и эти дни обыкновенно посвящаются прогулкам, которые в этой прелестной местности были бы весьма приятны, если бы меня постоянно не сопровождала мысль, что я даром трачу время. Здоровье мое несколько лучше прежнего, но все еще не восстановляется вполне.

К приезду в Петербург надо подготовить некоторые работы, и эта подготовка не идет как следует.

Что касается до моего здоровья, то я должен примириться с его неполнотою. Мои лета не позволяют полного восстановления моих сил. Я переступил в тот фазис, или период жизни, где человек становится слабее.

9 июня 1876 года, вторник

Прогулка в городок Брун и обратно. Этот обратный путь лежал через прелестную долину, возделанную с большой тщательностью и наполненную чистенькими и весьма зажиточными деревнями.

Иной никак не в состоянии залезть в чужой карман и вытащить оттуда платок или часы. Но запустить руку в казенный сундук, своровать общественные деньги или в качестве директора какого-нибудь общества завладеть воровски и грабительски акционерными деньгами, словом, сделаться государственным и общественным вором — он не считает за стыд.

12 июня 1876 года, суббота

Существуют ли для человека какие-нибудь нравственные обязательства как для существа нравственного? Или, будучи только тварью более смышленою, чем другие животные, он может следовать инстинктам, более или менее грубым или утонченным, признавая вместе с Бисмарком, что сила есть право? Это вопрос нашего времени.

Россия в восточном вопросе, очевидно, проиграла. Англия заняла в нем первенствующее место после того, как произвела в Турции революцию, погубившую прежнего султана. Так в наше время торжествует политика мошенников, которую история не преминет назвать плодом глубокой мудрости. А все-таки я с упорством Галилея не перестану повторять: для человечества должны существовать нравственные законы.

15 июня 1876 года, вторник

Поездка в Цюрих. Я ездил по городу. Весь он тонет в зелени. Прогулка по так называемой Променаде на высоком берегу. Внизу кладбище. Мы остановились в отеле “ДюЛак”, откуда прелестный вид на озеро и горы.

19 июня 1876 года, суббота

Вчера одна дама, М.А.С., прочитала мне несколько строк из письма князя Горчакова к одному из его родственников. Он едет или уже приехал в Югенгейм на свидание с государем. Войны, по его мнению, не будет. Союз трех императоров продолжает быть прочным. Россия не осуждена на одиночество, и английский министр нанес удар в воду. Дай-то Бог!

20 июня 1876 года, воскресенье

Проходя под колоннадой кургауза, я часто встречаю человека, наружность которого меня постоянно поражает своей крайней непривлекательностью. Во всей

фигуре его что-то наглое и высокомерное. На днях, когда мы гуляли с нашей милой знакомой М.А.С. и этот человек нам снова встретился, она сказала: “Знаете, кто это? Мне вчера его представили, и он сам мне следующим образом отрекомендовался: “Барон Геккерен (Дантес), который убил вашего поэта Пушкина”. И если бы вы видели, с каким самодовольством он это сказал, — прибавила М.А.С., — не могу вам передать, до чего он мне противен!” И действительно, трудно себе вообразить что-либо противнее этого, некогда красивого, но теперь сильно помятого лица с оттенком грубых страстей. Геккерен — ярый бонапартист, благодаря чему и своей вообще дурной репутации все здешние французы — а они составляют большинство шинцнахских посетителей — его явно избегают и от него сторонятся. При Наполеоне III он был сенатором, но теперь лишен всякого Значения. О его семейных обстоятельствах говорят очень дурно; поделом коту мука.

Если со Спинозою или с другим подобным ему философом допустить, что мир существует только в силу одной необходимости, без всякой разумной цели, что Бог не принимает никакого участия в управлении и в судьбах мира, то жизнь будет не иное что, как пустая, грубая, даже не остроумная шутка. Ибо какое остроумие там, где беспрестанно льется кровь живых существ, между которыми человек есть самое злосчастное, потому что он одарен способностью мыслить и сознавать свой жребий. Неужели нет лучшего плана миросоздания? Без сомнения, он есть, и есть разумный, вечный его основатель и блюститель. Только план устроен и охраняется по его, а не по нашим воззрениям и целям.

Лица, которым вверены значительные части по управлению, часто говорят своим уполномоченным агентам в случае затруднений, встречаемых при исполнении поручения: “Да сделайте уж это как-нибудь”. Это, конечно, не значит: сделайте дурно, а сделайте, не слишком утруждая себя изобретением способов и особенно не заботясь о законах и условиях дела, чтобы только наружность казалась соблюденною. Это несчастное “как-нибудь” есть камень преткновения, брошенный нашим национальным характером на пути ко всякому прогрессу. Когда же это и не говорится открыто, то подразумевается. И заведующий важною отраслью управления правит тоже в духе “как-нибудь”. Это бывает источником того, что много серьезных дел делается у нас и поверхностно и даже недобросовестно. Руководящая нами сила должна быть *моральная*, и ее должна выработать литература, и именно литература изящная.

21 июня 1876 года, понедельник

Ездил в Цюрих и виделся там с Павлом Васильевичем Анненковым, который уже с месяц как живет в одном из предместий этого города. А прежде он жил постоянно в Баден-Бадене.

“Ни один волос не падет с головы нашей без воли Божией”. Конечно, это справедливо. Падение волос с головы совершиться может не иначе, как по закону, а законы вещей и составляют волю всемогущего и премудрого их виновника.

23 июня. I876 года, среда

Анненков приезжал из Цюриха меня навестить.

26 июня 1876 года, суббота

Ночью такой сильный дождь, какого еще не было во все время нашего путешествия, хотя дождя было-таки довольно везде — и в Италии, и здесь. И сегодня сначала сильнейший ветер, а теперь вот дождь льет как из ведра (12 часов).

М.А.С. очень мила. Я люблю с нею разговаривать. Она часто у нас бывает. Иногда она снабжала меня прелестными розами, а сегодня я получил от нее прекрасный букет цветов. Мы с ней согласились и сегодня вместе отправили к князю П.А.Вяземскому поздравительную телеграмму с днем его ангела.

Оресту Федоровичу Миллеру послал вчера письмо с замечанием на его выходку против Краевского. Присваивая себе чрезмерный контроль над мнениями других, он, как истый Дон-Кихот, сражается с ветряными мельницами.

Может ли Англия или Дизраэли гордиться тем, что они затруднили так политику Европы? Стоит какому-нибудь негодяю или полоумному бросить на рельсы под вагоны бревно, чтобы наделать чепухи. Известна пословица, что один дурак бросит камень, а десять умных его не вытащат.

Россия по тому одному уже необходима для Европы, что она составляет сильнейший оплот против английского варварства, принявшего на себя миссию защищать азиатское мусульманское варварство против цивилизации и просвещения Европы.

7 июля 1876 года, четверг

Конечно, нельзя оправдать просвещенную, цивилизованную Европу, что она допускает перед своими глазами совершаться таким варварствам, такому зверству и посмеянию над всем человеческий, какие совершаются турками в Болгарии. На все, говорят, есть политические причины — у Англии, например, хлопок и фунты стерлингов.

Вмешаться в дела турецкие, говорят, значит возжечь еще европейскую войну, что без сомнения гораздо хуже всякой резни в Болгарии, Герцеговине и проч. Что же значат после этого все прославленные успехи европейских народов, если они не в состоянии прийти к соглашению во имя человечества и справедливости, не заводя ссор между собою, не возбуждая друг в друге диких страстей, честолюбия, корысти, страсти к приобретениям? Но таково человечество — да, таково оно во всех фазисах своего развития.

2 июля 1876 года, пятница

Что же такое жизнь? Драма без развязки? И какая тут возможна развязка? Неужели все дело состоит только в том, чтобы вот этой птичке явиться и пропеть лето, а затем уступить место другой, ею рожденной? Та же пропоет лето и

исчезнет… А человек? Но лучше ни о чем подобном не думать. Не лучше ли просто явиться, пропеть и пропасть? Это было бы недурно, если б человеку суждено было только петь, но он мыслит. Мысль не может быть без вопросов: зачем или почему и для чего?

Все, что здесь написано сейчас, глупо и малодушно.

3 июля 1876 года, суббота

Человек есть X, — вот что следовало бы понять современной материалистической науке, которая полагает, что он есть вполне дознанное животное особого рода или вида. “Все, — говорит она, — подлежит непреложным законам”. Может быть. Но есть законы природы, и есть другие, которые установляет для себя сам человек.

12 июля 1876 года, понедельник

Гораздо легче иметь дело с людьми, которые поддерживают свое мнение, чем с теми, от которых ничего другого не услышишь, кроме *да* и *нет*.

17 июля 1876 года, суббота

В политике существует аксиома, что всякий народ действует и не может действовать иначе, как по побуждению и в духе своих личных интересов. Но беда не в этом, а в том, что эти интересы могут простираться в бесконечность, равно и превратное истолкование их. Так, например, Англия считает себя вправе в своих интересах отравлять миллионы людей опиумом, потому что сбыт опиума доставляет ей миллионы фунтов стерлингов. Так, она поддерживает варварство и фанатизм турок и смотрит одобрительно на совершаемые ими зверства над христианами, потому что этим, по ее мнению, она устраняет влияние России. Так, она готова возжечь всеобщую войну в Европе, потому что ей война по ее территориальному положению ничем не угрожает, а может ослабить воюющие стороны для выгод ее английского могущества. Всего этого требуют национальные интересы Англии.

18 и 19 июля 1876 года, воскресенье и понедельник

Настоящего здоровья нет как нет. А между тем “мне скучно здесь, домой хочу” — пора думать об этом.

20 июля 1876 года, вторник

Тоска все более и более овладевает мною. Сегодня особенно она меня преследует. Вместе с этим вялость, усталость. Что же? Так ли этому и быть? Дать ли волю этому дурному расположению? Конечно, нет. Надобно бороться с ним. Бодрый дух, бодрый дух!

23 июля 1876 года, пятница

Приезжал из Цюриха Анненков проститься со мною: он едет в другую часть Швейцарии к озеру Туну.

Грот писал мне дня три назад, что он из Люцерна переезжает в Интерлакен и Беатенберг. Так как я тоже собираюсь оставить Шинцнах, то не направиться ли туда же и кстати повидаться с Гротом? Если получу от него ответ на мое письмо, посланное третьего дня, то и решу.

Когда хочешь делать дело прочное, то надобно обнажить его от всяких иллюзий, так, как мы отсекаем от дерева ветви, когда намерены употребить его на постройку.

24 июля 1876 года, суббота

Пора, наконец, отделаться от малодушия, служащего основанием скуке и тоске.

С недугом так же надобно бороться, как со всяким житейским злом.

25 июля 1876 года, воскресенье Можно ли основать нравственность на одном знании, как думает Бокль? Нравственность без участия других деятелей — религии, искусства?

26 июля 1876 года, понедельник

И самые сильные духом люди могут подвергаться тревогам в раздумье о своей судьбе, будущности — особенно, когда судьба им не благоприятствует. Но оставаться в этой тревоге долго или постоянно они не могут: это означало бы *малодушие, почти подлость.* Притом беспрестанное обращение к злу, нас угнетающему, только растравляет и ожесточает его, и потому это было бы и крайне неблагоразумно. Мысль укрепляет дух, просветляя его.

27 июля 1876 года, вторник

Сегодня в Берн, а оттуда в Интерлакен.

Возможность бесконечного развития присуща человеческой природе, и в этом все люди одарены одинаковым свойством. Но *степени* этого развития, в свою очередь, также бесконечны. Поэтому то, что составляет потребность и закон для одних, то вовсе непонятно для других.

Еще в детском возрасте (лет 13-ти — 14-ти) внутреннее стремление влекло меня ко всему идеальному, к подражанию великим мужам древности. По их характерам я старался образовать свой характер. Никто не руководил мною, все делалось без помощи науки, хотя успехами моими в школе были довольны и даже,

не знаю уже почему, считали меня первым. Мое внешнее положение было совершенно противоположно внутренним побуждениям.

28 июля 1876 года, среда

Не раскаиваться в своих прежних заблуждениях и ошибках — значит пребывать всегда в детстве. Но приходить в отчаяние от них значит малодушие.

(В Люцерне.) Что составляет здесь предмет всеобщего восхищения — это Альпы. Действительно, удивительное зрелище для человека эти громадные массы, подъем земной поверхности. Но они свидетельствуют единственно о могуществе природы, которая слепо громоздила здесь граниты на граниты, массы на массы. Настоящая красота — в этих скатах и долинах, покрытых богатою растительностью, в их разнообразных очертаниях, выражающих жизнь и бесконечное движение, игру сил, драму, а не косную, оцепенелую, застывшую и уснувшую навеки материю.

29 июля 1876 года, четверг

Довольно хорошо себя чувствовал. Прогулка вечером к подошве Риги.

Европе недостает того, что есть у России, — сердца.

31 июля 1876 года, суббота

Политическая нравственность состоит в соблюдении того же самого элементарного, простого и общепризнанного правила, которое существует и для честных людей: *чего себе не желаешь, того другому не делай.* Дальнейшее развитие этого правила состоит в противодействии обществ и государств всякому личному честолюбию или национальному самолюбию, попирающим справедливость и человеческое достоинство у других народов посредством тайных интриг или подстрекательств к деяниям, несогласным с правилом: “чего себе не желаешь, того другому не делай”.

Политическая нравственность состоит в том, чтобы не делать ничего противного человеческому достоинству и ничего несправедливого.

а) Противно человеческому достоинству, например, поддерживать варварские обычаи народов малоцивилизованных.

б) Противно справедливости — свои интересы делать преобладающими над интересами всех других народов.

Противно также всякой справедливости — с народами слабейшими поступать как с себе подвластными, посягая на их самостоятельность, на свободу действий и право.

Почему Англия присвоила себе опеку над Турцией и покровительствует всем ее зверствам над восставшими и не восставшими христианами, почему она не воздерживает Турцию в этих злодействах? Потому, что она хочет торжества Турции

и истребления христиан? Но она очень хорошо понимает, что последнего она не в состоянии достигнуть, — до этого не допустит Россия. Когда же последняя вступится в дело уже существенным образом — тогда война. Англия этого и домогается, предполагая, что это будет новая Крымская война, которая довершит упадок России. В этом главное правило политической нравственности Англии. А что же Европа? Да ничего. На унижение России она посмотрит с большим удовольствием. Это тоже правило высшей цивилизации. Пусть другие народы хоть погибают, лишь бы до нас не дошло.

Тут нигде нет и речи о равновесии интересов. Не напрасно Бисмарк произнес свой знаменитый афоризм: *сила есть право.*

В 5 часов вечера прогулка за городом. Сперва места довольно пустынные; потом мы углубились в ущелье посреди дикого леса и обогнули Пилат по деревне, раскинутой в долине почти у подошвы его. Все это составляет прелестную картину природы. Но мне больше понравилась дорога к Риги и гостиница против самого Риги, где я с удовольствием посидел на балконе и выпил стакан красного вина.

2 августа 1876 года, понедельник

Памятник в честь швейцарцев, павших при защите Людовика XVI в первую французскую революцию: умирающий лев. Изящное художественное произведение. Лев сделан из мрамора и иссечен в скале.

3 августа 1876 года, вторник

От жары не знали, куда деваться. К вечеру носились тучи, и даже где-то прозвучал гром, упало несколько капель дождя - и только. Стало немножко прохладнее, и мы до позднего вечера то просидели на берегу озера, то проходили.

6 августа 1876 года, пятница Последняя прогулка в Люцерне к гостинице против Риги. По первому впечатлению вещи всегда кажутся или лучше, или хуже, чем они есть.

7 августа 1876 года, суббота

Едва ли можно представить себе что-нибудь прекраснее и величественнее этого амфитеатра гор вокруг озера перед самым Люцерном. Я постоянно любовался этим зрелищем из окон моего отеля, или проездом к подножию Риги, или с балкона гостиницы, где подавали мне чашку кофе или стакан красного вина. Так было и вчера, когда в последний раз мы ездили к этой гостинице.

С бодрым духом, с бодрым духом — в Интерлакен.

В 11 часов утра из Люцерна в Тун.

Дорога между гор от Люцерна до самого Туна — по прелестнейшей долине,

испещренной чистенькими и красивыми швейцарскими шале. Огромное село, славящееся выделкой швейцарских сыров.

8 августа 1876 года, воскресенье

Утро в Туне. Великолепный отель “Тун” с таким же садом. Справились о Гроте. Он еще здесь, то есть в Интерлакене. Итак, я увижусь с ним.

Главные страсти людей — *самолюбие и корыстолюбие: я* умнее всех, и я хочу быть богаче всех. Отсюда все прочие пороки берут свое начало.

Италия и Швейцария — прекраснейшие страны. А что такое Англия? Пузатый, ожиревший торгаш, измеряющий достоинства людей суммою добываемых ими барышей.

Есть люди, не совершающие великих подвигов и потому не попадающие на страницы истории, но которые, однако, так резко отличаются от окружающей их толпы, что было бы очень жаль и было бы потерею для хроники благородных человеческих инстинктов, если бы о них не сохранилось воспоминания. Вот эти-то люди и должны бы служить материалом для записок, то есть для того рода исторических произведений, которые, обозревая поле жизни, не вяжут из человеческих деяний тучных снопов, а подбирают их в одиночку, как забытые на ниве после жатвы колосья — забытые, одинокие, но все-таки свидетельствующие об обилии минувшей жатвы.

9 августа 1876 года, понедельник

В Беатенберг к Я. К. Гроту, где нашли и все его семейство. Чудная дорога по окраинам гигантских гор, откуда, между прочим, была видна во всем своем неприступном величии “Юнгфрау. Мы ехали более двух часов.

Только мы успели возвратиться из дальней поездки, как пошел сильнейший дождь с грозою и градом и лил чуть не целую ночь. В небольшой промежуток между дождем, вечером, навестил меня Грот с женою. Они остановились у брата и с ним собираются на экскурсию куда-то в горы.

12 августа 1876 года, четверг

Как часто приходится мне сражаться за границею со скукой. Останемся где-нибудь на несколько дней, начинается и продолжается прескверная погода. Прогулки делаются невозможны. Надобно сидеть в отеле. Дела существенного никакого нет. Я то записываю кое-что в своей записной книжке, то обдумываю план какой-нибудь статьи и бросаю его на бумагу. Проходят день за днем. Вот, например, я в Интерлакене уже три дня, выйти никуда нельзя или, если можно, так только на самое короткое время: беспрерывный дождь.

Современная восточная политика очень проста: турки желают или избить христиан, которые находятся в соприкосновении с ними, или сделать их

совершенными и безответными рабами. Англия говорит: “Конечно, конечно, я тебе помогу, если ты желаешь быть моим вассалом и предоставишь мне полное господство над Дарданеллами и Константинополем, чтобы я могла завести там такой рынок, на котором бы сбыт моих хлопчатых, шерстяных и прочих товаров не имел пределов и фунты стерлингов со всех стран света лились в мои карманы”. А Европа что? Европа находит эту политику очень ловкою, глубокомысленною и не лишенною величия, хотя и не совсем для себя приятною. Она безмолвствует или пишет дипломатические ноты, над которыми Дизраэли смеется. Одна Россия ворчит и на что-то покушается, но никто не слушает и не боится ее.

Да, ведь все это гнусно, бесчеловечно, противно всем требованиям цивилизации! Ведь всякий знает, что это ложь, везде ложь, прикрытая пышными фразами: вот вам и цивилизация Европы!

14 августа 1876 года, суббота

Переезжаем в Тун. В Туне в три часа, а из Интерлакена выехали в час и двадцать минут, сперва по железной дороге, а потом пересели на пароход.

16 августа 1876 года, понедельник

Для меня ненавистна всякая глухая вражда. Если уж необходимо иметь врагов, то борись с ними грудь с грудью, прямо. Наносить тайные удары есть величайшая подлость, а остерегаться их беспрестанно — великое горе.

Имя англичанина в настоящее время до того сливается с именем турка в одном и том же понятии, что когда видишь многих англичан вместе, что беспрестанно случается, то мне становится страшно. Так и думаешь: вот-вот выскочит и накинется на тебя башибузук или черкес.

Цивилизация довела внешность до высокой степени совершенства.

17 августа 1876 года, вторник

Приятное известие. Кельнер отеля сообщил мне, что сербы под начальством М.Г.Черняева жестоко разбили турок после шестидневного ожесточенного боя. Кельнер выразил при этом свое полное удовольствие и нелюбовь к англичанам. О России он говорит с любовью и удивляется только тому, почему она не возьмет вполне в свои руки восточные дела.

Хорошая прогулка в экипаже вокруг озера по направлению к Интерлакену. На правой стороне великолепная картина снежных Альп, а за ними — Юнгфрау во всем блеске своей снежной одежды. Мы проезжали очень красивыми местами по берегу и деревеньке с очень хорошенькими коттеджами.

День хотя и не очень теплый, но довольно приятный, а главное — без дождя.

“В русской политике, конечно, есть много благородства, но я не верю ей, — говорит Европа, — именно по причине этого благородства. Оно гораздо менее

понятно, чем политика Англии, заботящаяся о хлопке, фунтах стерлингов и т.п., и потому мы верим более Англии, которая относится практичнее к вопросам общечеловеческим”. Какое дело Европе до этих вопросов? У ней есть свои фабрики, свои торговые дела, и для них она не станет предаваться отвлеченным идеям о правах народов и проч. Пусть льется кровь на Балканском полуострове!

20 августа 1876 года, пятница

Сегодня кельнер принес нам английскую газету “Daily News” N 30, в которой помещена прекрасная статья из Бухареста о неистовствах турок в Болгарии. Она прямо говорит о гнусной и недостойной политике Дизраэли и его креатуры, посланника Эллиота. О турках, как самовидец, автор говорит только то, что мы уже знаем и чего не знает или не хочет знать Англия.

21 августа 1876 года, суббота

Если что решительно предпринято, то надобно смело исполнять, не обращаясь ни вспять, ни по сторонам, и уже не думать, что в предпринятом не все обдумано с настоящим тщанием, то и то упущено или могло бы быть соображено иначе. Все эти колебания изобличают малодушие. Главное — в целости и цели предпринятого, а соглашению подробностей и умозаключениям о том, что было и могло быть, если бы… и проч., — этому нет конца.

22 августа 1876 года, воскресенье

Если у русских находятся средства посылать значительные пособия воюющим славянам, то как не найдется у нас таких же средств, когда настанет нужда помогать самим себе против врагов?

Надобно, однако, отдать справедливость англичанам; и они тоже посылают на театр войны санитарные пособия — туркам.

В Цюрих в половине 6-го, отель “Бельвю”.

23 августа 1876 года, понедельник

Цюрих. Поутру ботанический сад, довольно плохонький. Оттуда на террасу, откуда Цюрих и его окрестности видны очень хорошо.

Бог, происхождение мира, происхождение человека и его судьба — все это неразрешимые тайны философии и вообще науке никогда не удается в них проникнуть.

Может ли самый возвышенный ум устранить от себя религиозное чувство? Одно религиозное чувство может ручаться за серьезное значение жизни. Иначе все прах и суета.

Что ты мятешься и волнуешься, как пылинка, несомая ветром? Хороший хозяин

старается издерживать менее, чтобы приобретать больше. Не расточай своих мыслей на пустяки, на роскошь праздных умозрений и старайся так их направить и употребить, чтобы они что-нибудь могли прибавить к капиталу твоего внутреннего довольства.

Крайне безрассудно и малодушно не сносить небольших, постоянно нас осаждающих забот жизни единственно потому, что они не ведут к крупным последствиям. В жизни все или очень мелко, или очень крупно.

Швейцария поражает несоразмерностью состояний, несмотря на свой демократизм. В городах воздвигают дворцы, есть селения богатые, где в каждом почти шале видны изобилие и довольство. Но рабочие, не имеющие ни земли, ни своих шале, страдают тяжкою нищетою. Стоит взглянуть на их изможденные лица, на лохмотья, покрывающие их тело, на их беспрерывные работы под сильнейшим зноем, чтобы убедиться, что швейцарцы далеко не все благоденствуют. Вообще слышны жалобы, что достаточные люди обращаются жестокосердно с неимущим горьким бедняком — детищем поденного труда.

Сила, которою злоупотребляют, никогда не бывает надолго сильною.

24 августа 1876 года, вторник

Есть умы, вечно колеблющиеся между верою и неверием. Современная наука отвергает *веру*, вполне доверяя одному *знанию.* Но знание способно ли разрешить все наши недоумения относительно нашей судьбы и назначения?

Вера есть не иное что, как убеждение, что в общем ходе и плане мироустройства все разрешается так, как должно быть, — и не более и не менее, как должно быть, значит, разрешается удовлетворительно.

Как было бы утешительно и сладостно приобщиться божественной любви, если бы не эти бесчисленные страдания, которые осуждено терпеть все живущее и особенно человек. Страдания возмущают любящую душу, душу готовую излиться в страстной любви к виновнику всякой жизни. А между тем высшая мудрость в том и состоит, чтобы ничем не возмущаться. О, как это невыразимо тяжело!

Как согласить вечную благость со злом, господствующим в мире? Над этим тупеют самые могучие умы.

Самое глубокое чувство скорби, когда сознаешь свое бессилие облегчить страдание подобных себе существ. Каждое удовольствие, которое ты вкушаешь, кажется тебе воровством у нищеты и горя их.

Турки так же неповинны в своих злодействах, как неповинен тигр в своей кровожадности. Но вот что непонятно: каким образом нация, народившая Ньютона, Шекспира, может встать на путь такого мелкого самолюбия!

25 августа 1876 года, среда

Из Цюриха в Шафгаузен, а потом в Констанс. Цивилизация, усилившая до

высокой степени наслаждение и удобства жизни, не сделала ли людей до того к ним чувствительными, что погасила или ослабила в их сердцах высшие чувства добра, правды и красоты? Отсутствие веры во все святое и великое слишком дает себя чувствовать посреди современной цивилизации.

В русском народе есть одно замечательное свойство — чувствительность. Оно вовлекает его в разные безрассудства, но оно же служит источником многих прекрасных и благородных поступков, доходящих до самоотвержения, чего в Европе нет.

“Русский мир” запрещен — за что? В решении министра, как обыкновенно, не говорится ничего о причинах. [За пропаганду чрезмерно агрессивной внешней политики России.]

Трудная задача выпала на долю нынешнего государя нашего: сохранить европейский мир, не уронив достоинства своего народа.

Самое трудное в этой задаче — укротить Англию, которая, как бешеная собака, рвется на Россию. Ей хочется во что бы то ни стало втянуть в войну Россию, тем более что от нее самой, то есть от Англии, война эта не требует никаких жертв — ничего, кроме тайных подстрекательств и интриг. Англия хочет быть в стороне.

Шафгаузен, водопад. Мы близко, но быстро промчались мимо него, однако я довольно хорошо его видел.

26 августа 1876 года, четверг

В Констансе.

То, что кажется для нас невозможным, возможно для высшего разума и всемогущества. Например, соглашение разных противоречий, обуревающих наш ум и сердце.

Из Констанса в 11 с половиной часов по Констанскому озеру на пароходе в Фридрихсгавен. Оттуда по железной дороге в Ульм. Во все мое путешествие не было скучнее переезда, как этот, от Констанса до Мюнхена.

Ульм. Бесконечные равнины, кое-где пересекаемые холмами, и чем ближе к Ульму, тем все становится однообразнее и скучнее.

27 августа 1876 года, пятница

Ульм дрянной, хотя и довольно большой город. Дрянная гостиница. Дряннейшая погода с сильнейшим ветром. Приходится просидеть в дрянной комнате до 4 часов, чтобы ехать в Мюнхен.

Напрасно Европу считают политическим союзом великих государств и народов: это не иное что, как огромная мануфактура для производства разных изделий. Все умы заняты этим производством: капиталисты и рабочие — и между ними вечная борьба. Политика Запада занята единственно тем, чтобы побольше вырабатывать товаров и поболее сбывать их, — и поэтому Англия и занимает первое место в

политике.

До 4 часов пополудни надобно было пробыть в этом гадком Ульме и его довольно гадком отеле. В половине 5-го с курьерским поездом отправились в Мюнхен. Только этот курьерский поезд оказался весьма не быстрым.

Выпал неприятнейший эпизод из всего нашего странствования. Уже от самого Констанса нас начала сопровождать скука. Почти непрерывное однообразие страны особенно утомило нас, избалованных Италией и Швейцарией; торфяные пространства, очень, конечно, полезные, но и очень безобразные. Скуку нашу довершил престарелый Ульм. Затем наступила пятница — гадчайшая из всех проведенных нами за границей дней. Дождь, ветер, чуть не до бури доходящий, холод — все это родные братья нашей петербургской природы. Мы до половины 4-го просидели в нашем отеле, не высовывая, как говорится, носа из комнаты, вовсе не привлекательной. Одну справедливость, однако, надобно отдать нашему пристанищу — в нем оказались обед и услуги недурны.

Наконец, в дождь мы перебрались на железную дорогу, и хотя сказано было, что курьерский поезд отправляется в половине 4-го, однако мы прождали его более часа. Наконец поезд тронулся, и мы, нельзя сказать, помчались, но, по крайней мере поехали. Дождь с холодом ливмя лил, но мы уже были от него в безопасности. Вот, наконец, мы добрались и до Мюнхена, потонувшего перед нами во мраке. Был уже 9-й час вечера или ночи. Здесь-то и произошла настоящая суть наших бедствий. Выйдя из вагона, мы, разумеется, тотчас бросились к омнибусам, которых у дебаркадера стояло бесчисленное множество, — чтобы скорее добраться до отеля. Не тут-то было. Нас ни один из омнибусов не принял: все места в отелях разобраны по телеграммам, и омнибусы принимали только взявших эти места заранее. Пришлось при шуме ветра и дождя блуждать по дебаркадеру, пока отыскали извозчика с помощью услужливого полицейского. Но вот мы в коляске, а дождь делает свое дело, холод также. Не раз благословлял я мои бесценные калоши, не уязвимые никакою мокротою. Наша одиссея в полумраке была очень интересна. Куда ни подъедем к отелю, везде один и тот же ответ: нет мест. Так объехали мы пять или шесть отелей. Наконец нам указали так называемую приватную квартиру, где дают комнату и больше ничего. Мы рады были и этому, чтобы не ночевать на улице. Комната, нам отведенная чуть не на высоте мансарды, оказалась недурною. Тут мы кое-как и угнездились на ночь.

Но тут же, вероятно для того, чтобы напомнить нам наше дорогое отечество, и хотели нас надуть. Мы спросили чаю. По уговору, хозяйка должна была послать за ним в ближайший отель, чего мы и ожидали. Но ей хотелось взять с нас для себя за чай, и она подала нам своего чаю, то есть какой-то гнуснейшей травы, настоянной в холодной воде. Мы потребовали, наконец, настоящего чаю, и нам принесли его уже из отеля, хотя тоже не Бог знает какого достоинства, но все-таки похожего хоть несколько на настоящий чай. Слава Богу, никаких последствий от вчерашнего шатания для моего здоровья не произошло. Я немного только устал.

28 августа 1876 года, суббота

И сегодня ни одного места в отелях не оказалось. Завтра едем в Зальцбург.

Что нам всего нужнее? О, многое, скажут нам: улучшение финансов, усиление промышленности и торговли, администрация, в которой как можно было бы менее изъятий из закона и злоупотреблений.

29 августа 1876 года, воскресенье

Уезжаем в Зальцбург. Вчера и сегодня погода гнусная. О Мюнхен, о Мюнхен! Как ты противен мне и твоя выставка с лицемерным чествованием искусства. А главное, что в тебе не нашлось места для скромного путешественника!

Дипломатия есть не иное что, как совесть политики, совесть, которую беспрестанно оскорбляют, хотя на нее и ссылаются, когда дело идет о каком-нибудь очень крупном зле.

Половина дороги от Мюнхена к Зальцбургу — скучная и однообразная равнина. Но подвигаясь ближе к Зальцбургу, встречаешь снова старых знакомых — горы. Это Тирольские Альпы. Прибыли в Зальцбург. Гостиница “Европа”. Дождь с ветром и холодом.

Я все стараюсь отыскать в русском народе элемент, который бы послужил стимулом к образованию его характера и способен бы был возвысить его нравственно и политически.

30 августа 1876 года, понедельник

Приятная прогулка по городу и по чрезвычайно живописной долине в замок и парк Шварценберга. Вершины снежных Тирольских Альп. На скале замок Мирабель. Немного пониже женский монастырь. Напротив, по другой стороне реки Зальцах, тоже на высокой скале, монастырь капуцинов. Отсюда вдоль гор по их крутым скатам тянутся стены крепости. Из окон моей комнаты видна на далекое пространство прекрасная долина.

31 августа 1876 года, вторник

Инстинктивное непреодолимое чувство влечет нас к родине, несмотря на все ее неурядицы.

Что бы ни говорил опыт и рассудок, а мы часто любим то, что по их внушению не заслуживает любви.

Финансы, промышленность, торговля, словом все, что составляет богатство народов, достигается медленно.

Школы могут совершенствоваться тоже не иначе, как постепенно. Но надобно, чтобы они составляли главный предмет народных усилий. Они не только важны для нас в отношении к развитию и общей образованности — в них должно созреть и вырасти наше национальное, нравственное и умственное могущество в тех

своеобразных чертах, какие свойственны нашему духу и положению. Наши школы не должны приготовлять ни материалистов, ни идеологов: они должны приготовлять людей, верных закону и долгу, людей, которые были бы способны стоять крепко под знаменем своего отечества.

Главное, что отличает современную цивилизацию, — это до крайности доведенное усиление принципа *индивидуальности*.

Линц. Дорога сюда из Зальцбурга довольно скучная — почти вся в лесах. Отель “Эрцгерцог Карл”. Перед окнами Дунай, здесь уже довольно широкий.

1 сентября 1876 года, среда

Погода нехорошая. Сильный ветер и, кажется, холодно. Может быть, и потому еще не любит нас Европа, что она считает нас отсталыми в образованности и как бы незаконно насильственно вторгнувшимися в среду ее народов. Что касается до отсталости нашей, то мы этого вовсе не скрываем, а к тому и многое уже заимствовали у народов, нас опередивших на этом пути. Что же тут достойного неприязни? Мы, напротив, думаем, что Европе не совсем приятны успехи, которые в короткое время доказали, что мы в состоянии многое сделать и что эти успехи ручаются за высокую будущность. Может быть, Европе и было бы лучше, если бы мы оставались в прежней неподвижности и закоснелости. Ведь с варварами можно делать все, что угодно, можно производить у них революции, когда это кому нужно, навязывать смешные конституции, свергать с престолов одних государей и возводить других — словом, распоряжаться в варварской стране для своих выгод.

1-го, в среду, из Линца утром. Прелестные места, особенно при повороте Дуная. Незадолго до Вены прекрасные дачи по извилистой прекрасной долине. С одной стороны. лес, называемый Венским.

3 сентября 1876 года, пятница

Вена.

У русских здравый природный смысл, делающий их способными ко всему человеческому. В них большая доля жизненности и теплоты сердца. В разуме России много еще неразвитого. Но он разовьется, ибо Россия уже идет путем развития. Теплота сердца при известных обстоятельствах способна в ней дойти до самоотвержения. Кажется, это хорошие залоги будущего.

10 сентября 1876 года, пятница

Петербург. После продолжительной и тяжкой болезни я, по совету врачей, 30 марта отправился за границу, чтобы там, на свободе, чистым южным и здоровым воздухом поправить свое здоровье. Всего провел я за границей пять месяцев и возвратился в Петербург 8 сентября в среду, по Варшавской железной дороге.

Что же мое здоровье? Оно не восстановилось вполне, но заметно улучшилось.

Меня пугают влиянием здешнего климата — да ведь всю жизнь ладить надобно с ним.

Дорогой я вел краткие заметки. Но теперь возобновляю мой обычный дневник. Итак:

11 сентября 1876 года, суббота

Англия,до такой степени завистлива и корыстолюбива, что она готова была бы, если бы могла, весь земной шар превратить в рынок, где никто не мог бы ничего продавать, кроме нее, и где бы даже не существовало другого рода людей, кроме торгашей и покупщиков.

12 сентября 1876 года, воскресенье

Поездка моя за границу не привела меня к полному восстановлению моего здоровья, она только несколько содействовала его улучшению. Впрочем, в последнее время я меньше чувствовал слабости и меньше усталости, а дыхание мое было совершенно свободно. Но вот дня два, как начался у меня кашель, а сегодня с утра часов до трех я претерпевал большую слабость.

В конце концов мне, кажется, предстоит борьба физическая, похожая на ту, какую вынес я до поездки за границу. Что же тут делать? Будем бороться. Надобно опять взывать к мужеству и бодрости духа. Хуже всего, что я, по всей вероятности, не в состоянии буду продолжать моей службы в Римско-католической академии.

Нельзя не признать в человеке некоторой естественной наклонности к добру, к уважению нравственных начал. Это доказывается, между прочим, и на мне. Не имея ни малейшей возможности быть полезным людям в том, что они считают своею пользою и благом, будучи совершенно безвластным, да даже безгласным в обществе, живя, так сказать, единственно по милости наших служебных и административных предрассудков, я тем не менее встречаю много сочувствия к себе и расположения от людей, которые решительно ничем от меня пользоваться не могут, и встречаю это единственно потому, что я честный человек и всегда был готов и словом и делом споспешествовать нравственному возвышению человека, хотя в том чрезвычайно мало успевал, отчасти по неспособности моей, а отчасти и по недостатку к тому средств.

16 сентября 1876 года, четверг

Если вы в искусстве даете мне ту же грязь, какую топчем мы в действительности и в жизни, то на что оно мне?

Искусство, говорят, украшает жизнь, смягчает нравы, развивает вкус к наслаждениям благородным, чуждым всего грубого и безобразного, — оно отличает человека цивилизованного от дикаря. Все это правда. Но все это касается более внешнего, чем внутреннего состояния человека, если искусство не хочет иметь

никакого дела с идеалом. Идеал служит удостоверением, что человек может быть лучше, чем он есть или бывает. Стремление к идеалу есть путь к нравственному прогрессу.

17 сентября 1876 года, пятница

Слышен запах войны в воздухе. У нас делаются и приготовления к ней. Англия умерила несколько свой энтузиазм к туркам и их зверству. Но она все-таки боится за Константинополь, чтобы он не достался России. Константинополь ей нужен как рынок: хлопок и фунты стерлингов составляют высший идеал ее в политике. Австрия допускает на Балканском полуострове одно status quo с небольшими изменениями в пользу славян. Она притворяется, что верит, будто Турция это сделает без понуждений с чьей бы то ни было стороны, и потому явно покровительствует туркам и враждебно смотрит на Россию. Россия не может отступиться от своих требований, сто раз всячески заявленных Европе, не желая воспользоваться ни пядью земли от разлагающейся Турции. Но ее усилия ни к чему не привели, кроме оскорблений со стороны Англии и Австрии. Итак, честь народа, который теперь находится в сильнейшем возбуждении, требует защиты и оружия. Упрекают наше правительство, что оно и так долго слишком было уступчивым перед наглостью своих недоброжелателей.

Не все веселое бывает умно и не все умное весело.

19 сентября 1876 года, воскресенье

Что же это такое? Или я делаюсь совсем неспособным для жизни?

Какие нравственные основания поступков вы придумаете для людей, которые хлопок и фунты стерлингов считают высочайшею задачею жизни и цивилизации, а прогресс полагают в том, чтобы как можно более сбывать другим, разумеется с барышом, фабричные продукты хлопка? Итак, хлопок и фунты стерлингов — вот в чем вся мораль Англии. И это, впрочем, ничего бы. Но зачем это отвратительное лицемерие, эти митинги в пользу человеколюбия, эти религиозные провозглашения, весь этот вздор глубоко развращенного народа, который хочет казаться цивилизованным и христианским!

22 сентября 1876 года, среда

Какое-то неопределенное, но неудовлетворительное расположение духа. Причина этого, конечно, в плохо восстановляющемся здоровье. Это причина физическая, но влияние ее простирается без сомнения и на область нравственную. Как же тут быть? Надобно стараться в нравственной области вызвать силы, которые могли бы бороться и отстаивать себя от неопределенных физических влечений. Это необходимо, другого исхода нет.

23 сентября 1876 года, четверг

Лучше оставаться в сомнении, в нерешимости относительно некоторых вопросов высшего значения, нежели их игнорировать или отрицать их значение, важность и необходимость для человечества.

25 сентября 1876 года, суббота

Прогулка в экипаже. На кой же черт была эта поездка за границу, когда надобно продолжать те же церемонии с моим глупым здоровьем, как и до отъезда?

27 сентября 1876 года, понедельник

Какое-то серьезное недовольство на меня налегает. Надобно призвать в помощь все свои нравственные силы.

28 сентября 1876 года, вторник

С чем бы ни приходилось вам бороться, но главное условие всякой борьбы есть *мужество* и твердое намерение не поддаваться тягостным впечатлениям настоящего.

Если бы нужно было особенное доказательство нашей умственной незрелости, недостатка в нас основательного знания и вообще недостатка нашего образования, то его нашли бы в той ребяческой самоуверенности и заносчивости, с какими наши так называемые передовые умы решают самые трудные вопросы человечества.

3 октября 1876 года, воскресенье

Все то же дурное состояние здоровья. Иной день меньше, другой больше слабости в теле, а она-то и составляет главную мою беду.

5 *октября 1876 года, вторник*

В наше время доброкачественность и достоинство каждого человека измеряются не тем, умен ли он или нет, — умны все, — а тем, в какой мере каждый из нас способен отказаться от мысли, что он умнее всех на свете.

Я враг всего модного в науке, в искусстве, в мышлении, но это не значит, что я враг всего нового. Новое — это действительный шаг вперед, шаг прогресса. Модное — это мнимый шаг вперед, изменение существующего не потому, чтобы это изменение было нечто лучшее, но, напротив, без всякой гарантии улучшения.

6 октября 1876 года, среда

На днях напечатан новый закон, требующий, чтобы всякий местный чиновник:

губернатор, генерал-губернатор и градоначальник издавали свои собственные правила, касающиеся благочиния, благоустройства и безопасности. Вот *децентрализация*, сущность которой состоит в том, что Россия отдается.

К чему привела нас мудрая внешняя наша политика? Россия оказывается ущемленною между крайним унижением и войною. Кажется, ни к чему не повели нас все нежности, расточенные нами в таком обилии перед Пруссией и славянами. И Франция становится нашим врагом.

Человек довольно гадок и несчастлив, а материалисты стараются сделать его еще гаже и несчастнее.

7 октября 1876 года, четверг

Знания не разъясняют и не в состоянии разъяснить всего, что нужно для нашего человеческого существования. Нужно прибегнуть к идеям.

Вечером, часов в 11, приключилось нечто такое, чего я не ожидал. Днем я чувствовал себя довольно порядочно, гулял в экипаже и даже с четверть часа прошелся по Летнему саду, заехав предварительно к президенту [Академии наук] и записавшись там. Но вечером почувствовал во всем теле жар и озноб вместе с слабостью и вдобавок боль в груди. Приехавший Бессер (доктор) нашел во мне лихорадочное состояние. Но этот внезапный шквал в груди с неприятным состоянием в теле меня огорчил. Неужели невозможно для меня прочное облегчение, если меня постигают так внезапно и так неожиданно пароксизмы? А еще хотел завтра ехать в заседание Академии. Как же я на будущее время могу устроить мои дела в обеих академиях! Это крайне меня беспокоит.

8 октября 1876 года, пятница

Вечером был Краевский. Он рассказал мне о своем печальном положении вследствие воздвигнутых на него нападений со стороны всех журналистов наших. Поводом к этому, как он сам сознается, была ошибка его собственная. В одном из номеров “Голоса” было сказано, при начале еще, войны, что Сербия не приготовлена к ней и что едва ли благоразумно, что вассальное государство восстает против своего сюзерена. При том возбуждении умов, которое охватило все наше общество и народ, это, конечно, была ошибка. Но все-таки ведь это было одно мнение, не более — и мнение притом такого органа, который постоянно стоял за славян и, еще важнее, всегда был на стороне лучших общественных интересов, несмотря на взыскания, которым он подвергался со стороны администрации. Как бы то ни было, а все в этом против “Голоса” и его редактора, а газета “Новое время” наповал начала ругать “Голос”. Дошло, как это у нас часто бывает, до самых нелепых толков и слухов — что “Голос” подкуплен англичанами и даже турками. Но вот, что уже из рук вон, как говорится: Орест Миллер на лекции в университете так раздул в студентах ненависть против “Голоса”, что, говорят, они хотят послать ему ругательный протест.

Я ни за кого не стою, тем более что невозможно добиться, где правда. Но мне

жаль Краевского. Он своею газетою много содействовал к разъяснению наших нужд, а ему приписывают уже черт знает какие гадости. Но главная вина его в глазах его собратьев по ремеслу не в его газетной ошибке, а в том, что постоянным трудом, и трудом полезным для общества, в течение многих лет он приобрел порядочное состояние, и газета его в последнее время достигла до 17 000 подписчиков.

Война, кажется, решена окончательно.

Кто в настоящее время хотел бы у нас рассуждать, тот сделал бы непростительную ошибку: везде только гвалт, крики, шум. Всякое разумное слово будет задушено и пришиблено. Это род всеподавляющего террора.

10 октября 1876 года, воскресенье

Когда опыт и лета разоблачают пред вами жизнь, вы чувствуете ее пустоту и ничтожество. Только в неопытности и незнании ее заключаются настоящие основы деятельности. Поэтому понятно, что молодость действует сильно и живо, и упрекать ее в этом было бы и несправедливо и глупо. Это значило бы упрекать ее в том, что она деятельна и жизненна.

11 октября 1876 года, понедельник

Существует ли какое-нибудь ограничение для человеческих поступков, кроме внешних условий природы и существующего порядка вещей? Другими словами: существует ли закон внутренний, закон совести, нравственный закон, который бы ограничивал наши поползновения к таким или другим деяниям?

Были ошибки против правил благоразумия в моей жизни, были проступки, но преступлений или дурных дел не было. А все-таки приходится теперь отвечать за все сделанное даже в давно прошедшем.

Надобно же, по крайней мере теперь, избегнуть малодушного и тщетного сетования, зачем то сделано так, а не иначе, или это не сделано. Хуже всего был бы упадок духа.

13 октября 1876 года, среда

Каждый день начинается мыслью: *борись и крепись.*

14 октября 1876 года, четверг

Едва ли настоящая минута не самая благоприятная для России, чтобы с честью выйти из своего затруднительного политического положения. Она может начать войну, не опасаясь навязать себе европейскую коалицию.

23 октября 1876 года, суббота

Несколько предыдущих дней было недурно, а сегодня опять неудовлетворительно.

Терпение, терпение и терпение.

Цивилизация, служащая источником всякого прогресса, в самом деле производит великие вещи. Она делает человека умнее, знающее, увеличивает его внешнее благосостояние и проч. и проч., но взамен она делает его коварнее и безнравственнее. Он меньше делает открытого, грубого зла своему ближнему, но втайне подкапывает его благо, его честь. Строить ему всевозможные козни он считает для себя за ничто: это значит искусство жить. Главное, он убивает в себе веру во все высшее. Человек по *количеству*, а не по *качеству* способностей своих выше животного. Вот и все, чего добилась современная наука. Вероятно, она изменит со временем эту гипотезу, которая, однако, теперь составляет краеугольный камень всех дел и системы человеческих поступков. Цивилизация только усовершенствовала и, правду сказать, довела до высокой степени совершенства наши способности. Но далее куда же мы пойдем?

Когда нахал без всякого серьезного образования и знаний, с одними фразами фельетонного глумления, может завладеть общественным мнением нашим, так чего же стоит это мнение?!

30 октября 1876 года, суббота

Был один чрезвычайно благоприятный-момент для наших нынешних дел относительно славян и в Турции. Это когда Европа предоставила России начать в Турции военное экзекуционное движение. Мы могли предложить Турции свой ультиматум. Мы и предложили его с требованием ответа в 18 часов. Дело шло о перемирии и об условиях будущего мира, между которыми главное было — гарантия в исполнении условий договора со стороны турок при содействии нашей оккупации. Что же вышло? На перемирие турки согласились, сократив шестимесячный срок на двухмесячный. О прочем ни слова. Мы это и приняли. И вот опять открыты в течение двух месяцев двери для всевозможных дипломатических уверток и интриг. Между тем приготовления к войне делаются самые значительные. Почему же такая медленность и отсрочка? Общее неудовольствие по поводу наших колебаний и нерешимости.

2 ноября 1876 года, вторник

Скверно, гнусно. Если уж умирать, так зачем такие церемонии? То хуже, то лучше. В теле слабость… хоть не столь большая, чтобы мешать мне ходить по комнате. И все такое неладное, и в груди сидит враг, который хотя теперь (2 часа) молчит, но к ночи, вероятно, запустит в меня свои когти.

О, природа умеет мстить нам за наши ошибки. Но не будем же малодушны и станем по возможности отстаивать свою жизнь, а когда природа нас захочет совсем прибрать к своим рукам, будем повиноваться ей без малодушия и ропота.

7 ноября 1876 года, воскресенье

Все гадко по-прежнему. Что такое турки? Стая бешеных собак, ошалевших от сознания своего бессилия. А что такое англичане? Цивилизованный народ, извлекший из прогресса основание *рыночной* политики.

9 ноября 1876 года, вторник

“Голос” находится в страшной вражде с “Новым временем” с самого дня существования последнего. В сегодняшнем номере “Голоса” помещена большая статья по поводу воинственного азарта “Нового времени”, которое всячески клеймит его, “Голос”, за наклонность будто бы его к миру во что бы то ни стало.

Нет хуже деспотизма, как деспотизм толпы, особенно величающей себя либеральною.

“Вот я собирался все навестить вас, да страшно был занят”, — сказал один господин другому, хорошему своему знакомому. “Э, полноте, — отвечал этот: — довольно и того между приятелями, если они не подкапываются друг под друга”.

10 ноября 1876 года, среда

Содействуя злодействам турок, Англия ставит себя у позорного столба истории.

24 ноября 1876 года, среда

Пока жив, будь мужем!

26 ноября 1876 года, пятница

Произошло нечто подобное избиению младенцев: разом запрещены или приостановлены четыре газеты: “Новое время”, “Русский мир”, “Биржевые ведомости” и “Биржевая газета”. За что? Говорят, что-то болтали о водке и финансах наших. Это не последний, однако, промах администрации — давать знать Европе, что у нас действительно что-то неладное делается внутри.

Природа и жизнь не иное что, как неустающая, бесконечная игра сил, ни значения, ни цели которой мы не знаем. Разум вносит в эту игру нечто похожее на цель и порядок, по крайней мере в том, что касается человечества. Кое-что делает в этом отношении и так называемая цивилизация. Но это кое-что подвергается беспрерывным колебаниям и извращению. И вот так-то человечество живет, и иначе оно и жить не может. А игра продолжается и будет продолжаться бесконечно.

30 ноября 1876 года, вторник

Императорский титул считается выше королевского, следовательно, английская королева, принявшая титул “индийской императрицы, тем самым объявила себя мусульманской государыней и поставила Англию, как королевство, ниже новой империи. Великая честь для Англии!

1 декабря 1876 года, среда

Крепче и крепче держись за дух!

Я серьезно начинаю думать, что лучше умереть, чем жить так, как я живу вот уже год.

2 декабря 1876 года, четверг

Часто я борюсь с воспоминаниями о моем прошедшем. Сколько ошибок! Сколько нелепостей и заблуждений! Какие я сам своею глупостью воздвигал помехи и внешнему своему благосостоянию и духовному усовершенствованию. Эти воспоминания часто грызут меня, как какие-то злые насекомые, вылезающие из своих темных логовищ. И вот здесь-то нужно мужество, чтобы не поддаваться бесплодному горю. Это неисправимо в прошедшем, но надобно, чтобы его не было в настоящем и будущем. Великое малодушие предаваться сетованию о том, чего исправить нельзя. Раскаяние ведет к смирению, но смирение не есть малодушие. Терпение в настоящем, а в будущем решимость на все, даже на гибель.

Я теперь ничто для общественной деятельности и, должно быть, погружен исключительно в себя самого и для себя — пока и для себя и для других буду уже полное и совершенное ничто.

3 декабря 1876 года, пятница

Еще один банк опрокинулся — банк Баймакова, издателя “С.-Петербургских ведомостей”. Потерпевших, говорят, тысяч до трех неповинных людей — нет, виноватых в том, что они доверились кредиту, не существующему в России. В Москве, говорят, страшное число банкротств. Благо есть на что ссылаться — на войну.

Невольно вспомнишь стихи покойного графа Толстого:

Зашаталася, голубушка моя,

Заворовалася, запилася.

6 декабря 1876 года, понедельник

Произошла какая-то свалка у Казанского собора. Какие-то неизвестные революционеры задумали произвести демонстрацию. Разумеется, полиция их

остановила, и, говорят, публика была заодно с ней. Что это такое — неизвестно. Только ходят по городу одни слухи, в которых, разумеется, никакого толку нельзя добиться. Остается ждать разъяснения.

11 декабря 1876 года, суббота

С 15 ноября морозы от 10R до 15R, а пять или шесть дней тому назад постоянно доходили до 24 и 25. На Неве, говорят, до 30 и даже выше.

В газетах, сперва в “Правительственном вестнике”, а потом в “Голосе”, о происшествии на площади у Казанского собора. Началось в церкви во время богослужения разными непристойностями; потом на площади у собора раздавались слова: “И мы проведем день 6 декабря в воспоминании о несчастных каторжных (политических)”, затем знамя с надписью “Воля и земля” и речь — впрочем, не конченная — в таком же вкусе одного из коноводов. Предполагалось идти к Зимнему дворцу и чего-то требовать. Полиция начала арестовывать виновников. Народ помогал полиции. Успели забрать более 30 человек, между которыми 11 женщин. Народу было множество. Словом, это была какая-то безумная попытка революционного свойства. Все это в высшей степени бессмысленно, конечно, а теперь особенно, и вредно перед готовностью нашею к войне.

23 декабря 1876 года, четверг

О русская земля! Трудную и плачевную эпоху переживает Россия! Неужто придется смириться перед Англией?

А какая неурядица внутри! Европа все это знает, и как она нас ненавидит, то естественно и радуется, думая, что войны мы поднять на свои плечи не в состоянии, — а мир и позор для нас синонимы.

О Михайловском-Данилевском, историке 1812 года, говорится, что он, конечно, неизмеримо уступает как баснописец Крылову, но превосходит его вымыслами.

Князь Чернышев был тогда министром военным, и этот историк представил его чуть не первым полководцем Европы и спасителем России.

Что человек? Отчасти животное, отчасти жертва.

27 декабря 1876 года, понедельник

Несколько дней занимался составлением обычного отчета по II отделению Академии наук за сей год, диктуя. Сегодня отправил совсем готовый к Гроту.

Вчера известил на повестке, что не могу быть на сегодняшнем молебне по болезни.

Мы до сих пор составляем какую-то странную посредственность. Мы держава не слабая, но и не сильная. Мы грозим, и постоянно уступаем. Мы играем в образованность и цивилизацию и прогрессируем во всем, что касается

благоустройства и улучшения быта общественного и нравов.

Говорят, что наш народ одарен хорошими умственными способностями и добродушием, и в то же время, однако, он и образом жизни и нравами недалеко отходит от дикарей. Мы наделали у себя и свободу, и суды, а между тем улепетываем от них при всяком удобном случае. Черт знает что такое. Мы не европейская и не азиатская держава: у нас пороки европейцев и азиатцев, а своих добродетелей мы выработать не успели. Одним словом, повторяю, что черт знает что такое!

Говорят, что многие молодые женщины, приставшие к выходке у Казанского собора — иные только из любопытства замешавшиеся между другими, — избиты толпою чуть не до полусмерти. В этом видят патриотическое настроение массы! На знамени было написано: “Земля и воля”. В толпе это растолковали, что вот бунтовщики хотят у народа отнять землю и волю, которые уже даны им царем.

Бодрость духа! Бодрость духа!

29 декабря 1876 года, среда

Сегодня торжество юбилея в Академии. До меня собственно ничего нет касающегося. Я дома сражаюсь с моим недугом.

Что значит умереть? Умереть значит перестать существовать и большею частью перестать терпеть зло, которым исполнено существование.

1877

1 января 1877 года, суббота

Болен, болен и все болен. То я укрепляюсь в мысли, что пусть будет что будет, но не надобно ни в каком случае терять бодрости и присутствия духа, хотя бы пришлось погибнуть; то я унываю и падаю духом. Так идет день за днем.

Как бы то ни было, а я каждый день начинаю воззванием к *бодрости духа*, хотя действие этого воззвания не всегда продолжается целый день.

8 января 1877 года, суббота

Война или мир? Вот вопрос, с которым все обращаются друг к другу, и никто ничего не понимает. Константинопольские деяния — совершенный хаос. Одно только очевидно, что Европа гниет в своих материальных миросозерцаниях и ей никакого дела нет до общечеловеческих вопросов. И другое также очевидно — что она ненавидит Россию и ей хочется втянуть ее в войну, для нее не желанную и тяжелую, и взвалить на плечи все пагубные последствия этой войны. Как мы поступим — покрыто непроницаемым мраком.

Европа знает, с кем имеет дело, и потому обращается с нами то с насмешливым снисхождением, то с прямым невниманием, видя в нас ребяческую заносчивость и детское легкомыслие. Самая скверная черта характера — слабосилие, соединенное с заносчивостью.

Мы смеемся над турецкой конституцией, а между тем это мастерское создание лукавого Альбиона, прямо направленное против России. И что вы скажете на это?

Запрещена новая газета “Собеседник”, которой вышло всего 7 номеров, — по доносу Н.В.Мезенцова, начальника Третьего отделения. Я прочел место, подавшее к этому повод, в 1-м номере. Конечно, в нем нет ничего ужасного в цензурном смысле: можно упрекнуть издателей только в неловкости и в несколько неприличном шутливом тоне некоторых подробностей. Статья заимствована из “Revue des Deux Mondes”. Редактору “Собеседника” велено подать в отставку.

Жаль мне его несказанно: это один из достойных людей и вовсе не либерал в том смысле, какой придают этому слову Мезенцов, ныне знаменитый, и ему подобные. Напротив, он очень консервативного образа мыслей.

В Турции конституция. Конечно, Турция немного смешна с этой конституцией. Однако же это может колоть кое-кому глаза.

Ты не умел по закону житейской мудрости создать своего благосостояния, так

не сетуй же ни на кого, кроме самого себя.

15 января 1877 года, суббота

Разве вы не понимаете, что общество не питает никакого доверия к власти, которая сама не понимает, кажется, ничего, кроме того, что она власть и что ей вечно хочется оставаться такою — у власти, которая сегодня учреждает одно, а завтра отменяет вчера данное.

Что было сперва мнением, то не должно превращаться в предрассудок.

16 января 1877 года, воскресенье

Успех часто зависит единственно от того, в какой мере мы угождаем современному веку, как бы он ни был нелеп, и требованиям известного круга людей.

Наши славянофилы более славяне, чем самые славяне. Славянам в Турции действительно до невыносимости дурно, и что, наконец, они восстали — это совершенно естественно. Но славянам австрийским живется недурно: ведь у них есть гражданская безопасность, и они, конечно, не выиграли бы ничего, перейдя под владычество другой державы, а потеряли бы много. Что касается до национального единства, то его у славян никогда не будет — у них вечная рознь. Если бы не мадьяры, то им ничего лучшего не нужно было бы у Габсбурга. Мадьяры — одна больная сторона у австрийских славян; с этим, конечно, надобно бороться, но не в смысле отторжения от Австрии.

27 января 1877 года, четверг

В 24-м номере газеты “Голос” обнародован юмористический циркуляр нашего канцлера о знаменитой Константинопольской конференции. Я называю его юмористическим, и в самом деле он заключает в себе скрытую, но ядовитую насмешку над европейскими кабинетами. Смысл циркуляра таков: “Ведь вы плуты — это всем известно. Сознайтесь же в этом”.

Между тем вот и визирь, провозгласивший в Турции конституцию, сменен султаном и сослан. Комедия, сущая комедия! Что-то скажет на это Джон Булль, сочинивший турецкую конституцию.

30 января 1877 года, воскресенье

Прекращена розничная продажа “Голоса” за статью Маркова в фельетоне о *недоверчивости к, земским училищам* да за статью в том же номере о судебных следователях.

2 февраля 1877 года, среда

Сегодня весь день так дурно я себя чувствовал, такое истощение сил, что мысль о смерти показалась мне утешительною.

3 февраля 1877 года, четверг

И что тут необыкновенного или страшного? Особенно, когда привыкнешь к этой мысли, — а привыкнуть к ней вовсе не так трудно, как кажется с первого раза.

Есть две вещи, с которыми трудно примириться человеку, — это всероссийская администрация и медицина.

На днях было у меня заседание об издании сочинений князя Петра Андреевича Вяземского. На нем присутствовали граф С.Д.Шереметев, Грот, Бычков и Барсуков.

Вся история основана на умышленном или неумышленном обмане людей, стремившихся возвыситься над другими, на недостоверных преданиях, на недоразумениях и на теориях педантов, или на так называемых научных приемах объяснений необъяснимого.

Может ли народ, одаренный блестящими и даже гениальными способностями и снабженный всеми дарами цивилизации, сделаться грабителем? Может без сомнения, чему доказательством служит народ английский.

Другой цивилизованный, в высшей степени даровитый народ может ли пасть до того, чтобы повиноваться битому солдату и шайке интриганов? Может — примером служат французы.

19 июня 1877 года, воскресенье

Скука, тоска, дождь и холод, холод и дождь, особенно последний. Лета в Петербурге нет. Медицина предполагала, что прогулки на даче помогут мне и хороший воздух; а вот я сижу в комнате безвыходно и страдаю, как страдал в городе. А все же в этом положении надобно опираться на внутреннюю свою силу и мужественно бороться со всякими злами.

Несколько дней, как наши перешли Дунай.

26 мая, в четверг, переезд на дачу в Павловск, в дом Громовой. День был прелестный, жаркий.

Весь июнь в холодах. Пять дней только было теплых. Со вчерашнего дня опять холод, хотя погода ясная, — и мне воспрещено выходить на воздух.

27 июня 1877 года, понедельник.

Борьба и мужество. *Интересы Англии* становятся комическим выражением в устах первого министра. Эти интересы вот, видите, делают зависимыми от Англии все народы.

19 июля 1877 года, вторник

Здоровье гнусное-прегнусное; лето гнусное-прегнусное; человечество гнусное-прегнусное, потому что попускает туркам резать и жечь людей, а Европа занимается дипломатией, Англия своими *интересами*. Трудно уберечься от глубокого презрения ко всему, что живет и мыслит. Но надобно по крайней мере беречься от страдания, насколько это возможно твердому и мужественному духу.

Ветер завывает как лютый зверь. Дождь, мрак.

20 июля 1877 года, среда

Победы за победами при вторжении в Турцию: это был медовый месяц для нас войны. Теперь — неудача в Малой Азии и проигранное сражение при Плевне, и затем какое-то мрачное молчание в армии, лишающее нас сведений о ней.

Александр Васильевич Никитенко скончался в Павловске на следующий день, 21 июля 1877 года.

Именной указатель

Вольф Маврикий Осипович (1826—1883), издатель и книгопродавец — II

Вольф Юлия — см. Татарчукова Юлия

Вольфсон Вильгельм (1820— 1865), немецкий драматург и журналист, издатель журнала “Russische Revue” — II

Воронов Андрей Степанович (1819—1875), педагог и журналист; занимал ряд видных постов в министерстве народного просвещения — II — III

Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), генерал-фельдмаршал — I

Воскресенский Александр Абрамович (1809—1880), профессор Петербургского университета — II - II - III

Востоков Александр Христофорович (1781—1864), филолог — I - II - III

Врончeнко Михаил Павлович (1801—1855), переводчик — I

Вронченко Федор Павлович (1780—1852), министр финансов (1844-1852) - I

Вульф — см. Коген Фердинанд

Вышнеградский Николай Алексеевич (1822—1872), профессор педагогии в Главном педагогическом институте — I

Вяземская Вера Федоровна (1790—1886), княгиня, жена П.А.Вяземского — II

Вяземский Павел Петрович (1820—1888) князь, попечитель Казанского учебного округа-, председатель комитета иностранной цензуры — II

Вяземский Петр Андреевич (1792—1876), князь, поэт и критик, товарищ министра народного просвещения и член Главного управления цензуры — I- II - III

Гагарин Павел Павлович (1789— 1872), князь, председатель Государственного совета — III

Гагемейстер Юлий Андреевич (1806—1878), историк, статс-секретарь — III

Гаевский Виктор Павлович (1826-1888), юрист - III

Галанин Иван Дмитриевич (1817—1873), старший помощник редактора “Журнала министерства народного просвещения” — III

Галахов Александр Дмитриевич (1807—1892), историк литературы, педагог — III

Галич Александр Иванович (1783—1848), философ, профессор Петербургского университета - III

Галл Роман Романович (1761— 1844), адмирал, архангельский военный губернатор — I

Гамалея, председатель Одесского коммерческого суда — I

Гамбетта Леон-Мишель (1838— 1882), французский политический деятель — III

Петербургского университета — II — III

Гримм Август-Теодор (1805— 1873),педагог; воспитатель детей Николая I, затем Александра II — III

Гринберг Изабелла Львовна (?— 1877), певица — II

Громека Степан Степанович (1823—1877), жандармский офицер — II

Гросс-Гейнрих, учитель — I

Грот Константин Карлович (1835—1897), чиновник министерства финансов; впоследствии — член Государственного совета — II — III

Грот Яков Карлович (1812—1893), филолог, историк литературы - I - II - III

Губаревы, братья — II

Губе Ромуальд Михайлович (1803-1890), сенатор - I

Губер Эдуард Иванович (1814— 1847), поэт и переводчик — I

Губернатис де Анжела (1840—?), итальянский поэт, историк литературы — III

Гулак Николай Иванович (1822— 1899), участник тайного Кирилло-мефодиевского общества в Киеве - I

Гурийская царевна, воспитанница Смольного института — I

Гурьев, помещик — II

Гусева Елена Ивановна (1787— 1858), актриса — I

Гюббенет фон Христиан Яковлевич (1822—1873), врач-терапевт; профессор Киевского университета — III

Гюго Виктор (1802-1885), французский поэт — I — II — III

Давыдов Иван Иванович (1794— 1863), профессор философии, затем литературы Московского университета — I — II

Дагмара, принцесса — см. Мария Федоровна

Даль Владимир Иванович (1800— 1871), лексикограф и фольклорист - I - II - III

Данауров, сенатор — I

Данаурова — I

Данилевский Григорий Петрович (1829—1890), чиновник — II

Даничич Джура (1825—1882), сербский лингвист и историк — II

Данненберг Петр Андреевич (1792—1872), генерал — II

Дантес Жорж-Шарль (1812— 1895), кавалергард, убивший на дуэли Пушкина — I

Дантон Жорж-Жак (1759-1794), деятель французской буржуазной революции —

Дидло-Коллине Мария-Роза (1784-1843), балерина — I

Дизраэли Бенжамен (1804—1881), английский премьер-министр — III

Дмитриев Михаил Александрович (1796-1866), поэт - I

Дмитриев Федор Михайлович (1829—1894), историк русского права; профессор Московского университета — III

Добраков Александр Васильевич (1841—1908), педагог-историк — II

Добре Габриэль-Огюст (1814— 1896), французский геолог, горный инженер и минералог— III

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), литературный критик — I — II — III

Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), в 1853—1856 гг. военный министр; в 1856—1866 гг. начальник III отделения — II - III

Долгоруков Николай Андреевич (1792—1847), харьковский генерал-губернатор и попечитель Харьковского учебного округа — I

Домейко Александр Фадеевич, виленский предводитель дворянства — II

Доминик, петербургский ресторатор — II

Домонтович Иван Иванович (1815—1895),чиновник канцелярии синода — II

Дондуков-Корсаков Михаил Александрович(1792—1869), попечитель Петербургского учебного округа и председатель Петербургского цензурного комитета - I

Доницетти Гаэтано (1798—1848), итальянский композитор — II

Донон, содержатель ресторана в Петербурге - III

Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864), писатель, переводчик — II

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), писатель — II

Драшусов Александр Николаевич (1816—1890), профессор астрономии Московского университета - I - II

Дрейшок Александр (1818—1869), пианист — I

Дробиш Мориц-Вильгельм (1802—1896), немецкий философ - II

Дрозбах, философ — II

Дружинин Александр Васильевич (1824-1864), литературный критик, беллетрист и переводчик - I - II

Дружинин Григорий Васильевич (1821—1889), брат предыдущего - II

Дружинина Марья Павловна (?— 1872), мать А.В.Дружинина — II

Дружинина Ольга Петровна (1831-1902), жена Г. В.Дружинина — II

Дубельт Леонтий Васильевич (1793—1862), управляющий III отделением (1839

Енохин Иван Васильевич (1791— 1863), придворный врач-хирург - II - III

Ермаков Алексей Васильевич, муромский городской голова — II

Ермолаев Александр Иванович (1780—1828), художник, библиотекарь Публичной библиотеки в Петербурге — I

Ермолов Алексей Петрович (1772-1861), генерал - II

Ермолов Дмитрий Николаевич (1805—1872), генерал-майор-II

Ефремов Петр Александрович (1830—1907), библиограф и историк литературы — III

Ешевский Степан Васильевич (1829—1865), историк, профессор Казанского и Московского университетов — II

Жандр Николай Павлович (1818— 1895), писатель - II

Жданов Семен Романович (1803— 1865), сенатор - II

Желтухин Алексей Дмитриевич (1820—1865), издатель “Журнала домовладельцев” — II

Желтухин Петр Федорович (1777—1829), генерал-лейтенант — I

Жеребцов Николай Орестович (1807—1868), публицист, виленский губернатор — II

Жерюзе Эжен (1799-1865), историк литературы и философ, профессор Сорбоннского университета — I

Жилинский, католический митрополит — II

Жихарев Степан Петрович (1788— 1860), театральный деятель и мемуарист; председатель Театрального комитета — II

Жохов Александр Федорович (1840—1872), публицист —III

Жуковская Елизавета Алексеевна (1821-1856), жена В.А.Жуковского — II

Жуковский Василий Андреевич (1783-1852), поэт - I - III

Жуковский Павел Васильевич, сын В.А.Жуковского — III

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфентьевич (1807—1881), публицист — III

Завадовская Елизавета Павловна (1763—1831), графиня — I

Завадский-Краснопольский Степан Павлович (1803—1869), врач -II

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), романист, драматург — I

Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), московский генерал-губернатор — I — II

Замятнин Дмитрий Николаевич (1805—1881), в 1858-1861 гг. товарищ

министра юстиции; в 1862—1867 гг. — министр — II - III

Зарудный Сергей Иванович (1821—1887), статс-секретарь, сенатор - II - III

Звегинцев Михаил Ефимович (1810-1873), чиновник - I — II - III

Здекауер Николай Федорович (1815—1897), врач, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге — II — III

Зедделер Логин Иванович (1791— 1852), генерал-лейтенант, начальник аудиторской школы — I

Зеланд фон Анна Львовна (1803— 1853), вдова полковника; во втором браке Обрескова — I

Зеленый Александр Алексеевич (1818—1880), генерал-адъютант; в 1856—1862 гг. товарищ министра государственных имуществ; в 1862—1872 гг. министр - II - III

Зенкович Гавриил Фомич (?— 1892), чиновник, товарищ Никитенко по университету — II

Зиновьев Николай Васильевич (1801—1882), генерал-адъютант, воспитатель сыновей Александра II - III

Зиновьева Екатерина Васильевна (1813—1881), ученица Никитенко — I

Зотов Владимир Рафаилович (1821—1896), беллетрист, журналист, историк литературы — I - II

Зябловский Евдоким Филиппович (1763—1846), профессор статистики Петербургского университета — I

Иакинф — см. Бичурин Н.

Иванов Александр Андреевич (1806-1858), художник — II

Иванов Ардальон Васильевич (1805—1877), преподаватель русского языка в Горном корпусе и училище правоведения - I

Иванов, чиновник — III

Ивановский Игнатий Иакинфович (1807—1886), профессор международного права в Петербургском университете, цензор - I - III

Ивашковский Семен, профессор - I

Ивсльев — см. Великопольский И.Е.

Игнатий (?—1850), епископ олонецкий, затем архиепископ донской, воронежский — I

Игнатьев Павел Николаевич (1797-1879), граф, генерал-адъютант; петербургский генерал-губернатор (1857—1861) — II

Ильенков Павел Антонович (1819—1877), химик-технолог; профессор Петербургского университета — II

чиновник министерства финансов — II- III

Княжевич Владислав Максимович (1798—1873), литератор, чиновник Департамента государственного казначейства —II - III

Княжевич Дмитрий Максимович (1788—1842), литератор, попечитель Одесского учебного округа - I

Княжнина — I

Кобержский Ф. Ф., начальник почтового сообщения Варшава-Петербург - II

Ковалевский Евграф Петрович (1790—1867), попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета; министр народного просвещения (1858-1861) - II -III

Ковалевский Егор Петрович (1811—1868), горный инженер; путешественник, писатель — II - III

Ковалевский, директор архангельской гимназии — I

Коген Фердинанд, берлинский студент — III

Козлов Николай Илларионович (1814—1889), врач, профессор Киевского университета — III

Кокорев Василий Александрович (1817-1889), откупщик — II - III

Кологривов Николай Николаевич, знакомый Никитенко — II

Кольцов Алексей Васильевич (1809-1842), поэт - I

Колюбакин Николай Петрович (1812-1868), публицист — III

Комаровский Егор Евграфович (1803—1875), чиновник министерства народного просвещения — I

Комиссаржевский Федор Петрович (1838-1905), певец - III

Комиссаров Осип Иванович (1838— 1892), мастеровой — III

Комовский Василий Дмитриевич (1803—1851), историк и переводчик; директор канцелярии министра народного просвещения (1838-1850) - I

Кондильяк Этьен-Боннет (1715— 1780), французский философ — III

Констан Бенжамен (1767—1830), французский писатель — I

Константин Николаевич (1827— 1892), великий князь — I —II - III

Константин Павлович (1779— 1831), великий князь — I

Копасов, учитель петрозаводской гимназии — I

Кораблинов Яков Минич (1798— после 1837), преподаватель воронежской духовной семинарии - I

Корибутова Александра Алексеевна, ученица Никитенко по Смольному институту — I

Корнилов Владимир Алексеевич (1806—1854), вице-адмирал — III

Корнилов Иван Петрович (1811— 1901), историк и археолог, попечитель Виленского учебного округа - III

Корсаков Петр Александрович (1790—1844), писатель и переводчик, цензор Петербургского цензурного комитета — I

Корсини Мария Антоновна (1815—1859), писательница — I-II

Корф Модест Андреевич (1800— 1876), граф, историк, директор Публичной библиотеки, с 1864 г. председатель департамента законов Государственного совета - I II - III

Корф Николай Иванович (1793— 1869), начальник департамента военных поселений (1842— 1852); инспектор артиллерии (1852—1856); позднее помощник генерал-фельдцейхмейсте-ра - I

Корш Валентин Федорович (1828—1893), историк литературы, журналист, редактор “Санкт-Петербургских ведомостей” - II - III

Коссиковский Валентин Андреевич, брат В.А.Коссиковского — I

Коссиковский Всеволод Андреевич (1813—1855), адъютант Я.И.Ростовцева — I

Костин, петрозаводский купец — I

Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк, профессор Петербургского университета - I - II- III

Кохановская — см. Соханская

Коцебу Павел Евстафьевич (1801—1884), генерал-адъютант - III

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834), министр внутренних дел (1802—1812 и 1819-1825) - III

Кошелев Александр Иванович (1806-1883), публицист - II -III

Кошкуль Павел Петрович (1819— 1880), чиновник — III

Коялович Михаил Осипович (1828—1891), историк и публицист-II- III

Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист и литератор, издатель — I —II - III

Крамская Софья Николаевна (1840—1919), жена И.Н.Крамского — III

Крамской Иван Николаевич (1837-1887), художник - II - III

Красинский Адам-Станислав (1810—?), католический епископ, профессор Римско-католической академии — II

Краснов Иван Иванович (1802— 1871), генерал-лейтенант — I

Красовский Александр Иванович (1780—1857), цензор Петербургского цензурного комитета, председатель Комитета иностранной цензуры — II

Норов Авраам Сергеевич (1795— 1869), писатель, товарищ министра народного просвещения (1850-1854), в 1854-1859 гг. -министр — I — II - III

Норов Василий Сергеевич (1793— 1853), подполковник — III

Норов Н. Н., товарищ министра финансов — I

Норова Варвара Егоровна (1814— 1860), жена А.С.Норова — III

Носович Иван Иванович (1788— 1877), белорусский лингвист-лексикограф — III

Ободовский Александр Григорьевич (1796—1852), педагог, инспектор классов Воспитательного дома, затем Екатерининского института — I

Ободовский Платон Григорьевич (1804—1864), педагог и писатель — I

Оболенский Дмитрий Александрович(1822—1881), князь, товарищ министра государственных имуществ — I — II — III

Оболенский Дмитрий Петрович, князь - I - II

Оболенский Евгений Петрович (1796—1865), князь, поручик — I

Оболенский Михаил Андреевич (1805—1873), историк, начальник Московского главного архива - I - III

Обресков Александр Михайлович (1793—1885), сенатор, дипломат - I

Обухов Борис Петрович (1819— 1885), товарищ министра внутренних дел — III

Овсянников Степан Тарасович, купец — III

Овсянников Филипп Васильевич (1827—1906), профессор Петербургского университета по кафедре сравнительной анатомии и физиологии — II — III

Огарев, нижегородский губернатор - III

Огарев Илья Иванович, архангельский гражданский губернатор - I

Огрызко Иосафат Петрович (1826—1890), издатель польской газеты в Петербурге “Slowo” — II

Одоевский Владимир Федорович (1803—1869), князь, писатель, директор Румянцевского музея - I - II - III

Озерский Никита Дмитриевич (1816— после 1873), директор фарфорового завода III

Ознобишина — I

Оксинештиерн Аксель (1583— 1654), граф, шведский государственный канцлер — III

Ольга Константиновна (1851—?), великая княжна, дочь великого князя Константина Николаевича — III

Поленов Андрей Алексеевич (1787—1870), инженер, генерал- лейтенант — I

Поленов Дмитрий Васильевич (1806—1878), дипломат и археолог - I - III

Полетика Василий Аполлоннович (1820—1888), горный инженер, журналист, основатель газет “Биржевые ведомости” и “Молва” - II

Полисадов Василий Петрович (1815—1878), священник; профессор богословия в Петербургском университете — II — III

Политковский Александр Гаврилович (1804—1853), чиновник, тайный советник — I

Полонский Яков Петрович (1820—1898), поэт, редактор журнала “Русское слово”, член совета Главного управления по делам печати — III

Полтавцева, знакомая Никитенко - I

Попандопуло, воспитанница Екатерининского института — I

Попов Александр Васильевич (1808—1865), профессор монгольского языка и монгольско-калмыцкой словесности в Казанском и Петербургском университетах — I — II

Попов Василий Михайлович (1771—1842), директор департамента народного просвещения, писатель — III

Попов Гавриил Степанович (1799—1874), чиновник, камергер, статс-секретарь — I

Попов Евгений Иванович (1813— 1875), русский священник в Лондоне — II

Попов Петр (?—1832), преподаватель Пажеского корпуса и 1-й Петербургской гимназии — I

Порошин Виктор Степанович (1811—1868), профессор политической экономии в Петербургском университете — I — III

Постельс Александр Филиппович (1801—1871), профессор Петербургского университета по кафедре минералогии и географии - I

Посьет Константин Николаевич (1819—1899), наставник великого князя Алексея Александровича, в 1874—1888 гг. министр путей сообщения — III

Потапов Александр Львович (1818—1886), генерал-адъютант, начальник III отделения (1871-1876) - II - III

Потехин Алексей Антипович (1829-1908), драматург и беллетрист - III

Похвиснев Михаил Николаевич (1811-1882), цензор Московского цензурного комитета, начальник Главного управления по делам печати — I — II - III

Поярков Савва Федосеевич, племянник В.С.Печсрина — III

Пржецлавский Осип Антонович (1799-1879), журналист; цензор - II- III

Прокопович Феофан (1681— 1736), поэт и драматург, новгородский архиепископ — I

Семашко Иосиф (1798—1868), литовский митрополит — III

Семевский Михаил Иванович (1837—1892), историк; редактор исторического журнала “Русская старина” — II — III

Семенов Василий Николаевич (1801—1862), цензор Петербургского цензурного комитета — I

Семенов Николай Петрович (1823—1904), обер-прокурор сената — III

Семенов Степан Михайлович (1789—1852), чиновник — I

Сенковский Осип Иванович (1800—1858), профессор Петербургского университета, редактор журнала “Библиотека для чтения” - I - II - III

Сенявин Лев Григорьевич (1805— 1861), товарищ министра иностранных дел — I

Сербинович Константин Степанович (1797—1874), чиновник, цензор - I

Серве Франсуа-Адриан (1807— 1866), бельгийский виолончелист — I

Сергиевский Николай Александрович (1827—1892), священник, профессор богословия в Московском университете — III

Серов Александр Николаевич (1820—1871), композитор и музыкальный критик — III

Сеченов Иван Михайлович (1829-1906), физиолог - III

Сиверс Евгений Егорович (1817— 1893), граф, директор Департамента иностранных вероисповеданий - II - III

Сидичелли, скрипач — II

Сидонский Федор Федорович (1805—1873), священник — I - II - III

Симонов Иван Михайлович (1785—1855), профессор астрономии в Казанском университете - I

Синельников Николай Петрович (1805—1894), генерал-губернатор Восточной Сибири, сенатор - III

Скарятин Владимир Дмитриевич, журналист, издатель газеты “Весть” - II — III

Скворцов Н., автор книги о Платоне - III

Скворцова, ученица Никитенко по Смольному институту — 1

Скобелев Иван Никитич (1778 1849), генерал, комендант Петропавловской крепости — I

Скрипицын Валерий Валерьевич (1799—1874), директор департамента иностранных исповеданий министерства внутренних дел - I - II

Слонецкая Александра Демьяновна, воспитанница Смольного института — I

Смарагдов Семен Николаевич (?—1871), педагог, автор учебников по всеобщей истории — I

Татищев Александр Александрович (1882—1859), генерал — II

Тереха, крестьянин — II

Тизенгаузен Екатерина Федоровна (?—1883), придворная дама -III

Тильман Карл Андреевич (1802— 1872), врач - II

Тимаев Матвей Максимович (1797—1858), помощник инспектора Екатерининского института, инспектор классов Смольного института — I — II

Тимашев Александр Егорович (1818—1893), начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением, министр внутренних дел (1868—1877) — II - III

Тимашев Николай Александрович (1849—1877), гвардейский офицер, сын предыдущего — III

Тимковская Юлия Павловна (1809—1876), жена Е.Ф.Тимковского — III

Тимковский Егор Федорович (1790—1875), дипломат и писатель - III

Тимофеев Алексей Васильевич (1812-1883), поэт - I - II - III

Тимофеев Константин Акимович (1827-1881), педагог - I

Титман, философ — II

Титов Владимир Павлович (1805—1891), дипломат, писатель и критик — III

Тихомандритский Александр Никитич (1800-1888), педагог, профессор Главного педагогического института — II

Тихонравов Николай Саввич (1832— 1893), профессор истории русской литературы в Московском университете — II — III

Ткачев Петр Никитич (1844— 1886), литературный критик и публицист — III

Толмачев Яков Васильевич (1779— 1873), профессор Петербургского университета — I

Толстая Софья Андреевна (?— 1895), графиня, жена А.К.Толстого — II

Толстой Александр Петрович (1801—1867), обер-прокурор синода — I — II

Толстой Алексей Константинович (1817—1875), поэт и драматург -III

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), обер-прокурор синода, министр народного просвещения (1866—1880) — II - III

Толстой Лев Николаевич (1828— 1910), писатель — II — III

Толстой Федор Петрович (1783— 1873), художник, скульптор и гравер, вице-президент Академии художеств — I

Толстой Феофил Матвеевич (1809—1881), музыкальный критик, композитор — III

Тотлебен Эдуард Иванович (1818— 1884), генерал - III

просвещения (1833—1849), президент Академии наук — I- III

Ульрици Герман (1806—1884), немецкий философ — II

Ульшевские, знакомые Никитенко - II

Урусов Александр Иванович (1843—1900), адвокат, литературный критик — III

Урусов Сергей Николаевич (1816—1883), князь, временно управлявший министерством юстиции — II — III

Услар — см. Богданова

Услоновские, знакомые Никитенко — II

Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), профессор русской истории Петербургского университета — I — II - III

Утин Борис Исаакович (1832— 1872), юрист, преподаватель сравнительной истории положительных законодательств в Петербургском университете — II - III

Утин Евгений Исаакович (1843— 1894), адвокат, публицист и литературный критик — II -III

Фадеев Александр Александрович (1810—1898), артиллерийский поручик, впоследствии генерал от артиллерии — I

Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883), генерал, военный историк и публицист — III

Фаминцын Андрей Сергеевич (1835—1918), профессор ботаники Петербургского университета—II

Фарина Сальваторе (1846—1907), итальянский писатель — III

Фассанов Иван Захарович (1824— 1884), врач - III

Федоренко Иван Иванович (1824—1888), профессор астрономии Харьковского университета - I

Федоров Борис Михайлович (1794-1875), писатель - I — II

Фейербах Людвиг (1804-1872), немецкий философ — II

Фелинский Феликс (1822—1895), архиепископ — II

Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898), сенатор, редактор журналов “Русская речь” и “Журнала министерства народного просвещения” — III

Ферзен Павел Карлович (1800—1884), придворный чиновник — III

Ферронский Федор Федорович, смотритель острогожского училища — I

Фет Афанасий Афанасьевич (1820-1892), поэт - I - II

Филарет (1782—1867), митрополит московский и коломенский - I

Филарет (1805—1866), архиепископ харьковский и ахтырский, потом

черниговский, церковный историк — I — III

Филиппов Тертий Иванович (1825—1899), чиновник государственного контроля — III

Филипсон Григорий Иванович (1809—1883), генерал, попечитель Петербургского учебного округа - II

Фиркс Федор Иванович (1812—1872), барон, публицист Под псевдонимом Шедо-Ферроти — II

Фихте Иммануил-Герман (1797—1879), немецкий философ — II

Фишер Адам Андреевич (1799—1861), профессор философии в Петербургском университете и Главном педагогическом институте - I

Фишер Егор Федорович, содержатель “привилегированной” типографии в Петербурге — I

Фишер Константин Иванович (1805-1868), сенатор — III

Фишер Куно (1824—1907), немецкий философ — II — III

Фишер, содержатель гостиницы— II

Флетчер Джилз (?—1610), английский дипломат — I

Фогт Карл (1817—1895), немецкий философ — II

Фойгт Карл Карлович (1808— 1873), ректор Харьковского университета, затем чиновник министерства народного просвещения — II — III

Фок фон Максим Яковлевич (Магнус-Готфрид) (1777—1831), управляющий III отделением — I

Фома Кемпийский (1380—1471), средневековый богослов — III

Фонвизин Денис Иванович (1745-1792), драматург - III

Фотий (1792—1838), архимандрит - II

Франклин Бенджамен (1706— 1790), государственный деятель США - I

Франциск I (1494—1547), французский король — III

Франчески, знакомый Никитенко - II

Фребелиус Вильгельм Иванович (1812-1886), врач-окулист - III

Фрейганг Андрей Иванович (1805—?), цензор Петербургского цензурного комитета — I - II

Фрейганг, певица — I

Френкель, петербургский банкир - Ill

Фрерикс Фридрих-Теодор (1819— 1885), врач-терапевт, профессор по кафедре внутренних болезней и директор клиники в Берлине — II

Фридерикс Борис Андреевич (1797—1874), генерал, владелец дома, в котором

Яхонтов Александр Николаевич (1820—1890), поэт — III